

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия «Филология. Социальные коммуникации»

Том 24(63), №1, часть 1

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2011

Редакционный совет журнала**«Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского»:**

1. Багров Н. В. — д. г. н., проф., академик НАН Украины (главный редактор)
2. Шульгин В. Ф. — д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)
3. Дзедолик И. В. — д. ф.-м. н., доц. (отв. секретарь)

Члены Совета (редакторы серий)

1. Бержанский В. Н. — д. ф.-м. н., проф.	7. Подсолонко В. А. — д. э. н., проф.
2. Богданович Г. Ю. — д. филол. н., проф.	8. Темуриянц Н. А. — д. б. н., проф.
3. Вахрушев Б. А. — д. г. н., проф.	9. Ротань В. Г. — д. ю. н., проф.
4. Казарин В. П. — д. филол. н., проф.	10. Шоркин А. Д. — д. филос. н., проф.
5. Климчук С. В. — д. э. н., доц.	11. Юрченко С. В. — д. полит. н., проф.
6. Копачевский Н. Д. — д. ф.-м. н., проф.	

Редакционная коллегия серии «Филология. Социальные коммуникации»

Александров А. В. — д. филол. н., проф.	Новикова М. А. — д. филол. н., проф.
Богданович Г. Ю. — д. филол. н., проф.
(редактор раздела «Социальные коммуникации»
(bogdanovich@crimea.edu))	Орехова Л. А. — д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. — д. филол. н., проф.	Петренко А. Д. — д. филол. н., проф.
Гуменюк В. И. — д. филол. н., проф.	Прайд Ю. Ф. — д. филол. н., проф.
Егорова Л. Г. — к. филол. н., доц. (отв. секретарь)	Ризун В. В. — д. филол. н., проф.
Ищенко Н. А. — д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. — к. филол. н., доц.
Казарин В. П. — д. филол. н., проф.,
(редактор раздела «Филология»), (crch@mail.ru)	Сидоренко Н. Н. — д. филол. н., проф.
Меметов А. М. — д. филол. н., проф.	Яблоновская Н. В. — д. н. по социальным
коммуникациям, проф.
	Ященко Т. А. — д. филол. н., проф.
(редактор выпуска)

**Печатается по решению Ученого совета Таврического национального университета
им. В. И. Вернадского (протокол №12 от 22.12.2010 г.)**

Подписано в печать 12.01.2011 г. Формат 70x100^{1/16},
23,5 усл.п. л. 26,3 уч.-изд. л. Тираж 500. Заказ №37.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.
Пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського».

Науковий журнал. Том 24(63), №1, частина І. Філологія. Соціальні комунікації.
Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2011.

Журнал засновано у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007.

Надруковано у інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 3 – 11

Раздел 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЕГО ОПИСАНИЯ В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

УДК 37.015

КОМПЕТЕНТНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Г. Ю. Богданович, М. Н. Бурлай

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье рассматривается содержание компетентностно ориентированного подхода в образовательной системе школы и вуза на основе информационных технологий и коммуникативных возможностей.

Ключевые слова: информационные технологии, компетентностно ориентированный подход, коммуникативная компетенция.

Одним из важных направлений дальнейшего реформирования системы образования является создание оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей [5, с. 102] всех участников образовательного процесса, основанного на компетентностном подходе к результатам обучения.

От универсальных знаний, умений и навыков, которые приобретают при обучении выпускники школ и вузов, зависит возможность решения многих вопросов и проблем в ситуациях, которые невозможно заранее спрогнозировать. Достигнуть этих результатов можно только при формировании опыта самостоятельной деятельности, личной ответственности, коммуникативной, информационно-компьютерной и профессиональной компетенции на основе современного качественного образования.

В рамках информационной учебной среды образовательные учреждения стремятся сделать современные формы электронного обучения неотъемлемой составляющей традиционного образования. При этом все больше внимания уделяется применению телекоммуникационных технологий, позволяющих сделать образование открытым за счет развития дистанционных методов обучения. Все это дает возможность вывести образование на новый уровень, обеспечивающий свободный доступ к учебным ресурсам. Внешкольное и вневузовское обучение становится важным звеном учебного процесса.

Компетентностный подход, который набирает силу в современной школе, является отражением этой потребности общества в подготовке людей не только знающих, но и умеющих применить свои знания. Компетенции рассматриваются как осознанная человеком способность (возможность) реализации знаний и умений для эффективной деятельности в конкретной ситуации.

Анализ литературы. В научных трудах Н. В. Бибик, В. А. Болотова, В. В. Серикова, А. В. Хуторского, А. Я. Савченко, И. Ф. Гудзик и других исследователей достаточно глубоко рассмотрена компетентностная модель образования: анализируются термины и понятия, основные подходы и характеристики обучения, осуществляемого на компетентностной основе.

Постановка проблемы. Основные ключевые компетенции, которые были выделены на симпозиуме «Ключевые компетенции для Европы» в 1996 году в г. Берне, ознаменовали общемировую тенденцию обновления результирующих единиц образовательного процесса. Это общеизвестные в настоящее время политические и социальные компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе, компетенции, относящиеся к владению общением более чем на одном языке, информационно-коммуникативные компетенции, способность учиться на протяжении всей жизни. Ключевые компетенции являются «ключом», основанием для других, более конкретных и предметно-ориентированных. Они носят надпредметный, надпрофессиональный характер и необходимы в любой области деятельности. Ключевые компетенции представляют собой различные универсальные ментальные средства, инструменты (способы, методы, приемы), позволяющие достигать человеком значимых для него целей (результатов) в неопределенных, проблемных ситуациях самостоятельно или в сотрудничестве с другими. Ключевые компетенции востребованы в различных видах человеческой деятельности, именно они свидетельствуют о качестве образования, о том, насколько оно приближается к проблемам повседневной жизни, определяет успешность их решения.

Актуальность исследования. Ключевые компетенции востребованы в различных видах человеческой деятельности, именно они свидетельствуют о качестве образования, о том, насколько оно приближается к проблемам повседневной жизни, определяет успешность их решения.

Компетентностный подход требует поэтапного внедрения. На первом этапе внедрения можно, например, формировать такие элементарные общеучебные компетенции школьников, как:

- извлечение основного содержания из прочитанного или услышанного;
- точная формулировка мыслей, построение оригинальных высказываний по заданному вопросу или теме;
- исследование различных вариантов решения задач, выбор наилучшего, принимая во внимание различные критерии;
- сотрудничество с другими (учениками и учителем) при выполнении общего задания;
- планирование действий и времени;
- оценка результатов своей деятельности и т. д.

Очевидно, что перечисленные умения школьников должны формироваться не как отдельно взятые, а в целостной системе навыковых блоков, называемых компетенциями.

Существенная роль в этом отводится информационно-коммуникативной компетенции, теоретические, практические и методические аспекты и принципы которой рассматривались в разное время известными педагогами, учеными и исследователями [1; 3, с. 6 – 13].

Понятия *информационная* и *коммуникативная* компетентность — это, прежде всего, важное средство, предполагающее определенную мотивацию к усвоению необходимых знаний для достижения результата в процессе обучения [2, с. 42; 4, с. 16]. Л. А. Петровская лаконично и точно определяет компетентность как «совокупность навыков и умений, необходимых для эффективного общения» [11, с. 132]. В трудах М. Ю. Бухаркиной, В. Г. Захаровой, М. В. Моисеевой, А. Е. Петрова, Дж. Равена, Е. С. Полата отмечается, что информационно-компьютерная компетентность формируется не только во время овладения навыками работы на компьютере, но и в дальнейшем при его использовании в качестве средства обучения и повышения профессионального уровня человека [6, с. 82; 10, с. 56]. Г. К. Селевко, связывая информационную компетентность человека с умением владения информационными технологиями, подчеркивает, что информационная компетентность часто напрямую зависит от способности обучаемого использовать все виды информации [13, с. 148].

В научных исследованиях многих авторов [3, 6, 7, 9] отмечается, что информационные, компьютерные, сетевые и мультимедийные средства оказывают существенное воздействие на современные образовательные технологии, применение которых существенно преобразует учебный процесс и положительно сказывается на качестве обучения [8, 10]. Вместе с тем, вопросы практической реализации информационно-компьютерно-коммуникативных компетенций в процессе обучения рассмотрены в недостаточной степени или требуют уточнения, обоснования и систематизации.

Важным достижением научно-технического прогресса и внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий является организация международной компьютерно-телекоммуникационной сети Интернет, положившей начало выработке новых стереотипов информационного взаимодействия между людьми. Именно Интернет закладывает передовую техническую основу не только для концентрации знаний созданных и накопленных человечеством, но и для превращения этих знаний в единое коллективное средство информационно-образовательной системы, которым может воспользоваться любой человек.

При этом важной считаем программу создания цифровой образовательной среды школы и реализации идей открытого образования для формирования коммуникативной компетентности всех участников образовательного процесса путем широкого использования образовательных информационно-коммуникационных технологий.

Фундаментальной составляющей, которая легла в основу этой программы, является Интернет. Для нового витка информатизации образовательного процесса на

базе Интернет-технологий потребовалось изменение технических условий — прокладка оптических каналов связи и установка телекоммуникационного оборудования, переоснащение школы современной компьютерной и мультимедийной техникой и т. д.

Получив возможность использования современных информационно-компьютерных и мультимедийно-аудиовизуальных средств, учителя определили перспективные целевые ориентиры, побуждающие их к педагогическому осмыслению новых задач на основе инновационных образовательных методик. Однако, осознав все преимущества современных технологий и увидев перспективы воплощения своих идей в новых учебных курсах, они столкнулись с отсутствием навыков работы с компьютерной техникой, нехваткой знаний их использования, недостаточным владением информационными образовательными ресурсами и т. д.

Для повышения квалификации и компетентности учителей-предметников проводились занятия, групповые и индивидуальные консультации, предусматривающие обучение навыкам работы с современными компьютерными средствами, интерактивными досками, мультимедийными устройствами. На специализированных практических семинарах и лабораторных работах рассматривались методы создания электронных учебников, проведения открытых видеотрансляций, создания и наполнения компьютерных тестов, использования информационных, образовательных и мультимедийных ресурсов, способы разработки персональных страниц и сайтов и т. д.

В процессе занятий и семинаров у учителей-предметников на основе приобретенной информационно-компьютерной грамотности стали формироваться информационно-компьютерные компетентности, которые позволили в дальнейшем эффективно использовать полученные знания в педагогической деятельности. Учителя с интересом осуществляли поиск учебных электронных материалов и программного обеспечения в сети Интернет для подготовки презентаций и проведения занятий с использованием мультимедийного оборудования, обеспечивали подготовку календарного и поурочного планирования уроков, осуществляли взаимодействие с родителями и коллегами через коммуникативные средства: электронную почту, форумы, сайты, веб-камеры, вики, блоги и т. д.

Важно отметить, что более эффективные результаты в приобретении коммуникативной компетентности и опыта достигались за счет непосредственного участия учителя в мероприятиях при коммуникативном интерактивном взаимодействии в группе с другими учителями и учащимися.

Многие учителя достигли более высокого уровня профессиональной компетентности на основе использования информационно-компьютерных технологий, организуя занятия, встречи, конкурсы, диспуты, викторины, олимпиады с учащимися в рамках телекоммуникационных проектов, участвуя в различных региональных, украинских, международных конкурсах профессионального мастерства, а также обеспечивая дистанционные формы самостоятельного обучения школьников.

Использование современных телекоммуникационных форм проведения видеотрансляций с помощью электронных коммуникаций Skype, ooVoo, Policom,

Videoport позволило реализовать различные формы проведения мероприятий между учителями образовательных учреждений, а именно:

- международные, всеукраинские, республиканские и городские Интернет-конференции и семинары;
- прямые трансляции республиканских и городских семинаров директоров школ;
- совместные открытые виртуальные совещания педагогических советов и методических объединений школ города и республики;
- трансляции лекций ведущих учителей школ города и республики и др.

Повышение профессионального мастерства и коммуникативной компетентности учителей-предметников существенно сказалось также на повышении качества подготовки и проведения уроков. Появился значительный интерес у учащихся к урокам, на которых стали использоваться современные компьютерные, информационные и телекоммуникационные технологии. В результате школьники стали стремиться к развитию своей информационно-компьютерной грамотности для решения возникающих в учебной и повседневной деятельности задач, в дальнейшем усвоение этих знаний стало перерастать в уверенное овладение ими и проявление обобщенных технических, программных и познавательных навыков, что стало отражаться в целом на информационно-коммуникативной компетентности учеников.

Благодаря объединению компьютеров и созданию единого информационного пространства на основе компьютерных сетей Интранет и Интернет появилась реальная возможность организации открытой интегрированной системы распределенного накопления, хранения и распространения электронных информационных ресурсов.

Одним из стратегических направлений по созданию открытой учебной среды следует считать направленность на предоставление учебных материалов на домашние компьютеры школьников. Это, прежде всего, отработка дистанционных самостоятельных форм обучения.

Прошла адаптацию электронная учебно-методическая система, обеспечивающая создание в лице современной модульной объектно-ориентированной динамической учебной среды. Система ориентирована, прежде всего, на организацию взаимодействия между учителем и учеником с использованием современных телекоммуникационных и информационных технологий.

Внедрение данной системы позволит объединить все учебные материалы и создать единую систему учета, регистрации и мониторинга электронных образовательных ресурсов: электронные учебники, образовательные программы, видеofilмы, компакт-диски, методические разработки, тестирующие программы и конспекты лекций, задания и упражнения для самоподготовки, лабораторные и практические задания, графические рисунки и фотографии, электронные пособия, пакеты визуального сопровождения и т. д.

В системе школьного обучения необходимо сформировать у учащихся целостную, а не предметную картину мира. Этого можно достигнуть только благодаря получению углубленных знаний и проявлению компетентности учащихся междисциплинарного характера.

На сегодняшний день для обеспечения социальной мобильности обучаемых, особенно для детей с ограниченными физическими возможностями, необходимо, с одной стороны, модернизировать системы доступа к любой актуальной информации по всем областям знаний. С другой стороны, используя компьютерные и информационные технологии и современные методики, учитель должен обеспечить формирование практических навыков самоподготовки, выполнение логических заданий и тестов, всестороннее проведение анализа информации, стремление к самообучению и самостоятельной работе, поиску информации из разных источников, самооценке и т. д.

Коммуникативная компетентность таких школьников должна строиться на системе коллективных и индивидуальных форм обучения как процессе самосовершенствования и саморазвития. При этом постоянный самоанализ, самодиагностика и коррекция своих знаний в конечном итоге оказывают существенное влияние на формирование ключевых компетентностей школьника.

Для развития коммуникативной компетентности учащихся в общении со своими сверстниками, учителями, преподавателями вузов, учеными и специалистами стали уже традиционными самые различные формы проведения Интернет-мероприятий:

- открытые Интернет-лекции ведущих ученых и специалистов;
- виртуальные семинары между учащимися лицея и преподавателями вузов;
- Интернет-встречи учащихся школ с мэрами городов, руководителями городских и районных управлений образования, специалистами предприятий, научно-исследовательских институтов, центров, лабораторий и т. д.;
- Интернет-дискуссии и диспуты между учащимися школ;
- видео-мосты между школами города, республики, страны;
- виртуальные встречи руководителей вузов и деканов факультетов с выпускниками лицея;
- Интернет-уроки для учащихся лицея с преподавателями и учеными вузов;
- Интернет-консультации для детей с ограниченными физическими возможностями;
- применение многоканальной связи для Интернет-консультаций учителя и учащихся лицея;
- трансляции спутникового телевидения по компьютерной сети лицея;
- демонстрация учебных видеофильмов и компакт-дисков, видеозаписей выступлений ведущих учителей, информационно-образовательных программ и других видео материалов компьютерной сети лицея и т. д.

Для эффективного участия в образовательном процессе, контроле его качества и коммуникативной компетентности со стороны родителей создана открытая Интернет-среда, отражающая все стороны школьной жизни. Школьный сайт становится комплексным открытым инструментом управления знаниями. Открытая система школьных сайтов будет оказывать существенное влияние на весь процесс обучения человека, начиная с детского сада или школьной парты и заканчивая получением знаний в любом возрасте, в течение всей жизни.

Выводы. Внедрение современных образовательных информационных технологий оказывает существенное влияние на эффективность формирования коммуникативной компетентности всех участников образовательного процесса, что позволяет в конечном итоге добиться получения качественных изменений в образовательной деятельности и принятия оперативных, обоснованных управленческих и педагогических решений на всех этапах функционирования системы образования. Результаты данной работы уже сегодня широко используются во многих образовательных учреждениях г. Симферополя и Автономной Республики Крым.

Современные коммуникативные коммуникации (техническое, компьютерное, телекоммуникационное и мультимедийное переоснащение, доступ к информационным скоростным каналам связи и т. д.) оказывают существенное влияние на определение новых более эффективных методов формирования коммуникативной компетентности каждого участника образовательного процесса.

Для достижения коммуникативной компетенции учителя и ученика в условиях современного уровня информатизации образования можно выделить такие первоначальные этапы:

— формирование информационно-компьютерной грамотности за счет овладения элементарными, а затем основными навыками работы на компьютере;

— формирование базовой информационно-компьютерной компетентности на основе использования в педагогической практике учителя и в процессе обучения ученика информационных инструментов и ресурсов, а также мультимедийного и компьютерного оборудования;

— применение современных телекоммуникационных форм проведения видеотрансляций Интернет-мероприятий с помощью электронных коммуникаций Skype, ooVoo, Policom, Videoport и др.;

— организация занятий, встреч, конкурсов, диспутов, викторин, олимпиад с учащимися в рамках региональных, государственных и международных телекоммуникационных проектов;

— формирование электронных учебно-методических и информационно-организационных материалов, подготовка мультимедийных презентаций и программных средств, для проведения дистанционного самостоятельного обучения учащихся в рамках модульной объектно-ориентированной динамической учебной среды школы;

— использование различных форм взаимодействия с родителями, коллегами и сверстниками через коммуникативные и интерактивные телекоммуникационные средства: электронную почту, форумы, сайты, веб-камеры, вики, блоги и т. д.

Можно обозначить **перспективные направления дальнейшей работы:**

— создание системы, организация и проведение действенного мониторинга по анализу информационно-компьютерной и профессиональной компетентности всех участников образовательной системы учебного заведения; оказание методической, организационной и компьютерной поддержки в формировании компьютерной грамотности и компьютерной компетентности всем нуждающимся;

— определение критериев и изучение факторов, определяющих профессионально достаточный уровень коммуникативной компетентности участников образовательного процесса;

— изучение динамики формирования коммуникативной компетентности учителя, ученика, администрации школы, работника системы образования районного, городского, регионального, государственного уровня в процессе его профессиональной работы и обучения;

— продолжение экспериментальной работы по совершенствованию практических методов и форм, влияющих на формирование коммуникативной компетентности учителей и учащихся, прежде всего, исследовательские и проектные разработки, познавательные, развивающие и обучающие программы, групповые и индивидуальные курсы и т. д.;

— разработка методических материалов по формированию базового и развитию профессионального уровней информационно-компьютерной грамотности и информационно-компьютерной компетентности для всех участников системы образования.

Реализация этих направлений во многом будет способствовать разработке оптимальных управленческих решений по вопросам государственной образовательной политики.

Литература

1. Бех І. Д. Виховання особистості: [підручник] / І. Д. Бех. — К.: Либідь, 2008. — 848 с.
2. Беспалов П. В. Компьютерная компетентность в контексте личностно ориентированного обучения / П. В. Беспалов // Педагогика. — №4. — 2003. — С. 41 – 45.
3. Биков В. Ю. Моделі організаційних систем відкритої освіти / В. Ю. Биков. — К.: Атіка, 2008. — 684 с.
4. Заброцький М. М., Максименко С. Д. Комунікативна компетентність учителя: сутність і шляхи формування / М. М. Заброцький, С. Д. Максименко. — К. — Житомир: Волинь, 2000. — 32 с.
5. Закон України «Про основні засади розвитку інформаційного суспільства в Україні на 2007 — 2015 роки» №537-У від 09.01.2007 р. // Відомості Верховної Ради України. — 2007. — №12. — С. 102.
6. Захарова В. Г. Информационные технологии в образовании / И. Г. Захарова. — М.: Академия, 2003. — 192 с.
7. Енциклопедія освіти / [Акад. пед. наук України]; головн. ред. В. Г. Кремень. — К.: Юніком Інтер, 2008. — 1040 с.
8. Коммуникативная культура. От коммуникативной компетентности к социальной ответственности / [С. В. Титова и др; под ред. С. В. Титовой]. — СПб. : Питер, 2009. — 176 с.
9. Компетентнісний підхід у сучасній освіті: світовий досвід та українські перспективи / [О. В. Овчарук та ін.; за ред. О. В. Овчарук]. — К.: К. І. С., 2004. — 112 с.
10. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / [Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В., Петров А. Е.]. — М.: Академия, 2002. — 272 с.
11. Петровская Л. А. Компетентность в общении / Л. А. Петровская. — М.: МГУ, 1989. — 216 с.

12. Равен Дж. Компетентность в современном обществе / Д. Равен. — М.: Когито-Центр, 2002. — 396 с.
13. Селевко Г. К. Педагогические технологии на основе информационно-коммуникационных средств / Г. К. Селевко. — М.: НИИ школьных технологий, 2005. — 208 с.

Богдановіч Г. Ю., Бурлай М. М. Компетентнісно орієнтоване навчання: інформаційно-комунікативна складова.

У статті розглядається зміст компетентнісно орієнтованого підходу в освітній системі школи і вузу на основі інформаційних технологій і комунікативних можливостей.

Ключові слова: інформаційні технології, компетентнісно орієнтований підхід, комунікативна компетенція.

Bogdanovich G., Burlay M. Competently oriented teaching: the informative-communicative constituent.

This article describes the maintenance of competently oriented approach in the educational system of school and institute on the basis of information technologies and communicative possibilities.

Keywords: information technologies, competently oriented approach, communicative competence.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 12 – 16

УДК 378.147=111

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В УЧЕБНОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ

Д. В. Бубнова

*Севастопольский национальный университет
ядерной энергии и промышленности,
г. Севастополь*

Статья посвящена интенциональному аспекту обучения деловому общению на английском языке, который включает в себя цели, коммуникативные намерения, разговорные формулы для их выражения и цепочки коммуникативных намерений. Основываясь на принципе естественности, автор рассматривает особенности учебной коммуникативной ситуации и условия успешного протекания общения.

Ключевые слова: обучение деловому общению, коммуникативные намерения, учебная коммуникативная ситуация, успешность общения.

В настоящее время методическим стандартом во всем мире является коммуникативный подход к преподаванию иностранных языков. Однако декларирование приверженности к коммуникативному подходу не всегда соответствует фактическому положению дел, а коммуникативность подчас понимается примитивно. Между тем, тот факт, что студенты о чем-то разговаривают на иностранном языке у доски, отнюдь не всегда свидетельствует об осуществлении ими коммуникативного акта. При этом понятие коммуникативности при кажущейся очевидности остается до некоторой степени размытым, о чем свидетельствует, например, абсолютно разное понимание принципов коммуникативного подхода у классиков методики В. Л. Скалкина [1] и Е. И. Пассова [2]. Поэтому в данной статье мы остановимся на наиболее важном аспекте общения — интенциональном, то есть связанном с целями и намерениями коммуникантов. Если использовать метафору, то коммуникативный акт можно сравнить с восхождением на гору. Безусловно, важно, с кем осуществляет восхождение альпинист, какое у него снаряжение, какая стоит погода и т. д., но если нет вершины — цели восхождения — то все остальное просто теряет смысл.

Как известно, учебное общение осуществляется в учебной коммуникативной ситуации (КС), которая является единицей обучения общению. При естественном общении КС никем не создается и существует сама по себе как часть действительности. В учебных условиях, напротив, КС как предпосылка для общения должна создаваться преподавателем. Как раз из-за неумения создавать КС и терпят фиаско носители языка, которые пытаются его преподавать, не будучи профессионалами.

Самое главное в общении — его целенаправленность и функциональность. Не является исключением и фатическое общение (термин В. Л. Скалкина для обозначения

ния высказываний для поддержания беседы и заполнения пауз), ибо и ему присущи и цель, и функция. Тем более целенаправленно и функционально деловое общение.

Одним из принципов коммуникативного подхода к преподаванию иностранных языков является естественность, из чего следует, что общение должно осуществляться в условиях, максимально приближенных к тем, в которых функционирует язык. Таким образом, ситуации, которые создаются в ходе обучения преподавателем, должны максимально приближаться к естественным.

Свернутая словесная формулировка элементов учебной КС, достаточных для порождения коммуникативного акта, называется коммуникативным заданием, причем самым важным элементом КС является цель, осуществления которой каждый из коммуникантов должен добиться.

В естественной ситуации цели и намерения коммуникантов существуют в сфере сознания, а в учебной ситуации эти элементы ситуации формулируются словами. Поскольку слово является формой существования понятия, то, что существует в сознании, может быть адекватно выражено в словесной форме.

Чем более императивна цель, тем больше шансов, что коммуникативный акт состоится. Возможно, обучение иностранному языку в стране этого языка эффективна во многом как раз потому, что цели, выдвигаемые самой жизнью, максимально императивны. Поэтому желательно, чтобы цели в учебной КС имели лейтмотив «добейтесь!». Сравните две формулировки учебной КС:

А. Вы обсуждаете с иностранной делегацией культурную программу пребывания в Севастополе. Кратко информируйте гостей о достопримечательностях и выясните, что бы они хотели посмотреть.

Б. Члены иностранной делегации устали от работы и хотели бы никуда не ходить в воскресенье. Убедите их съездить в Херсонес.

Очевидно, что вторая ситуация имеет более императивную цель, и коммуниканту придется вместо заученных фраз о достопримечательностях постараться найти какие-то более эмоциональные, убедительные слова, чтобы добиться своей цели. Коммуникативность в данном случае окажется подлинной, а не псевдокоммуникативностью.

В процессе коммуникации и достижения поставленной цели ее участники осуществляют цепочку коммуникативных намерений (КН). КН — это такие элементы коммуникативного акта, как совет, благодарность, приветствие, согласие и т. д. Общеευропейские рекомендации по языковому образованию пользуются для обозначения этого понятия термином «микрофункции», которые понимаются как категории для функционального использования в определенной интеракции отдельных (обычно коротких) высказываний, как правило, по очереди [3, с. 126].

Речевое воплощение осуществленных КН является планом выражения в общении. Иными словами, каждое КН имеет набор способов своей реализации в языке. Чаще всего КН выражаются с помощью разговорных формул (РФ) или экспонентов речевых функций (по терминологии Общеевропейских рекомендаций по языковому образованию [3, с. 110]).

Общую классификацию РФ (выразителей КН) дают А. О. Иванов и Дж. Поуви, которые делят их на две категории: *этикетные выражения*, включающие формулы

обращения, представления, начала разговора и пр., и формулы *выражения эмоций и мнений*, включающие формулы для выражения мнения, одобрения, удивления и пр.[4]

Что касается состава КН, то единого мнения относительно него не существует. В результате сравнения КН, перечисленных в трех источниках, а именно 1) в Программе по английскому языку для университетов / институтов [5] — 63 КН, 2) в пособии Дж. Фрейтаса [6] — 59 КН, 3) в пособии А. О. Иванова и Дж. Поуви [4] — 46 КН, оказалось, что только 18 КН обозначены во всех трех источниках, 20 — в двух, 47 — в одном.

Хотя научного анализа употребительности КН и РФ до сих пор никем не делалось, все же список наиболее употребительных КН и РФ в многочисленных пособиях по деловому английскому языку достаточно единообразен. Наиболее употребительными и важными для делового общения являются следующие: обращение, представление, начало беседы, приветствие, вопросы о здоровье, прощание, привет, поздравление, пожелание, просьба, распоряжение, запрос информации, просьба разрешить, извинение, предложение что-то сделать вместе, совет, назначение встречи, приглашение, предложение помочь, предложение еды или питья, благодарность, комплименты, мнение, согласие, несогласие, одобрение, неодобрение, предпочтение, отсутствие предпочтения, удовлетворенность, неудовлетворенность, раздражение, разочарование, уверенность, неуверенность, удивление, сожаление, сочувствие.

В основу отбора этих КН легли следующие критерии: (1) их повторяемость в имеющихся пособиях по деловому общению на английском языке; (2) их релевантность для делового общения. На основе этого критерия были отобраны КН этикетного характера, но отсеяны КН для выражения некоторых эмоций, уместных только при неформальном общении; (3) наличие РФ для выражения этих КН.

Если рассматривать в качестве речевого продукта в коммуникативном акте одну реплику или даже диалогическое единство, то есть «реплика — ответная реплика», то выпускается из внимания более крупная единица общения — коммуникативный блок, который складывается из цепочек реализованных КН. При реализации одного КН цель, как правило, не может быть достигнута, для этого необходима реализация *цепочки* КН (макрофункций по терминологии Европейских Рекомендаций по языковому образованию) [3, с. 126]). Построение цепочек КН осуществляется на основе усвоенных интерактивных схем, то есть требует сформированной функциональной компетенции [там же].

Цепочка КН может быть более или менее удачным способом достижения цели. Помочь сформировать адекватную цепочку КН может знание этикета и опыт общения. Например, к достижению цели в приведенной выше ситуации Б может вести такая цепочка КН: выразить свое мнение о конференции — посочувствовать уставшим коллегам — осведомиться про их планы на следующий день — не согласиться с тем, что это лучший способ отдыха — восхититься природой Крыма и его богатой историей — выразить уверенность в том, что собеседники чудесно отдохнут на свежем воздухе и сделают красивые фотографии и т. п.

Наиболее жестким способом задать цепочки КН обоих коммуникантов при обучении общению являются *функциональные опоры* (термин введен

Е. И. Пассовым). Они являются названиями КН, расположенными в необходимой для высказывания последовательности [2, с. 213].

При минимальном управлении КН не задаются вообще, студенты сами определяют их на основе поставленной в коммуникативном задании цели. Однако такое возможно только при условии уже развитой функциональной компетенции. На практике с целью тренировки целесообразно указать два-три КН, например: «*Вы заказали по телефону два одноместных номера с ванной и подтвердили бронирование письмом. Администратор отеля не может найти ваше письмо и предлагает двойной номер с душем. Выскажите свое разочарование и добейтесь, чтобы вам предоставили то, что вы заказывали*».

Если продолжить метафору с восхождением на гору, то цепочка коммуникативных намерений — это путь, который альпинист должен пройти по дороге к вершине. Причем этот путь может быть только частично спланирован заранее (задан преподавателем или продуман студентом), поскольку на сто процентов предвидеть то, что скажет собеседник, невозможно.

Что касается условий, при которых общение протекает успешно, не существует единого мнения ни относительно их количества, ни относительно состава. Между тем, рассмотрение условий успешного осуществления общения — путь к определению того, чему студенты должны научиться для общения. Поэтому мы предлагаем разделить условия, необходимые для успешного протекания общения, на обязательные для общения и способствующие ему. За пределами этой классификации останутся условия очевидные, однако называемые некоторыми авторами, например, общий фонд информации (энциклопедические знания)

К обязательным условиям относятся: (1) желание обоих партнеров вступить в контакт; (2) владение лексикой, грамматикой и фонетикой языка общения (языковая компетенция); (3) умение реализовывать КН (владение РФ); (4) владение набором речеоорганизующих формул (коммуникативные стратегии).

Три последних условия Н. И. Гез называет сутью коммуникативной компетенции [7, с. 6].

Несколько меньшее значение имеют существенные, но не такие важные условия, как умение организовать текст, владение регистрами, знание реалий культуры.

Носители языка легко прощают иностранцам незрелость их умений или неполные знания. Недостаток перечисленных условий (кроме желания вступить в контакт) может быть преодолен с помощью компенсаторных стратегий.

Общению способствует некоторое различие в информации, которой владеют коммуниканты. Это явление (*information gap*) широко применяется в практике обучения языкам с использованием коммуникативного подхода.

Общение (кроме, может быть, кратковременных контактов в сфере сервиса) требует определенного уровня эмпатии. Человек — существо эмоциональное, и положительные эмоции в аудитории способствуют общению преподаватель — студент и студент — студент.

Удовлетворение других потребностей человека — потребности в интеллектуальной деятельности и потребности в игре — также стимулирует общение и должно использоваться в обучении общению на иностранном языке.

Способствующие общению условия естественным образом возникают при реальном общении и должны создаваться преподавателем специально, чтобы помочь общению в учебных условиях.

Дальнейшие исследования было бы целесообразно провести при сотрудничестве филологов (частотный анализ употребительности КН и РФ) и психологов (научный анализ поведения студентов при изменении условий общения).

Литература

1. Скалкин В. Л. Обучение диалогической речи. — К., 1989. — 158 с.
2. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. — 2-е изд. — М., 1991. — 223 с.
3. Загальноєвропейські Рекомендації з мовної освіти: вивчення, викладання, оцінювання. — К., 2003. — 273 с.
4. Иванов А. О., Пуюви Д. Английские разговорные формулы: Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранные языки». — М., 1989. — 128 с.
5. Програма з англійської мови для університетів / інститутів (п'ятирічний курс навчання): Проект / Колектив авт.: С. Ю. Ніколаєва, М. І. Соловей (керівники). — К., 2001. — 245 с.
6. Фрейтас Дж. Ф. Минимум для общения: Практическое пособие по разговорному англ. яз. (= Survival English. Practice in Everyday Communication). — М., 1982. — 135 с.
7. Гез Н. И. Предисловие к Ливингстоун К. Ролевые игры в обучении иностранным языкам = Livingstone C. Role Play in Language Learning / Предисл. и приложение Н. И. Гез. — М., 1988. — С. 5 – 11

Бубнова Д. В. Інтенціональний аспект у навчальному англомовному діловому спілкуванні.

Статтю присвячено інтенціональному аспекту навчання ділового спілкування англійською мовою, що охоплює мету, комунікативні наміри, розмовні формули для їх вираження, ланцюжки комунікативних намірів тощо. Базуючись на одному з головних принципів комунікативного підходу – принципі природності, автор розглядає особливості навчальної комунікативної ситуації і умови успішного перебігу спілкування.

Ключові слова: навчання ділового спілкування, комунікативні наміри, навчальна комунікативна ситуація, успішність спілкування.

Bubnova D. The Intentional Aspect of Teaching Business Interaction in English.

The paper deals with the intentional aspect of teaching business interaction in English, which includes the aim, communicative intentions, conversational formulas for their expression as well as chains of communicative intentions. Regarding the principle of naturalness as immanent to the communicative approach to teaching languages, the author considers the peculiarities of a training communicative situation and conditions of the interaction being a success.

Key words: teaching business interaction, communicative intentions, training communicative situation, successful interaction.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 17 – 23

УДК 811.161.1: 81'33

ТЕХНОЛОГИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ЭЛЕКТРОННЫХ КОРПУСОВ ТЕКСТОВ

С. С. Дикарева

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Рассматривается роль корпусной лингвистики в теории языка и в практических задачах иноязычного образования, инструментарий корпусных методов иллюстрируется на примере семантического профиля английской лексемы *brilliant* по данным Британского национального корпуса (<http://natcorp.ox.ac.uk>) и русской лексемы *бриллиант/брильянт* по данным Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

Ключевые слова: корпусная лингвистика, иноязычное образование, семантический профиль лексемы, Британский национальный корпус, Национальный корпус русского языка.

Что же такое сама языковая система? По-моему, это есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале и надо искать источник единства языка внутри данной общественной группы.

Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.

Цель статьи состоит в анализе методов корпусной лингвистики как новой идеологии теоретической лингвистики и инструментария прикладной лингвистики в задачах обучения языку в среде электронных корпусов текстов. **Актуальность** заключается в необходимости создания исследовательских методик и технологий иноязычного обучения на основе представительных корпусов текстов (corpus-based learning).

КОРПУСЫ КАК ИДЕОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТ

Отличительная черта корпусных методик — обращение исследователей к реальному употреблению языковых единиц, т. е. **к языковому материалу** в триаде Л. В. Щербы: языковая деятельность — языковая система — языковой материал. Языковая система (словарь и грамматика) «есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, которые возникают под влиянием этого языкового материала» [9: с. 27]. Важнейшим достижением корпусной лингвистики является раз-

работка методов представления языкового материала в формате лингвистических корпусов.

В учебном пособии В. П. Захарова «Корпусная лингвистика» под *лингвистическим, или языковым, корпусом текстов* понимается большой (не менее 100 млн. словоупотреблений) массив языковых данных, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач [5].

Необходимым компонентом функционирования корпуса является система управления текстовыми и лингвистическими данными, которую называют *корпусным менеджером* (или корпус-менеджером) (англ. corpus manager). Корпус-менеджер — это специализированная поисковая система, включающая программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления результатов пользователю в удобной форме. Например, результат поиска слова *brilliant* в Британском национальном корпусе (BNC) представлен в виде информационной справки *Results of your search (Результат Вашего поиска), Your query was brilliant (Запрос был brilliant), Here is a random selection of 50 solutions from the 3411 found (Ниже — случайна выборка 50 контекстов из 3411 найденных)* Далее приводится 50 контекстов употребления лексемы *brilliant* с указанием индекса источника).

Пример 1. Results of your search Your query was brilliant Here is a random selection of 50 solutions from the 3411 found.

A1A 813 It is the work of a novelist and Journalist, not an academic, and notwithstanding the sometimes excessive brightness of the prose and the shortwindedness of the articles it seems to me a *brilliant late embodiment* of the Anglo-American tradition of literary and social criticism.

A3V 45 In the late Forties, just as her career was sinking to its lowest ebb, and an English critic commented of her notorious egomania that ‘only bad films are good enough for her’, she returned in triumph with *one of her most brilliant performances*, as the ageing but feisty actress Margo Channing who, to her emotional and professional cost, learns All About Eve (directed by Joseph L. Mankiewicz, 1950).

A6L 1204 I’ve seen *quite brilliant people* in ICI who throw off sparkling ideas like an emery wheel, but only one in ten of their ideas is likely to be viable. <... >

Представители корпусной лингвистики видят целесообразность и смысл создания корпусов в следующем:

1) достаточно большой (репрезентативный) объем корпуса гарантирует типичность данных и обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений;

2) данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме, что создает возможность их всестороннего и объективного изучения;

3) однажды созданный и подготовленный массив данных может использоваться многократно, многими исследователями и в различных целях;

4) спрос на корпусные данные совпал с появлением соответствующих технических возможностей [5].

Первые корпусы текстов появились в 1960-е гг. В 1963 г. в Брауновском университете (США) впервые был создан большой корпус текстов на машинном носителе (Brown Corpus). Авторы корпуса — У. Фрэнсис (W. Francis) и Г. Кучера (H. Kucera) [8]. Корпус включал 500 прозаических печатных текстов (по 2000 слов в каждом) американского варианта английского языка. Тексты принадлежали пятнадцати наиболее массовым жанрам англоязычной печатной прозы США и были напечатаны в 1961 г. Корпус сопровождался большим количеством материалов его первичной статистической обработки — частотный и алфавитно-частотный словарь, разнообразные статистические распределения [8].

Появление Брауновского корпуса вызвало оживленные дискуссии. Прежде всего они коснулись принципов отбора текстов и состава потенциально решаемых на таком корпусе задач. Тем самым были определены перспективы развития корпусной лингвистики. В настоящее время корпусы созданы для многих языков мира. Ведется работа над созданием Национального корпуса русского языка (см. статью Рахилина Е. В. Корпус как творческий процесс [7])

«Корпусная лингвистика в узком смысле, — утверждает В. А. Плунгян, — это наука о том, как создавать корпуса и как ими пользоваться, но она претендует на гораздо большее, на роль **новой идеологии науки о языке**. Корпус позволяет понять, каков язык на самом деле, а не каким мы хотим, чтоб он был. Корпус произвел колоссальную революцию. Корпус вернул лингвистике ее настоящий, полноправный объект» (В. А. Плунгян. Лекция Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов. Прочитана 01 октября 2009 в цикле лекций на Полит. ру <http://www.polit.ru/lectures/2009/10/23/corpus.html> 01.11.2010).

В «корпусную эпоху» (В. А. Плунгян) лингвистические исследования и работы по составлению словарей и грамматик нового поколения ориентированы на использование сверхбольших корпусов текстов, таким образом, акцент перемещен с языка на тексты, на реальность, на живое пространство языка. Важная прикладная сфера корпусной лингвистики и педагогики — технологии иноязычного образования.

КОРПУСЫ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ

В методике преподавания иностранных языков и лингвистических дисциплин корпусное обучение становится новой эффективной образовательной технологией Web-дидактики в режиме диалога «преподаватель — студент-исследователь» [2].

Обзор зарубежной литературы по корпусной дидактике показывает постепенный отказ от традиционно объяснительного подхода в пользу **когнитивно-коммуникативных** практик, форм и методик, т. е. переход к **„обучению через исследование“** [12].

Метафора «учащийся-исследователь» (“learner-as-researcher”) введена в употребление в корпусной педагогике в 90-е гг. Благодаря непосредственному доступу к языковому материалу корпуса учащийся-исследователь может включиться в процесс освоения грамматики и семантики на любом этапе, тем самым повышается

его самостоятельность. Преподавателю отводится роль скорее координатора исследований, нежели эксперта, источника знаний [12].

Сильвия Бернандини (Silvia Bernandini) развивает предложенный подход разным сравнением «учащийся-путешественник» (learner-as-traveller). Основное внимание должно уделяться не начальным или конечным параметрам поиска, а критериям выбора, применяемым стратегиям, приобретенному опыту и промежуточным результатам [10].

Достаточно активно разрабатываются корпусные методики обучения русскому языку на базе Национального корпуса русского языка. (НКРЯ).

Для этой цели создан портал «Национальный корпус русского языка и образование» (<http://studiorum.ruscorgora.ru>), проводятся семинары для преподавателей и учителей московских вузов, курсы повышения квалификации для преподавателей региональных вузов, проведена международная конференция «Национальный корпус русского языка и современное гуманитарное образование» (2007).

В статье Добрушиной Н. Р. «Корпусная методика обучения русскому языку» [4] обсуждаются 3 направления использования НКРЯ:

- составление заданий и упражнений;
- организация самостоятельной исследовательской работы студентов и школьников;
- верификация данных учебников и словарей.

Смещение акцентов в обучении иностранному языку на основе верификации словарей и обращения к корпусам предусматривает выполнение учебных заданий в формате мини-исследований, в которых явно выражена активная креативная позиция учащихся [2], [3]. Корпус в этом случае рассматривается **как источник творческих идей.**

Приведу в качестве иллюстративного примера возможные лексикографические и корпусные траектории для мини-исследования русской леммы *бриллиант/брильянт*.

Траектории навигации. В качестве стартовой траектории можно предложить зайти на Справочно-информационный Интернет-портал по русскому языку ГРАМОТА. РУ, раздел Словари, [<http://www.gramora.ru/slovari>], поисковое слово «бриллиант». Обращение к этому ресурсу направлено на приобретение знаний об орфографических, акцентологических и грамматических признаках слова (см. Траектория 1).

Траектория 1.

Орфографический словарь

бриллиант, -а и брильянт, -а

Русское словесное ударение

бриллиант и брильянт

Далее можно обратиться к толкованию леммы *бриллиант/брильянт* в электронной версии Большого толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова [<http://www.gramora.ru/slovari/info/bts>] (см. Траектория 2).

Траектория 2.Большой толковый словарь**БРИЛЛИАНТ; БРИЛЬЯНТ**, -а; *мн.* бриллианты и брильянты, -ов; *м.* [франц. *brillant* — блестящий]**1.**

Драгоценный камень — огранённый и отшлифованный алмаз. *Б. в пять каратов. Серьги с бриллиантами. // обычно мн.*

Украшение с таким камнем. *Носить бриллианты. Весь в бриллиантах кто-л. (разг.). /*

О том, что своим блеском, игрой света напоминает этот камень; алмаз (1 зн.). *Бриллианты росы.*

2. Полигр.

Самый мелкий из типографских шрифтов. < Бриллиантик; брильянтик, -а; *м.* Уменьш.-ласк. *В ушах по бриллиантику.* Бриллиантовый; Брильянтовый (см.).

Для верификации значений слова, зафиксированных в БТС, полезно обращение НКРЯ. Статистические данные показывают более высокую частоту употребления варианта *бриллиант* (306) по сравнению с вариантом *брильянт* (28) (см. Траектории 3 и 4).

Траектория 3. БРИЛЛИАНТ

Результаты поиска в основном корпусе.

Объем всего корпуса: 48 978 документов, 14 711 345 предложений, 176 226 551 слово.

«бриллиант»

Найдено 157 документов, 306 вхождений.

Сати Спивакова. Не всё (2002).

Она— редчайший бриллиант, которому место в Алмазном фонде.

И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995 – 1999).

Вы— наш бриллиант, а мы— ваша оправа».

В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975 – 1977)

- К слову «бриллиант», например, не надо придавать слово «сверкающий».
- Важны были совсем не повесть, не все эти неряшливые, маловразумительные перечисления, а отдельные строки, которые в свалке мусора мог найти как бриллиант только гуляка праздный, гений...

Траектория 4. БРИЛЬЯНТ

Результаты поиска в основном корпусе

Объем всего корпуса: 48 978 документов, 14 711 345 предложений, 176 226 551 слово.

«брильянт»

Найдено 24 документа, 28 вхождений.

● **И. Грекова. На испытаниях (1967).** Он же честный, как брильянт, а люди этого не любят.

● **Л. Н. Андреев. Вор (1904).** Брильянт был фальшивый и сверкал старательно и голо, и все действительно заметили, но ничего не сказали, не улыбнулись и не стали дружелюбнее. ←...→

● **В. А. Соллогуб. Метель (1849).** «Как мог, — думал он, — такой чистый брильянт попасть в такую глушь, и кто она такая и откуда?»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Корпусные технологии в иноязычном образовании представляют собой новую когнитивно-коммуникативную парадигму обучения. Удобная поисковая система информации в корпусе, гибкость в формировании критериев запроса позволяют студентам выступать в роли исследователей, например, поиск и систематизация контекстов употребления лексем, изучение семантического профиля на лексем на основе статистических корпусных данных и конкордансов. В этом случае большое значение приобретает умение рационально пользоваться корпусом, корпусная грамотность. Задача преподавателя при проведении мини-исследований состоит в выборе полезных траекторий движения.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. Электронная публикация по авторской редакции 2009 [Электронный ресурс] <http://gramota.ru/slovari/info/bts>. Дата визита 15.11.10
2. Дикарева С. С. Корпусные технологии в методике преподавания лингвистических дисциплин // Теория и технология иноязычного образования. Материалы IV международной научно-методической конференции 29 – 30 сентября 2010 г. — Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2010. — С. 86 – 90.
3. Дикарева С. С. Web-пространство в концепции электронного обучения русскому языку и культуре: коммуникативная солидарность // Проблемы статуса и преподавания русского языка в свете взаимодействия языков и культур государств-участников СНГ и стран Балтии в XXI веке. Сборник материалов научно-практической конференции, Москва. 27 ноября – 1 декабря 2006. — С. 22 – 25.
4. Добрушина Н. Р. Корпусная методика обучения русскому языку // Национальный корпус русского языка. 2006 – 2008. Новые результаты и перспективы. — СПб., Нестор-История, 2009. — С. 338 – 351.
5. Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. — СПб., 2005. — 48 с.
6. Плунгян В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов [Электронный аудиоресурс] Публичные лекции на Полит. ру URL <http://www.polit.ru/lectures/2009/10/23/corpus.html> 01.11.2010.
7. Рахилина Е. В. Корпус как творческий процесс // Национальный корпус русского языка. 2006 – 2008. Новые результаты и перспективы. — СПб., Нестор-История, 2009. — С. 7 – 24.

8. Фрэнсис У. Н. Проблемы формирования и машинного представления большого корпуса текстов Пер. с англ. И. Г. Сабуровой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.; Прогресс. 1983. — С. 334 – 352.
9. Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974. — С. 24 – 39.
10. Bernardini, Silvia Corpora in the classroom. An overview and some reflections on future developments. In: Sinclair, John McN., ed. How to use corpora in language teaching. — Amsterdam [u. a.]: Benjamins, 2004. — VI , 307 S. — (Studies in corpus linguistics: 12).
11. British National Corpus: [Электронный ресурс]: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
12. Claire Kennedy and Tiziana Miceli Corpus-assisted creative writing: introducing intermediate Italian learners to a corpus as a reference resource // Language Learning & Technology. Volume 14, Number 1, February 2010. — pp. 28 – 44.

Дикарева С. С. Технології іншомовної освіти в епоху електронних корпусів текстів.

Розглядається роль корпусної лінгвістики в теорії мови і в практичних завданнях іншомовної освіти, інструментарій корпусних методів ілюструється на прикладі семантичного профілю англійської лексеми *brilliant* за даними Британського національного корпусу (<http://natcorp.ox.ac.uk>) і російської лексеми *бриллиант/брильянт* за даними Національного корпусу російської мови (<http://ruscorpora.ru>).

Ключові слова: корпусна лінгвістика, іншомовна освіта, семантичний профіль лексеми, Британський національний корпус, Національний корпус російської мови.

Dikareva S. Technology of Foreign Language Learning in the Electronic Corpora Age.

The role of corpus linguistics in the theory of language and in the practical tasks of foreign language education is discussed, the methods of corpus-based language learning on the semantic profile of the English lexeme *brilliant* from data of the British national corpus (<http://natcorp.ox.ac.uk>) and Russian lexeme from data of the National corpus of Russian (<http://ruscorpora.ru>) are illustrated.

Key words: corpus linguistics, foreign language education, semantic profile of lexeme, British national corpus, National Corpus of Russian

Статья поступила в редакцию 25 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 24 – 27

УДК 811.111'373.7

ПРО ДЕЯКІ НАПРЯМКИ РОЗВИТКУ УКРАЇНОМОВНОГО ІНТЕРНЕТУ

С. В. Зайцева

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара,
м. Дніпропетровськ*

У статті розглядаються стилістичні варіанти у сучасному україномовному Інтернеті та напрями їх розвитку.

Ключові слова: Інтернет, жанр, стиль, блог.

В даній статті у загальному вигляді ставиться проблема вивчення мови мережі Інтернет. Ця проблема є актуальною, оскільки із кінця 90-х років минулого століття в Україні поряд із пресою, радіо й телебаченням з'явився четвертий вид медіа — Інтернет-ЗМІ. Для лінгвістів Інтернет — особливе комунікативне середовище, особливе місце реалізації мови, яке раніше не існувало, таке інформаційно-комунікативне середовище, у якому успішно співіснують усний і письмовий варіанти мови з різною жанрово-стилістичною спрямованістю. З погляду філологічного, завдяки децентралізованості Інтернету, відсутності цензури, можливості висловити свою думку на безмежну аудиторію, Інтернет здобуває характеристику поля найменшої текстуальної уніфікації та найбільшого словесного “демократизму”.

Можливості мовного впливу повідомлень, переданих через Інтернет, впливають з їхніх властивостей — доступності (читач за бажанням може відкрити сайт у будь-який час доби), глобалізованості (перетинають безперешкодно будь-які державні кордони), інтерактивності (двобічний зв'язок між комунікатором і реципієнтом, що в будь-який момент стає комунікатором).

Мову мережі Інтернет досліджують Л. Ф. Компанцева, А. Г. Аврамова, Е. Ф. Володарська, Н. З. Гронська, Д. Сербін, Л. Л. Федорова та інші лінгвісти. С. Г. Чемеркін досліджує процеси, характерні для української мови, яка функціонує в Інтернеті і приходиться до висновку, що екстралінгвальні чинники зумовлюють формування нових ознак стильових різновидів української мови [1]. У монографії розглянуто явища семантичної деривації в сучасній українській мові як наслідок взаємодії професійної і загальноповсякденної лексики.

Але проблема стильової відмінності мови Інтернет ще не стала предметом спеціального дослідження. Метою даної статті є визначення основних напрямків розвитку мовного наповнення мережі Інтернет.

Українці в Інтернеті дуже діяльні, як зауважує видання «Коментарі». Як відзначає компанія Panda Securities, у січні-лютому 2010 року з київських IP-ад-

рес відправлявся 1% світового спаму. Київ посів дев'яте місце серед міст-найбільших розповсюджувачів небажаних повідомлень, випереджаючи Джакарту (0,85%), Буенос-Айрес, Ріо-де-Жанейро (по 0,84%) і Москву (0,56%). Втім, як пише видання, українська інтернет-аудиторія відзначилася й у більш гідних видах діяльності, наприклад, в блогерстві. За даними Ukrainian Watcher, наприкінці 2009 року Україна вийшла на п'яте місце у світі за кількістю зареєстрованих екаунтів у «Живому журналі» (Livejournal.com). На той час їх в Україні налічувалося 187,3 тис. Найбільше юзерів ЖЖ у США (4531 тис.) і в Росії (1,239 млн.).

Найчастіше українські користувачі розпочинають використання Інтернету з google.com.ua, ukr.net і yandex.ua. За даними щомісячного звіту bigmir.net «Глобальна статистика українського Інтернету», кількість переходів з ukr.net у серпні зросла на 7,5 % порівняно з липнем, з google.com.ua упала на 2,1%, а частка yandex.ua майже не змінилась.

Така позитивна динаміка свідчить про те, що плани порталу UKR.NET стати найбільш популярною сторінкою реальні.

Одним із головних напрямків розвитку мережі Інтернет є розвиток такого помітного сегменту україномовного Інтернету, як державна інформація. В Україні до державних сайтів належать веб-сторінки державних установ і організацій, а також Інтернет-версії державних друкованих та електронних видань. Як відомо, Закон “Про мови” в Україні не поширюється на віртуальні ЗМІ, спільним наказом Держкому інформаційної політики, телебачення і радіомовлення та Держкому зв'язку й інформатизації від 25 листопада 2002 року запроваджено тримовне публікування інформації на офіційних сайтах — українською, російською та англійською. Українська мова є домінуючою в роботі центральних органів влади. Нею готуються та ухвалюються закони та інші акти, проводяться офіційні засідання. Щодо інших структур, представлених у Всесвітній мережі (компаній, закладів, організацій тощо), то українська мова на їхніх сайтах використовується відповідно до концепції маркетингових підходів щодо тієї чи іншої мови у цих структурах.

В українському сегменті Інтернету представлені мільйони електронних сторінок, серед яких є сайти, що є лідерами у цьому засобі масової комунікації. Зокрема, такими можна вважати найпопулярніші українські веб-ресурси, серед яких — пошукові системи, інформаційні, розважальні портали та ін. Ними найчастіше послуговуються користувачі з України

“Мова, відсутня в Інтернеті, — це мова, яка більше не існує в модерному світі”, — зазначає Тарас Возняк [2].

Другий напрям розвитку україномовного Інтернету — це сайти, які дають змогу вивчати українську мову та спілкуватися нею. Назвемо деякі з них: Портал «Нова мова» (Статті про мову. Консультації. Словники), Українська Вікіпедія, КіберМова: ресурси і програми для письмової та усної української мови, Привітання, побажання та поздоровлення українською мовою, колекції підручників української мови, онлайнів словники та довідники, мовні форуми (Форум української мови на Домівка.net), Форум по українському языку в «Городе переводчиков», Форум з української мови на tereveni.org.ua, програми для перевірки

української орфографії (РУТА — перевірка українського та російського правопису, ПЛАЙ — Російсько-український та українсько-російський перекладач, УЛІС — Російсько-український та українсько-російський словник, MTSearch.Net — система повнотекстового пошуку з урахуванням російської та української морфології тощо).

Поширюються програми машинного перекладу: Pragma — система машинного перекладу (мови: українська, російська, англійська, німецька, латиська), озвучення українських текстів, розмовлялка — україномовний синтезатор, базикало — програма для читання українських текстів і багато інших.

Кількість україномовних сайтів та їх лінгвістичне наповнення тісно пов'язані з сайтами російською мовою. Серед перших 500 сайтів, які увійшли до рейтингу рубрики «Топ-25» порталу <http://www.bigmir.net/>, спостерігається наступне співвідношення україномовних та російськомовних он-лайнних ресурсів, що базуються в UA-неті. :

Україномовні сайти	Україномовні сайти	Двомовні сайти (і рос., і укр.)
23	407	70
4,6%	81,4%	14%

Якщо двомовні сайти зарахувати одночасно і до російськомовних, і до україномовних, то ситуація виглядатиме наступним чином:

Україномовні сайти	Російськомовні сайти
93	477
16,3%	83,7%

Необхідно підкреслити також такий важливий напрямок поширення української мови в мережі Інтернет, як мережеві бібліотеки (Українська література в Інтернеті (добірка посилань), Бібліотека української літератури, Бібліотека світової літератури — оригінали та переклади, Українська проза на Lib.ru, Шевченківська енциклопедія Exlibris — українська електронна бібліотека тощо).

Енциклопедичний портал «Вікіпедія» (uk.wikipedia.org) належить до тих електронних ресурсів, які функціонують багатьма мовами, причому варіант цього енциклопедичного видання кожною мовою унікальний. Принцип реалізації вказаного проекту такий, що тут у текстовому масиві, а також у меню не трапляються вкраплення іншою мовою, бо для цього проекту використання мови іншої, ніж мова, якою ведуть сторінку, нерелевантне. Тому в українській версії «Вікіпедії» усі записи здійснено українською мовою. Оскільки це ресурс, який твориться зусиллями людей з усього світу, тут іноді бувають мовні огріхи, які будь-який користувач «Вікіпедії» може виправити. Кожна стаття на сайті «Вікіпедії» має відповідну історію — хронологію редагування матеріалу. Як засвідчує практика, майже кожна повноцінна стаття українською мовою на цьому енциклопедичному порталі чимало разів редагована. Це — показник прагнення користувачів Інтернету як до достовірності фактичної інформації, так і до написання відповідно до норм сучасної української літературної мови. Нарешті, треба звернутися до та-

кого специфічного явища, як блог та блогосфера. Під “українською блогосферою” розуміємо усі блоги, що так чи інакше стосуються України чи потенційно можуть містити локальний український контекст: ведуться теперішніми чи колишніми мешканцями України українською та російською мовами. Українська блогосфера уже 2 – 3 роки перебуває у процесі зародження. Окремі блоги ще не становлять єдиний медіа-простір. Але наразі нові блоги відкриваються достатньо часто, і через 1,5 – 2 роки українські блоги зіллються у “повноцінну” блогосферу. Важливо підкреслити, що блоги не є просто полем для організації легкого спілкування. Блоги мають політичні діячі, вчені, інші відомі особи. Наприклад для філологів важливе значення має блог професора Пономаріва, де розглядаються фундаментальні та прикладні проблеми лінгвістики.

Але не можна не помічати у мережі Інтернет, особливо у блогах, форумах, чатах та інших некерованих філологами сайтах тенденції до вживання суржиків, наявність значної кількості граматичних, лексичних, стилістичних помилок. Українські онлайн-ЗМІ, як і весь україномовний Інтернет, мають дбати і про більшу наповнюваність українським текстом, і про якість цього тексту — його інформативність, змістовність, грамотність. Постає задача перегляду концепції розробки і наповнення Інтернет сайтів — від рекламно-комерційної до власне інформаційної. З таким підходом, україномовні вебсайти можуть стати альтернативним конкурентоспроможним джерелом не тільки корисної професійної інформації, а й самоосвіти.

Таким чином, можна зробити висновок, що українська мова в Інтернеті розвивається переважно у напрямку виконання таких функцій, як офіційне інформування, освіта, частково спілкування. Перспективи подальшого дослідження ми бачимо в аналізі лексичного та граматичного наповнення текстів, призначених для виконання цих функцій.

Література

1. Чемеркін С. Г. Українська мова в Інтернеті: позамовні та внутрішньоструктурні процеси. Монографія. — К., 2009. — 240 с.
2. Возняк Т. Глобалізація як виклик людству // *І.* — 2000. — №19.

Зайцева С. В. О некоторых направлениях развития украиноязычного интернета.

В статье рассматриваются стилистические варианты в современном украиноязычном Интернете и направления их развития.

Ключевые слова: Интернет, жанр, стиль, блог.

Zaitseva S. About some directions of ukrainian internet development.

The article deals with stylistic variants of the contemporary Ukrainian Internet and the directions of their development.

Key words: Internet, genre, style, blog.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 28 – 33

УДК 378. 147:811.133.1

ЛИНГВОДИДАКТИКА И ТЕСТИРОВАНИЕ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

А. В. Карпенко

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье рассматривается приоритетная проблема методики преподавания иностранных языков, направленная на развитие навыков делового общения и методов проверки и контроля. В преподавании иностранных языков широко используется такая форма контроля, как тестирование. Данное исследование посвящено лексическому тестированию при обучении деловому стилю, поскольку обучение языку делового общения в наибольшей степени заключается в обучении лексике.

Ключевые слова: лингводидактика, деловой иностранный язык, лексическое тестирование, стилистическая стратификация языка.

Многие высшие учебные заведения готовят специалистов в области менеджмента, финансов, управления, экономики. Впоследствии выпускникам вузов придется работать в деловой сфере, где используется язык делового общения, который обладает рядом особенностей, отличающих его от языка повседневного общения. В соответствии с современными социальными запросами, обусловленными расширением рынка и деловых связей между Украиной и развитыми западными странами, специалисты, работающие в вышеперечисленных областях, должны владеть не одним, а несколькими иностранными языками, причем не только на повседневно-бытовом, но и на профессиональном уровне.

В связи с этим в настоящее время в методике преподавания иностранных языков, несомненно, важными, даже приоритетными проблемами являются: создание учебных программ по языку делового общения; создание отечественных учебников и пособий по деловому языку, отвечающих языковым запросам и не уступающих по качеству зарубежным аналогам, оптимизация учебного процесса: разработка методов преподавания, направленных на развитие навыков делового общения и методов проверки и контроля.

Сегодня в преподавании иностранных языков широко используется такая форма контроля, как тестирование. В связи с этим важность изучения лингводидактического тестирования как научного явления тестов была разработана как зарубежными, так и отечественными методистами. В зарубежной методике широко известны работы по тестированию Б. Спольски, Г. Мэдсена, Л. Бахмана, Дж. Олдерсона и др. Отечественная методика лингводидактического тестирования представлена трудами И. А. Цатуровой, И. А. Рапопорта, Л. В. Банкевич, В. А. Коккоты, А. М. Соколовой и многих других. В подавляющем большинстве методических ра-

бот, посвященных проблемам тестирования, акцент делается, в основном, на его контрольную функцию. При этом не получила достаточного освещения обучающая роль тестирования. Кроме того, до настоящего момента не была разработана система обучающих и контролирующих лексических тестов, применяемая при изучении языка делового общения. Необходимость выработки требований к обучающим тестам, определения их эффективности и места в общей системе упражнений для развития различных видов речи обуславливает актуальность предложенной темы.

Тестирование лексики является недостаточно разработанной областью, в отличие от грамматического тестирования. Это объясняется тем, что лексика сама по себе является разнородным и сложным языковым пластом. Систематизировать лексику на практике в учебно-методических целях принято только по тематическому принципу, что, с нашей точки зрения, не является достаточным для быстрого и успешного усвоения. Одним из основных средств систематизации лексики нашего исследования рассматривается словосочетание — лексическая единица, имеющая четкую структуру и классификацию.

В трудах учёных лингвистической школы Московского университета подчеркивается необходимость стилистической стратификации языка и ограничения изучения языка конкретным функциональным стилем в дидактических целях, так как изучение «языка вообще» дезориентирует и учащегося, и преподавателя, не принося желаемого результата. Так, одним из главных условий повышения эффективности преподавания иностранного языка является четкое определение того стиля изучаемого языка, который должен стать основой активного им владения [7, с. 75 – 76]. В самом деле, только при изучении языковых особенностей того или иного функционального стиля возможно найти основание для разработки методов преподавания иностранных языков будущим специалистам различных профессий. Такое стилистически дифференцированное обучение языку может считаться наиболее оптимальным. [8, 9]. Другим важным теоретическим положением этой школы является мысль об актуальности, целесообразности и практической ценности изучаемой тематики и лексических единиц, обусловленных ею. С этой точки зрения обучение языку делового общения является актуальным и востребованным в современных условиях. Эффективность преподавания иностранных языков во многом зависит также от результатов лингвистических исследований. Это положение является основополагающим для лингводидактики — науки, выработавшей методы и принципы преподавания языковых явлений иноязычной аудитории. [10, с. 40 – 56]. Отечественная лингводидактика принимает во внимание:

1. функционирование языковых единиц в речи;
2. правила синтеза речи, соответствующие активным видам речевой деятельности — говорению и письму;
3. требования чёткости, ясности и системности описания языковых явлений в методических целях;
4. подачу языкового материала с учётом психологических возможностей человека (памяти, внимания и т. п.);
5. возрастные, социальные, национальные и др. особенности учебной аудитории.

К перечисленным лингводидактическим принципам можно добавить ещё и принцип стилистически дифференцированного обучения, о котором говорилось выше.

О функциональных стилях языка написано множество работ. Самым общим принципом выделения функциональных стилей, не вызывающим разногласий языковедов, является принцип соотнесения функциональных стилей с функциями языка и выделения их согласно этим функциям [7, с. 40]. Именно в языковых функциях заключается сущность человеческого языка как такового и его роль в человеческом обществе. В качестве основной языковой функции в современной лингвистике рассматривается коммуникативная функция как базовая функция языка, обеспечивающая человеческое общение. При этом функционирование языка рассматривается как в его национально-культурной специфике, так и в плане его назначения как средства общения в различных сферах человеческой деятельности. Эти положения лингвистики должны учитываться и методикой преподавания иностранных языков.

Одной из важнейших сфер человеческой деятельности является деловое общение. В общем плане структуры языка лингвистами выделяется отдельный функциональный стиль, называемый деловым (в работах А. Н. Васильевой, И. В. Арнольд и др.), собственно деловым (А. Н. Гвоздев), обиходно-деловым и официально-документальным (В. В. Виноградов), причем А. Н. Гвоздев выделяет собственно деловой стиль как один из подстилей публичной речи. В лингводидактике принято обозначение делового стиля как «языка делового общения». Его преподавание будущим специалистам в области финансов, экономики и управления является сегодня актуальным, перспективным и развивающимся направлением лингводидактики. Это обусловлено востребованностью языка делового общения в связи с бурным развитием делового сотрудничества и расширения рынка между Украиной и западными странами. Помимо этого, язык делового общения обладает безусловной тематической и ситуационной значимостью для тех, кто его изучает. Ведь в процессе работы будущим специалистам непременно понадобятся как общие навыки общения в деловой среде, так и активное владение деловой лексикой, необходимой для устного общения и ведения деловой документации. Лексический пласт языка наиболее тесно связан с экстралингвистической действительностью и отражает семантический аспект языковых единиц, обслуживающих тот или иной стиль. Мы обратились именно к лексическому тестированию при обучении деловому стилю, поскольку обучение языку делового общения, хотя и структурируемое грамматическим аспектом речи, в наибольшей степени заключается в обучении лексике. При этом необходимо учитывать два важных положения:

1. Слова в речи не функционируют как не зависимые друг от друга единицы, следовательно, именно в составе словосочетания слово имеет достаточный лексико-семантический потенциал;
2. Текст, как письменный, так и устный, воспринимается не в виде отдельных слов, а в виде взаимосвязанных высказываний, состоящих из различных видов словосочетаний.

Напомним, что основы синтагматики (учения о линейном соположении минимальных (или предельных) единиц в речи) были разработаны профессором

С. Г. Тер-Минасовой и её научной школой. Теоретической основой для синтагматики функциональных стилей послужили следующие положения о месте словосочетания в системе единиц языка: 1) словосочетание — это свободный эквивалент фразеологической единицы и, через последнюю, — слова; 2) словосочетание — это номинативная единица языка, так как оно выражает единое, хотя и расчлененное понятие; 3) словосочетание — это «строительный материал», используемый говорящим при построении речи [7, с. 3; 9, с. 37 – 56].

Методика исследования словосочетаний, разработанная лингвистами МГУ, основывается на системе лексико-грамматических категорий. В связи с этим, словосочетание рассматривается как продукт диалектического единства коллигации (морфосинтаксически обусловленной сочетаемости слов) и коллокации (лексико-фразеологически обусловленной сочетаемости слов). Связь слов внутри словосочетания обусловлена концептуально, социолингвистически и лексико-фразеологически [7, с. 8 – 9]. Считая словосочетание признаком функционального стиля, С. Г. Тер-Минасова базирует свое исследование на компаративном анализе англоязычных текстов, принадлежащих к различным функциональным стилям — научному, официально-информативному и художественно-беллетристическому и делает ряд выводов относительно лингвистических особенностей научного стиля. В текстах научной прозы преобладают клишированные словосочетания, содержится большое количество составных терминов, отражающих специфику данной области, знания отсутствует или крайне ограничено употребление коннотативных словосочетаний и, наконец, отсутствуют абсолютно свободные метасемиотические словосочетания.

Дальнейшее развитие теория словосочетаний получила в работах Е. Б. Яковлевой, Т. А. Комовой, С. Т. Богатыревой, Н. Г. Аветисян и др. На материале английского языка были подробно изучены стилистические, сочетаемостные и просодические характеристики словосочетаний. В последние годы словосочетание как сложное и многостороннее языковое явление также продолжает вызывать интерес лингвистов: на материале разных языков изучаются особенности словосочетаний и разрабатываются их структурные классификации (см. у Л. В. Широколовой — на материале французского языка; у Е. Г. Борисовой — на материале русского языка и др.).

Важным положением синтагматической теории, разработанной в МГУ, является признание категории клишированности свойственной для словосочетаний функционального стиля научной прозы [9, с. 47]. Данная категория связана с проблемой свободных словосочетаний. «Свободными, — пишет Е. Б. Яковлева, — можно считать только метасемиотически окрашенные словосочетания, то есть единицы, создаваемые в определённых конкретных ситуациях для достижения определённого стилистического эффекта. Большинство же словосочетаний является лишь регулярно воспроизводимыми, в той или иной степени клишированными единицами» [10, с. 48]. Клишированность свойственна также языку делового общения, где словосочетания характеризуются устойчивостью и употребительностью. Сочетаемость слов внутри большинства составных номинативных групп, принадлежащих к деловому стилю, обусловлена узусом. Это означает, что большинство словосочетаний, в том числе атрибутивные словосочетания типа *enterprise privée, compagnie*

internationale, не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся в повторяющихся ситуациях как устной, так и письменной формы делового общения.

Приведенные положения теории синтагматики использованы в качестве теоретической базы исследования и подтверждаются в практических главах работы. Анализ лингвистического материала и опыт преподавания языка делового общения доказывает необходимость обучения деловой лексике, главным образом, на базе словосочетаний, а не отдельных слов. Исходя из этого, при составлении и проведении письменных и устных лексических тестов за единицу обучения и контроля принимается словосочетание.

Выводы

1) Тестирование может применяться при обучении лексике не только в качестве контрольно-измерительного, но также в качестве обучающе-тренировочного инструмента.

2) При тестировании деловой лексики за тестовую единицу должно приниматься не отдельное слово, а словосочетание, что дает право называть такое тестирование синтагматическим.

3) Поэтапное и регулярное применение синтагматических тестов, построенных по семантическому, лексико-грамматическому, комбинаторному и контекстуальному принципам, составляет систему синтагматического тестирования, применяемую при изучении деловой лексики в обучающей и контролирующей целях.

Литература

1. Арутюнова Ж. М. Тесты по французскому языку для поступающих в вузы / Жанна Михайловна Арутюнова. — М.: Компания «Евразийский регион», 1998. — 112 с.
2. Банкевич Л. В. Тестирование лексики иностранного языка: [учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранные языки»] / Л. В. Банкевич. — М.: Высшая школа, 1981. — 112 с.
3. Бубнова Г. И. Тесты по французскому языку. Начальный и продвинутый этапы / Г. И. Бубнова, Н. К. Гарбовский. — М.: Издательство ассоциации лингвистов-практиков, 1995. — 80 с.
4. Коккота В. А. Лингводидактическое тестирование / Вальмар Александрович Коккота. — М.: Высшая школа, 1989. — 127 с.
5. Матвишин В. Г. Бизнес-курс французского языка: [учебное пособие] / В. Г. Матвишин, В. П. Ховхун. — К.: Логос, 2000. — 384 с.
6. Соколова А. М. Преимущества тестового контроля оценки языковой компетентности перед традиционными формами контроля / А. М. Соколова // Лингводидактическое тестирование как альтернатива вступительному экзамену по иностранному языку в аспирантуру РАН (Вопросы теории и практики тестирования). — М.: МГУ, 1998. — С. 10 – 12.
7. Тер-Минасова С. Г. Словосочетание : онтология и эвристика / Светлана Григорьевна Тер-Минасова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 200 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Синтагматика функциональных стилей (на материале современного английского языка): дисс. ... доктора филол. наук. / Светлана Григорьевна Тер-Минасова. — М., 1980. — 328 с.
9. Тер-Минасова С. Г. Малый синтаксис как средство разграничения стилей / Светлана Григорьевна Тер-Минасова, А. С. Микоян. — М.: МГУ, 1981. — 214 с.

10. Тер-Минасова С. Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков / Светлана Григорьевна Тер-Минасова. — М.: МГУ, 1986. — 152 с.
11. Фоломкина С. К. Тестирование при обучению иностранному языку / С. К. Фоломкина // Иностранные языки в школе. — 1986. — №2. — С. 16 – 20.
12. Чигирева М. А. Деловой французский / М. А. Чигирева. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2000. — 172 с.
13. Corado L. Français des affaires / L. Corado, M.-O. Sanchez-Macagno. — P.: Hachette, 1990. — 125 p.
14. Tchiguireva M. A. Le français des Affaires. Preparation aux Examens de la CCIP. — М.: ООО “Издательский Дом “Филология три”, 2001. — 171 с.

Карпенко Г. В. “Лінгводидактика і тестування у викладанні мови ділового спілкування”.

У статті автор розглядає пріоритетну проблему методики викладання іноземних мов, спрямовану на розвиток навичок ділового спілкування і методів перевірки та контролю. У викладанні іноземних мов широко використовується тестування як форма контролю. Дане дослідження присвячене лексичному тестуванню при викладанні ділового стилю іноземної мови, оскільки навчання мови ділового спілкування найбільшою мірою полягає в навчанні лексиці.

Ключові слова: ділова іноземна мова, лексичне тестування, стилістична стратифікація мови.

Karpenko A. “Language didactics and testing in teaching of foreign languages for special purposes”.

In the article the priority problem of methodology of foreign language teaching is examined aiming the development of skills and methods of verification and control. Such form of control, as testing, is widely used in foreign language teaching for special purposes. This research is devoted to the lexical testing in teaching of the language, as teaching basically consists in assimilation of the vocabulary.

Key words: language didactics, business foreign language, lexical testing, stylistic to stratification of language.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 34 – 40

УДК 81'243+371.315

**ПРОБЛЕМНО-ПОИСКОВЫЕ ЗАДАНИЯ
КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ**

О. И. Климкина

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
г. Киев*

Статья посвящена рассмотрению проблемно-ориентированных способов презентации и актуализации учебного материала на занятиях по лингвострановедению в языковых вузах. Представлены примеры проблемно-поисковых заданий, демонстрирующих многомерность и вариативность национально окрашенной единицы в языке и речи.

Ключевые слова: лингвострановедение, преподавание иностранного языка, проблемное обучение.

Постановка проблемы. Формирование образовательной модели XXI века происходит в условиях осознания культуры как ценностного ориентира. Смена приоритетов в современном педагогическом пространстве, когда «главным становится не только и не столько наука, сколько культура, не накопление знаний, а осознание их смысла» [1], предопределила серьезные преобразования в сфере языкового образования. Одной из основных целей языковой педагогики в настоящее время является «построение эффективной модели обучения иностранному языку в условиях межкультурной коммуникации» [6, с. 116]. Новые перспективы нашли отражение в Государственном образовательном стандарте по иностранным языкам, зафиксировавшем отказ от узких прагматических целей изучения языка и выдвижение на первый план социокультурной линии в содержании обучения. В преподавании иностранного языка возрос статус ставших уже традиционными дисциплин — социолингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии, вводятся в практику новые, нацеленные на решение задач будущего — задач «неофилологии» — предметы, как, например, предложенный С. Г. Тер-Минасовой курс «Мир изучаемого языка» [7, с. 47]. Каждая из этих дисциплин по-своему, в зависимости от подходов к интерпретации социокультурных реалий в учебных целях: от социальных факторов к фактам языка в социолингвистике, от фактов языка к фактам культуры в лингвострановедении, от культурного кода к языковым структурам в лингвокультурологии, отвечает вызовам «смыслоценностной» (Ю. В. Благов) парадигмы.

Анализ последних исследований и публикаций. Важное место в становлении и развитии концепции культуру-ориентированного языкового образования за-

нимают достижения лингвострановедения, в рамках которого впервые было указано на необходимость соединения в учебном процессе языка и сведений из сферы национальной культуры, т. е. соизучения языка и культуры.

Несмотря на то, что теоретические основы лингвострановедения (понятия-термины «межкультурная коммуникация», «аккультурация», «личность на рубеже культур», безэквивалентная лексика, лексический фон) и его методические константы (критерии отбора и минимизации лингвострановедческой информации для различных вариантов и этапов обучения, принципы создания на этой основе учебно-справочных пособий) были детально изложены в работах Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова еще в 70 – 80-е годы прошлого века [3], вопросы сопоставительного лингвострановедения, лингвострановедческой лексикографии, а также страноведчески ориентированной методики обучения иностранному языку в последующие годы разрабатывались и самими основоположниками, и их последователями — Ю. Е. Прохоровым, Г. Д. Томахиным, М. Д. Зиновьевой, Т. Н. Чернявской, А. А. Брагиной, М. Н. Аникиной, О. В. Тополевой и др., теория лингвострановедения все еще находится в процессе интенсивного поиска.

Смена образовательных парадигм и «культурные акценты» начала нового столетия повысили интерес к данному предмету и возобновили дискуссии о месте и роли лингвострановедения в современной лингвистике и современном языковом образовании. В последние годы появились работы научного и научно-методического характера, посвященные как развитию общетеоретических идей лингвострановедения — концепции рече-поведенческих тактик, логоэпистемы, сапиентемы (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова) [4], так и дальнейшей разработке лингвострановедческого подхода к обучению иностранным языкам, ориентированного сегодня, прежде всего, на интеграцию с другими культуроведческими подходами и поиск новых форм преподавания (С. Г. Тер-Минасова, Л. Г. Кузьмина, Е. В. Кавнатская, Г. В. Елизарова).

Цели и задачи статьи. Статья посвящена рассмотрению проблемно-ориентированных способов презентации и актуализации учебного материала на занятиях по лингвострановедению для студентов-филологов, изучающих русский язык как иностранный. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- обосновать необходимость использования проблемно-ориентированных заданий в процессе обучения иностранному языку;
- определить роль и место заданий проблемного типа в курсе лингвострановедения для иностранных студентов-филологов;
- представить примеры проблемно-поисковых заданий для разных этапов работы с лингвострановедческим материалом.

Научные результаты. При профильном — филологическом — направлении образования дисциплина «Лингвострановедение» занимает одно из центральных мест в структурно-логической схеме специальности и является важнейшей составляющей профессиональной подготовки специалистов в области иностранного языка.

Формирование лингвострановедческой компетенции включает в себя усвоение знаний национально-культурных особенностей языковых и речевых явлений, предполагает развитие навыков и умений «интерпретировать и употреблять правила речевого и неречевого поведения и сопоставлять феномены родной и иноязычной культур для достижения взаимопонимания в ситуациях межкультурного общения» [8, с. 88]. Однако успешная подготовка будущих филологов и переводчиков к межкультурному диалогу невозможна без изменения акцентов в технологиях обучения: речь идет о смещении акцента с преподавательской деятельности на деятельность учащегося. Как отмечают Л. Г. Кузьмина и Е. В. Кавнатская, в процессе обучения иностранному языку особое внимание должно быть уделено «подготовке обучаемого к непредвиденному, вместо тренировки предсказуемого» (М. Байрам) [6, с. 112]. «Функция преподавателя в таких условиях заключается в отборе необходимых данных из смежных наук для использования в качестве учебного материала, а обучаемый выступает в роли исследователя культуры и быта страны изучаемого иностранного языка. При этом обучаемые не только опираются на материалы исследований в названных областях в своей речевой практике, но и сами используют методы исследования этих дисциплин» [6, с. 112].

Решить эту задачу в курсе лингвострановедения для студентов-филологов призваны задания проблемно-поискового характера, ориентированные на активное участие обучаемого в процессе освоения учебного материала.

Достаточно эффективным представляется использование проблемно-ориентированных заданий на этапе *презентации* учебного материала.

Лингвострановедческая компетенция студента-филолога помимо фоновых знаний включает владение соответствующим понятийно-терминологическим аппаратом. Одними из первых понятий, с которыми студенты встречаются на занятиях по лингвострановедению, являются понятия безэквивалентной лексики и лексического фона. Понятие безэквивалентности языковой единицы формируется на основе понятия эквивалентности (языкового соответствия) и, как правило, не представляет для учащихся особой трудности в силу наглядности самого факта «языковой недостаточности»: сравнивая лексический состав языков, без труда можно убедиться в отсутствии «межъязыкового синонима» для выражения того или иного понятия, часто вызванном отсутствием и самого понятия. После рассмотрения примеров безэквивалентных единиц и возможных способов их перевода на другой язык, преподаватель возвращается к уточнению понятия эквивалентности. С помощью проблемных заданий по сравнению семантического объема слов, заявленных изначально как эквивалентные, успешно проходит формирование представления о лексическом фоне.

ЗАДАНИЕ. Определите интернациональные и национально-культурные семантические доли следующих понятий. Являются ли эти слова эквивалентными в языках: русский язык — родной язык? Прокомментируйте слова ученого-лингвиста С. Г. Тер-Минасовой: «Слово можно сравнить с кусочком мозаики. У разных языков эти кусочки складываются в разные картины».

«Хлеб»: продукт питания, выпекается, белый, черный, круглый, кирпичик, буханка, ломоть, сухарь, каравай, хлебосольство, булочная, хлеб насущный (книжное), Хлеб — всему голова (пословица).

«Дом»: жилое здание, стена, пол, потолок, крыша, чердак, дверь, порог, крыльцо, сени, окно, подоконник, форточка, ставни, этаж, высотный, деревянный, кирпичный, ледяной, дом отдыха, Дом кино.

«Книга»: произведение, бумажные листы, печатный текст, переплет, первопечатник Иван Федоров, подписка (подписное издание), антикварная книга, с иллюстрациями, книжный знак (экслибрис), книжное издательство («Художественная литература», «Наука», «Златоуст»), книжный магазин, книжный рынок, книголюб, букинист, библиотека (домашняя, научная), книга почета, книга жалоб и предложений, Книга — лучший подарок (плакат 1925 г.), Любите книгу — источник знаний (М. Горький), Сшита, да не рубашка, с листьями, да не дерево, без языка, а рассказывает (загадка) [5, с. 6 – 7].

Так, например, для китайских студентов хлеб уступит в популярности рису, о чем сказано в китайской пословице: «Даже хорошая хозяйка ничего не сможет приготовить без риса», приготавливается на пару, только белый, порционный (в виде маленькой пампушки), малокалорийный, о чем, сравнивая его с русским хлебом, китайцы говорят: «Китайский хлеб для языка, русский хлеб — для желудка» и т. д.

Примеры сопоставления русского и английского языков с учетом социокультурного компонента в словах «дом», «книга» представлены в работах Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, Л. С. Бархударова, Л. П. Крысина, С. Г. Тер-Минасовой.

Выполнение подобных заданий в мультикультурной группе, совместная с преподавателем и представителями разных культур интерпретация явлений культуры изучаемого языка, позволит не только отчетливо увидеть различия между культурными представлениями разных народов о тех предметах и явлениях реальности, которые обозначены на первый взгляд «эквивалентными» словами этих языков, но и «рассуждать о своей культуре, оценивать ее, воспринимать и понимать ее с точки зрения стороннего наблюдателя» (М. Байрам) [6, с. 112].

На завершающем этапе формирования лингвострановедческой компетенции могут быть использованы задания 1) на распознавание социокультурно маркированной лингвореалии в речи и распремечивание ее содержания на русском языке; 2) на узнавание и правильное понимание смысла лингвореалии, воспроизведенной в речи в измененном, трансформированном виде.

ЗАДАНИЕ 1. Прочитайте газетные микротексты. Найдите перифразы, прокомментируйте их использование. Выполните перевод на родной язык. Объясните свой выбор лексических средств родного языка при переводе лингвореалий.

1. Россия — страна с двумя столицами. Вот уже 300 лет, как стольный град кочует с известной периодичностью из белокаменной в город на Неве и обратно. При этом, город, не являющийся официальной столицей, продолжает восприниматься массовым сознанием как ее своеобразный филиал («Известия»).

2. На заседании Совета по русскому языку при правительстве РФ было решено рассмотреть законопроект «О русском языке как государственном языке в Российской Федерации». По словам министра образования, впервые в России будет предусмотрена целая система наказаний за неправильное использование великого и могучего. Наказывать, правда, будут не розгами, а более существенно — рублем. В первую очередь закон коснется средств массовой информации («Известия»).

3. Унылая пора, очей очарованье, очевидно, хочет вступить в свои права раньше срока. Уже сегодня, 21 августа, идут дожди, температура воздуха снизилась до +18, (Утро. Ru) [5, с. 26].

ЗАДАНИЕ 2. Найдите в данных микротекстах афоризмы, определите их функции и авторские приемы употребления (без изменения, введение новых слов, изменение структуры, замена или опущение компонентов, переосмысление, столкновение свободного значения слова с компонентом афоризма и т. д.).

1. Вот тебе, бабушка и BusinessWeek: Вслед за Forbes и Newsweek попытаться счастья на отечественном медиа-рынке решили издатели журнала BusinessWeek (СМИ. Ru).

2. Наш долг, он красен платежом — и тем уже прекрасен: В этом году Россия должна окончательно расплатиться с Международным валютным фондом («Новости»).

3. Числом и уменьем: Сборная России на 28-ом чемпионате Европы по легкой атлетике («Время новостей»).

4. Зима! Россия торжествует, снижая цены на бензин: Российская компания «Лукойл» приняла решение снизить цены на бензин (Утро. Ru).

5. Очки и солнце — день чудесный: чтобы уберечь глаза от переутомления весной — носите солнцезащитные очки («Известия»).

6. В Москву, в Москву! В Москве пройдет VI Международный театральный фестиваль имени А. П. Чехова («Известия»).

7. Краткость — сестра министра: под лозунгом «Краткость — сестра таланта» прошло первое заседание нового кабинета министров в России («Труд»).

8. Спасение утопающих — дело ног самих утопающих: так думает известный российский хореограф, глядя на положение дел современного танца в России («Независимая газета»).

9. Утром — деньги, вечером — игра: Гарри Каспаров потребовал от организаторов шахматного матча финансовых гарантий и предоплаты (Утро. Ru).

10. Место встречи изменить можно: где назначить встречу в День святого Валентина («Известия») [5, с. 25 – 26].

Задания первого типа потребуют от учащихся актуализации ранее усвоенных фоновых знаний и навыков перекодирования культурных смыслов при переводе. Интерпретация данных во втором задании микротекстов (газетный заголовок, рекламный слоган, цитата и др.), представляет для студента-иностранца довольно сложный процесс, который включает: 1) узнавание канонического варианта присутствующей в тексте в измененном виде лингвореалии; 2) семантизацию линг-

вореалии, часто многоуровневую, т. к. рассматриваемая единица может являться структурным компонентом фразеологизма, входить в поговорку, и, следовательно, иметь сложно организованный лексический фон; 3) определение механизмов изменения исходной формы (усечение, замена опорного слова, использование отрицания, паронимазия и др.); 4) прогнозирование цели трансформации (усиление экспрессивности, языковая игра, создание комического эффекта, выраженные отношения к описываемому событию и др.); 5) «разворачивание символа» [2, с. 73].

Успешное выполнение студентами заданий подобного типа свидетельствует о достижении стратегической цели обучения и представляет собой своеобразный показатель высокого уровня владения иностранным языком.

Выводы. Поиск эффективных приемов обучения языку обусловлен возросшими потребностями методики преподавания иностранного языка в решении лингвометодических проблем межкультурной коммуникации. Включение проблемно-поисковых заданий предложенного типа в профессионально-ориентированное обучение студентов-филологов позволит организовать учебный процесс в контексте диалога культур, усилить мотивационный фактор в процессе освоения лингвострановедческого материала.

Литература

1. Благов Ю. В. Место образовательной системы в современной культуре: содружество искусств на уроках английского языка / Ю. В. Благов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.acis.vis.ru/8/1/1_9/blagov.htm.
2. Бриченкова Е. С. Прецедентное высказывание как объект лингвокультурологического комментария на уроках РКИ / Е. С. Бриченкова // Русский язык за рубежом. — 2007. — №3. — С. 72 – 75.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: [метод. руководство] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Рус. яз., 1990. — 246 с.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Индрик, 2005. — 1040 с.
5. Климкина О. И. Лингвострановедение: русский язык: [пос. для иностр. студентов] / О. И. Климкина. — К.: КНУ, 2005. — 130 с.
6. Кузьмина Л. Г., Кавнатская Е. В. Современные культуроведческие подходы к обучению иностранным языкам / Л. Г. Кузьмина, Е. В. Кавнатская // Вестник Воронежского государственного университета. — 2001. — №2. — С. 108 – 117. — (Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»).
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: [учеб. пособие] / С. Г. Тер-Минасова — М.: Слово/Slovo, 2000. — 624 с.
8. Тополева О. В. Комплекс упражнений, направленный на формирование лингвострановедческой компетенции студентов / О. В. Тополева // Языковое образование в вузе — СПб: Каро, 2005. — С. 88 – 101.

Климкина О. И. Проблемно-пошукові завдання як засіб формування лінгвокраїнознавчої компетенції студентів-філологів.

У статті розглядаються проблемно-орієнтовані способи презентації й актуалізації навчального матеріалу на заняттях з лінгвокраїнознавства у мовних вишах. Представлені приклади проблемно-пошукових завдань демонструють багатовимірність і варіативність національно забарвленої одиниці в мові і мовленні.

Ключові слова: лінгвокраїнознавство, викладання іноземної мови, проблемне навчання.

Klimkina O. Problem-solving tasks as the means of forming linguo-country studies competence of philology students.

The article considers problem-setting ways of presentation and actualization of educational material in the course of linguo-country studies in the linguistic university's curriculum. The article provides examples of problem-solving tasks, illustrating the multi-dimensional structure and variety of nationally coloured linguistic units in language and speech.

Key words: The linguo-country studies, teaching a foreign language, problem-solving teaching.

Стаття постуила в редакцію 27 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 41 – 45

УДК 371.3.82.0

**К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ЛИРИКИ
НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ
(на материале стихотворения А. С. Пушкина
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»)**

И. М. Колтухова

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Статья посвящена анализу лирического стихотворения на уроке литературы в старших классах.

Ключевые слова: методика преподавания, лирическое стихотворение, анализ лирики.

В наши дни вернуть школьников к книге, научить их вниманию и любви к поэтическому слову можно только одним путем — кропотливо обучать их сложному **искусству анализа поэтического текста**. И сделать это можно будет, только преодолев значительный разрыв между литературоведением и школьным преподаванием литературы. Привычное репродуктивное образование, основанное на пассивном восприятии, а затем воспроизведении готовой информации, содержащейся в слове учителя, в учебнике или литературоведческих статьях, свои возможности исчерпало. Организация аналитической работы учащихся над текстом должна строиться на принципах развивающего обучения.

Ю. М. Лотман отмечал, что «всякий исследовательский анализ, в конечном счете, строится на непосредственном читательском восприятии. Именно оно лежит в основе той интуиции, которая позволяет ученому не перебирать все логически возможные комбинации структурных элементов, а сразу выделять из них некоторый подлежащий дальнейшему рассмотрению минимум» [2. С. 133 – 136]. Тот же подход должен осуществляться и в школьной практике.

Опора на непосредственное читательское восприятие в процессе изучения любого литературного произведения в школе — первое и необходимое, однако недостаточное слагаемое успеха. Задача учителя — не разрушить непосредственность восприятия в ходе аналитической беседы, а от внимания к поэтическому слову привести школьников к пониманию лирического текста в целом, в единстве чувства и мысли. Чтобы художественный текст был воспринят школьником глубинно, необходима активная совместная интеллектуальная деятельность учителя и учеников, мотивами которой должны стать потребность и интерес. «Вместо пассивного усвоения «чужого» знания учащимся должны быть предложены микрозадачи, в ходе решения которых и рождаются необходимые обобщения».[1. С. 3] В каче-

стве примера предлагаем один из возможных вариантов анализа стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

*Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.*

*Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдём под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.*

*Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживёт мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.*

*Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю; прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.*

*День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.*

*И где мне смерть пошлёт судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладельный прах?*

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.*

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

Беседу можно начать с вопроса: есть ли у стихотворения название? — Нет, его принято называть по первой строке, в ней уже присутствует лирическое «я», и это свидетельствует о том, что лирический герой с его внутренним миром будет в центре произведения. Внимательно прочитаем первую строфу. В каком художествен-

ном пространстве находится лирический герой? — Это «Улицы шумные», «многолюдный храм», некое необозначенное местонахождение «юношей безумных». Есть ли здесь приметы какого-то реального города и важны ли они? А что же важно? В чем различие этих объектов пространства и что их объединяет? — Многолюдный храм — центральная строка; посещение храма предполагает молитву и сосредоточенность на мыслях о Боге, о жизни и смерти. Первая и третья строки составляют контраст со второй. На «улицах шумных» множество людей, далеких от этих раздумий. Почему юноши названы безумными? — Им чужда мудрость, они пока живут страстями, иллюзиями, не задумываясь о смысле жизни. Первые три строки имеют одинаковое синтаксическое построение: Брожу ли я, вхожу ль... Сижу ль... Пока мы отмечаем, что объединяющей чертой здесь становится многолюдье.

Что мы можем сказать о лирическом герое? Его присутствие обозначено глаголами в каждой из строк, он находится среди людей. Однако ощущает ли он единство с ними, или его что-то от них отделяет? — Он погружен в свой внутренний мир: «Я предаюсь моим мечтам». В каком значении употребляется здесь слово «мечта»? В привычном для нас или в каком-то ином? — В современном значении мечта — это воображаемая картина чего-то прекрасного и очень желанного. А о чем упорно размышляет лирический герой? — О смерти. Но во времена Пушкина слово «мечта» могло иметь значение любой картины, созданной воображением, в том числе и страшной, и грустной. В других произведениях поэта встречаем: «Я видел страшные мечты...» (поэма «Цыганы»), «И мщенье, бурная мечта ожесточенного страданья» («Все в жертву памяти твоей...»).

В контексте стихотворения первые три строки объединяет не только значение многолюдности, но еще и бурного кипения жизни, что является антитезой состоянию лирического героя. Его одиночество среди множества людей вызвано тем, что он, в отличие от них, сосредоточенно размышляет о неизбежности смерти. Таким образом, первая строфа задает тему, а вторая утверждает мысль о конечности любого бытия, и смерть предстает здесь как универсальный закон: «Мы все сойдем под вечны своды».

В. М. Жирмунский отмечал, что это перифраза, условная формула, которая означает «мы все умрем», и было бы неправильным представлять себе «образ»: длинное шествие, спускающееся под «вечные» каменные своды. Однако, на наш взгляд, при всей условности, здесь все равно сохраняется элемент зрительного образа. «Вечные своды» в читательском восприятии ассоциативно связываются с античными представлениями о вратах в подземное царство Аида, куда попадают человеческие души. Теряя память, они все же обретают посмертное существование. Таким образом, само обозначение смерти является оксюморонным, включает семантический элемент «жизнь». В метафорических обозначениях: «уход», «вечный сон» — смерть не предстает как полное уничтожение, может быть, еще и потому, что для человеческого сознания трудно, практически невозможно представить абсолютное небытие.

Как связаны с душевным состоянием лирического «я» образы дуба и младенца? — Он соотносит с ними срок своего бытия и особенно остро осознает кратковременность не только человеческой жизни вообще, но и своей собственной. Дуб

«переживет ... век забвенный», младенец, только начинающий жить, напоминает герою о том, что ему «время тлеть». И слово «прости», обращенное к нему, обозначает прощание, последний привет.

Но в основе бытия лежат вечные законы не только умирания, но и обновления. Что обозначает само слово «патриарх?» — Здесь — это один из библейских праотцев, наделенных по воле Бога невероятным долголетием, родоначальник, обладающий многочисленным потомством. Дуб в мифологиях разных народов — это еще и символ мирового древа, воплощающего собой жизнь.

Дуб «почтенный» вызывает уважение и преклонение, младенец — нежность и умиление, пожелание «цвести». И два эти образа, представляющие собой антитезу, в то же время являются воплощением вечного обновления жизни, вечной красоты природы и игры жизненных сил, по-разному сказывающихся в «младенце милом» и в могучем дереве.

Какой поворот лирической темы происходит в пятой строфе? — Неотвязная дума о неизбежности смерти, целиком захватившая человека („День каждый, каждую годину Привык я думой провождать”) порождает стремление разгадать тайну своей предстоящей кончины:

*И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?*

Так в стихотворение входит тема судьбы. Может ли человек противостоять этой грозной силе? — Смерть неотвратима, но и бой, и странствие, и волны подразумевают деятельную позицию человека. Человек не в состоянии предугадать волю судьбы, но он волен в своих желаниях. Гибель в бою или в волнах — это смерть вдали от дома, смерть в одиночестве, насильственная смерть. Ей противостоит иное решение темы — последнее успокоение, кончина на родине, когда „соседняя долина” „примет охладелый прах”.

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.*

Что обозначает здесь слово «предел»? — Оно имеет разные значения. Это и участь, судьба, и страна, местность. «Милый предел» — это близкие сердцу родные места, где смерть предстает в облике мирного сна.

Проследите, как развивается в стихотворении тема смерти. — Мысль о смерти нагнетается постепенно. От шума и многолюдности поэт приводит нас к мысли о вечности: «шумных», «многолюдный», «безумных» => «уединенный», «забвенный» => «охладелый», «бесчувственному», «гробового» => «равнодушная», «вечною». Жизненный путь человека лежит через безумство (юность), уединение (зрелость), забвение (старость) — к гробу.

Вызывает ли это стихотворение чувство подавленности и уныния? — Нет, потому что дума о неизбежности конца, которая является стержнем всего произведе-

ния, постоянно сопровождается картинными образами, связанными с представлениями о жизни.

Какова связь между двумя первыми и последней строфами? — Последняя строфа соединяет образы «младой жизни» и «равнодушной природы», стихотворение обретает кольцевую композицию. И жизнь представляется бесконечной в движении по этому кольцу: от безумной, чуждой осмыслению законов бытия юности, через муки поисков смысла жизни — к смерти, к «гробовому входу», вокруг которого уже шумит новая молодость. Природа равнодушна к отдельному человеку, но она прекрасна, и Вечная жизнь — в этой смене поколений, истина — в мудром примирении с круговоротом жизни: а самая грустная из пушкинских элегий оставляет у читателя впечатление не подавленности и уныния, а мудрой и бесстрашной просветленности.

Литература

1. Дыханова Б. С. Книга для учителя-словесника: Научно-методическое руководство к авторской Программе по литературе. 9 класс средней общеобразовательной школы — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001.

2. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии Анализ поэтического текста: Структура стиха // СПб., 1996.

Колтухова І. М. До проблеми аналізу ліричного вірша на уроці літератури (на матеріалі вірша А.С. Пушкіна „Брожу ли я вдоль улиц шумных“).

Стаття присвячена проблемі аналізу ліричного вірша на уроці літератури.

Ключові слова: методика викладання, ліричний вірш, аналіз ліричного вірша.

Koltukhova I. M. On the problem of lyric poetry analyses at literature classes (A. Pushkin Wandering the noisy streets..).

The article is devoted to the problem of lyric poetry analyses at literature classes.

Key words: methods of teaching, lyric poem, skills for analysing of lyric poems.

Статья поступила в редакцию 28 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 46 – 53

УДК 811.161.1`373.612

ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (на примере единиц с компонентом «еда»): АСПЕКТЫ

Ли Гуаньхуа

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В настоящей статье рассматриваются фразеологизмы о еде. Автор анализирует классификации фразеологизмов и раскрывает их культурно- национальный смысл и характер, так как фразеологический состав отражает специфику когнитивной деятельности членов языкового социума.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, фразеологическая картина мира, культурно-национальный характер, лингвокультурологическая общность.

Сфера человеческой жизни, связанная с едой, очень богата, разнообразна и сложна, столь же многообразно и сложно ее отражение в сознании человека. Поэтому все, что связано с ней, всегда интересовало представителей различных наук, даже если не принимать во внимание биологический, экономический и социальный аспекты такого жизненноважного явления. Это подтверждают исследования, проводимые лингвистами на протяжении последних лет. В языковой картине мира каждого народа содержится немало разнообразных языковых средств (лексических и фразеологических) для отражения всего того, что связано с едой. Русский язык изобилует богатым лексическим (лексика и фразеология) материалом. Поэтому работа с данным материалом весьма проблемна по ряду причин. Во-первых, вызывает трудности определение самого понятия и, во вторых, проблема дифференциации затрудняет выделение самого объекта исследования.

Тем не менее, можно предположить, что все, что связано с едой в русском языке, в русском языковом сознании может быть объединено в лексическое поле «еда» и подразделено на многочисленные единицы различных уровней — лексические группы, подгруппы, микрополя и т. п., в числе которых могут быть названы такие, как еда и непосредственно все, что связано с ней: ее добычей, приготовлением, культовыми (религиозными) явлениями и рядом других.

Перечисленные выше проблемы определили задачи и цель данного исследования.

Целью настоящей работы является краткое описание фразеологических единиц, объединенных интегральным значением, компонентом 'еда'. Это создает основу для реконструкции фрагментов языковой и концептуальной картины мира человека, связанных с едой.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**, ответа на некоторые вопросы:

- 1) выработать рабочее определение понятия «еда»;

2) описать фрагмент русской фразеологической картины мира (на примере фразеологических единиц с компонентом 'еда/пища'), что влечет за собой системы фразеологических единиц;

3) обратить внимание на некоторые национальные и культурные особенности русской культуры, отраженные в исследуемом материале.

Понятие «еда» в системе языка может эксплицироваться следующим образом:

1) еда как процесс, включающий «принятие, поглощение пищи» [17, с. 467];

2) еда как «собирательное понятие, которое соотносится с разнородной совокупностью предметов различного типа» [5, с. 123] обозначающих «то, что едят и пьют, что служит питанием» [17, с. 129].

Понятие еда достаточно сложно. Исследователи пришли к выводу, что благодаря функционированию в концептуальном аппарате лингвистики таких её категорий, как картина мира, языковая картина мира, концептуальная картина мира, становится возможным выявление фразеологической картины мира и её культурно значимых фрагментов.

Фразеологическая картина мира понимается исследователями как результат и способ вербального описания макро- и микрокосма народом — носителем языка, основанного на тематико-идеографической систематике ФЕ [22] и её отдельных национально и культурно значимых фрагментов, концептуальным центром которых выступает «человек».

В силу этого актуальность изучения фразеологических единиц, концептуализирующих культурную область, связанную со всеми аспектами традиции приготовления и употребления пищи и напитков, обусловлена не только «чисто» научными, но и культурными общественными интересами. Русская фразеология данной сферы отражает наиболее значимые культурные доминанты, стереотипы, сложившиеся в коллективном сознании людей и закреплённые в национальном менталитете, представляющие философию, психологию, этику, культуру и быт каждого народа.

Как отмечают языковеды, в лингвистике до сих пор остаются дискуссионными вопросы о сущности, категориальных признаках и классификации разных типов фразеологических единиц [4].

Понятие «фразеологизм» по-разному объясняется современными исследователями, отсутствие же единого его определения обусловлено интро- и экстралингвистическими факторами.

Наиболее известным является термин «фразеологическая единица» (ФЕ), введённый В. В. Виноградовым, и обозначающий такое сочетание слов, которое образуется не в процессе речи, а воспроизводится по традиции.

В определении ФЕ наблюдается значительное многообразие авторских дефиниций и интерпретаций. Например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [13] приводится довольно развёрнутое и обобщённое определение ФЕ, предложенное В. Н. Телия: «Фразеологизм (фразеологическая единица) — общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [13, с. 559].

В. П. Жуков полагает, что фразеологизм — это «воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных и подчинительных словосочетаний (непредикативного или предикативного характера), обладающих целостным (или реже — частично целостным) значением и соотносящийся со словом» [10, с. 9].

По мнению А. В. Кунина, фразеологическая единица — это «устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» [11, с. 210].

У Н. М. Шанского фразеологический оборот — это «воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [24, с. 20].

А. М. Мелерович даёт следующую дефиницию: «Фразеологические единицы — это раздельнооформленные единицы языка, являющиеся устойчивыми, полностью или частично семантически преобразованными знаками» [15, с. 11]. По Ф. И. Буслаеву, фразеологизмы — это своеобразные микромиры, содержащие в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [3, с. 37].

В. А. Маслова называет ФЕ «душой всякого национального языка, в которой удивительным образом выражены дух и своеобразие нации» [14, с. 82], а также — «сгусток культурной информации» [14, 55]. Их функция — выражение оценочно-эмоционального отношения к фактам и явлениям.

Культурная информация хранится во внутренней форме ФЕ, которая, являясь образным представлением о мире, придаёт фразеологизму культурно-национальный колорит. Самыми основными признаками ФЕ считаются целостность значения, воспроизводимость, устойчивость, раздельнооформленность, непереводаемость на другие языки, возможность структурных вариантов и новообразований. Иногда выдвигаются иные критерии фразеологичности: эквивалентность слову (В. В. Виноградов), образность (А. Г. Руднев, А. И. Ефимов, Ю. Р. Гепнер), цельность номинации (О. С. Ахманова), метафоричность (А. М. Бабкин, Р. Н. Попов, М. И. Сидоренко, Б. А. Ларин), экспрессивность (В. М. Мокиенко) и др.

В любом языке вопрос классификации ФЕ представляет собой актуальную лингвистическую проблему. В отечественной фразеологии существует несколько типов классификаций ФЕ, в основе которых лежит тот или иной главный классификационный признак: семантический (В. В. Виноградов), структурный (Н. М. Шанский, А. И. Смирницкий), исторический (Б. А. Ларин), стилистический (Н. М. Шанский, В. Н. Телия, А. И. Фёдоров) и др. Лингвисты классифицируют фразеологизмы с точки зрения их состава, происхождения (Н. М. Шанский), видовой зависимости (В. Л. Архангельский), фразеологической аппликации (В. П. Жуков) и т. д.

Как известно, классификация ФЕ В. В. Виноградова (1946) считается первой углубленной попыткой анализа и описания фразеологической системы русского языка. ФЕ были разделены на три типа по степени семантической спаянности (слитности) компонентов и по степени мотивированности их значений:

1) фразеологические сращения — семантически неделимые;

2) неразложимые и немотивированные единицы, выступающие эквивалентами слов (*собаку съел, как пить дать, заморить червячка*);

3) фразеологические единства — мотивированные и производные единицы, выступающие потенциальными эквивалентами слов (*первый блин комом*);

4) фразеологические сочетания — единицы, в которых один из компонентов имеет свободное, а другой — фразеологически связанное значение, ограниченное узким кругом словесных связей (*тёртый калач, печь как блины, гадать на бобах, помнить хлеб-соль, надоест хуже горькой редьки*).

К этим трём типам ФЕ Н. М. Шанский (1957) добавляет ещё один — фразеологические выражения — устойчивые по составу и употреблению ФЕ, которые не только являются семантически членимыми, но и целиком состоят из слов со свободным значением (*Сам кашу заварил, сам её и расхлёбывай*). В состав четвёртого типа ФЕ входят устойчивые фразы разных структурных типов, обладающие различными семантическими функциями (паремии, крылатые фразы, фрагменты художественных текстов и т. п.). Четырёхчленная семантическая классификация Виноградова — Шанского признаётся большинством фразеологов и является общепринятой в современной русистике.

Л. Ю. Буянова и Е. Г. Коваленко сформулировали общую дефиницию данного понятия следующим образом: «Фразеологизм — это устойчивая в языке и воспроизводимая в речи семантически трансформированная (переосмысленная) языковая единица, состоящая более чем из одного слова, обладающая раздельнооформленностью, экспрессивностью и эмоциогенностью» [4, с.15]. Они классифицируют ФЕ как:

1) идиомы, полностью переосмысленные образные выражения (*как сыр в масле, снимать сливки, дырка от бублика*);

2) фразеологические сочетания, в которых переосмыслено одно из слов-компонентов (*вот так клюква, надоест как горькая редька*);

3) речевые штампы, заданные определённым стилем и эпохой (*вкушать от пицци святого Антония, картошка в мундире, пушечное мясо*);

4) паремии (поговорки и пословицы), обладающие прямым и переносным значением (*заварил кашу — не жалея масла; к своему рту ложка ближе; не разбивши яиц, не сделаешь яичницы*);

5) клише — «речевые заготовки», связанные с узусом общения в определённых ситуациях (*хлеб-соль, пуд соли съесть, печь как блины*);

6) крылатые слова — афористические образные выражения, восходящие к определённому автору или анонимному литературному источнику (*хлеб наш насущный, манна небесная, запретный плод, демьянова уха*).

С учетом вышеперечисленных классификаций нами были выбраны из различных словарей и справочников соответствующие фразеологические единицы (ок. 500 примеров).

Фразеологический фонд языка как предмет исследования является «ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, в них как бы законсервированы представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении и т. д.» [14, с. 43]. Нами было установлено, что источником

культурно-национальной интерпретации является система образов-эталонов для лингвокультурологической общности.

«Эталон — это характерологическая образная подмена свойств человека или предмета вещью, в нашей работе названием блюда. Наименование съестного, выступающее в функции эталона, становится таксоном культуры, поскольку оно говорит не о мире, но об «окультуренном» мировидении» [20, с. 156]. Блюда, овощи, фрукты, напитки становятся теми образами, эталонами, которые могут вызывать в нашем сознании наглядные представления, яркие картины, на их фоне мы воспринимаем предметно-вещественное и понятийно-логическое содержание фразеологических единиц.

У каждого народа существуют свои эталоны: а) индивидуальные, специфичные только для определенного народа блюда, б) пища, которая встречается. В русской культуре эталонами с давних времен были хлеб, кисель, репа, каша, щи, так как русский народ был народом земледельческим. Эти же эталоны были характерны и для эпохи 60 – 80-х, т. к. «в них хранится старая эмоциональность; слегка подновленная, она сильнее и глубже, чем эмоциональность нового образа, ибо новизна отвлекает от эмоциональности в сторону предметности» [Ю. Тынянов, цит. по Телия: 20].

В. М. Мокиенко указывает, что в основе многих фразеологизмов лежат бытовые представления, связанные с народной кухней и пищей, например, *печь как блины, седьмая вода на киселе, калачом не заманишь* и др. [16, с. 118]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров приводят фразеологизмы, которые отражают детали традиционного русского «стола», питания [6, с. 93].

Ученые подчеркивают, что при фразеологическом осмыслении некоторые продукты использованы особенно активно: *кисель* (*за семь верст киселя хлебать, молочные реки, кисельные берега, седьмая вода на киселе*), *каши* (*каша во рту, мало каши ел, заварить / расхлебать кашу*), *хлеб*, к которому у русских всегда было благоговейное отношение (*есть чужой хлеб; перебиваться с хлеба на квас, посадить на хлеб и воду*); *соль* (*водить хлеб-соль, пуд соли съесть, забыть хлеб-соль*).

Также в русском языке актуальны ФЕ с компонентами *пьяный* (*по пьяной лавочке, под пьяную руку*); *горло, глотка* (*становиться поперёк горла, промочить горло, стать поперёк глотки*); *кормить* (*кормить завтраками*); *питаться* (*питаться манной небесной*); *вкушать* (*вкушать плоды*); *ломоть* (*отрезанный ломоть*); *утроба, желудок, живот* (*ненасытная утроба, живот подвело*); *зубы* (*щёлкать зубами, зубы на полку, зубы съесть*).

Ассоциации, соотносимые с каким-либо продуктом питания, в разных языках и культурах могут сильно различаться, вплоть до полной противоположности, например, если русская каша воспринимается как нечто неупорядоченное, спутанное (*каша в голове / во рту*), то для немца каша представляется чем-то ценным, «повышенно питательным» (*иметь смекалку, быть башковитым*).

Мореплавание и рыбный промысел, соответственно, не играли важной роли в России, следовательно, в русском языке ФЕ с такими компонентами представлены в

меньшем количестве: *как сельдей в бочке; нем как рыба; ни рыба, ни мясо; рыбы глаза; пятиться как рак; красный как рак; демьянова уха; реветь белугой.*

В. А. Маслова считает, что, «интерпретируя ФЕ на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации» [14, с. 55].

В семантике ФЕ отражается длительный процесс развития культуры народа, от поколения к поколению передаются культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы. При анализе особенностей культурной коннотации мы исходим из постулата о том, что система образов, закреплённых во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной и духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях. Это положение служит исходной гипотезой нашего исследования концепта «Еда».

В. Н. Телия называет фразеологический состав языка зеркалом, в котором идентифицируется национальное самосознание лингвокультурной общности, при этом разные типы фразеологизмов по-разному отражают культуру (1996). Во внутренней форме многих фразеологизмов содержатся придающие им культурно-национальный колорит смыслы. Например, фразеологизм *сбоку припёку* (о чём-то ненужном, необязательном) возник из реальной ситуации печения хлеба, когда сбоку основного каравая возникают наплывы из теста, которые в пищу не употребляются. Семантику таких фразеологизмов можно интерпретировать с позиций ценностных установок и стереотипов, свойственных ментальности нации, т. е. в терминах национальной культуры: тесто, отделившееся от основного каравая, не может быть использовано в пищу, т. к. оно пригорает и покрывается коркой; следовательно, наросты сбоку каравая не нужны, это плохо [14].

Считается, что проще всего понять и объяснить культурный аспект тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет денотативный аспект. Проанализируем, как пример, фразеологизмы, одним или несколькими компонентами которых являются номинации предметов национальной культуры: *щи лаптем хлебать* (об очень простом человеке); *печь как блины* (создавать что-либо быстро, в большом количестве и, как правило, плохо); *развесистая клюква* (небылица, выдумка, в которую нельзя поверить); *заварить кашу* (затевать неприятное или хлопотливое дело); *тёртый калач* (очень опытный или хитрый, хорошо знающий людей человек, который не даст себя обмануть и всегда найдёт выход из трудного положения); *дешевле пареной репы* (ничего не стоит, чрезвычайно дешево).

Эти фразеологизмы в своём лексическом составе содержат указание на кулинарно-гастрономический фрагмент сферы материальной культуры — *щи, блины, каша, репа, клюква, калач* и т. д. Их значения формировались с учётом экстралингвистической специфики семантики этих лексем. Так, *щи* — слишком простая народная пища; способ приготовления *блинов* быстр и прост, чтобы приготовить даже большое их количество, требуется сравнительно мало времени; *каша* в древности была обрядовым блюдом, и варили её сообща сразу несколько семейств, что

было довольно сложно и хлопотно; *репа* до появления в России картофеля была самым распространённым видом овощей и входила в повседневный рацион крестьянского населения; *тёртым калачом* называют человека, которого «тёрла» и «мяла» жизнь, поскольку «*тёртый калач* — это калач, приготовленный из особого теста, которое долго трут и мнут, чтобы при выпечке получился пористый мякиш» [21, с. 61].

Таким образом, нами была проделана следующая работа:

С использованием данных современных словарей было выработано рабочее определение понятия «еда».

Проанализированы функционирующие в современном языкознании определения и классификации фразеологических единиц.

Из словарей русского языка и энциклопедий были выбраны, систематизированы и описаны фразеологические единицы с компонентом «еда».

Осуществлено краткое описание соответствующего фрагмента русской фразеологической картины мира, что позволило обратить внимание на некоторые национальные и культурные особенности русской культуры, отраженные в исследуемом материале и еще раз подтвердить предположение о том, что исследование языковых средств, содержащих культурно-значимые смыслы, на сегодняшний день является одним из приоритетных направлений современной лингвистики. Поскольку фразеологический состав отражает специфику деятельности членов языкового социума, он признан наиболее прозрачным для изучения воплощаемых средствами языка концептов культуры. Фразеологические единицы, отражающие национальную культуру, рассказывают об особенностях быта народа, описывают определённые обычаи и традиции, передают специфику национального фольклора и художественной литературы и т. д.: *живая вода*, *молочные реки*, *кисельные берега*, *задать перцу*, *демянова уха*, *щёлкать как семечки*.

Это, по нашему мнению, подтверждает высказывания Л. П. Смита о том, что идиомы, удачные поговорки, созданные людьми, занятыми в различных сферах деятельности, будучи краткими, разговорными, живыми, отражая бытовую ключом жизнь, всегда находят применение в выразительной речи. Повара на кухне, моряки в плавании, крестьяне в поле и т. п. — все, кому срочно требовалось отдать приказ, выразить предубеждение, угрозу, упрёк, умели находить яркие сочетания слов, красочные метафоры, связанные с обстоятельствами своей деятельности [19].

Литература

1. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. — М., 2003. — 512 с.
2. Булгаков С. Философия хозяйства. — New York, 1982. — 330 с.
3. Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объяснённые. — М., 1954.
4. Буянова Л. Ю., Коваленко Е. Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. — Краснодар, 2004.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.
6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М., 1980.

7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М., 1990.
8. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 140 – 161.
9. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. — 1997. №6. — С. 37 – 45.
10. Жуков В. П. Русская фразеология. — М., 1986.
11. Кунин А. В. Асимметрия в сфере фразеологии // Вопросы языкознания. — 1988. №3. — С. 98 – 107.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Благовещенск, 1998. — С. 126 – 173.
13. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990.
14. Маслова В. А. Лингвокультурология: [учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений]. — М., 2001.
15. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Текст. / А. М. Мелерович. — Ярославль, 1979. — 79 с.
16. Мокиенко В. М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии // Вопросы языкознания. — 1995. №4. — С. 3 – 13.
17. Словарь русского языка в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1981 – 1986.
18. Смит Логан П. Фразеология английского языка. — М, 1959.
19. Телия В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
20. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.
21. Фелицына, В. П., В. М. Мокиенко. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь. — М.: Русский язык, 1990.
22. Хайруллина Р. Х. Картина мира во фразеологии (тематико-идеографическая систематика и образно-мотивационные основы русских и башкирских фразеологизмов): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1997.
23. Шанский Н. М. Лексика и фразеология современного русского языка. — М., 1957.
24. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. — М., 1985.

Li Guanxua. Досвід лінгвокультурологічного і семантичного опису російської фразеологічної картини світу (на прикладі одиниць з компонентом „їжа”): аспекти.

У цій статті розглядаються фразеологізми про їжу. Автор аналізує класифікації фразеологізмів і розкриває їх культурно-національний зміст і характер, так як фразеологічний склад відображає специфіку когнітивної діяльності членів мовного соціуму.

Ключові слова: фразеологізм, фразеологічна одиниця, фразеологічна картина світу, культурно-національний характер, лінгвокультурологічна спільність.

Li Guanhua. Experience of the lingvoculturological and semantic description of Russian phraseological picture of the world (based on idioms with the component «food»): aspects.

This article explores idioms with the component food. The author analyzes the classification phraseology and reveals their cultural and national significance and character, as phraseological structure reflects the specific cognitive activities of members of linguistic society.

Key words: character, lingvoculturological community.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 54 – 58

УДК 81'371

**КОНОТАТИВНО МАРКОВАНІ СЛОВОСПОЛУЧЕННЯ
ЯК ОБ'ЄКТ ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ
(на матеріалі сучасних українських газетних текстів)**

Ма Яньфей

*Київський національний університет імені Тараса Шевченка,
м. Київ*

У статті розглянуто конотацію словосполучень, вилучених із сучасних українських газетних текстів, а також досліджено роль культурної інформації у створенні конотації.

Ключові слова: конотація, лінгвокультурологія, словосполучення.

Українська лінгвокультурологія — відносно нова комплексна наука. Її основи закладено у працях О. Потебні [6; 7; 8] та М. Костомарова [5], орієнтованих на тлумачення етнолінгвістичного матеріалу як виміру національної культури. Становлення лінгвокультурології як наукової поліпарадигми, синтезу теоретичних засад лінгвістики, культурології, етнології, психології, фольклористики та поетики по-різному віддзеркалюється в національних гуманітарних сферах [2, с. 13]. Але до цього часу, лінгвокультурологічні дослідження в основному проводилися на матеріалах текстів художнього стилю. Звідси і впливає **новизна нашої роботи:** у статті проводитиметься вивчення зв'язку мови і культури на матеріалі вилучених із сучасних українських газетних текстів конотативно маркованих словосполучень. Як зауважила дослідниця Голянич М. І., «у різноаспектних інформаційних процесах, результатом яких є відповідний текст, важливу роль відіграє вміння передбачити актуалізацію конотативних компонентів значення, потенційно притаманних слову, формування асоціативно-образних мотивів, здатних розгортати імпліцитні мікротеми, маркуючи текст суб'єктивно-модальними нашаруваннями» [3, с. 196].

Основоположником лінгвокультурології вважають В. Гумбольдта, який заклавав основи етнолінгвістики. Український мовознавець О. Потебня, під впливом поглядів Г. Сковороди, М. Костомарова та інших, розвинув ідеї В. Гумбольдта про мову як діяльність духу народу, тобто колективної свідомості. У працях В. Ващенко, С. Єрмоленко, Н. Сологуб, В. Жайворонка, М. Кочергана, П. Гриценка, В. Кононенка та інших українська мова розглядається як скарбниця національної культури, а культура — як чинник формування мовних явищ і процесів [1, с. 3 – 5]. Про взаємозв'язок мови і культури П. Ю. Гриценко пише, що «мова як вербальний компонент культури залежить від культури, відображає її за допомогою наявного арсеналу засобів, реагує на зміни культури, видозмінюється разом із змінами її елементів і форм; одночасно і культура, особливо елементи духовної культури,

корелює з формами мовного вираження, залежачи певною мірою від останніх» [4, с. 67].

Як відомо, що українська лінгвокультурологія орієнтована на вивчення національно-культурної складової, мовної картини світу, мовної особистості з її компетенційними можливостями, отож постає потреба опрацювання проблематики національного психотипу, ментефактів, бачення рідної культури в собі та себе в цій культурі [1, с. 19]. Тому лінгвокультурологічні дослідження мовних одиниць передбачають урахування духовно-концептуальних, образно-метафоричних, символічних та інших знань як результату дії людської свідомості, світовідчуття, яке опирається на національно орієнтовані форми вираження. Серед понять, до яких звертаються мовознавці і культурологи, важливою для нашого дослідження є культурна конотація, яка допомагає виявити додаткові елементи смислу, модусу, оцінки в єдності з культурологічними показниками [2, с. 26 – 27].

Мета нашої роботи полягає у з'ясуванні засобів втручання культурної інформації у створення конотації. Для цього ми поставили такі **завдання**, як:

а) з'ясувати, які саме факти зі сфери історії, культури певного соціуму вплинули на формування конотації розглянутих словосполучень;

б) з'ясувати характер та особливості конотації досліджених словосполучень;

в) з'ясувати, у якій саме спосіб відбилася ця інформація у розглянутих мовленнєвих одиницях;

г) з'ясувати те, інформація з якої саме соціально-культурної сфери є основою конотації.

Проблема конотації як суб'єктивно орієнтованого компоненту семантики особливо тісно пов'язана з людським фактором в мові, а саме з тим, що людина, життя і діяльність якої протікає в деякому місті планети в певний історичний період і в конкретному соціумі, асоціює все пізнане в заданих координатах і з позиції самопізнання перш за все [9, с. 109].

Таким чином, з точки зору віддзеркалення культури у мовних одиницях, ми зробили таку класифікацію конотативно маркованих словосполучень, де для створення конотації активізуються: а) знання про історичні події та історичних осіб (*червневі тези Януковича, колективний Брежнєв, помаранчеве минуле, потьомкінська демократія, сараєвський постріл*); б) алюзії на літературно-фольклорні факти (*бочковий інформаційний дьоготь*); в) асоціації з традиціями певного народу (*першотравневі клоунади*).

Як видно з вище наведеної класифікації, більшість словосполучень входить до першої групи. Одне з них — *червневі тези Януковича*. Автор, побудувавши аналогічне сполучення за моделлю «квітневі тези Леніна», провів таким чином паралель з початком радянських часів і натякнув на стиль керівництва, схожий на стиль керівництва за радянських часів.

Друге словосполучення вжите в такому контексті *Був у пізнорадянські часи політичний анекдот, суть якого становила фраза: Вчора, не приходя в сознание, тов. Л. И. Брежнев приступил к работе и провел заседание политбюро... Так от, у вівторок, 20 жовтня 2009 року, таким собі колективним брежнєвим був український парламент, який засвідчив свою повну і, боюсь, остаточну політичну*

непритомність (День, 22 жовтня 2009). Завдяки конотативному словосполученню *колективний брежнев* відображається образна характеристика роботи державного органу, а також авторська оцінка його діяльності. Вживання прізвища історичного політичного діяча як загального іменника свідчить про перехід характеристики, особливостей поведінки певної особи на загальновідоме явище.

Третє словосполучення ми зафіксували в контексті: *Офіційно Росія дистанціювалася від наших виборів, але душею вболівала за Януковича. Напевно, через гостру неприязнь спочатку до Ющенка, а потім через «помаранчеве» минуле до Тимошенко. І раптом прийшло прозріння, що обидва горіхи виявилися для них порожніми* (День, 16 лютого 2010). У цьому словосполученні сполучуються прикметник на позначення кольору і абстрактний іменник на позначення часу. Таке незвичне поєднання підштовхує розуміння складових елементів в переносному значенні, де відбувається семантична трансформація прикметника в символ певних подій найновітнішої історії України.

Наступне словосполучення вжите в такому реченні — *Янукович буде «потьомкінську демократію»* (Главред, 14 вересня 2010) — побудоване за аналогом відомого російського фразеологізма «потёмкинские деревни», тобто «фасадні, фальшиві, несправжні села». Цей вислів був лексикалізований: «потьомкінські села» означає обман. У словосполученні *потьомкінська демократія* зберігається самостійність обох компонентів. Конотація зосереджена у слові «потьомкінська», але вона властива даному слову тільки у сполученні або зі словом «села», або, як у нашому випадку, зі словом «демократія». Таким чином, автор не тільки дав характеристику демократії, а й показав як саме виявляється ця фальшивість, нагадавши читачам відповідні факти з історії держави. Завдяки такому способу передачі думки інформації, яку має передати певна мовна одиниця, стає більше, вона глибша, об'ємніша. Словосполучення виконує не тільки номінативну функцію, але й функцію передачі інформації, збудника емоцій тощо.

Останнє словосполучення першої групи вжите у такому реченні: *Є всі підстави вважати, що стаття журналіста, яка викликала такі суперечки, виявилася свого роду сараєвським пострілом, після якого почалося неабияке протистояння всередині російського правлячого класу* (День, 3 листопада 2009). Пряме значення цього словосполучення — «постріл, який пролунав у місті Сараєво». Згідно історії це Сараєвське вбивство, яке було використане Австро-Угорщиною і Німеччиною як привід для воєнного нападу на Сербію, що поклало початок першій світовій війні [10, Т. X., с. 31]. Ті асоціації, які пов'язані з цими подіями, спочатку створили зміст конотації, а потім призвели до розвитку переносного значення, яке властиве словосполученню в цілому: «поштовх до чогось поганого, агресивного; провокація». На сьогодні конотація перетворилася на значення.

До другої групи словосполучень зарахували такий випадок: *Чи став істиннішим від цієї ложки «зелених» бочковий інформаційний дьоготь, який щодня з натиском, що заслуговує на краще застосування, постачався минулого тижня з Москви?* (День, 12 травня 2010). Це алюзія на відому приказку про те, що «Ложка дьогтю здатна зіпсувати бочку меду». Автор переставив об'єми дьогтю і меду у вихідному фразеологізмі, де ложки дьогтю було достатньо, щоб зіпсувати цілу

бочку меду. В результаті такого витлумачення вимальовується абсолютно контрастна картина тій, яку передає вихідний фразеологізм, що ні в якому разі бочку дьогтю не врятує мед. Тобто велику кількість інформаційного бруду вже неможливо очистити нічим.

До останньої групи словосполучень зарахували такий випадок: *Втім, якщо серйозно, то першотравневі клоунади починають набридати, навіть попри цьогорічні новації* (День, 12 травня 2010). Якщо розглядати слова, які входять до складу цього словосполучення, окремо, то слово «першотравневий» має конотацію, тому що воно не тільки означає характеристику за календарним часом, але й містить у собі нагадування про важливе свято радянських часів з яскравим ідеологічним забарвленням. Типові словосполучення з цим словом, що активно вживалися ще не так давно, це: першотравнева демонстрація, першотравневі лозунги. Інший компонент словосполучення — «клоунада» — не має конотації. Проте результатом об'єднання цих лексем в одне словосполучення є яскрава експресивність, що базується на поєднанні конотації слова «першотравневий» з прямим значенням лексеми «клоунада». Очевидно, що слово «клоунада» вжите замість слова «демонстрація».

Зібраний та опрацьований матеріал свідчить про те:

1) базою для появи конотації у 80% відсотків випадків виступає саме інформація з історії, потім іде література, фольклор, традиція;

2) залучені до аналізу словосполучення — це: а) абсолютно нові (*колективний Брежнев, Сараєвський постріл, бочковий інформаційний дьоготь*); б) трансформація вже відомих словосполучень, шляхом заміни одного з компонентів (*червневі тези Януковича; потьомкінська демократія, першотравневі клоунади*).

Виявилися такі особливості самої конотація:

а) вона тільки інформативна або інформативна значною мірою (*потьомкінська демократія, сараєвський постріл, червневі тези Януковича*);

б) вона експресивно забарвлена (*першотравневі клоунади*);

в) вона більше спирається на знання про історичні події та історичних осіб ніж на алюзії на літературно-фольклорні факти та асоціації з традиціями певного народу.

Таким чином, проведене дослідження ще раз підтвердило, що інформація з культурно-історичної сфери життя людини відіграє значну роль у формуванні додаткових значень окремих слів та цілих словосполучень.

Література

1. Віталій К. І. Мова у контексті культури. Монографія. — Київ — Івано-Франківськ, 2008.
2. Віталій К. І. Українська лінгвокультурологія: Навч. посіб. — К., 2008.
3. Голянич М. І. Внутрішня форма слова і дискурс: Монографія. — Івано-Франківськ, 2007.
4. Гриценко П. Ю. Мова як акумулятор культури і одна з форм її вираження // Мові і культура. — К., 1986.
5. Костомаров М. І. Слов'янська міфологія. — К., 1994.
6. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Слово и миф. — М., 1989.

7. Потебня А. А. О доле и сродных с нею существах // Потебня А. А. Слово и миф. — М., 1989.
8. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Потебня А. А. Слово и миф. — М., 1989.
9. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986.
10. Українська радянська енциклопедія. — К., 1980. Т.V.

Ма Яньфей. Коннотативно маркированные словосочетания как объект лингвокультурологического исследования (на материале современных украинских газетных текстов).

В статье рассмотрена коннотация словосочетаний, извлечённых из современных украинских газетных текстов, а также исследована роль культурной информации в создании коннотации.

Ключевые слова: коннотация, лингвокультурология, словосочетание.

Ma Yanfey. Connotative marked phrases as the object of lingocultural research (based on modern Ukrainian newspaper texts).

The article examines connotation of the phrases, which are used in the modern Ukrainian language newspapers, as well as the role of culture information for connotation formation.

Key words: connotation, lingocultural studies, phrase.

Статья поступила в редакцию 8 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 59 – 64

УДК 811.161.1'373.2:378.16

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ОНИМА И ПРЕПОДАВАНИЕ РКИ

А. М. Мезенко

*Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
г. Витебск*

В статье освещено понятие культурной памяти, определено место языка города в кругу средств передачи культурной памяти, обоснована целесообразность использования урбанонимных единиц в преподавании РКИ.

Ключевые слова: культурная память, культурная среда, оним, урбаноним, урбанонимное пространство, страноведение.

Постановка проблемы. Под культурной памятью обычно понимают трансляцию культурных знаний из поколения в поколение. Будучи как маркированной, так и подразумеваемой, невыраженной, она всегда связывает прошлое с настоящим и будущим. Без нее невозможно будущее.

Среди средств передачи культурной памяти особое место занимает язык города — названия внутригородских объектов, которые, описывая пространственное восприятие города, соотносятся с картиной мира и в силу этого образуют один из фрагментов в ономастической картине мира, являющейся частью языковой картины мира, которая, как известно, отражает национальное мирозерцание и мироощущение окружающей действительности, наполняя ее понятиями и символами, воплотившими исторически сложившиеся национальные ценности, составляющие культурные, нравственно-эстетические достояния народа, что особенно важно при преподавании русского языка как иностранного.

Актуальность предлагаемого исследования определяется 1) продолжающейся разработкой теории страноведения; 2) спецификой и значимостью онимов в трансляции культурных знаний; 3) слабой представленностью исследований по использованию урбанонимных единиц в преподавании РКИ.

Цель — обоснование целесообразности использования онимов как хранителей культурной памяти в преподавании русского языка как иностранного.

Внутригородские названия — это не только действующий знак, но одновременно и летопись города.

Известно, что изучение средств и способов создания названий внутригородских объектов органично связано с изучением традиций и культурного опыта народа. Как часть языка, урбанонимия есть одновременно и продукт культуры, и условие существования последней. Внутригородские названия — это специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов, участвующих в структурировании и оценке материального мира. Сложность

освоения студентами-иностранцами имен собственных, и в частности имен внутригородских объектов, и объясняется тем, что урбанонимные знаки выполняют одновременно и функцию знаков культуры, служащих средством представления основных установок культуры. Как уже было отмечено Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, национально-культурный компонент онимам свойствен в большей степени, чем апеллитивам [4, с. 56], потому что урбанонимные системы постоянно изменяются, развиваются. Их изменения — это результат преобразований в общей картине мира определенного народа. Из всех изменений наиболее активно отражаются в урбанонимном тексте изменения социального характера. Системы внутригородских названий конкретного народа так или иначе связаны с мировоззрением данного этноса — его верованиями, религией, особенностями быта, социальными особенностями — иными словами, с историческим прошлым и современным состоянием культуры и языка как ее части.

Время, эпоха, эстетические каноны, идеологические воззрения объективно обуславливали урбанонимию.

Каждая новая историческая эпоха характеризуется своим набором урбанонимов, поскольку в разные исторические периоды жители одного и того же города обращаются к разным мотивировкам имен, по-разному относятся к конкретным именам, по-разному воспринимают одни и те же имена. При этом выбор имени линейного, территориального или точечного объекта отличается определенной степенью устойчивости и традиционности. Урбанонимы манифестируют связь фрагментов языковой картины мира между собой. В них отражается связь между различными объектами и их признаками в объективной реальности, это значит, что урбанонимия информирует не столько о том, какие составные элементы картины мира жителями населенного пункта познаны, а о том, как они между собой связаны.

Лингвокультурологически значимой является именно экстралингвистическая информация, стоящая за внутригородским названием.

В урбанонимном тексте информационные возможности топонимической лексики выявляются наиболее сильно и последовательно. Географические названия, встречающиеся в городе, нередко воспринимаются с явными вторичными смысловыми оттенками.

Содержательно-подтекстовая информация дает возможность осознать цели и мотивы создания урбанонимного текста и отвечает на вопрос, зачем созданы те или иные названия.

Значимая информация, которую содержат урбанонимы, скрыта в их этимологии или в намеренно завуалированной, затемненной по воле номинаторов внутренней форме. Для выяснения затемненной внутренней формы урбанонимов нужен очень широкий контекст, причем контекстом нередко выступает фактически весь исторический опыт народа

Любой урбанонимикон представляет жителям города или приезжим людям конкретную и в то же время обобщенную характеристику человеческой жизни. Иногда внутригородское название своим общим смыслом, своей этимологией

подчеркивает социальное положение жителей линейного или территориального объекта (сравним существовавшие в XVI – XVII вв. и сохранившиеся в отдельных городах до настоящего времени такие названия внутригородских объектов, как *Солдатская слобода*, *Купеческая ул.*, *Рыбацкая ул.* и подобные).

Даже если перед гостем города предстает только название, связанное с природой, как, например, *Кленовая аллея*, то такое наименование все равно представляет ценность не само по себе, а, прежде всего, как форма раскрытия определенного индивидуального человеческого взгляда на природный мир. Таким образом, в центре любого урбанонимикона следует видеть человека.

В урбанонимном тексте нет случайных имен. Даже такие названия, как *Первая линия*, *Вторая линия* и под., также представляют собой результат отбора из ряда возможных именовании для лучшей ориентации в городе. И в самых обычных названиях типа *Зеленая улица*, *Лесная улица*, *Полевая улица* слышится что-то родное, естественное, истинно народное, наполненное смыслом и энергией зеленых насаждений, лесов, полей и т. п.

На современном этапе развития методики преподавания русского языка как иностранного “особое внимание уделяется таким вопросам, как коммуникативная и культурологическая направленность обучения, включение местного краеведческого материала в процесс обучения русскому языку иностранных учащихся” [5, с. 202].

В свете сказанного урбанонимный (он же всегда краеведческий) материал приобретает особую значимость для методистов РКИ. Язык современного города, в частности названия его объектов — линейных, территориальных, точечных, — привлекает к себе пристальное внимание, что вполне естественно в силу стремления иностранных студентов постичь закономерности именования городских реалий, отражения в них социального содержания.

Жители разного возраста, независимо от времени проживания в городе, активно пользуются, помимо официальных, неофициальными урбанонимами, с которыми также должны быть знакомы иностранные студенты.

Урбанонимия любого города — большого, среднего или малого — в официальной ее части является отражением в миниатюре истории страны в целом и края в частности. В неофициальной же урбанонимии до сих пор живы названия по их бывшим хозяевам, некогда располагавшимся на них объектам, в том числе культовым, по собственным признакам объектов, осмысленным метафорически (например, *Стакан* (дом, который по форме напоминает стакан)).

Неотъемлемой частью занятий по страноведению могут стать занятия по урбанонимическому краеведению (кстати, курс «Краеведение» в системе подготовки иностранных студентов успешно апробирован Л. Н. Бондаренко в Украине [Бондаренко]), которые могут проводиться в различных формах, с применением различных методов и приемов [1].

Прежде всего это учебные экскурсии по городу, целью которых является закрепление изученного на занятиях по страноведению материала, активизация познавательного интереса, формирование культурологической компетенции студентов-иностранцев. Учебные экскурсии, по мнению практиков, способствуют также

установлению доверительных отношений между студентами и преподавателем.

Проводить их можно раз в месяц, начиная уже со второго семестра, поскольку в первом информативность экскурсии будет снижена из-за недостаточно высокого уровня знаний учащихся.

Для результативной подготовки иностранных студентов на продвинутом этапе обучения особо значимой оказывается поддерживаемая такими тенденциями, как динамизм, дифференциация обучения, самостоятельная управляемая работа, полностью согласующаяся с магистральным подходом к обучению русскому языку как иностранному, предполагающим выработку навыков самостоятельной работы при подготовке будущих специалистов. В ряду таких форм, как работа с текстами, материалами прессы, составление терминологического словаря, подбор текстов по специальности, может найти свое место написание сочинений или рефератов о названии (или названиях) улиц города, в котором обучается студент. Тематика их может самой разнообразной: названия улиц в честь известных ученых; названия улиц в честь известных художников; названия улиц в честь известных композиторов и т. п. Отдельные из тем будут соотноситься с дисциплинами, преподаваемыми для студентов 1 – 2-го курсов, что поможет в усвоении и закреплении материала, пройденного на занятиях.

Нельзя не согласиться с мыслью В. Вегвари о том, что «овладение иностранным языком предполагает способность и готовность понимать менталитет носителей изучаемого языка, а также свои национальные особенности. Различия между народами проявляются не только в том, что нации говорят на разных языках, но и в особенностях речевого поведения, традициях, ценностях, обычаях, морали, менталитета» [3, с. 346].

Так, урбанонимное пространство каждого языка, являясь незамкнутой лексической подсистемой, определяется моделью мира, существующей в представлении конкретного народа в определенное время. У русских и китайцев, например, принадлежащих к разным культурам, урбанонимное пространство характеризуется различным наполнением. «Китайские внутригородские названия включают в свой состав единицы, отражающие духовную жизнь китайского народа: религиозно-идеологические традиции (конфуцианство, буддизм, даосизм), философско-бытовые воззрения, тотемистическо-мифические представления, которые характеризуются этико-эстетическими параметрами и оказываются совершенно неизвестными европейскому этносознанию» [2, с. 15 – 16]. В то же время мемориальные названия, получившие широкое распространение у славян, в особенности персональные именованья, почти отсутствуют в китайском урбанонимиконе.

Необходимо осознание изучающими русский язык как иностранный того факта, что процесс усвоения русских форм несовершенен, если он не мыслится как процесс погружения в менталитет другого народа.

Одним из достаточно высоких уровней речевой деятельности является спонтанная речь — общение в неожиданных ситуациях. Она всегда представляет собой творческий процесс: студент сам должен конструировать высказывание, подбирать языковые средства. Стимулом для создания таких ситуаций может стать прочитан-

ный текст, включающий внутригородские названия; просмотренная телепередача, в которой озвучены знакомые или незнакомые урбанонимы; рекламный текст, включающий внутригородское название; экскурсия по городу. И если на начальном этапе в основном будет использоваться форма диалога, например, о названии улицы, где расположен корпус университета или здание общежития, на 2-м и 3-м курсах будут вводиться элементы неподготовленного монолога, например, об употреблении названия внутригородского объекта в новом значении, то на старших курсах это будут уже развернутые высказывания о важных в жизни студентов-иностранцев внутригородских объектах и связанных с ними названиях. Попутно за время обучения студент сможет усвоить: местоположение конкретного города в стране получения профессии; общий план города; расположение основных вокзалов; название и местоположение главных исторических мест города, его достопримечательностей; внешний вид этих объектов; разницу между улицей, бульваром, проспектом; расположение значимых в структуре города площадей. Реалии принимающей страны должны стать близкими студенту-иностранцу, именно при этом условии будет расширяться его культурный мир.

Изложенное позволяет сделать следующий **вывод**. Учитывая то, что в силу своего назначения внутригородские названия служат маркерами индивидуальной значимости соотнесенного с ними географического, территориального или точечного объекта, урбанонимия представляет собой осмысление и структурирование пространства с помощью специальных именных знаков, формирует и удерживает в живой памяти опыт истории иного времени. Изучение урбанонимии приведет к совершенствованию знания вторичной культурной среды, аспекты которой и воплощает такая научная дисциплина, как страноведение, объектом исследования которой и выступает человек и его культура в самом широком смысле слова. Во все времена именно сведения о культуре составляли основное богатство образования.

Литература

1. Бондаренко Л. Н. Курс “Краеведение” в системе подготовки иностранных студентов в вузах Украины / Л. Н. Бондаренко // Теория и практика преподавания русского языка: достижения, проблемы и перспективы развития: материалы III Международной научно-метод. конф. — Минск, 2009. — С. 208 – 210.
2. Ван Ли. Русскоязычная урбанонимия Беларуси в сопоставлении с китайской: структура, номинация: авторф. дис. ...канд. филол. наук / 10.02.02, 10.02.20 / Национальная академия наук Беларуси. Институт языкознания имени Якуба Коласа / Ван Ли. — Минск, 2007. — 20 с.
3. Вегвари В. Встреча языков и культур на деловых переговорах / В. Вегвари // Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного. Новые информационные технологии в лингвистической и методической науке: сборник докладов и сообщений девятого международного симпозиума МАПРЯЛ 2006. — Велико-Тырново, 2006. — С. 345 – 349.
4. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М. Рус. яз., 1990. — 246 с.

5. Яковлев С. М. Специфика преподавания курса “Страноведение” иностранным слушателям подготовительных отделений / С. М. Яковлев // III Международный форум русистов стран СНГ и Балтии, Минск, 7 – 8 декабря 2009 г.: сб. науч. статей / М-во образования Респ. Беларусь, Посольство Российской Федерации в Респ. Беларусь, НМУ «Нац. ин-т образования» М-ва образования Респ. Беларусь; под общ. ред. Л. А. Муриной, В. Ф. Русецкого. — Минск: Нац. ин-т образования, 2010. — С. 202 – 205.

Мезенко А. М. Культурная пам’ять оніма и викладання РЯІ.

У статті висвітлено поняття культурна пам’ять, визначено місце мови міста у колі засобів передачі культурної пам’яті, обґрунтована доцільність використання урбанонімних одиниць в викладанні РЯІ.

Ключові слова: культурна пам’ять, культурне середовище, онім, урбанонім, урбанонімний простір, країнознавство.

Mezenko A. Cultural Memory of Onym and Teaching Russian as a Foreign.

The article highlights the term cultural memory; the author defines the position of urban language as the means of conveying cultural memory and presents facts proving reasonability of the usage of urban units in teaching Russian as a foreign language.

Key words: cultural memory, cultural surrounding, onym, urbanonym, urban space, cultural studies.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 65 – 70

УДК 378. 147:811. 161. 1

РЕГИОНАЛЬНЫЙ (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ) АСПЕКТ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

С. В. Николаенко

*Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
г. Витебск*

Формирование лингвокультурологической компетенции при обучении языку обеспечивает усвоение культуроведческих, речеведческих и грамматических знаний, способствует формированию коммуникативных умений и навыков, повышает общий культурный уровень школьников и воспитывает их национальное самосознание.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, социокультурный подход, знаменитые люди Белорусского Поозерья, методика работы с текстом.

Интерес к эффективному изучению русского языка стабильно высок на протяжении всего постперестроечного времени: рождаются новые технологии, модифицируются традиционные, т. е. все четче очерчивается круг знаний, отвечающих на вопрос «Как учить?». Вопрос же «Чему учить, опираясь на какой материал?» по-прежнему решается по-разному. **Цель статьи** — попытка предложить один из возможных путей, рассмотреть поставленные вопросы в лингвистической дидактике, создание методологического и дидактического фундамента работы по обучению языку на культурологической основе.

Язык в современной методике понимается не только как предмет обучения, но и инструмент, с помощью которого продуцируются знания других предметов. Отсюда следует, что нельзя относиться к языку только как к инструменту общения, он еще орудие, и творец культуры, и, наконец, способ самореализации личности. Поэтому в современной методике проявляется все больший интерес к проблеме взаимодействия языка и культуры, языка и общества в процессе обучения, утверждение социокультурного подхода в качестве ведущего в обучении языку [3]. Исходя из сказанного, нужно активно формировать у учащихся лингвокультурологическую компетенцию — осознание языка как феномена и орудия культуры, национальной специфики языковой картины мира, национально-культурного компонента языковых единиц и т. д. Сделать это возможно, привлекая многочисленные материалы по истории и культуре региона, в котором живут учащиеся.

Существующая методика обучения русскому языку строилась на системно-структурной парадигме, которая определила свои императивы в школьных и вузовских программах и учебниках. По словам В. А. Масловой, «в современном преподавании языка мало обращается внимания на язык как феномен культуры, как определенное видение мира сквозь призму национального языка, как выразитель особой национальной ментальности, а ведь язык является главным источни-

ком новой мысли и нового подхода к миру» [1, с. 12]. Формирование новой парадигмы в лингвистике постепенно изменяет подходы в области лингводидактики: прежде всего, требует нового содержания филологических знаний на разных ступенях обучения, а также нового материала, который подвергается анализу на уроках русского языка. Традиционно это были классические художественные тексты И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др., язык которых в значительной степени отличается от языка начала нового тысячелетия. Отсюда возникает необходимость работать с современными текстами публицистики, региональных писателей и поэтов, что не просто обновит изучаемый материал, но и внесет новую струю в развитие личности ученика — приобщит его к культуре своего региона, которая зачастую малоизвестна или вообще неизвестна молодому человеку. Все это содержит огромный моральный и воспитательный потенциал и, в конце концов, дает возможность уточнить содержательную сторону обучения языку и рассмотреть региональную культуру в качестве одного из компонентов содержания обучения в дополнение к уже существующим.

Так, учащиеся и студенты Витебщины должны познакомиться с огромным материалом, который дает пребывание здесь известных писателей, композиторов, ученых, деятелей культуры и искусства. Среди знаменитых людей, родившихся в Витебске, художник Марк Шагал; лауреаты Нобелевской премии А. Гольдманский, Жорес Алферов, математик В. Платонов; композиторы М. Фрадкин, А. Богатырев; писатели и поэты Л. Лагин, автор книги «Старик Хоттабыч», В. Короткевич, В. Быков, Г. Бородулин, М. Лыньков, П. Бровка и др.; авиаконструктор П. Сухой; этнограф и фольклорист Н. Никифоровский. Под Витеском родился Лев Сапега, великий канцлер Великого княжества Литовского, автор знаменитого Статута 1588 г. В 20-е годы в городе жили и работали Казимир Малевич, Марк Шагал, И. Пэн, а в конце XIX в — Илья Репин, который под Витебском, в имении Здравнево, с 1892 по 1900 г. создал лучшие свои произведения. Приезжая, восхищался городом режиссер Сергей Эйзенштейн. По-настоящему прославил Витебск Марк Шагал, на картинах которого до последних дней был изображен Витебск, и даже о Париже он восклицал: «О Париж! Ты — мой второй Витебск!». Современный город наполнен поэзией: течением реки, шумом листвы, голубым небом, воспетым М. Шагалом.

К использованию прецедентных имен, ситуаций, текстов в практике преподавания нужно подходить по схеме: имя — личность — история — деятельность — вклад в развитие региона.

Существует фактическая информация о Витебске. Это самый северный город Белоруссии, с населением около 400 тыс. Это один из пяти областных центров страны, «культурная столица», как его называют в Белоруссии. Город возник при впадении реки Витьба и Лучёса в Западную Двину. Это второй по древности (после Полоцка) город Придвинья. Согласно легенде, город основала киевская княгиня Ольга в 974 г. Она со своими воинами возвращалась из земель древлян, отомстив им за смерть мужа, увидела красивые крутые берега, сплошь покрытые лесами, и повелела основать здесь город. В летописях упоминается как Видбеск, Видебск, Витьбеск, Витепеск, свое название получил от реки Витьба. Шло время,

и город оказался в эпицентре не только белорусской и русской, но и мировой истории. В древнерусских летописях XI в Витебск упоминается как владение полоцких князей, а в начале XII в становится центром удельного княжества. В XII – XIII веках был вторым по величине и значимости городом Придвинья, важным торговым центром на водном торговом пути «из варяг в греки», затем из Москвы в Европу, что способствовало его бурному экономическому развитию.

За Витебск шла борьба между полоцкими, смоленскими и литовскими князьями. Некоторое время он входил в состав Великого княжества Литовского, в котором пользовался определенной автономией. В результате первого раздела Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией Витебск в 1772 г вошел в состав Российской империи, а в 1924 г — в состав Белоруссии.

Современный город Витебск — «мекка» художников, музыкантов, поэтов, ученых. Только в XX в философ и литературовед М. М. Бахтин проводил в Витебске знаменитый кантовский семинар, работал философ Николай Лосский, читал лекции по музыкальной истории Иван Солертинский.

Сейчас здесь проходят ежегодные международные фестивали современного хореографического искусства, камерной музыки имени Солертинского, моды «Белая амфора», фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», Шагаловские дни. Витебск славится своими театрами — старейшим в Белоруссии Национальным академическим драматическим театром имени Я. Коласа и театром кукол, широко известным в Европе. В городе два театра, девять музеев, шесть выставочных залов, девять высших учебных заведений.

Данную информацию о городе и его людях предлагаем использовать на уроках русского языка в школе при изучении словообразования. Для этого подбираем художественный текст регионального автора Д. Симановича [2].

Я живу в древнем и всегда молодом Витебске. Здесь тесно переплетаются дороги прошлого и настоящего. И судьбы многих известных людей связаны с тысячелетним городом на Западной Двине, с моим родным краем.

Помню, еще в детстве мне нравилось красивое и звучное слово — подорожник. Я срывал широкий зеленый лист. Он был больше моей ладони. И серая пыль дорог, казалось, навечно покрывала его.

Позже, уже в юности, встретилось мне в какой-то книге незнакомое слово — подорожная. И я узнал, что так называлось проездное свидетельство на российских дорогах. Когда-то для проезда путникам выдавалась подорожная. В ней были отмечены все крупные села и города, через которые проходила дорога.

Подорожник.

Дорога.

Подорожная.

Эти простые слова связывала какая-то таинственная нить. В них таилась романтика движения, идущая через пространство и время.

А время отсчитывали куранты на старой витебской ратуше. Сколько видела она за столетия! И если бы могла говорить — рассказала бы о многом.

Наверное, вспомнила бы, как, выйдя из своей коляски, на берегу Двины останавливался Александр Сергеевич Пушкин. Как в тяжелую для Отечества годину привезли в витебский военный госпиталь отца Михаила Юрьевича Лермонтова, ополченца 1812 года.

Как спешил каждое утро по Замковой улице необычный вице-губернатор Иван Иванович Лажечников. И о многом другом вспомнила бы старая ратуша.

Бьют городские куранты.

И за каждым ударом — живые голоса и картины.

Память о прошлом города и края.

Незабываемое.

Творческие радости и заботы Ильи Ефимовича Репина в Здравневе.

Широкий шаг и громовой бас Владимира Маяковского.

Вдохновенные дни в Левках Янки Купалы.

Якуб Колос в театре, который теперь носит его имя...

Методика работы строится по следующему алгоритму. 1. К тексту предлагается культурологический словарь, составленный учителем. В нем школьники знакомятся с ключевыми словами, значение которых расширяет их кругозор: ратуша, куранты, ополчение, Замковая улица, Репин, Здравнево, Левки. 2. Лингвокультурологическому комментарию подвергается несколько слов, служащих для понимания контекста. В данном тексте это следующие слова:

Подорожник — по происхождению — растение, которое растет «по дороге». В белорусском языке — «трохпутнік». Три пути — перекресток (ср. сказочный образ камня, на котором изложены варианты трех дорог). Дорога как символ пути, в том числе и жизненного.

Нить — основа одежды. В русском языке со словом «нить» связан целый комплекс фразеологизмов: «как нитка за иголкой», «на живую нитку», «все нитки в руках» и т. д. С данным словом соотносится понятие «связывать». В переносном значении — связь вообще (в том числе этимологическая, ассоциативная, историческая), что и обыгрывается в контексте.

Година — в русском языке существуют различия в семантике слов «год» и «година». «Год» — промежуток времени в 365 дней. «Година» — время, пора, дни, о которых идет речь. В современном русском языке данное слово устаревает.

3. В качестве домашнего задания к уроку предлагается выполнить притекстовые задания.

Притекстовые задания

Прочитайте текст. О чем он? Какую цель преследовал автор, создавая данный текст?

Почему автор, говоря о Витебске, употребляет определение «древний»? В каком году был основан город? Почему существуют разные варианты этой даты? Какой из них кажется наиболее убедительным?

Как обыгрывается в тексте происхождение слова «подорожник»? Согласны ли вы с такой трактовкой?

Что такое куранты? Чем отличаются они от обычных часов? Какой праздник традиционно связан с боем курантов?

«Сколько видела она [ратуша] за столетия!» Сколько столетий насчитывает история витебской ратуши (когда она была построена)? Как называют жители Витебска ратушу в просторечии? Почему появилось такое название? Правильно ли оно употребляется?

Какие именно места в городе Витебске связывают с посещением А. С. Пушкина? Почитайте, как этот визит описывает в книге «Подорожная Пушкина» Д. Симанович.

Чем знаменателен 1812 год для русской истории? Имена каких великих исторических деятелей связаны с этим событием? Что вы о них знаете?

Что вы знаете о Замковой улице? Какую роль она играла в истории города Витебска?

Где находится урочище Левки? Какой период жизни Я. Купалы с ним связан? Какие стихотворения были написаны поэтом в данный период?

Часто ли вы бываете в театре им. Я. Коласа? Расскажите о впечатлениях, которые произвела на вас одна из постановок витебского театра.

4. На уроке после проверки домашнего задания учащиеся выполняют послетекстовые задания, направленные на развитие лингвистической компетенции (звездочкой отмечены задания для школьников с высоким уровнем учебных достижений).

Послетекстовые задания

Произведите морфемный анализ слова «проездное». На основе этого анализа расскажите об основных морфемах русского языка.

Найдите в тексте слова, соответствующие данным словообразовательным моделям: $\neg\overset{\wedge}{\square}$; $\neg\square$; $\neg\overset{\wedge}{\square}$; $\overset{\wedge}{\square}$. Для каждой модели придумайте по своему примеру.

Какие способы словообразования вы знаете? *Какие из них относятся к морфологическим, а какие — к неморфологическим. Заполните таблицу примерами из текста.

Морфологический	Неморфологический

Выделите основу в слове «городские». Стрелочкой покажите, от какого слова образовалось это прилагательное (город). Выделите основу в слове «город». Сравните эти две основы: какая из них является производной, а какая нет. Как еще можно назвать основу город применительно для слова «городские»?

Произведите словообразовательный анализ слов «подорожник» и «подорожная»: дорога — подорожник, *дорога — подорожная (прилагательное) — подорожная (существительное: субстантивация). Как называются цепочки, которые у вас получились? (словообразовательные).

*Что такое словообразовательное гнездо? (Если дети не знают, учитель может объяснить). Сравните слова: дорога, подорожник, подорожная. Можно ли включить эти слова в одно гнездо? Какое слово будет являться центром гнезда? Изобразите его (гнездо) схематично: дорога — подорожник, подорожная (прилаг.), подорожная (сущ.).

*Что вы знаете о нулевых морфемах? Есть ли в тексте слова, содержащие нулевые морфемы. Выпишите их и обозначьте морфемы данного типа.

Что такое словообразующие и словоизменяющие аффиксы? Выпишите из текста по пять слов со словообразующими и формообразующими аффиксами.

Вспомните из лексики, что такое синонимы, антонимы, омонимы. Эти же явления характерны и для морфем русского языка: учитель — выключатель (омонимичные суффиксы). Есть ли в тексте слова с синонимичными, антонимичными, омонимичными суффиксами? Если вы таких не найдете, подберите к своим словам из текста свои пары.

Таким образом, разработка лингвокультурологической концепции обучения языку — это создание региональной методики, которая имеет своей конечной целью создание целостной и обоснованной методической концепции взаимосвязан-

ного изучения языка и культуры своего региона в целях формирования полноценной языковой личности.

Литература

1. Маслова В. А. Лингвокультурология: [учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений] / В. А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
2. Николаенко С. В. Национально-культурное на уроках русского языка (дидактические материалы о Белорусском Поозерье при изучении грамматических тем): пособие / С. В. Николаенко. — Витебск: Издательство «ВГУ им. П. М. Машерова», 2009. — 88 с.
3. Сафонова В. В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам / В. В. Сафонова. — М., 1999. — 231 с.

Миколаєнко С. В. Регіональний (соціокультурний) аспект у викладанні російської мови.

Формування лінгвокультурологічної компетенції при вивчанні мови забезпечує засвоєння культурознавчих, мовознавчих та граматичних знань, сприяє формуванню комунікативних умінь та навиків, підвищує загальний культурний рівень школярів і виховує їх національну самосвідомість.

Ключові слова: лінгвокультурологічна компетенція, соціокультурний підхід, знамениті люди Білоруського Поозер'я, методика роботи з текстом

Nikolaenko S. The Regional (Sociocultural) Aspect of Teaching the Russian Language.

The formation of linguo-cultural competence while teaching a language provides the acquisition of cultural, language and grammatical knowledge, promotes the formation of communicative skills and abilities, improves pupils' general cultural level and cultivates their national self-consciousness.

Key words: linguo-cultural competence, sociocultural approach, the famous people of Belarusian Lakeland, the methodology of working with a text.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 71 – 79

УДК 811.112.2'373,46 : 61

СОКРАЩЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ОСОБЕННОСТИ ИХ НАПИСАНИЯ И ПРОИЗНОШЕНИЯ

С. Е. Перепечкина, Е. В. Акулова

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье рассматриваются различные виды сокращений в немецкой медицинской литературе как немецкоязычные, так и заимствованные из английского и латинского языков, их написание и произношение.

Ключевые слова: сокращения, аббревиатуры, немецкая медицинская литература, правописание, произношение

Сокращения в иноязычной литературе, особенно в специальной, являются своеобразными «камнями преткновения» для неподготовленного читателя — будь то переводчик, не имеющий достаточного опыта работы в данной области, или научный сотрудник, работающий с текстами по своей специальности, написанными на иностранном языке. Данная статья имеет практическую направленность, ее **цель** — рассмотрение наиболее употребительных медицинских терминов-сокращений, их графическое изображение в немецком языке согласно новым правилам правописания, особенности чтения (произнесения) сокращенных слов. Материалом исследования послужили тексты медицинского характера — статьи, доклады, презентации, рецепты, аннотации и инструкции по применению медикаментов и т. п., а также медицинские термилогические словари [1; 7; 8]. Все данные сверялись со словарями правописания [4] и произношения [3]. Изучению сокращений в рамках учебных занятий отводится, как правило, недостаточно внимания, что и обусловило выбор темы и ее актуальность. Статья может быть полезна как филологам, специализирующимся на устном и письменном переводе в медицинской сфере, так и медицинским работникам, в том числе студентам медицинских вузов, изучающим немецкий язык.

Аббревиатуры, или сокращения издавна применялись у всех народов, обладающих письменным языком. Древние римляне пользовались, к примеру, своими тиронианскими отметками (по имени секретаря Цицерона Тиро) — предшественниками стенографии. О сокращении слов и слогов свидетельствуют надписи на камне и монетах эпохи Римской империи, когда для письма использовались только заглавные буквы (так наз. римское квадратное ‘капитальное письмо’, лат. *Capitalis quadrata*). Однако настоящие сократительные знаки для слогов, двойных согласных, двойных гласных и целых слов появились только с введением в употребление прописных греческих и латинских букв (сначала курсив, а с IV – V вв. — т. н. ми-

нускулы). В старинных греческих грамматиках можно найти перечень самых употребительных аббревиатур. В Средние века древние римские аббревиатуры, или тиронианские отметки встречаются уже в рукописях (начиная с XI века), а также в грамотах вплоть до XVI века. Аббревиатуры позднейших латинских рукописей и грамот состоят обычно из пропусков, а еще чаще из соединения букв — лигатур. Последнее лежит в основе шифра имен, или монограммы. Перечни сокращений, встречавшихся в грамотах, и правила их объяснения можно было найти во всех руководствах к дипломатике [6, S. 32 – 33].

В обыденной жизни для сбережения места и времени обычно используются простые сокращения — сокращения фраз (пропуск несущественных членов речи — вспомогательных глаголов, союзов и т. п.) и слов (пропуск отдельных букв и слогов, опущение значительной части или всего слова) — явления, для которых в науке о словообразовании имеются соответствующие термины (усечение и аббревиация).

В наше время использовать сокращения в повседневной жизни становится даже модным (акронимы *VIP*, *G 8*, *леди Ю* (по аналогии с *Lady D*), *PR* / «пиар», *Hi-Fi*, *DJ* / «диджей», *PC*, *IQ* и мн. др., усеченное *Fanta Vier* (от *Fantastische Vier*, или Ливерпульская Четверка, Битлз), а в различных отраслях науки (математике, музыке, языкознании) эта тенденция приобрела особенно большое значение. Существует множество словарей сокращений общеупотребительной лексики, а также специальных словарей сокращений во многих языках. Медицина не является исключением. В немецкой медицинской литературе наряду с сокращениями немецкого происхождения встречается много **заимствованных** из других языков, особенно из латинского и английского. Латинские (и греческие) сокращения часто встречаются в рецептах (названия лекарственных форм, указания по применению тех или иных препаратов и т. д.):

aa ana partes aequales	zu gleichen Teilen	в равных частях
a. c. ante cenam	vor dem Essen	до еды
b. m. bene misceatur	„es werde gut gemischt“	«хорошо смешать»
d dies	lateinisch für „der Tag“	день
dors. dorsal; dorsalis	lateinisch für „rückwärts“	положение лёжа на спине
in amp.	in Ampullen	в ампулах
i. m.	intramuskulär	внутримышечно
i. v.	intravenös	внутривенно
p. c. post cenam	nach dem Essen	после еды
p. c. post conceptionem	nach der Empfängnis	после приема (лекарства)
q. s. quantum satis	(so viel, wie notwendig ist)	столько, сколько необходимо

s. l. sublingual	unter die Zunge	ПОД ЯЗЫК
s. c. subkutan	unter die Haut	ПОДКОЖНО [8]

Примеры сокращений немецких слов, встречающихся в рецептах: *Kps* = *Kapsel* (капсула), *Supp.* = *Suppositorium* (свечка), *Susp.* = *Suspension* (суспензия), *TL* = *Teelöffel*, *EL* = *Eßlöffel*, *zN* = *zur Nacht* (перед сном).

Рассмотрим некоторые сокращения, заимствованные из английского языка, к примеру, **WHO** = *World Health Organization* – **ВОЗ** = *Всемирная организация здравоохранения*. Данное слово принято произносить, тем не менее, не как в английском языке, а согласно нормам чтения немецкого алфавита, т. е.:

Сокращенное слово	Произношение в англ. языке	Произношение в нем. языке
WHO	[ˈdʌblju: ˈeɪtʃ ˈoʊ]	[ˈve:ˈha:ˈo:]

Так же, «по-немецки» читаются и другие заимствования из английского языка: название вируса иммунодефицита человека (ВИЧ) — **HIV** (от англ. “Human Immunodeficiency Virus”) произносится не [ˈeɪtʃˈaɪˈvi:], как в английском языке, а [ˈha:ˈi:ˈfao], как в немецком [3; 4]. Аналогично: **ADI** (Acceptable daily intake — erlaubte Tagesdosis — рекомендуемая дневная доза) как [ˈa:ˈde:ˈi:]; **BMI** (Body-Mass-Index — Körpermasseindex — индекс массы тела); **OTC** (Over the Counter — frei verkäufliche Arzneimittel — отпускается без рецепта); **RBC** (red blood cells — Erythrozyten — эритроциты) и мн. др. Некоторые из английских аббревиатур традиционно читаются по-английски: **YF** (Yellow Fever — Gelbfieber — желтая лихорадка) — [ˈwaiˈɛf].

Существуют параллельные сокращения немецкого и английского происхождения, при этом более часто используется английский вариант. Так, название Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в немецком варианте звучит “**WGO**” (“Weltgesundheitsorganisation”), однако чаще встречается именно английский вариант “**WHO**” (но с немецким прочтением). Часто используемый в немецкой литературе английский термин „**AIDS**” (“Acquired Immunodeficiency Syndrome” — СПИД) в сокращенном варианте произносится как отдельное слово, т. е. [eidz]/[e:ds]. Именно так, по-английски, произносится это сокращение в немецком языке [3; 4]. В русском языке сокращенное название этого заболевания тоже произносится как одно слово — СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита).

Отметим, что произношение сокращений, заимствованных из английского языка, не подчиняется какому-либо определенному правилу. Для каждого случая языковым сообществом вырабатывается своя та или иная произносительная норма.

В немецком языке распространены сложные сокращения, в которых один из компонентов (обычно первый) представляет инициальное сокращение, например: *WHO-Sitz* — *резиденция ВОЗ*; *AIDS-Diagnose* — *диагноз СПИДа*; *AIDS-Infizierter/*

AIDS-infiziert — инфицированный СПИДом; *AIDS-Kranke / Aidskranke* — больной ВИЧ; *AIDS-Test / Aidstest* — тест на ВИЧ; *HIV-Epidemie* — эпидемия ВИЧ; *HIV-positiv* — ВИЧ-положительный, *Tbc-krank* — больной туберкулезом; *Lungen-Tbc* — туберкулез легких, *Tbc-Fürsorgestelle* — туберкулезный диспансер и др.

Процессу сокращения могут подвергаться любые части речи. Среди сокращенных имен существительных выделяются следующие виды:

1) Существительные, являющиеся частью целого слова и выступающие как самостоятельные слова. Такие слова называются контрактурами, т. е. усеченными словами. Среди немецких медицинских терминов чаще встречаются усечение конца слова (апокопа): *Labog* (вместо *Laboratorium*), *Reha* (*Rehabilitation, Rehabilitationsklinik*), *Rheuma* (*Rheumatismus*), *Echo* (*Echokardiographie*), *Polio* (*Poliomyelitis*) и опущение средней части (синкопа): *Rehaklinik* (*Rahabilitationsklinik*), *Rehazentrum* (*Rehabilitationszentrum*). Случаев начального усечения (аферезы) типа *Bus* (*Autobus*) практически не было обнаружено (*'Strahlen'* — *Röntgenstrahlen, x-ray*).

2) Существительные, образованные из начальных букв или начальных элементов словосочетания или сложного слова — аббревиатуры (от лат. *"brevis"* — «короткий»). Часто это инициальные сложносокращенные имена существительные (акронимы, инициализмы), например:

das EKG = das Elektrokardiogramm — ЭКГ = электрокардиограмма

das KG = das Körpergewicht — вес тела

die KG = die Krankengeschichte — история болезни

die HNO = die Hals-Nasen-Ohrenkunde — оториноларингология (ЛОП) *die MRT = die Magnetresonanztomographie* — магниторезонансная томография (МРТ), а также *der RF = der Rheumafaktor*, *das ZNS = das Zentralnervensystem*, *BZ = (der) Blutzucker*, *AK = Antikörper (pl)* и др.

Как мы видим, род сложносокращенного существительного зависит от рода последнего слова, являющегося частью целого слова.

Аббревиатуры — продукт письменной речи, поэтому их произношение представляет собой известные трудности не только для лиц, изучающих немецкий язык. Многие аббревиатуры выступают как знаки сокращения, и их нужно читать только в расшифрованном виде. Сюда можно отнести сокращенные названия различных организаций, министерств и других учреждений, например: *MfsF = Ministerium für soziale Fürsorge* — Министерство социального обеспечения (Австрия); *LandA = Landesarbeitsamt* — Федеральная биржа труда; *Ausw. Amt = Auswertiges Amt* — Министерство иностранных дел.

Также полностью произносятся существительные, представляющие собой часть слова и не являющиеся самостоятельными словами (слог или слог + часть следующего слога), например:

Di = Diphtherie, *Leu = Leukozyten*, *CHOL = Cholesterin* (первые слоги без точки на конце); *Di. = Diagnose / Diagnostik*, *Dos. = Dosis / Dosierungen*, *Chir. = Chirurg, Chirurgie*; *Hi. = Histologie*, *Pro. = Prophylaxe* (первые слоги с точкой на конце); *Dz. = Dozent*; *Dres. = doctores (лат), Doktoren*; *dpt = Dioptrie* (первые буквы слогов с точкой и без точки на конце); *Wi. = Wirkung(en)* — действие, *Urs. = Ursache(n)* —

причина (причины), *Zus.* = *Zusammensetzung* — состав (начальные буквы с точкой на конце).

Следует отметить, что очень часто можно встретить сокращения-омонимы, имеющие даже внутри одной отрасли науки (в данном случае в медицине) различную расшифровку. Вот некоторые примеры:

AA = anonyme Alkoholiker AA = absolute Arrhythmie	OA = Oberarzt — старший врач OA = Oberarm — плечо
AS = Aminosäure — аминокислота AS = Aortenstenose — стеноз аорты AS = Astigmatismus — астигматизм	OP = Operation — операция OP = Operationssaal — операционный зал OP = Originalpackung — оригинал./первонач. упаковка
HA = Hausarzt — домашний врач HA = Hepatitis A HA = Herzaktion — сердечн. деятельность HA = Humanalbumin	KG = Krankengymnastik — лечебная физкультура KG = Körpergewicht — вес тела KG = Kiefergelenk — височно-нижнечелюст. сустав KG = Krankengeschichte — история болезни
HI = Herzinfarkt — инфаркт миокарда HI = Herzindex	S. = 'Staphylokokka (например, <i>S. aureus</i>) S. = Streptokokken (например, <i>S. mutans</i>)
FA = Facharzt — врач-специалист FA = Familienanamnese — семейный анамнез	OTC = Oxytetracyclin — окситетрациклин OTC = Over the Counter — лекарства, отпускаемые без рецепта [8]

В сокращенном виде могут встречаться не только существительные, но и другие части речи или сочетания различных частей речи (см. [2]):

1) Сокращенные прилагательные:

anat.	anatomisch	анатомический
klin.	klinisch	клинический
krk.	krank	больной
lat.	lateinisch	латинский
org.	organisch	органический
seitl.	seitlich	боковой

2) Сокращенные наречия:

l.	links	налево, слева
l. o.	links oben	слева вверху
l. u.	links unten	слева внизу
tgl.	täglich	ежедневно

3) Сокращенные причастия:

sog.	sogenannt	так называемый
gest.	gestorben	умер/умерла
gepr.	geprüft	проверено

4) Повелительное наклонение глаголов:

b. w.	Bitte wenden!	Смотри на обороте!
s. o.	sieh oben	смотри выше
vgl.	vergleiche	сравни

5) Сокращенные местоимения, например:

ders.	derselbe	тот же, он же
-------	----------	---------------

6) Сокращенные союзы:

u.	und	и, а
----	-----	------

Часто в медицинской научной литературе можно встретить сокращения, включающие в себя сокращенные варианты разных частей речи:

1) Предлог + существительное, например:

z. T.	zum Teil	частично
z. Z.	zur Zeit	в настоящее время
i. V.	in Verbindung	в связи

2) Местоимение + глагол:

d. h.	das heißt	то есть
d. i.	das ist	то есть

3) Прилагательное + существительное:

I. E.	Internationale Einheit	международная единица
-------	------------------------	-----------------------

4) Местоимение + существительное:

d. J.	dieses (desselben) Jahres	сего (текущего) года
d. M.	dieses (desselben) Monats	сего (текущего) месяца
k. S.	keine Spur	никаких следов

5) Прилагательное + предлог:

f. v.	frei von	свободный от
-------	----------	--------------

6) Предлог + прилагательное + существительное:

m. a. W.	mit anderen Worten	другими словами, иначе говоря
----------	--------------------	-------------------------------

7) Предлог + артикль + существительное:

i. d. Sek.	in der Sekunde	в секунду
i. d. M.	in der Minute	в минуту
i. d. St.	in der Stunde	в час

По современным требованиям при написании этих и подобных сокращений, состоящих из нескольких частей, разделенных точкой и читающихся в расшифрованном виде, следует оставлять небольшой пробел, который при печатании в типографских условиях должен быть несколько меньше, чем пробел между словами (обычно в четверть круглой, Viertelgeviert). Исключение составляют лишь широко употребляемое сокращение „usw.“ („und so weiter“) и пришедшее из латинского языка „etc.“ — с точкой только на конце сокращения. Кроме того, в германских промышленных стандартах DIN 2340 (Deutsche Industrienormen, eine DIN-Norm), описывающих образование сокращенных названий и имен, указываются два особых случая, когда можно допустить отсутствие пробелов между частями сокращения: 1) если используется непропорциональный шрифт (шрифт с жестко определенной шириной знака, как, например, в пишущих машинках); 2) в устоявшихся в немецком языке сокращениях, которые по привычке или из соображений маркетинга, продолжают писаться без пробелов, например, F. Z. A. (Frankfurter Allgemeine Zeitung).

Сокращения, которые произносятся побуквенно, обычно имеют ударение на последней части (*MRT* [ɛmɛr'te:]), реже — в часто употребляющихся сокращениях — и на первой части: *LKW* [ɛlka:'ve:] / ['ɛlkave].

Сложносокращенные слова, читающиеся расшифрованно, не должны стоять в начале предложения. Так, приводя пример, не следует начинать предложение с сокращения «z. B.», лучше заменить его синонимом «Beispielsweise». Кроме того, сокращения используются только в том случае, если перед ним нет артикля или числа, т. е.: „*Lesen Sie weiter auf der Seite 123*“ / „*Lesen Sie weiter auf S. 123*“. Еще примеры: *S. 5, Nr. 4* или *die Seite 5, die Nummer 4*, либо *5. Seite, 4. Nummer*. Такие сокращения заканчиваются обычно точкой. Исключение составляют единицы меры, веса, физические единицы, которые хотя и произносятся как слово, точка после них не ставится: „*cm*“, „*kg*“ [4, S. 65]. Все остальные сокращения, которые также читаются расшифрованно, пишутся с точкой на конце или между составляющими сокращение буквами: „*s. o.*“, „*z. B.*“, „*bzw.*“. Не ставится точка обычно при инициализмах и усеченных словах: *TÜV* [tyf] — *Technischer Überwachungs-Verein, Na* [ɛn 'a:] — *Natrium* [4, S. 19 – 20, 908].

Так как немецкий язык постоянно развивается, то в нем, естественно, появляются новые слова, а также новые сокращения, которые отражают последние достижения в развитии медицины и ее терминологии:

FM = *Fibromyalgie* — *фибромиалгия*; *CBC* = *Complete Bloodcount* (англ.) — *полный подсчет форменных элементов крови*; *VNS* = *Vagus Nerve Stimulation*

(англ.) — стимуляция блуждающего нерва; *ppA* = *periproktitischer Abszess* — пери-проктитный абсцесс; *KE* = *Kapselendoskopie* — эндоскопия с помощью капсулы и некоторые другие [8].

В заключение приведем список общеупотребительных сокращений, которые можно встретить в любой научной литературе на немецком языке, а также некоторые принятые сокращения ученых степеней:

Abb. — Abbildung	d. i. — das ist	u. U. — unter Umständen
Anm. — Anmerkung	i. A. — im Auftrag	u. dgl. m. — und dergleichen mehr
vgl. — vergleiche	i. allg. — im allgemeinen	u. Ä. — und Ähnliche[s]
usw. — und so weiter	i. e. S. — im engeren Sinne	s. a. — siehe auch
a. a. O. — am angegebenen Ort	i. d. R. — in der Regel	z. T. — zum Teil
a. D. — außer Dienst	i. w. S. — im weitesten Sinne	z. B. — zum Beispiel
b. w. — bitte wenden	u. a. — und and[e]res	z. Z., z. Zt. — zur Zeit
d. h. — das heißt	u. a. m. — und and[e]re mehr, und and[e]res mehr	u. A. w. g. — um Antwort wird gebeten

Dr. med.	doctor medicinae	Doktor der Medizin
Dr. med. dent.	doctor medicinae dentariae	Doktor der Zahnmedizin
Dr. med. vet.	doctor medicinae veterinariae	Doktor der Tiermedizin
Dr. rer. medic.	doctor rerum medicarum	Doktor der theoretischen Medizin [5]

Таким образом, сокращения в немецкой научной медицинской литературе являются неотъемлемой частью словарного запаса немецкого языка, постоянно развивающегося и обновляющегося. Морфологический способ словообразования является наиболее продуктивной моделью, реализующейся в языке во многих типах, в том числе и посредством сокращения слов. Проведенное исследование показало, что большинство немецких медицинских сокращений образовано путем аббревиации, особенно буквенного типа. Весьма распространены сложные сокращения, в которых один из компонентов инициальное сокращение — явление, не характерное для восточнославянских языков. Контактур же, напротив, встречается гораздо меньше, при этом среди них преобладает апокопа (конечное усечение). Предметом дальнейших исследований могло бы стать изучение степени влияния английского языка как одного из основных языков межкультурной коммуникации на немецкую терминологию в медицинской сфере.

Литература

1. Болотина А. Ю. и др. Немецко-русский медицинский словарь / Александра Юдимовна Болотина и др. Изд. второе, стереотипное. — М.: «Русский язык», 1976. — 708 с.
2. Ицигсон Л. М. Говорите ли вы по-немецки, доктор? / Лео Максимович Ицигсон. — М.: Высшая школа, 1972. — 166 с.
3. Duden. Das Aussprachewörterbuch: Wörterbuch der deutschen Standardausssprache. 4. Auflage, Bd. 6, Dudenverlag. — Mannheim, 2000. — 894 S.
4. Duden. Die Deutsche Rechtschreibung. 22. Auflage, Bd. 1, Dudenverlag. — Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2000. — 1152 S.
5. Koblischke, Heinz. Großes Abkürzungsbuch. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1980. — 508 S.
6. König, Werner. Dtv-Atlas Deutsche Sprache. 16., durchgesehene und korrigierte Auflage, Deutscher Taschenbuch Verlag. — München, 2007. — 256 S.
7. <http://www.med-serv.de>.
8. <http://de.wikipedia.org>.

Перепечкіна С. Є., Акулова О. В. Скорочення у німецькій медичній літературі, особливості їх правопису та вимови.

У статті розглядаються різні види скорочень у німецькій медичній літературі як німецькомовного походження, так і запозичені з англійської та латинської мов, їх правопис та вимова.

Ключові слова: скорочення, аббревіатури, німецька медична література, правопис, вимова

Perepechkina S., Akulova E. Abbreviations in German medical literature, peculiarities of their spelling and pronunciation.

This article deals with different kinds of abbreviations in German medical literature derived either from German language or from English and Latin languages, their spelling and pronunciation are observed.

Key words: shortening, abbreviations, German medical literature, spelling, pronunciation

Статья поступила в редакцию 13 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 80 – 84

УДК 811.161.1'373

**ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ ТЛУМАЧЕННЯ
СТИЛІСТИЧНО ЗАБАРВЛЕНОЇ ЛЕКСИКИ
В ЕЛЕКТРОННОМУ ТА ПАПЕРОВОМУ СЛОВНИКАХ**

Н. М. Сінкевич

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара,
м. Дніпропетровськ*

У даній статті йдеться про особливості побудови словникових дефініцій до слів з певною стилістичною віднесеністю у Великому тлумачному словнику сучасної української мови та в електронному Словнику.net.

Ключові слова: лексика, стилістично маркована лексика, паперовий словник, електронний словник.

В даній статті в загальному вигляді ставиться проблема зіставлення побудови словникової статті в паперовому та електронному словниках. Ця проблема знаходиться в руслі актуальних наукових досліджень, оскільки розвиток електронної лексикографії наразі є завданням державного значення. Дослідженню словників присвячені роботи таких авторів, як Ю. Д. Апресян, Р. О. Будагов, В. В. Виноградов, О. І. Киселевський, М. О. Семенов, Г. М. Складарська, Ф. П. Сороколетов, Н. Ю. Шведова та ін. Але, наскільки нам відомо, порівняння тлумачень стилістично забарвленої лексики у різних типах словників ще не було предметом спеціального дослідження. Тому метою даної статті є порівняльний аналіз засобів побудови дефініцій у паперовому та електронному словниках.

При порівнянні тлумачень окремих слів було виявлено наступні варіанти розбіжностей: 1) слово представлено у паперовому словнику і відсутнє в електронному; 2) слово є частиною електронного словника і відсутнє в паперовому; 3) у різних видах словників одне й те ж слово має різне тлумачення; 4) кількість значень у різних видах словників є різною.

1. Розглянемо перший варіант розбіжності, коли слово представлено у паперовому словнику і відсутнє в електронному. Перш за все, необхідно підкреслити, що саме лексикографічне представлення стилістично забарвленої лексики значною мірою відрізняє паперовий словник від електронного. Нейтральна загальноживана лексика приблизно однаково представлена в усіх словниках, тоді як залежно від обсягу електронного словника до нього не входять ті чи інші шари стилістично позначених слів. Тлумачний словник на диску «Словники України» практично відтворює паперовий словник, не спостерігається ніяких розбіжностей. У словнику УСЕ (Український словник-енциклопедія) [1] практично відсутні стилістично марковані лексичні одиниці, які відносяться до розмовного шару, серед книжної лекси-

ки представлено в основному ті чи інші термінологічні одиниці. Співвідношення словникового наповнення паперового словника та Вікісловника [2] постійно змінюється. виникають нові статті, оскільки цей словник є інтерактивним і кожному користувачу пропонується самостійно створити необхідну словникову статтю, якщо та чи інша стилістично маркована одиниця відсутня в даній лексико-графічній побудові.

За нашими підрахунками, приблизно 5 – 10% стилістично забарвлених лексичних одиниць не ввійшли до Словника. net [3]. Перш за все, це слова книжного шару, які мають у паперовому варіанті позначки *заст.* (застаріле), *орів.* (діалектне), *вульг.* (вульгарне), *лайл.* (лайливе) та деякі інші.

Наведемо кілька прикладів слів, які представлено у паперовому словнику, але випущено в електронному Словнику. net.

Літургіка, рел. Одна з богословських дисциплін, що викладається в духовних навчальних закладах.

*Хвойда, зневажл. Неохайна, нечепурна людина; нечепура. * У порівн. // Уживається як лайливе слово.*

2. Другим випадком відмінностей між тлумаченням стилістично забарвленої лексики у паперовому та електронному словниках є випадок, коли певна лексична одиниця є частиною електронного словника і відсутня в паперовому. Так, у Словнику. net. додано деякі лексичні одиниці, що відносяться до діалектизмів або новітніх словотворів у розмовній сфері, прикладом чого можуть слугувати наступні слова:

— *ЇСТИВО*, -а, с., діал. *Їжа, харч;*

— *МАЖОР*², -а, ч., розм. *Молода людина, яка має високопоставлених і/або багатих батьків і яка користується завдяки цьому можливостями, недоступними для більшості її однолітків.*

3. Поширеним є варіант, коли одна і та ж лексична одиниця має у різних видах словників різне тлумачення. Це явище спостерігається, перш за все, у Словнику. net і практично відсутнє у дисковому варіанті «Словників України». Так, наприклад, слово «інсталяція» у паперовому словнику має тлумачення:

ІНСТАЛЯЦІЯ, -ї, ж. 1. *Різні настановні роботи, монтаж споруд, освітлювальної мережі і т. ін.*

і не має ніякої стилістичної віднесеності. У Словнику. net це слово має більш поширене тлумачення, де за допомогою слів «у системах обробки інформації» воно віднесено до вузькоспеціальної лексики:

— *ІНСТАЛЯЦІЯ*, -ї, ж. 1. *Різні настановні роботи, монтаж споруд, освітлювальної мережі і т. ін.* 2. *У системах обробки інформації: а) встановлення програмного виробу на персональній ЕОМ; б) одне з обмежень на програмний виріб у разі продажу його фірмою.* 3. *Твір, створений з різних виробів, природних і штучних матеріалів, текстів і візуальної інформації; перетворення навколишнього середовища; зміна контекстів; різновид інвайронменту.*

Таким чином, тут спостерігається більший обсяг інформації в електронному словнику. Спостерігається також і протилежне явище, тобто ситуація, коли тлумачення тієї чи іншої стилістично маркованої одиниці в електронному словнику є

більш стислим, ніж у словнику паперовому. Так, слово *ПЛАЦ* у паперовому словнику отримує наступне тлумачення:

ПЛАЦ, -у, ч. 1. Площа для військових парадів і стройових занять. 2. діал. Майдан. ** *плац-вексель*, фін. — переказний вексель, місце оплати якого збігається з місцем видачі. *Плац-парад* — заст. — площа в місті або фортеці, замку для навчання, огляду, параду військових частин.

В електронному словнику в даному випадку представлено лише тлумачення ключового слова, без можливих сполучень:

ПЛАЦ, -у, ч. 1. Площа для військових парадів і стройових занять. 2. діал. Майдан.

3. Існує варіант розбіжностей між тлумаченнями у різних типах словників, коли текст дефініції значно відрізняється. Розглянемо, наприклад, як тлумачиться слово *КОНГЛОМЕРАТ* та його похідні у різних словниках.

У паперовому словнику представлено наступні дефініції:

КОНГЛОМЕРАТ, -у, ч. 1. книжн. Механічне, випадкове поєднання чого-небудь різнорідного. * *Образно*. 2. геол. Осадова гірська порода, що складається з гальки й валунів, зацементованих глиною, окисами заліза тощо.

КОНГЛОМЕРАТНИЙ, -а, -е, геол. Прикм. до конгломерат 2.

КОНГЛОМЕРАЦІЯ, -ї, ж. 1. Таке з'єднання окремих предметів в одне ціле, за якого вони зберігають свої риси і властивості.

Порівняємо це тлумачення з текстом Словника. net.

КОНГЛОМЕРАТ, -у, ч. 1. Механічне поєднання різнорідних предметів чи їх частин, понять, поглядів, міркувань тощо; безладний набір, суміш. 3. Сукупність фірм, які не мають загальних виробничих основ, але об'єднані організаційними або фінансовими зв'язками. // Форма союзу, об'єднання фірм різного профілю, що оперують у різних секторах ринку; в умовах конгломерату зберігається високий ступінь самостійності фірм, що входять до нього, і децентралізації управління.

КОНГЛОМЕРАТНИЙ, -а, -е, геол. Прикм. до конгломерат 2.

КОНГЛОМЕРАЦІЯ, -ї, ж. 1. З'єднання окремих предметів в одне ціле, при якому вони зберігають свої риси і властивості. 2. Сукупність фірм, які не мають яких-небудь виробничих основ, але об'єднані організаційними або фінансовими зв'язками; процес конгломерації пов'язаний з поглинанням або злиттям окремих фірм, в результаті чого може з'явитися нове утворення або з новою назвою, або з назвою фірми, що поглинула інші.

По-перше, у тлумачення слова *конгломерат* взагалі випущено друге значення, що робить незрозумілим і тлумачення слова *конгломератний*. По-друге, в електронному варіанті відсутні стильові позначки *книжн.* (книжне) та *геол.* (геологічне). Тлумачення в паперовому словнику є більш стислим (вираз «чого-небудь різнорідного» розшифровується в паперовому варіанті за допомогою слів *різнорідних предметів чи їх частин, понять, поглядів, міркувань тощо; безладний набір, суміш*). У дефініції слова *конгломерація* наявні різні морфологічні варіанти (за якого — при якому), до електронного тлумачення додано ще значення економічного терміна.

Наведемо далі повний текст тлумачення до слова *конгломерат* у лексикографічній побудові УСЕ.

КОНГЛОМЕРАТ *І* уламкова осадова гірська порода, що складається зі зцементованої гальки; з різними домішками (гравій, пісок). *II* форма вел. підприємства з багатьма відділами, кожен з яких діє в різних галузях; постає або шляхом версифікації продукції, або фузії (злиття, об'єднання). В інших словниках:

знайдено 10 збігів

/Орфографічний словник української мови/

КОНГЛОМЕРАТ конгломера

КОНГЛОМЕРАТНИЙ конгломера

КОНГЛОМЕРАТОВИЙ конгломера

/Українсько-російський словник/

КОНГЛОМЕРАТ эк.; геол. конгломерат

КОНГЛОМЕРАТНИЙ геол. конгломератный

/Словник синонімів Караванського/ *КОНГЛЬОМЕРАТ* сов. *КОНГЛОМЕРАТ*, *СУМІШ*; П. збиранина, мішанина.

/Словник іношомовник слів/

конгломерат; ч. (лат., нагромаджений, ущільнений) **1.** Механічне, випадкове поєднання різнорідних предметів чи їхніх частин, понять, поглядів, міркувань тощо; безладний набір, скупчення, суміш. **2.** Одна з форм монополій, що їх створюють без будь-якої спільності вироблюваної продукції і технології. **3.** Осадочна гірська порода, що є зцементованою галькою з домішкою піску, гравію та валунів

КОНГЛОМЕРАЦІЯ конгломерація; ж. (лат., від збираю, нагромаджую) таке з'єднання окремих предметів в одне ціле, при якому вони зберігають свої риси й властивості.

/Економічна енциклопедія/

рос. конгломерат **1.** Механічне поєднання різних предметів, безладний набір і розміщення речей, суміш різних понять. **2.** В економіці — одна з форм багатогалузевого об'єднання підприємств і фірм різної виробничої орієнтації (не пов'язаних між собою технологічно) на умовах широкої автономії економічної діяльності і децентралізованого управління. У таке об'єднання можуть входити промислові підприємства, установи сфери послуг, фінансові інститути, об'єднані спільністю фінансового контролю. На відміну від трастів і синдикатів злиття тут підприємств і організацій відбувається за повної відсутності будь-якої виробничої, технологічної чи ринкової спільності і часто супроводжується поглинанням сильнішими компаніями слабших (за умови повної господарської та адміністративної самостійності останніх), що сприяє посиленню централізації економічної влади в руках фінансових груп.

КОНГЛОМЕРАТИВНЕ ЗЛИТТЯ рос. конгломеративное слияние злиття фірм різних галузей за умов, коли ці фірми не мають прямих технологічних і торгових зв'язків.

Таким чином, треба підкреслити, що тлумачення цього слова в Універсальному словнику-енциклопедії є різнобічним і включає повний лексикографічний портрет цієї лексичної одиниці з погляду орфографії, перекладу, синонімії та тлумачення у спеціальних словниках. Позначки, що визначають стильову забарвленість слова, відсутні.

У Вікісловнику дані лексичні одиниці є лише у списку, але їхнього тлумачення на сьогодні не надано.

4. Кількість значень у різних видах словників може бути різною. Лексична одиниця *ЛІТУВАТИ* у паперовому словнику має наступні 2 значення:

ЛІТУВАТИ, -ую, -уєш, недок. 1. перев. з обставиною місця. Проводити де-небудь літо; жити десь літом. 2. гідр. Залишатися на літо без води (про штучні водойми).

В електронному Словнику. net до перелічених двох значень додається ще й третє, і дефініція має наступний вигляд:

ЛІТУВАТИ, -ую, -уєш, недок. 1. перев. з обставиною місця. Проводити де-небудь літо; жити десь літом. 2. гідр. Залишатися на літо без води (про штучні водойми). 3. Проводити цензуру друкованого твору для отримання права на публікацію, видання літературного твору у часописах або окремою книжкою у Радянській Україні.

Таким чином, можна зробити висновок, що стилістично забарвлена лексики є одним з критеріїв, які відрізняють традиційні, тобто видані на папері словники, від тих, які представлено в електронному вигляді, і оптимізація визначень такої лексики в електронній лексикографії є однією з перспектив наукового дослідження.

Література

1. [http//slovnyk.net](http://slovnyk.net) с.
2. [http//hohlopedia.org](http://hohlopedia.org)
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. — К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2001. — 1440 с.

Синкевич Н. М. Сравнительный анализ толкования стилистически окрашенной лексики в электронном и бумажном словарях.

В данной статье речь идет об особенностях построения словарных дефиниций слов с определенной стилистической отнесенностью в Большом толковом словаре современного украинского языка и в электронном словаре.

Ключевые слова: лексика, стилистически окрашенная лексика, бумажный вариант, электронный словарь.

Sinkevitch N. Comparative analysis of stylistically marked vocabulary explanation in electronic and paper dictionaries.

The article deals with the peculiarities of lexicographic presentation of stylistically marked groups of vocabulary in Big Ukrainian Explanatory dictionary and in electronic Slovyk.net.

Key words: vocabulary, stylistically marked words, paper dictionary, electronic dictionary.

Статья поступила в редакцию 7 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 85 – 88

УДК 811.161.1'243

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ КОНСПЕКТИРОВАНИЮ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Н. В. Солодовникова

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Статья посвящена проблемам формирования навыков конспектирования письменной и устной информации в процессе преподавания русского языка иностранным студентам. Сформулированы общие правила конспектирования, описаны общие этапы обучения конспектированию на разных этапах овладения русским языком.

Ключевые слова: конспект, русский язык как иностранный, виды речевой деятельности, устное сообщение, письменное сообщение.

В процессе преподавания русского языка иностранным студентам письменные виды речевого общения (конспектирование, реферирование, аннотирование и т. д.) занимают одно из центральных мест. **Актуальность** настоящей статьи вызвана тем, что в настоящее время все более активно используются дистанционные и интерактивные способы обучения, при которых студент должен уметь самостоятельно находить нужную информацию и решать поставленные перед ним задачи. Таким образом, без определенных навыков обработки информации процесс получения знаний будет крайне затруднен.

Цель статьи — показать основные принципы и способы обучения конспектированию иностранных студентов. Поставленная цель достигается путем решения конкретных **задач**:

1. выделить основные этапы обучения конспектированию;
2. определить виды упражнений, направленных на развитие навыков обработки информации на разных этапах преподавания русского языка как иностранного;
3. описать способы обучения конспектированию устного сообщения;
4. сформулировать общие правила конспектирования.

Конспект является одним из видов речевого общения, которое требует навыков самостоятельного, творческого мышления. Конспект представляет собой краткий пересказ прочитанного или услышанного, воспроизведение его основного содержания с использованием общепринятых сокращений слов и словосочетаний [4, с. 223]. Под конспектированием понимается процесс мыслительной переработки и письменной фиксации читаемого или аудируемого текста; процесс, результатом которого является запись, позволяющая ее автору (конспектирующему студенту) немедленно или через некоторый срок с необходимой полнотой восстановить полученную информацию.

Выработка навыков, необходимых для конспектирования, осуществляется в три этапа. **На первом этапе** отрабатываются элементы, составляющие эти навыки, что соответствует по времени начальному периоду обучения русскому языку иностранцев, т. е. подготовительному факультету. **На втором этапе** (1 курс обучения студентов в институте) эти навыки формируются, а на третьем (старшие курсы) — совершенствуются. Для краткости в методике преподавания русского языка как иностранного эти периоды называют *начальным*, *основным* и *продвинутым*.

Конспект, как правило, составляется для личного пользования и отражает индивидуальные потребности составителя в той или иной информации. Поскольку конспекты не предназначены для публикации, они могут иметь достаточно произвольный вид. Необязательными для конспекта являются такие признаки, как целостность и информационная полнота, связанность и структурная упорядоченность. Автор конспекта может использовать только ему понятые пометки, сокращения слов, рисунки-символы, графические обозначения, что в жанре реферата недопустимо.

При подготовке иностранных студентов-филологов на подготовительном факультете целесообразно обучение конспектированию разбить на несколько этапов. Особое место занимает отработка *навыков скоростной записи текста*. Для того чтобы студенты научились быстро и правильно записывать научные термины (а впоследствии и использовать условные сокращения) необходимо проводить словарные и фразовые диктанты, запись сообщений, построенных на лексике языка специальности.

При записи конспекта текста важно обладать *навыками свертывания ранее известной информации*. Студентам предлагается выделить субъектно-предикативную основу высказывания, поскольку именно она обладает наибольшей информативностью. К примеру, фраза *«Важнейшей особенностью фольклора является то, что он представляет собой искусство устного слова»* в свернутом виде выглядит примерно так: *«Фольклор представляет собой искусство устного слова»*. Полезны также упражнения на выделение смысловых частей текста и их озаглавливание, составление плана (сначала вопросного, а затем номинативного).

Постепенно мы формируем у учащихся *навыки выделения главной информации*. Как представляется, студентам предлагается найти опорные слова во фразе, абзаце, пересказать текст по составленному плану.

Студенты старших курсов должны уметь выделять в тексте главную и второстепенную информацию. Для этого полезно разбить текст на части. При этом на основном этапе обучения студенты учатся правильному употреблению сокращенных слов, аббревиатур и условных сокращений. Формирование этих навыков проводится с помощью свободных диктантов и домашнего конспектирования текстов учебных пособий [см. 2; 3].

Таким образом, можно сформулировать общие правила конспектирования, которые помогут иностранным студентам адекватно передавать письменную информацию в сокращенном виде.

Правило 1. Осмыслить прочитанное и выделить предложение — носителя основной информации.

Правило 2. Сократить эти предложения, оставив в них лишь информационный центр (можно перефразировать предложение или даже объединить несколько

предложений). Однако определения понятий, формулировки законов, теоретические принципы фиксируются дословно.

Правило 3. Используя принцип изоморфизма, произвести синонимическую замену сложных по структуре конструкций в простые.

Правило 4. Производя записи, следует использовать общепринятые в русской практике сокращения слов и словосочетаний, но так, чтобы в дальнейшем это не мешало прочтению конспекта [4, с. 224].

До сих пор мы говорили о письменном пересказе текста, но, как известно, наиболее трудным видом конспектирования представляется конспектирование лекций, поскольку время, в течение которого необходимо сделать запись, ограничено. Средняя скорость русской речи составляет 125 слов в минуту, при этом среднестатистическая скорость письма человека 50 – 70 слов в минуту. Стремление к точному воспроизведению лекционного материала приводит к пропускам и, в конечном счете, к частичной, но невосполнимой утрате информации. Мыслительные операции, сопровождающие процесс конспектирования, позволяют студентам лучше усваивать материал уже в самом процессе записи.

На мой взгляд, подготовка к конспектированию лекций тоже должна начинаться еще на начальном этапе. И важным моментом при написании конспектов устных выступлений является обучение сокращению. В большинстве учебных пособий, рекомендованных иностранным студентам-филологам, этой теме не уделяется должного внимания. Как мне кажется, это не совсем верно. С одной стороны, преподаватель русского языка как иностранного старается добиться от студента «чистой речи», то есть правильного произношения слов, соблюдения грамматических норм и т. д. С другой стороны, при конспектировании лекций большую роль играет скорость письма, которая может быть достигнута путем умелого сокращения слов, использования условных знаков и символов. Уже на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному следует познакомить студентов с некоторыми условными сокращениями, например: *сущ.* — *существительное, ед. ч.* — *единственное число, Им. п.* — *именительный падеж, ж. р.* — *женский род* и т. п. [см. 3] Закрепление навыков сокращения слов достигается путем тренировочных упражнений, задания к которым могут быть сформулированы следующим образом: *запишите слова, используя условные сокращения или запишите слова полностью.*

Обучение конспектированию лекций тоже должно проходить в несколько этапов. Наибольшую трудность у студентов вызывает тот факт, что текст предьявляется единожды. Учащиеся допускают одну грубую ошибку: услышав начало фразы, они стремятся сразу ее записать, а не успевая, теряют нить повествования. При обучении конспектированию устных сообщений необходимо дать следующую установку: *прослушайте сообщение, запишите важную, на ваш взгляд, информацию.*

Сообщения, предлагаемые для конспектирования, можно разбить на смысловые фрагменты. Перед предьявлением фрагмента лекции следует написать на доске новые термины, ключевые понятия, на которые студентам следует обратить внимание. На следующем этапе следует предьявлять текст лекции по фрагментам, после чтения каждого из которых попросить студентов прочесть, что они записали. Так постепенно учащиеся подготовятся к записи текста лекции целиком [см. 1].

Дефицит времени нельзя тем не менее считать единственной трудностью конспектирования. При подготовке курсовых работ, проектов, докладов и выступлений студенты сталкиваются с необходимостью знакомиться с большим количеством печатных источников и конспектировать их, а работа по нескольким печатным текстам на одну тему еще более усложняет эту задачу, поскольку при конспектировании печатных текстов студенты встречаются с такими трудностями, как отсутствие навыка быстрого чтения, обеспечивающего адекватность понимания, и неумение выполнять на родном и неродном языках необходимые мыслительные операции (сравнение, анализ, синтез и т. д.).

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что конспектирование представляет собой важный аспект в преподавании русского языка как иностранного, который служит ступенью к следующему типу переработки информации — реферированию.

Литература

1. Акишина Т. Е., Алексеева Н. Н. Пособие по обучению аудированию и записи лекций / Т. Е. Акишина, Н. Н. Алексеева. — М., 1989.
2. Барыкина А. Н., Бурмистрова В. П., Добровольская В. В., Цыганкина Л. Г. Практическое пособие по развитию навыков письменной речи / А. Н. Барыкина, В. П. Бурмистрова, В. В. Добровольская, Л. Г. Цыганкина. — М., 1983.
3. Величко А. В., Юдина Л. П. Русский язык в текстах о филологии: пособие для иностранных учащихся / А. В. Величко, Л. П. Юдина. — М.: Русский язык. Курсы, 2008. — 256 с.
4. Основы научных исследований: [учебное пособие для студентов нефилологов высших учебных заведений] / Н. А. Буре, М. В. Быстрых, С. А. Вишнякова и др.; Под ред. В. В. Химика, Л. Б. Волковой. — СПб.: филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003 — 272 с.
5. Павлова В. П. Обучение конспектированию / В. П. Павлова. — М., 1989.

Солодовникова Н. В. Проблеми навчання конспектування іноземних студентів.

Стаття присвячена проблемам формування навичок конспектування письмової та усної інформації у процесі викладання російської мови іноземним студентам. Сформульовано загальні правила конспектування, описані загальні етапи навчання конспектування на різних етапах оволодіння російською мовою.

Ключові слова: конспект, російська мова як іноземна, види мовленнєвої діяльності, усне повідомлення, письмове повідомлення.

Solodovnikova N. Problems of teaching note-taking of foreign students.

The article deals with the problems of formation skills of note-taking speech and written information in the process of teaching of Russian as foreign. The general rules for note-taking, describes the general stages of learning note-taking in different steps of learning the Russian language.

Key words: abstract, Russian as a foreign language, the types of speech activity, speech communication, written communication.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 89 – 97

УДК 371.3.82.0

МАКРОМИР ЛИРИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Г. М. Темненко

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Методика анализа стихотворения как единого целостного высказывания лирического субъекта соединяется с учётом объективных социокультурных координат, определяющих его сюжет, на примере стихотворения Ахматовой «Вновь подарен мне дремотой...»

Ключевые слова: А. А. Ахматова, Н. В. Недоброво, композиция лирического стихотворения, контекст.

Методика анализа лирического стихотворения не может быть унифицирована, поскольку лирика — один из самых гибких и быстро изменяющихся родов литературного творчества. Ей присущ высокий уровень субъективного начала, обуславливающий не только многообразие индивидуальных поэтических стилей, но и уникальность каждого подлинно поэтического текста. Однако это предполагает не потерю объективных критериев анализа, а повышенное внимание к точности их выбора, необходимость соотнесения конкретного текста и с особенностями авторского стиля, и с продуктивными тенденциями развития лирики в определённую эпоху, и с её основными родовыми свойствами.

Получившая широкое распространение в последние десятилетия 20 века мода на поиски интертекстуальных связей ахматовской лирики, к сожалению, не совсем утихла и в настоящее время. Главным результатом можно посчитать девальвацию в глазах её адептов ценности непосредственного поэтического высказывания — в полном соответствии с некогда казавшимся революционным заявлением Р. Барта о «смерти автора».

Рядом со Сциллой интертекстуальных ассоциаций располагается Харибда биографического метода, полностью истребляющая смысл стихов стремлением связать каждое слово текста с биографическими фактами, а при недостаточности оных — с домыслами пишущего.

Между тем у М. Бахтина есть точные наблюдения относительно особенностей слова в лирическом стихотворении, основанные на противопоставлении родовых характеристик эпоса и лирики. В повествовании, особенно в романе, «чужое слово» становится значимым структурным элементом. «Язык романа — это система диалогически взаимоосвещающихся языков. Его нельзя описать и проанализировать как один единый язык» [5, с. 88]. Противоположным образом, по мнению М. Бахтина, обстоит дело в лирике: «И о чужом поэт говорит на своем языке» [4, с. 75]. «Социальная разноречивость, которая проникла бы в произведение и расстроила бы его язык, сделала бы невозможным и нормальное развитие, и движение

символа в нём» [4, с. 83]. Таким образом, вопрос о реминисценциях и правомерности их поисков определяется наличием точек схождения данного поэтического текста с иными, способностью так называемого «чужого слова» забыть о своей чуждости и не повредить целостный текст стихотворения своей «инакостью».

Предлагаемый опыт анализа одного лирического стихотворения Ахматовой построен в соответствии с этими простыми положениями. Уточнение методики диктуется самим текстом. Трудность в том, что надо пройти этот путь, не теряя связи и с внутренними импульсами, рождёнными биографией поэта, и с теми литературными традициями, которые формируют структуру лирического высказывания и его язык. Анализ, разумеется, не может быть самоцелью. Его назначение — не «разобрать», а «собрать» произведение, осознать и прочувствовать весь текст как единое целое, не упуская в то же время из вида оттенков.

Н. В. Н.

*Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звёздный рай —
Город чистых водомётов,
Золотой Бахчисарай.*

*Там, за пёстрой оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады.*

*И орла Екатерины
Вдруг узнали — это тот!
Он слетел на дно долины
С пышных бронзовых ворот.*

*Чтобы песнь прощальной боли
Дольше в памяти жила,
Осень смуглая в подоле
Жёлтых листьев принесла*

*И посыпала ступени,
Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушёл, утешный мой.*

Это стихотворение, написанное Анной Ахматовой почти сто лет назад, широко известно. Оно не входит в школьную программу, но вполне может быть рассмотрено на занятиях по литературе родного края. Попробуем взглянуть на него с позиций словесника, добивающегося глубокого понимания поэтического текста.

Настоящий учитель прекрасно знает, насколько хрупко мгновение непосредственного постижения стихов, погружения в них. И трудно спорить с тем, кто, оберегая это интимное восприятие, предпочитает вовсе отказаться от коммента-

рия и ограничиться хорошим чтением, чтобы только не отвратить юные души от поэзии тщательным, но тяжеловесным разбором. Однако и безоговорочно принять эту позицию тоже нельзя. Ведь она не только приводит к сужению диапазона восприятия («зачем пытаться что-то понять» или «а мне непонятное не нравится»), но и уменьшает возможности эстетического наслаждения даже тем, что понятно сразу.

Стихотворение «Вновь подарен мне дремотой...» представляет богатый материал для попытки разрешения этих проблем. Уже простое чтение текста в аудитории, настроенной на восприятие поэзии, даёт положительный результат. Стихотворение нравится сразу, и на вопрос о том, чем и почему нравится, можно услышать: «Красивое...»

И вопрос, что в этом стихотворении кажется наиболее красивым, обычно разрешается без затруднений: юные слушатели довольно дружно отмечают четвертую строфу и вместе с нею последнюю — их трудно разорвать при чтении, да и не нужно этого делать.

Наиболее понравившуюся строку удаётся выделить простым способом. Достаточно обратить внимание на то, что у стихотворения нет названия, в оглавлении его можно найти лишь по первой фразе, — а она здесь не самая запоминающаяся, — и предложить выбрать слова для заглавия из всего текста. Тогда сразу несколько человек заметят: «*Песнь прощальной боли*». Но что означают эти слова? Какое место они занимают во всем стихотворении, имеют ли в нём тот же смысл, что и сами по себе? Чем, кроме этого выражения, привлекает стихотворение?

Обычно ответ на поставленные вопросы оказывается уже не столь легким. Надо сознаться, что все-таки впечатление произвела не красота отдельных выражений, а сила лирической эмоции, заключенной в них, что даёт возможность обратить внимание на родовую характеристику лирики, на её способность именно **выражать** внутренний мир человека. Однако чрезмерное погружение в теорию в этот момент нежелательно, поскольку на этой стадии работы внимание аудитории оказывается заинтересовано самим текстом гораздо больше, чем в начале; слушатели проявляют живой интерес и к предыстории написания стихотворения, и к личности человека, которому оно посвящено.

Обращение к комментариям в таком случае необходимо и для получения непосредственной информации, и для воспитания культуры чтения вообще. Разумеется, комментарии в сборниках стихов поясняют лишь некоторые строки, причём довольно разноречиво.

Двухтомник 1986 года корректен и строг: «**Вновь подарен мне дремотой...**» — Аполлон, 1917, №1. БП №150. Орёл Екатерины. — Имеется в виду орёл в ажурных воротах Екатерининского парка в Царском Селе. *Песнь прощальной боли*. — В автобиографических заметках Ахматовой (ГПБ) имеется запись: «В Бахчисарае 1916 осенью. Прощание с Н. В. Н<едоброво>» [2, т. 1, с. 399].

В двухтомнике 1990 года комментарий более развёрнут: «**Вновь подарен мне дремотой...**» — журн. «Аполлон», 1917, №1, с. 52. Как и предыдущее стихотворение, написано в октябре 1916 г. в Севастополе после свидания в Бахчисарае с Н. Недоброво, который приезжал туда из Ялты, где лечился от туберкулёза.

Невольно предсказав смерть друга в этих стихах, она считала себя отчасти виновной в его смерти, последовавшей 3 декабря 1919 г. Ахматова узнала это от О. Э. Мандельштама, который только в 1920 г. сумел пробраться из Крыма в Петроград. Чувство вины усугублялось тем, что для верующего человека, каким она была, говорить о живом человеке как о мёртвом — греховно. Страдальческая тень Недоброво не отпускала её всю жизнь; чувство вины перед ним — один из источников темы взыскующей совести во всей последующей её поэзии [3, т. 1, с. 383].

Оба комментария опираются на реальные факты. Но почему упомянуты ворота царскосельского парка, если речь о Бахчисарае? И неужели это стихотворение — всего лишь проявление душевной неловкости? Выходит, Ахматова здесь совершила бестактность или даже грех. Такое стихотворение, значит, и читать не хорошо? Это противоречит тому чувству, которое испытывает каждый читатель.

Известный исследователь ахматовского творчества В. В. Мусатов предложил несколько иное объяснение ситуации: «Летом 1916 года Н. В. Недоброво уехал в Крым в связи с обострившимся туберкулёзом. В сентябре Ахматова навестила его в Бахчисарае. Он знал, что умрёт и, вероятно, сказал об этом Ахматовой, которая написала об этом так...» — и далее приводит две последние строфы [6, с. 188 — 189]. Такое объяснение позволяет осознать, что главное — не предсказание смерти друга, а выражение боли расставания. Но эпизоды расставания, упомянутые в первой половине стихотворения, не сразу воспринимаются так же сильно, как заключительные строфы.

Известно, что современники нередко рассматривали ахматовскую поэзию в качестве своеобразного лирического дневника. Кажется, стихотворение действительно даёт повод для такого подхода, ведь оно напрямую соотносится с реальным фактом биографии поэта. Но если это дневник — почему называется лирикой? И дневник ли это на самом деле?

Попробуем перечитать текст еще раз, чтобы убедиться: тот, кто ищет житейских подробностей, столь естественных для дневника, не найдёт ничего, позволяющего насладиться смакованием «романа».

Проигрывает ли от этого стихотворение? Разумеется, нет, ведь оно увлекло, захватило нас, хотя мы и не знаем, что именно Ахматова утаила от читателя. Стихотворение отличается от дневниковой записи даже чисто формально, потому что оно написано как обращение к реальному человеку, письмо или прямая речь. В момент написания у него был особенный читатель, — тот, ещё живой собеседник, к которому оно было обращено.

Н. В. Н., адресат стихотворения, — Николай Владимирович Недоброво. Это был талантливый поэт, критик и литературовед. Ахматова считала, что статья, написанная им в 1914 году о её поэзии [7], по-настоящему объяснила ей, каким поэт она может и должна быть. Память о дружбе с Недоброво, восхищение его личностью Ахматова пронесла через всю свою жизнь. Ему она посвятила несколько прекрасных стихотворений, о нём есть строки в «Поэме без героя». Судьба Н. В. Недоброво, его влияние на поэзию Ахматовой, их творческая переписка не раз привлекали внимание исследователей [1, 6, 8, 9 и др.].

Важно и интересно, что именно она пожелала и сумела сказать. Стоит обратить внимание на небольшое, но заметное различие между началом и концом произведения. Если конец поражает пронзительностью чувства, то первые строфы — эпическим спокойствием в перечислении конкретных деталей. Однако эмоциональность присутствует и здесь, она возникает и накапливается постепенно. Выражение «там, за пёстрой оградой, у задумчивой воды» соединяет объективное описание внешних деталей и выражение субъективного состояния лирических персонажей. Бахчисарай известен ханским дворцом и его фонтанами, самый знаменитый из них — «фонтан слёз». Вот к нему выражение «у задумчивой воды» подходит более всего: капля за каплей стекают из чаши в чашу, сливаются и разделяются, падают всё ниже. Но это не только знак медленно текущей воды. Это еще и обозначение слёз хана, потерявшего возлюбленную, — знак печали, пережившей опечаленного. Это и выражение состояния людей, стоящих у фонтана, поглощённых собственными предчувствиями и воспоминаниями.

Почему же здесь, так далеко от Царского Села, вспоминают они о его садах? В сознании школьников, как и большинства читателей, Царское село связано прежде всего с именем Пушкина — с воспитавшим поэта Царскосельским лицеистом, с его стихами, воспевавшими любовь и дружбу. Вопрос о том, соединяется ли с этим именем Бахчисарай, тоже находит мгновенный ответ — конечно, благодаря пушкинской поэме «Бахчисарайский фонтан». А хотела ли Ахматова, чтобы эта связь выразилась в стихотворении? Существовала ли эта связь для нее? Сразу вспоминается её раннее стихотворение, посвященное Пушкину — «Смуглый отрок бродил по аллеям...» В её сборниках тех лет оно всегда входило в маленький цикл «В Царском селе». Уместно рассказать или напомнить школьникам о том, что Ахматова не только преклонялась перед гением Пушкина, не только выразила это в своих стихах, но и занималась изучением его творчества. Однако в разбираемом стихотворении имени Пушкина нет. Для культурного читателя достаточно общих ассоциаций. Романтическая поэма Пушкина ни сюжетом, ни персонажами не подходила для аналогии. И даже фонтан упомянут не прямо, а скорее иносказательно. Ахматовой важнее было соединить образ грусти с побеждающим его светлым воспоминанием. А к царскосельским садам относится только слово *отрада*. Оно встречается у Пушкина, но принадлежит общему литературному языку.

Стоит обратить внимание на то, что Бахчисарай назван городом «чистых водомётов». Водомёт — то же самое, что фонтан? И да, и нет. Конечно, это выражение способно напомнить о пушкинской поэме, но такое воспоминание будет приглушенным, не бросающимся в глаза, потому что слово — другое. Оно относится к архаической лексике, переносящей нас в уже не в 19, а в 18 век, и делает уместным дальнейшее упоминание имени Екатерины II и ассоциации с её эпохой.

В этом контексте «царскосельские сады» получают более широкий смысл. Царское село — и летняя резиденция русских царей, включающая садово-парковый комплекс с памятниками русской славы (вспомним, что юный Пушкин читал на лицейском экзамене в присутствии Державина свою оду «Воспоминания в Царском селе»). Но это и «город муз», и в то же время реальный населённый пункт, где училась в женской гимназии Аня Горенко, где директором мужской гим-

назии был высоко ценимый акмеистами поэт Иннокентий Анненский. Царское село — символ родника отечественной культуры не только в классическом, но и живом выражении.

Значит ли это, что поиски темы Пушкина здесь ошибочны и надуманны?

Пожалуй, дело обстоит несколько сложнее. Прямые упоминания имени Пушкина или пушкинские реминисценции вряд ли были бы уместны в стихотворении с таким личным смыслом. Ведь Пушкин — это самостоятельная и самоценная тема русской культуры, и ее появление в стихотворении способно заслонить все иные образы. Но читатель, обладающий хорошей памятью, мгновенно почувствует беспокойство, и рядом со «смуглой осенью» возникает тень «смуглого отрока», бродившего по царскосельским аллеям. 18 век заметно присутствует не только в начале, но и во второй половине стихотворения. Осень, которая приносит жёлтые листья, чтобы посыпать ими ступени, — аллегорическая фигура, и здесь уместно вспомнить, что подобные образы более всего характерны для эпохи классицизма, расцвет которого в России приходится опять-таки на 18 век.

Понятно, почему Бахчисарай с его историей, с его дворцом напоминает именно об этом веке. Но какое это имеет отношение к описанию последнего свидания двух молодых людей перед вечною разлукой? Ведь мы только что предположили, что тема Пушкина здесь сознательно приглушена, чтобы не помешала теме интимной — и вдруг обнаруживаем целую цепь историко-культурных ассоциаций с более чем вековым диапазоном.

Противоречие исчезнет, если мы согласимся, что Ахматова в своем стихотворении даёт читателю возможность увидеть Бахчисарай глазами этих молодых людей.

Оба, и Ахматова и Недоброво, были поэтами одного круга, того, который давал им право повторять вслед за Пушкиным: «Отечество нам — Царское Село». Для них Пушкин был лишен хрестоматийного глянца, они дышали с ним одним воздухом и в Петербурге, и в Крыму. Интерес к русской истории, к русской культуре был важнейшей частью их общения: для каждого из них этот интерес был глубоко личным и поэтому стал частью их личных отношений. Внесение временного колорита значительно расширяет горизонт изображения. Упоминание *водоёмов* вместо фонтанов подготавливает выражение *орёл Екатерины*, которое издавна было литературным клише для обозначения полководцев, участвовавших в «покоренье Крыма», концептуально преобразует географическое пространство в историческое. Упоминание царскосельских садов создаёт ощущение протяжённости культурного пространства, в котором пребывают герои стихотворения. Культура является важным действующим лицом этого произведения. Именно она преобразует видимый мир, соединяет далёкие края в единое целое, придаёт значимость всему происходящему.

Любовь к поэзии, к Пушкину для них была частью смысла жизни. Ахматовское стихотворение все-таки даёт нам возможность поглядеть на этих двоих со стороны: вот они бродят по Бахчисараю, навещают ханский дворец, быть может, цитируют Пушкина: «Маститый страж страны державной, / Смиритель всех ее врагов, / Сей остальной из стаи славных / Екатерининских орлов», — а может, его выраже-

ние повторяется ими безотчетно, просто как слова, которыми они привыкли думать. Наверное, они провели вместе весь день, может быть, пошли в направлении к Чуфут-Кале — именно там, в долине, они, скорее всего, и могли увидеть орла. И отрадные воспоминания не утешали, но скрашивали боль предстоящей разлуки, тревожное предощущение гибельной судьбы — у каждого своей. (Не все знают, что Ахматова в то время тоже была больна туберкулезом, и многие ее стихи этой поры пронизаны чувством близости смерти). Но здесь об этом нет упоминания, здесь — *песнь прощальной боли*.

Итак, оба смертельно больны, страшно болен и мир вокруг них — идет война, страна на краю гибели, рушатся устои, друзья кончают самоубийством. Об этом Ахматова впоследствии напишет в «Поэме без героя», но здесь о хаосе и трагизме мира — ни слова. Классическая культура учила сдержанности. Оба поэта, и Ахматова и Недоброво, в своей лирике 20-го века тяготели к некоторым эстетическим принципам, сложившимся в эпоху классицизма. И в жизни достоинство личности поддерживалось чувством меры, чуткостью к гармонии. Двое не просто находятся в данном географическом пункте: всё, что с ними происходит, даже в беспредельном, запредельном мире — осмыслено культурой.

Он и она любят жизнь и красоту, пока живы — живут прекрасным: «*Наш последний звездный рай...*» Все-таки оба знают, что — последний. Стихотворение создает впечатление, что прощальная встреча заставила каждого сдерживать себя — может быть, чтобы не причинить боль другому. Ни слова здесь нет о последних взглядах, жестах. Только «*...ступени, где прощалась я с тобой...*» Где они? Куда веди? В дом, где он остановился? Или это ступени вырубленного в скале Успенского монастыря у той же долины? Может, именно там поклялась она никогда его не забыть? Мы не знаем этого. И все же, кажется, своими глазами видим эти ступени, усыпанные осенними листьями.

Как сдержанна Ахматова в своем рассказе! Как скупа на детали! А может, и сама эта последняя встреча была такой же скупой и сдержанной? Невольно вспоминаются строки из другого её стихотворения:

*Мы не умеем прощаться.
Все бродим плечом к плечу.
Уже начинает смеркаться,
Ты задумчив, а я молчу.*

Бывает, что люди обмениваются лишь незначительными фразами, чтобы не сфальшивить, не взять неверную ноту в главном. Косвенная речь героев в стихотворении («вспоминали мы с отрадой...», «вдруг узнали...») имеет двойкий характер. Это великолепная по лаконизму и выразительности характеристика действующих лиц. Отсутствие диссонанса между двоими тем более оттеняет горечь расставания. И в то же время эти скудные реплики вызывают ощущение недоговоренности, мучительного поиска слов. Кажется, что они при расставании так и не были найдены. И лишь в самой последней строке стихотворения, уже после сообщения о неправимости расставания («*И откуда в царство тени / Ты ушел...*»), вдруг прозвучит главное слово неожиданно ясно и беззащитно-открыто: «*утешный мой*».

Слово «*утешный*» производит очень сильное впечатление. Оно вызывает ассоциацию с народной песней, может быть, с плачем. В какой-то мере оно является стилистическим контрастом классически сдержанному тону всего предыдущего текста, в котором лишь единственное просторечное слово — *подол* с жёлтыми листьями — слегка подготавливало почву для его появления. «*Осень смуглая*», благодаря упоминанию этой детали одежды, становится похожей на простую крестьянку, и этот ассоциативный ход создаёт возможность непосредственности в проявлении чувства, которая иногда бывает так трудна для утонченной культуры и так естественна для народной. Осень участвует в их прощании и помогает найти нужное слово.

Просторечное ли слово — «*утешный*»? Таким оно не выглядит, несмотря на явное тяготение к стилю народной песни. В этом слове удивительным образом впечатление простоты сочетается с впечатлением изысканности — в самом прямом и первоначальном смысле. Оно было употреблено Ахматовой, кажется, один-единственный раз за весь ее долгий творческий путь, именно в этом стихотворении, в применении именно к этому человеку, Николаю Владимировичу Недоброву. Оно в этом стихотворении, кроме того, является вообще единственным словом, прямо обращённым к адресату, если не считать притяжательного местоимения «*мой*». Два этих эпитета, как ни странно, можно посчитать важными ещё и для характеристики топоса. Их предельная конкретность и значительность как бы возвращают действие на землю. Друг, которого мы уже увидели уходящим в «*царство тени*», всё же не исчезает в нём, остановленный словами: «*утешный мой*». Эти слова, произнесённые «здесь и сейчас», фиксируют внимание читателя на фигурах людей, остановившихся перед вечной разлукой, и противопоставляют ей значимость человеческого чувства, человеческого контакта, совершающегося в реальном мире.

После того, как мы обратили внимание на слово «*утешный*», может неожиданно заиграть новыми красками слово «*рай*» в первой строфе. Сначала оно могло восприниматься как образец полнозвучной красивой рифмы к слову «*Бахчисарай*», и не более того. Но теперь, дочитав стихотворение до конца, понимаем, что слово «*рай*» имеет большую смысловую нагрузку, скрепляет между собой дополнительными оттенками такие представления, как «*чистые*», «*золотой*», «*отрада*», «*вода*», «*сады*», «*долина*», «*орёл*» и, конечно, «*утешный*». Весь этот ряд живых конкретных впечатлений противостоит теме гибели и утраты и придаёт совершенно особое значение выражению «*песнь прощальной боли*».

«*Звёздный рай*» — образ вечернего или ночного неба, но это и указание на те сферы, которые предположительно должны находиться уже над звёздами — край вечного блаженства. Здесь это выражение слабо связано с ночью, потому что остальные детали мира, упоминаемые в стихотворении, освещены дневным светом, окрашены в светлые тона. Симметричный этому топос в конце стихотворения — «*царство тени*» — *ступени* вниз, в обитель мёртвых, подземное царство, Аид. «*Звёздный рай*» и «*царство тени*» — это те полюса, которые определяют направление движения: от дружбы, любви, жизни к разлуке, смерти. Однако эмоциональная окраска стихотворения противостоит безнадежности смерти. Первые строки: «*Вновь подарен мне дремотой / Наш последний звёздный рай*» уже за-

дают тему цикличности, повторяемости воспоминаний. Бессмертие чувства в созданиях искусства, ассоциативно всплывающее при упоминании о фонтане слёз, дополняется живой нотой человеческой памяти. И осень, символ увядания природы, принесла свои жёлтые листья наперекор смерти: «*Чтобы песнь прощальной боли / Дольше в памяти жила*».

Трагизм существования, боль разлуки и даже сама смерть не могут уничтожить красоту человека и память о его любви. Недаром же эпитет «*утешный*» звучит уже после «*царства тени*», как бы отменяя его, отменяя смерть вечной красотой искусства, выразившего трепетное, живое движение души в совершенной форме лирического стихотворения.

Литература

1. Альми И. Л. О лирических сюжетах Пушкина в стихотворениях Анны Ахматовой — В кн.: И. Л. Альми. О поэзии и прозе. — СПб.: Изд-во «Семантика-С» совместно с изд-вом «Скифия», 2002. — С. 260 – 275.
2. Ахматова А. А. Сочинения. В 2-х т. Сост., подгот. текста и коммент. В. Черных. — М.: Худож. лит, 1986.
3. Ахматова А. Сочинения: В 2 т. — М.: Правда, 1990. Сост., подгот. текста М. М. Кралина.
4. Бахтин М. М. Слово в поэзии и в прозе // Вопросы литературы — 1972. — №6. — С. 55 – 85.
5. Бахтин М. М. Слово в романе // Вопросы литературы — 1965. — №8. — С. 84 – 90.
6. Мусатов В. В. «В то время я гостила на земле...» — М.: Словари ру, 2007.
7. Недоброво Н. В. Анна Ахматова // Рус. мысль. — 1915. Кн. VII, отд. 2. — С. 50 – 68. Также: А. А. Ахматова: pro et contra / Сост., вступ. ст., примеч. Св. Коваленко. — СПб: РХГИ, 2001. — С. 117 – 137.
8. Орлова Е. И. Литературная судьба Н. В. Недоброво. — Томск — М.: Водолей Publishers, 2001.
9. Тименчик Р. Д. Ахматова и Пушкин. Заметки к теме // Уч. зап. Латвийского гос. ун-та. — Рига, 1974. — Т. 215. / Пушкинский сборник. Вып 2. — С. 32 – 56.

Темненко Г. М. Макросвіт ліричного вірша.

Методика аналізу вірша як єдиного цілісного висловлювання суб'єкта поєднується з урахуванням об'єктивних соціокультурних координат, що визначають його сюжет, на прикладі вірша Ахматової «Вновь подарен мне дремотой...»

Ключові слова: А. А. Ахматова, Н. В. Недоброво, композиція ліричного вірша, контекст.

Temnenko G. M. Macrocosm of lyric poem.

Method of analysis of poem as a single integral utterance of lyric fellow unites with an accountaccount objective sociokul'turnykh co-ordinates (position), determining his fellow, on the example of poem of Akhmatova «Again given a present me drowsiness.»

Key words: A. Akhmatova, N. Nedobrovo, composition of lyric poem, context.

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2010 г.

Раздел 2.

ЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕКСТОЛОГИЯ: АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 811.11'25

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРЕДИКАТЫ КАК МАРКЕРЫ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ АКТАНТОВ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР ВЫСКАЗЫВАНИЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Н. И. Билан

*Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта им. академика В. Лазаряна,
г. Днепропетровск*

Предлагается семантико-синтаксический анализ функционирования и значения оценочных предикатов в определении активных партиципантов семантико-синтаксических моделей высказываний русского и английского языков, имена которых могут быть не только в позиции подлежащего активных синтаксических конструкций.

Ключевые слова: семантико-синтаксическая структура, оценочные предикаты, модальность, каузальность, активность.

Актуальность данного исследования предопределяется тем, что, несмотря на интенсивность лингвистических исследований в области семантики синтаксиса, отсутствует единый перечень семантических критериев определения принадлежности актантов даже к ядерным ролям — агенсу и пациенсу. Это объясняется и разнообразием классификаций предикатов, и установлением ограничений на лексико-семантические классы имен существительных, которые могут быть определены в качестве агенса, и ограничениями на синтаксическую позицию, которую агенс может занимать в поверхностной структуре, и отсутствием единых непротиворечивых семантических критериев выделения ролей семантических структур высказываний.

Мы считаем, что лежащая в основе данных противоречий классификаций ролей проблема определения субъектной перспективы полисубъектных высказываний разрешается прежде всего признанием языковых фактов — лексико-грамматической семантики таких нормативных и частотных языковых форм, как активные синтаксические конструкции с неодушевленными актантами в позиции подлежащего и с одушевленными актантами в позиции дополнения поверх-

ностных структур высказываний русского и английского языков, синтаксических структур с предикатами аффективного воздействия, а также структур с супплетивным пассивом.

Целью данной статьи является исследование функционирования оценочных предикатов, которые позволяют выявить ролевой статус компонентов высказывания на основании значения целостных синтаксических структур и обоснование правомерности приписывания роли агенса актантам, занимающим как субъектную, так и объектную позиции в поверхностных структурах активных конструкций.

Определяя область действия оценочных предикатов, Н. Д. Арутюнова выявила ряд значительных для семантического синтаксиса синтаксических явлений. Прежде всего очень важными для определения активных начал семантических структур высказываний являются приводимые Н. Д. Арутюновой результаты исследования П. Х. Ноуэлл-Смита. П. Х. Ноуэлл-Смит выделяет две категории предикатов, функции и значение которых не ограничены дескриптивностью и которые используются в аксиологически окрашенных текстах. Первая категория, названная им «А-словами» (*aptness* — англ. *способность, склонность, природное свойство*), включает предикаты (в основном прилагательные), обозначающие качество объектов, состоящее в их способности вызывать определенную психическую реакцию в человеке. В состав А-слов входят *разочаровывающий, целебный, смешной, отвратительный, забавный, великолепный, симпатичный* и др. [7, с. 175]. Само свойство, которое обозначают приведенные прилагательные, не конкретизировано. К *великолепным* могут быть отнесены разнообразные признаки любых объектов, которые способны *вызвать восторг*. А-слова (свойства-способности) противопоставлены дескриптивной лексике — Д-словам (свойствам-описаниям) [7, с. 164 – 166].

Н. Д. Арутюнова называет А-слова каузирующими [2, с. 47]. Каузативный элемент значения А-слов выделяет и П. Х. Ноуэлл-Смит [7, с. 177]. Наличие каузального значения в этих выделенных П. Х. Ноуэлл-Смитом А-словах обусловлено тем, что они образованы на основе глаголов аффективного воздействия (*удивлять, ужасать, отталкивать, радовать*), семантика которых, как отмечает Н. Д. Арутюнова, складывается из каузального компонента и указания на каузируемое состояние, возникающее в результате каузации. Свойства же субъекта каузации, обычно не выражаемые, могут быть эксплицированы либо в самом субъекте, либо в периферийной синтаксической позиции, например: 1. *Величественность гор поражает* [2, с. 48].

Нам представляется важным и не отмечавшимся в приведенных выше исследованиях механизма функционирования аффективных предикатов то, что выделенные П. Х. Ноуэлл-Смитом предикаты, образуя именные группы с субъектом каузации, позволяют обратить внимание на источник аффективного воздействия. В работах Ю. С. Степанова, Т. В. Булыгиной, О. Н. Селиверстовой и А. Г. Елисеевой [10; 5; 8; 6] рассматривались семантические характеристики субъекта поверхностной структуры предложения, которому предисцировалось то или иное аффективное воздействие извне и который характеризовался неактивностью своего семантического статуса. При этом семантическая характеристика элемен-

та, оказывающего аффективное воздействие, определенной трактовки не получала. Таким образом, каузирующие прилагательные наглядно указывают на воздействующих актантов, обуславливающих определенное состояние подвергаемых воздействию актантов, соответствующих субъектам поверхностной структуры предложений.

Но еще более показательной для анализа семантической структуры высказываний является вторая категория предикатов, имеющая аксиологический компонент значения и называемая П. Х. Ноуэлл-Смитом *Джи-словами* (*gerundive-words* — англ. *герундиальные слова*). *Джи-слова* — это прилагательные, которые могут быть определены как обязывающие — они, по определению П. Х. Ноуэлл-Смита, требуют от человека некоторого действия. К таким прилагательным П. Х. Ноуэлл-Смит относит такие лексемы, как *похвальный, предосудительный, наказуемый, достойный похвалы / осуждения* и т. п. В английском языке к этому типу прилагательных принадлежат прилагательные с суффиксом *~worthy* (англ. *~worthy* как компонент сложных слов *заслуживающий ... , достойный ... noteworthy — заслуживающий внимания, того, чтобы быть отмеченным; praiseworthy — похвальный*). Основная импликация *Джи-слов* — совет, побуждение, рекомендация. Предложение 2. *The mountain is worth climbing* — англ. *Стоит подняться на эту гору* П. Х. Ноуэлл-Смит считает эквивалентным предложению 3. *You ought to climb it* — англ. *Ты должен подняться на эту гору* [цит. по 2, с. 47 – 49]. То есть, эта категория прилагательных указывает на способность характеризуемых ими субстанций каузировать выполнение человеком определенных действий.

Обладают высокой степенью активности, по наблюдениям Р. М. Хэара [11] Р. Карнапа, П. Х. Ноуэлл-Смита, Ч. Стивенсона, А. Айера, и общеоценочные предикаты *хороший, плохой, хорошо, плохо* [цит. по 2, с. 46 – 52]. Р. Карнап квалифицирует ценностные суждения как скрытый императив [цит. по 2, с. 46]. П. Х. Ноуэлл-Смит отмечает, что положительная оценка служит основанием рекомендации, а отрицательная — запрета, таким образом в оценке обнаруживается активная сила (*its gerundive or pro-force*) [цит. по 2, с. 50].

Об обратимости модусов долженствования и ценности пишет Р. Г. Апресян — всякое предписание может обосновываться оценкой и, наоборот, поступок может получить оценку ссылкой на норму [1]. На превалирование оценочного значения в императивных ситуациях, не имеющих определенной временной локализованности, указывает А. В. Бондарко — предложения 4. *Летайте самолетами Аэрофлота*; 5. *Пользуйтесь услугами Госстраха* понимаются как констатация того, что 6. *Хорошо летать самолетами Аэрофлота*; 7. *Целесообразно пользоваться услугами Госстраха* [4, с. 86].

Будучи связанной с модальностью долженствования, оценка связана в то же время и с модальностью стремления, которая также имеет непосредственное отношение к категориям семантического синтаксиса, так как основное значение модальности стремления или желания (оптатива) — это оценка ситуации с точки зрения ее желательности [3, с. 68].

Признание желательности для кого-либо некоторой ситуации побуждает человека к действию. Модальность стремления Аристотель основывает на понятии

блага, которое он определяет как то, «... к чему все стремится» [цит. по 2, с. 14; 11, с. 272]. Такое соотнесение понятий блага и стремления сохраняется и в современной лингвистике. Ч. Стивенсон пишет, что, признав что-либо хорошим, человек тем самым приобретает более сильную тенденцию действовать соответствующим образом («... *in its favour*») [цит. по 2, с. 52].

Присутствие имплицитного желания в высказываниях с диспозиционными глаголами, например, такими, как *любить и нравиться*, по мнению Н. Д. Арутюновой, поднимает проблему прагматических коннотаций, связанных с реальными действиями [2, с. 86 – 92]. При этом, если на эти диспозиционные предикаты падает фразовое ударение, они образуют и структуры без субъекта восприятия: 8. *Пирог с яблоками (обычно) любят*; 9. *Морские купания нравятся*. По наблюдениям Н. Д. Арутюновой, в этом случае оценка сдвигается в сторону характеристики объекта [2, с. 90]. Что же касается проблематики семантического синтаксиса, то такие предложения наглядно демонстрируют семантический механизм выбора для оречевления только активного, оказывающего воздействие элемента семантической структуры и устранение имплицитного подвергающегося воздействию субъекта восприятия, у которого в результате оказанного на него воздействия возникает стремление целенаправленно действовать.

Функцией такой гедонистической оценки, по утверждению Н. Д. Арутюновой, является обогащение языка недескриптивными предикатами, которые объединяют объекты реальной действительности не по их собственным свойствам, а по их физическому и психическому воздействию на человека. Объединенные такими предикатами классы объектов представляют собой наборы причин (стимулов), способных оказывать соответствующее воздействие на человека. Дополнительными примерами такого функционирования предикатов гедонистической оценки являются предложения типа 10. *Я люблю (есть) рыбу*; 11. *Я люблю (читать произведение) Тургенева* [2, с. 198].

Как видно из этих примеров, единственное очевидное значение оценочных предикатов — это положительное или отрицательное воздействие на субъекта восприятия. С учетом того, что предикаты специфических действий *есть, читать* и ряд других при предикатах гедонистической оценки в речевой норме устранены, самой значимой единицей семантических структур этих примеров являются семантические элементы, помещенные в объектную позицию в поверхностной структуре и вобравшие в себя значение узуальных специфических действий, характер и причину оказываемого ими на человека воздействия. Семантическая емкость и, в первую очередь, сема 'воздействия' делают этот семантический элемент самым активным членом семантических структур этих высказываний.

Выявленный Н. Д. Арутюновой характер функционирования оценочных предикатов созвучен мысли Т. В. Булыгиной относительно силы объяснительной способности семантического признака контролируемости всей ситуации в целом. Контролируемость во многих случаях является единственным объясняющим языковые механизмы фактором, оказываясь более эффективной, чем признаки стативности, динамичности и активного воздействия на объект. Что же особенно важно — так это то, что контролируемость всей ситуации происходит не обязательно

со стороны лица, название которого выступает в функции подлежащего [5, с. 70 – 71].

Таким образом, анализ действия оценочных предикатов предоставляет обширный и убедительный языковой материал, выявляющий те семантические акценты, которые делаются оценкой как эпистемологической категорией. Эти семантические акценты делаются на самых семантически значимых элементах семантических структур высказываний, которые не всегда совпадают с традиционным лингвистическим выделением главных членов предложений, делавшимся по формальным признакам — морфологическим показателям и синтаксической позиции элементов предложений.

Литература

1. Апресян Р. Г. Добро // Новая философская энциклопедия: В 4 т. — М.: Мысль, 2000. — Т. 1: А – Д. — С. 675 – 677.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1988. — 338с. — Библиогр.: с. 316 – 322.
3. Бирюлин Л. А., Корди Е. Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе. // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. — С. 67 – 72.
4. Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. — С. 80 – 89.
5. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / АН СССР Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1982. — С. 7 – 86.
6. Елисеева А. Г., Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов / АН СССР Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1982. — С. 158 – 217.
7. Ноуэлл-Смит П. Х. Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. — С. 155 – 183.
8. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов / АН СССР Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1982. — С. 86 – 158.
9. Смирнов А. В. Благо // Новая философская энциклопедия: В 4 т. — М.: Мысль, 2000. — Т. 1: А – Д. — С. 272 – 274.
10. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение / АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1989. — 247с. — Библиогр.: с. 234 – 246.
11. Хэар Р. М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. — С. 183 – 196.

Билан Н. І. Оцінні предикати як маркери ієрархічної значущості актантів семантико-синтаксичних структур висловлювань російської та англійської мов.

Здійснено семантико-синтаксичний аналіз функціонування та ролі оцінних предикатів у визначенні активних учасників семантико-синтаксичних моделей висловлювань російської та англійської мов, назви яких можуть бути не лише у позиції підмета активних конструкцій.

Ключові слова: семантико-синтаксична структура, оцінні предикати, модальність, каузальність, активність.

Bilan N. Evaluative predicates as the markers of the hierarchical significance of the participants of Russian and English semantic syntactic structures

The semantic syntactic analysis of the role of evaluative predicates in determining active semantic structure participants whose names are not always placed in the position of the subject of the active voice syntactic structures has been carried out.

Key words: semantic syntactic structure, evaluative predicates, modality, causality, activity.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 104 – 108

УДК 81:81'25+81'42

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Т. И. Власова

*Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта им. академика В. Лазаряна,
г. Днепропетровск*

В статье рассматривается взаимовлияние межкультурной коммуникации и познания, их роль в теории и практике перевода, в частности, роль перевода в развитии научного дискурса.

Ключевые слова: научный дискурс, теория познания, лакуна, фемининность, дословный перевод, переводческая компетенция, когнитивная лингвистика.

Перевод в развитии научного дискурса как и теоретическая, и прикладная проблема требует серьезного внимания различных ученых, не только филологов, тем более, что последнее десятилетие ознаменовано небывалым по интенсивности включением результатов западных исследований (прежде всего, в области философии, социологии, политологии, психоанализа, теории литературы) в отечественный корпус знаний. Поскольку происходило это посредством перевода (в основном, с английского), то роль переводчика трудно переоценить. Концептуальные проблемы лингвистики, в целом, занимают очень важное место в переводческой деятельности. К числу наиболее серьезных научных проблем относится взаимосвязь и взаимовлияние межкультурной коммуникации и теории познания. И первое, и второе, как известно, является предметом исследования различных наук, охватывая такие области знания, как когнитивная лингвистика, психология, социология, культурология и, безусловно, философия. Многие философы считают теорию познания (или эпистемологию) ядром философии. Вопросы о том, что познаваемо, а что нет, отражает ли наше мышление реальность, какова роль мышления и чувственного опыта в процессе познания, интересовали философов всегда и остаются сферой особого внимания в современных теориях постмодернизма [1].

Известно, что язык рассматривается учеными как зеркало культуры. Язык формирует представления человека о мире и о себе; язык, по утверждению философов-постмодернистов, лежит в основе идентичности человека — мужчины или женщины [2]. В этой связи особое значение приобретают термины «картина мира» и «дискурс», в конце XX в. прочно вошедшие в концептуальный и метаязыковой аппарат когнитивной лингвистики. «Картина мира» определяется учеными как совокупность знаний и мыслей субъекта относительно объективной реальной или мыслимой деятельности (Н. Васильева, В. Виноградов, А. Шахнарович). Дискурс, «текст в контексте» (М. Бахтин), является предме-

том изучения не только лингвистики, но также философии и литературоведения. В работах М. Фуко дискурс — это социально обусловленная организация системы речи и действия. Любая речь по определению предполагает, пишет Фуко, что высказывание производится не только и не столько лингвистическими и логическими, сколько социальными средствами, то есть человек не обладает реальной идентичностью в рамках своего «я», можно говорить просто о способе репрезентации себя в речи — дискурсе [3].

М. Фуко утверждает, что реальность для каждого человека различна, так как она опосредована языком и опытом. Не может быть безличного, объективного взгляда («взгляда ниоткуда»), есть только конкретная индивидуальная субъективность. В этом контексте, считает Фуко, дискуссии о значении слов являются решающими в определении общественного сознания. Для Лиотара, как и для Витгенштейна, укоренившаяся изолированность «языковых игр» строится на специфичности жизни, в которой они воплощены. Перевод предложений, принадлежащих к разным режимам, следовательно, невозможен. Правда, Лиотар делает замечание, что языки переводимы, иначе они не языки, но языковые игры не переводимы, потому что если бы это было так, они бы не были играми языка. Это как если бы кто-то захотел перевести правила и стратегию шахмат в шашки [4: 53 – 54].

Однако, по Лиотару, функция жанра состоит в том, чтобы свести предложения, принадлежащие различным режимам, в границы единой цели, в единую телеологию, но, замечает Лиотар, при этом другой жанр дискурса может привести к другой цели, «инскрибировать иное завершение» [5: 29].

Как представляется, очень важным в этой мысли Лиотара является движение от онтологии предложения к его прагматике, в нашем контексте — к озабоченности тем, как предложение используется.

Специфика данной проблемы применительно к науке перевода заключается в том, что перевод многих постмодерных научных текстов, осуществленный за последнее время, является не просто фактом трансляции определенного корпуса знаний, но и способом конституирования украинского научного дискурса, позволяющего сегодня не только адекватно вписаться в современный западный дискурс, но и рассчитывать на эффект интереса и понимания в современном мире, благодаря использованию одного с ним научного языка.

Весьма существенно, что интеграция национальной научной школы в международное сообщество происходит посредством перевода с родного языка на иностранный и наоборот. Поэтому исключительно важен уровень профессиональной компетенции переводчика. В настоящее время осуществление качественного перевода осложняется прежде всего теми негативными изменениями, которые произошли в издательском деле, поскольку разрушен институт высокопрофессиональных переводчиков литературы, — как художественной, так и научной, — который существовал ранее. Вторая причина — это общее падение требовательности к профессионализму и компетенции специалистов. В результате этих изменений происходит феномен, получивший название «наивный перевод». «Наивный» переводчик не является специалистом в области переводимо-

го им текста, недостаточно владеет языком оригинала, более того, плохо знает свой родной язык. Главной стилистической приметой «наивного перевода» является избыточная «калькированность» (буквализм). Такой переводчик переводит «criminal law» (уголовное право) как «криминальный закон», «social contract» (общественный договор) как «социальный контракт», «public-private» (публичное — частное) как «общественное — приватное», «agency» (деятельность, дееспособность) переводится как «агенство», «mission» (боевая операция) — как «миссия», «le boum» (вечеринка) — «бум» и т. д.

«Наивный» перевод делает украинский текст семантически непрозрачным и пригодным для употребления только специалистами в данной области. Буквальный перевод, калькирование — это всегда свидетельство низкой культурной компетенции переводчика, но, что более важно, такой перевод разрушает концепт источника или дополняет его ложными коннотациями. Как отмечают исследователи, культурный барьер гораздо опаснее языкового. Например, один из фильмов Кшиштофа Занусси шел под названием «Иллюминация» («Illumination»), хотя речь в нем — об исканиях интеллигенции, и если бы его перевели правильно («Озарение»), то сразу же отослали бы к одному из основных понятий Августина Блаженного.

В случае научных текстов, например, новой области гендерных исследований, воссоздание англоязычного дискурса средствами как русского, так и украинского языка также вызывает некоторые проблемы. Широко известная работа Д. Спендер «Man Made Language» («Язык, созданный мужчиной») переводится уважаемыми авторами как «Мужчина создал язык». «Feminine» — «фемининный» переводится как «феминный», «feminist philosophy» — «феминистская философия» украинскими учеными переводится только как «феміністична філософія». Классика гендерных исследований, книга Джудит Батлер «Gender Trouble» вошла в наш канон философской литературы как «Гендерное беспокойство», хотя, принимая во внимание и содержание книги, и смысл концепта «trouble», эту книгу, на наш взгляд, следовало бы перевести «Гендерная неопределенность».

С. Г. Тер-Минасова утверждает: все тонкости и вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры — со своей [6]. Исследовательница подчеркивает: следует быть очень осторожным с новым иностранным словом, его употреблением: за словом стоит понятие, за понятием — предмет или явление реальности мира, а это мир иной страны, чужой, чуждый.

Отсюда — важность проблемы концептуальной эквивалентности языка оригинала и языка перевода. Сравнивая концепты, свойственные различным культурам, ученые зачастую сталкиваются с асимметричной представленностью единиц в сопоставляемых культурах. Крайней степенью такой асимметричности является лакунарность — отсутствие определенных признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой. Такие отсутствующие в сравниваемых культурах осмысления объектов или реалий лежат в основе лакунарных концептов, обладающих своеобразным качеством, акцентирующим экстралингвистический концепт выска-

звания) [7]. Безусловно, такие концепты требуют особого внимания переводчика. Автор основополагающих работ в области логической семантики Г. Фреге, рассматривая три степени различия между выражениями, пишет, что разница между переводом и оригиналом не должна выходить за пределы первой степени различия, затрагивающей только «представление»: различные нюансы и разную стилистическую окраску. Эти нюансы не объективны, но именно потому так важно, чтобы читатель или слушатель воссоздавал для себя максимально приближенную к оригиналу «картину мира», что возможно только при контакте языкового значения с конкретной реальностью, при контакте языка с действительностью (М. Бахтин). Особое значение в этой связи приобретает литературный дискурс, «перебрасывающий мостик» между вымышленным миром литературы и действительностью. Литературный дискурс очень важен для переводчика, поскольку он охватывает не только явления языка и литературы, но вводит переводчика в общефилософский контекст, обнимающий в культуре постмодерна математику и филологию, термодинамику и историю, литературу и психологию — сложные нелинейные структуры, в которых происходит «синергетическое порождение смысла».

В межкультурной коммуникации, основанной на единстве изучения языков и культур, личность переводчика проявляется в полной мере, приобретая характеристики «вторичной языковой личности» (И. Халеева). С точки зрения переводчика, коммуникативные, прагматические и семиотические подходы, помещающие переводчика в центр коммуникативной деятельности, имеют равноценное значение, поскольку переводчик выполняет роль посредника между различными культурами, каждая из которых имеет свои специфические представления о реальности, идеологии, мифах и т. д. [8].

В этой связи приобретает особую актуальность проблема «author-centred» против «reader-centred» перевода [9: 16 – 20]. Проблема «центрированности» на тексте/авторе или читателе затрагивает различия в базовой ориентации переводчика: для многих переводчиков верность источнику — превыше всего, для других самое главное — это читатель, его понимание текста, третьи (особенно, переводчики современной литературы) часто знакомы с автором текста-источника и переводят его в свете того, что они знают об авторских интенциях (безусловно, это не относится к переводу юридических, финансовых и прочих документов).

Я. И. Рецкер также писал об этой проблеме, называя ее «учетом адресата высказывания», и призывал учитывать «равнодействующую» «общественно осознанного контекста» [10].

Безусловно, все выше обозначенные темы не новы в переводе, но переводчик всегда был и остается вовлеченным в коммуникативную деятельность, которая происходит в конкретном социокультурном контексте. Проблема адекватности определенного перевода для определенных целей связана и с социокультурными условиями, и с лингвистическими требованиями. Когнитивная лингвистика, как и теория межкультурной коммуникации, постоянно вносит свой вклад в теорию и практику перевода XXI века и способствует продвижению системного подхода в оценке переводческого процесса.

Литература

1. Deutscher P. *Yielding Gender*. — London and New York: Routledge, 2004. — P. 2 – 7.
2. Butler J. *Gender Trouble*. — New York and London: Routledge, 1999. — P. 33 – 44.
3. Фуко М. Археология знания. — СПб.: «Гуманитарная Академия», 2004. — 416с.
4. Lyotard J.-F. *Just Gaming*.
5. Lyotard J.-F. *The Defferend*. — Paris, 1984. — 272 p.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000. — С. 33 – 36.
7. Карасик В. И. Этноспецифические концепты// Введение в когнитивную лингвистику. — Севастополь: Рибэст, 2009. — С. 59 – 101.
8. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. — М., 1997. — С. 352 – 361.
9. Hatim B., Mason J. *Discourse and the Translator*. — London and New York: Longman, 1997. — P. 236.
10. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М.: Р. Валент, 2004. — С. 40 – 44.

Власова Т. И. Міжкультурна наукова комунікація та деякі проблеми перекладу.

У статті розглядається взаємовплив міжкультурної комунікації та пізнання, їх роль у теорії і практиці перекладу, зокрема, роль перекладу в розвитку наукового дискурсу.

Ключові слова: науковий дискурс, теорія пізнання, лакуна, фемінінність, дослівний переклад, компетенція перекладача, когнітивна лінгвістика.

Vlasova T. Intercultural scientific communication and some problems of interpreting.

The article deals with the issues of intercultural communication and reason, their interaction in translating as process and theory, and their role in the development of the scientific discourse.

Key words: scientific discourse, epistemology, lacuna, feminine, translator's competence, verbatim translation, cognitive linguistics.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 109 – 113

УДК 811. 161.1'374

НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОПТИМИЗАЦИИ ТОЛКОВАНИЯ МОНОСЕМАНТОВ

М. Л. Вотинцева

*Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта им. академика В. Лазаряна,
г. Днепропетровск*

Рассматриваются возможности оптимизации толкования моносемантов в лингвистическом и энциклопедическом словарях.

Ключевые слова: оптимизация, моносемант, дефиниция, порочный круг.

В данной статье в общем виде ставится проблема оптимизации дефиниций однозначных слов в одноязычных толковом и энциклопедическом словарях. Эта проблема находится в русле важнейших современных исследований, так как словарный состав языка постоянно пополняется, при этом важную часть новых слов образуют термины, заимствованные слова, которые на первом этапе своего функционирования в языке имеют только одно значение.

Актуальность статьи обусловлена недостаточной степенью изученности лексикографической обработки однозначных слов.

Проблемы лексикографии были исследованы рядом ученых, среди которых Л. Щерба, Х. Касарес, В. В. Виноградов и многие другие. В ряде современных работ рассматриваются общие особенности словарей и их структуры, структурно-семантические особенности словарных дефиниций (В. В. Дубичинский, А. П. Евгеньева, В. И. Карасик, Е. И. Толикина, Н. Л. Тычинская и другие). В значительной мере внимание исследователей словарей привлекают многозначные слова (П. Н. Денисов, И. А. Кобозева, Д. Н. Шмелев, А. А. Уфимцева и др.), тогда как толкование однозначных слов и понятий еще остается нерешенной задачей лексикографии.

Целью данной статьи является оптимизация лексикографической презентации однозначных слов в толковом и энциклопедическом словарях современного русского языка. Для изучения особенностей дефиниций слов-моносемантов нами был использован Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова (2004, далее БТС) и Большой Российский энциклопедический словарь (2005, далее БРЭС)

В словарях определение значений слов основывается на сопоставлении одних обозначаемых словами предметов (понятий) с другими. Цель сопоставления — выявить такие отличия, которые являются существенными для отграничения одного имени от другого. Однако нередко даже в наиболее компетентных

словарях встречаются определения слов неудовлетворительные, определения, которые отсылают от одного слова к другому, не помогая выявить их более общие предметно-смысловые связи. Было предложено несколько способов преодоления этого порочного круга. Один из них в формулировке Б. Рассела звучит так: «Существует несколько способов, с помощью которых слова, употребляемые в науке, могут быть определены небольшим числом терминов из числа общих слов. Эти немногие термины могут иметь или наглядное, или номинативное определение с помощью слов, не принадлежащих к данной науке, или — пока наука не «интерпретирована» — могут быть оставлены как бы без наглядного и без номинативного определения и рассматриваться просто как набор терминов, имеющих те свойства, которые наука приписывает своим основополагающим понятиям. Такой набор начальных слов я называю «минимальным словарем» данной науки, если только а) каждое иное слово, употребляемое в науке, имеет номинальное определение с помощью слов этого минимального словаря; б) ни одно из этих начальных слов не имеет номинального определения с помощью других начальных слов» [1: 277].

Эта мысль перекликается с предложенным французским лингвистом Ш. Балли способом идентификации, который он понимал как установление связи между каждым конкретным речевым фактом и его логическим эквивалентом, как приравнивание этого факта к простому понятию [2: 128].

Идентификация Ш. Балли требует нахождения такой общей части значения, которая может быть точно выражена каким-либо простым словом того же языка [3].

Проведённый нами анализ Большого толкового словаря и Большого Российского энциклопедического словаря даёт основание утверждать, что лексикографическая обработка в этих словарях имеет некоторые особенности. Таким образом, был сформирован список некоторых возможных изменений в словарях, которые позволили бы сделать его использование более эффективным и удобным для восприятия. Наши предложения иллюстрируются примерами из словарей.

Сначала рассмотрим некоторые особенности толкований слов в толковых словарях.

1. Для более эффективного восприятия и понимания моносемантов было бы лучше не употреблять очень распространённых, перегруженных незначительными деталями определений, которые отвлекают внимание и усложняют поиск необходимой информации. Приведём примеры определений, в которых чрезмерная научность стиля мешает понять значение слова несложного содержания:

***ИМАЖИНИЗМ**, -а; м. [от франц. *image* — образ]. Одно из течений в русской поэзии 1920-х годов, утверждавшее примат самоцельного образа в формотворчестве над смыслом, идеей; выражало преимущественно богемные настроения. < Имажинистский; Имаженистический (см.) [4, с. 388].*

2. Отсутствие стилистических помет у слов, которые авторы относят к нейтральной или общеупотребительной лексике, может привести к неправильному

употреблению их в речи. Например: *причитальщица, пропилен, скаламбурить, скальп, хиломикронемия и др.*

Дается довольно много слов без помет, но внутри их толкований содержится отнесение к специальным сферам: *валидол, динамит, провансаль, растениеводство, хордовые и др.*

3. На наш взгляд, является нецелесообразным толкование при помощи слов, которые отсутствуют в словаре (сказанное относится как к толковому, так и к энциклопедическому словарям), например:

КЕЛЬВИН, -а; м. *Основная единица термодинамической температуры в Международной системе единиц. По имени английского физика У. Томсона (Кельвина) (1824 – 1907) [4:425].* В данном определении мы встречаем терминологическое сочетание *Международная система единиц*, толкование которого не даётся в толковом словаре.

4. Представляется целесообразным указание номера значения полисеманта, если именно через него объясняется значение моносеманта, например: *бортовщик* (в толковании употреблено многозначное слово *поребрик*), *кегельбан* (в толковании употреблено многозначное слово *кегли*).

БОСОНОЖКИ, -жек, -жкам; мн. (ед. *босоножка*, -и; ж.). *Лёгкие летние туфли с открытым верхом, обычно без задника. Женские, мужские б. Кожаные, парусиновые б. [4: 425].* Слово *задник* является многозначным, но ссылка на номер значения отсутствует.

5. Нежелательно использование однокоренных слов и грамматических форм слова для толкования значений, например:

ПИРОТЕХНИК, -а; м. *Специалист по пиротехнике [4: 833].*

6. Было бы лучше не допускать отсутствия толкования слова, приводя в качестве определения переформулировку или инверсию, например:

ПТИЦЕКОМПЛЕКС, -а; м. *Крупная птицефабрика. П. на пятьдесят тысяч кур. Проектирование, сооружение птицекомплекса. Работать механиком на птицекомплексе [4: 1043].*

ЗВЕРОСОВХОЗ, -а; м. = *Звероводческий совхоз [4: 360].*

7. Возможно использование толкования слова через название процесса, который этот предмет выполняет, или через результат этого процесса может привести к тавтологии:

ИЗГОТОВИТЕЛЬ, -я; м. *Тот, кто (то, что) изготавливает, производит что-л. И. оборудования. И. деталей. Завод-изготовитель [4: 380].*

8. Длинные цепочки отсылок, возможно, затруднят получение необходимой информации:

МУСКУЛЬНЫЙ см. *Мускул. [4: 564].*

МУСКУЛ, -а; м. [лат. *musculus*]. = *Мышца. Шейные мускулы. Мускулы лица. <> Не дрогнул ни один мускул на лице у кого-л. несколько не испугался кто-л. или сделал вид, что не испугался. < Мускульный, -ая, -ое. М-ое напряжение. М-ая работа. [4: 564].*

МЫШЦА, -ы; ж. *Состоящий из мышечной ткани орган (или часть органа) тела человека и животных, способный сокращаться и обеспечивающий*

выполнение важнейших физиологических функций всего организма; мускул. Сердечная м. Мышцы ног, рук. Упругость мышц. Тренировка мышц. Мышцы напряглись. У кого-л. слабые мышцы. <> Двуглавая мышца. Бицепс. < Мышечный, -ая, -ое. М-ая ткань. М-ые боли. [4: 567].

9. Определение значения слова было бы лучше для понимания, если бы не содержало порочного круга. (Порочный круг в определении проявляется в том, что для характеристики понятия используется другое понятие, в свою очередь определяемое через данное [3]):

ЖЕНЩИНА, -ы; ж. Лицо, противоположное по полу мужчине. ... [4: 303].

МУЖЧИНА, -ы; ж. (указано в оригинале текста словаря) 1. Лицо, противоположное по полу женщине. ... [4: 562].

10. При определении значения желательно по возможности избегать тавтологии. Наиболее типичным случаем тавтологического толкования является толкование при помощи цепочки синонимов. Процесс определения значения слова состоит в указании на его дифференциальные семантические признаки. Толкование же слова путем подбора синонимов предполагает приравнивание его как целостной единицы к другой целостной единице, что (так как в языке очень мало абсолютных синонимов) часто бывает не совсем корректным.

11. Одной из особенностей толкования слов-моносемантов в энциклопедическом словаре является то, что невозможно точно определить, является ли оно именем собственным или нарицательным и есть ли необходимость употребления прописной буквы в заголовочном слове или выражении, так как все заголовочные слова указываются прописными буквами, и нет никакой пометы о том, что слово пишется с прописной буквы (в отличие от толкового словаря). Например:

ВЫКУПНАЯ ОПЕРАЦИЯ [5: 300], **ГРИНБЕКЕРЫ** [5: 400], **ДАМАССКАЯ СТАЛЬ** [5: 420], **ДАМОКЛОВ МЕЧ** [5: 420], **ДИФАНТОВЫ ПРИБЛИЖЕНИЯ** [5: 460].

МИД, -а; м. [прописными буквами] [4: 540].

Таким образом, устранение отмеченных особенностей в построении словарных статей способствовало бы оптимальному представлению такой массовой группы лексики, как моносеманты, в толковых и энциклопедических словарях.

Литература

1. Рассел Бертран. Человеческое познание. Его сфера и границы. / Бертран Рассел; общ. ред. проф. Кольмана; пер. с англ. Н. В. Воробьева. — М.: Иниздат, 1957. — 555 с.
2. Балли Шарль Французская стилистика / [пер. с франц. яз. К. А. Долинина, ред. Е. Г. Эткинд]. — М.: ИЛ., 1961. — 394 с.
3. Морковкин В. В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы её лексикографической интерпретации. / В. В. Морковкин. // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения IX – X. — М.: Наука, 1981, — С. 153 – 166.
4. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. — СПб.: Норинт, 2004. — 1536 с.
5. Большой Российский энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. — 1888 с.: ил.

Вотінцева М. Л. Деякі можливості оптимізації тлумачення моносемантів.

Розглядаються можливості оптимізації тлумачення моносемантів в лінгвістичному та енциклопедичному словниках.

Ключові слова: оптимізація, моносемант, дефініція, порочне коло.

Votintseva M. L. Some possibilities of optimization of monosemantic words' difinitions.

The article deals with the possibilities of optimization of monosemantic words' definitions in explanatory dictionary and encyclopaedia.

Key words: optimization, monosemantic word, definition, vicious circle.

Статья поступила в редакцию 8 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 114 – 123

УДК: 821.161.1-3.09

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «БОГАТЫРСТВО» В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Г. А. Зябрева, С. В. Капустина

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье на материале прозы Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского анализируется сущность их базового концепта «богатырство», в результате чего проясняются мировоззренческие и творческие переключки писателей, уточняется характер литературных взаимосвязей между ними.

Ключевые слова: концепт, концепт-оппозиция, субконцепт, богатырство, антитеза, интертекст

Точкой отсчета в более чем полуторавековой дискуссии о художественном диалоге Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского стала восторженная фраза Н. А. Некрасова «Новый Гоголь явился!», рожденная под впечатлением от знакомства с романом «Бедные люди». С течением времени сравнение Ф. М. Достоевского с автором «Шинели» и «Мертвых душ» приобрело характер стойкой литературоведческой традиции. Одни исследователи увидели в творчестве старшего современника ту благодатную почву, на которой возрос и сформировался самобытный талант создателя «Двойника», «Хозяйки», «Неточки Незвановой»; другие же заговорили о целенаправленном «развенчании» Н. В. Гоголя автором повести «Село Степанчиково...», о попытках преодоления им влияния великого предтечи. При этом мотивы борьбы младшего литератора с предшественником объяснялись по-разному: то элементарной «завистью», «амбициозностью» Достоевского, то присущим ему духом соперничества со всей отечественной словесностью, а то и серьезными мировоззренческими расхождениями с Гоголем.

Бесспорно, направленность и динамика творческих интенций каждого из писателей, стремление найти и художественно воплотить собственные ответы на «проклятые и проклятые» вопросы бытия обуславливают реальные трудности в процессе сопоставления их неординарных творческих индивидуальностей. Тем не менее эти трудности могут быть успешно преодолены в случае использования весьма продуктивного для литературоведческой науки концептного анализа, в частности, при сравнении базовых концептов или концепт-систем, репрезентированных в творчестве писателей.

Главным объектом такого анализа в данной статье является концепт «богатырство», воплощенный в художественных и публицистических произведениях родоначальника «натуральной школы» и его талантливый преемник. Определение основных штрихов духовного портрета воинов-богатырей, запечатленных в на-

следии Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, не только позволяет аргументировать принадлежность классиков общему течению религиозно-философской мысли, но и внести ясность в неоднозначное истолкование такого самобытного явления славянской культуры, как святорусское богатырство. Осмыслением этих значимых для современного литературоведения проблем определяется **актуальность настоящей работы.**

Целью ее является реконструкция тех индивидуально-авторских смыслов, которые приобрело полисемантическое понятие «богатырство» в искусстве Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского.

Теоретическую основу исследования составляет весьма популярный ныне концептный анализ. Неслучайно термин «концепт» включается в понятийный аппарат различных отраслей гуманитарного знания. Исходя из многочисленных дефиниций концепта, предложенных в разнородных научных исследованиях, можно условно выделить три подхода к его пониманию:

1. Концепт — основной элемент культуры в ментальном мире человека (Ю. С. Степанов [21] и др.);
2. Единственным способом формирования концепта является семантика (Н. Д. Арутюнова [1], Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев [4] и др.);
3. Концепт не возникает непосредственно из значения, а является результатом синтеза значения с национальным и личным опытом носителя языка (Д. С. Лихачев [18], Е. С. Кубрякова [17] и др.).

Представленные трактовки понятия «концепт» находят отражение и в современном литературоведении. Так, например, идеи Д. С. Лихачева и Е. С. Кубряковой получают развитие в определении художественного концепта, предложенном А. В. Кузнецовой: «Художественный концепт — это актуализация культурно-исторических и индивидуальных смыслов» [16; 78].

Н. В. Володина, основываясь на выводах Ю. С. Степанова, предлагает понимать литературный концепт как «смысловую структуру, воплощенную в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (произведение, творчество писателя, литературное направление, период, национальная литература), обладающую культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [7]. Однако нельзя не заметить, что та «общность образов», которая будет характерна для творчества писателя, может значительно отличаться от «общности образов», показательных для определенного литературного направления, конкретного исторического периода и национальной литературы в целом. Поэтому считаем необходимым разграничивать индивидуально-авторские литературные концепты и концепты общелитературные. В свете сказанного, предлагаем рассматривать авторский художественный концепт как *«базисную категорию мировоззрения писателя, запечатленную в художественной ткани его произведения (либо ряда произведений)»*.

Разработанная учеными методология концепт-анализа, как известно, базируется на выявлении ядерного и периферийного значений концепта, для которых характерна подвижность и взаимопроницаемость. Поэтому при определении содержания того или иного концепта необходимо учитывать всю совокупность контекстов,

в границах которых этот концепт реализуется. Именно такой подход использован в настоящей статье, что дает возможность выявить специфику индивидуально-авторских трактовок «богатырства» у Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, раскрыть интертекстуальные связи в произведениях писателей, проследить трансформацию художественных открытий старшего современника в творчестве его младшего собрата по перу. Указанными факторами определяется **научная новизна** данной статьи.

Историко-литературная основа исследования. Вопрос о роли Н. В. Гоголя в профессиональном становлении и духовном развитии Ф. М. Достоевского разрабатывался как крупнейшими гоголеведами в связи с осмыслением национальных историко-литературных проекций «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями», так и авторитетными достоевистами в связи с исследованием творческой родословной «нового Гоголя». Суждения В. Г. Белинского о генетической близости *раннего* Достоевского Гоголю [2; 128 – 129] наиболее ярко отразились в раздумьях В. В. Зеньковского, утверждавшего, что «Гоголь предвещает Достоевского, но не покрывается им» [11; 91], а также предвосхитили выводы современных исследователей: Г. М. Фридлиндера, отмечавшего «органическое усвоение [Достоевским] традиции Гоголя» [23; 4]; В. А. Викторovichа, доказывающего, что «ранний Достоевский возрос и воспитался в гоголевской школе, но <...> не повторял своего учителя в его отдельных достижениях, а синтезировал их» [5; 233] и мн. др.

Противоположная точка зрения, выдвинутая В. Розановым, характеризовавшим Ф. М. Достоевского как «родоначальника преодоления гоголевского «бездушия» в русской литературе» [20; 121], была поддержана представителями символизма и религиозно-философской критики (Д. С. Мережковским, В. Я. Брюсовым, Вяч. Вс. Ивановым, Н. А. Бердяевым, К. В. Мочульским и др.). На успешные попытки преодоления Гоголя посредством стилизации Достоевским его текстологических приемов в дальнейшем указывали Ю. Н. Тынянов [22], А. Л. Бем [3], В. В. Виноградов [6] и пр.

Методологически значимым ориентиром для настоящей статьи послужила работа известного литературоведа В. Я. Кирпотина «Гуманизм Гоголя. «Беспорядок» и «богатырство»» [14], в которой эти *понятия* рассматриваются как *антитематичные* [14; 64]. Развивая перспективные идеи упомянутого исследователя, считаем целесообразным интерпретировать антиномию понятий «беспорядок» и «богатырство» и в творчестве Н. В. Гоголя, и в творчестве Ф. М. Достоевского в качестве концепт-оппозиции, выстроенной по принципу противопоставления ядерных смыслов. Так, в произведениях обоих классиков репрезентируются не только узуальные значения слов «беспорядок» и «богатырство», но и их скрытые семантические оттенки. Например, ядро концепта «беспорядок» восходит к «народной этимологии», согласно которой «беспорядок» есть «бесовский порядок» и, следовательно, «богатырство» – способ преодоления бесовщины. Определить же конститутивные признаки концепта «богатырство» у Гоголя и Достоевского помогают разыскания тех исследователей, которые в основе деяний русских воинов видели не прославление языческих культов (как, например, В. Ф. Миллер,

А. А. Котляревский и иные), а верность христианству, питавшему нравственную и физическую мощь былинных богатырей. В этом плане чрезвычайно значимой для нас является идея Высокопреосвященнейшего Иоанна (Снычева), митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, трактовавшего сущность богатырства на Руси как «особый вид церковного (а, возможно, даже иноческого) служения, необходимость которого диктовалась заботой о защите веры» [12; 39]. Отождествление Н. В. Гоголем и Ф. М. Достоевским богатырства с «Божьей благодатью, непобедимой духовной силой, дарованной человеку для защиты Православия» разнообразно представлено на страницах их произведений.

Концептуальный аспект. Наличие концепта «богатырство» обнаруживаем уже в цикле ранних повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Именно здесь он впервые обозначит антитезу «беспорядок»-«богатырство», персонафицировав ее, с одной стороны, в образах «Иродового племени», осуществляющего «бесовское оборачиванье» хуторян, а с другой, — духовных богатырей, хранящих Бога в своем сердце.

В «Вечерах...» основным оружием против собратьев «дьявола в человеческом образе» выступает не щит и меч, а крестное знамение, совершаемое с искренней верой во Христа. Так, герой повести «Пропавшая грамота», попав на шабаш нечистой силы, угрожает ей: «Если сейчас не станет передо мной молодецкий конь мой, то вот убей меня гром на этом самом нечистом месте, когда я не перекрещу святым крестом всех вас!», — и его слова производят желаемый эффект: «...уже было и руку поднял, как вдруг загремели перед ним конские кости» [9; 146].

Крест как действенное орудие веры использует в борьбе с чертом и благочестивый кузнец Вакула («Ночь перед Рождеством»). Когда он «сотворил крест», «черт сделался так тих, как ягненок»; оседлав лукавого, Вакула забавлялся тем, «как черт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а черт, думая, что его собираются крестить, летел еще быстрее» (I; 185).

Концепт «богатырство» у Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского не только поясняется посредством антиномии «бесовский порядок» — «духовная мощь от Бога», но и конкретизируется с помощью субконцепта «псевдобогатырство» как промежуточного звена между элементами концепт-оппозиции. Так, в раннем творчестве Н. В. Гоголя (в частности, в сборнике «Миргород») «псевдобогатырство» воплощено в образе Ивана Никифоровича Довгочхуна («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Исследователь Е. Ю. Коржова относит к категории «современных Гоголю псевдобогатырей» обеих персонажей [15; 402], однако, думается, именно Довгочхун, имеющий, по выражению «противника», «осанку и фигуру важную» (II; 196), является псевдобогатырем. Несмотря на свою богатырскую внешность и наличие воинского скарба («шпаги», правда, «походившей на спицы», «старинного седла», правда, «с оборванными стремянами, с истертыми кожаными чехлами для пистолетов...» и, наконец, ружья, послужившего предметом ссоры), Иван Никифорович может участвовать в «битве», великой лишь по степени своей бессмысленности. «Сражение» двух «заклятых» друзей, которых «сам черт связал веревочкой», становится для них главной целью жизни.

Вот почему импровизированным «полем брани», где раскрываются физические возможности Довгочуна, выступают лишь его комната, поветовый суд и столовая городничего. Отсутствие истинно богатырской, то есть духовной силы, и религиозная слепота не позволяют ему совершить настоящие подвиги.

Ключевое значение концепта «богатырство» в раннем творчестве Н. В. Гоголя воплощается не только в ситуациях, связанных с защитой Православием, но и при изображении событий, нацеленных на защиту самой Православной веры. Этот мотив убедительно проиллюстрирован подвигами казачества в произведениях писателя, в особенности — в повести «Тарас Бульба». Благодаря Гоголю становится очевидным: «...без религиозного подвижничества русских богатырей невозможно объяснить такое глубокое, органическое и спасительное явление русской жизни, как казачество» [19], невозможно представить и ту силу единства, братства, товарищества — соборности, которая способна решительно противостоять все шире и шире разливающемуся «беспорядку».

К сожалению, в современной ему действительности Гоголь не нашел богатырей по духу. Поэтому вопрос о том, как обратить нравственно нищих помещиков-индивидуалистов к «живой жизни» остался открытым в поэме «Мертвые души»: герои здесь лишены представления о своей истинной миссии, их дух растлился, существует лишь богатырское тело. Одним из «псевдобогатырей» в произведении выступает Собакевич, унаследовавший от своих пращуров необыкновенную физическую силу («Собакевич тоже сказал несколько лаконически: «И ко мне прошу», — шаркнувши ногою, обутою в сапог такого исполинского размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри» (V, 15)) и подлинно богатырское здоровье («пятый десяток живу, ни разу не был болен» (V, 96)). Этот современный российский «богатырь», совершает свои «подвиги» исключительно за обеденным столом: «У меня когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина — всего барана тащи. Гусь — всего гуся...» (V, 98).

Важную роль в поэме играет «Притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче», который «был то, что называют на Руси богатырь». В то время, как созерцатель папенька занимался «философскими вопросами», «двадцатилетняя плечистая натура» его сына-«богатыря» «так и порывалась развернуться» (V, 245), производя при этом лишь разрушения и беспокойство... Наследник физической мощи былинных рыцарей, Мокий Кифович, однако, не принадлежит к «витязям Господним». Он олицетворяет собою ложное богатырство и вызывает авторское сожаление, выразившееся в известном лирическом излиянии «Русь! Русь! Вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека, тебя вижу... Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?...» (V, 248).

Профессор В. А. Воропаев утверждает, что «образ Мокия Кифовича восходит к фольклорной традиции», что «в одном из черновых вариантов притчи, где этот персонаж назван еще Иваном Мокиевичем, Гоголь прямо указывает на народно-поэтический первоисточник образа: “Обращик Мокиевича — Лазаревич...” (имеет-

ся в виду «Повесть о Еруслане Лазаревиче»). В основу образа Мокия Кифовича положены черты этого сказочного героя, ставшего символом русского национального богатырства. «И как будет Уруслан десяти лет, выдет на улицу: и ково возмет за руку, из тово руку вырвет, а ково возмет за ногу, тому ногу выломат» [8].

Цитирование «Повести о Еруслане Лазаревиче» в полном соответствии с гоголевской трактовкой «омертвения души» встречаем и на страницах фантастического рассказа Ф. М. Достоевского «Кроткая»: «“Есть ли в поле жив человек?” — кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается. Говорят, солнце живит вселенную. Взойдет солнце и — посмотрите на него, разве оно не мертвец? Все мертво, и всюду мертвецы» [10; 138]. Ф. М. Достоевский сумел воспринять идейные ориентиры автора поэмы и обогатить их в своем творчестве. Так, замысел Гоголя о возможном преображении Чичикова и его развивающейся готовности противостоять «бесовскому порядку» послужил основой для создания целой галереи художественных портретов «людей Божиих», чье основное предназначение — обращать к спасительной вере всех, кто утратил ее.

Например, искоренить властвующий в душе Раскольникова «бесовский порядок» может только искренняя вера во Христа. Указать герою на путь спасения, помочь ему открыть сердце для принятия Творца и Искупителя способен человек, сильный духовно, олицетворяющий основное предназначение «богатырства» в понимании Достоевского, а именно — защиту Православия и Православием. Несмотря на внешнее слабосилие, исхудалость и бледность, таким «богатырем» выступает в романе Сонечка Мармеладова, которая призвана стать для Раскольникова и других каторжан воплощением духовной энергии и преобразующей любви. Именно она относится к когорте «Божьих людей» («духовных богатырей»), способствующих воскресению в жизнь вечную тех, в чьих душах господствует губительное неверие.

В романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» оригинально трансформируется гоголевский концепт «псевдобогатырство». Герой Достоевского — Разумихин — предстает вовсе не грубым и ограниченным исполином — прямым литературным потомком Довгочхуна, Собакевича или Мокия Кифовича, а «горячим, откровенным, простоватым, честным, сильным, как богатырь», человеком (VI; 156). Однако его нравственная сила уступает религиозной убежденности Сони Мармеладовой. Все попытки Разумихина помочь Раскольникову ограничиваются областью материального и, в отличие от духовного подвига Сони, не ведут к возрождению в преступнике Человека. Примечательно именование этого персонажа в романе. Сам себя он представляет «Вразумихиным», а Лужин в разговоре с Пульхерией Александровной называет его «Рассудкиным». В любом случае эти варианты фамилии свидетельствуют об апелляции героя к уму, а не духовной сущности окружающих. Вот почему, по-видимому, ему и не удается пробудить лучшее в Раскольникове и самому подняться до уровня святорусского богатырства.

Герой романа Ф. М. Достоевского «Бесы» — Степан Трофимович Верховенский, — являясь воспитателем и наставником некоторых будущих «бесов» и сам поддаваясь искушениям «бесовского порядка», в конце жизни все же опосредованно прикасается к «богатырству». Он добровольно отправляется в некий город Спасов, символизирующий светлую духовную перспективу. Этот путь указывает

Верховенскому-старшему книгоноша: именно она подносит герою спасительное Евангелие. Т. А. Касаткина трактует этот момент следующим образом: «...к растерянному и потерянному Степану Трофимовичу в приезжей избе обращается Бог» [13; 84]. Следует добавить, что обращается Всевышний через «Божьего человека», духовного «богатыря» – Софью Матвеевну, которая защищает и освобождает героя от бремени ложных идеалов, открывая ему возможность уйти в мир иной возродившимся. Еще одна героиня произведения Достоевского, с тем же знаковым для писателя именем Софья, — София Андреевна Долгорукая — выступает спасительницей другой заблудшей души — Андрея Петровича Версилова, поврежденного «бесовским порядком» и соблазненного идеалом ложного богатырства (ношение вериг, ожидание явления собственных мошей). Все эти удивительные женские характеры представляют собой особый тип богатырей, чье величие – в смирении, кротости, но одновременно и в негибкости воли, направленной на самозабвенную борьбу за воскрешение ближнего.

Сходными чертами характера обладает также Алексей Федорович Карамазов, герой итогового романа Достоевского, чье имя прямо указывает на его духовную сущность — Алексей, человек Божий. Знаменательно, что духовным наставником Карамазова-младшего выступает старец Зосима, а жизненные идеалы Софьи Андреевны, как и ее сына Аркадия, формирует странник Макар Иванович. И монах Зосима, и странник Макар олицетворяют в понимании Достоевского наивысший тип богатырского служения. Так, монах, добровольно отрекающийся от искусов мирской жизни, уходит к Богу, чтобы не только себя освободить от греха, достичь личного благочестия, но и чтобы молитвенным подвигом попытаться пробудить человеческую совесть, всеми силами души посодействовать преображению несовершенного мира. Странник же, отлучая себя от житейских удобств и радостей, преисполняется самой бескорыстной любовью ко Творцу и его творению и тем самым помогает другим очиститься от меркантильных побуждений, обратиться к достойным нравственным идеалам. Вместе с тем Достоевский понимает, что и эти великие формы подвижничества могут породить ложное самоотречение, какое в его романах демонстрируют Ставрогин («Бесы»), уже упомянутый Версильов («Подросток»), схимник Ферапонт («Братья Карамазовы»). Все они — убедительное развенчание не просто лжебогатырства, а антибогатырства.

Подобно Гоголю, Достоевский выработывал свое понимание богатырского подвижничества не только в художественном творчестве, но и в публицистике. Наиболее яркой иллюстрацией к авторскому восприятию природы и сути богатырства является статья «Фома Данилов, замученный русский герой», опубликованная в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год. Рассказывая здесь о подвиге и мученической смерти унтер-офицера Фомы Данилова, попавшего в плен к кипчакам, Ф. М. Достоевский подчеркивает, что этот простой человек не изменил кресту и не отрекся от Православия, хотя отказ от веры отцов мог бы принести ему помилование. Однако воин предпочел смерть за Христа. «Мучители, замучив его до смерти, удивились силе его духа и назвали его батырем, то есть по-русски богатырем» (XXV; 12), — пишет Ф. М. Достоевский, подчеркивая, что истинное богатырство заключается не в сверхчеловеческой физической мощи, а в духов-

ной крепости, остающейся незыблемой даже в условиях тяжелейших испытаний. «В народе, конечно, эта великая смерть не забудется: этот герой принял муки за Христа и есть великий русский; народ это оценит и не забудет, да и никогда он таких дел не забывает» (XXV;13), – утверждает Ф. М. Достоевский. Понять и по достоинству оценить подвиги своих сынов православный народ способен хотя бы потому, что и сам как целое является, по Ф. М. Достоевскому, «богатырем».

Такой взгляд на народ-Богоносец, бесспорно, генетически восходит к воззрениям Н. В. Гоголя, следующим образом пояснявшего финальное лирическое отступление в поэме «Мертвые души»: «Я слышал то великое поприще, которое никому из других народов теперь невозможно и только одному русскому возможно, потому что перед ним только такой простор и только его душе знакомо богатырство...» (VII; 259).

Пророчество Н. В. Гоголя смог повторить от своего имени и Ф. М. Достоевский, дополнив его заключительными строками главы «Влас», опубликованной в «Дневнике писателя» за 1873 год: «Богатырь проснулся и расправляет члены; может, захочет кутнуть, махнуть через край. Говорят, уж закутил...» (XXI; 35). Однако «кутежи», по мнению писателя, – есть та крайняя черта, на которой «вся ложь выскочит из сердца народного и станет перед ним с неимоверною силою обличения. Очнется Влас и возьмется за дело Божие» (XXI; 42). И хотя русский народ-богатырь, по наблюдениям Достоевского, «...плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры, <...> но Христа он знает и носит Его в своем сердце искони» (XXI; 38). Именно в этом «сердечном знании Христа» и Его исповедании заключены духовные истоки богатырства на Руси.

Выводы. Как явствует из вышесказанного, репрезентация концепта «богатырство» («духовная сила, основанная на искренней вере в Бога») в произведениях Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского осуществляется посредством его противопоставления концепту «беспорядок» («бесовский порядок») и сопоставления с субконцептом «псевдобогатырство» («духовная немощь при физической мощи»). В результате в творчестве писателей формируется особая концепт-система, отражающая общность их миропонимания и духовных устремлений: автор «Вечеров...», «Тараса Бульбы», «Мертвых душ» и создатель «Великого пятикнижия» видят причину губительного «беспорядка» в роковой отделенности общества от гармонии Церкви и не устают напоминать родному народу-богатырю о его высшем — мессианском — предназначении.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка: Ментальные действия / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1993. — 176 с.
2. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. / В. Г. Белинский. — М.: Наука, 1982. — Т.8. — 515 с.
3. Бем А. Л. «Нос» и «Двойник»/ А. Л. Бем // О Достоевском. — М.: Русский путь, 2007. — С. 500 – 518.
4. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 315 с.
5. Викторovich В. А. Гоголь в творческом сознании Достоевского / В. А. Викторovich //

- Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1997. — Т.14. — С. 216 – 233.
6. Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский / В. В. Виноградов. — М.: Academia, 1929. — 391 с.
7. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения [Электронный ресурс] / Н. В. Володина. — Режим доступа: <http://www.newruslit.ru/culture/n.v.volodina-koncepty-universalii-steriotipy-v-sfere-literaturovedeniya>.
8. Воропаев В. А. Окно в мир евангельских истин. Пословицы и притчи в поэме Гоголя “Мертвые души” [Электронный ресурс] / В. А. Воропаев. — Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37077.php?PRINT=Y>
9. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 8 т. / Н. В. Гоголь. — М.: Правда, 1984. — Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. — 381 с. Далее ссылки на произведения Н. В. Гоголя приводятся по данному изданию. В круглых скобках указывается номер тома и страницы цитируемого текста.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. / Ф. М. Достоевский — Л.: Наука, 1982. — Т.24: Дневник писателя 1876 г. (ноябрь – декабрь). — 515 с. Далее ссылки на произведения Ф. М. Достоевского приводятся по данному изданию. В круглых скобках указывается номер тома и страницы цитируемого текста.
11. Зеньковский В. В. Гоголь и Достоевский / В. В. Зеньковский // О Достоевском. — М.: Русский путь, 2007. — С.91 – 99.
12. Иоанн (Снычев) Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Русская симфония / Митрополит Иоанн (Снычев). — СПб.: Царское дело, 2001. — 494 с.
13. Касаткина Т. А. Об одном свойстве пяти великих романов Достоевского / Т. А. Касаткина // Достоевский в конце XX века — М.: Классика плюс, 1996. — С.67 – 137.
14. Кирпотин В. Я. Гуманизм Гоголя. «Беспорядок» и «богатство» / В. Я. Кирпотин // Достоевский-художник. — М.: Сов. писатель, 1972. — С. 54 – 70.
15. Коржова Е. Ю. Духовная лестница Н. В. Гоголя: личность и творчество / Е. Ю. Коржова. — СПб.: Общество памяти игуменнии Таисии, 2009. — 615 с.
16. Кузнецова А. В. Концепт и мотив в семантическом континууме художественного текста / А. В. Кузнецова // Концептуальные проблемы литературы: художественная когнитивность. — Ростов-на-Дону: ИПОПИ ЮФУ, 2010. — 200 с.
17. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 245 с.
18. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология / Д. С. Лихачев. — М.: Academia, 1997. — С. 282.
19. Раш К. Богатырское послушание [Электронный ресурс] // Русь Державная. — 2008. — №10(172). — Режим доступа к журн.: <http://rusderjavnaa.info/2008/10/bogatyr.html>.
20. Розанов В. В. Мысли о литературе / В. В. Розанов. — М.: Современник, 1989. — 607 с.
21. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
22. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — С. 198 – 226.
23. Фридендер Г. М. Гоголь и Достоевский / Г. М. Фридендер // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1987. — Т.7. — С. 3 – 12.

Зябрева Г. О., Капустіна С. В. Художній концепт «богатырство» в творчості М. В. Гоголя і Ф. М. Достоевського.

У статті на матеріалі прози М. В. Гоголя і Ф. М. Достоевського аналізується сутність їх базового концепту «богатырство», в результаті чого прояснюються світоглядні та творчі переключки письменників, уточнюється характер літературних взаємозв'язків між ними.

Ключові слова: концепт, концепт-опозиція, субконцепт, богатырство, антитеза, інтертекст.

Zyabreva G. Kapustina S. «The fiction concept «bogatirstvo» in Gogol's and Dostoevsky's creativity».

In article, based on Gogol's and Dostoevsky's prose, the essence of their basic concept «bogatirstvo» is analyzed. This analysis helps to reveal the world outlook and creative communications of these writers.

Key words: concept, concept-opposition, subconcept, bogatirstvo, antithesis, intertext.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 124 – 129

УДК 81-139:378

ВСЕЛЕНСКАЯ И ЛИЧНОСТНАЯ ПРАВДА В МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

Н. П. Иванова

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье рассматривается ментальная оппозиция «человек - природа» и ее экспликация в художественном пространстве произведений И. С. Тургенева. В ходе анализа делаются выводы об особенностях ментального пространства автора и его героев.

Ключевые слова: ментальное пространство, художественное пространство, картина окружающего мира, оппозиция «человек – природа», антропоцентризм, космоцентризм.

Целью статьи является анализ реализации оппозиции «человек – природа» в художественном пространстве произведений И. С. Тургенева. **Задачи статьи:** 1) интерпретировать картины окружающего мира в произведениях Тургенева как фрагменты ментального пространства автора, отражающие его мировосприятие и систему ценностей; 2) на основе анализа фрагментов авторского ментального пространства сделать вывод об особенностях художественной системы Тургенева.

Материал исследования — картины окружающего мира в произведениях Тургенева. Обращение к художественному пространству литературного произведения позволяет сделать выводы не только об особенностях поэтики писателя, но и о его художественной системе, авторской картине мира в целом — в этом видится **актуальность** проводимого исследования. Его **новизна** заключается в интерпретации художественного пространства литературного произведения как одного из основных носителей информации о ментальном пространстве писателя.

Теоретической основой статьи являются работы Г. Б. Курляндской «И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой», В. М. Марковича «И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века», С. Е. Шаталова «Художественный мир И. С. Тургенева».

Оппозиция «человек — природа» в тургеневском ментальном пространстве является одной из форм экспликации оппозиции «временное — вечное». Повестью, в которой она реализована наиболее полно, является «Поездка в Полесье»: «Из недра вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет до тебя дела, — говорит природа человеку, — я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть»... Неизменный, мрачный бор угрюмо молчит или воет глухо — и при виде его еще глубже и неотразимее проникает в сердце людское сознание нашей ничтожности. Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; не одни дерзостные надежды и меч-

танья смиряются и гаснут в нем, охваченные ледяным дыханием стихии; нет — вся душа его никнет и замирает; он чувствует, что последний из его братьев может исчезнуть с лица земли — и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях; он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность — и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни; ему легче в этом мире, им самим созданным, здесь он дома, здесь он смеет еще верить в свое значение и в свою силу» [4, Т. 3, с. 191]. Здесь бескрайний лес, как и море, являются символами вечности, противопоставленной кратковременности земной жизни человека.

По мнению В. М. Марковича, «жанровая форма лирико-философской повести позволяла космической правде войти в смысловой строй произведения на правах ощущения повествователя, на правах необходимого ему духовного состояния и тем самым открывала возможность приближения к трагической гармонии. Финальные космические аккорды оказались высшей (хотя и не завершающей) смысловой инстанцией «Поездки в Полесье». В романе «Накануне»... стилевая тональность... уже несколько иная: сквозь отрешенно-объективное звучание универсальных откровений едва заметно пробивается призыв субъективного лиризма. И «отсчет» теперь ведется «от человека», который, «просыпаясь, с невольным испугом спрашивает себя: неужели мне уже тридцать... сорок... пятьдесят лет? Как это жизнь так скоро прошла? Как это смерть так близко надвинулась?» поэтому трагическая логика Целого не может ощущаться как гармоническая. Соседство двух противоположных позиций оборачивается непримиренным противоречием двух «равнозаконных» правд — вселенской и личностной (т. е. опять-таки трагической коллизией). Если она и преодолевается, то не нравственным, религиозным или философским разрешением, а в собственно эстетической форме — внутренним равновесием романной структуры» [3, с. 178].

Есть только одно возражение приведенной точке зрения: представляется, что для Тургенева вселенская и личностная правды не до конца равнозаконны — иначе логика Целого не воспринималась бы как трагическая. Это ближе, скорее, мировосприятию Л. Н. Толстого, ведь у Платона Каратаева перед расстрелом никакого трагизма нет, у разделяющих эту логику героев «Казаков» Ерошки и Оленина тоже. Это еще одно доказательство того, что ментальное пространство Тургенева антропоцентрично. И приведенный фрагмент «Поездки в Полесье» это подтверждает: человек идет против космических законов, пытаясь создать собственный «микрокосм».

Анализируемая оппозиция «человек — природа», конфликт вселенской и личностной правды проходит сквозь все творчество Тургенева, в том числе и более позднее. Характерна она и для его романов, например, для романа «Накануне»: «На фоне этого «антиномического» итога, катастрофа, постигшая Елену, вновь получает традиционный для трагического искусства смысл. Она может быть воспринята как возмездие за попытку обрести гармонию в дисгармоническом и даже, может быть, вовсе исключаящем всякую реальную гармонию мире. Говоря иначе, за попытку в одиночку и «для себя» разрешить задачу общемирового значения. Это уже характерное для классических форм... осмысление... гибели — как расплаты за превышение пределов человеческой компетенции. Возможные интерпретации

как бы накладываются друг на друга: исключительное переходит в универсальное, универсальное вновь приводит к исключительному, и в этой подвижной, парадоксальной диалектике смыслов дерзновенно-героическая попытка взять на себя «слишком много» предстает, в конце концов, частным случаем «безвинной» вины всех и каждого» [3, с. 178].

Выход открывает прямое авторское вмешательство, как бы выносящее читателя на другой уровень постижения истины. Автор снимает противоречия, неразрешимые для сознания героини, открывая за ними противоречия более глубокие и универсальные, лежащие, в сущности, уже «по ту сторону» добра и зла: «Елена не знала, что счастье каждого человека основано на несчастье другого, что даже его выгода и удобство требуют, как статуя — пьедестала, невыгоды и неудобства других» [4, Т.8, с. 156]. Здесь уже отчетливо звучит мысль о том, что Елена виновата без вины или, вернее, — ввеличиной, всечеловеческой виною. Чуть позже мысль эта предельно расширяется: «Каждый из нас виноват уже тем, что живет, и нет такого великого мыслителя, нет такого благодетеля человечества, который в силу пользы, им приносимой, мог бы надеяться на то, что имеет право жить...» [4, Т. 8, с. 164].

Позиция же С. Е. Шаталова несколько расходится с позицией Марковича. Сравнивая художественные системы Тургенева и Достоевского, Шаталов пишет: «Тургенев словно утверждает, что любые столкновения и самые непримиримые враги, погружаясь в реку забвения, поглощаются и смываются потоком времени, оказываются в конечном счете незначительными перед равнодушным ликом живущей по своим законам природы. Бунтари и протестанты у Тургенева — в отличие от Достоевского — не осмеливаются покуситься на мироздание: они признают его неподвластность человеку и это смягчает их боль, приглушает остроту их страстей или, скорее, придает им известную уравновешенность» [5, с. 227].

Представляется, что трагизм оппозиции «человек — природа» в ментальном пространстве Тургенева существует, и вызван он ее неразрешимостью. Существование этого противоречия часто является одной из причин страданий его героев. В «Отцах и детях» это проявляется несколько иначе, чем в «Накануне», однако не менее остро. Интересно, что Базаров приходит к осознанию этого противоречия лишь после духовного перелома, после своего «одушевления»: «А я думаю: я вот лежу здесь под стогом... Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразия! Что за пустяки!» [4, Т. 8, с. 320]. И далее: «Да вот, например, ты сегодня сказал, проходя мимо избы нашего старосты Филиппа, — она такая славная, белая, — вот, сказал ты, Россия тогда достигнет совершенства, когда у последнего мужика будет такое же помещение, и всякий из нас должен этому способствовать... А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет ну, а дальше?» [4,

Т. 8, с. 321]. И никакого ответа на эти вопросы, кроме: «Полно, Евгений...» — у Тургенева нет.

Базаров и раньше видел в природе бездушную силу: «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» [4, Т. 8, с. 236]. «Но сущность прежней формулы состояла в том, что она лишала проблему всякого драматизма. Прежняя формула допускала только утилитарное отношение к природе, исключая любые эмоции по поводу ее бездушия. Теперь давно известная истина причиняет боль: ощущая так остро бездушие природы, Базаров впервые чувствует со всей остротой свою собственную одушевленность. Другими словами, меру своей человечности» [3, с. 195 – 196].

Свою внезапно обретенную человечность Базаров воспринимает как слабость и падение, по-прежнему противопоставляя себя природе и ища в ней оправдание уже утраченной им бесчувственности. До осознания непреодолимости оппозиции «человек — природа» ему жилось, безусловно, легче. Однако решает герой это противоречие очень по-базаровски: выходит на прямой поединок так же, как пытается противостоять ключевым бытийным категориям, таким, например, как любовь и смерть. И в этом смысле, благодаря сну Базарова перед дуэлью с Павлом Петровичем, поединок этих людей приобретает метафорическое значение, ведь происходит столкновение двух ментальных пространств в рамках оппозиции «человек — природа»: «Тургенев даже подсказывает, что против Базарова — нечто куда более важное и сильное, чем Кирсанов с пистолетом: «Павел Петрович представлялся ему большим лесом, с которым он все-таки должен был драться». Иными словами, у барьера — сама природа, естество, миропорядок» [1, с. 114].

Ментальное пространство Тургенева вмещает в себя категории, с которыми пытается бороться Базаров, не осознавая их незыблемости. А герой, не вписанный в существующий миропорядок, противостоящий законам природы, покидает этот мир: «...куда более существенна причина смерти Базарова — царапина на пальце. Парадоксальность гибели молодого, цветущего, незаурядного человека от столь ничтожного повода создает масштаб, который заставляет задуматься. Убила Базарова не царапина, а сама природа. Он снова вторгся своим грубым ланцетом (на этот раз буквально) преобразователя в заведенный порядок жизни и смерти — и пал его жертвой. Малость причины здесь только подчеркивает неравенство сил. Это осознает и сам Базаров: «Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста!» Тургенев не потому убил Базарова, что не догадался, как приспособить в российском обществе это новое явление, а потому, что обнаружил тот единственный закон, который хотя бы теоретически не берется опровергать нигилист» [1, с. 114 – 115]. По остроумному замечанию П. Вайля, базаровская «формула жука» («Это все романтизм, чепуха, гниль, художество... Пойдем лучше смотреть жука») в процессе постижения окружающего мира и, в частности, при попытке преодолеть оппозицию «человек — природа» оказывается неприменимой.

Доказывает это и художественное пространство повести «Вешние воды», лирико-философское отступление в которой поразительно напоминает стилистику лермонтовского «матроса, рожденного на палубе разбойничьего брига»: «Не бурными волнами покрытым, как описывают поэты, представлялось ему жизненное

море — нет; он воображал себе это море невозмутимо гладким, неподвижным и прозрачным до самого темного дна; сам он сидит в маленькой, валкой лодке — а там, на этом темном, илистом дне, наподобие громадных рыб, едва виднеются безобразные чудища: все житейские недуга, болезни, горести, безумие, бедность, слепота... Он смотрит — и вот одно из чудищ выделяется из мрака, поднимается выше и выше, становится все явственнее, все отвратительно явственнее. Еще минута — и перевернется подпертая им лодка! Но вот оно опять как будто тускнеет, оно удаляется, опускается на дно — и лежит оно там, чуть-чуть шевеля плесом... Но день урочный придет — и перевернет оно лодку» [4, Т. 3, с. 271].

Приведенный фрагмент также является экспликацией оппозиции «человек — природа», где «космическая правда» вновь перечеркивает человеческие надежды, а горести и невзгоды — лишь проявления неумолимого закона. На непреодолимости этой оппозиции сделан акцент и в уже упоминавшейся «Поездке в Полесье»: «Как только жара «свалила», в лесу стало так быстро холодать и темнеть, что оставаться в нем уже не хотелось. «Ступайте вон, беспокойные живые», — казалось, шептал он нам угрюмо из-за каждой сосны» [4, Т. 3, с. 198].

Казалось бы, в «Поездке в Полесье» найден путь к преодолению указанной оппозиции. Появилось солнце, правда, заходящее (об оппозиции «свет — тень» будет сказано далее), и согласие между природой и человеком как будто бы достигнуто: «Все отдыхало, погруженное в упоительную прохладу; ничего еще не заснуло, но уже все готовилось к целебным усыплениям вечера и ночи. Все, казалось, говорило человеку: «Отдохни, брат наш; дыши легко и не горюй и ты перед близким сном» [4, Т. 3, с. 205]. «Ступайте вон», казалось бы, сменилось на «брат наш» и противоречие снимается. Однако это не преодоление оппозиции, а лишь прежнее признание доминирования неумолимых законов природы и бессилие человека перед тем, что на него они тоже распространяются. Возникает своего рода парадокс: человек сознает, что он лишь часть природы, но в ментальном пространстве Тургенева это не снимает оппозицию «человек — природа», а лишь усугубляет ее. Толстовского космоцентризма не возникает. Все, что может человек, — это смириться с этой «космической правдой», но ощущения достижения гармонии и радости, в отличие от Толстого, Тургеневу это смирение не дает: «...мне вдруг показалось, что я понял жизнь природы, понял ее несомненный и явный, хотя для многих еще и таинственный смысл. Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе — вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится. Все, что выходит из-под этого уровня — кверху ли, книзу ли, все равно, — выбрасывается ею вон, как негодное. Многие насекомые умирают, как только узнают нарушающие равновесие жизни радости любви; больной зверь забивается в чашу и угасает там один: он как бы чувствует, что уже не имеет права ни видеть всем общего солнца, ни дышать вольным воздухом, он не имеет права жить; а человек, которому от своей ли вины, от вины ли других пришлось худо на свете, должен по крайней мере уметь молчать» [4, Т. 3, с. 205 – 206].

Итак, конфликт вселенской и личностной правды, лежащий в основе оппозиции «человек — природа» в ментальном пространстве Тургенева раскрывает одну

из важнейших сторон мировоззрения и эстетических взглядов писателя, а также особенности его художественной системы. Итоги исследования позволяют сделать вывод об антропоцентризме авторского ментального пространства, истоки которого кроются отчасти во влиянии романтического мировосприятия его предшественников. Кроме того, указанная оппозиция служит важным сюжетообразующим элементом, многое объясняющим в характерах героев и композиционных особенностях как повестей, так и романов Тургенева.

Литература

1. Вайль П., Генис А. Родная Речь. Уроки Изящной Словесности / Вайль П., Генис А. — М., 1991. — 197 с.
2. Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой / Курляндская Г. Б. — Курск, 1986. — 136 с.
3. Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века / Маркович В. М. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. — 206 с.
4. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения в 15-ти томах Тургенев И. С. — М.; Л., 1961 – 1968.
5. Шаталов С. Е. Художественный мир И. С. Тургенева / Шаталов С. Е. — М.: Наука, 1979. — 312 с.

Іванова Н. П. Вселенська та особиста правда в ментальному просторі І. С. Тургенева.

У статті розглядається ментальна опозиція «людина - природа» та її експлікація в художньому просторі творів І. С. Тургенева. В ході аналізу робляться висновки про особливості ментального простору автора і його героїв.

Ключові слова: ментальний простір, художній простір, картина навколишнього світу, опозиція «людина-природа», антропоцентризм, космоцентризм.

Ivanova N. Universal and personal truth in mental space of I. S. Turgenev.

In the article is considered mental opposition «person-nature» and its explication in art space of the I. S. Turgenev's texts. During the analysis the conclusions about features of mental space of the author and his heroes are made.

Key words: mental space, art space, picture of the environmental world, opposition, opposition «person-nature», anthropocentrism, cosmocentrism.

Статья поступила в редакцию 9 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 130 – 136

УДК 81'373.612.2

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЛИНГВОМЕТАФОРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУБЕЖА XX – XXI вв.

Ю. В. Кравцова

*Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова,
г. Киев*

В статье представлен аналитический обзор современных семантических исследований метафоры, определены их основные направления и проблематика, намечены перспективы дальнейшего изучения.

Ключевые слова: семасиология, ономасиология, метафора, метафоризация, метафорическая модель.

Постановка проблемы. В последние десятилетия метафора изучается в самых разных областях науки — философии, логике, психологии, социологии, этнологии, культурологии, когнитологии, герменевтике, литературоведении, лингвистике и др. Всеобщий интерес к метафоре обусловлен осмыслением ее значимости в познании, концептуализации, категоризации и репрезентации мира, стремлением к постижению сущности метафорического мышления.

Семантические исследования метафоры восходят, как известно, еще к древнему поэтико-риторическому учению (Аристотель, Деметрий, Квинтилиан, Цицерон). Объектом собственно лингвистического изучения она стала лишь во второй половине XX в., когда активизировался поиск семантического обоснования метафорических процессов в языке. Семантические лингвометафорологические исследования рубежа XX – XXI вв. осуществляются традиционно в двух направлениях — семасиологическом и ономасиологическом, однако они преимущественно ориентированы на роль антропоцентрического фактора в формировании значений лексических единиц, взаимосвязь языковой семантики с культурой этноса, его психологией, менталитетом.

Анализ последних исследований и публикаций. Современная семасиология (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ж. А. Вардзелашвили, Л. М. Васильев, В. П. Москвин, М. В. Никитин, Л. А. Новиков, Г. Н. Складская, Г. В. Степанова, И. А. Стернин, А. А. Уфимцева, Г. И. Шумейко и др.) «характеризуется диффузностью интерпретации ее объекта — значения, смысла, обострением внимания к связи языкового содержания с ментальным лексиконом человека, исследованием семантической динамики языковых единиц в речевой деятельности, привлечением к интерпретации значений методик других наук и отраслей лингвистики» [7, с. 8]. Современные ономасиологические исследования (О. А. Вербицкая, В. Г. Гак, А. А. Зализняк, Л. К. Жаналина, Л. А. Кудрявцева, Г. И. Кустова, М. Н. Лапшина,

М. В. Москалева, О. Б. Пономарева, В. Н. Телия, Н. П. Тропина, В. К. Харченко, Л. Г. Яцкевич и др.) направлены на изучение лексической, пропозитивной и дискурсивной номинации, внутренней формы языковых единиц, типов номинации в рамках структурной ономазиологии, типов мотивации и т. д. «Основным вопросом ономазиологии как на уровне языковой системы, так и на уровне речи, является установление внутренней формы языковых единиц, которая выступает соединительным звеном между предметом и его обозначением и между ситуацией и высказыванием» [3, с. 204].

Цель данной статьи — аналитический обзор современных семантических исследований метафоры, определение их основных направлений, проблематики и перспектив дальнейшего изучения.

Изложение основного материала. В семасиологических исследованиях 1990 – 2010 гг. активно разрабатывается проблема семной структуры метафоры (Ж. А. Вардзелашвили, Л. А. Кудрявцева, О. Н. Лагута, М. В. Никитин, Г. Н. Складарская, Н. П. Тропина и др.). Изучение проводится на определенном синхронном срезе, в конкретной функционально-стилистической системе, — при этом устанавливается соотношение сем в исходном и метафорическом значениях, специфика денотата метафоры, характер коннотативных элементов и т. д.

Г. Н. Складарская [8], придерживаясь в целом традиционного подхода к сущности лексического значения слова, трактует его как сложную избыточную структуру, состоящую из денотативного содержания, включающего в себя ядро и периферию, и коннотативного окружения. Компонент семантики, который непосредственно связывает метафорическое значение лексемы с денотативным, она обозначает как «символ метафоры». Под символом метафоры понимается «элемент семантики, состоящий либо из одной семы, либо из совокупности сем, который в исходном номинативном значении относится к сфере коннотации, а в метафорическом значении входит в денотативное содержание в качестве ядерных (дифференциальных) сем и служит основанием смысловых преобразований в процессе метафоризации» [8, с. 47]. Автор приходит к мысли о системном строении метафоры и о существовании, наряду с функционально-семантическим полем, поля метафорического, которое не только обладает всеми особенностями семантического поля, но и всецело им определяется. Предположение о взаимообусловленной организации метафорической лексики имеет основополагающее значение, так как дает возможность интерпретировать вторичную номинацию как структуру предсказуемую, поддающуюся формально-логическому исследованию. Описание в работе Г. Н. Складарской структурных составляющих и системных лексических связей метафорического поля, выявило тот факт, что процесс метафоризации представляет собой не случайное, точечное, произвольно возникающее явление, а охватывает все семантическое пространство, сконцентрированное вокруг понятия, все сферы тематически связанных с ним наименований, формируя особый мир метафорических представлений, сосуществующий в сознании носителей языка параллельно с миром реальных предметов.

О. Н. Лагута [5] считает, что в семной структуре метафор (метафорических ЛСВ) «условно “присутствуют” нереализованные, потенциальные семы, способные

“актуализироваться” в результате метафоризации и тем самым вызывать существенные изменения во всей структуре значения данных ЛСВ, а следовательно, способствовать возникновению новых ЛСВ» [5, с. 58]. Она полагает, что семная структура метафорического значения существенно отличается от структуры прямого значения, так как содержит не только семы номинативного значения, но и новые семы, отражающие специфические характеристики нового денотата, — актуализированные потенциальные семы.

М. В. Никитин [6], рассматривает метафору с позиций разработанной им семной типологии, основанной на принципе вероятности. В структуре лексического значения он различает две части — интенционал и импликационал: интенционал понимается как центральная часть структуры лексического значения, которая содержит обязательные семантические признаки (гиперсемы и гипосемы), и импликационал как совокупность периферийных (потенциальных, вероятных, скрытых) сем. «При метафорической связи значений общую часть составляют семы импликационала и интенционала исходного значения, которые в производном значении играют роль гипосемы. Что касается гиперсемы исходного значения, то, как и при метонимии, в ее роли выступает понятие о классе, в котором выделен подкласс на основе гипосемы: медведь — интенционал — вид животного; импликационал — лохматый, большой, сильный, небезопасный и т. д.» [6, с. 70]. Анализируя семную структуру метафоры, автор подходит к пониманию этого явления как результата когниции и практически демонстрирует когнитивно-семасиологический взгляд на ее глубинную природу.

В целом ряде работ представлено структурно-семантическое описание метафорики русского языка (Л. В. Балашова, Ж. А. Вардзелашвили, Г. Н. Складаревская, О. Н. Лагута и др.). По мнению О. Н. Лагуты, «структурно-семантическое описание результатов метафоризации является, пожалуй, самым продуктивным по своим возможностям» [5, с. 38]. Она считает, что, с одной стороны, классифицированию могут подвергаться объединения лексических единиц различного объема, а с другой — классификация номинаций «”кусочка” внешнего мира не всегда может быть удачной, и этим, вероятно, объясняется некоторый субъективизм работ, связанных с тематическими классификациями» [5, с. 104]. С этим нельзя не согласиться, однако типологизировать языковой материал большого объема крайне нелегко, поэтому до сих пор не существует объективного и полного труда по итогам классификационных процедур результатов метафоризации. Проблема классификации метафорики частично решается в работах Л. В. Балашовой (1998) на материале русских метафор XI – XX вв.; Г. Н. Складаревской (1993), Ж. А. Вардзелашвили (2002), О. Н. Лагуты (2003) на материале субстантивных метафор современного русского языка; Н. В. Павлович (1995, 1999) — русских поэтических метафор XX в.; А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова (1991), А. П. Чудинова (2001) — русских политических метафор конца XX в.; Е. А. Пюльзю (2008) — диалектных метафор. Предлагаемые авторами различные описания метафорики, по их собственному признанию, возможно, не всегда объективны и в целом достаточно условны, так как «современные классификации ме-

тафор фактически не имеют единой объектной базы» [5, с. 24]. Поэтому данная проблема находится в стадии активной разработки.

Современные ономастологические исследования метафоры проводятся в направлении установления механизма ее образования и описания метафорических моделей, однако специальных исследований в области метафорической номинации до сих пор нет. Процесс создания метафоры, как правило, рассматривается либо параллельно с семасиологическим ее анализом (Ж. А. Вардзелашвили, И. Д. Гажева, О. Н. Лагута, Г. Н. Склярская и др.), либо в рамках формирующейся в последние десятилетия семантической дериватологии (Л. А. Кудрявцева, М. Н. Лапшина, Н. П. Тропина, Т. А. Кукса, М. В. Москалева, О. Б. Пономарева, А. П. Прокопец, Н. Ю. Шабалина и др.), где она трактуется как семантическая модель и соответственно описывается вместе с другими моделями семантической деривации, причем «такое моделирование стало в полной мере возможным только после признания дискретности семем и иерархического характера сем, их составляющих, в структуре семем» [9, с. 121].

Метафора как семантическая модель трактуется разными учеными неоднозначно, описания метафорических моделей также имеют существенные различия как в установлении их компонентного состава, так и характеристике этих компонентов. Однако, несмотря на различия в параметризации семантических моделей метафоризации, их количественном и качественном составе, все же сходным является указание на обязательное выделение денотативно-понятийных сфер (или других семантических объединений), к которым относятся производящие и производные значения и, реже, основания / мотивации переноса (хотя на практике, при описании конкретных метафорических моделей, семантический компонент, связывающий первичные и вторичные (метафорические) значения, чаще всего не отмечается). В целом же построение метафорических моделей как разновидности моделей семантической деривации воссоздает процедуру проецирования области источника на область цели и выявляет сущность различных метафорических наименований.

Л. А. Кудрявцева [4] на основе анализа словарей новых значений 1970 – 1980-х гг. выделила четыре основные модели метафоризации, характерные для данного периода: 1) метафоризация с актуализацией скрытой периферийной семы: мена архисемы + актуализация скрытой периферийной семы, ее переход в ядерную (*букет, весна, жаворонок, морж, экватор* и др.); 2) метафоризация с актуализацией семы ‘внешний признак’: мена архисемы + новые дифференциальные семы + актуализация семы ‘внешний признак’ (*восьмерка, газета, грибок, зебра, пенал* и др.); 3) функциональная метафоризация: мена архисемы + актуализация функциональной дифференциальной семы (эксплицитной или имплицитной) (*водовоз, дворник, калькулятор, лесоруб* и др.); 4) ассоциативная метафоризация: мена архисемы + актуализация ассоциативного признака + новые дифференциальные семы (*бегунок, зубр, маяк, мозг, обойма, отключиться* и др.) [4, с. 103 – 122].

Г. Н. Склярская [8] на материале толковых словарей современного русского языка установила около десяти регулярных семантических моделей субстантив-

ной метафоризации, в которых указывается сфера-источник и направление метафорической проекции: «предмет → предмет», «предмет → физическое явление», «физическое явление → предмет», «социальное явление → психическое явление» т. п., где выделены такие сферы, как «предмет», «физическое явление», «психическое явление», «социальное явление», «отвлеченное понятие». Все остальные типы переносов она рассматривает как нерегулярные [8, с. 80]. По мнению автора, метафорические переносы в языке подчинены достаточно жестким закономерностям и осуществляются в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой. Таким образом, классификация «семантических моделей метафоризации» Г. Н. Скляревской подтверждает, что в русском языке их сравнительно немного. Кроме того, перечисленные направления метафоризации свидетельствуют о наличии системных отношений в метафорической лексике.

Ж. А. Вардзелашвили [2] выделяет такие составляющие метафорической модели, как метафоризируемый (слово-параметр) и метафоризирующий (слово-аргумент) компоненты, а также вводит понятие «семантического реализатора метафоры» — смыслового посредника между исходным и метафорическим значениями («признак, задающий область сходства»). Он состоит из одной или нескольких сем, которые в исходном значении метафоризируемого слова относятся к сфере коннотации, а в метафорическом значении входят в его денотативное содержание в качестве ядерных (дифференциальных) сем и служат основанием смысловых преобразований при метафоризации. Анализируя русскую субстантивную метафорику, автор выделяет следующие семантические сферы: человек, предмет, физический мир (объекты природы), животные, отвлеченные понятия, ментальная активность человека. Слова, вовлеченные в метафорический процесс, в данной работе распределены по тематическим группам, объединяемым под рубрикой той или иной семантической сферы, исходя из их основного, предметного значения по денотативному признаку: «предмет → предмет», «предмет → человек», «предмет → физический мир», «предмет → отвлеченные понятия», «животное → человек», «человек → человек» и др. Необходимо отметить, что предложенная автором классификация практически повторяет классификацию Г. Н. Скляревской [8], что, с одной стороны, несколько снижает ценность проведенного исследования, а с другой — подтверждает результаты исследования другого автора.

О. Н. Лагута [5] разработала детальную тематическую классификацию субстантивных метафор, относящихся к неживому миру, которые распределены по трем основным семантическим сферам: артефакты (реалии, связанные с деятельностью человека); абстракции (реалии физического и метафизического мира — ЛСВ с гиперсемами «пространство», «свойство», «состояние», «чувство» и т. п.); природа (макрокосмические объекты и их составляющие, стихии и их проявления, вещества и т. д.). В качестве основных параметров классификации выдвинуты мотивирующий перенос наименования признак (или сочетание признаков) и направление метафоризации, характерные для узуальной русской субстантивной метафоризации. В целом автором выделено двадцать типов метафорических переносов, которые определяются как регулярные в сфере неодушевленных существительных.

Кроме типов, установленных в работе Г. Н. Складьевской, О. Н. Лагута выделяет также следующие: «предмет → социальное явление», «физическое явление → предмет», «физическое явление → физическое явление», «физическое явление → социальное явление» и др.

Некоторые работы (О. И. Блинова, В. Н. Прохорова, Г. Н. Складьевская, О. И. Усминский, Л. Г. Яцкевич и др.) посвящены вопросам семантической (в том числе метафорической) мотивации, анализу и описанию различных мотивирующих признаков метафоризации. Обращение к теме мотивации является целесообразным, так как анализ метафорического процесса невозможен без описания мотивирующей и мотивированной основ, мотивационных признаков, способствующих созданию образности. Понятие метафорической мотивации отражает тесную взаимосвязь структуры и семантики лексической единицы. Большинство лингвистов, занимающихся изучением метафорической мотивации, считают, что самой регулярной и универсальной является метафоризация по сходству формативных, метрических, хроматических и консистенциальных признаков.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Анализ современных семасиологических исследований показал, что изучение метафоры осуществляется в основном в направлении структурно-семантического описания метафоры на том или материале, что способствует значительному расширению базы данных для создания обоснованной, объективной общей классификации метафор. Кроме того, семасиологическое изучение метафоры постепенно приобретает лингвокогнитивную, этнопсихологическую и коммуникативную ориентацию. В ономазиологических исследованиях также наблюдается постепенная интеграция в русло лингвокогнитологии, что проявляется в актуализации проблем метафорического моделирования и метафорической мотивации, отражающих процесс когнитивной деятельности человека. Перспективным представляется исследование универсального и национально-специфического характера метафоризации.

Литература

1. Блинова О. И. Русская мотивология / О. И. Блинова. — Томск : Изд-во ТГУ, 2000. — 48 с.
2. Вардзелашвили Ж. А. Метафорические номинации в русском языке / Ж. А. Вардзелашвили. — Тбилиси : Изд-во ТГПУ им. С.-С. Орбелиани, 2001. — 234 с.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — М. : Языки русской культуры, 1998. — 768 с.
4. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. — К. : ИСДОУ, 1993. — 280 с.
5. Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты : в 2 ч. Ч. 2. Лингвометафорология : основные подходы / О. Н. Лагута. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 2003. — 208 с.
6. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. — СПб. : Научный центр проблем диалога, 1997. — 756 с.
7. Селіванова О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики: Аналітичний огляд / О. Селіванова. — К. : Фітосоціоцентр, 1999. — 148 с.

8. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. — СПб. : Наука, 1993. — 151 с.
9. Тропина Н. П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование / Н. П. Тропина. — Херсон : Изд-во ХГУ, 2003. — 336 с.

Кравцова Ю. В. Семантичні лінгвометафорологічні дослідження межі XX–XXI ст.

У статті подано аналітичний огляд сучасних семантичних досліджень метафори, визначено їх основні напрями та проблематику, намічено перспективи подальшого вивчення.

Ключові слова: семасіологія, ономасіологія, метафора, метафоризація, метафорична модель.

Kravtsova J. Semantic metaphorical researches at the turn of the XX–XXI centuries.

The article contents analytical an review of the modern semantic metaphor researches, their principal trends and range of problems are detected and the prospects of its further analysis are projected.

Key words: semasiology, onomasiology, metaphor, metaphORIZATION, metaphorical model.

Статья поступила в редакцию 22 октября 2010 г.

УДК 81-2

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СОВОКУПНОСТЬ КОДОВ:
РАСТИТЕЛЬНОГО, АРХИТЕКТУРНОГО, ДУХОВНОГО и др.**

В. А. Маслова

*Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
г. Витебск*

Исследуется русский язык как совокупность кодов, показывается, что не только культура, но и язык выступает как совокупность различных кодов. Описание русского языка сквозь призму кодов культуры поможет рельефнее и зримее представить русскую языковую картину мира.

Ключевые слова: код языка, код культуры, знаковая функция, миф и архетип.

На идеях В. Н. Телия, В. Красных, Д. Гудкова, М. Л. Ковшовой и др. лингвистов основывается одно из перспективных направлений исследования в лингвокультурологии и методике РКИ — описание языка сквозь призму кодов. Поэтому одной из важных становится выявление кодов культуры и их репрезентация в языке в аспекте обучения. **Цель** статьи — попытка понять механизм того, как объекты реального мира (*мост, конь, палец, орел* и под.), помимо выполняемых ими прямых функций, приобретают в культуре знаковую функцию, т. е. становятся носителями дополнительной информации. Как объяснить это явление с прагматических позиций? Для чего это нужно человеку?

Понятие кода пришло в лингвистику из семиотики, оно основывается на законе соответствия плана содержания плану выражения. Кодом задается значимость знака, а интерпретатор (пользователь) эту информацию расшифровывает. Правила прочтения задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора. Следовательно, код вырабатывается и функционирует в культуре. Под кодом культуры понимается «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [3, с. 232]. Коды культуры связаны с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире. Они универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. Не только культура, но и язык выступает как совокупность различных кодов.

Выделяют целый ряд кодов культуры, репрезентированных в языке: космогонический (*быть на седьмом небе, небо призывает, белый свет, луч надежды, река забвения*); соматический (*голова колонны, третий глаз*); пространственный (*правое дело, левый заработок*); количественный (*тридцатое царство-государство, в три ручья, в три погибели, семеро по лавкам* (в значении “много детей”), *за семерых* (много), *на семи ветрах* (о находящемся на пересечении дорог), временной (*на октябрьские, перед Рождеством*), предметный (*гвоздь программы*); природ-

но-ландшафтный (*лес рук, подошва горы*), архитектурный (*мосты дружбы, храм науки*), гастрономический (*мед, соль земли*), обонятельный (*запах крови, пахнуть войной, дохнуло страхом*), код одежды (*до положения риз, засучив рукава, родиться в рубашке*) и др.

Широко распространен зоологический код: о хитром человеке говорят: *Ну и жук!* О сладко и много спящем человеке — *Спит как сурок*; о дюжей и ловкой женщине — *конь-баба*, о плохой матери, отдающей своих детей на воспитание, — *кукушка*, о красивых и стройных женщинах — *лебедушка*, об угрюмом человеке *сыч*, о хорошо поющем — *соловей*, и т. д. У славян в названиях многих растений можно наблюдать “одомашнивание” природы, не включенной в постоянный обиход, приближение ее к человеку, что тоже основано на зоологическом коде: *заячья капуста, волчьи ягоды, гусиная лапка* и др.

Геометрический код: *сделать круглые глаза* — удивляться; *круглый отличник, круглые сироты, круглые дураки, обвести вокруг пальца*, расчеты *округляют*.

Многое в кодах кажется на первый взгляд странным. Например, в русском языке, где процент «морского» населения невелик, широко распространен «морской код»: *всплыть в памяти, океан чувств, на всех парусах, буря в стакане, быть на мели, найти тихую пристань* и др.

Названные коды являются базовыми, с их помощью может быть объяснен механизм многих тропов — метафоры, метонимии, олицетворения и др. Эти коды универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. А сама культура выступает как совокупность различных кодов. Коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны культуры. Их реконструкция по материалам языка поможет воссоздать особенности восприятия и понимания явлений действительности человеком.

Наиболее древен соматический код культуры, потому что человек начал постигать мир с самого себя. С этого же началась и окультурация человеком окружающего мира. Теперь, на новом витке, человек снова вернулся к самому себе (см. об этом: [4]). Возьмем, к примеру, фразеологизмы с соматизмом *палец*: *высосать из пальца (выдумать), смотреть сквозь пальцы* (намеренно не замечать), *обвести вокруг пальца* (обмануть), *пальца в рот не клади* (об умеющем дать отпор человеку), *пальцем не пошевелить* (бездействовать), *показывать пальцем* (осуждать). Соматический код сравнительно хорошо изучен и описан [2]. Остальные коды языка почти не изучены.

Остановимся на природном коде языка и покажем, насколько тесно он переплетен с соматическим и зоологическим.

Известно, что в мифе еще нет природы, которую можно было бы четко отделить от мира людей, они “нераздельно связаны в силу единства материального и идеального” [5, с. 122]. Миф приписывает одинаковые действия людям, явлениям природы, животным. Кстати, современная наука подтвердила эти странные на первый взгляд связи: “Человек неразрывно связан в одно целое с жизнью всех живых существ, существующих или когда-либо существовавших... Он может существовать при условии существования зеленых растений” [1, с. 291].

Итак, в древности человек не выделял себя из окружающей природы и не противопоставлял себя ей, т. к. он всецело зависел от нее: наводнения, засухи, морозы и град — все грозило неурожаем, а значит, голодом и смертью. Поэтому он относился к природе по образцу более слабого к более сильному, т. е. обожествлял Солнце, Воду, Град, Молнию, Дождь... Этот период можно назвать — древний **антропоморфизм**, а само персонифицирование сил природы, по К. Леви-Строссу, — это результат психологической адаптации древнего человека к миру.

Затем человек противопоставил себя силам природы, вознес себя как венец творения, почувствовал себя властителем Земли. Такой подход к миру назван **антропоцентризмом**. Природа все более открывается перед лицом растущего самосознания как царство абсурда, бессмысленного произвола, где человек — царь. Таким образом, “антропоморфическая проекция на природу” (В. Топоров) сменилась толкованием природы и космоса через человека.

Конец XIX и XX век ознаменовались новым направлением — **антропокосмизмом**, при котором человек перестает быть центром мироздания. Он осознает свое место не над природой, а внутри ее. На этой тесной связи человека и природы зиждется вся творческая деятельность человека, в том числе и языкотворческая.

Все эти три периода в постижении природы нашли отражение в языке — его метафорах и фразеологизмах. До сих пор мы часто мыслим метафорами антропоморфного сознания: “Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность, широта” (Бердяев). Эти взгляды нашли отражение в языке. До сих пор мы говорим — *широта помыслов, глубина души, щедрость земли* и т. д.

На антропоморфном восприятии мира построены целые тексты в русской художественной литературе — “Холстомер” Л. Толстого, “Белый Бим Черное ухо” Г. Троепольского, “Верный Руслан” Г. Владимова и др.

В литературоведении такой подход к миру назван “остранением” (т. е. представление чего-нибудь странным, необычным).

Почти вся древнейшая мифология — это своего рода подражание природе, взгляд на нее сквозь призму первобытного воображения. При восприятии природы древний человек как бы “удваивает” мир, создавая его **образ**, который постепенно занимает свое место в жизни, деятельности, поведении человека, в его языке. Последующее поколение людей видит в природе лишь то, что усваивает из языка. Таким образом, наряду с естественной средой начинает формироваться искусственная, социальная среда (ср. н о о с ф е р у у Т. де Шардена и В. И. Вернадского).

Итак, фразеологизмы и метафоры до наших дней сохранили память о тончайших наблюдениях человека за природой (подробнее об этом далее), что подтверждается наличием в языке выражений типа *в природе вещей* (в значении “так и положено”), *от природы* (в значении “от рождения”), *прирасти сердцем* (привыкнуть, привязаться) и др. Данный языковой материал лишней раз подтверждает, что мир не знал резкой разделенности мира на природный и человеческий.

Получается так, что объекты реального мира, помимо выполняемых ими прямых функций, приобретают в культуре знаковую функцию, т. е. становятся носителями дополнительной информации.

Для чего это нужно человеку? Думается, что человек испытывает онтологическую потребность в непрерывной игре с означаемыми и означающими. Объясняется это не прагматикой, а, скорее, эстетической потребностью. Это особая способность языковой личности.

Следовательно, описание русского языка сквозь призму кодов культуры поможет не только рельефнее и зримее представить русскую языковую картину мира, но и позволит по-иному преподавать язык представителем иных культур, выделяя в нем главное и второстепенное.

Литература

1. Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Русский космизм. — М., 1993.
2. Гудков Д., Ковшова М. Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. — М.: Гнозис, 2007, — 288 с.
3. Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М., 2002. — 284 с.
4. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. — М.: Гнозис, 2007. — 319 с.
5. Хюбнер К. Истина мифа. — М., 1996. — 589 с.

Маслова В. А. *Російська мова як сукупність кодів: рослинного, архітектурного, духовного та ін.*

Досліджується російська мова як сукупність кодів, показується, що не тільки культура, але й мова виступає як сукупність різноманітних кодів. Опис російської мови крізь призму кодів культури допоможе рельєфніше і ясніше подати російську мовну картину світу.

Ключові слова: код мови, код культури, знакова функція, міф та архетип.

Maslova V. *The russian language as a system of codes: vegetal, architectural, spiritual and others.*

The article investigates the Russian language as a code system, it indicates that not only culture, but also a language can be regarded as a system of different codes. The description of the Russian language with the help of cultural codes will assist in the representation of a Russian linguistic world-image in a more detailed and visible way.

Key words: language code, cultural code, sign function, myth, archetype.

Статья поступила в редакцию 4 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 141 – 145

УДК 801.82:82.0+7.038.6

ТЕКСТ И НАРРАТИВ КАК ПРОБЛЕМА ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ТЕОРИИ

А. А. Мунтян, О. П. Власова

*Днепропетровский национальный университет
железнодорожного транспорта им. академика В. Лазаряна,
г. Днепропетровск*

В статье рассматриваются актуальные проблемы современной нарратологии как теории и практики литературоведения в русле общих философских воззрений постмодернизма на текст, контекст и дискурс.

Ключевые слова: дискурс, повествование, постмодернизм, текст, литература, интертекст, репрезентация, говорение.

Для многих ученых культура постмодерна, официально задекларировавшая свое существование с середины 50-х годов XX в., — это «время знака». Время, когда медиа-образы, виды и способы информации, «режимы сигнификации» и «эстетизация» ежедневной жизни стали главной чертой современного опыта (К. Пламмер). Время конца «grand narratives» — период фрагментарности, деструктуризации, децентрализации. По мысли М. Хоркхаймера и Т. Адорно, разум более не является самозаконодателем, нормы, ценности и модели функционирования, диктуемые наукой, единообразны и не терпят возражения, а потому Просвещение есть обман масс [1].

Проработав некоторые концепции М. Фуко и Ю. Хабермаса о «легитимации» знания, постмодернизм рассматривает любую форму вербальной организации этого знания как специальный тип дискурса-повествования. Согласно Ж.-Ф. Лиотару, среди множества «языковых игр» попытка легитимации собственного статуса ведет к возникновению «метадискурсов», последние принимают форму метанарративов. Ученый пишет, что если все упростить до предела, то под постмодернизмом понимается недоверие к метанарративам [2]. Для Просвещения целью любого познавательного отношения человека к миру является познание истины. Постмодернизм отрицает объективную данность истины, и любая попытка обнаружить истинную сущность вещей обречена на неудачу, поскольку истина — не более, чем лингвистический, исторический и социальный конструкт. Язык, утверждает Ж. Деррида, предшествует бытию, конструирует его. Текстуальность завладевает онтологией. Экстралингвистическая реальность есть иллюзия, мир есть текст. Изучение литературы — это изучение интертекстуальности. Деррида трактует человеческую деятельность в целом как чтение безграничного текста мира, заостряя при этом проблемы дискурсивности, неопределенности значений. Скрещивание и взаимопроницаемость языков в интертексте образуют метаязык деконструкции, разру-

шающей бинарные оппозиции логоцентризма: голос/письмо, означаемое/означающее, сознательное/бессознательное, реальность/образ, вещь/знак, где первый элемент всегда имеет привилегированное положение. Постмодернистский писатель или художник находится в положении философа: текст, который он пишет, произведение, которое он создает, в принципе не подчиняются заранее установленным правилам, им нельзя вынести окончательный приговор, применяя к ним общеизвестные оценки. Этим и объясняется тот факт, что произведение и текст обладают характером события. В противоположность модернистам постмодернисты отвергают все метаповествования, все системы объяснения реальности, которые человек традиционно применял для осмысления своего положения в мире.

Несколько иную по сравнению с Лиотаром трактовку понятия «метанарратив» дает Ф. Джеймсон, утверждая, что повествование — не столько литературная форма или структура, сколько эпистемологическая категория. Подобно кантовским категориям времени и пространства, она может быть понята не как черта нашего эмпирического восприятия, а как одна из абстрактных координат, внутри которых мы познаем мир. При этом все, что репрезентирует себя как существующее за пределами какой-либо «истории», может быть опосредовано сознанием только в виде повествовательной фикции, вымысла. Иными словами, мир доступен и открывается человеку лишь в виде историй, рассказов о нем. В отличие от Лиотара американский исследователь считает, что «доминантные коды» не исчезают бесследно, а продолжают влиять на сознание людей, существуя в рассеянном виде всюду. В результате индивид не осознает своей «идеологической обоснованности», что характерно прежде всего для писателя, имеющего дело с таким «культурно опосредованным артефактом» как литературный текст, который в свою очередь представляет собой «социально символический акт» [3].

Положение, утверждающее, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который в свою очередь служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста. М. Бахтин утверждает, что помимо данной действительности художник имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в «постоянном диалоге». Центральной идеей, объединяющей труды М. Бахтина, является диалог. По мнению философа, текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперед, приобщающий данный текст к диалогу [4]. Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа, а потому для Р. Барта любой текст — это своеобразная «эхокамера». Более того, Барт убежден, что произведение не нуждается ни в каком посредничестве со стороны ученого — комментатора; бессмысленны также и всякие притязания на «расшифровку» текста.

В постмодернистских теориях Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Деррида и др. литература, культура, общество, история, сам человек рассматриваются как текст, составляющий «великий интертекст» культурной традиции. У Деррида все это представляет картину «универсума текстов», в котором отдельные безличные тексты до

бесконечности ссылаются друг на друга и на все сразу, поскольку все вместе они лишь являются частью «всеобщего текста» [5].

И хотя важнейшая задача, которую ставят перед собой гуманитарные науки, в том числе философия и литературоведение, заключается по-прежнему в том, чтобы «выявить неявное», вскрыть зачастую неосознаваемые механизмы культурной деятельности человека, хотелось бы подчеркнуть, что в любом литературном произведении кроме множества неявных смыслов, есть еще и явные значения, хотя они и представляются постмодернистам весьма сомнительными. Литература как уникальный источник знаний о личности и обществе и сейчас является привилегированным материалом в исследованиях не только литературоведов, но и лингвистов, культурологов, социологов, психологов. Философы, со своей стороны, интенсивно исследуют литературные тексты, отражающие определенные философские воззрения, при этом обогащая философский дискурс романскими произведениями, драматургией и поэзией.

В. Изер, развивая антропологические аспекты своей рецептивной теории, считает, что поскольку возникающие в сознании читателя образы формируются на условиях, предлагаемых «чужим» — автором или героем произведения, то читатель формулирует эти образы, не ориентируясь на свои оценки или критерии. В этом процессе, по Изеру, литературное произведение — это переходный объект, колеблющийся между воображением как «способностью» души и вымыслом как «стратегией» автора. В. Изер отвергает как недостаточную дихотомию «вымысел — реальность», находя слово «вымысел (*das fiktive*) слишком многозначным, объединяющим разнородные психические явления. Вместо этой дихотомии В. Изер вводит триаду «вымышленное — воображаемое — реальное». Если воображение есть некая душевная «способность», то вымысел — это сознательная стратегия по использованию воображения в определенных целях. Литературный текст обозначает не столько объективную реальность, сколько отсылает читателя к чему-то несущественному в этой реальности, следовательно, «текстуальные модели» представляют собой «эвристические» решения. Вымысел — не противоположность реальности, а некое сообщение о ней. Иконические знаки вымышленного текста — это организованные означающие, которые не столько обозначают предметы, сколько дают указания, в соответствии с которыми должны создаваться означаемые [6].

Феноменологический подход, используемый Вольфгангом Изером, сосредоточен скорее на потенциальных возможностях текста как такового, на «наших ответных действиях по отношению к нему». Текст, по Изеру, оживает только благодаря читателю, который у Изера — не конкретно историческая личность, а идеальная абстракция, и роль читателя заключается в том, чтобы силой воображения заполнить пробелы в тексте. В целом, проблема взаимоотношения между текстом и жизнью стала в последнее время предметом повышенного научного интереса в самых различных дисциплинах. Нарратология как теория повествования, является, прежде всего, литературоведческой дисциплиной, играет важную роль и в теории литературной коммуникации, и в подходах рецептивной эстетики. Но если для феноменологии, как было показано выше, типична идея о «растворении» произведения в сознании воспринимающего читателя, то для постструктуралистов художественное произведение —

это, в основном, автономный объект, не зависящий ни от автора, ни от читателя. Их внимание сосредоточено на нарративе, на тех нарративных структурах, которые мы налагаем на наш опыт. Основными организующими принципами философской мысли нового времени Лиотар называет «великие истории» (идеи историзма, прогресса, просветительские представления о знании и т. д.). Для Лиотара «век постмодерна» в целом характеризуется «недоверием и метарассказами».

Но, как отмечают исследователи, есть достаточно широкие аллюзии на утонченную силу нарратива пронизывать исторический дискурс. Проблема заключается в том, что в любой культуре есть свой центр и своя периферия, или, как пишут западные ученые, «экс-центрика». Любой метанарратив всегда создается в «центре», локальные нарративы, как правило, «экс-центричны». «Экс-центричные» ученые доказывают, что субъективность конструируется чьим-то личным субъективным вовлечением в практики, дискурсы и институты, которые придают значение, ценность и смысл событиям мира [7:68].

Исследователи считают, что значение «экс-центричных» дискурсов в том, что во многом благодаря им постмодернистская теория смогла разрушить барьер между академическим миром и современным искусством, зачастую игнорируемым научным миром [8].

Возникает еще одна интереснейшая проблема — проблема валидности репрезентации и роли интеллектуальной элиты, осуществляющей эту репрезентацию. Линда Алкофф выливает проблему репрезентации в форму провозглашений модальности, отношениям социального положения и семантики высказывания. Ее цель — дать нечто, подобное этике или этико-политике говорения. Быть автором, считает Алкофф, не означает быть источником высказывания, но скорее быть уполномоченным в качестве его источника. Она вводит сложную семантику контекста: локальность скорее передает значение и правду, чем определяет их; она множественна и мобильна. Акт говорения от группы, следовательно, чрезвычайно сложен: в том смысле, что локальность не является зафиксированной сущностью, и в том смысле, что существуют отношения соперничества между локальностью, с одной стороны, и правдой. Таким образом, мы не можем низвести оценку значения и правды к простой идентификации авторской локации [9:16 – 17]. Аргументы Алкофф очень близки здесь аргументам Гайятри Спивак, когда, поднимая вопрос по влиятельнейшим замечаниям Фуко и Делеза о «фундаментальном отсутствии достоинства при говорении за других», последняя доказывает, что любой призыв к угнетаемым как к саморепрезентативным и полностью контролирующим знание своего собственного угнетения индивидам, ведет к двойному утаиванию: с одной стороны, того, что они все еще являются фактом дискурса, репрезентацией, и, с другой, — роли интеллектуалов в конструировании этой самоотрицающей репрезентации. [10].

Обсуждаемые в данной статье проблемы стали в последнее время влиятельной теоретической базой для многих исследователей не только в литературоведении и культурологии, но и в философии, политических науках, истории. Эти проблемы включают проблемы репрезентации, деконструкции (в ее политических аспектах), постколониализма и мультикультурализма, теории речевых актов и литературной критики.

Исследователи подчеркивают: диалог с теоретических позиций элитной культуры не состоялся, и вопрос в том, достижим ли такой диалог вообще, возможна ли ситуация «нейтральной коммуникации», «свободного» диалога.

Известная деконструктивистка Г. Спивак утверждает, что идея «нейтрального» диалога отрицает историю. Желание нейтральности в диалоге всегда маркирует поражение, уверена исследовательница [10]. Ученые доказывают: нужно научиться понимать, как различные желания артикулируют себя, а для этого нужно читать и анализировать текст, нарратив — исторические и институциональные структуры. Создание и продвижение таких нарративов в последнее время становится одним из эффективных идеологических каналов, однако, несмотря на всю свою актуальность, данная проблематика все еще остается малоизученной в украинской науке, но, несомненно, должна стать предметом особого внимания ученых.

Литература

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. — М., СПб.: Мефизм, Ювента, 1997. — 311 с.
2. Lyotard J.-F. La condition postmoderne: Rapport sur le savoir. — P., 1979. — 109 p.
3. Jameson F. The Political Unconscious. — London: Routledge, 1996. — 305 p.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — Сост. С. Г. Бочаров. — М., 1986 — С. 320 – 325.
5. J. Derrida and the Humanities: A critical reader. — Cambridge Univ. Press, 2001. — 327 p.
6. Iser W. Der Act des Lesens: Theorie aesthetischer Wirkung. — Munchen, 1976. — 357 s.
7. Hutcheon L. Poetics of Postmodernism. History, Theory, Fiction. — New York and London: Routledge, 2002.
8. Власова Т. И. Постколониальная критика и теория гендера // Грани. — 4(66), 2009. — С. 66 – 68.
9. Alcoff L. The Problem of Speaking for Others // Cultural Critique. — №20, 1991 – 92.
10. Spivak G. A Literary Representation of the Subaltern // In Other Worlds. Essays in Cultural Politics. — New York, London: Routledge, 1987. — P. 241 – 268

Мунтян А. О., Власова О. П Текст та нарратив як проблема постмодерністської теорії.

У статті розглядаються актуальні проблеми сучасної наратології як теорії та практики літературознавства у світі загальних філософських поглядів постмодернізму на текст, контекст та дискурс.

Ключові слова: дискурс, розповідь, постмодернізм, текст, література, інтертекст, репрезентація, говоріння.

Muntyan A., Vlasova O. Text and narration as a problem of postmodern theory.

The article deals with the topical problems of modern narratology as a theory and practice of literary criticism from the point of view of the postmodern concepts of the text, context and discourse.

Key words: discourse, narration, Postmodernism, text, literature, intertext, representation, speaking.

Статья поступила в редакцию 30 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 146 – 151

УДК 808. 2-1

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ФОНЕТИЧЕСКИ СОЗВУЧНЫХ ЛЕКСЕМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Е. Ю. Муратова

*Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
г. Витебск*

В статье исследуется влияние звучания соположенных однокоренных и неоднокоренных лексем на их значение. Анализируются механизмы появления новых смыслов слова.

Ключевые слова: значение слова, смысл слова, внутренняя форма, актуализация, ассоциация.

Первые попытки постановки вопроса о связи звука и значения были осуществлены в древнеиндийских Ведах. В них отражена убежденность древних индусов в существовании изначальной связи между вещью и ее наименованием. Вопрос о содержательности плана выражения языкового знака и в настоящее время остается дискуссионным, хотя обсуждается он со времен античности (Аристотель, Платон, Дионисий, Августин). Например, М. В. Ломоносов считал, что звуки речи обладают определенной содержательностью: «В российском языке, как кажется, частое повторение письмени *А* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмен *Е, И, ... Ю* — к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей. Через *Я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность, через *О, У, Ы* страшные и сильные страсти, гнев, зависть, боязнь и печаль...» [1, с. 363 – 364]. Мысль о содержательности формы высказывал в XIX веке А. А. Потебня: «Разница между внешнею формою слова (звуком) и поэтическим произведением та, что в последнем, как проявлении более сложной душевной деятельности, внешняя форма более проникнута мыслью. Впрочем, и членораздельный звук, форма слова, проникнут мыслью...» [2, с. 26].

Собственно научный взгляд на принцип связи между означаемым и означающим языкового знака получает развитие только в XX веке. Фундаментальное утверждение Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака [3, с. 100 – 101] оспаривалось Э. Бенвенистом, который считал, что отношение языкового знака и называемой им вещи произвольно по отношению к внешним реалиям, но во внутреннем устройстве языка связь между планом выражения и содержания языкового знака не произвольна, а органична и необходима, она представляет собой тесный симбиоз, где понятие является как бы «душой» акустического образа [4, с. 94]. Точку зрения Э. Бенвениста разделял Р. Якобсон, говоря о «произвольности» прин-

ципа произвольности языкового знака. В. В. Виноградов писал о том, что «звуковая форма слова оказывается источником разнообразных смысловых оттенков» [5, с. 16]. М. М. Бахтин, рассуждая о материальной эстетике и считая, что она не способна обосновать художественную форму, писал следующее: «Форма, понятая как форма материала только в его естественнонаучной — математической или лингвистической — определенности, становится каким-то чисто внешним, лишенным ценностного момента, упорядочением его. Остается совершенно не понятой *эмоционально-волевая напряженность формы*, присущий ей характер выражения какого-то ценностного отношения автора и созерцателя к чему-то помимо материала... художественно значимая форма действительно к чему-то относится, на что-то ценностно направлена *помимо материала*, к которому она прикреплена и с которым все же неразрывно связана. Необходимо, по-видимому, допустить момент *содержания*, который позволил бы осмыслить форму более существенным образом, чем грубо гедонистически» [6, с. 260, 262].

Взгляд на то, что звук приобретает «лингвистическую ценность» только в составе более сложных значимых единиц языка, высказывал Бодуэн де Куртене, который считал, что звуки («все произносительно-слуховые элементы») сами по себе значения не имеют. «Они становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями» [7, с. 160]. Данную точку зрения разделял А. А. Реформатский: «Да, сегменты линейного ряда становятся «языковыми ценностями», т. е. приобретают, по Ф. де Соссюру, лингвистическую *valeur* только как элементы морфемы» [8, с. 133].

В настоящее время в современной науке исследование связи звучания и значения ведется в двух направлениях: 1) на материале разных языков изучаются типы ассоциаций между звучанием и значением лексических единиц (Н. И. Ашмарин, Д. Вестерман, Б. В. Журковский, А. М. Газов-Гинзбург, Н. К. Дмитриев, Л. Н. Харитонов и др.); 2) выявляются психологические корреляции между звучанием и значением (И. В. Арнольд, В. Воробьев, А. П. Журавлев, В. В. Левицкий, И. Черепанова, М. И. Черемисина, А. С. Штерн и др.).

В поэтическом языке соположение сходных по звучанию слов актуализирует определенные морфемы (чаще корень) либо комплексы звуков, не совпадающие с границами морфем в слове, в результате чего фонетические подобия распространяются на семантику лексем: появляется дополнительная сема в словарном значении слова. Возникающие смыслы группируются вокруг смыслового инварианта, задаваемого общим корнем. В зависимости от того, являются ли соположенные лексемы действительно однокоренными или представляют слова со сходными планами выражения, появление новых смыслов базируется на двух разных языковых механизмах: этимологической регенерации и поэтической этимологии.

Это явление весьма характерно для поэзии XX века: 1. *Как выстрел выстроил бы их. 2. Нет-нет, как кость, взблеснет костел* (Б. Пастернак). 1. *Мой привет поколенью / По колено в земле, / А сединами — в звездах!* 2. *Что чувствуе-*

те, Германы: / Германии сыны?! 3. (М. Цветаева). 1. Смеркается — к смерти. 2. Суммой сумрачной заросли явлена страсть. 3. Сомкнулись волны, валуны, / канун разлуки подневольной. 4. Чтоб возлежать, у лежбежки нет ни знания: как спать, ни прилежанья. 5. ... и твари утвари игривой / его вторжение развлекало. 6. ... из лишайных диковин и диких расщелин. 7. О, как нежно марина, моряна, моря / неизбежно манят и минуют меня. 8. Мы дожили, рояль, мы — дожди, наш дворец расписан той рукой, что не приемлет розы. 9. Электрик запил, для элегий... 10. И что-то в нем... есть от пророка, есть от скомороха, / и мир ему — горяч, как сковородка. 11. ...рыбешка / так ходит возле ног ребенка. 12. ... все маленькие самолеты / как маленькие Соломоны, / все знают и вокруг (Б. Ахмадулина).

Каждое фонологическое сближение неродственных слов выявляет важное наращение смысла и, следовательно, влечет нарушение линейности восприятия высказывания. В результате поэтической этимологии складывается некоторое сложное семантическое целое, включающее пересечение значений соположенных таким образом лексем. Приведем несколько примеров, подтверждающих данное положение.

1. *Чтоб высоко встать — надо кровь пролить. / Лей да лей, не жалея учености, / Весельчак ты мой, висельченок!* (М. Цветаева). Смысловое соединение двух лексем из разных (практически противоположных) смысловых полей оценки человека рождает новый смысл всего выражения: за веселость, радость и полноту жизни всегда предстоит тяжелая плата. Это понимает лирическая героиня, которая, любясь своим веселым возлюбленным, внутренним зрением видит висельницу.

2. *Вино, лишь ты ни в чем не виновато* (Б. Ахмадулина). Фонетическое подобие лексем, относящихся концептуально к совершенно разным семантическим полям «алкоголь» и «чувство вины», их когерентное взаимодействие друг с другом создает сложную структуру с глубинным, прямо не выявляемым содержанием: нередко многие ошибки в жизни человек делает под влиянием алкоголя, а, может быть, это только внутреннее оправдание собственной несостоятельности в каких-то вещах, может быть, вино как раз не виновато?

3. *Богова! Богемия! / Не лежи, как пласт! / Бог давал обеими — / И опять подаст* (М. Цветаева). Богемия — название чешского королевства до 1918 года. Латинское Bohemia, произошедшее от *Boiohaemum*, означает — страна бойев. Но поэт не интересуется исторически подлинная этимология этого топонима, он предлагает свою: Богемия как Богом данная земля. Смыслы, которые появляются в лексеме «Богемия» можно приблизительно передать так: Бог не может оставить «Богом данную землю», в самом названии Богемии уже есть защита от не-божеских дел, это не просто топоним — это название-заклинание, имя-оберег.

Рождение трансцендентных смыслов может происходить за счет своеобразной звуко-семантической прогрессии. Например, последние строки строф стихотво-

рения М. Цветаевой «Слова и Смыслы» следующие: *Даль длящие... Боль — длящая... Длеть — даль — и боль... Даль и боль, это та же юдоль*. Корни *дл-даль-боль-юдоль*, взаимодействуя друг с другом на семантическом и звуковом уровне, объединяют в рамках контекста ключевые слова, рождающие одну из формул жизни поэта: *длящуюся — даль — боль — юдоль*, т. е. формулу «неизлечимой болезни — жизни».

В некоторых случаях поэт самим контекстом объясняет новое значение, которое он вкладывает в слово, т. е. вектор направления поиска нового смысла задается самим автором. Так, у А. Вознесенского: *Есть в русском «люмпен» от слова «любят»*. У М. Цветаевой в лексеме *уединение* (**Уединение: уйди / В себя, как прадеды в феоды**) появляется сема ухода, в лексеме *ложе* (*На ложе из лож / Сложившим великую ложь лицемерья*) — сема лжи, в лексеме *станции* (**Крик станций: останься!**) проявляется сема просьбы и нежелания расставаться, в лексеме *домой* (*Заблудшего баловня / Вопль: **домой!** / Дитя годовалое: / «Дай» и «мой»!*) — семы действия (*дай*) и принадлежности (*мой*). Такие примеры особенно наглядно показывают, каким образом поэзия может менять поверхностно-понятийное сознание человека, приучает его мыслить не стандартными целостностями, а трансмерно-художественными образами.

Возникновение новых сем значения может происходить путем сближения в контексте действительно однокоренных слов. Это явление весьма типично для поэзии XX века. Особенно ярко и частотно оно отмечается в лирике М. Цветаевой: 1. *О несчастное городское счастье, Спите, спящие рты, / Летите, летящие листья!* 2. *Ох мой родной, мой природный, мой безродный брат!* 3. *Как хорошо мне под луною — / С нелюбящим и нелюбимым.* 4. *Встречный ветер не допрашивают, / Правды с соловья не спрашивают.* 5. *И как не умереть поэту, / Когда поэма удалась!* 6. *Я знаю все ходы и выходы / в тюремной крепости души.* 7. *Черная — вся в серебре — рука / Черным — на черном — туз.* 8. *Мужайся: я твой щит и мужество!* 9. *Друзья мои! Родное триединство! / Роднее чем в родстве!* 10. *Слепая, шальная толпа! / — Всех ослепила — ибо женищина, / Все вижу — ибо я слепа.* 11. *Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!*

Для поэтического языка важна способность языковой системы к ретимологизации, например, к восстановлению в слове тех смыслов и семантических связей, которые им в языке имплицированы, стерты или совсем утрачены. Например: *Так — в памяти — глаза закрыв, / Без памяти — любуюсь Вами!* (М. Цветаева). В выражении “любить без памяти” — *без памяти* имеет значение *очень сильно*, но не включает собственно сему *память*. А в данном контексте актуализируется именно сема *память*. Аналогичное восстановление утраченной этимологии можно наблюдать, например, в словах *заочность* и *победоносец*, в которых в узуальном употреблении не вычленяются смыслы: *за оком* или *несущий победу*. А поэт “высвечивает” именно эти “стертые” значения: *Заочность: за оком лежащая явь..., Победоносец, / Победы не вынесший*. Как писал Ю. М. Лотман, «семиологическое пространство заполнено свободно передвига-

ющимися обломками различных структур, которые, однако, устойчиво хранят в себе память о целом и, попадая в чужие пространства, могут вдруг бурно реставрироваться» [9, с. 177].

Актуализация в поэтическом тексте истинной или мнимой этимологии слова эксплицируется нелинейностью поэтической системы, поскольку этимологическое и реальное значения слова не находятся в линейных отношениях: невозможно утверждать, какое из них проявляется и воспринимается первым, а какое — вторым. Например, у В. Высоцкого: *В чем угодно меня обвините, / Только против себя не пойдешь: / По профессии я — усилитель, / Я страдал, но усиливал ложь*; у Б. Ахмадулиной: *... что делать с этим неуместным лбом? / Где быть ему, как не на месте лобном?* у Л. Мартынова: *Кувшинкам трудно — до вершин, / Кувшинкам хочется в кувшин, / Хотя бы очень небольшой, / Но с человеческой душой.*

Актуализация внутренней формы может происходить за счет использования в близком контексте антонима: *Не странно ли, / Что дневники / Не днем ведутся, а ночами, / Когда мигают ночники / И ходят тени за плечами* (Л. Мартынов). Или: *Меж ежедневных Черных речек / Я светлую благодарю* (А. Вознесенский). В данных строках выявляются 2 языковых средства: 1 — антитеза *черный / светлый*, 2 — дискурсивный элемент *Черная речка*; В данном примере наблюдается трансмерный переход значений лексем из семантического поля «цвет» в семантическое поле «жизнь». Когерентное взаимодействие лексем *Черные речки — светлая* создает сложную семиотическую структуру с иными, глубинными смыслами. С помощью антонима *светлый* не только актуализируется внутренняя форма *черный* в топониме *Черная речка*, но и усиливается ассоциативно-оценочная сема «мрачный», а также «связанный со смертью», т. к. *Черная речка* — место дуэли А. Пушкина. Экспрессивность метафоры усиливает форма множественного числа — *Черные речки* как символ всего трудного и рокового в жизни.

Иногда семантическая производность слова проявляется «многоступенчато». Например: *Очи — в узь, / Щеки — в гляци. / — Ну и гусь! / — Ну и Ганс!* Ирония М. Цветаевой зиждется на глубинных языковых связях и ассоциациях, а именно — на паронимическом созвучии немецких слов: *gans* — «гусь» и *Hans* — собственное имя; на фразеологических связях русского слова «гусь»: *ну и гусь, что за гусь, хорош гусь*; на фразеологических и словообразовательных связях немецких слов: *handseln* — «подтрунивать, дразнить», *Hanswurst* — «шут, паяц, скоморох». Кроме того, немецкое слово *Ганс* является и знаковым аналогом русского имени Иван: и *Ганс*, и *Иван* — традиционные герои фольклора. В итоге «гусь» и «Ганс» оказываются семантически взаимосвязаны: каждая лексема раскрывает необходимый дополнительный смысл другой; актуализируется эта связь посредством контекста. Причем читающий данное стихотворение может не знать немецкого языка, в таком случае одна из ассоциативных цепочек для него утрачивается, но благодаря фонетическому созвучию данных слов и связанных с ними фразеологических ассоциаций основная семантическая связь между ними для реципиента остается в силе.

Таким образом, в результате соположения созвучных лексем их значения взаимонакладываются друг на друга, происходят определенные виды изменений системных значений слов, в результате чего рождается некоторое сложное семантическое целое и создаются новые смыслы в условиях семантического контекста.

Литература

1. Ломоносов М. В. Сочинения / М. В. Ломоносов. — М., Л.: Гос. издательство художественной литературы, 1961. — 591 с.
2. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. — М.: Высш. шк., 1990. — 342 с.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. — М., 1977. — С. 31 – 273.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 447 с.
5. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: избранные труды / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1976. — 511 с.
6. Бахтин М. М. К эстетике слова / М. М. Бахтин // Контекст — 1973: лит.-теорет. исслед. / редкол.: А. С. Мясников [и др.]. — М., 1974. — С. 258 – 280.
7. Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкознание / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. — М., 1963. — Т. 2. — 380 с.
8. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии: очерк: хрестоматия / А. А. Реформатский. — М.: Наука, 1970. — 527 с.
9. Лотман Ю. М. Заметки о художественном пространстве / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. Таллинн, 1992 – 1993. — Т. 1. — 1992. — С. 448 – 463.

Муратова О. Ю. Смысловорча роль фонетично співзвучних лексем в поетичному тексті.

В статті досліджується вплив звучання соположених однокорінних і неоднокорінних лексем на їх значення. Аналізуються механізми появи нових сенсів слова.

Ключові слова: значення слова, сенс слова, внутрішня форма, актуалізація, асоціація.

Muratova Y. The semantic role of phonetically consonant lexemes in poetic texts.

In the following article the influence of phonation of appositional paronymous and nonparonymous lexemes on their meaning is studied. Mechanisms of appearance of new word meanings are also analyzed.

Key words: the meaning of a word, the sense of a word, the intrinsic form, the actualization, the association.

Статья поступила в редакцию 4 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 152 – 157

УДК 811.16: 81-115: 81'442:81'37: 81:28

ПРАСЛОВ'ЯНСЬКІ ДЕВЕРБАТИВИ В ДІАЛЕКТОЛОГІЧНОМУ РАКУРСІ

І. М. Нечитайло

*Київський національний лінгвістичний університет,
м. Київ*

У даній статті розглянуто діалектні девербативні імена-зооніми праслов'янського віку у територіальному, порівняльно-історичному та семантичному аспектах, проаналізовано їхні семантико-словотворні типи.

Ключові слова: девербативна лексика, семантико-словотворні типи, семантичні трансформації, праслов'янський діалектизм.

Можна з упевненістю сказати, що однією з центральних проблем славістики, як і раніше, залишається проблема членування праслов'янського мовного світу. Вирішення її лежить частіше за все на шляху встановлення схожостей і розбіжностей у фонетичній, морфологічній, словотвірній, а також лексико-семантичній системах слов'янських мов. Протягом останніх чотирьох десятиліть до сфери дослідження хронології та діалектного розмежування спільнослов'янської прамови все частіше залучаються праслов'янські діалектизми — рефлексії мовних явищ, що панували на територіях, охоплених праслов'янською мовою, збережені в архаїчних зонах сучасної Славії. У зв'язку з цим висуваються різні критерії. Традиційно серед них найбільш усталеними і такими, що мають найбільшу діагностуючу силу, є історико-морфологічні, історико-словотвірні, історико-лексичні та історико-фонетичні, які не випадково лягли в основу традиційного членування слов'янських мов на східні, західні і південні. Проблеми формування та розвитку праслов'янської діалектної лексики в загальнослав'янському контексті опрацьовувалися Ф. П. Філіним, М. Фасмером, О. М. Трубачовим, О. С. Мельничуком, Л. В. Куркіною, Ж. Ж. Варбот, Т. І. Вендіною, В. В. Мартиновим, В. А. Меркуловою та ін. [5; 11].

Найважливішою складовою частиною розшуків у цій сфері можна вважати вивчення тих чи інших діалектів у загальнослов'янському контексті та встановлення їхніх зв'язків з іншими слов'янськими діалектами. Особливо широкі перспективи у вивченні історії сучасних слов'янських мов, зокрема діалектної основи прамови слов'ян, відкриває обробка праслов'янських елементів у словниковому складі окремих ареалів кожної мови. Ареологічний аналіз поширення рефлексів прамови у певних діалектах дозволяє судити про тривалі діалектні зв'язки за часів формування окремих слов'янських мов.

Метою даного дослідження є визначення корпусу праслов'янських діалектизмів-зоонімів віддієслівного походження, представлених у сучасних

слов'янських мовах, і семантичних засобів їхнього утворення. Досвід роботи з архаїчною лексикою слов'янських мов дозволяє визначити праслов'янські діалектизми як присутні в периферійних діалектних зонах слов'янського світу рефлекси прамови, що зберегли незмінними свої фонетичні, морфологічні та семантичні характеристики [6, с. 156 – 157].

Однак у сфері аналізу праслов'янських діалектизмів морфологічний, словотвірний і фонетичний критерії використовуються тією чи іншою мірою лише фрагментарно, на прикладі лексико-граматичних розрядів слов'янської прамови або у вигляді спеціальних досліджень певних ареалів. У той же час розробка проблеми праслов'янських діалектизмів при вирішенні питання про членування праслов'янського мовного світу на рівні лексики є базовою.

Учення про праслов'янські діалектизми у слов'янських мовах передбачає свій розвиток у встановленні і систематизації їхнього складу відповідно до семантичних і словотвірних особливостей, територіальної дистрибуції у масштабах загальнослов'янської діалектної системи з подальшою діахронічною інтерпретацією діалектного членування праслов'янської мови.

Складність опису семантичних дериваційних рис праслов'янських діалектних імен пов'язана з тим, що в сучасному мовознавстві тільки почала розроблятися типологія підходу до вивчення давньої ареальної лексики у діахронічному аспекті, а у сфері семантики для неї нема однозначних рекомендацій. Про це свідчить не лише той факт, що саме поняття «праслов'янський діалектизм» трактується не досить чітко, але і те, що питання про його параметри і періодичну віднесеність у межах слов'янської прамови не є остаточно вирішеними. У царині семантичних перетворень давніх діалектних девербативів спостерігається та ж сама картина: відсутність теоретичного і методичного апарату, розмитість самого поняття «праслов'янський діалектизм», що призводить до його вивчення одночасно з архаїзмами та іншими слов'янізмами. Процес дослідження закономірностей семантичних змін у структурі цього давнього пласта лексики ускладнюється тим, що не розроблено принципів семантико-словотвірної типології, не визначено критеріїв відбору діалектних явищ того періоду, релевантних структурних ознак, що могли б стати основою порівняння дериваційного потенціалу на рівні діалектів. У зв'язку з цим у нашому дослідженні пропонується модель семантико-словотвірного опису девербативних імен, що були притаманними праслов'янським діалектам, з урахуванням їхніх форм, значень і місцезнаходження.

Окремою проблемою дослідження діалектних слів праслов'янського віку є послідовність репрезентації матеріалу. На наш погляд, для демонстрації лексичних одиниць праслов'янського походження слід брати до уваги кількість прамовних лексичних реконструкцій, представлених у кожній мові та її діалектах. Як стверджує О. Ф. Журавльов, „чим більшим є праслов'янський словник будь-якої мови, тим більше в ньому вузькодіалектних праслов'янських лексичних утворень; і навпаки, чим він є коротшим, тим більшу його частину складають широко поширені, загальнослов'янські слова, і тим більшою є частина слів, яка перетинається з праслов'янською лексикою інших мов” [4, с. 127]. Йому належить обчислення рів-

ня спорідненості слов'янських мов за наявністю в них спільних слів прамови, який передається індексом G, значення якого для зв'язків на рівні підгруп дорівнюють 0,95 або 1,05 (між старослов'янською та давньоруською мовами 1,45). Особливо тісною та беззаперечною близькістю відрізняються шість груп, що відповідають найбільш поширеним уявленням про діалектне членування пізньопраслов'янської мови: 1) південнослов'янські (болгарсько-македонська та сербсько-хорватсько-словенська групи), 2) західнослов'янські (чесько-словацька, лужицька та лехітська) і 3) східнослов'янська група [4, с. 67].

Складені О. Ф. Журавльовим лексикостатистичні схеми генетичних зв'язків між слов'янськими мовами свідчать про різну якість ізоглосних конфігурацій праслов'янських рефлексів у мовах за межами своїх підгруп. Так, генетичні зв'язки лексичних прамовних ідіомів болгарсько-македонської групи поза південнослов'янським ареалом характеризуються найменшою кількістю показників: 6 G 0,95, 1 G 1,05 та 1 G 1,45, що свідчить про великий праслов'янських словник у складі старослов'янської, болгарської та македонської мов. Більш значним поширенням праслов'янських лексем за межами свого ареалу відрізняється сербсько-хорватсько-словенська група: ефект її близькості з іншими мовами становить 7 G 0,95, 2 G 1,05.

Західнослов'янські мови у відношеннях з іншими слов'янськими мовами поводяться інакше. Лехітські мови демонструють сполучення індексів 5 G 0,95 та 3 G 1,05, а чесько-словацька група — 8 G 0,95 та 3 G 1,05. Лужицька мовна група характеризується великою щільністю лексикостатистичних зв'язків із лехітськими мовами у порівнянні з чеською та словацькою, що дає підстави В. Ташицькому та З. Штіберу не лише говорити про „лехізовану” сутність нижньолужицької, а й навіть ототожнювати її з лехітськими мовами [18]. Проте в східних та південних слов'янських мовах (за винятком словенської) давній лексичний пласт лужицьких мов майже не знаходить відповідників (1 G 0,95).

Згідно зі схемами 1 та 4, найбільшу кількість реконструйованих для праслов'янського стану слів, співвідносних з лексикою інших груп, та менший рівень індивідуалізації прадавньої лексики демонструють східнослов'янські мови, що досить яскраво відбито великими значеннями індексу: 10 G 0,95 та 3 G 1,05 [4, с. 135, 138].

Логіка дослідження підказує, що характеристику праслов'янської спадщини слов'янських мов є доцільним здійснювати відповідно до рівня зростання сили генетичних зв'язків між цими мовами за лексикостатистичними даними, тобто у послідовності: південнослов'янські — західнослов'янські — східнослов'янські мови.

У межах південного ареалу від дієслівної основи зі значенням впливу праслов. *mьrk- / *mьrc<-, присутньої у праслов. *mьrkъ, *mьrkъ(jь), *mьrc<iti, *mьrkatі, утворився іменник на позначення об'єкта дії праслов. *mьrc<ь/ *mьrc<a. Сфери його поширення — діалекти болгарської, сербської та хорватської мов: болг. діал. *мр/чо* чол. р. “про брудну або смуглу дитину”, *Мр/чо* чол. р. прізвисько чорного собаки або смуглої людини (пірдоп.), серб. діал. *мр/ч* чол. р. “сажа, кіпоть”, також діал. *мр/ча* та *мр/ча* чол. р. “людина з темними очима, волоссям та шкірою, смуглий; домашня тварина з темною шерстю та прізвисько такої тварини (чол. р. “пес”, жін. р. “корова”); діал. *мрче*, -а, чол. р. “домашня тварина з темною, чор-

ною шерстю (кінь, віл)”, *Мрче* чол. р., ім’я, топонім Мгс<а (Вітковац), хорв. діал. мгс<а жін. р., прізвисько білої вівці з чорними плямами біля очей та носу (чакавськ.) [1, с. 119; 8 XIII, с. 217, 219; 17 VII, с. 49; 13 I, с. 568; 11 XXI, с. 129, 130].

Приклади суміщення в одній словоформі локального та процесуального значень являють рефлексії у південнослов’янських мовах праслов. *kotidlo — похідного з суфіксом *-(i)dlo* від дієслова праслов. *kotiti. До них належать: болг. *котіло* сер. р. “окіт”, “лігво, логовисько”, діал. *котіло* сер. р. “місце, де, за народним повір’ям, зимують змії” (західн.), “народження, рід” (плевен., іхтіманськ.), “дітлахи” (разложк.), “місце, де народжуються вовча та, ведмежата” (софійськ.), “місце, де народжуються зайці” (доброслав., софійськ.), котілу “гніздо (зміїне, мишаче та ін.)” (врачанськ.), *кутілу* сер. р. “тварини одного поносу”, макед. *котило* сер. р. “лігво, логовисько”, “порода”, серб. *кòтило* сер. р. “місце окоту, логовисько, гніздо”, “рід”, “народження”, також діал. хорв. *kotilo* сер. р. “тс.” (Дубровник, Задар) [1 I, с. 252; 1 II, с. 87; 1 V, с. 26; 1 VI, с. 187; 7 I, с. 358; 8 X, с. 326; 17 V, с. 397; 12 XI, с. 204].

Звернімося до західного ареалу. В утворенні найменування об’єкта дії взяло участь дієслово праслов. *kręgnō↔ti, основа якого у поєднанні з суфіксом *-ul’a* дала праслов. *kręgul’a. За переконанням О. М. Трубачова, значення дієслова регіонального поширення, що продовжує ще індоєвропейські відношення *kręgnō↔ti “ціпеніти, твердіти”, є похідними від “кружити, крутити, скручувати(ся)” і демонструють різноспрямованість словотвірної та семантичної деривації основ праслов. *kręg-, *kro↔g-, *kręč-, *kręk- [12 XII, с. 142 – 143]. Отже, віддієслівне *kręgul’a має позначати “те, що піддалося скручуванню”, тобто “об’єкт дії”, що і було збережене у словацьк. *krahul’a* жін. р. “загнута палиця” (морав.). Заслугує на увагу похідний іменник словацьк. *krahulec* — зоонім *Accipiter nisus* (новоградськ.), який свідчить про перебування словацьк. *krahul’a* на більш широкій території [14, с. 266; 16, с. 146].

До розряду віддієслівних іменників, що пройшли складний шлях семантичних змін, належить праслов. *gyzъ, споріднений, очевидно, з праслов. *gъзь. Його огласовка походить, на думку О. М. Трубачова, з дієслівного ітератива-дуратива праслов. *gyzati [12 VII, с. 224]. Цілком імовірно, що, як і праслов. *gyzdno↔ti, з паралельними формами праслов. *gyzďь, *gyzda, вони можуть виводитися з індоєвроп. *g^ul^odh- / *g^ul^o|(u)dh-, а первісне дієслівне значення — з “ставати гідким, огидним, сповнятися гиддю”. Географія поширення цього девербативу у слов’янських мовах поширюється на заході та сході в крапкових зонах: нижньолюж. *gizk* “гедзь, овід”, польськ. діал. *giz* чол. р. “тс.” (варш.), білор. *гіз* чол. р. “муха-гедзь,” [12 VII, с. 224; 15 I, с. 252; 3 I, с. 504 – 505]. Схема семантичних перетворень праслов’янської форми видається такою: “бути гідким” → “те, що є бридким” → “те, що походить з бридкого, пов’язане з ним”. Отже, зоонімічна назва сформувалася в результаті актуалізації сем означення за дією з конотативними елементами та з подальшою метонімічною трансформацією за місцем.

Східнослов’янський ареал дав найменшу кількість вузьколокальних архаїчних зоонімів. Дієслово праслов. *lęgati, яке виявило словотвірну активність у напрямку

формування назви суб'єкта дії, дало ім'я праслов. *lęga “стегно; жаба”, чим втілило семантичний тип “дія” → “знаряддя дії” та “дія” → “діяч”. Рефлекси праслов. *lęga фіксуються у російськ. діал. *ля/га* “стегно, ляжка” (тульськ., новг., волог., свердл.), *ля/га/* “жаба” (тульськ., калузьк.) [12 XV, с. 53 – 54; 2 II, с. 740; 9 17, с. 254;].

Праслов. *lo↔govъка пройшло у своєму становленні кілька етапів: від дієслова праслов. lękti до праслов. *lo↔gъ, що став назвою місця через етап позначення об'єкта дії, та прикметника праслов. *lo↔govъ, а по тому — приєднанням суфікса *ъка* утворилося праслов. *lo↔govъка, яке має продовження у ряді східнослов'янських мов. До них, крім старорос. *Луговка* (особове власне ім'я XV ст.), належать російськ. діал. *лүгówka* “чайка, чаечка” (яросл., влад., моск., донськ., новг., ленінгр.), “чайка” (влад.), “качка (лугова)” (влад., олон.) [9 17, с. 175], укр. *Лугівка*, водна назва басейну Прип'яті [10, с. 329]. Серед вказаних девербативів найбільш давнім можна вважати те, що позначає птахів за їхнім місцем перебування і вживається у владимирських, вологодських, ярославських, олонцьких говірках [12 XVI, с. 139].

Знайомство з вузьколокальними зоонімами, походження яких сягає праслов'янської давнини, дозволяє стверджувати, що семантичні типи утворення праслов'янських девербативів відрізняються системним характером, що знаходить вираження в існуванні суворо окреслених семантичних груп імен, мотивованих відповідними дієслівними основами, і специфічних механізмів перетворення семантичної структури цих основ. Зооніми, що належать до праслов'янських діалектизмів, зафіксованих у сучасних мовах, мотивовані дієсловами фізичної дії (“деформація”, “ушкодження”, “стан”, “переміщення”) і утворилися за схемою “дія” → “суб'єкт дії”, “дія” → “об'єкт дії”, “дія” → “місце дії” → “об'єкт дії”. Зонами поширення цієї лексичної мікросистеми є переважно західно- та південнослов'янські мови, у східних регіонах вона представлена обмежено. Найбільш регулярні семантико-словотвірні відповідники мають болгарські і македонські, сербські і хорватські, чеські і хорватські, польські і нижньолюжицькі, російські і українські, словацько-білоруські крапкові зони діалектів.

Лінгвогеографічна характеристика більшості розглянутих випадків утворення і поширення праслов'янських девербативів — назв тварин є підставою для встановлення пізньопраслов'янських контактів внаслідок спільного проживання або спільного походження діалектів, які нині відбиваються ізоглосами переривчастого характеру.

Література

1. Българска диалектология. — Т. I – VI. — София: БАН, 1962 – 1967.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. — СПб.; М., 1880 (перевид. фотосп. — М.: Русский язык, 1981). — Т. II.
3. Етимологічний словник української мови: в 7-ми т. / За ред. О. С. Мельничука. — К.: Наук. думка, 1982 – 2007. — Т. 1 – 5.
4. Журавлев А. Ф. Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. — М.: Издательство Индрик, 1994. — 254 с.
5. Куркина Л. В. Паннонославянская языковая общность в системе диалектных

отношений праславянського языка // Славянское языкознание. XI Межд. съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. акад. Н. И. Толстой. — М.: Наука, 1993. — С. 36 – 46.

6. Нечитайло И. Н. Праславянские диалектизмы отглагольного происхождения в русском языке, их семантика и распространение // Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире». — Т. 3. — Варна, 2007. — С. 156 – 160.

7. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Ред. Б. Конески; сост. Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. — Скопје : Ин-т за македонски јазик. — 1961 — 1969.

8. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. — Београд: Српска Академија наука: Институт за српскохрватски језик, 1959 — 1978.

9. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. — Л. : Наука, 1961 – 1999. — Вып. 1 – 33.

10. Словник гідронімів України. — К.: Наук. думка, 1979. — 780 с.

11. Трубочев О. Н. Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI – XVII вв. — М.: Наука, 1987. — С.17 – 28.

12. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд // Под ред. О. Н. Трубочева. — Вып. VII, XI, XII, XV, XXI. — М.: Наука, 1974 – 2000.

13. Hraste M., Šimunović P. Čakavisch-deutsches Lexicon / Unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch // Slavistische Forschungen 25/1. — T.1. — Köln ; Wien, 1979.

14. Kálal M. Slovenský slovník z literatury aj nářečí (Slovensko-český slovník a český ukazovatel'. — Banská Bystrica, nakladom vlastnym, 1924. — 992 s.

15. Muka E. Słownik dolnosербскеје речу а јеје наречоу. St. Pb., 1911. — Praha, 1926, 1928. — Bd. I – III.

16. Orlovski J. Gemerský nářečový slovník. — Martin: Osveta, 1982. — 423 s.

17. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Obraduje Đ. Daničić. — Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. — 1880 – 1976.

18. Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. — Warszawa: PWN, 1989. — 266 s.

Nechitaylo I. M. Prаславянские девербативы в диалектологическом ракурсе.

В статье рассмотрены диалектные девербативные имена-зоонимы праславянского времени в территориальном, сравительно-историческом и семантическом аспектах, проанализированы их семантико-словообразовательные типы.

Ключевые слова: девербативная лексика, семантико-словообразовательные типы, семантические трансформации, праславянский диалектизм.

Nechitaylo I. Proto-Slavic deverbatives in the dialectological foreshortening.

The investigations of dialectal verbal names-zoonyms of Proto-Slavic age in territorial, comparative-historic and semantic aspects are presented in the given article. Their semantic and word-building types are analyzed.

Key words: verbal words, semantic and word-building types, semantic transformations, Proto-Slavic dialectism.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 158 – 165

УДК 811.161.1`373.45

АНГЛИЦИЗМ ГЛАМУР, ГЛАМУРНЫЙ: ОПЫТ ОСВОЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. С. Положенко

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

В статье рассмотрены процессы и этнокультурная специфика освоения в русском языке англицизма **гламур**, **гламурный** на основе научных исследований и экспериментальных данных.

Ключевые слова: гламур, заимствование, межкультурная коммуникация, освоение, этнокультурная интерпретация.

Актуальность. Англицизм *гламур*, *гламурный* на сегодняшний день исследуется в контексте заимствования русским языком иноязычной лексики в качестве новоовеществленного элемента современной концептосферы русской культуры в ситуации глобальной массовой культуры.

Анализ литературы. В работах Т. С. Пичхидзе, С. В. Власенко, Е. О. Атановой, А. Г. Цыгулевой, Е. В. Прокутиной, Е. Б. Нарочной, Г. В. Шевцовой рассмотрен лингвокогнитивный аспект освоения нового понятия в языковом сознании носителей русского языка. Причем отдельные авторы (Т. С. Пичхидзе, Е. Б. Нарочная, Г. В. Шевцова, С. В. Власенко) отмечают возрастающую, начиная с последних десятилетий XX в., экспансию англицизмов и американизмов как в русском языке, так и в языках народов Европы и Азии: «Во многих странах мира детей называют английскими именами, открываются рестораны с иностранными названиями, регистрируются фирмы, названия которых содержат заимствования, люди не могут найти в родном языке аналогов словам *sale*, *modem*, *e-mail*, *mobile phone* и многим другим. Немцы печально констатируют, что им давно уже проще сказать *ticket* вместо *Busfahrkarte*, *handy* вместо *Handtelefon*. В Японии каждый день в газетах появляются новые слова с английским корнем, которые непонятны читателям (*cuto* от англ. *cute* вместо японского *kawaii*, *gesto* от англ. *guest* вместо японского *okyakusan*). В России витрины магазинов пестрят английскими словами *Lady Style*, *Top Line*, *sale*, *Гаджет*, *Диамант*; пресса и телевидение изобилуют иноязычной лексикой» [10, с. 84].

Помимо лингвокогнитивного подхода к изучению концепта «гламур», «гламурный» существуют этико-философская и культурологическая традиции осмысления феномена гламура в общественной практике — это работы С. Н. Антонова, С. Г. Матлиной, Е. Г. Ним, И. А. Осинской, В. Б. Малышева, О. С. Степановой, Е. В. Чирковой. Так, С. Г. Матлина анализирует идеологию гламура в связи с профессиональной этикой библиотекаря и развитием библиотечного дела [2],

Е. Г. Ним рассматривает конструирование социальных проблем и маркетинговые стратегии средств массовой информации на примере гламура как темы ток-шоу [9], О. С. Степанова характеризует роль гламура в самоидентификации индивида, корпоративной культуре и формировании стиля жизни [11]. Также впечатляет методология исследований феномена гламура: шизоаналитическая методология Ж. Делеза и Ф. Гваттари (орбитальная метафора как основная дескриптивная конструкция) [4], методология риторической деконструкции социальных проблем, разработанная Дж. Китсьюзом и П. Ибаррой [9].

Интересно, что лексическое заимствование *гламур* в 2007 г. набрало наибольшее число голосов и было признано «Центром развития русского языка» при МАПРЯЛ «Словом года» [13].

Постановка проблемы. Для нынешней информационной культуры характерны открытость, высокая плотность коммуникации и растущая скорость формирования межкультурных связей, от качества которых зависит успешность конкретного общества. В. И. Карасик в связи с актуальностью изучения языкового сознания и коммуникативного поведения говорит о конкретных потребностях «общества оптимизировать общение в меняющемся мире в условиях информационного взрыва, вторжения виртуальной реальности в нашу жизнь, умножения межкультурных контактов, изменения стереотипов восприятия действительности» [2, с. 5].

Необходимо также пересмотреть стереотипы в понимании коммуникации, опираясь на культурологический междисциплинарный подход. Напомним, что коммуникативная функция культуры органично связана с гносеологической и информативной. Если мы рассматриваем деятельность как основу культуротворчества, то целесообразно утверждать, что любая деятельность — суть коммуникация, взаимодействие: со средой, культурным пространством, обществом, людьми как своей эпохи и культуры, так и иных. Это происходит благодаря возросшим за прошедшее столетие коммуникативным возможностям информационной культуры, которую можно определить как культуру глобальной коммуникации, в которой «высказывание складывается не из слов с их значениями, а скорее, наоборот, слова с их значением получают свое реальное существование только в рамках высказывания» [3, с. 138].

Одним из релевантных процессов межкультурной коммуникации в языке является процесс заимствования слов, способствующий обогащению концептосферы национального менталитета. Также «в заимствовании русским языком иноязычных слов в разные эпохи отразилась история нашего народа» [10, с. 64], его культуры, этапы формирования особенного культурно-исторического типа личности — русского человека. Кроме того, это дает возможность рассматривать «импортируемый» концепт в динамике [2]. Под лингвокультурным концептом мы, согласно концепции В. И. Карасика, понимаем «коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [2, с. 28].

Количество и качество нынешних информационных потоков, их эклектичность скорее затрудняют, чем облегчают человеческую коммуникацию, интерпретацию высказывания или обращения. Стало труднее соблюдать конвенциональность в использовании языковых единиц: сегодня человек должен уметь воспринимать са-

мые неожиданные, непривычные слова или словосочетания, овеществляющие невербальные концепты, актуализация которых непредсказуема. Кроме того, «образы предметов и ситуаций, не имеющие вербального воплощения (смыслы), будут у разных людей различаться и по составу, и по содержанию», что объясняет, «почему люди не всегда понимают обращенную к ним речь или понимают ее не до конца» [9, с. 27].

При исследовании онтологического своеобразия и коммуникативной специфики лингвокультурного концепта «гламур» наиболее эффективным представляется лингвокультурный подход, который, по определению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, «предполагает изучение специфики национальной концептосферы от культуры к сознанию» [9, с. 13]. Характеризуя лингвокультурный подход, авторы лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» ссылаются на труды В. Н. Телии и отмечают, что «концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение в системе образов, которые по сути своей являются своеобразной «нишей» для кумуляции мировидения народа» [РКП, с. 8]. Мы будем исследовать «живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [РКП, с. 9], что наиболее соответствует нашим задачам. Однако не стоит забывать не только синхронный, но и диахронный вариант лингвокультурного подхода, предложенный В. А. Масловой, при котором исследуются и «исторические, и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры» [5, с. 11].

В английском толковом словаре под редакцией Мерриам-Вебстера (Merriam-Webster Dictionary) приводится следующее значение слова *гламур*, его этимология и производные слова (глагол и прилагательное): «Main Entry: **glam·our**. Variant(s): also **glam·or** \ 'gla-mər\. Function: *noun*. Etymology: Scots *glamour*, alteration of English *grammar*; from the popular association of erudition with occult practices. Date: 1715 **1**: a magic spell < the girls appeared to be under a glamour — Llewelyn Powys > **2**: an exciting and often illusory and romantic attractiveness < the glamour of Hollywood >: *especially*: alluring of fascinating attraction — often used attributively < glamour stock > < glamour girls > < whooping cranes and... other glamour birds — R. T. Peterson > — **glamour** *transitive verb* — **glam·our·less** \-ləs\ *adjective*» [Merriam-Webster]. Обратим внимание на существенный во втором значении (современное употребление) компонент «often illusory and romantic». В «Новом англо-русском словаре» В. К. Мюллера (2002) отражены значения прилагательного *illusory* («обманчивый, призрачный, иллюзорный») [НАРС, с. 357] и прилагательного *romantic* («1) романтический, романтический; 2) фантастический (о проекте и т. п.); 3) вымышленный, воображаемый») [НАРС, с. 628]. Очевидно, что в английском языке в значении слова зафиксирована такая составляющая интерпретационного поля лингвокультурного концепта, как принципиальное «отсутствие наличия» в реальной повседневной действительности.

Обратимся к анализу лингвокультурного концепта «гламурный» на примере работы Е. О. Аглановой «Экспериментальное исследование значения слова *гламурный* в языковом сознании носителей русского языка» (2007) в аспекте обеспечения механизмов речевой деятельности. Перед исследователем стояла задача

определить экспериментальным путем значение слова, не имеющего на момент исследования, по мнению ряда авторов, лексикографической фиксации в русскоязычных словарях (цит. по [1, с. 82]).

Отметим, что в «Большом словаре молодежного сленга» под редакцией С. И. Левиковой (2003) лексеме *гламур* уделено должное внимание: «гламур, *glamour* (*glamour* — American English) — это неотразимое очарование, волнующая романтичность, недоступность и соблазнительность» [БСМС, с. 246].

В «Словаре иностранных слов» Н. Г. Комлева (2006) есть следующая статья: «Гламурный [англ. *glamorous* — обаятельный < *glamour* — чары, волшебство] — эффектный, шикарный, одетый в стиле блистательной элиты Голливуда» [СИС].

Для нашей работы исследование Е. О. Атлановой актуально в связи с особенностью семантики языковых единиц, которая не просто отражает действительность, как концепт; «это общеизвестная и коммуникативно релевантная часть концепта, выступающая в виде стороны языкового знака в актах коммуникации» [1, с. 93].

В результате двух экспериментов (первый — по методу субъективной дефиниции и второй — по методу подбора синонимов) Е. О. Атланова пришла к выводу, что в значении слова *гламурный* оформилось ядро значения (*модный, красивый*) и ближняя периферия (*изысканный, современный, шикарный, яркий, престижный*). Также автор говорит о противоречивых оценках и негативных коннотациях, содержащихся в значении слова (*эпатажный, пафосный, заумный, лощеный, холеный, вычурный*), и делает вывод, что их наличие свидетельствует о том, что значение слова находится на стадии формирования [1].

Мы разделяем данное мнение, поскольку в результате нашего эксперимента тоже получили неоднозначный результат. Со своей стороны добавим, что в качестве мыслительной единицы лингвокультурный концепт «обречен» содержать противоречивые, двойственные оценки, т. к. его нормальное состояние — это развитие, динамика. З. Д. Попова и И. А. Стернин характеризуют эту ситуацию в контексте когнитивной лингвистики как сферу постижения высоких абстракций: «денотаты (образы предметов и ситуаций) входят как в семантическое пространство языка, так и в область невербальных смыслов», денотаты — «такая же часть концептосферы, как и смыслы. Неудивительно, что денотаты и смыслы свободно перетекают друг в друга» [9, с. 27]. Также это подтверждается при когнитивной интерпретации результатов психолингвистических экспериментов, когда в структуре концепта выделяются противоречащие друг другу когнитивные признаки. В этом — существенное доказательство принципиального различия между концептом и значением слова, в котором противоречащие признаки исключены [9, с. 206].

А. Г. Цыгулева в исследовании «Англоязычные заимствования в тексте рекламы: анализ актуализации и особенности функционирования» (2009) указывает период заимствования русским языком англицизма *гламур* — это 1997 г., когда слово было впервые зафиксировано (к сожалению, без ссылок на источник), и 2001 г., с которого оно стало широко распространенным [12, с. 205]. Автор отмечает свободную сочетаемость слов *гламур, гламурный*, что делает их эффективными маркерами в рекламном дискурсе: «Если словосочетание *гламурные ресницы, гламур-*

ная девушка, гламурный певец закономерны и ожидаемы, то гламурный телефон / холодильник / свет / суперкар / внедорожник / флот, гламурный форум / браузер / формат, гламурный отдых / идеал и даже гламурный пес, и гламурный фашизм расширяют рамки восприятия этого слова, что позволяет коммуникатору привлечь еще большее внимание к рекламируемому предмету / услуге» [12, с. 205].

В исследовании также характеризуется оценочный потенциал и коннотация лингвокультурного концепта, причем преимущественно негативная, саркастическая и ироничная: «Слово *гламур*, несомненно, обладает яркой оценочностью, которая зачастую имплицитна, выявляется в контексте и скорее представляет собой эмоциональный компонент коннотации, поскольку переходит в область иронии и сарказма. Примером этому может служить следующее обращение к сотрудникам глянцевого журнала: *труженики гламура*» [12, с. 205].

В целом А. Г. Цыгулева считает лексемы *гламур*, *гламурный* вполне актуальными и активными в русскоязычном коммуникативном пространстве, поскольку носители языка активно используют художественно-изобразительные возможности этих слов: «Существуют также случаи онимизации, когда слово *гламурная* превратилось в псевдоним для писательницы и журналистки Жени Гламурной, автора книг «Шиканутые девчонки» (М., 2006) и «Тертый шоколад» (М., 2007). Еще раз актуальность лексической единицы *гламур* подтверждается появлением его в составе прецедентных высказываний: «*Гламурный век, гламурные сердца*» — аллюзия на слова «*Жестокий век, жестокие сердца*» из «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина; «*Я планов наших люблю гламурье*» (Т. Толстая, пример И. А. Тропиной) — «*Я планов наших люблю громадьё*» В. В. Маяковского» [12, с. 205 – 206].

Отличает лексическую единицу *гламур* также большой словообразовательный потенциал: «Активность его использования в качестве основы как раз и является показателем актуальности слова *гламур*, в результате чего наблюдается появление не только новой лексемы, но и нового словообразовательного гнезда, которое включает 27 производных и структурируется подобно другим словообразовательным гнездам с вершиной — абстрактным понятием. Такие производные, как *гламурный, гламурненький, антигламур* (на 1-й ступени словопроизводства), *негламурный, гламурно, гламурность, глянцево-гламурный, образцово-гламурный* (на 2-й ступени) и заданы словообразовательной системой, и образованы по нормативным моделям. За счет использования суффикса *-еньк-*, обладающего коннотациями, произведенные с соблюдением законов словообразования слова характеризуются экспрессивностью: *гламурненький, гламурненько*» [12, с. 206].

Относительно преобразований и специфики семантики заимствованного слова в русском языке А. Г. Цыгулева делает следующий вывод: «В связи с отсутствием четкой денотативной соотнесенности, семантика слова *гламур* имеет не вполне определенный, эластичный характер, вмещающая в свое содержание значение слов своего семантического поля — *роскошь, блеск, шик, очарование* и т. п. Возможно, эта размытость и эластичность значения — одна из причин его актуальности и распространенности» [12, с. 206].

А. Г. Цыгулева полагает, что роль иноязычных слов, в частности, англицизмов, в современном русском языке настолько велика, что некоторые из них, например, *гламурный*, уже принадлежат к ядерной лексике. Такой вывод интересен и актуален для нашего исследования, носящего лингвокультурный характер. Это дает нам основания считать, что за последние десять лет в концептосфере русской культуры, в восприятии действительности и коммуникативных стратегиях активизировались процессы переосмысления значимости, ценности, актуальности внешнего вида, эстетических, образно-перцептивных качеств личности и предметно-пространственной среды.

Наше исследование включает в себя *эксперимент*, направленный на «интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определенным концептом» [2, с. 32]. Материалом исследования послужили данные опроса информантов — студентов и преподавательского состава (высшее экономическое или дизайнерское образование) — всего 100 человек: 24 мужчины и 76 женщин (от 17 до 60 лет).

Информантам было предложено ответить на следующие вопросы относительно слов *гламурный*, *модный*, *изысканный*, *красивый*, *роскошный*:

- 1) актуально ли данное слово для современной культуры? (да / нет);
- 2) какие синонимы можно к нему подобрать?;
- 3) кого или что оно характеризует? (мужчину, женщину или предмет);
- 4) опишите вашу эмоциональную реакцию на данное слово (положительная, отрицательная или нейтральная);
- 5) где это слово чаще всего встречается? (отметим, что экспериментальные данные по этому пункту получились достаточно неожиданными и заслуживают отдельного исследования).

Актуальным слово *гламурный* признали 41 и не признали 59 респондентов. Слово *гламурный* было представлено в ряду *модный*, *изысканный*, *красивый*, *роскошный* с целью выявить спонтанные ассоциации информантов, связанные со словом *гламурный* при подборе синонимов и определить обратную, количественно-качественную, связь между лексемами. В итоге среди синонимов (всего 53 ед.) к слову *гламурный* было подобрано: *модный* — 41, *стильный* — 23, *яркий* — 19, *изысканный* — 16, *роскошный*, *красивый* — 15, *пафосный* — 14, *блестящий* — 11, *вызывающий* — 7, *современный* — 6, *очаровательный*, *креативный* — 5, *молодежный*, *дорогой*, *шикарный*, *вычурный*, *эффектный* — 4, *глянцевый*, *индивидуальный* — 3, *с шармом*, *аккуратный*, *нестандартный*, *необыкновенный*, *хорошенький*, *необычный*, *обаятельный* — 2.

Еще 27 синонимов — по одному примеру — их можно разделить по парам как положительные и отрицательные коннотации соответственно: *не для всех*, *неординарный*, *редкостный* — *однообразный*; *привлекательный* — *ужасный*; *выделяющийся*, *запоминающийся*, *особенный* — *однотипный*; *знающий себе цену* — *самоуверенный*, *высокомерный*; *интересный*, *загадочный* — *нелепый*; *великолепный*, *богатый*, *элитный*, *представительный* — *агрессивный*; *элегантный* — *экстравагантный*; *ультрасовременный*, *популярный* — *крутой*, *вульгарный*.

Выводы. В обыденном языковом сознании в значении слова *гламурный* можно выделить ядро («модный, стильный») и ближнюю периферию («яркий, изысканный, роскошный, красивый, пафосный»). По сравнению с исследованием 2007 г., коммуникативно релевантная сторона знака в бытовом общении существенно не трансформировалась. Качественное определение *гламурный*, согласно анкетным данным, присуще скорее лицу, чем предмету. Если говорить о гендерных характеристиках, то *гламурный* скорее женственный (82), чем мужественный (73), и меньше всего присущ предмету (42). Вызывает нейтрально-положительный эмоциональный отклик (нейтральный — 38, положительный — 34, отрицательный — 28).

Следует обратить внимание на то, что обратная связь между представлением «гламурный — модный» (41) и «модный — гламурный» (12) выражена слабо: в 4 раза меньше и сопоставима со следующими элементами интерпретационного поля концепта «гламурный»: «пафосный» (14), «блестящий» (11). Это позволяет интерпретировать представления о «гламурном стиле» в моде как о пафосном и блестящем: то, что сильно воздействует на восприятие, привлекает внимание.

Этнокультурная специфика интерпретации проявляется благодаря корням с чередованием гласной *блест-* / *блист-*, когда только одна гласная снижает стилистическую окраску слова: *блестящий* (11) — *блистательный* (0) (см. словарное значение у Н. Г. Комлева). Обратная связь практически отсутствует: 1 из 100 «изысканный — гламурный» при 16 «гламурный — изысканный»: в 16 раз меньше. Обратная связь выражена слабо: «гламурный — красивый» (15) при «красивый — гламурный» (5): в 3 раза меньше. Обратная связь налицо: «гламурный — роскошный» (15) и «роскошный — гламурный» (15).

Следовательно, чтобы позиционироваться «гламурным» в современной культурной среде, лицо или предмет должны соответствовать следующим характеристикам, уже укорененным в сознании носителей русского языка, со следующей градацией: 1) роскошный; 2) красивый; 3) модный.

Литература

1. Атланова Е. О. Экспериментальное исследование значения слова *гламурный* в языковом сознании носителей русского языка / Е. О. Алтанова // Вопросы психолингвистики. — 2007. — №5. — С. 82 – 84.
2. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — М.: Гнозис, 2009. — 406 с.
3. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский; отв. ред. Ю. С. Степанова. — изд. 4-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 152 с. — (Серия «Лингвистическое наследие XX века»).
4. Малышев В. Б. Феноменология орбитальности и метаязык медиагламура / В. Б. Малышев // Аспирантский вестник Поволжья. — 2010. — №1 – 2. — С. 49 – 52.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: [учебное пособие для студентов высших учебных заведений] / В. А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
6. Матлина С. Г. Время мнимых величин: размышления о профессиональном гламуре / С. Г. Матлина // Библиотечное дело. — 2006. — №12. — С. 9 – 11.
7. Нарочная Е. Б., Шевцова Г. В. Иноязычные слова в современной публицистике / Е. Б. Нарочная, Г. В. Шевцова // Язык и культура. — 2009. — №4. — С. 84 – 97.

8. Ним Е. Г. О социологах, телеведущих, рыцарях и чучелах: деконструкция медиакурса социальных проблем / Е. Г. Ним // Журнал исследований социальной политики. — 2010. — №1. — С. 13 – 31.

9. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2010. — 314, [6] с. — (Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия»).

10. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. — М.: Рольф, 2002. — 448 с.

11. Степанова О. С. Некоторые вопросы смыслового содержания гламурной жизни / О. С. Степанова // Аспирантский вестник Поволжья. — 2009. — №5 – 6. — С. 87 – 91.

12. Цыгулева А. Г. Англоязычные заимствования в тексте рекламы: анализ актуализации и особенности функционирования / А. Г. Цыгулева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — №99. — С. 203 – 206.

13. Эпштейн М. Н. Впервые в России выбраны Слово и Антислово года [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн. — Режим доступа: <http://www.grammar.ru/RUS/?id=1.39>

СЛОВАРИ

БСМС — Большой словарь молодёжного сленга / С. И. Левикова. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. — 928 с.

НАРС — Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан и др. — 9-е изд. — М.: Русский язык, 2002. — 880 с.

СИС — Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Н. Г. Комлев. — Режим доступа: <http://www.inslov.ru/html-komlev/g/glamurn3y.html>.

РКП — Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко.

Merriam-Webster — Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/glamour>.

Положенко Г. С. Англицизм гламур, гламурный: досвід освоєння в російській мові.

У статті розглянуті процеси та етнокультурна специфіка освоєння в російській мові англицизму **гламур, гламурний** на основі наукових досліджень і експериментальних даних.

Ключеві слова: гламур, іншомовне запозичення, міжкультурна комунікація, освоєння, етнокультурна інтерпретація.

Polojenko A. Anglicism glamour: mastering experience in russian.

In the article mastering processes and ethno-cultural specific are considered in Russian of Anglicism **glamour** on the basis of scientific researches and experimental data.

Key words: glamour, loan word, intercultural communication, development of foreign language borrowing, ethno-cultural interpretation.

Статья поступила в редакцию 10 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 166 – 169

УДК 811.161.1'37

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ЗАГОЛОВКОВ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

С. А. Суворова

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск*

В данной статье речь идет о группах лексики, которые являются типичными для заголовков научных статей, и определяется семантическое поле данного типа текстов.

Ключевые слова: заголовок, лексика, опорная лексика, информирующая лексика, наполняющая лексика.

В данной статье в общем виде ставится проблема лексико-семантического наполнения заголовков научных статей как особого типа текста. Данная проблема находится в русле актуальных научных исследований, поскольку успех научной коммуникации во многом зависит от того, насколько точно и исчерпывающе названо то или иное научное исследование.

Исследованию заголовков посвящены работы таких лингвистов, как Н. М. Баженов, А. Н. Гвоздев, Е. М. Галкина-Федорук, Н. А. Кожина, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. М. Пешковский, А. С. Попов, Н. П. Харченко, А. А. Шахматов, Н. Ю. Шведова и многие другие. Заголовок для научной статьи изучается в разных аспектах: в связи с проблемой определения лингвистического статуса научного заголовка; в связи с вопросом функционирования научного заголовка; в связи с изучением структурных типов научного заголовка; в связи с вопросом о связи заголовка с содержанием текста; в связи с изучением экспрессивности заголовка и т. п. Однако, насколько нам известно, лексико-семантическая структура заголовков научных статей еще не становилась предметом специального исследования.

Целью данной статьи является описание лексической структуры, которая отличает заголовок научной статьи от других видов заголовков и жанров научного стиля.

Как отмечает Э. А. Лазарева, заголовок — это первый сигнал, побуждающий нас читать материал или отложить его в сторону [1, с. 3]. О. А. Ляпина, признавая зависимость заголовка от содержания статьи, считает, что заголовок обладает исключительно текстовой предикативностью, так как соотносится только с информацией, заключённой в озаглавленном им тексте, что позволяет назвать его особой лингвистической единицей [2, с. 23].

По признаку полноты выражения какого-либо смыслового элемента произведения заглавия можно подразделить на:

1) полноинформативные — полностью актуализирующие смысловой компонент текста. Они могут отражать или тему всего текста, или основную мысль его, или любой тезис, развивающий основную мысль;

2) неполноинформативные — пунктирные заголовки, выражающие не весь тезис, а только одну его часть — логическую тему или предикат;

3) заголовки, информирующие о том смысле, который вербально не выражен в тексте, уведён в подтекст;

4) заголовки, полностью понимаемые после прочтения текста, воспринимаемые ретроспективно.

Вероятно, решать проблему заглавия следует, основываясь лишь на таких специфических свойствах, которыми не обладает больше ни один элемент текста. С этой точки зрения уникальность заголовка заключается в первую очередь в его именной природе. То, что заглавие — это имя собственное или его аналог, давно отмечено лингвистами. Они утверждают, что заглавие, называя текст, имеет значение предметности, которое связано с грамматическими категориями существительных. На этом основании его обычно относят к лексико-грамматическому разряду собственных имен. При этом по функциональному критерию собственным именем считается любой заголовок: как тот, который является типичным существительным («*Эфир*», «*Часы*»), так и тот, который приобретает грамматические признаки собственного имени только в определенном синтаксическом контексте («*Существует ли тринадцатая планета солнечной системы?*», «*Как обнаружить гравитационную волну?*» и т. п.). Именная природа заглавия позволяет рассматривать его, как собственное имя особого рода, в рамках общей ономастики, подобно топонимам или антропонимам.

Лексика заголовков научных произведений является достаточно разнообразной, что в значительной мере затрудняет построение ее классификации. Следуя методике, предложенной в работе [3], мы считаем целесообразным подразделить лексику финансовых отчетов на три группы:

1) слова с наиболее высокой частотой употребления, которые встречаются практически во всех отчетах, создающие опору в тексте, которые мы назовем опорной лексикой. К этой группе мы отнесем в первую очередь те слова, которые присутствуют в большинстве из них, например, «*к вопросу, к проблеме, расчет*» и т. п.

2) лексические единицы, имеющие среднюю, промежуточную частотность использования, которые мы назовем наполняющими. Это слова типа «*исследование*», «*изучение*», «*анализ*» и т. п. Такие слова могут встречаться не во всех типах заголовков;

3) лексика, являющаяся наиболее разнообразной и многочисленной, которая создает сам текст, которую мы назовем информирующей. Данная группа может зависеть от сферы деятельности, на которой основано то или иное научное произведение.

В зависимости от информирующей лексики среди заглавий научных текстов могут быть выделены следующие 14 типов:

1. Заглавия, обозначающие лиц. Эта обширная группа делится на ряд подгрупп:

1.1. Заглавия — имена собственные:

а) личное имя + фамилия:

«*Иоанн Дитрих*», «*Чарльз Гудийр*», «*Гауз, Вебер, Герберт и другие*».

б) существительное + имя, + фамилия или существительное + фамилия:

«Крылья Лилиенталя», «О движении перпендикулярного луча в эксперименте Майкельсона Морли», «Релятивистская динамика и физика Ньютона», «Эффект Махаришии», «Л. Н. Гумилев и психофизика», «Ошибка Лоренса», «Эксперимент Авраменко», «Доказана гипотеза Пуанкаре?», «Гипотеза Пономарева», «Опыты Саньяка Майкельсона — Гаэля, Миллера», «Опыты Эйхенвальда и Вильсона», «Опыты Араго и теория Френеля», «Преобразование Фурье», «Уточненный закон всемирного тяготения Ньютона» и др.

1.2. Заглавия, обозначающие деятельность + фамилия лица, род их деятельности, занятий и уточняющая информация: а) «Учение Вернадского о переходе биосферы в ноосферу», «Введение в систему Леонардо Давинчи», «Джордж Буль — основоположник математической логики», «Яков Пелерман: Штрихи к портрету», «Олоф Ремер и скорость света», «Кант и Вернадский», «Кант и Лаплас. Космогонические концепции», «120 лет со дня рождения Альберта Эйнштейна», «Отрывки из Рукописи Леонардо Давинчи», «О гипотезе Сепира-Уорфа».

б) Заглавия, включающие определение + указание на временной период: «Радио — главное открытие XX века», «Становление системного мышления в первой половине XX века», «Идея спонтанного возникновения материи «из ничего» в космологии XX века», «Алфизики XX века», «Грипп 1918 года», «Льды Арктики исчезнут к середине 22 века» и др.

в) Заглавия, включающие указание на род деятельности + фамилия (имя или имя и отчество):

«Уравнение Пелля: мультипликативные свойства и ациклический метод решения», «Эйнштейн и проблема построения научной теории», «Уравнение Пелля и $y+1=2x$ », «Эффект Брауна: экспериментальное подтверждение», «Анализ динамики установки Роцина и Година», «От явлений сущности теории Эйнштейна» и др.

1.3. Заглавия — обозначения сущности содержания по характеру взаимоотношений между научными явлениями: «Физическая сущность парадоксов близнецов», «О единстве естествознания в рамках дискретного подхода»

а) Заглавия, содержащие указание на характеристику научных элементов:

«Электростатическое взаимодействие точечных зарядов», «Проблемы квазистатической электродинамики», «Ключевые положения теории гравитонов», «Управление устойчивым развитием», «Проблемы волновой электродинамики», «Безэнергетические заряды и токи» и др.

б) Заглавия, включающие в себя название планет:

«Сейсмическая активность Земли», «Прогноз и Солнце», «Вечная Вселенная», «Парадоксы Вселенной», «Время и Вселенная», «Причуды Тунгусского метеорита» и др.

в) Заглавия, содержащие научные изыскания и вопросы о существовании души:

«Размышление о душе», «Терминальные состояния и клиническая смерть», «ТМ: душа и чистое сознание», «Эффект Махаришии: медитация и процесс смерти», «Природа магнетизма души», «Духовная эволюция или деградация» и др.

г) Заглавия, содержащие информацию о природных явлениях:

«Что мы знаем о волнах моря», «Землетрясение и цунами на северной Суматре», «Шаровая молния: ионно-электронная модель», «Антарктический феномен — озе-

ро Восток», «Семейные тайны морских игл и коньков», «Вихри и течения Ойясио», «Поляриметрия сумеречного неба», «Тайна березовых слез и пчелиного клея», «Кислота с неба», «Санитары биосферы», «От глобального потепления россияне пострадают больше других», «Среда обитания вещества в природе», «Творческая эволюция живой и неживой матери», «Физическая модель шаровой молнии»;

д) Заглавия, содержащие оценку научных явлений с точки зрения философии:

«Философские вопросы кибернетики», «Значение как категория семиотики», «О соотношении части и целого в строении материи», «Монистическая тенденция развития знаний», «Философия физики», «Сумасшедшая идея», «Уму непостижимо» и др.

е) Заглавия, содержащие узкоспециализированную терминологию, связанную, например, с математикой, металлургическим производством, строительством и т. п.:

«Полосовая сталь в рулонах с металлическими и неметаллическими покрытиями», «Новый профиль шпунтовой сваи для строительства Л5Д», «Ввод в эксплуатацию конвертерного цеха», «Комплекс с вакууматором и установкой двухпозиционной «ковш печи» и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что специфическая лексика, присущая научным статьям, отражается в их заголовках, а дальнейшей перспективой исследования может быть выяснение связи между синтаксической структурой и лексическим наполнением данного вида текстов.

Литература

1. Лазарева Э. А. Заголовок в газете: Монография. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. — 96 с.
2. Ляпина О. А. Структурные, функциональные и прагматические особенности немецкого газетного заголовка: (На матер. нем. общенац. прессы): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Воронеж, 2002. — 154 с.
3. Панченко Е. И. Лингвистика сжатого текста (на материале современного русского языка): дис. ... доктора филол. наук: 10.02.02 / Панченко Елена Ивановна. — Днепропетровск, 1998. — 370 с.

Суворова С. А. Лексична детермінованість заголовків наукових статей.

У даній статті йдеться про групи лексики, які є типовими для заголовків наукових статей, та визначається семантичне поле цієї групи текстів.

Ключові слова: заголовок, лексика, опорна лексика, інформуюча лексика, наповнююча лексика.

Suvorova S. Lexical determination of scientific articles titles.

The article deals with the groups of vocabulary which are typical for the scientific articles as well as the semantic field of this text group is defined.

Key words: title, vocabulary, basic vocabulary, informing vocabulary, filling vocabulary.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 170 – 178

УДК 811.161.1

ФАЗОВАЯ ПАРАДИГМАТИКА РУССКИХ ГЛАГОЛОВ IMPERFECTIVA TANTUM

Е. Я. Титаренко

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

В статье представлены результаты исследования фазовых парадигм русских глаголов *imperfectiva tantum*, представляющих основные разряды известной классификации Ю. С. Маслова, с целью сравнения их фазовой валентности.

Ключевые слова: аспект, аспектология, русский глагол, глаголы *imperfectiva tantum*.

Ядром морфологической категории вида является видовая пара как противопоставление глаголов разных видов на основе общности их лексического значения. Однако далеко не все глаголы в русском языке имеют видовые пары; так, непарные глаголы НСВ принято называть *imperfectiva tantum* или глаголами абсолютно-НСВ. Причины видовой дефективности (т. е. отсутствия видовых пар) весьма большой группы глаголов НСВ описываются на всех этапах развития аспектологии как самостоятельного направления лингвистики, но до сих пор не могут считаться полностью изученными. Данные глаголы имеют разнообразную лексическую семантику, единственным общим семантическим признаком у них является неопределенность обозначаемого процесса. В связи с этим классификация непарных глаголов НСВ, необходимая для их теоретического изучения и описания, представляет значительную сложность. **Цель нашей работы** — исследование фазовых парадигм непарных глаголов НСВ, которое позволит уточнить их классификацию.

Наиболее известными семантическими классификациями русских глаголов *imperfectiva tantum* являются классификации Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Ю. Д. Апресяна, М. А. Шелякина (так называемые аспектуальные способы действия неопределенных глаголов).

Ю. С. Маслов в своей знаменитой статье 1948 года «Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке» распределил непарные глаголы НСВ (образец: *плакать*) на две группы:

- А) «Глаголы пребывания и бесперспективного протекания» и
- Б) «Глаголы безуспешной попытки и безуспешного стремления» [1, с. 78 – 80].

Видовую несоотнесенность всех этих глаголов Ю. С. Маслов объяснил двумя причинами: невозможностью моментализации и внутренней неопределенностью называемых процессов. Таким образом, писал он, «перфективация этих глаголов становится возможной только в случае выделения начала процесса или при

условии внешнего ограничения его длительности известной «порцией времени» [1, с. 80]. При этом в ряде случаев, как отмечал Ю. С. Маслов, не могут быть образованы и начинательные глаголы (от *стоит*, *весит*, *содержать*, *существовать*), хотя выражение данной фазы аналитическими средствами возможно всегда. Бывает невозможно и образование СВ со значением «охвата длительности» (те же *весит*, *стоит*, а также *любить*, *ненавидеть* и т. д.). Наша задача — проверить эти утверждения на материале современного дискурса.

С этой целью был предпринят анализ фазовых парадигм ряда глаголов НСВ (избранных методом случайной выборки), представляющих следующие тематические группы (по Ю. С. Маслову [1]):

из разряда А) 1. Обозначающие факт существования и наиболее общие свойства и качества предмета, его количественные и качественные определения в отношении с другими предметами (*пахнуть*, *гореть*, *весит*, *стоит*, *значить*, *зависеть*, *наличествовать*, *отсутствовать*, *содержать*, *соответствовать*).

2. Обозначающие принадлежность лица к определенной группе, его род занятий (*командовать*, *заведовать*).

3. Обозначающие состояние, хотя бы и временное, но не предполагающее даже в отдаленной перспективе каких-либо качественных изменений или естественного перехода в новое состояние (*стоять*, *сидеть*, *лежать*, *болеть*, *спать*, *молчать*).

4. Обозначающие чувства и эмоциональные состояния, которые не могут мыслиться кратковременными (*тосковать*, *любить*, *ненавидеть*).

5. Обозначающие занятие действием без указания даже в перспективе на момент окончания как на его цель «(действие было начато не с целью быть когда-либо оконченным)» (*ухаживать*, *танцевать*).

Из разряда Б) «Глаголы безуспешной попытки и безуспешного стремления»: *искать*, *ждать*.

Среди перечисленных глаголов имеются одиночные (*ютиться*, *выкаблучиваться*, *значиться*, *явствовать* и др. [8]), не имеющие глагольных дериватов (*отсутствовать*, *бытовать*, *заведовать*, *соответствовать*, *заключаться* и др. [8]) и имеющие дериваты другого вида, зафиксированные в словарях [3; 8] — *беседовать*, *голодать*, *думать*, *ждать*, *командовать*, *пахнуть*, *скупать*, *танцевать*, *тосковать*, *ухаживать* и др. Фазовую парадигму априори имеет только последняя группа.

Теория фазовой парадигматики русских глаголов базируется на учении О. М. Соколова о лексико-грамматической категории фазовости, взаимодействующей с категорией вида глагола [4]. Фазовая парадигма глагола представляет собой словообразовательное гнездо, в которое входят глаголы разных видов, находящиеся в отношениях прямой мотивации (подробно описана в [6]). Анализ фазовых парадигм может дать основания для семантической классификации глаголов, поскольку гипотетически семантически близкие глаголы должны иметь сходные фазовые парадигмы. Глаголы НСВ могут выражать фазовость аналитически — в сочетании с фазовыми глаголами и их синонимами.

Глаголы *стоит*, *уповать*, *содержать*, *наличествовать*, *являться* и им подобные, не имея приставочных дериватов совершенного вида, не имеют и фазо-

вой парадигмы, однако функционируют в дискурсе в сочетании с глаголами *начать, стать, продолжать, перестать*. Например: «*То, что не выдержало такой проверки, было названо суеверием, шарлатанством, отсталостью и т.п. А то, что выдержало — стало являться доказанным фактом*» www.materialist.kcn.ru/exist.htm. «*После того как мировое соглашение, утвержденное судом, перестало являться исполнительным документом...*» www.yurpractika.com/article.php... «*С 50-х годов и до наших дней английская литература совершенно перестала содержать в себе какие-либо литературные направления*» www.portalus.ru/modules... «*Но если потребление выживания должно постоянно возрастать, то это значит, что оно обязано продолжать содержать в себе лишения*» (Г. Э. Дебор) polite.com.ua/library/... и т. д. Следовательно, эти глаголы нельзя называть глаголами с «нулевой» фазовостью.

Глаголы абсолютного НСВ, как сказано, являются неопредельными. Логично предположить, что у таких процессов может быть лексически выражена фаза начала процесса, а также его продолжения и окончания. Однако это не совсем так: одни глаголы *imperfectiva tantum* употребляются в сочетании со всеми фазовыми глаголами, другие только с *продолжать* и *перестать*, как например, глаголы *содержать, наличествовать*, третьи функционируют в сочетании с фазовыми *стать* и *продолжать* (например, глагол *закключаться*) или только в сочетании с *начинать* и *перестать* (образец — глагол *явствовать*). Иными словами, в реальной речи глаголы выражают не все фазовые пределы. Несмотря на то, что сочетания типа *начал (стал) содержать, стало наличествовать, перестал / прекратил заключаться, продолжает явствовать* и т. п. кажутся вполне естественными для русского языка, мы пока не располагаем такими примерами ни в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), ни в сети Интернет. Рассмотрим конкретные примеры: глагол *закключаться* в значениях «*Находиться, содержаться в чем-л., где-л., внутри чего-л.*» и «*Состоять в чем-л., сводиться к чему-л.*» в контекстах выражает начальную фазу (*стало заключаться*) и продолжение процесса: *Собственно в этом и заключался (и продолжает заключаться) Брит — Союз народа Израиля с Всевышним, с Эйн-Соф.* forum.israelinfo.ru/viewtopic.php...; *Только теперь смысл работы стал заключаться не в том, чтобы починить вещь для дальнейшего утилитарного использования...* www.art-con.ru/node/565 и т. п. Однако примеров употребления данного глагола в сочетании фазовыми *перестать, прекратить, кончить* и под. не найдено.

Активно функционируют в дискурсе глаголы с полными аналитическими фазовыми парадигмами, т. е. выражающие начало, продолжение и завершение процесса в сочетании с фазовыми *стать* (реже *начать*), *продолжать, перестать*. Таковы, например, глаголы *стоить, уповать, являться, значиться*: *Потому что это стало стоить слишком дорого.* [2]; *Самая дорогая клубника продолжает стоить 25 грн. за килограмм...* president.org.ua/news/news-196479/; *Человеческая жизнь перестала чего-то стоить* <http://rutube.ru/tracks/1437372.html>; *Но только потому, что мы начали уповать на Бога, Господь восстановил здоровье моего отца.* www.wordofgrace.com.ua/sermons_248.html; *...мы стали меньше уповать на индивидуальные действия лидеров...* <http://top-football.com/news/2009/05/07;>

Российские игроки **перестали уповать** на США. news.mail.ru>Экономика>1470803; Украинцы **продолжают уповать** на государство. polemika.com.ua/news-2901.html; В большом списке колониальных владений Великобритании **стал значиться** китайский Гонконг www.100velikih.ru/view418.html; Вскоре Фет **перестал значиться** «студентом из иностранцев» www.tonnel.ru/?l=gzl&uid=593&op=bio; Мы видим законы о федеральном бюджете, где неизменно **продолжают значиться** цифры дотаций... www.novayagazeta.ru>Архив>.../00.html и др.

Еще больше непарных глаголов НСВ обнаруживает весьма высокую и фазовую и словообразовательную валентность: в свободном дискурсе они не только передают фазовость аналитически, но и присоединяют различные аффиксы, образуя дериваты противоположного вида с ярко выраженными фазовыми значениями начала, продолжения (ограниченности во времени), финитивности в сочетании с результативностью и одно- / многократностью.

Так, **отсутствовать** употребляется с фазовыми *начинать, стать, продолжать, перестать*, а также с префиксами *по-, про-, за- и на-...-ся*. Примеры: **Начинают отсутствовать** такие качества, как согласие, похвала, восхищение... www.kabluchok.ru/article/573/index.html; На рынке **продолжает отсутствовать** тенденция по этой валюте, www.teletrade.com.ua; Бытие требует, чтобы человек **перестал отсутствовать** там, где он только и мечтает найти себя. (А.Щупов. Мессия) lib.rin.ru/doc/i/1336p7.html; Стоило один день **поотсутствовать**, как наши женщины успели соскучиться... ama-de.livejournal.com/51951.html; Он вылез через вход в нору, **проотсутствовал** минут пять и вернулся prikol.pp.ru/library/vinni-16.htm; ...и лицо опять **заотсутствовало**, забыло себя, расточилось. encyc.mir-x.ru/92730.html; Намолчимся и **наотсутствуем** вдоволь, когда помрём ArtNow.ru (примеры не единичны).

Глаголы **ютиться** (см. [5]), **заведовать, бытовать** употребляются с фазовыми *начинать/начать, стать, продолжать, перестать/переставать* и префиксами *по-, про-, пере-, на-, за-, от-*, а также с аффиксами *на-...-ся, до-...-ся, раз-...-ся и от-...-ся*. Приведем только несколько примеров: А потом среди молодоженов **начинает бытовать** мнение, что видео заказывать не стоит forum.ixbt.com/topic.cgi?id=29:31489-79; песня **стала бытовать** в трёх инструментальных вариантах. www.songkino.ru/other/hist.html; Многие старые обычаи **перестают бытовать** в нашей среде ... dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/752882; Слово «виртуальный» тоже **побытует** десяток лет, а затем так же легко отвалится pda.computerra.ru/; Переживут, **перебытуют, стерпят**... www.sd-ugra.com/about/mass_media/...; Экспонаты своё **отбытовали** Новости>...newsid=973; А намерни одного крупного общественного деятеля умоляли **позаведовать** важным департаментом; www.karta-smi.ru/index.php/kapuchino/target_kap115...; мой папа **прозаведовал** кафедрой режиссуры лет 15. www.uaua.info/mamforum_arch/theme/319428.html; Даже не знаю, чего она им там **назаведовала** в литературной части. gazeta.mediaport.info/pages.php...; И даже сверх того — **назаведовался** кафедрой выше крыши... www.scilog.ru/viewtopic.php?pid=238572; Тремя отделениями **отзаведовал**. dcciv.livejournal.com/125657.html; Он там заведовал квартирами, жилфондом, ну и дозаведовался. www.RSS.zelenkov.net/rss_view_channel.php...

Глагол **выкаблучиваться** в Словаре А. Н. Тихонова [8] приводится в списке одиночных, в МАС [3] вообще отсутствует, а в речи не только употребляется с многочисленными дериватами СВ, но и имеет очень богатую аналитическую фазовую парадигму — с глаголами *начинать, стать, продолжать, кончить, закончить, перестать, прекратить*. Примеры: *А вы зачем **начали выкаблучиваться**?* club.passion.ru/viewtopic.php...; *Наивные путники опять **стали выкаблучиваться**, прыгать по камешкам...* www.raspadok.ru/stats.php?id=44; *«Россита» **продолжает выкаблучиваться*** http://sib.adme.ru/actions/...; *...американцам давно уже пора **заканчивать выкаблучиваться***. hokkrok.livejournal.com/382875.html; *Не учиться зрелищным презентациям, а просто **перестать выкаблучиваться** и душевно спросить...* www.dere.com.ua/library/derevit/notar2/...; *Я попросил его **прекратить выкаблучиваться***. Зарубежная проза>towns/towns2/?8.

С приставками: начинательные *Вот врачи и **завыкаблучивались** по поводу этого рубца...* forum.deti.mail.ru/topic.html...; ограничительные *Пора **повыкаблучиваться!*** ru.redtram.com/go/123323168/; *она так ещё долго **провыкаблучивается*** wwwomen.com.ua/forum/index.php... *Зима **недовыкаблучивалась**, кто ее простиमुлировал?* Футбол>4391202.html; финитивные *Уже **отвыкаблучивалась?*** www.forum-volgograd.ru/archive/topic/1295-5.html; *Гашишники **довыкаблучивались** :)* ekabu.ru/other/22777-dogonyalis.html; финитивно-результативные *Кабы Луке бы — да два каблука, **развыкаблучивался** бы.* (В. Мальчевский) www.grafomanov.net/poems/view_poem/112196/; *...мальчика из садика соседского везли в машине, он **извыкаблучивался**, а был не с мамой...* eva.ru>Архив>66/2007_4/929874.htm и др.

Наконец, глагол **соответствовать**, имеющий два ЛСВ, в одном значении ‘*Быть, находиться в соответствии с чем-л., отвечать чему-л.*’ имеет фазовую парадигму, функционирует с глаголами *начать, стать, продолжать, перестать* и употребляется с префиксами *по-, про-, недо-*. Например: *Попробуйте **посоответствовать** таким вот божественным стандартам!* aboutlevshinov.narod.ru/Turkish.Кудрявов.p.4.html; *Давайте будем считать, что Гонцица просто решила немного **посоответствовать** своему нуку.* www.rabotama.net/ab48/navg9/ms57.html; *Московское метро физически не способно **просоответствовать** высокому смыслу Дня без машин.* Блоги>..._shabaeva/711637-echo; *а я вот... **недосоответствовала**.* www.journals.ru/journals_comments.php...; *Ибо количество предрассудков зашкаливает, а количество мозгов **недосоответствует**.* tes3m.diary.ru/r46921025.htm?from=0 и т.д. Но в другом значении ‘*Совпадать по времени, приходиться на какое-л. время*’ является, как мы полагаем, одним из редчайших среди НСВ глаголом с **нулевой фазовостью**. Примеров его употребления в этом ЛСВ с фазовыми глаголами пока не найдено.

Из числа глаголов imperfectiva tantum, имеющих префиксальные дериваты, зафиксированные словарями русского литературного языка, мы проанализировали отдельные глаголы из разных семантических групп, выбранные случайно. Из всех перечисленных в начале статьи глаголов фазовые парадигмы имеют следующие: *пахнуть, гореть, командовать, стоять, лежать, сидеть, болеть, спать, молчать, думать, любить, тосковать, ухаживать, танцевать, искать, ждать*. Сравнительный анализ этих парадигм показал следующее.

Из 10 глаголов группы А1 (по классификации Ю. С. Маслова) «обычную» фазовую парадигму имеют глаголы *гореть* и *пахнуть*, при этом у глагола *гореть* парадигма многочленная, разветвленная, но неполная — включает 3 направления фазовости, нет одно- / многократности. У глагола *пахнуть* малочленная парадигма, всего 4 глагола, тоже 3 направления фазовости, но нет выраженной ограничительности (**попахнуть* какое-то время). В современном дискурсе префиксальные дериваты обнаруживают и глаголы *отсутствовать*, *соответствовать*, их «обычные» фазовые парадигмы неполные, однако с помощью аналитических средств эти глаголы активно передают все фазовые значения. То же можно сказать о глаголах *стоять*, *значить*, *зависеть*, которые имеют полную аналитическую фазовую парадигму. Остальные глаголы данной группы *весить*, *наличествовать*, *содержать* проявляют слабую фазовую валентность, сочетаются с ограниченным кругом фазовых глаголов, примеры таких сочетаний единичны. Глагол *весить* встречается только в значении начинательности (*стал весить*), *наличествовать* и *содержать* — наоборот, выражают только продолжение и завершение процессов.

Таким образом, на примере 10 глаголов из одной группы, выделенной Ю. С. Масловым на основании обозначения факта существования и наиболее общих свойств и качеств предмета, его количественных и качественных определений в отношении с другими предметами, можно сказать, что общих признаков в их фазовой парадигматике не проявляется.

Глаголы группы А2 обнаруживают большую семантическую близость: обозначая принадлежность лица к определенной общественной группе по роду занятий, должности и т. п., они не имеют в своих фазовых парадигмах глаголов с начинательными префиксами, однако легко передают данное значение аналитически (*начал / стал командовать*, *сапожничать*, *царствовать*, *заведовать* и т. п.).

В состав группы А3 входят разнородные глаголы. Здесь и глаголы положения тела человека в пространстве — *стоять*, *сидеть*, *лежать* (анализ их фазовой парадигматики представлен нами в статье [7]) и глаголы типа *болеть*, *спать*, *молчать*, *побаливать*. Естественно, что глаголы положения в пространстве обнаруживают большое сходство своих фазовых парадигм: начало процесса у них выражено либо аналитически, либо «предшествующими» глаголами *встать*, *лечь*, *сесть*, а одно- / многократная фазовость представлена многократными глаголами (*сиживать*, *леживать*, *стаивать* и некоторыми др.).

Глагол *молчать* имеет полную фазовую парадигму, в которой есть начальная фаза (*замолчать*) и явно выраженная однократность (*смолчать*, *промолчать*, *умолчать*, *замолчать (недостатки)*). Фазовая парадигма глагола *спать* отличается преимущественным выражением ограничительной и финитивно-результативной фазы, а у глагола *болеть* отсутствует выражение однократности. Глагол *бодрствовать* имеет только аналитическую фазовость. Таким образом, эта группа также объединяет весьма разнородные по своей фазовой семантике глаголы, а их характеристика как обозначающие состояние, «которое не предполагает даже в отдаленной перспективе каких-либо качественных изменений» [1, с. 79] применима ко всем неопределенным глаголам.

Группа А4 — глаголы чувств и эмоциональных состояний, по поводу которых Ю. С. Маслов сказал: «Нельзя **поненавидеть*, **полюбить некоторое время*, как и **пролюбить*, **проненавидеть всю свою жизнь* кого-нибудь и пр.» [1, с. 81].

Глагол *любить*, как известно, выражает с помощью префикса *по-* начальную фазу (*полюбил, почувствовал*), поэтому, естественно, не имеет с этим же префиксом (*по-*) значения ограничительности, но может передавать это значение лексически (*любил всю жизнь, любил какое-то время*). Что касается префикса *про-*, то в современном дискурсе широко употребительны глаголы *пролюбить* и *проненавидеть* со значением ограничительности и, как ни удивительно, достижения негативного результата (фазовое значение финитивности) либо однократности. Примеры: *Я вас люблю уж 10 лет так. И пролюблю ничуть не меньше.* kolapsshow.gallery.ru/; *Сердце влюбилось, любит оно, Сколько ему пролюбить суждено?* mariogur.livejournal.com. Есть примеры и из классической литературы: *Вот когда ты меня потеряешь, — а я долго такого не пролюблю...* (А. Н. Толстой); *Да, и у меня, кажется, достанет сил прожить и пролюбить всю жизнь...* (И. А. Гончаров) lib.com.ua/books/. *Пролюбить миллион, проиграть королеву, На зеленом сукне нацарапать молитву...* h.ua/story/15329/ — здесь глагол имеет фазовое значение конца, совпадающего с результатом (=потерять миллион). То же в контексте: *А ты пропил, проспал, проел свою бессмертную душу. Прожил, пролюбил, промотал, проглядел в кино.* Список>loveroem_1227.html. А вот и весь фазовый цикл: *Ну, как не полюбить, отлюбить и пролюбить!* www.antonim78.blogoda.ru/posts/440524.html.

Перейдем к глаголу *проненавидеть*: *Используя силу воли, заставьте прожить, продумать, продвигаться, проговорить, пролюбить, проненавидеть хотя бы три дня, как тот, выдуманный вами человек.* www.infocep.ru/articles/psychology/...; *нужно проненавидеть всех до конца.* .onlydif.diary.ru/...; *успела проненавидеть несколько сотен раз погоду* terania.beon.ru/...; *могу дать тебе повод проненавидеть меня за то, что я не люблю кошек и собак!* forum.md/Discuss.aspx?id=951165&page=15. Очевидно, в последних трех примерах приставка имеет вовсе не ограничительное, а однократно-результативное значение. Тем не менее, главное — глаголы *пролюбить* и *проненавидеть* легко употребляются носителями языка и выражают фазовые пределы, примеры не единичны. Таким образом, мы не можем согласиться с выводом Ю. С. Маслова о том, что «во всех этих случаях мысль вообще не мирится (...) с ограничением длительности протекания процесса какими бы то ни было рамками времени» [1, с. 81].

Фазовые парадигмы глаголов *любить* и *тосковать* имеют большое сходство: в них отсутствует одно- / многократная фазовость, однако есть выражение начала (только в сочетании с разными префиксами), ограничительности и завершения в сочетании с результативностью. Глагол *ненавидеть* в силу своей словообразовательной структуры имеет слабую префиксальную валентность, поэтому его парадигма малочисленна.

В группе А5 глаголы *ухаживать* и *танцевать*, имеющие полную фазовую парадигму. У глагола *танцевать* в нее входит 15 глаголов, выражающие все типы фазовых отношений. Глагол *ухаживать*, по данным словаря литературного языка,

имеет лишь один дериват СВ *поухаживать*, однако в речи носителей языка, отражаемой в Интернет, функционируют такие глаголы, как *отухаживать, заухаживать, разухаживаться, проухаживать, наухаживаться*.

Наконец, глаголы группы Б *ждать* и *искать* обнаруживают сходство в своей фазовой валентности: они не имеют начинательных и однократно- / многократных производных глаголов СВ, хотя легко могут выразить эти значения аналитически (*начал искать, стал ждать*). Различие заключается в том, что глагол *искать* имеет стандартное выражение ограничительности с помощью префиксов *по-* и *про-*, тогда как у глагола *ждать*, помимо этого, ограничительную фазу выражают и отдельные ЛСВ глаголов *выждать, обождать, переждать, подождать*, которые имеют в своих толкованиях элемент '*ждать некоторое время*' [2].

По классификации М. А. Шелякина [9], описываемые глаголы распределяются по следующим аспектуальным способам действия: **постоянно-наличный** (*отсутствовать, содержать, наличествовать*); **реляционный** (*зависеть, весить, стоить, содержать, соответствовать, заключаться*); **статальный** (*думать, ждать, лежать, стоять, любить, болеть, спать, пахнуть, тосковать, скучать*); **эволютивный** (*ухаживать, беседовать, танцевать*) и **постоянно-узуальный** (*голодать, командовать*).

Понятие способов действия базируется на обнаружении сходства в характере протекания и распределения называемого глаголами процесса во времени, т. е. на выражении фазовости обозначаемого процесса. Говоря о неопредельных глаголах, М. А. Шелякин подчеркивает их способность «характеризоваться только временными или локальными обстоятельствами, указывающими на соответствующую ограниченность их проявления» [9, с. 137 – 138]. Однако анализ фазовой парадигматики глаголов, объединенных в вышеперечисленные аспектуальные разряды, обнаруживает мало сходства между ними, причем именно в способах выражения протекания и распределения действия во времени. Следовательно, такое распределение глаголов НСВ по аспектуальным разрядам нуждается в уточнении.

Выводы. Исследование фазовых парадигм дает новые возможности семантического анализа и изучения словообразовательной (внутриглагольной) валентности различных ЛСГ глаголов. Проведенный анализ фазовой парадигматики ряда глаголов imperfectiva tantum показал, во-первых, несовершенство их классификаций; во-вторых, наличие фазовой валентности даже у одиночных и не имеющих глагольных дериватов глаголов, проявляющуюся в аналитических фазовых парадигмах; в-третьих, высокий словообразовательный потенциал у тех же глаголов, проявляющийся в современном дискурсе, и, наконец, практически полное отсутствие глаголов с нулевой фазовостью среди глаголов imperfectiva tantum.

Литература

1. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 840 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. — 2-е изд. — М.: Русский язык, 1981.

4. Соколов О. М. Имплицинтная морфология русского языка: монография / О. М. Соколов / Отв. ред. С. О. Соколова. — 2-е изд., испр. и доп. — Нежин: ООО «Гідромакс», 2010. — 184 с.

5. Титаренко Е. Я. Глаголы с нулевой фазовостью в русском языке / Е.Я.Титаренко // Русский язык и литература в школе и вузе: проблемы изучения и преподавания : [сб. науч. тр.] — Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. — С. 323 – 327.

6. Титаренко Е. Я. Фазовая парадигма русского глагола / Е. Я. Титаренко // Русский язык и литература: Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе: [сб. науч. тр.] — К., 2009. — С. 98 – 102.

7. Титаренко Е. Я. Фазовая парадигматика глаголов положения в пространстве / Е. Я. Титаренко // II международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы» — Т. 1: Доклады и сообщения / Guzman Tirado, R., Sokolova, L., Votyakova, I. (eds.) // ISBN: 978-84-8041-144-8 / — Granada, 2010. — С. 281 – 286.

8. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. / А. Н. Тихонов — Т. 1 – 2. — М., 1985.

9. Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола / М. А. Шелякин. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 272 с.

Титаренко Е. Я. Фазова парадигматика російських дієслів imperfectiva tantum.

У статті подані результати дослідження фазових парадигм російських дієслів imperfectiva tantum, що представляють основні розряди відомої класифікації Ю. С. Маслова, з метою порівняння їх фазової валентності.

Ключові слова: аспект, аспектологія, російське дієслово, дієслова imperfectiva tantum.

Tytarenko E. The phase-paradigm of the Russian verbs imperfectiva tantum.

In this article are presented results of the research of the phase-paradigms of Russian verbs imperfectiva tantum, that represent the main categories of a known classification of J. S. Maslov, with the aim of comparison of their valency.

Key words: aspect, aspectology, Russian verb, verbs imperfectiva tantum.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 179 – 185

УДК 821.161.1 – 7

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ПРОЗЕ Д. РУБИНОЙ

Т. Е. Трощинская-Степушина

*Витебский Государственный университет им. П. М. Машерова,
г. Витебск*

Статья посвящена исследованию языковых средств выражения комического в прозе Д. Рубиной. Приводится краткий обзор научных взглядов на комическое. На материале рассказа «В области слепящего света» анализируются языковые приемы создания комического эффекта в творчестве писателя, доказывається, что комическое является неотъемлемой чертой авторского идиостиля.

Ключевые слова: комическое, языковые средства, нестандартная сочетаемость слов, стилистический контраст.

Комическое, наряду с прекрасным, возвышенным, трагическим и героическим, представляет собой одну из наиболее значительных и в то же время весьма сложных категорий эстетики.

Цель данной статьи — дать краткий обзор научных взглядов на комическое и на конкретном материале (рассказе Д. Рубиной «В области слепящего света») проанализировать языковые и композиционные приемы создания комического, рассмотреть комическое как один из способов воздействия на реципиента.

Исследование комического имеет давнюю историю. Внимание к этой проблеме привлек еще Аристотель. Именно ему принадлежит одна из первых и самых известных дефиниций комического: «.. ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное» [1, с. 221]. Несмотря на чрезвычайное разнообразие последующих трактовок комического, большинство из них по существу лишь конкретизирует сказанное Аристотелем, называя в качестве основной характеристики комического ту или иную форму противоречия: «умственный контраст», «ощущаемый абсурд», «видимая нелепость».

Идеи Аристотеля трансформировались в литературе классицизма путем редукции миметического аспекта и акцентировании жанрового. На становление теории комического повлияло классицистическое разделение трагедии и комедии как высокого и низкого жанров, осуществленное Н. Буало [4, с. 37]. В эпоху Просвещения у теоретиков искусства и философов появляется опять интерес к комическим жанрам искусства, к смешному и смеху как действенным приемам воздействия на недостатки людей, их глупость и ошибки. Немецкие романтики акцентировали свое внимание на субъективной стороне комического и понятии иронии. Романтическая ирония (немецкий термин XVIII – XIX вв.) — оттенок (тип)

смеха, смех с «подводным течением», амбивалентный смех (направленный и на самого смеющегося, и на окружающий мир). Концепции романтической иронии противостоит идеалистическая эстетика Гегеля. Г. Гегель одной из характеристик комического признаёт ложность и противоречивость, «нечто в самом себе ничтожное». Кроме того, важнейшим свойством комического Гегель считает «мнимость», видимость, понимаемую им как претензию ничтожного на подлинность, субстанциональность [5, с. 573].

В развитии отечественных теорий комического можно выделить две определяющих традиции, окончательно оформившихся во второй половине XX века. Первая восходит к концепции Гегеля и представлена именами В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, А. В. Луначарского, Д. П. Николаева. Эта традиция рассматривает, прежде всего, отрицающий, сатирический смех, подчеркивая его особый, идеологически значимый статус в разрушении общественных иллюзий, отживших социальных норм. Вторая традиция делает акцент на утверждающем полюсе смеха, противопоставляя его идеологии, любому насилию и претензиям на истинность. Эта линия прослеживается в работах О. М. Фрейденберг, В. Я. Проппа, и окончательно оформляется у М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, А. М. Панченко. Граница между представленными концепциями подвижна: некоторые исследователи, например, Ю. Б. Боров, пытаются их объединить, исходя из принципа «исторической изменчивости идеала» [3, с. 239], с точки зрения которого какое-либо явление подвергается осмеянию.

В работах последних десятилетий выделяются следующие основные подходы к исследованию комического: исторический путь становления теории комического (труды А. Ф. Лосева, А. А. Аникста, М. Ф. Овсянникова); работы, в которых природа комического рассматривается как следствие противоречия, несоответствия, отклонения от нормы (труды Ю. Б. Борева, Л. В. Киселева, Е. Г. Яковлева); игровая линия, сводящая сущность комизма к игре (Т. Б. Любимова, Н. А. Дмитриева, Л. Е. Пинский); работы В. Я. Кирпотина, Д. П. Николаева, Я. Е. Эльсберга по теории сатиры. Таким образом, в большинстве рассмотренных подходов к определению комического его природа понимается как амбивалентная, т. е. содержащая в себе противоположные значения, смыслы, символы.

Роль комического в русской художественной прозе всегда была велика. Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Булгаков, И. Ильф и Е. Петров, М. Зощенко, А. Аверченко, С. Довлатов, Г. Горин, Т. Толстая — вот далеко не полный перечень выдающихся писателей разных исторических эпох, одной из основных черт которых являлось ярчайшее остроумие и, как следствие, — воплощение в творчестве различных форм комического — от добродушного юмора до острой социальной сатиры.

В ряду писателей рубежа XX – XXI вв. выделяется творчество Дины Рубиной. Жанровое разнообразие литературных сочинений Д. Рубиной — совершенно особая тема, достойная пристального внимания критики. Главная линия нынешнего этапа ее творчества, начавшегося пятнадцать лет назад, вскоре после переезда писателя в Израиль, ориентирована, прежде всего, на романы и повести — про-

изведения, принесшие ей заслуженную литературную славу. Книги «Во вратах Твоих», «Вот идет Мессия!..», «Последний кабан из лесов Понтеведра», романы «Синдикат», «На солнечной стороне улицы», «Почерк Леонардо» — те произведения Рубиной, о которых больше всего говорят читатели, пишет пресса, спорят критики. «Риск и мужество свойственны книгам Дины Рубиной, начисто лишенным признаков пресловутой «женской прозы». Ее ироничный — глубокий, ищущий — взгляд не удовлетворяется внешним обзором и исследует очевидное, открывая в нем доселе не узнанное», — пишет журналист «Независимой газеты» Л. Гомберг [6, с. 8].

Для анализа феномена комического в творчестве Д. Рубиной мы выбрали рассказ «В области слепящего света» из сборника «Несколько торопливых слов любви». Сборник состоит из нескольких новелл, как определила жанр «торопливых слов» сама Рубина. В словаре С. И. Ожегова под редакцией Н. Ю. Шведовой дается следующее определение новеллы: «Рассказ с необычным и строгим сюжетом, с ясной композицией» [8, с. 359], которое, по нашему мнению, точно характеризует специфику рассказов этого сборника. «Несколько торопливых слов о любви» — это тринадцать коротких любовных историй, чаще всего с несчастливым, иногда трагическим финалом. Тем более сложной и интересной представляется нам задача раскрыть механизмы, способы и средства возникновения комического в подобного рода художественных текстах. Ведь, казалось бы, ни о каком смехе не может идти речи в трагических обстоятельствах. Что же думает по этому поводу сама Д. Рубина? «Работа моя в основе своей трагикомическая. Я вообще не очень люблю чистоту жанра в интонации», — пишет она в одном из писем автору статьи, объясняя этот парадокс. Другими словами, в творчестве писателя, как и в жизни, нет места только трагическому или только смешному: какими бы красками ни писалась жизнь — «весь мир представляется смешным...» [2, с. 15], если это мир произведений Рубиной.

Попробуем это доказать на конкретном материале — первой новелле сборника. Она повествует о встрече двух уже немолодых людей, которая неожиданно перерастает в страстную любовь, прерванную взрывом самолета, следующего рейсом «Тель-Авив — Новосибирск». Рассказ начинается с появления героини на международной научной конференции, куда она, журналист, приехала собрать материал для статьи. Автор ведет повествование от третьего лица, и в то же время обстановку мы видим глазами самой героини: «В зале было темно: докладчик показывал слайды, слева от светящегося экрана угадывался смутный силуэт, и голос бубнил — запинаящийся высокий голос легкого заика». Нестандартные синтагматические сочетания «голос бубнил», «легкий заика» говорят о том, что героиня еще не «видит», не «распознает» своего героя: в ее восприятии это даже не человек, а просто безликий силуэт с небольшим дефектом речи. Сев в кресло, она думает с досадой: «Вот опоздала... Из выступлений на открытии можно было бы состряпать материал, теперь же придется высидеть несколько докладов вроде этой тягомотины. И где раздобыть программу, чтобы как-то ориентироваться в темах и именах; кто, например, этот зануда?». С помощью стилистических средств —

употребления грубо-просторечных слов «тягомотина», «зануда» — автор подчеркивает то состояние скуки, которое пока(!) испытывает героиня, и в то же время с юмором описывает зачастую оказывающийся скучным для неспециалистов «обряд» научных конференций. Ничто не предвещает не то что трагедии — просто события.

И вдруг: «...в области света неожиданно возникло лицо, вернее, половина лица, всегда более выразительная, чем банальный фас: высокая скула, правильная дуга брови и одинокий, нацеленный прямо на нее, молящий о чем-то глаз». Это уже начало «узнавания», выделения единицы из множества, и хотя иронический тон сохраняется, саркастическое «банальный фас» относится не к этому «заике», а ко всем остальным, другим, у него уже лицо с правильным профилем. Как и в анализируемом выше предложении, автор мастерски использует прием деперсонализации: «одинокий», пристально смотрящий, «молящий о чем-то» глаз, но и героиня, и вслед за ней читатель видят именно человека. Далее: «Несколько секунд рассеянное лицо персонажа мистерии качалось и смотрело на нее с пристальной мольбой, затем отпрянуло и погасло. Напряжение нарастает, появляются карнавальные мотивы («персонаж мистерии») и — пока не объяснимый, но уже осязаемый — мотив тревоги, предчувствие несчастья: у карнавального героя «рассеченное лицо» (но не только лицо «рассечено» надвое полосой света, но и все его существование окажется разделенным на жизнь до и после роковой встречи). Он оказался «невысоким неярким человеком средних лет», но это уже не имело никакого значения, как и ее удивление «по поводу его скромной внешности, столь отличной от того «трагического полулика, что был предъявлен ей в темноте». Все решено: Судьба начертала ей роковой поворот, и она бессильна перед ней, хотя и пытается сопротивляться: например, пытаясь беседовать на нейтральные темы, задает «спешно слепленный вопрос». Экспрессия этого словосочетания не только иллюстрирует то состояние паники и растерянности, которое испытывает героиня, — в нем и судорожная попытка избежать приговора судьбы, и понимание своей беспомощности перед ним. Вместе с тем нарушение семантической сочетаемости в словосочетании рождает и комический эффект, вызывая у читателя ассоциацию с детской игрой в снежки и одновременно рождая новые смыслы: получается, что героиня испытывает не только страх перед неизбежным, но и азарт, веселье, бешабашность - ведь именно эти эмоции переживают дети, увлеченно бросаясь друга в друга снежками!

Как только герои поняли, что их встреча не случайна, «все покатило симфонической лавиной, сминающей, сметающей на своем пути их прошлые чувства, привязанности и любви — все то, чем набиты заплечные мешки всякой судьбы». В данном примере абстрактное существительное «любовь» переходит в конкретное, т. е. любовь как символ главной ценности человеческой жизни в данном контексте, благодаря форме множественного числа, превращается в тяжесть, ношу, которую человек обречен — даже не носить — таскать с собой в «заплечном мешке». Автор таким образом подчеркивает неважность того, что случилось у его героев до их встречи и культивирует истинную, настоящую

Любовь, по сравнению с которой все остальное — лишь дежурное содержимое «запленного мешка». Данное предложение является также ярким примером того, как авторская экспрессия реализуется при помощи комического, возникающего в результате: 1) нестандартной сочетаемости слов: предметного и непредметного существительных («запленные мешки судьбы»); глагола физического действия и непредметных однородных существительных («мешки набиты» «чувствами, привязанностями и любовями»), т. е. объединения абсолютно разнородных явлений; 2) окказионального употребления абстрактного существительного («любовь») во множественном числе.

Далее героиня оказывается на даче ее матери, куда она «торопилась» починить неисправный кран, а он «любезно предложил» помочь. Причем то, каким образом они попали на дачу (после «пятнадцатиминутного пробега по обледенелой поселковой дороге к заглухшей на зиму даче» и «возни с замком, не желающим сдаваться замерзшему ключу») и бурное сближение (автор деликатно оставляет героиню наедине и остроумно-горько замечает: «В нашем возрасте от постельных сцен требуешь, по крайней мере, приличной постели. Так ведь и простудиться недолго...») — все эти перипетии описываются в присущей писателю ювелирно-иронической манере, если можно так выразиться, поскольку речь идет об очень тонкой материи — человеческих чувствах. В данном случае читатель не хохочет, как это часто бывает с текстами Д. Рубиной, он улыбается, радуясь счастью других: возникает определенная эмоциональная реакция, о которой речь шла выше.

Вскоре героиня переезжает с семьей в Израиль. Чтобы вновь увидиться с любимой, он приглашает ее на конференцию в Иерусалим, и «спустя несколько недель она вывалилась в аэропорту «Бен-Гурион» — в расстегнутой дубленке, с мохнатой шапкой в руке — прямо в солнечный средиземноморский декабрь» [7, с. 15 – 18]. Проанализируем это предложение более подробно, поскольку оно является ярким примером воплощения комического «по Рубиной», то есть комического и трагического одновременно. Если мы остановимся на словосочетании «вывалилась в... солнечный средиземноморский декабрь», то, с точки зрения синтагматики, можно отметить нестандартное сочетание глагола физического действия («вывалилась») с абстрактным существительным («декабрь»), благодаря которому и рождается комический эффект. Кроме того, этот глагол использован «неправильно» и с точки зрения морфологии, поскольку «вывалиться — упасть откуда-либо (при непрочном положении, при толчке и т. д.)» [9, с. 320], а у Рубиной — «вывалиться **в...**», а не **из**. Думается, автор, используя нестандартное сочетание обычных лексем и помещая их в несвойственный для них контекст, намеренно акцентирует внимание читателя на том, что наиболее достоверно отражает состояние души героини: она действует противно разуму — в этом смысле ее положение шатко и непредсказуемо, — но идет на безрассудство по велению сердца: ее душа не погружается, а именно «вываливается» в Любовь. Другими словами, автору сейчас важнее показать, где оказалась героиня, а не откуда.

Несмотря на трагическую развязку, — самолет, на котором героиня летит в Новосибирск, разбивается, — рассказ не оставляет у читателя чувства безнадеж-

ности, скорее, — щемящей, светлой грусти. Думается, автору удастся это и благодаря глубокому знанию жизни, и специфической манере письма, и, безусловно, использованию различных видов и приемов комического. Автор утверждает, что в жизни нет места однозначности, она многоцветна, непредсказуема и уж точно стоит того, чтобы ее прожить.

Таким образом, ироническая направленность данного рассказа предопределила как выбор жизненной ситуации, так и языковых средств и приемов, которые были эстетически преобразованы автором. Для создания комического эффекта Д. Рубина использует нестандартную сочетаемость слов («состряпать материал», «легкомысленная куртка», «линялая изжелта болонка», «хрипло задыхающаяся пауза») и стилистические средства, т. е. стилевые контрасты («Дверь со скрипом отверзлась, и они ввалились на застекленную веранду...», «ее уволакивал роскошный эскалатор» и др.). В ее творчестве комическое играет серьезную роль, поскольку оно не просто результат неожиданного контраста, а средство раскрытия противоречий, необходимое для более полного понимания художественного произведения. Цель комического эффекта у Д. Рубиной — вызвать отрицательное отношение к злу, пошлости, жизненным стандартам и стереотипам, чего она блестяще и добивается, лингвистически-талантливо используя весь арсенал языковых средств, предоставленных системой языка художественной литературы.

Ещё Аристотель отметил, что смеяться свойственно только человеку. Истина это равно применима к отдельным индивидам, целым обществам и эпохам, а также к национальному характеру, как это обнаруживается и в искусстве. С полным правом можно говорить о «геркулесовой работе смеха» [2] (М. Бахтин) в истории культуры по освобождению человеческого сознания от всякого рода ложных страхов, навязанных культов, отживших авторитетов и кумиров, то есть о духовно-терапевтической роли комического в быту и в искусстве.

Литература

1. Аристотель. — Риторика. Поэтика. М.: 2000 — 221 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — М.: 1965.
3. Боров Ю. Б. Комическое / Ю. Б. Боров. — М.: Искусство, 1970. — 239 с.
4. Буало Н. Поэтическое искусство / Н. Буало / Под ред. А. А. Смирнова. — М.: 1957. — 37 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4-х т. Т.3. — М.: Искусство, 1971.
6. Гомберг Л. Е. Сокровенное чувство со-крови / Л. Е. Гомберг // Международная еврейская газета. — 1998. — №19.
7. Рубина Дина. Несколько торопливых слов любви / Дина Рубина. — М.: Эксмо. — 2005. — С. 11 – 18.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. / С. И. Ожегов — 20-е изд., М.: Рус. яз., 1989. — 359 с.
9. Словарь русского языка под ред. С. Г. Бархударова в 4-х т. Т.1 — М.: 1957. — 320 с.

Трощинська-Степушина Т. Е. Мовні засоби вираження комічного в прозі Д. Рубіной.

Стаття присвячена дослідженню мовних засобів вираження комічного в прозі Д. Рубіной. Приводиться короткий огляд наукових поглядів на комічне. На матеріалі розповіді «В області сліпучого світла» аналізуються мовні прийоми створення комічного ефекту в творчості письменника, доводиться, що комічне є невід'ємною межею авторського ідіостіля.

Ключові слова: комічне, мовні засоби, нестандартна сполучність слів, стилістичний контраст.

Troshchinskaya-Stepushina T. Linguistic means to express the comic in Dina Rubina's prose.

The article is dedicated to the study of the linguistic means to express the comic in Dina Rubina's prose. The general survey of scientific views on the comic is given. On the material of the story "V Oblasti Slepuyashcego Sveta" linguistic methods to create comic effect in the writer's work are analysed, it is proved that the comic is an integral feature of the author's ideostyle.

Key words: the comic, linguistic means, non-standard word combining, stylistic contrast.

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 186 – 191

УДК 070: 316. 423. 3 (477. 74) «1905»

ОДЕСЬКА ЖУРНАЛІСТИКА В ПЕРІОД ПЕРШОЇ РОСІЙСЬКОЇ РЕВОЛЮЦІЇ

О. І. Хобта

*Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
м. Одеса*

У статті розглянуто особливості розвитку одеської періодики XIX – початку XX ст., простежено динаміку появи нових періодичних видань, тривалість їх виходу й становлення типологічного ряду; окреслено основні тенденції становлення преси.

Ключові слова: динаміка, класифікація, традиції, періодичне видання, типологічний ряд.

У сучасному українському журналістознавстві актуальним є проведення наукових досліджень у галузі історії журналістики, в яких, на основі історико-аналітичного аналізу у поєднанні з хронологічно-бібліографічною описовістю видань розглядалися б специфічні особливості розвитку української преси в окремих регіонах, так званих «культурних гніздах» — великих містах, що були центрами духовного та культурного життя країни. На часі створення репертуару української та іншомовної періодики, що виходила на українських землях, адже лише маючи такий показник можливо визначити основні тенденції як якісного так і кількісного розвитку журналістики в Україні і усвідомити цей процес як систему.

На початку 90-х р. XX ст. помітно активізується робота науковців у галузі історії української журналістики, з'являються перші комплексні дослідження регіональної періодики, створюються бібліографічні показники («Періодичні видання Катеринослава та Катеринославської губернії (1838 – 1917)»). Науковцями розпочато серйозну і перспективну роботу над створенням анотованих показників регіональної періодики України, окремої уваги тут заслуговують праці Н. Сидоренко, О. Шкільної, Л. Сніцарчук, М. Романюка, І. Михайлина та ін. З'являються в цей період й наукові монографічні дослідження присвячені розвитку одеської періодики, зокрема як окрему цілісність розглядає періодика Одеси другої третини XIX ст. І. Гребцова. Незважаючи на пошавлення наукового інтересу до одеської журналістики, деякі її аспекти залишаються ще малодослідженими, зокрема не розглядалася системно преса Одеси XIX – XX ст., не досліджувалися взаємозв'язки та закономірності її розвитку, як і багатьох інших регіонів.

Мета дослідження — окреслити тенденції розвитку журналістики Одеси в період Першої російської революції, простежити динаміку розвитку періодики від часів її зародження (1809 р.) до 1905 р., застосувавши порівняльно-історичний метод. Обравши об'єктом дослідження масив періодичних видань, що побачили світ у досліджуваній період в Одесі, ми обмежилися проведенням кількісного

аналізу, поклавши в основу роботу з покажчиками й картотеками як вітчизняних, так і закордонних бібліотек та архівів [2; 3; 4]. Такий підхід, на нашу думку, гарантує найменшу репрезентативну похибку результатів дослідження, відрізняється об'єктивністю і є необхідною передумовою проведення якісних досліджень. Категоріями підрахунку були обрані рік, тривалість, періодичність виходу та тип видань.

Пошук і дослідження періодичних видань Одеси ускладнюється тим, що часописи здебільшого зосереджені у фондах різних бібліотек, найчастіше більш повні колекції зберігаються за межами нашої держави — у Російській державній бібліотеці (Москва) і Російській національній бібліотеці (Санкт-Петербург). Деякі часописи, як зазначає Н. Сидоренко, наявні у книгосховищах Європи (Чехія, Великобританія, Франція) й американського континенту (США, Канада) [7].

Крім того, остаточно не з'ясована кількість видань, що виходили в Одесі протягом XIX – на початку XX ст. Н. Сидоренко під час роботи з покажчиками, картотеками кількох провідних бібліотек України й Росії, а також Чехії, Канади і США виявила 466 видань, що виходили в Одесі. Однак, як зазначає дослідниця, поки що ці показники досить рухливі, адже триває пошук бібліографічних даних і примірників видань [7]. Ф. Самойлов, М. Скрипник та О. Ярещенко зазначають, що в Одесі видавалось у 1905 – 1913 рр. понад 40, а в 1913 – 1914 рр. — 60 місцевих газет [5]. За даними С. Рубінштейна у 1917 р. в Одесі світ побачили 111 періодичних видань [4].

Проаналізувавши динаміку появи нових періодичних видань у досліджуваній період, ми отримали такі результати: на етапі зародження періодичної преси нові видання з'являлися в Одесі несистематично. Так, у 1830, 1831, 1833, 1837, 1844 рр. — по одному; 1839, 1840 рр. — по два; з 1844 р. до 1855 р. — жодного. Ситуація змінюється в другій половині 60-х рр. XIX ст., періодичні видання засновуються майже щороку від одного до трьох, що вочевидь пов'язано із епохою реформ уряду Олександра II. На етапі становлення періодичної преси в місті великою популярністю серед одеситів користувалися столичні й іноземні видання. Так, у другій половині 50-х рр. в Одесі зі стотисячним населенням передплачували 40 найменувань столичних і 38 закордонних періодичних видань, на початку 60-х рр. московських — 90 і петербурзьких — 100, іноземних 75 [1, 28 – 29]. І нарешті з 1880 р. заснування нових органів періодичного друку в місті активізується, так нові видання (від одного до семи) з'являються щороку. В 1905 р. кардинально зростає випуск новоутворених періодичних видань з подальшою динамікою росту, у цей час відбувається перерозподіл періодики за регіонами: за темпами зростання на перший план вийшла провінційна преса. Так, у 1905 р. світ побачило 13 нових періодичних видань, у 1906 р. — 48, у 1907 р. — 27, у 1908 р. — 30, 1909 р. — 48, 1910 р. — 40, 1911 р. — 36, 1912 р. — 30, 1913 р. — 33, 1914 р. — 30, 1915 р. — 19, 1916 р. — 12, 1917 р. — 83.

Аналіз тривалості виходу періодичних видань Одеси засвідчує, що ті поодинокі періодичні видання, що з'являлися в XIX ст., особливо в першій половині, виходили багато років поспіль, тоді як на початку XX ст. кількість довготривалих видань значно зменшилась. Низка видань, започаткованих у першій половині XX ст., вихо-

дили від 30 до 80 років. Так, «Прейс-курант...», «Ведомости одесского городского общественного управления», «Новороссийский телеграф», «Одесский листок» виходили 40 років поспіль; «Ведомости Одесского градоначальства», «Записки императорского общества сельского хозяйства южной России», «Протоколы заседаний общества одесских врачей» — 50 років; «Одесский вестник» — 70 років. Видання, що засновувались у другій половині XIX ст., відзначаються меншою тривалістю життя, що пропорційно зменшувалась із наближенням до 1917 р. Характерною рисою періодичних видань 1905 р. є короткотривалість виходу періодичних видань. Так, із 13 періодичних видань, що побачили світ в 1905 р. припинили існування в цьому ж році — 8, виходили і в 1906 р. — 4 (2 з яких побачили світ на межі 1905 – 1906 рр. в обсязі кількох номерів), і лише 1 періодичне видання функціонувало до 1914 р. Крім того, слід зазначити, що багато періодичних видань, що засновувались у цей період були одноденками: «Звон», «Зерна», «Знамя», «Известия Одесского Союза рабочих депутатов», «Известия партии народной свободы».

Проаналізувавши розвиток типологічного ряду, ми отримали такі результати. Першим періодичним виданням Одеси було видання, що мало на меті задовольняти потреби торгівлі в молодому портовому місті — «Прейс-курант приходящим в Одесу иностранным товарам и исходящим российским товарам». Другою газетою Одеси було видання, яке теж мало на меті задовольняти потреби комерсантів: «*Messenger de la Russie meridionale, ou feuille commerciale publice avec l'autorisation du gouvernement*» («Вестник Южной России, или Коммерческий листок, издаваемый с позволения начальства»). В 1927 р. з ініціативи М. С. Воронцова видається суспільно-політична двомовна газета «Одесский вестник» — «*Journal d'Odessa*». Активізація типологічного розвитку періодичного друку Одеси спостерігається в 30 – 40 рр. XIX ст., зароджуються такі типи видань: літературні альманахи й збірники: «Литературные листки: прибавления к «Одесскому вестнику», видання наукових товариств: «Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей»; у кінці 50-х – на початку 60-х рр. продовжує розвиватися літературна й наукова періодика та з'являється низка нових типів видань: відомча — «Листок Русского общества пароходства и торговли», політично-економічно-літературна — «Новороссийский телеграф», науково-літературні — «Южный сборник», офіційна — «Известия», «Ведомости одесского градоначальства»; видання преси етнічних груп — «День: орган русских евреев»; у 70-х рр. юридична: «Судебный сборник», довідкова — «Одесский листок объявлений», медична — «Труды врачей Одесской городской больницы»; у 80-х рр. гумористичні видання — «Шут гороховый», сільськогосподарські — «Жатва», дитяча — «Иллюстрированный детский музыкальный мир», педагогічна — «Школьное обозрение»; у 90-х — театральна — «Театр», учнівська — «Зарницы». Отже, в другій половині XIX ст. активно розвивалась періодика в Одесі, особливо її типологічний ряд, зародились такі типи видань: літературні видання, літературно-суспільні, суспільно-політичні, наукові видання, сільськогосподарська й медична преса, дитячі, музичні й рекламно-довідкові видання.

Якісні й кількісні зміни в одеській журналістиці відбуваються починаючи з 1905 р. Виразні ознаки одеської журналістики цього періоду: в Одесі вперше були

здійснені спроби видавати газети українською мовою, зароджується партійна, студентська й військова преса, спостерігається вибух спеціалізованої преси, вперше видається сатиричний журнал «Звон». Тривалий час в Одесі не існувало жодного україномовного періодичного видання, співвідношення російських і українських часописів до 1917 р. в Одесі та Херсонській губернії майже 800 до 12 [6]. Україномовні газети вперше побачили світ у 1905 р.: газети «Вісти» і «Народна справа», що були заборонені після перших номерів. Заборонялися й науково-популярні та просвітницькі україномовні часописи. Так, до читача не дійшли місячник «Лікарський порадник», щотижневик «Нова Україна», двотижнева вечірня газета «Новини», проекти яких не були реалізовані. Справжньою подією для українського читача став вихід вісника письменства, науки й громадського життя «Основа» у серпні 1915 р.

Особливістю інформаційної ситуації під час Першої російської революції була поява легальної партійної журналістики: «Известия Одесского Союза рабочих депутатов», «Известия Партии народной свободы», «За царя и родину». Нова політична ситуація призвела до спроб видавати студентську періодику. Так, у листопаді 1906 р. виходить перше число щоденної газети «Студенческая мысль», у грудні припинене генерал-губернатором з огляду на шкідливе скерування. В наступних роках продовжується поступовий розвиток студентської преси, до 1917 р. видаються більше 10 газет і журналів розрахованих на студентів: орган всеросійського академічного союзу студентів «Академист», орган академічної корпорації студентів Новоросійського університету «Академист-корпорант», щомісячний науково-суспільний, літературно-художній й ілюстрований журнал «Alma-mater» тощо.

Характерною ознакою періоду є поява військових видань, що озаменувалась виходом у 1907 р. щомісячника «Воинская повинность». Подальший розвиток військової журналістики пов'язаний з подіями Першої Світової Війни, коли видавалися «Военный вестник штаба армии» (1914) та щоденна газета «Война и мир» (1916).

Спрощення процедури отримання дозволу на впровадження періодичних видань і скасування попередньої цензури в 1905 р. породило в наступних роках вибух спеціалізованої преси в галузі журналістики. В цей період активізується видання наукових, медичних, сільськогосподарських, театральних, дитячих й музичних видань. Типологічний ряд поповнюється релігійними: «Баптист», «Вождь», «Зерна»; туристичними: «Кюяльницький курортный листок», весільними: «Брачный союз», «Брачный листок», «Брачный вестник», «Брачная газета Юга»; спортивними: «Бега и скачки», «Бега», жіночими: «Женская газета», фотографічними «Русский фотографический вестник», фінансово-промисловими: «Вестник текстильной промышленности», будівельними: «Вестник строительства и домовладения», кінематографічними: «Кинематограф».

Отже, простеживши шлях розвитку періодичних видань Одеси, зацентрувавши увагу на тривалості їх виходу й становленні типологічного ряду, можна окреслити основні тенденції розвитку одеської журналістики. Періодична преса в місті зароджується на початку XIX ст. у 1809 р. з появою спеціалізованого торговельно-

го видання «Прейс-курант приходящим в Одесу иностранным товарам и исходящим российским товарам». В 30 – 40-х рр. XIX ст. починає розвиватися приватна періодика з появою літературних альманахів й збірників, видань наукових товариств.

Активізація в розвитку періодичної преси Одеси помічається в кінці 50 – 60-х рр. XIX ст. Ця тенденція поступово наростає до кінця XIX ст. В другій половині XIX ст. відбувається процес становлення системи періодичного друку Одеси, що виявляється в динаміці появи нових видань (від 1 до 7 на рік) та розширенні типологічного ряду (літературно-суспільні, суспільно-політичні, наукові видання, сільськогосподарська, медична, дитяча й музична преса, рекламно-довідкові видання).

Якісних й кількісних змін зазнає одеська періодика починаючи з 1905 р., по-перше, кардинально зростає випуск новоутворених періодичних видань (13), посилюючись у наступні роки: в 1906 р. — 48, в 1907 р. — 27, в 1908 р. — 30, 1909 р. — 48, 1910 р. — 40, 1911 р. — 36, 1912 р. — 30, 1913 р. — 33, 1914 р. — 30, 1915 р. — 19, 1916 р. — 12. По-друге, характерною особливістю періоду є короткотривалість виходу періодичних видань (видання-одноденки). По-третє, типологічний ряд поповнюється партійними, релігійними, сатиричними, кінематографічними, військовими, туристичними, весільними спортивними, студентськими, жіночими, фотографічними, фінансово-промисловими виданнями. Вперше в Одесі були здійснені спроби видавати газети українською мовою.

На жаль, поза нашою увагою залишились іншомовні періодичні видання Одеси (французькі, німецькі, польські, румунські, єврейські тощо), що активно видавались у досліджуваній період. Крім того, необхідно усвідомлювати «рухливість» вказаних цифрових даних, адже як показує досвід проведення досліджень у галузі історії журналістики, поки триває пошук бібліографічних даних і примірників видань, у будь-який момент дослідникові може пощастити знайти нову невідому періодичну одиницю.

Література

1. Гребцова И. С. Периодическая печать в общественном развитии Южного степного региона Российской империи (вторая треть XIX в.): [монографія] / И. С. Гребцова. — Одеса : Астропринт, 2002. — 408 с.
2. Ігнатенко В. Бібліографія української преси (1816 – 1916): [бібліогр. покажч.] / В. Ігнатенко. — Харків: Держвидав України, 1930. — 286 с.
3. Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703 – 1903: [библиогр. указ.] / Н. М. Лисовский. — Пг., 1915. — 356 с.
4. Рубінштейн С. Одеська періодична преса років революції та громадянської війни (1917 – 1921): [бібліогр. покажч.] / С. Рубінштейн. — Одеса, 1929. — ЛІ с.
5. Самойлов Ф. О., Скрипник М. О., Ярещенко О. Т. Одеса на зламі століть: Кінець XIX – початок XX ст. : [історико-краєзнавчий нарис] / Ф. О. Самойлов, М. О. Скрипник, О. Т. Ярещенко. — Одеса : Маяк, 1998. — 232 с.
6. Сидоренко Н. Голос громадянства / Н. Сидоренко // Потужна сила рідного слова: [науково-джерелознавче видання] / Упоряд. Н. М. Сидоренко. — Полтава: «РІК», 2005. — С. 9 – 15.

7. Сидоренко Н., Холодова В. Періодичні видання Одеси та Херсонської губернії (XIX – поч. XX ст.) / Н. Сидоренко, В. Холодова // Українська періодика: Історія і сучасність: [доповіді та повідомлення сьомої всеукраїнської наук.-теор. конф. 17 – 18 травня 2002 р.]. — Львів, 2002. — С. 80 – 87.

Хобта Е. И. Одесская журналистика в период первой русской революции.

В статье рассмотрены особенности развития одесской периодики XIX – начала XX ст., прослежена динамика появления новых периодических изданий, продолжительность их выхода и становление типологического ряда; сформулированы основные тенденции становления прессы.

Ключевые слова: динамика, классификация, традиции, периодическое издание, типологический ряд.

Khobta H. The journalism of Odessa of the period of the first russian revolution.

This article contains analysis of progress and development characteristics of periodicals in Odessa in the XIX – beginning of the XX centuries. This analysis includes dynamics monitoring of new periodicals, their publishing term and typological line establishment; the fundamental tendencies are formed.

Key words: dynamics, classification, traditions, periodicals, typology.

Статья поступила в редакцию 9 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 192 – 198

УДК – 811. 161. 1'373.23

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ГЕШТАЛЬТ: ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ, ПРИНЦИПЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ

А. В. Ходоренко

*Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара,
г. Днепропетровск*

В статье показаны особенности лингвистического гештальта; предпринята попытка сконструировать принципы и дать определение лингвистическому гештальту на примере наименований групп лиц.

Ключевые слова: концепты, концептуальность, когнитивные модели, метафора, гештальт, хронотоп

Как замечает В. М. Телия, гештальт «еще не получил ни в лингвистике, ни в других науках ... не только общепризнанной дефиниции, но и вообще не освоенный как инструмент концептуального аппарата. Вместе с тем есть все основания считать, что эта сущность осознается как такая носителями языка, когда они используют образно мотивированные наименования — не только фразеологизмы, но и слова» [5, с. 145].

Образно мотивированные номинации часто называют вторичными наименованиями. Результаты нашего исследования подтверждают наблюдение В. М. Телии, согласно которым вторичная номинация использует инструмент метафоризации. Метафора предусматривает взаимодействие двух систем признаков: признаков объекта, который вошел в назывательный замысел, и признаков объекта вторичного наименования, что «исчерпываются» из метафоры, то есть «входят в подобие» к обозначаемому номинации. Иначе говоря, можно говорить о двух типах мотивированности вторичных наименований: мотивированности буквальным значением образной составляющей части номинации и мотивированности, создаваемой ассоциативно парадигматическими отношениями, в которых прослеживается стержневая метафора.

Такой подход совмещает доработки концептуально метафорической модели, в соответствии с которой мотивация основывается не на конкретных визуальных представлениях, спровоцированных буквальным прочтением номинации, а на абстрактных способах интерпретации одних сущностей в сроках других и модели интерференции, в соответствии с которой вторичные номинации вызывают в сознании индивида обиды, которые основываются исключительно на прямых значении уже существующих имен, обиды, которые не зависят ни от метафорической модели, ни от актуального значения имени.

Гештальт является особенным, более высокоорганизованным видом когнитивной структуры, которая соединяет в себе чувственное и рациональное в их единстве и целостности. Это результат нерасчленяющего восприятия ситуации, высший уровень абстракции, недискретное, неструктурированное знание, расположенное вне категориальных пределов естественного языка, но реконструированное на основании языковых средств. Гештальт совмещает все возможные ровные организации концептуальной информации, тесно переплетенные в речево-умственной деятельности человека: образный, схематический, фреймовый, сценарный или разные комбинации этих уровней [5].

Значение образно мотивированных номинаций структурировано на основании взаимодействия двух типов фреймовых структур (типы фреймов поданы по С. А. Жаботинской): таксономичного фрейма, который опирается на типичное представление, и компаративного фрейма, который опирается на гештальт [2].

Все свойства восприятия в гештальтпсихологии — константы, фигура, фон, — вступают в отношения между собой и представляют гештальт.

Главным условием, необходимым для того, чтобы сформировать и завершить гештальт, есть способность человека осознавать себя и свою доминирующую потребность на данный момент. Осознание и сосредоточенность на потребности является важным принципом гештальт-терапии, который получил название «здесь и в настоящий момент». В этой связи мы говорим о «хронотопе» (термин А. А. Ухтомского «хронотоп»; термин также активно используется в работах М. М. Бахтина) ономастических единиц нашего фактического материала (наименований групп лиц, в дальнейшем НГЛ). Хронотопичность языкового феномена НГЛ, как и любого языкового феномена — это проявление принципа гештальта «здесь и сейчас». Хронотопичность — это сообразность актуальным обстоятельствам, в терминах гештальтпсихологии — это некая взаимосвязь между фигурой и фоном, которая занимает центральную позицию среди понятий гештальтпсихологии.

Феномен гештальта раскрывается благодаря таким аспектам, как взаимосвязь дискретного и недискретного, применение образного выражения идеи, а также первичности некоего протосимволического знания. Гештальт совмещает все возможные ровные организации концептуальной информации, тесно переплетенные в речево-умственной деятельности человека: образный, схематический, фреймовый, сценарный или разные комбинации этих уровней.

Гештальт принимает участие в категоризации, взаимодействуя с денотатом-прототипом, и осознается как предметный образ, ситуация или абстрактное знание.

Наша задача показать, как реализуется гештальт. Ниже мы покажем составляющие гештальта. Первое — это фрейм, виды фреймов.

В нашем исследовании мы разделяем понятия гештальта и фрейма, которые некоторыми учеными отождествляются и рассматриваются как одно и то же явление. Ниже мы приводим некоторые теоретические предпосылки, которые позво-

ляют нам говорить о разности понятий и отличиях между понятиями гештальта и фрейма.

В первой половине 20 столетия значительное влияние имела гештальт-психология. Гештальт-психологи обратили внимание на то, что наше восприятие внешнего мира базируется на выявлении целостных образований, комплексов, которые называли гештальтами. В глаз человека из внешнего мира поступает лишь поток света разной интенсивности и цвета, но мы на улице видим не набор пятен разного цвета, а дома и деревья, людей и машины. Сами гештальт-психологи не сумели дать правильную интерпретацию процесса восприятия, но они акцентировали внимание на важнейшем психологическом феномене. И одна из его интерпретаций заключается в том, что мы воспринимаем мир в результате того, что мы всегда имеем предшествующие знания, организованные в определенные целостные структуры. Текущее восприятие — это лишь активация еще более общих знаний, которые уже есть в голове человека. Знания о мире формируются с момента рождения и на основе врожденных общих предпосылок к восприятию внешнего мира. Младенец от роду способен различать светло и темно, движение и неподвижность, тепло и холод, голод и сытость, влажность и сухость. С первых дней своей жизни он знакомится с определенным комплексом взаимоувязанных восприятий, с определенным подвижным теплым объектом, который отстраняет чувство голода и дискомфорта от мокрых пеленок. Позже ребенок назовет его «матерью». Это один из самых первых гештальтов — целостной структуры, которая состоит из совокупности элементов.

Структура знаний может формироваться как от конкретного к общему, так и наоборот. Чаще чувственное знание формируется от общих категорий к конкретным. Словесные знания чаще формируются от конкретного к общему. Например, ребенок давно ест помидоры, огурцы, редис и знает их названия, и только впоследствии называет это — овощи. Любой момент восприятия внешней информации базируется на совокупности тех элементов модели мира, которые уже в ней существуют. Когда мы читаем новое слово, его восприятие базируется на активации букв, которые есть в нашей модели мира. Так же объяснение нового понятия строится на совокупности старых известных сроков.

Наша работа уделяет большое значение самому понятию гештальту — обобщенных образов, которые становятся предпосылкой мгновенной интерпретации воспринимаемого, преломляется в когнитивном аппарате индивида и облекается в языковую форму (в данном случае языковую форму ономастической единицы НГЛ).

Мы предлагаем следующий анализ на примере НГЛ (наименование интернетовской группы) *МЫ В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО ПРИРУЧИЛИ*.

Такое наименование можно представлять в виде фреймовой иерархии или системы фреймов. Мы утверждаем также, что связи, полнота связей в этой системе есть гештальт. Категория «любимые» будет находиться на подуровне иерархии фреймов, высший уровень — категория «любовь» со слотами: «привязанность», «ответственность», «понимание нужд тех, кого мы любим»; следующий уровень

фреймовой иерархии можно представлять как категорию «потребности» с последующим развертыванием её в слоты: «потребность в пище», «потребность в пище духовной».

Понятие фреймов было предложено М. Минским для описания «типичного». Поэтому фреймы изображают в виде сети свойств, признаков (слотов). Если они не конкретизированы, то это — фреймы-образцы или прототипы; если указаны конкретные значения слотов, то это — фреймы-экземпляры.

Фрейм — конструкт гештальта, или даже более узкое понятие этого феномена. Понятийные/семантические или нейронные (в дальнейшем мы будем пользоваться именно этим термином) сети и фреймы по большей части были рассмотрены в трудах, посвященных искусственному интеллекту. Принцип их работы: любое понятие, которое существует в базе знаний человека, можно представить себе как «узор» фреймов, из десятков более конкретных фреймов и — сотни слотов.

Например, если рассмотреть наименование интернетовской группы *Сон Лемура*, то он будет содержать фрейм «творчество» (поскольку группа посвящена творчеству группы «Сон Лемура»), а также фрейм «поклонники», фрейм «экзотические животные». Фреймы можно представить как цепи слотов и связей между ними. Такая система связей — это семантическая или условная нейронная сеть, принципом построения которой есть гештальт, а принципом построения языковых единиц в системе — лингвистический гештальт.

Для того, чтобы показать развернутую условную нейронную цепь, как мы её называем, или семантическую сеть фреймов, в более привычной терминологии, возьмем пример наименования интернетовской группы лиц *ГИАДЫ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ*. Приняв во внимание обсуждаемые проблемы в данной группе, можно сконструировать примерно такую нейронную сеть возникающих ассоциаций (см. схему на с. 196). (Ассоциации формируются в ассоциативной коре головного мозга).

Для описания ситуаций действия используются структуры акциональных фреймов, которые отображают разные типы взаимосвязей между элементами. С этой целью в теории Дж. Лакоффа были предложены так называемые пропозиции. Самым простым их элементом является связь «субъект» (S) — «предикат» (P). Субъект — это то, относительно чего сделано определенное утверждение, предикат, — это то, что о субъекте утверждается. Обычно грамматический субъект — это подлежащее, которое выражено существительным, предикат — сказуемое, выраженное глаголом. Например, субъект — «понедельник», предикат — «начинается с...», а целостно Понедельник начинается с ... работы :

Похожий подход был предложен в лингвистике. Ч. Филлмор в своих трудах выделил следующие роли элементов:

1) агент — одухотворенный инициатор действий, которые описаны, как правило, глаголами. В примере интернетовской группы *Приглашаю к столу* агентом выступает подразумеваемое лицо «Я», на что указывает личное окончание первого лица единственного числа глагола «приглашаю»;

2) контрагент — сила, против которой направлено действие (Сезон Бикини. Скажи Целлюлиту НЕТ!);

3) объект — вещь или сущность, которая перемещается или изменяется, положение или существование которой является предметом внимания *Меняю Обмен ВСЕГО (вещи, одежда и др.)*;

4) место — физическое тело, которое чувствует непосредственное влияние со стороны деятеля *стероиды и бодибилдинг*;

5) адресат — лицо, в интересах которого или во вред которому происходит действие *Требуется переводчик в Мюнстее*;

6) пациент — вещь, которая чувствует эффекты действия *CorpBL — поиск партнёров по бизнесу*;

7) результат — вещь, которая возникает в результате действия *Сувениры из бересты*;

8) инструмент — стимул или непосредственная физическая причина действия *Обойти конкурента!*;

9) источник — исходное состояние объекта к выполнению действия. *Назад в Россию! Погостили и хватит!*

При любом восприятии той или другой ситуации, благодаря сложной структуре знаний, мы всегда готовы сразу понять множественное число ее особенностей, которые невозможно наблюдать в отдельно взятый момент. Речь идет о том, что ассоциативных связей может быть огромное множество и восприятие одного и того же НГЛ может варьироваться у разных реципиентов в соответствии с их когнитивными особенностями.

Например у замужней и незамужней женщины или у людей, побывавших и не бывавших за границей, ассоциации и семантические цепи при восприятии, например, НГЛ (наименование интернетовской группы *Жены немецких немцев, или за морем житье не худо?*) может вызывать такие ассоциативные фреймы, которые будут прямо противоположными друг другу: «блаженство», «достаток», «безмятежность», «проблемы с деньгами», «дороговизна», «разница в национальном мироощущении», «отсутствие общего исторического прошлого», «любовь по контракту», «языковой барьер» и т. д. Развертывание фреймов должно проходить с учетом типов личности, воспринимающих какой-либо языковой стимул.

Труды из моделирования мышления в кибернетике привели к более детальным описаниям структур знаний. Современные системы искусственного интеллекта теперь замечательно позволяют описать механизм синтеза идей у человека, которые на первичной стадии не заметны самому их автору. Относительно понятия фрейма в системе целостности знаний, опираясь на совокупность существующих моделей структур знания, можем прийти к выводу, что это понятие является разновидностью и более узким аспектом гештальта в лингвистике. В то время как гештальт являет собой целостностный образ, сообщение, фрейм является выделенной частью, кирпичом в таком сообщении.

Литература

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // [Текст] М. М. Бахтин / Вопросы литературы и эстетики.: Сб. — М.: Худож. лит, 1975. — С. 234 – 407.
2. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: Типы фреймов [Текст] / С. А. Жаботинская // Вісник Черкас. ун-ту. — 1999. — Вып. 11. — С. 12 – 25.
3. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1981. — Вып. X. — С. 89 – 112.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский; Пер. с англ. — М.: Энергия, 1979. — 152 с.
5. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия. — М.: Наука, 1986. — 298 с.

Ходоренко Г. В. Лінгвістичний гештальт: проблема дефініції, принципи конструювання.

В статті показано особливості феномену лінгвістичного гештальту. Зроблена спроба сконструювати принципи та описати природу лінгвістичного гештальту на прикладі найменувань груп осіб.

Ключові слова: концепти, концептуальність, когнітивні моделі, гештальт, фрейм, метафора, хронотоп

Hodorenko A. The linguistic geshtalt: problem of definition, principals of construction.

The article points out the peculiarities of a linguistic geshtalt; the attempt to describe the principles and the constructs of the linguistic geshtalt has been made. The names of people groups were taken as a basic material for analyzing and describing the phenomenon of a linguistic geshtalt.

Key words: concepts, conceptuality, cognitive models, metaphor, geshtalt, chromos.

Стаття поступила в редакцію 20 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 199 – 205

УДК 811.1/2'373.7-115

УНИВЕРСАЛИИ МИКРОСИСТЕМ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ: ЭКВИВАЛЕНТЫ И АНАЛОГИ

М. А. Шевчук-Черногородова

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Статья посвящена компаративному анализу устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения в русском, английском и французском языках. Выявлены межъязыковые соответствия трех микросистем: устойчивые сочетания-эквиваленты, аналоги и структурные псевдо-эквиваленты.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, компонент цветообозначения, аналог, эквивалент.

Изучение русско-англо-французских устойчивых сочетаний с компонентами цветообозначения (УСКЦ) позволяет утверждать наличие эквивалентов и аналогов в данных корпусах, что указывает на характер определенных межъязыковых отношений в сопоставляемых языках. Согласно методике Е. Ф. Арсентьевой [1], устойчивое сочетание должно рассматриваться в трех аспектах — семантическом, структурно-грамматическом и компонентном. На этой основе выделяют: эквиваленты (полные и частичные), аналоги (полные и частичные), безэквивалентные единицы. Цель данной статьи — проанализировать УСКЦ-эквиваленты и УСКЦ-аналоги, а рассмотреть УСКЦ-структурные псевдо-эквиваленты.

К **полным эквивалентам** относятся УСКЦ русского, английского и французского языков с одинаковым сигнификативно-денотативным и коннотативным макрокомпонентами значения, структурно-грамматической организацией и компонентным составом. Например:

черная магия, black magic, magie noire;

дать зеленый свет, give smb a (the) green light, donner le feu vert;

черный рынок, black market, marché noir и т. д.

Большая часть этой группы представлена кальками, например: ***ночью все кошки серы, all cats are grey in the night, la nuit tous les chats sont gris***. Данные межъязыковые эквиваленты этимологически восходят к французской пословице, зафиксированной впервые в франкофонных текстах в XV веке.

На наш взгляд, появление УСКЦ-калек обусловлено, прежде всего, универсальным восприятием разных народов каких-то объективных данностей, например, дня и ночи, света и тьмы и т. д. Так, мы находим эквиваленты данной пословицы и в других индоевропейских языках:

- немецком: *in der Nacht sind alle Katzen grau*;
- испанском: *de noche todos los gatos son pardos*;
- португальском: *à noite, todos os gatos são pardos*;
- румынском: *Noapte toate pisicile sunt negre*.

Отметим, однако, что компоненты цветообозначения в данных языках различны: нем. *grau* — *серые*, исп. и португ. *pardos* — *бурые*, рум. *negre* — *черные*.

Интересен факт, что этимологическим источником образования калек во многих случаях является французский язык:

- белая магия, white magic, magie blanche*;
- черная магия, black magic, magie noire*;
- черная комедия, black comedy, comédie noire*;
- черный кодекс, the Black Code, Code Noir* и т. д.

Однако зафиксированы и заимствования из английского языка, например: *синий чулок, a blue stocking, bas bleu*. Серия межъязыковых эквивалентов *голубая кровь, blue blood, sang bleu* этимологически восходит к устойчивому сочетанию из испанского языка *sangre azul*.

Сложность представляет определение источника межъязыковых соответствий в УС *белые ночи, a white night, nuit blanche* — астрономический феномен, когда вся ночь состоит лишь из сумерек. Французское УСКЦ *nuit blanche* представлено двумя значениями, на наш взгляд, это омонимы. Первое толкование данного УСКЦ — *бессонная ночь*. Происхождение данного сочетания уходит далеко в средние века: для посвящения в рыцари воин должен был, одевшись в белые одежды, провести целую ночь, лежа на полу часовни, расправив руки в форме креста. Впервые в письменных источниках оно зафиксировано в 1774 г. («*passer une nuit blanche*» в письме М^{ме} Du Deffand, *Lettre à H. Walpole*, t. IV, p. 384 ds Pougens ds Littré) [9]. Такое толкование дается и английскому УС в Англо-русском фразеологическом словаре, где указывается его французская этимология. Второе же значение совпадает с толкованием русского и английского устойчивых сочетаний: *полярный день*. Таким образом, данные единицы можно классифицировать как межъязыковые УС-омонимы.

В корпусах УСКЦ зафиксированы случаи, когда полные эквиваленты встречаются лишь в двух языках, такие как *voir rouge, see red*. Вероятно единица *see red* происходит от французской *voir rouge*, впервые употреблённого в середине XIX века Эженом Сю [12]. Согласно этимологическому он-лайн словарю *see red* в значении *рассердиться, рассвирепеть* впервые было зафиксировано в 1900 году в американском варианте английского языка [11].

Из французского пришло и закрепилось в русском УС *синяя птица — oiseau bleu*. Это выражение обязано своим происхождением бельгийскому писателю М. Метерлинку. В пьесе «Синяя птица» (1908) дети бедняка дровосека пускаются на поиски «синей птицы», но возвращаются в дом без нее: самой синей из всех птиц оказывается скворец, живущий в их избушке. С тех пор *синяя птица* стала символом недостижимого счастья, несбыточной, прекрасной мечты.

По одной из версий, благодаря этому произведению М. Метерлинка, появились УС *rêve bleu — голубая мечта*. По другой версии — это заимствования из немец-

кого языка из романа немецкого писателя Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1797 – 1800): *die blaue Blume* — дословно *голубой цветок*. Голубой цветок — в данном произведении символ высокой и несбыточной мечты, приснившейся юноше-поэту.

Зафиксированы УСКЦ, заимствованные из древних источников, например, из латинского языка: *золотая середина, golden mean*. Выражение *aurea mediocritas* находится во второй книге «Од» римского поэта Горация. Поэт подразумевал под этим высказыванием благоразумие, образ действий, чуждый крайностей и риска. Отметим, что во французском языке данный фразеологизм отсутствует, и для переводчиков составляет определенную трудность найти ему аналог.

Следует отметить, что калькирование и заимствования — это лишь одни из путей образования межъязыковой фразеологической эквивалентности. Происхождение и связи между некоторыми УСКЦ-коррелятами иногда установить невозможно. В некоторых случаях можно говорить об отсутствии связей межъязыковых эквивалентов или аналогов. Например, *белое мясо, white meat, viande blanche*. В английском языке употребление этого УС в значении *мясо птицы, свинина* и т. п. впервые датируется 1752 г., ранее, ещё в начале XV века, оно означало продукты, приготовленные из молока. Относительно русского и французского языковых эквивалентов нет каких-либо достоверных данных, и нет оснований определять связь между выражениями.

К **частичным эквивалентам** относятся УСКЦ, имеющие отдельные различия в плане выражения при совпадении сигнификативно-денотативного и коннотативного макрокомпонентов значения. При этом образность таких единиц может полностью совпадать или частично расходиться. Например: *красный, как рак, (as) red as a lobster, rouge comme un homard* — подчеркнуты отличные компоненты сравнения, они относятся к одному классу объектов, несут одинаковую смысловую и коннотативную нагрузку. То же можно отметить про УСКЦ *написать черным по белому, put down in black and white, coucher noir sur blanc*.

Устойчивые сочетания *проходить красной нитью, to run like a red thread, marquer qch au fil rouge (passer comme un fil rouge)* семантически эквивалентны, однако имеют структурно-грамматические и компонентные расхождения (*проходить, passer comme, to run like, marquer qch*).

Приведем в пример УС-частичные эквиваленты, зафиксированные лишь в двух языках: *шито белыми нитками, cousu du fil blanc*. Устойчивое сочетание *шито белыми нитками* — калька с французского *cousu du fil blanc*. Различия заключены в форме числа существительного: в русском выражении — *нитками* — во множественном числе, во французском — *du fil* — в единственном. В английском языке нет эквивалентных устойчивых сочетаний, и в словарной статье дается перевод — *transparent, obvious*. Например, в немецком языке находим эквивалент, однако в нем отличается компонент цветообозначения — *Das ist mit blauem Zwirn genäht*, дословно «*шито голубыми нитками*». Действительно, оба колоронима наравне закрепились в составе данных УС, поскольку именно белыми или голубыми нитками портные предварительно намечивают скроенные детали одежды для примерки.

Частичными эквивалентами являются УСКЦ *merle blanc* — *a white crow* — **белая ворона**, так как во французском корреляте вместо лексемы *corbeau* — **ворона**, употреблена лексема *merle* — **дрозд**. Очевидно, данное выражение заимствовано из латыни; известны слова поэта Ювенала: «Раб может выйти в цари, пленники — дожждаться триумфа. Только удачник такой редкостней белой вороны...». Можно отметить, что замена во французском УС вполне логична, т. к. белый дрозд — явление не менее редкое, нежели белая ворона.

Во французском языке зафиксирована серия УС-синонимов со значением «сильная депрессия, глубокая меланхолия»: *mélancolie noire, humeurs noires, chagrin noir, bile noir*. В русском языке находим полный эквивалент первому выражению — **черная меланхолия**. В английском же языке представлены аналоги: *deep melancholy, blue devils*. Полных эквивалентов нет, однако в этих выражениях также речь идет о меланхолии, грустном настроении, психологически тяжелом, угнетенном состоянии, опустошении. Отметим, что само слово «меланхолия» является устаревшим названием депрессии, происхождение которой древние греки объясняли отравлением «черной желчью» (гр. *melas* черный + *cholē* желчь) [4, с. 302]. Таким образом, в русском и французском выражениях **черная меланхолия, mélancolie noire** дважды присутствует указание на черный цвет, первый раз — эксплицитно, второй раз — имплицитно, в составе компонента «меланхолия».

Изученные УСКЦ представляют собой случаи межъязыкового параллелизма. Причины их возникновения могут быть различными: одинаковость или близость условий проживания народов, конструктивная близость родственных языков, заимствование как результат культурно-исторического взаимодействия и общности языкового ареала, наличие черт сходства духовной жизни и общественного сознания, сходство исторического опыта народов [См.: 5, с. 58].

Отдельную группу УСКЦ составляют **полные аналоги**, которые при совпадении сигнификативно-денотативного макрокомпонента значения и субъективно-оценочной коннотации могут иметь различия не только в компонентном составе и структурно-грамматической организации, но и образной основе, функционально-стилистической принадлежности, эмотивных семах и коннотации, например: *покраснеть до кончиков ушей, redden to the roots of one's hair, être rouge jusque derrière les oreilles*. Русский и французский корреляты имеют отличия в структурно-грамматической организации устойчивых сочетаний: *покраснеть* — *être rouge*, в то время как в английском выражении отлична и образная основа: *redden to the roots of one's hair* — *покраснеть до кончиков волос* (дословно).

К таким коррелятам относятся УС: **черный глаз магическая сила взгляда, приносящая несчастье** — *a black look* **хмурый, злобный взгляд**, французского аналога нет; *être noir de coups* **быть избитым до синяков** — *black and blue* **в синяках**, русского аналога нет.

Зачастую в составе лишь одного из трех (или из двух) межъязыковых аналогов наблюдается компонент цветообозначения (подчеркнут), например:

черные мысли — *dark thoughts* — *papillons noirs*;

среди бела дня — in broad daylight — en plein jour;
по белу свету — in this world — de par le monde;
слепая ревность — jalousie blanche и т. д.

Среди **частичных фразеологических аналогов** наблюдаются значительные расхождения не только в компонентном составе, образной основе, структурно-грамматической организации, но и в сигнификативно-денотативном и коннотативном компонентах значения. Например:

до зеленого змия, мертвецки, до галлюцинаций, нервного расстройства и т. п. (напиваться, быть пьяным), до зеленых чертей прост., до крайней степени опьянения, lit up like a white way амер. жарг. *вдребезги, мертвецки пьян; пьян в стельку, drink till all's blue* *допить до белой горячки, до «зелёного змия», avoir une ivresse blanche* *быть в доску пьяным;*

дела как сажка бела разг. шутл. *очень плохи, никуда не годятся, things look black* *дела плохи, дело принимает неважный оборот, le drapeau noir flotte sur la marmite* *над кастрюлькой траурный флаг; дома жрать нечего; дела плохи; положение скверное;*

сказка про белого бычка — *бесконечное повторение одного и того же с самого начала, возвращение к одному и тому же, c'est bonnet blanc et blanc bonnet* *это одно и то же; что в лоб, что по лбу, c'est chou vert et vert chou* (т.ж. *c'est jus vert ou vert jus*) *что в лоб, что по лбу;*

елки зеленые! прост., выражение досады, восхищения, недоумения; elle est bleue, celle-là! разг. эка небылица!, турусы на колесах! и т. п.

Изучая эквиваленты и аналоги в микросистемах УСКЦ русского, английского и французского языков, следует обратить особое внимание на **соответствие / несоответствие компонентов цветообозначения**. На этой основе было выявлено две группы устойчивых сочетаний:

- 1) УС, не имеющие компонента цветообозначения в одном из языков;
- 2) УС, содержащие во всех коррелятах указание на цвет.

К первой группе относятся УСКЦ, в межъязыковых соответствиях которых не фиксируются компоненты цветообозначения. Такие сочетания при переводе теряют сему цвета: русский аналог фразеологизма *peindre en jaune* — *наставлять рога* не имеет элементов, указывающих на цвет.

УСКЦ второй группы, как показывают наблюдения, можно подразделить на следующие подгруппы:

а) УС с полным соответствием семы цвета в другом языке, напр.: *синяя птица — oiseau bleu*. К этой подгруппе относятся все полные эквиваленты и некоторые частичные, а также небольшое количество УС-аналогов.

б) УС, сохраняющие в своем составе ядерную сему цвета, но имеющие другое добавочное значение, напр.: *houille bleue* — *белый уголь*, в состав обеих единиц входят колоронимы, однако, компоненты *bleue* (дословно: синий, голубой) и *белый* не идентичны, т. е. при образовании данных УС привлекается другой цветовой компонент, но с той же ядерной семой.

Приведем еще примеры: *желторотый птенец — blanc bec* (дословно *белый клюв*). Исключается возможность нахождения в данной подгруппе полных эквива-

лентов, ее состав представлен УС частичными эквивалентами и аналогами (полными и частичными).

Возможны случаи, когда в двух языках УСКЦ — полные эквиваленты: *mélancolie noire*, **черная меланхолия**, а в третьем — УС фиксируется изменение оттенка колоронима без изменения главной семы — семы цвета: *blue devils*.

На наш взгляд, в классификации Е. В. Арсентьевой есть лакуна, которую следует заполнить. В отдельную группу следует отнести **структурные псевдо-эквиваленты** — УСКЦ, имеющие эквивалентную структуру, но различную семантику. К таким единицам относятся корреляты: *белое золото хлопок* — *l'or blanc la neige des sports d'hiver* [10, с. 101]. Обычно такие псевдо-эквиваленты фиксируются в двух языках, редко в трех, например: *черная работа: работа без заключения трудового договора, физически тяжелая и плохо оплачиваемая* — *travail noir тайная, подпольная работа*.

В русско-французском словаре фразеологических эквивалентов указываются также такие корреляты:

белая зависть: зависть без чувства досады, раздражения возможностями или успехами другого — *jalousie blanche слепая ревность*;

зеленое золото: лес — *l'or vert les ressources procurées par l'agriculture ou par la vente des terrains agricoles*;

красное золото: кровь — *l'or rouge l'énergie solaire* [См.: 10, с. 103].

Подведем итог: УСКЦ, помимо безэквивалентных единиц, представлены полными и частичными эквивалентами, полными и частичными аналогами и структурными псевдо-эквивалентами. Частичные эквиваленты и полные и частичные аналоги позволяют выделить две группы: УС, не имеющие компонента цветообозначения в одном из языков и УС, содержащие во всех коррелятах указание на цвет (УС с полным соответствием семы цвета и УС, сохраняющие ядерную сему цвета, но изменившие цвет или оттенок).

Таким образом, анализ позволяет утверждать о достаточно высокой степени межъязыковых соответствий УСКЦ в русском, английском и французском языках. Этимологическим источником такой корреляции часто выступает калькирование, однако существует и сложность в определении источника образования многих межъязыковых соответствий. Компаративное изучение микросистем УСКЦ представляет большой интерес в плане дальнейшего семантического и лингвокультурологического анализа их функционирования в составе русского, английского и французского языков.

Литература

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках и вопросы создания русско-английского словаря: дисс. ... доктора филол. наук / Елена Фридриховна Арсентьева. — 1993. — 123 с.
2. Большой англо-русский фразеологический словарь : около 20000 фразеологических единиц / А. В. Кунин. — 6-е изд., исправл. — М. : Живой язык, 2005. — 944 с.

3. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / [сост. В. Г. Гак, Л. А. Мурадова и др.; под ред. В. Г. Гака]. — М. : Рус. яз. — Медиа, 2005. — 1625 с.
4. Словарь иностранных слов / [ред. И. В. Лехин] — М. : Сирин, 1996. — 608 с.
5. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения: На материале языков славянской, германской и романской групп / Эдуард Моисеевич Солодухо. — М. : Издательство ЛКИ, 2008. — 304 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / [ред. А. И. Молотков]. — М. : Русский язык, 1986. — 543 с.
7. Французско-русский фразеологический словарь / [ред. Я. И. Рецкер]. — М., 1963. — 1112 с.
8. Шемякин Ф. Н. Язык и чувственное познание / Ф. Н. Шемякин // Язык и мышление. — М. : Наука, 1967. — С. 38 – 55.
9. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr/definition/nuit>.
10. Dictionnaire russe-français des locutions idiomatiques équivalentes / [aut. Serguej Kravtsov]. — P. : L'Harmattan, 2005. — 252 p.
11. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.etymonline.com/index.php?term=red>.
12. Rey A. Dictionnaire des Expression et Locutions / Alain Rey. — P. : Le Robert, 2001. — 898 p.

Шевчук-Черногородова М. О. Универсалии микросистем стійких сполучень з компонентом кольору: еквіваленти й аналоги.

Стаття присвячена компаративному аналізу стійких сполучень з компонентом кольору в російській, англійській і французькій мовах. Виявлені міжмовні відповідності трьох микросистем: стійкі сполучення-еквіваленти, аналоги та структурні псевдо-еквіваленти.

Ключові слова: стійка одиниця, компонент кольору, аналог, еквівалент.

Shevchuk-Chernogorodova M. The Universals of the Microsystems of the Firm Units with the Color Component: Equivalents and Analogues.

The article is dedicated to the comparative analysis of the firm units with the color component in Russian, English and French. The interlingual correspondences of the three microsystems such as the firm units equivalents, the analogues and the structural pseudo-equivalents, have been analyzed.

Key words: firm unit, color component, analogue, equivalent.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 206 – 213

УДК: 811.161.1.:37'42

АРТЕФАКТЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА СЕВАСТОПОЛЬ

Т. А. Ященко, Ж. А. Руденко

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

*Севастопольский национальный университет
ядерной энергии и промышленности,
г. Севастополь*

Статья посвящена роли артефактов в создании ключевых образов СЕВАСТОПОЛЯ как культурного концепта. Исследование базируется на дискурсном анализе текстов К. Г. Паустовского.

Ключевые слова: артефакт, культурный концепт, ключевой образ, дискурсный анализ, К. Г. Паустовский, Севастополь.

Для антропологической парадигмы современной лингвистики весьма характерно обращение к лингвоконцептологическому и дискурсному анализу. При выявлении языкового характера концепта необходимо решить вопрос о том, что представляет собой лингвистическое значение: 1) отношение к экстралингвистической реальности или 2) концептуализацию мира средствами языка. Наша работа базируется на втором подходе, представленном во многих лингвистических исследованиях (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В. В. Жайворонок, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Т. А. Космеда, В. Н. Манакин, В. А. Маслова, М. В. Пименова, Т. В. Раздиевская, Е. А. Селиванова, Н. В. Слухай, Ю. С. Степанов, Г. М. Яворская и др.).

Среди различных типов культурных концептов наименее исследованными являются культурно-географические концепты. В филологии в целом и в языкознании, в частности, изучение образов географического пространства связывается прежде всего с соотношением языка и пространства, текста и пространства, образов и путешествий (Н. Д. Арутюнова, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Ю. С. Степанов, М. М. Бахтин, Г. В. Проскурин, Т. В. Цивьян и др.). Подробней этот вопрос освещен в: [2; с. 30 – 38].

Образы географического пространства и культурных ландшафтов представляют весьма ценный объект для лингвокогнитологических исследований.

Особое место в современной филологии занимает исследование феномена «Петербургский текст русской литературы» (В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, П. Е. Бухаркин, Д. Л. Спивак, Г. З. Каганов, Н. П. Анциферов и др.).

Очевидно, что изучение лингвокогнитивного историко-географического пространства Севастополя также является **актуальным** в плане установле-

ния особенностей его языковой реализации и «семантической реконструкции» (по Э. Бенвенисту). **Актуальность** исследования заключается также в фиксации индивидуально-личностного концепта в творчестве определенного писателя.

Нами уже был поставлен вопрос о возможности исследования концептуализации Севастополя в русском языковом сознании, отчасти прослежена специфика отражения этого концепта в индивидуально-авторском сознании К. Г. Паустовского [11].

Новизна настоящей статьи заключается в обращении к дискурсному и интертекстуальному анализу для представления роли артефактов в концептуализации феномена СЕВАСТОПОЛЬ, а также в описании взаимодействия ключевых образов.

Цель исследования: выявить роль артефактов в создании ключевых образов Севастополя. Для достижения цели необходимо решение следующих **задач**: 1) анализ и систематизация имен-артефактов; 2) выявление культурной составляющей артефактов; 3) определение ключевых образов города и исследование их взаимодействия; 4) проведение дискурсного анализа.

Практическое значение работы заключается в возможности использования ее результатов в практике вузовского и школьного преподавания, в частности и при изучении литературы, посвященной Крыму.

Материалом исследования являются тексты произведений К. Г. Паустовского «Черное море», «Повесть о жизни», а также сборник воспоминаний, очерков и литературных портретов «Наедине с осенью» [8; 9; 10].

Анализируемые повести уникальны по своему жанру. Как пишет Л. А. Левицкий, они «представляют собой сплав лирического дневника и географического описания, беллетристического рассказа и исторического документа». [5; с. 191]. Сам К. Г. Паустовский определил жанр «Черного моря» как «художественную лоцию» [10; с. 332]. В книге «Наедине с осенью» значительный интерес для исследования представляют тексты о психологии творческого процесса и мемуары.

Таким образом, сама специфика материала исследования открывает широкие перспективы для использования **метода дискурсного анализа**, который обращен не только к лексико-семантическому, семиотическому и прагматическому анализу текста, но и к его событийному аспекту в совокупности с экстралингвистическими факторами. Речь писателя исследуется как целенаправленное социальное действие, речь, «погруженная в жизнь» [6; с. 136]. Именно дискурсный анализ позволяет проследить концептуализацию феномена Севастополь и особую роль имен-артефактов в его языковой реализации.

Исследование материала показало, что для стиля К. Г. Паустовского при создании художественного образа города весьма характерно активное использование артефактов в нарративных текстах, при этом преобладают синтаксические конструкции с однородными перечислениями и наличием одиночных эпитетов при именах — артефактах: *В синем дыму и жарком солнце разворачивались знаменитые севастопольские бухты. Росли над водой **портики домов, разрушенные ограды, бронзовые памятники адмиралам и ржавые мачты затопленных кораблей*** (8; с. 36).

В результате дискурсного анализа выявлены следующие ключевые образы Севастополя: *город — крепость; город — флот; город — театр; город революции; город романтики*. В создании этих ключевых образов значительная роль принадлежит артефактам.

При анализе имен-артефактов используется концепция четырехмерной семиотической модели, предложенная Г. Клаусом, в соответствии с которой к трем классическим аспектам семиотики: 1) синтактика — изучение отношений между знаками и способами их употребления; 2) семантика — изучение содержательной стороны знаков, их смысла; 3) прагматика — изучение отношений между знаковыми системами и теми, кто воспринимает, интерпретирует и использует содержащиеся в них сообщения [13; с. 484] добавляется четвертый аспект — сигматика, рассматривающий отношение между знаком и объектом. «Языковой знак, однако, имеет не только функцию значения, но и функцию обозначения, он обозначает (называет) нечто. Например, выражение «неподвижная звезда» обозначает класс солнц. Это обозначение может быть выражено символически отношением $R_3(Z, 0)$ или обратным отношением $R_3(0, Z)$, причем Z есть языковой знак, а 0 объект (индивид, класс предметов, отношение между ними» [4; с. 15 – 16]. Как сказано выше, объектом в нашем исследовании является историко-географический и культурный феномен СЕВАСТОПОЛЬ.

Положение Г. Клауса о сигматике оказалось весьма важным для разрабатываемой В. В. Воробьевым семиотической модели соизучения языка и культуры, которая призвана показать, каким образом «углубление» семантики до «предметной» сигматики обеспечивает способность анализировать объект культуры, выраженный в языке, как единство языковой и внеязыковой сущности, как результат выхода за пределы реалемы, как «погружение» в нее — факт культуры» [1; с. 41 – 42].

Рамки статьи позволяют обратиться к анализу культурной составляющей имен-артефактов при описании феномена СЕВАСТОПОЛЬ на материале только двух ключевых образов ГОРОД – КРЕПОСТЬ и ГОРОД – ТЕАТР, но при этом принимается во внимание их взаимодействие с другими образами.

Обратимся к анализу образа ГОРОД – КРЕПОСТЬ, который формируется с помощью таких артефактов, как: *крепость, стена, бастион, форт, бойница, пушка, мина, пушечное ядро, снаряд, флаг, цитадель, каземат, орудие, гильза* и др.

Такие особенности дискурсного анализа, как внимание к обстоятельствам создания текста, психологическим характеристикам коммуникантов, стремление к «восстановлению текста, тонкого и не видимого» [15; с. 29], оказались весьма важными для анализа ключевого образа ГОРОД – КРЕПОСТЬ.

Первые впечатления 14-летнего Константина Паустовского от Севастополя относятся к поездке с родителями и сестрой Галей в Крым, когда они на пароходе «Пушкин» следовали из Одессы в Ялту: *Белый Севастополь медленно плыл нам навстречу. Он встретил наш старый пароход полуденным пушечным выстрелом и голубыми крестами андреевских флагов* (9; глава «Пустынная Таврида» с. 144).

Самого слова *крепость* нет в этом фрагменте текста. Но с помощью определенных артефактов (*пушка, андреевские флаги, бастион, ядра*), прецедентных

андронимов (*Нахимов, артиллерист Лев Толстой*) и прецедентных топонимов (*Малахов Курган, Братское кладбище, Константиновский форт*) создается образ города — героической крепости периода Крымской войны. Этот образ уже присутствовал в языковом сознании подростка, и тем более волнующей стала первая встреча с Севастополем: *Я смотрел как зачарованный на все вокруг. Значит, на самом деле, а не только в книгах существует этот город, где умер Нахимов, где рвались на бастионах круглые ядра, где сражался артиллерист Лев Толстой...* (там же).

Образ города-крепости получает дальнейшее развитие в фрагменте текста о прощании с Севастополем, где используется ключевая перифраза *русский акрополь*: *В день отъезда Севастополь снова предстал передо мной величественным, простым, полным сознания своей доблести и красоты, предстал **русским акрополем** — одним из лучших городов на нашей земле* (9; с.206). Известно, что *акрополь* в древнегреческих городах — центральная укрепленная часть города, обычно на холме. В тексте К. Г. Паустовского — это образ, основанный на прецедентном имени, на топографическом сходстве расположения (Севастополь тоже находится на холмах), но, главное, он базируется на богатом историко-культурном фоне.

Широко известные образные дефиниции Крымской войны и Севастополя, основанные на древнегреческих прецедентных именах (*Крымская Илиада, русская Троя, адмирал Корнилов — Гектор новой Трои, Николай I — Агамемнон новой Троянской войны*) [7; с. 7 – 12], базируются именно на ценностном восприятии описываемого объекта.

Предметные референции наполнены богатым культурным содержанием. При этом объектом лингвокультурологического анализа становятся межкультурные ассоциации, которые, кстати, по наблюдениям исследователей когнитивной географии, характерны именно для культурно-географических феноменов.

Как отмечает Д. Н. Замятин, со ссылкой на исследование Г. З. Калганова [3], Д. Л. Спивака [14], Петербург, осмысляемый в геософском и образно-географическом планах, продолжает выступать катализатором новых геокультурных образов, он есть «средоточие, созвездие, пересечение многих и многих образов — Венеции, Константинополя, Рима, Киева, Лондона» [2; с. 34 – 35].

Можно предположить, что не только богатое историческое прошлое Севастополя (неслучайна фразеологизация сочетания *легендарный Севастополь*), но и его настоящее и будущее станут основой новых геокультурных и геоисторических образов.

Образ ГОРОДА-КРЕПОСТИ находит иное преломление при описании Северной стороны в главе «Ожидание бури» из повести «Черное море» [8]. Эта часть Севастополя характеризуется автором как «старинный крепостной район». Северная сторона дается в восприятии писателя — романтика Гарта, в самом образе и восприятии мира которого, несомненно, проявляются не только черты любимого Паустовским А. Грина, но и самого автора «Черного моря».

Используемые в этой главе артефакты предстают как «вещная» память о событиях обороны Севастополя во время Крымской войны. Своеобразие Северной стороны создается прежде всего фортами, которые, хотя и давным-давно были ра-

зоружены, но по-прежнему *«придавали всему пейзажу облик старинного крепостного района, засыпанного вросшими в землю ядрами»* (8; с. 28).

Образ ГОРОДА-КРЕПОСТИ органично переплетается с образом ГОРОДА-ФЛОТА, что можно показать на примере развернутого сравнения фортов с боевыми кораблями (мониторами); в языковой реализации этого сравнения ведущая роль принадлежит именам-артефактам из сферы «флот»: *На крышах фортов были укреплены **сигнальные мачты** (...) Вечером на **мачтах** загорались **зеленые фонари**, и казалось, что **форты**, как **мониторы**, неся **сигнальные огни**, тяжело шли в ночь навстречу невидимым вражеским **эскадрам*** (8; с. 27 – 28)

Артефакты прочно, а порой и причудливо, вписываются в сам пейзаж Северной стороны. Форты своеобразно освещены: *Стены старинных круглых фортов были наискось разрезаны тенью и солнцем* (с. 27). *Цитадели* не просто пусты, они *пустынны*, и тем самым притягательны для романтика: *Крепостная жизнь привлекала Гарта. Он бы с наслаждением поселился в пустынных цитаделях* (с. 28).

Артефакты войны хранят о ней память, но существуют в пейзаже победившей мирной жизни: *сухая трава шелестела в **бойницах***. Своеобразным символом мирной жизни становятся чайки, спокойно сидящие на минах; при этом характерно «слияние» цвета птичьих лапок и ржавчины некогда грозного оружия: *Чайки с красными лапами сидели на чугунных шарах — пустых минах, изъеденных ржавчиной, цвет ржавчины ничем не отличался от цвета птичьих лапок* (с. 27).

«Пейзаж мирной жизни» расширяется путем включения в него знаков обыденной жизни поселка, при описании которой используется артефакт *гильза*, необычная функция которого (своеобразный вазон для цветов) способствует развитию символического образа победы мира над войной (*цветы в **снарядных гильзах***); выразительность картины усиливается использованием метафорического предиката *уживаться*: *Бронзовые орудия и казематы **мирно уживались** с играми детей, умыванием веселых котят и геранью, доцветавшей в старых **снарядных гильзах**, набитых землей* (с. 28).

Переходим к анализу ключевого образа ГОРОД-ТЕАТР, который формируется с помощью таких артефактов, как: *театральный макет, занавес, сцена, кресла, афиша, билет, декорации, костюмы, реквизит и др.*

«Небесная азбука Морзе», первая глава повести «Черное море», открывается сравнением осеннего Севастополя с театральным макетом: *Город был похож на театральный макет, где с домов осыпалась позолота, и только редкие ее пятна остались на розовой штукатурке оград* (8; с. 9).

Такое впечатление создается за счет освещения — осеннего сверкания. Освещение артефактов создает имплицитный образ софитов, направленных на сцену.

Обращение к прагматическому аспекту семиотики и к интертекстуальному анализу позволяет проследить динамику образа *театральный макет* и его культурную составляющую. В приведенном выше тексте сравнение города с театральным макетом принадлежит нарративному автору текста — писателю Гарту (в понимании коммуникантов, связанных с текстом, мы следуем за Е. А. Селивановой

[12; с. 144 – 177]). Образ театрального макета использует и реальный автор — К. Г. Паустовский. В то же время обращение к тексту очерка «Булгаков и театр» [10; с. 185 – 197] позволяет предположить наличие связи между образом города-театрального макета и повествованием М. Булгакова о том, как страницы его романа «Белая гвардия» стали превращаться в пьесу «Дни Турбиных» — посредством волшебной «коробочки», явившейся впервые во сне, который был связан, кстати, с образом Города: «Тут мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная, как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно — горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе» (Цит. по [10; с. 191]).

Похожи на театральные макеты и несуществующие памятники Севастополя, изображенные на рисунках художницы Сметаниной, проектирующий архитектурный облик будущего, по-настоящему социалистического города. В авторском описании этих памятников находит языковую реализацию ключевой образ ГОРОД-ФЛОТ, в создании которого значительное место занимают артефакты: *На одном был изображен трехтрубный миноносец. Он стоял на гранитных подпорках среди городской площади (...). По его борту полз плющ (...). Венок оплетал якорные цепи (...). Голуби сидели на широкогорлых трубах. Дети играли под мощной кормой (...). Под рисунком была надпись «Памятник миноносцу «Свирепый».* (8; глава «Рассуждение о красках и бронзе» с. 102 – 103). В приведенном фрагменте текста получает дальнейшее образное развитие тема мирной жизни (*цветы, голуби, играющие дети*), в которой сохраняется память о героическом военном прошлом.

Образ ГОРОД – ТЕАТР реализован непосредственно в главах «Ожидание бури» и «Травиата» на кораблях» из повести «Черное море».

Напомним, что пейзаж Северной стороны (глава «Ожидание бури») дается в восприятии Гарта — своеобразного «двойника» и А. Грина, и К. Паустовского.

Для проводимого нами дискурсного анализа существенно обращение к тексту предыдущей главы «Небесная азбука Морзе», где говорится о литературных героях Гарта — моряках, бродягах и пиратах: *Все они, казалось, появились из тех легендарных времен, когда над морями стояла вечная жара, (...) и пираты, шатаясь по океанам, веселились, как черти* (8; с. 9).

Именно на Северной стороне («это место он любил больше всего в Севастополе», с. 26) Гарт во дворах рыбацкого поселка видит старые вещи, которые в его творческом воображении трансформируются в театральные образы, основу которых составляют артефакты (*декорации, театральные костюмы, театральный реквизит*): *Дворы напоминали склады декораций. Казалось, лет сорок назад здесь под открытым небом ставилась веселая пьеса из жизни пиратов. Театр уехал, а декорации — поломанные и живописные — остались на вечные времена (...). Белье на каменных оградах висело, как изорванные театральные костюмы* (8; с. 27).

При описании театрального реквизита используются характерные для стиля К. Паустовского конструкции с однородным перечислением и выразительными одиночными эпитетами: *На пустырях валялись остатки театрального реквизита — разбитые кувшины, высохшие букеты и поломанные весла* (там же).

Знаменательно, что в этой же главе делается первый шаг Гарта из мира вымышленной «театральной» жизни в мир реальных людей (старый «очаковец» матрос Дымченко, художница Сметанина), человеческого мужества (воспоминания о лейтенанте Шмидте), и Гарт начинает работу над рукописью о лейтенанте Шмидте.

Глава «Травиата» на кораблях» заслуживает отдельного многоаспектного анализа.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

— в результате дискурсного анализа выявлены ключевые образы культурного концепта СЕВАСТОПОЛЬ: *город-крепость; город-флот; город-театр; город революции; город романтики*;

— важную роль в создании этих образов играют артефакты, как в прямом, так и в метафорическом значении;

— для выявления культурной составляющей артефактов наиболее целесообразным и продуктивным представляется метод дискурсного анализа в сочетании с интертекстуальным анализом;

— учет соотношения между знаком и объектом (культурный концепт СЕВАСТОПОЛЬ) открывает новые перспективы для анализа артефактов как средства языковой концептуализации мира.

Перспективы исследования состоят в дальнейшем многостороннем исследовании культурного концепта СЕВАСТОПОЛЬ.

Литература

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография. — М.: РУДН, 2008. — 336 с.
2. Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. — М.: Знак, 2006. — 488 с.
3. Калганов Г. З. Санкт-Петербург как образ всемирной истории (к проблеме псевдонимов города) // Город как социокультурное явление исторического процесса. — М.: Наука, 1995. — С. 303 – 315.
4. Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. — М.: Прогресс, 1967. — 215 с.
5. Левицкий Л. А. Константин Паустовский. Очерк творчества. Изд. 2-ое, доп. — М.: Сов. писатель, 1977. — 408 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — 683 с.
7. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К. Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853 – 1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. — 2-е изд., перераб. и доп. — Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2010. — 480 с.
8. Паустовский К. Г. Черное море / К. Г. Паустовский. Собрание сочинений в 6 томах. — Т. 2. — М.: Госуд. изд-во худож. лит., 1957. — С. 7 – 192.
9. Паустовский К. Г. Повесть о жизни. Книга первая. Далекie годы. Книга вторая. Беспокойная юность. Книга третья. Начало неведомого века // Паустовский К. Г. Собрание сочинение в 6 томах. — Т.3. — М.: Госуд. Изд-во худож. лит., 1958. — 790 с.
10. Паустовский К. Г. Наедине с осенью: Портреты, воспоминания, очерки. — Изд. второе, доп. — М.: Советский писатель, 1972. — 448 с.

11. Руденко Ж. А. Образ Севастополя в индивидуальной концептосфере К. Паустовского // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика» Вип. 10. — Херсон 2009. — С. 283 – 286.
12. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие / Е. А. Селиванова. — Киев: Брама, 2004. — 336 с.
13. Селиванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. — Полтава: Довкілля. — К., 2006. — 716 с.
14. Спивак Д. Л. Северная столица: Метафизика Петербурга. — СПб: Тема, 1998. — 142 с.
15. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. — Киев. 1996.

Яценко Т. А., Руденко Ж. О. Артефакти як складова частина культурного концепту СЕВАСТОПОЛЬ.

Статтю присвячено ролі артефактів у створенні ключового образу Севастополя як культурного концепту. Дослідження базується на дискурсному аналізі текстів К. Г. Паустовського.

Ключові слова: артефакт, культурний концепт, ключовий образ, дискурсний аналіз, К. Г. Паустовський, Севастополь.

Yashchenko T., Rudenko O. The artefacts as the forming part of the cultural concept Sevastopol.

The article is devoted to the role of artefacts in the creation of the key images of Sevastopol as the cultural concept. The research is based on the discours analysis of the texts by K. Paustovsky.

Key words: artefact, cultural concept, key image, discours analysis, K. Paustovsky, Sevastopol.

Стаття поступила в редакцію 7 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 214 – 219.

Раздел 3.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА: ЕДИНИЦЫ, КАТЕГОРИИ, НАПРАВЛЕНИЯ

УДК 81'367.623

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КРЫМЧАН (ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В. А. Азарова

*Филиал Московского государственного университет
имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе*

В статье анализируется функционирование прецедентных имен, сформировавшихся в процессе развития русской, украинской и крымскотатарской лингвокультур в полилингвокультурной ситуации Крыма. Описываются динамические процессы трансформации в семантической структуре прецедентных имен на материале средств массовой коммуникации Крыма и данных анкетирования.

Ключевые слова: прецедентное имя, функция, полилингвокультурная ситуация, языковое сознание крымчан.

Постановка проблемы. До сих пор среди ученых-лингвистов нет единства в понимании и трактовке прецедентных феноменов. А. Е. Супрун называет «прецедентные феномены» «текстовыми реминисценциями» [5], Ю. Е. Прохоров — «прецедентными текстовыми реминисценциями» [3], С. И. Сметанина — «цитатным письмом» [4]. В. В. Красных описывает «прецедентный феномен» как родовое понятие, в структуру которого входят прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ), прецедентное имя (ПИ) и прецедентное высказывание (ПВ). В современной науке прецедентные феномены признаются нравственными эталонами нации, определяющими этнокультурную специфику, отражающими историю и культуру народа, национальный характер. Прецедентное имя, по мнению В. В. Красных, может функционировать либо как имя собственное, указывая непосредственно на денотат, в этом случае дифференциальные признаки ПИ оказываются нерелевантны; либо как имя прецедентное, то есть употребляться в качестве «сложного знака», обладающего, помимо простого набора значений, некоторым инвариантом восприятия стоящего за именем «предмета» [2]. В своем исследовании мы опираемся на концепцию В. В. Красных и считаем ПИ структурным элементом понятия «прецедентный феномен».

Все больше исследователей обращает внимание на широкую употребительность ПИ в разнообразных информационных источниках, мгновенно улавли-

вающих и отражающих все движения политической, социальной, культурной жизни. В современной лингвистике назрела необходимость системного рассмотрения и глубокого теоретического осмысления функционирования ПИ как культурной составляющей национального когнитивного пространства. В настоящее время проблемами функционирования ПИ занимаются такие ученые, как Е. А. Нахимова, С. Б. Сереброва, Г. Г. Слышкин, М. В. Тверских, Н. А. Фатеева, С. С. Чистова, А. П. Чудинов. В их работах исследуются персуазивная, аттрактивная, людическая, эстетическая, делимитативная (парольная), прагматическая функции. Персуазивная функция состоит в степени авторитетности данного ПИ для лингвокультурного сообщества. Аттрактивная — в привлечении внимания читателя путем использования прототекста в новом контексте. Людическая функция проявляется в языковой игре. Делимитативная ориентирует создателя текста на определенного реципиента, который в состоянии опознать ПИ и воспринять инвариант ПИ в аспекте, задуманном автором. Эстетическая функция часто граничит с эффектом травестирования и создает у адресата ощущение удовольствия. Прагматическая функция — это функция воздействия на адресата, выражающаяся в способности ПИ изменять картину мира, имеющуюся у адресата, а также в способности формировать систему ценностей и антиценностей, служащую для объединения «своих» и противопоставления «своих» «чужим».

Особый интерес представляет изучение функционирования ПИ в полилингвокультурной ситуации Крыма (далее ПЛКС) (термин Г. Ю. Богданович). ПЛКС «формируется не путем «сложения» этносов, социальных групп, а в результате выявления признаков полилингвокультурной ситуации, возникшей в многоэтносном пространстве, имеющем свой культурный фон, культурно-историческое наследие, традиции, культурные концепты и характеризующемся специфическими культурными процессами (взаимодействие культур, интеграция социально-культурных проявлений разных культур). Подобная ситуация характеризуется взаимоналожением и взаимовлиянием лингвоментальных признаков, сформировавшихся в пространстве разных, но тесно контактирующих этносов [1, с. 33].

Цель данной статьи — выяснить, какое место занимает ПИ в языковом сознании крымчан. Задача — описать специфику функционирования прецедентных имен в крымском полилингвокультурном регионе.

Функциональный аспект ПИ отражает, прежде всего, авторитетность и популярность той или иной реально существующей (или существовавшей) личности либо литературного персонажа. В ходе исследования был проведен эксперимент с целью выявления группы ПИ, функционирующих в полилингвокультурном пространстве Крыма. За основу была взята анкета, разработанная учеными В. В. Красных и Д. Б. Гудковым. Мы включили в нее 55 имен, претендующих на статус прецедентных. Источником этих имен стали три самые большие лингвокультуры Крыма: украинская, русская, крымскотатарская, а также «универсальные имена». Анкету предлагали заполнять респондентам, проживающим в Крыму и принадлежащим к разным этносам. В результате анализа анкет был составлен список имен, которые подходят под определение прецедентных: *Леся Украинка,*

Тарас Шевченко, Мерелин Монро, Мать Тереза, Шумахер, Иуда, Терминатор, Маугли, Рокфеллер, Альфонс, Аполлон, Отелло, Остап Бендер, Швондер, Ассоль, Анна Каренина и др. Следующий этап исследования заключался в анализе коннотативного употребления данных ПИ в средствах массовой коммуникации Крыма: газетах, журналах, форумах, Интернет-изданиях на русском и украинском языках.

Изучение результатов анкетирования показало, что в сознании крымчан ПИ крымскотатарской этнолингвокультуры хранятся только как знания и лишь в некоторых случаях как инварианты восприятия, которые в речевой деятельности не актуализируются. В ходе эксперимента 75 % респондентов крымских татар вписывали в анкету денотат предложенного имени, 25 % опрошенных — инвариант восприятия. В публикациях одной из самых популярных газет крымских татар «Голос Крыма» все исследуемые единицы обращают читателя к денотату. Например: *Разносторонне одаренный, Э. Шемьи-заде проявил себя как блестящий критик, литературовед и переводчик. Он создал ряд хрестоматий по литературе, перевел на крымскотатарский язык поэму А. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», стихотворения Т. Шевченко, произведения Шекспира, Навои, Есенина, Гамзатова и др.* (Голос Крыма, 28.05.2008). Таким образом, минимальная обращенность крымских татар к ПИ наблюдается и в ситуации бытовой коммуникации, и в текстах СМИ.

Реакцией респондентов на имена известных деятелей украинской культуры (*Иван Франко, Леся Украинка, Тарас Шевченко, Григорий Сковорода*) была обобщающая формулировка «выдающаяся личность». Анализ функционирования ПИ, сформировавшихся в процессе развития украинской культуры, показывает полярность исторических и политических взглядов представителей поликультурного общества Крыма, а также демонстрирует тенденцию к ослаблению интереса к истории, литературе.

Среди исследуемых ПИ русской лингвокультуры наиболее частотным явилось употребление имени *Остап Бендер*. Периодические издания пестрят заголовками «...Мелитопольский Остап Бендер», «Симферопольский Остап Бендер», «Новые Остапы Бендеры». Как правило, ПИ *Остап Бендер* функционирует совместно с прецедентными ситуациями, проецирующими на реальные события и одновременно отсылающими к эпизодам из «Двенадцати стульев». В орфографическом и морфологическом оформлении данного ПИ отсутствует единообразие: *Остап Бендер, остапы бендеры, Бендеры и бендерята, Остап Ибрагимович, остапы ибрагимовичи*. Чем более общеизвестным и высокочастотным является ПИ, тем выше вероятность его написания со строчной буквы, в форме множественного числа и без кавычек, что отражает специфику его верификации.

Для современного крымчанина прецедентное имя служит средством вербализации ценностной шкалы и моделей поведения. Средства массовой информации декларируют сходство с политическим деятелем либо с литературным персонажем как аксиологическую модель поведения членов лингвокультурного сообщества. Постепенно представленная аналогия превращается в причинно-

следственный процесс: делаешь так, как Хмельницкий, Каганович, Швондер, следовательно, адресат такой же герой / злодей: *Глядя на результаты последнего опроса, я вспомнил мужественное обветренное лицо нашего президента, чеканящего с трибуны под лязг танковых гусениц: «Этот военный парад посвящаем всем победам украинского духа и украинского оружия... Никто и никогда не будет обмерять наши границы, острова и полуострова... Нет места для слабости. Мерило — одно: национальные интересы... Слава украинским героям... Слава нашим воинам... Слава Украине...» Ну что тут скажешь, **Богдан Хмельницкий**, не меньше... (Колесо, №32, 2008); *Каков процент **Швондеров**, дошедших до **Кагановичей**? И сколько из них при диком пассионарном прорыве в походе по трупам наверх умудрились сохранить (или приобрести) хоть каплю человеческих качеств со смешным названием «нравственные»? Но, в отличие от серых **швондеров**, заполонивших крымскую политическую сцену, они хоть были личностями (gorod. lv, 20.10.2010).* Анализ анкетирования показал, что 100 % респондентов называют ядерным компонентом семантики ПИ *Каганович* — «злодей, убийца, тиран», а ПИ *Швондер* — «серая, недумаящая личность». Такое «единодушие» респондентов говорит о трансмутации семантической структуры данных ПИ: исходное значение растворилось и «обезличилось» до оценки «плохой».*

Следующим этапом формирования эталонности ПИ является сакрализация и даже мифологизация эмпирического имени: *Тем временем, отправленный в отставку глава МВД Юрий Луценко подмечает, что нынешняя ситуация в Незалежной сродни кризису во Франции XV века. Но украинскую **Жанну д`Арк** (то бишь Тимошенко) предателям **Карлам-Ющенко** так просто не победить...* (Рабочая газета, 01.11.2010) Имя сакрализуется через символ — знак, который раскрывается через интерпретацию интенционала ПИ Тимошенко, подтверждение тому — широкий перечень номинаций, встречающийся в масс-медиа: «оранжевая принцесса», «леди Ю», «женщина на миллиард», «единственный мужчиной среди украинских политиков», «женщина с косой», «женщина с нимбом», «самурай в юбке», «женщина-мечта», «мисс Украина», «женщина-бренд», «БЮнТовщица», «железная леди украинской политики», «украинская Жанна д`Арк», «она — это Украина».

ПИ является одним из составляющих национального семиозиса — знаково-символической составляющей социумной модели Крыма. Некоторые ПИ из символов превращаются в знаки, утрачивая специфические коннотативные характеристики *Кочубеи*, *Мазены*, *Полуботки*, *Розум*, и фиксируют обобщенную оценочность лексики, называющей предметы материального мира: *В конце концов самостийникам можно оставить какую-нибудь Украинську народну республіку, жмущуюся к Карпатам. Со столицей у Львови. Хай вони там носяться со своими трьозубцями, грывнями, **мазенами** та жовто-блакитними прапорами, як дурень з пысаной торбою* (Зеркало недели, 24.12.2004).

В системе дифференциальных признаков ПИ, сформированного на базе собственного имени, обязательно присутствуют элементы, отвечающие за стилисти-

ческую маркированность, и в этом случае ПИ выполняют функцию эвфимизации, связанную с аксиологическими задачами и созданием комического эффекта: *Интересно, про какие «тесные» отношения между БЮТ и «Нашей Украиной» можно говорить на фоне разгорающегося «пленочного» скандала и каким конкретным орешком готов Виктор Андреевич расплатиться с Золушкой украинской политики уже сейчас за то, чтобы она отказалась сразу от двух, которые, к тому же, уже практически у нее в руках?* (from ua. com, 24.02.2010). ПИ используются при шаржировании, в ироничных и пародийных текстах, подвергаются комической акцентировке: *Главный — Литвин. Пришел на собрание с пластырем на пол-лба. Еще бы усы — и копия Чапаев. Сразу видно — начальник.* (Рабочая газета, 14.10.2010); *Как свидетельствует история, те, кто владеет словом, всегда были в цене. У каждого «гитлера» был свой «геббельс», умевший, если нужно, пугать, но и (при необходимости) сладкоголосые песнопения тянуть-растягивать, теша ухо растроганного обывателя и прикармливая его, неразумного и доверчивого прямо с руки* (Колесо, 23.10.2004).

Вывод. Исследование ПИ как структурного элемента языкового сознания крымчан показало, что наблюдается два направления в функционировании ПИ в полилингвокультурной ситуации Крыма. Первое связано с обращением к проблемам общественно-политическим, с расширением функционирования ПИ, восходящих к украинской лингвокультуре, с усилением актуализации признаков, указывающих на социальные характеристики и политизацию.

Второе направление оказывается более широким и включает в себя ПИ русской и украинской лингвокультур, отражающие общечеловеческие ценности, а также «универсальные» ПИ, которые чаще стилистически маркированы, отражают нравственную, этическую область культуры и оценку гуманных качеств человека. В смысловой структуре таких ПИ происходят динамические процессы символизации, трансмутации, сакрализации, мифологизации, которые изменяют не только ПИ, но и эталоны, национальный семиозис, конструирующий крымский социум.

Литература

1. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. — Симферополь: ДОЛЯ, 2002. — 335 с.
2. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 375 с.
3. Прохоров Ю. Е. Социальный статус как прагмалингвистическая основа речевого общения и его роль в межкультурной коммуникации / Ю. Е. Прохоров // Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы. — М., 1997. — С. 13 – 24.
4. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. / С. И. Сметанина. — М.: Изд-во В. А. Михайлова, 2002. — 251с.
5. Супрун А. А. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. А. Супрун // Вопросы языкознания. — 1995. — № 5. — С. 17 – 29.

Азарова В. О. Прецедентне ім`я в мовній свідомості кримчан (функціональний аспект).

У статті аналізуються функціональні особливості прецедентних імен, які сформувалися в процесі розвитку російської, української та кримськотатарської лінгвокультур в полілінгвокультурній ситуації Криму. Описуються динамічні процеси трансформації у семантичній структурі прецедентних імен на матеріалі засобів масової комунікації Криму і даних анкетування.

Ключові слова: прецедентне ім`я, функції прецедентних імен, полілінгвокультурна ситуація, мовна свідомість.

Azarova V. The Precedent Name in the linguistic consciousness of Crimean (the functional aspect).

The article examines the operation of precedent names that have emerged in the development of Russian, Ukrainian and Crimean Tatar Linguistic Culture in Crimea. Describes the dynamic processes of transformation in the semantic structure of precedent names on the material means of mass communication and a sample of the Crimea.

Key words: precedent names, function, polylingvoculture, language, consciousness Crimeans.

Стаття поступила в редакцію 5 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 220 – 224.

УДК 81'22:165.191

СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИФА В ЯЗЫКЕ

Л. В. Валеева

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье представлены результаты изучения семиотических единиц знак, символ, миф, мифологема, мифема, мифоним в связи с разработкой принципов и способов репрезентации мифа в языке.

Ключевые слова: семиотика, язык, миф, знак, символ, мифема.

В последние десятилетия сформировалось новое, технологически формализованное пространство человеческой коммуникации, в котором человек, захваченный и погруженный в медиатекст, сам становится продуктом новых медиа. Социум превращается в унифицированную структуру при кажущейся индивидуализации жизни его членов. В современном обществе фиксируются процессы, обеспечивающие интеллектуальную безопасность участников коммуникативных действий: десубъективизируется и схематизируется информационный поток, активизируются процессы символизации и мифологизации. Научное сообщество разрабатывает и апробирует принципы и методы исследования новой информационной онтологии. Одним из способов научного познания является обращение к знаку и знаковым сущностям.

Постановка проблемы. Семиотика — междисциплинарная наука. Уникальное положение семиотики в научной парадигме объясняется ее способностью быть основой создания любой частной науки. Один из основателей семиотики Чарльз Пирс считал эту науку наблюдательной, позитивной и своеобразной. Знаки, в понимании Ч. Пирса, универсальные медиумы между человеком и внешним миром. Язык оперирует знаками, обозначающими объект «только в отношении к своего рода идее, которая и является основой знака (репрезентамена)» [7, с. 177]. Ученый писал, что знак не так моделирует действительность, как создает ее. Знак всегда адресуется кому-то, то есть создает в уме человека равноценный знак или, возможно, более развитый знак. Семиотика нацелена на обнаружение того, что должно быть, а не только того, что есть в действительном мире [7].

Семиотика имеет свои концептуальные корни. Августин Аврелий различал два типа знаков: собственные и переносные. Если первые употребляются для обозначения вещей, для которых они изобретены, то вторые — знаки «внутреннего человека» — являются основой словесно-логического творчества. Г. Лейбниц раскрыл значение знака, позволяющего коротко и глубоко выразить природу вещей и при этом сократить мыслительный процесс [12]. Ф. де Соссюр считал, что вначале должна быть раскрыта тайна знака, а затем описаны законы взаимодействия и соположения знаков. Исследователь писал: «Многие спорят, пытаюсь выяснить, куда

следует отнести лингвистику — к естественным или к историческим наукам. Но она не входит ни в одну из этих двух областей и относится к тому разряду наук, которые должны были бы существовать под именем семиологии» [9, с. 32].

В настоящее время семиотика вновь востребована. И связано это с изменением характеристик коммуникации, так как коды и символы, подобно языку рекламы, стали управлять сознанием людей. Семиотика на современном этапе, как это ни странно, существует не как самостоятельная наука, а как совокупность семиотических построений в каждой науке. Израильский ученый Абрам Соломоник утверждает, что семиотика до сих пор находится на предпарадигмальном уровне. А это значит, что до настоящего времени нет согласованных представлений, что такое знак и знаковая система, каковы их основные свойства и характеристики, какова их хотя бы приближительная классификация [10]. Поэтому идея формирования семиотических концептуальных схем в отдельной области знаний в релевантных для семиотики понятиях и терминах является, возможно, единственным решением проблемы.

Цель исследования — разработка принципов описания вербальной репрезентации мифа на основе современной семиотической концепции языка.

В настоящее время нет исчерпывающего и однозначного определения знака. В зависимости от цели и задач исследования знаком может выступать любая сущность, реалья, идея. В чем единодушны исследователи, так это в «первичности» естественного языка как знаковой системы. Языковой знак и его корреляты являются одновременно и объектом, и метаязыком научных изысканий.

История исследований языка как знаковой системы достаточно известна (Р. Барт, Ю. Кристева, Ю. Лотман, Г. Почепцов, Ф. де Соссюр, Ю. Степанов, Р. Якобсон и др.). Сложилось два лингвистических направления семиотики. Согласно одному, семиотические структуры помогают разрабатывать теорию языка (текста, дискурса, языкового уровня и т. п.). Согласно другому, изучается языковой знак во всех формах и способах проявления. Эти направления взаимозависимы и являются продолжением друг друга.

Анализ знаковой сущности объекта исследования тесно связан с проблемой создания научного аппарата. Формирование метаязыка выявляет комплекс нерешенных вопросов. Прежде всего, это соперничество плана содержания и плана выражения, так как языковые единицы выступают одновременно и в качестве семиотических номинаций, и в качестве объекта описания. Следующий вопрос связан с амбивалентностью понятия знак и его производных — знаковая система, знаковая ситуация, полный знак, частичный знак, суперзнак и под. Еще одной проблемой является всеохватывающий, универсальный характер вербальных знаковых систем. К «белым пятнам» семиотики можно отнести и проблему мифа.

Р. Барт определяет миф и как единицу метаязыка, позволяющую отстраниться и увидеть «особый смысловой режим», и как материал, деформирующий объекты и превращающий историю в природу. Миф представляет собой вертушку, где «означающее все время оборачивается то смыслом, то формой, то языком-объектом, то метаязыком, то чисто знаковым, то чисто образным сознанием» [1; 2, с. 281]. Трактовка мифа Р. Бартом как вторичной семиологической системы породила мнение о мифе-знаке, подобно другим единицам семиотики. Более того, в эпоху

преобладания ценности информации над ценностью материи миф начинает восприниматься как суперзнак, иррациональный знак, не поддающийся контролю.

Односторонность подобного подхода проявляется в том, что признание мифа только семиотической единицей ограничивает его прагматическую ценность как репрезентанта памяти человечества. Термин миф представляет три достаточно самостоятельных научных направления: во-первых, это история, повествование, которое невозможно проверить и которое является частью культуры; во-вторых, это некая материя, заполняющая социальное сознание человечества и с помощью упрощенных и частично мистифицированных смыслов делающая нашу жизнь ясной и непротиворечивой; в-третьих, это регуляция взаимоотношений субъектов социально-политического действия.

Таким образом, миф как всякое многомерное и диалектически сложное явление мы можем анализировать как форму, мотивированную смыслом, и сущность, трансформируемую означающим. Семиотическая природа мифа — это особенности и закономерности его вербального воплощения, анализ которых требует устойчивой терминологической базы.

Изучение метаязыка семиотики мифа высвечивает две проблемы. Первая — корпусно терминологическая, так как семиотической фиксацией мифа называют и знак, и символ. Вторая — собственно терминологическая, так как, ориентируясь на ключевое слово, используют термины мифологема, мифема, мифос, мифоним.

В первом случае мы сталкиваемся с многоуровневой корреляцией терминов знак, символ и миф. Р. Якобсон считал, что символ не только обозначает «род вещи», но «он сам является родом, а не отдельной вещью», что знаки символического характера — это единственные знаки, способные образовывать суждения, тогда как «иконические знаки и индексы ничего не утверждают» [13, с. 125]. А. Лосев в статье «Терминологическая многозначность в существующих теориях знака и символа» признает диалектичность лотмановского определения знака как «единства обозначающего и обозначаемого», но протестует против его исключительной коммуникативности, отстаивая познавательную функцию. А. Лосев признает, что символ — особая разновидность знака, который рассматривается 1) как знак, обозначающий незнаковую реальность и служащий средством рационального перевода содержания, и 2) как знак, являющийся отображением знаков другого ряда или языка, отсюда его иррациональность и мистичность. В работе «Диалектика художественной формы» А. Лосев дает сложную дефиницию символа: символ есть «тождество выраженности и невыраженности адекватно воспроизведенного Первообраза, данное как энергично-смысловое излучение его самоутвержденности» [5, с. 99; 6].

Н. В. Слухай выделяет четыре значения термина символ. В первом значении символ — адаптационный инструмент знака, посредник между человеком и миром изменчивой действительности. Во втором значении символ как знаковая фиксация мифа представляет мифологему, в третьем значении — это образное опредмечивание мифа [8].

Анализ терминологического корпуса семиотической системы языка показал, что в иерархии единиц знак является элементом высшего порядка, символ пред-

ставляет знак, являющийся посредником между знаковой и незнаковой реальностью и гиперонимом по отношению к другим знакам языка. Так как эти термины характеризуются высокой степенью обобщения, они получают в метаязыке множество различных смысловых наполнений. Эти понятия можно назвать семиотическими универсалиями, что требует особой методологии исследования, особой научной позиции.

Термины, ориентированные на родовое понятие мифа, должны отражать метонимические отношения, представляя логически мотивированную часть сложного целого. Анализ терминов мифологема, мифема, мифос, мифоним выявил, что круг значений каждого термина не очерчен. Наиболее широкий диапазон значений у мифологема. С одной стороны, мифологема считается знаком мифа и объявляют вербальным носителем мифа [3]. С другой стороны, это образное сознание, воплощенное в понятия-образы и реализуемое в системе символов. Мифологемой называют сознательное заимствование мифологических мотивов и перенесение их в мир современной художественной культуры. Мифологема чаще воспринимается как смысл, а не как форма (например, мифологема *цветной революции*). Когда мифологические мотивы, включенные в массовое сознание, проецируются на сферу общественной жизни, мы имеем дело с идеологическими мифологемами. В их основе ключевые для данной культуры общественно-политические убеждения. Социальная, или прикладная, мифология, помимо мифотворчества, производит адаптацию искусственно созданных мифологем в массовом сознании. Изучение логических связей между терминами мифологема и мифема выявило как омонимичные отношения, так и отношения части и целого (узкого и широкого значения). Мифема характеризуется такой же высокой амплитудой значения: от знака мифа [11] до смыслового целого мифа, называющего ядерные элементы содержания [4]. Во втором случае, мифема — всегда конкретизация, а мифологема — обобщение.

В лингвистической терминосистеме хорошо известна группа ономастической лексики — мифонимы. Мифоним представляет в языке имя мифического персонажа и фантастического существа. Значение термина может быть более широким: явления природы или культуры в персонифицированной, вымышленной форме. Теория мифонима основывается на вербализации мифологема, оформленной в текст (миф, сказку, легенду) и отражающей первичное, иррациональное мировосприятие человека. Традиционные мифы помогают онтологически освоить мир, поэтому они требуют связного и художественно организованного текста. Группа прикладных мифов представляет не существующие онтологически и искусственно концептуализированные явления, поэтому не может быть репрезентирована в языке термином мифоним.

Вывод. Анализ способов вербализации мифа в языке свидетельствует, что миф является целостной когнитивной структурой и должен быть представлен языковым знаком, объединяющим лингвистические и паралингвистические теории мифа. Семиотической единицей репрезентации мифа в области лингвистики и смежных с ней наук мы определяем мифему, которая может объединить элементы языка различной структуры сложности, которая детерминирует множественность

вариантов интерпретации в соответствии с характеристиками дискурса и способностями языковой личности.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика // Р. Барт: сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989 — 616 с.
2. Барт Р. Мифологии / Р. Барт: пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. — М.: Академический проект, 2008. — 351 с.
3. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: [монография] / М. Р. Желтухина. — М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. — 656 с.
4. Кафтанджиев Х. Герои и красавицы в рекламе / Х. Кафтанджиев. — СПб: Питер, 2008. — 223 с.
5. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы / А. Ф. Лосев // Форма — Стиль — Выражение. — М.: Мысль, 1995. — С. 5 – 296.
6. Мельникова Ю. В. А. Ф. Лосев и тартуская семиотическая школа: Опыт теоретического диалога [Электронный ресурс] / Ю. В. Мельникова. — Режим доступа: http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/296/image/296_102.pdf
7. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс: пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриев. — М.: Логос, 2000. — 448 с.
8. Слухай Н. Лингвистика сферы сакрального: русская культурно-языковая традиция (введение) / Н. Слухай // Біблія і культура: Зб. наук. ст. — Чернівці: Рута, 2008. — Вип. 10. — С. 116 – 123.
9. Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики / Н. А. Слюсарева. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 112 с.
10. Соломоник А. Семиотика общая и семиотики частные [Электронный ресурс] / А. Соломоник. — Режим доступа: http://www.repiev.ru/articles/Semiotics_Special.htm
11. Ульяновский А. В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы / А. В. Ульяновский. — СПб: Питер, 2005. — 544 с.
12. Фещенко В. О внешних и внутренних горизонтах семиотики [Электронный ресурс] / В. Фещенко. — Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/printout3675.html>
13. Якобсон Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика: Антология: сост. Ю. С. Степанов: изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 111 – 126.

Валеева Л. В. Семіотична модель міфу у мові.

У статті представлені результати вивчення семіотичних одиниць знак, символ, міф, міфологема, міфема, мифоним у зв'язку з розробкою принципів і способів репрезентації міфу в мові.

Ключові слова: семіотика, мова, міф, знак, символ, міфема.

Valieieva L. V. Semiotic model myth in the language.

The article presents the results of a study of semiotic units sign, symbol, myth, mythology, mifema, mifonim in connection with the development of principles and methods of representation in the language of myth.

Key words: semiotics, language, myth, sign, symbol, mifema.

Стаття постуила в редакцію 18 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 225 – 237.

УДК 808.2-085(082)

ВИРТУАЛЬНОЕ ЖАНРОВЕДЕНИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Е. И. Горошко, Е. А. Землякова

*Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»,
г. Харьков*

В статье рассматривается появление новой отрасли в теории жанров – виртуального или сетевого жанроведения, лингвистического направления, изучающего особенности возникновения и функционирования в сети Интернет виртуальных жанров.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-лингвистика, виртуальный жанр, теория жанров.

Общая постановка проблемы. В последнее время все большее количество коммуникативных практик переходит в сеть Интернет: усиливается интенсивность использования языка в Сети, возникает особая коммуникативная среда, особое место его функционирования — *коммуникативное пространство*, которое оказывает все более интенсивное влияние на лингвистику Интернета — новое направление лингвистического анализа. В последнее время коммуникативное пространство Интернета стало своеобразной жанропорождающей средой, которая способствовала как более интенсивному развитию жанроведения в целом, так и возникновению новых, свойственных только данной информационной среде жанров, а также появлению *теории виртуального жанроведения* (Горошко, Капанадзе, Компанцева, Dillon, Gushrowski, Herring и др.), в задачи которого входит описание и структурирование всего многообразия виртуальных или интернет-жанров и способов их классификации.

Целью данной работы является теоретический анализ проблем современного виртуального жанроведения.

Поставленная цель определяет **задачи** исследования: исследование возможностей изучения виртуальных жанров и изменений в современном жанроведении, вызванных бурным развитием интернет-технологий в целом; описание влияния технологического фактора на современное жанроведение; разработка основ для создания типологии виртуальных жанров как одного из основополагающих направлений лингвистики Интернета, обсуждение нерешенных и проблемных вопросов в данной предметной области.

В *виртуальном жанроведении* на настоящий момент выделяются следующие проблемные области:

- определение и описание виртуального жанра;
- соотношение и взаимодействие традиционных и виртуальных жанров;

- поиски и разработка критериев для классификации виртуальных жанров;
- описание специфических виртуальных жанров.

Однако, говоря о виртуальных жанрах и их изученности современной лингвистической наукой, нельзя не отметить определенную терминологическую проблему. На сегодня (в силу молодости науки) ещё отсутствует устоявшийся, единый термин, описывающий жанр, «работающий» в сети Интернет. Так, употребляются словосочетания: *виртуальный жанр* (Лутовинова, Каумова, Компанцева, Горошко), *электронный жанр* (Вавилова, Капаназде, Саенко), *коммуникативный сервис Интернета*, *интернет-жанр* (Горошко, Жигалина), *дигитальный жанр*, *цифровой жанр* (Щипицина), *гипержанр* (Капаназде), *сетевой жанр* (Трофимова), *жанровый формат виртуального дискурса* (Компанцева).

В англоязычном академическом дискурсе также существует несколько терминов, описывающих это явление: *cyber-genre* (Shepherd, Watters), *web-genre* (Rehm), *digital genre* (Askehave, Nilsen). Приведенные термины, как в русскоязычной коммуникации, так и англоязычной, относятся к одному понятию и, в сущности, являются синонимами. В данной работе мы используем термин *виртуальный жанр* в силу того, что уже существует устоявшееся понятие *виртуальное жанроведение* (Горошко, Компанцева, Лутовинова, Щипицина), и логично использование однокорневого понятия. Однако, на наш взгляд, нельзя полностью отказываться от термина *интернет-сервис* или *коммуникативный сервис Интернета* ввиду его широкой распространенности и того факта, что в семантике этого словосочетания уже отражено влияние технологического фактора на процессы интернет-коммуникации. Считаем необходимым разграничить сферы употребления данных двух терминов.

Итак, если сравнить два термина *виртуальный жанр* и *коммуникативный сервис*, то *виртуальный жанр* — это скорее понятие для описания различных видов и аспектов коммуникации в сети Интернет, в то время как *коммуникативный сервис* — термин скорее технический, использующийся для описания программного обеспечения, технологических платформ, на которых базируется существование различных электронных жанров. Так, ICQ, например, на наш взгляд, это не интернет-жанр, как его определяет М. Л. Макаров [14], а программа, или коммуникативный сервис Интернета. Иначе в отдельные жанры придется выделять и другие, подобные ICQ программы, такие как *Miranda*, *QIP*, *Microsoft Messenger*, *Yahoo Messenger* и т. д. А вот сама коммуникация с помощью программ мгновенного обмена сообщениями, по нашему мнению, и составит отдельный виртуальный жанр, основанный на технологической платформе одной из вышеперечисленных программ.

Одновременно встает вопрос о жанровой принадлежности коммуникации с помощью мобильных телефонов, пейджеров и т. д. Считаем, что в этих случаях следует оперировать термином *электронный жанр*. И подобно тому, как понятие *электронной коммуникации* шире понятия *интернет-коммуникации*, понятие *электронный жанр* будет выступать гиперонимом по отношению к понятию *виртуальный* или *интернет-жанр*.

Заслуживает в рамках данной работы и особого внимания подход, предложенный Л. Ю. Щипициной [25], объединяющей дискурсивный подход в жанроведении, в котором характеристики участников коммуникативного процесса служат основанием для выделения типа дискурса (В. И. Карасик), а собственно дискурс рассматривается как процесс осуществления интернет-коммуникации, в которой жанр определяется опосредованием «технологического фактора» — канала электронной коммуникации. Таким образом, под виртуальным жанром понимается типовая форма речевой деятельности в коммуникации, опосредованной каналом связи [Там же, с. 112]. На базе своего подхода Л. Ю. Щипицина предлагает следующую классификацию интернет-жанров в зависимости от типа дискурса:

- «персональный дискурс: персональные чаты в межличностной (ICQ, IM) и групповой разновидностях (IRC, веб-чат), личные веб-страницы, личные веб-блоги, форумы, личные электронные письма, социальные сети;
- политический дискурс: политические веб-страницы, политические веб-блоги, политический чат, политические форумы;
- юридический дискурс: веб-страницы юридических фирм, форумы юридической тематики;
- деловой дискурс: веб-страницы фирм, деловые электронные письма, Интернет-магазины;
- рекламный дискурс: веб-баннеры, рекламные электронные письма, контекстная реклама, всплывающая реклама;
- массово-информационный дискурс: веб-страницы сетевых СМИ и новостных агентств, списки рассылки;
- педагогический дискурс: академическая веб-страница (университета, школы и других образовательных учреждений), форумы, чаты, мультипользовательские миры образовательной направленности» [Там же, с. 209].

Необходимо подчеркнуть, что с позиций логики научного анализа и дисциплинарности наиболее интенсивно развитие виртуального жанроведения происходит по следующим направлениям: функциональному, эволюционному, типологическому и лингво-философскому [11; 13; 22; 24].

Функции жанра. Здесь можно выделить два направления: описание социальных и организационных функций жанров, т. е. определение их роли и места в дискурсивном сообществе, жанровый репертуар, система жанров и изучение функций жанра с точки зрения пользовательского интерфейса.

Типология жанра, т. е. разработка непротиворечивых основ их классификации и упорядочения в системе всех РЖ — как виртуальных, так и «реальных» [22; 13; 27].

Эволюции жанра, т. е. изучение способности приспособления или мутации традиционных бумажных жанров к интернет-среде с постоянно увеличивающимися возможностями новых гипермедиа, а также изучение особенностей гибридизации жанров и возникновение абсолютно новых виртуальных жанровых форм [11; 13].

Философии жанра. Подход к рассмотрению виртуального жанра как лингво-философской категории и рассмотрение его как модифицированного речевого жанра (РЖ) с одновременным его изучением с позиций когнитивно-прагматических основ формирования виртуальной личности [11; 13].

Что касается исследований конкретных виртуальных жанров, то в лингвистике Интернета уже существует достаточно большое количество работ, посвященное рассмотрению *коммуникативных платформ* или сервисов как жанров, а именно: *персональным страницам, чатам, форумам и мгновенным мессенджерам* (например, *ICQ*) [5; 8; 9; 14]. В некоторых работах объектом исследования с точки зрения виртуального жанроведения выступают *форумы* и *блоги*, особенно в англоязычной интернет-коммуникации [27; 28]. При этом с ростом популярности того или иного сервиса, пропорционально увеличивается и количество исследований, описывающих данный феномен. Например, если несколько лет назад в виртуальном жанроведении преобладали работы, посвященные жанру *чата* или *форума* [8; 11; 17; 22], то сейчас *блогу* как виртуальному жанру уделяется всестороннее исследовательское внимание и со стороны социологии коммуникаций, и с позиций лингвистики [13; 28].

Таким образом, в связи с возрастанием количества исследований, посвященных различным аспектам коммуникации в сети Интернет, а также со становлением и развитием лингвистики Интернета и теории жанров, включая жанры интернет-коммуникации, на настоящий момент можно говорить о формировании нового научного лингвистического направления — *виртуального жанроведения*, в проблемное поле которого входит

- определение, выявление и описание виртуальных жанров;
- составление модели описания и функционирования виртуальных жанров и их типологии;
- анализ эволюции виртуальных жанров;
- выявление и описания сходств, различий и зависимостей между традиционными «бумажными» и виртуальными жанрами и т. д.;
- связь жанра и особенностей его формирования с развитием и функционированием языка в коммуникативном пространстве Глобальной паутины.

Заметим, что о виртуальном жанроведении целесообразнее говорить с позиций теории жанров в лингвистике и с позиций развития интернет-лингвистики как ещё одного нового направления в языкознании.

Также предполагаем, что в рамках теории жанров может быть рассмотрено всё то, что обозначается как *устоявшееся* или *базовое*, накопленное этим направлением за последние несколько десятилетий, а с позиции интернет-лингвистики может освещаться вся та научная рефлексия, связанная с особенностями изучения коммуникативного пространства Интернета на всех языковых уровнях: от морфологии и синтаксиса до прагматики и особенностей восприятия текстов с экрана компьютера, например, новых медиатекстов, что мы обозначаем как *новое* или *спорное*.

Описание жанровой модели в языкознании включает обычно семь параметров: *коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого и*

будущего, диктумное содержание и языковое воплощение [19, с. 97]. Эти параметры можно развести по трем уровням: стилистическому (языковое воплощение или реализация), семантическому (диктумное содержание) и прагматическому (цель, а также образы автора, адресата, прошлого и будущего) [24, с. 226].

Анализ литературных данных как с позиций *устоявшегося*, так и *спорного* показывает, что наиболее релевантным в виртуальном жанроведении является подход к видению жанров, разрабатываемый в рамках Саратовской лингвистической школы, которая определяет **речевой жанр**, прежде всего, как «вербально-знаковое оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [6, с. 8]. Необходимо конкретизировать, что жанры изучаются в когнитивном (Баранов), речеведческом (Шмелева), герменевтическом (Богин), общелингвистическом (Федосюк), психолингвистическом (Макаров, Седов), стилистическом (Салимовский) аспектах.

Одной из наиболее актуальных проблем в теории жанров является проблема выделения их классификационных критериев. М. М. Бахтин, говоря о речевых жанрах, настаивает на том, что они, «будучи, в общем, гораздо гибче, пластичнее и свободнее языка, в тоже время безличны, так как являются типической формой высказываний, но не самими высказываниями. Типическими для речевых жанров являются: коммуникативная ситуация, экспрессия (выразительность) и экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого), концепция адресата и наадресата» [3, с. 149].

Т. В. Шмелева предложила «анкету речевого жанра» — своеобразную модель выделения РЖ, отображающую его основные признаки: коммуникативную цель; модель автора; концепцию адресата; содержание события; факторы коммуникативного прошлого и будущего; языковое воплощение жанра. Или, иными словами «речевой жанр определяется *тем, кто, кому, зачем, о чем и как* говорит, учитывая то, что было и что будет в общении [20, с. 63].

К перечисленным признакам исследователи еще относят *тональность, тему и коммуникативный смысл* [18, с. 620].

Среди важнейших категориальных признаков речевых жанров также выделяют их формально-языковую и коммуникативную организацию и узнаваемость участниками общения; целенаправленность, целостность и завершенность; соотношение автора и адресата; смысловую полноценность; связь с предыдущими и последующими высказываниями и типичную воспроизводимую жанровую форму.

Важно, что Ф. С. Бацевич говорит о необходимости поиска критериев выделения речевых жанров в самом основании многотемного дискурса, выявлять сигналы изменений, к которым ученый относит изменение стратегий или тактик общения, изменение тематики разговора, модели адресата и адресанта, модальность, тональность, ситуацию и атмосферу общения [4, с. 130 – 132].

По иллокутивным признакам дискурса Н. Д. Арутюнова выделяет

д-1 — информативный диалог;

д-2 — перспективный диалог;

д-3 — обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины;
д-4 — диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений;

д-5 — праздноречевые жанры [1, с. 53 – 55].

По фактору коммуникативной цели Т. В. Шмелева выделяет информативные речевые жанры; оценочные речевые жанры; перформативные речевые жанры; императивные речевые жанры [21]. По критерию композитивности ученая различает одноактные и многоактные речевые жанры [20, с. 59].

По структуре А. Г. Баранов выделяет четыре типа РЖ: 1) *первичные (простые)* РЖ, которые близки к речевым актам; 2) *первичные (сложные)* РЖ, которые равны диалектическому тексту; 3) *вторичные (простые)* РЖ — функционально-смысловые элементарные тексты — описание, повествование и т. п.; 4) *вторичные (сложные)* РЖ, включающие низшие РЖ в трансформированном виде [2, с. 8]. Эта типология дает возможность теоретически и практически различать разные объекты исследования.

С жанрово-коммуникативной точки зрения К. В. Кожевникова выделяет три класса речевых жанров:

1) тексты, содержание которых строится по жестким (где-то в большей, где-то в меньшей степени) информативным моделям: *афиша, инструкция, рецепт*;

2) тексты, содержание которых строится по информативным узуальным моделям (*газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение*);

3) тексты, нерегламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности с жанрово-коммуникативной стороны (*частная переписка*) [10, с. 53 – 54].

Также в современной теории жанров, кроме понятия «речевой жанр», актуальными являются такие понятия, как: *субжанр, гипержанр* и *жанроид* [17]. При этом под *субжанром* понимается жанровая форма, представляющая собой одноактные высказывания [17, с. 33], *гипержанр* представляет собой жанровое макрообразование, которое сопровождает социально-коммуникативные ситуации и объединяет в своем составе несколько жанров [6, с. 33], а *жанроид* определяется как переходная форма, которая осознается говорящими как нормативная, но располагается в межжанровом дискурсивном пространстве [6, с. 34].

По мнению К. Ф. Седова, «...каждая разновидность дискурса нуждается в более дробном членении, сочетающем в себе представления о специфике той или иной социальной сферы общения и индивидуальных особенностей языковых личностей, принимающих участие в интеракции» [17, с. 33]. Именно иерархическая дробная система единиц дает возможность такой дифференциации. Особенно актуальной предложенная К. Ф. Седовым система становится в виртуальном жанроведении, когда требуется упорядочение всего того жанрового разнообразия, которое породила сеть.

А теперь о *спорном* или *новом*, что привносят новые технологии и появившиеся на их основе коммуникативные пространства в теорию жанров.

Так, О. В. Лутовинова указывает, что не только иерархическая система жанров может быть заимствована в виртуальное жанроведение. О. В. Лутовинова предлагает при выделении жанровых признаков «...исходить из того, что как любое сложное многомерное образование виртуальный дискурс предполагает неоднородность критериев, используемых для выделения того или иного признака, той или иной категории» [13, с. 165]. Жанры дискурса, выделяемые на основе критериев *структурность* и *композиционность*, определяются как *дискурсообразующие*. Одновременно исходя из интенционального разнообразия высказываний дискурса, классификацию его жанров, как считает О. В. Лутовинова, можно производить по использованию относительно устойчивых типов высказываний в тех или иных ситуациях, как вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей. Такие жанры виртуального дискурса можно назвать *дискурсоприобретенными* (курсив наш — Е. Г. и Е. З.), поскольку использование относительно устойчивых типов высказываний происходит в уже сложившихся формах общения, жестко обусловленных в виртуальной среде определенными техническими параметрами [13, с. 285]. О. В. Лутовинова к дискурсообразующим жанрам относит *электронное письмо (e-mail), чат, форум и гостевую книгу, жанр мгновенных сообщений, блог, многопользовательскую ролевою игру онлайн, СМС*, к дискурсоприобретенным — *флейм, сетевой флирт, виртуальный роман, креатифф, флуд, спам и послание* [13, с. 169 – 281].

Исследовательница предлагает описывать *дискурсообразующие* жанры с помощью *параметров организации коммуникации*. К этим параметрам относится характер направленности на адресата (персональный — массовый); временная ориентация (синхронная/асинхронная); степень интерактивности (низкая – средняя – высокая); регламентированность (по форме и содержанию); принцип взаимодействия (один – на – один; один — многим) [13, с. 287 – 288].

Реализуясь внутри дискурсообразующих, дискурсоприобретенные жанры, однако, не «привязаны», как считает О. В. Лутовинова, к какому-то конкретному дискурсообразующему жанру. Каждый дискурсоприобретенный жанр может развиваться внутри любого дискурсообразующего», чему способствует и стремительное развитие интернет-технологий [13]. Всё чаще сеть предоставляет определенную коммуникативную платформу, сервисное пространство, которое позволяет реализовываться сразу же нескольким виртуальным жанрам: например, современный почтовый сервис на *Яху* предоставляет одновременно сервис *чата* и *социальной сети*, или социальная сеть *Фейсбук* с возможностями *чата, форума* и сервиса *файлообменников*, подключенных к личностному пространству (*аккаунту*) его пользователей, а также видеть всех «френдов» (друзей), которые в данный момент «сидят» в *Скайпе* (т. е. пользуются услугами сервиса интернет-телефонии).

Актуализация и интенсификация развития лингвистических исследований, посвященных вопросам интернет-коммуникации, способствовали тому, что проблема анализа и выявления РЖ была перенесена в абсолютно новую для лингвистики плоскость — коммуникативное пространство Интернета. В основе боль-

шинства имеющихся на сегодня классификаций жанров в сети Интернет лежит принцип объединения в один жанр ресурсов, сходных по следующим признакам:

- интенции адресанта (сообщение / общение);
- структурирование предлагаемого материала;
- реальность / ирреальность общения во времени [15].

Так, большинство исследователей в качестве жанров в интернет-коммуникации выделяют *электронную почту, чат, электронные доски объявлений, компьютерные конференции* [5]. Часто данная классификация дополняется таким жанром, как *сайт* [15]. Зарубежные ученые к перечисленным жанрам относят и *виртуальные миры* или *многопользовательские онлайн-игры* (MOOs, MUDS, MUCKs, MUSEs и т. д.) [26].

Особого внимания в виртуальном жанроведении заслуживают работы Л. Ю. Щипициной [22 – 25]. Исследовательница предлагает следующую модель жанра компьютерно-опосредованной коммуникации, построенную в зависимости от ряда параметров:

- прагматических (*Зачем? Кто? Кому? Где?*);
- медийных (*Чем? С помощью какой компьютерной программы?*);
- структурно-семантических (*Что? В каком порядке?*);
- стилистико-языковых (*Как? С помощью каких языковых средств?*).

К медийным параметрам ученая относит, прежде всего, визуальную презентацию жанра или его интерфейс, степень и особенности использования гипертекста, а также уровень мультимедийности, интерактивности, синхронности, а также количество и эксплицированность коммуникантов [23; 28].

Л. Ю. Щипицина свою собственную классификацию виртуальных жанров выстраивает в зависимости от коммуникативных функций интернет-общения. Эта система включает шесть типов виртуальных жанров:

1) информативные жанры, используемые для предъявления или получения информации (*институциональные веб-страницы, веб-страницы новостных агентств и сетевых СМИ*);

2) директивные жанры, которые призваны побудить адресата осуществить какое-либо действие (*веб-реклама, коммерческие и частные объявления, интернет-магазины и аукционы*);

3) коммуникативные жанры, удовлетворяющие потребности в общении и соблюдении этикетных норм (*чат, электронные письма, новостные группы, форумы, социальные сети* (добавление наше — Е. Г. и Е. З.);

4) презентационные жанры, служащие для самовыражения и представления данных о себе или своих произведениях (*личные веб-страницы, веблоги*);

5) эстетические жанры, основная цель которых реализация художественно-творческого потенциала и эстетическое воздействие на партнеров с помощью создания мнимой реальности (*сетевой роман, фанфикшн*);

6) развлекательные жанры, основной целью которых — получение удовольствия от выполнения определенных коммуникативных действий (*многопользовательские миры и игры*) [23].

Схожий взгляд на проблему упорядочения жанров был предложен Л. Ю. Ивановым [7].

Для классификации жанров интернет-коммуникации Л. Ф. Компанцева вводит понятие *жанрового формата коммуникации*, под которым понимает гипертекстовое, интертекстуальное образование, объединяющее в своем составе на основе когнитивно-прагматических и лингвокультурологических параметров отдельные жанры виртуальной коммуникации [11, с. 211]. Таким образом, к жанровым форматам виртуального дискурса ученая относит *электронную почту* (включая всевозможные рассылки, спам, вирусы и др.), синхронные (*чаты, ICQ*) и асинхронные (*форумы, конференции, виртуальные дневники* и др.), *дискурсивные практики, электронные доски объявлений, виртуальные миры* [18], отмечая при этом, что основывает свою классификацию не на каком-либо одном критерии, а на целостной когнитивно-прагматической парадигме.

Анализируя виртуальные жанры и системы их типологий, мы выделяем также и наиболее значимые факторы, влияющие на жанроведение сети Интернет в целом: гипертекстуальность и интерактивность медийной среды; интенсивность использования мультимедиа; временной фактор передачи информации; адресат электронного текста; языковая личность автора текста; география Интернета.

Принимая во внимание особенности интернет-коммуникации, существенно отличающие ее от традиционной коммуникации, а также обобщив и модифицировав результаты жанрового моделирования Ф. С. Бацевича [4], Н. К. Кравченко [12] и Т. В. Шмелевой [19], мы выделили следующие составляющие, служащие критериями для выделения и анализа жанров в интернет-коммуникации: 1) коммуникативная цель; 2) концепция адресанта; 3) концепция адресата; 4) событийное содержание; 5) фактор коммуникативного прошлого; 6) фактор коммуникативного будущего; 7) формальная структура; 8) лингвистический дизайн: лингвистические средства, графическое оформление, шрифтовое оформление, наличие аудиовизуальной информации.

Появление веб 2.0 внесло существенные коррективы в существующие классификации виртуальных жанров. Необходимо отметить отсутствие в современной лингвистике работ, в которых было бы отражено влияние эволюции Интернета на жанровое своеобразие коммуникации, представленной в сети. Таким образом, нами была создана собственная классификация интернет-жанров, опираясь на концептуальное развитие интернет-технологий второго веба.

Итак, по нашему мнению, для более точного и полного отображения специфики жанровой системы Интернета необходимо воспользоваться термином *гипержанр Интернета*, под которым понимается жанровое макрообразование, сопровождающее социально-коммуникативные ситуации в сети Интернет и объединяющее в своем составе несколько жанров.

При выделении жанров интернет-коммуникации мы также принимали во внимание такие характеристики организации коммуникации, как *временной параметр* (синхронность или асинхронность коммуникации), регламентированность (наличие или отсутствие жестких требований к форме коммуникации);

характер адресата (массовая или личная); *технологический параметр*. При описании жанровой системы интернет-коммуникации априори необходимо учитывать технологический параметр. Именно возможности коммуникативных сервисов во многом определяют те или иные особенности коммуникации, осуществляемой с их помощью и без которых эта коммуникация вообще была бы просто невозможна.

Таким образом, в жанровой системе Интернета можно выделить следующие гипержанры и жанры. К *гипержанрам* интернет-коммуникации мы относим сайт, блог, социальную сеть, электронную библиотеку. Соответственно, *интернет-жанры* составят электронное письмо, форум, чат, доски объявлений, рекламные баннеры, коммуникация с помощью программ мгновенного обмена сообщениями, виртуальная конференция, пост, или заметка автора, комментарий.

Данная классификация не претендует на законченность и может быть дополнена в процессе исследования интернет-коммуникации, например, многочисленными интернет-субжанрами.

В **выводах** попытаемся определить, что является уже стабильным и какие же взгляды на виртуальное жанроведение стали устоявшимися.

1. Проведенный анализ показал, что виртуальное жанроведение развивается достаточно успешно как в рамках теории жанров, так и в интернет-лингвистике в целом, причем каждое направление приносит свой особенный «вклад»: более теоретический — со стороны обычного жанроведения, и более эмпирический — с позиций лингвистики Интернета.

2. Целесообразным кажется подход к определению виртуального жанра как вербально-знакового оформления типичной ситуации социального взаимодействия людей посредством сети Интернет.

3. Перспективным можно считать использование таких единиц, как *субжанр*, *гипержанр* и *жанр* для структурирования жанрового пространства Интернета. Эти единицы представляются релевантными, поскольку коммуникация в сети Интернет имеет сверхсложную жанровую систему и, соответственно, нуждается в более детальном членении.

4. Модель виртуального жанра должна включать такие составляющие: коммуникативную цель, концепцию адресанта, концепцию адресата, событийное содержание, факторы коммуникативного прошлого и будущего; а также иметь структуру, лингвистический и паралингвистический дизайн.

5. Учитывая всё многообразие жанров в сети Интернет, логичным было бы их подразделить подобно видам виртуальной идентичности на три основные группы: традиционные жанры, перенесенные в коммуникативное пространство Интернета без изменений, трансформированные традиционные жанры, и жанры, сложившиеся непосредственно в интернет-среде.

6. При описании жанровой системы интернет-коммуникации необходимо учитывать технологический параметр, поскольку коммуникация в сети Интернета в первую очередь опосредована как электронным каналом, так и программным обеспечением, которое необходимо для коммуникации.

7. На настоящий момент (с учетом стремительного развития сервисов второго веба) жанровая система Интернета представлена гипержанрами *сайта, блога, социальной сети, электронной библиотеки*, а также жанрами *электронного письма, форума, чата, доски объявлений, рекламного баннера* и системами *мгновенного обмена сообщениями, постами и комментариями*.

А теперь о спорном, а вернее о том, что в английском языке определяется с помощью прилагательного *challenging* или *challengeable* (русск.: *трудный, но интересный*).

1. Так, жанровая система интернет-коммуникации отличается сложностью и многоаспектностью. Развитие технологий имеет существенное влияние как на структуру жанровой системы интернет-коммуникации, так и на саму коммуникацию в рамках того или иного жанра. Кроме того, можно говорить о том, что жанровая система интернет-коммуникации многоуровневая по своей структуре и состоит из трех основных пластов: гипержанров, жанров и субжанров с возможным дальнейшим делением на жанроиды.

2. Интернет, являясь высокотехнологическим и в то же время высокодинамичным коммуникативным пространством, находится в постоянном движении, постоянной эволюции. Соответственно появляются абсолютно новые формы интернет-коммуникации, а старые видоизменяются тем или иным образом. Следовательно, и система жанров Интернета должна быть составлена с учетом логики интернет-технологий в целом.

3. Проблема жанровой типологии мало разработана и чрезвычайно разрознена. Данная ситуация усложняется и положением дел в теории РЖ, когда отсутствуют единые и окончательные критерии их выделения, хотя РЖ в языке являются одним из лучших ключей к культуре общества. К настоящему моменту виртуальное жанроведение является все еще терминологически слабоструктурированным направлением.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Жанры общения / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. — М. : Наука, 1992. — С. 52 – 102.
2. Баранов А. Г. Когнитивность жанра / А. Г. Баранов // *Stylistika*. — Vol. VI. — Opole, 1997. — С. 331 – 343.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1986. — 445 с.
4. Бацевич Ф. С. Речевой жанр и коммуникативный смысл / Ф. С. Бацевич // Жанры речи : Сб. научн ст. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. — Вып. 4. Жанр и концепт. — 438 с.
5. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Н. Галичкина. — Волгоград, 2001. — 212 с.
6. Дементьев В. В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. — Саратов, 1998 — 107 с.
7. Иванов Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста / Л. Ю. Иванов // Словарь и культура устной речи. — М. : Азбуковник, 2000. — С. 131 – 147.

8. Капанадзе Л. А. На границе письменного и устного текста: структура и тенденции развития электронных жанров / Л. А. Капанадзе // *Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку.* — М., 2005. — С. 305 – 320.
9. Карамешева Р. Регістрово-жанрові характеристики повідомлень про стихійні лиха на україномовних та англословянських інтернет-сайтах [Электронный ресурс] / Р. Карамешева // Режим доступа к журн.: http://nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum.
10. Кожевникова К. В. Об аспектах связности в тексте как целом // *Синтаксис текста* / К. В. Кожевникова / Отв. ред. Г. А. Золотова. — М. : Наука, 1979. — С. 49 – 67.
11. Компанцева Л. Ф. Інтернет-комунікація: когнітивно-прагматичний та лінгвокультурологічний аспекти: дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.02 / Л. Ф. Компанцева. — К., 2008. — 503 с.
12. Кравченко Н. К. Методика моделирования жанровых семиосфер международно-правового дискурса / Н. К. Кравченко // *Слово. Символ. Текст* : сб. научн. тр., посвященный 80-летию проф. М. А. Карпенко / Укр. асоц. препод. рус. языка и литературы, Киевский нац. ун-т им. Т. Шевченко; Под общ. ред. Е. С. Снитко, Л. П. Дядечко. — К., 2006. — С. 84 – 90.
13. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О. В. Лутовинова. — Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. — 477 с.
14. Макаров М. Л. Жанры в электронной коммуникации quo vadis? / М. Л. Макаров // *Жанры речи.* — Вып. 4: Жанр и концепт. — Саратов: «Колледж», 2005. — С. 336 – 352.
15. Матвеева С. А. Сайт як жанр Інтернет-комунікації (на матеріалі персональних сайтів учених): дис. ... канд. філол. наук : 10.02.15 / С. А. Матвеева. — Луганськ, 2006. — 212 с.
16. Реконвальд Н. В. Англословянський чат як різновид комп'ютерно-опосередкованої комунікації (прагмалінгвістичне дослідження) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Н. В. Реконвальд. — Одеса, 2008. — 20 с.
17. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика / К. Ф. Седов // *Жанры речи* : Сб. науч. ст. — Саратов : Изд. центр «Наука», 2009. — Вып. 6: Жанр и язык. — С. 23 – 40.
18. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрямки та проблеми: [підручник] / О. О. Селіванова. — Полтава : Довкілля. — К., 2008. — 712 с.
19. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // *Жанры речи* : сб. науч. ст. — Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. — Вып. 1. — С. 91 – 96.
20. Шмелева Т. В. Речевой жанр: Опыт общепилологического осмысления / Т. В. Шмелева // *Collegium.* — Киев, 1995. — № 1 – 2. — С. 57 – 65.
21. Шмелева Т. В. Речевые жанры / Т. В. Шмелева // *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник* : Проспект / Под. ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1991. — С. 89 – 91.
22. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации [монография] / Л. Ю. Щипицина. — Архангельск : Поморский университет, 2009. — 238 с.
23. Щипицина Л. Ю. Комплексная характеристика жанра компьютерно-опосредованной коммуникации (на примере веб-страниц новостных агентств) [Электронный ресурс] / Л. Ю. Щипицина // Режим доступа к журн.: <http://www.pags.ru/science/conferences/E-Conference/Shipitina.doc>
24. Щипицина Л. Ю. Стилистико-языковой и жанровой подходы к изучению компьютерно-опосредованной коммуникации / Л. Ю. Щипицина // *Вестник Челябинского государственного университета.* — 2009. — № 5 (143). Филология. Искусствоведение. — Вып. 29. — С. 155 – 161.

25. Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа / Л. Ю. Щипицина. — М. : Красанд, 2010. — 296 с.
26. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — 272 p.
27. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. [Электронный ресурс] / S. C. Herring // Режим доступа к журн.: [http://www. languageatinternet. de/articles/2007/761/index_html/](http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761/index_html/)
28. Reilly 'O. T. What is web 2.0. [Электронный ресурс] / Т. О'Reilly // Режим доступа к журн.: <http://www. oreillynet. com/pub/a/oreilly/tim/news/2005/09/30/what-is-web-20. html>

Горошко О., Землякова Є. Віртуальне жанрознавство: становлення теоретичної парадигми.

В статті розглядається поява нової галузі в теорії жанрів – віртуального або мережного жанрознавства, лінгвістичного напрямку, що вивчає особливості виникнення і функціонування в мережі Інтернет віртуальних жанрів.

Ключові слова: інтернет-комунікація, інтернет-лінгвістика, віртуальний жанр, теорія жанрів.

Goroshko O., Zemlyakova E. Theory of Virtual Genres: Paradigm Development.

The paper enlightens the new field in genre theory – digital genres through linguistic approach. It considers peculiarities of digital genres emergence and development. The impact of rapid growth of internet-technologies on digital genres and their change is reviewed.

Key words: internet-communication, internet-linguistics, digital genre, theory of genres.

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 238 – 243.

УДК 821.111

РОБЕРТ ГРЕЙВС ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ В РАБОТЕ «ON ENGLISH POETRY»

Э. К. Джапарова

*Крымский инженерно-педагогический университет,
г. Симферополь*

Статья посвящена сущности поэзии и поэтического творчества в литературно-критической работе Роберта Грейвса «On English Poetry». Представлены идеи ведущих английских литературоведов, значительно повлиявших на становление мифотворчества Роберта Грейвса.

Ключевые слова: художественное творчество, природа поэзии, концепция.

Постановка проблемы. Одной из характерных черт XX в. является появление ряда исследований, затрагивающих сложные вопросы, связанные с важнейшими современными литературными проблемами. Особенно популярными в этот период оказались труды известного английского литературоведа Роберта Грейвса. Его мифопоэтическая концепция посвящена изучению рецепции мифа в тесной взаимосвязи с поэзией. Различные способы интерпретации мифов и мифоструктур, предложенных Р. Грейвсом, позволяют проследить эволюцию традиционных систем мифологизма вплоть до современных поэтических школ.

Анализ литературы. Зарубежное литературоведение переживает в последние десятилетия возрождение интереса к творческому наследию Роберта Грейвса. Однако мнения и оценки литературоведов и критиков неоднозначны. Дж. Бирлайн, Р. Кенери, П. Кин, Дж. Стайнер, Дж. Смедз оценивают Роберта Грейвса как плодотворного поэта и писателя, который создал теорию мифа и поэзии, отмечают мистицизм и психологизм в его поэзии и прозе. Д. Дей, Дж. Картер, Ф. Кермоуд, Дж. Холландер оценивают Р. Грейвса как посредственного поэта, отмечая отсутствие последовательности в его творчестве.

В отечественном литературоведении краткие сведения о творчестве мифокритика можно найти в трудах А. С. Козлова и Т. В. Шадринной. Положительным моментом в исследованиях Роберта Грейвса, как считает А. С. Козлов, является то, что он является первым мифокритиком, предложившим с помощью оригинального подхода к анализу поэтических произведений решить ряд кардинальных проблем поэзии. Т. В. Шадринина отмечает символичность в интерпретации мифов, проявившуюся у Роберта Грейвса в образе Белой Богини. Российские ученые Х. Л. Борхес, А. А. Тахо-Годи, Т. М. Фадеева уделяли больше внимания философским взглядам Роберта Грейвса, подчеркивая односторонность в творчестве мифокритика. Таким образом, анализ критических работ посвященных

творчеству Роберта Грейвса показывает, что мнения и оценки исследователей неоднозначны, а его мифопоэтическая концепция до сих пор не освоена широким кругом литературоведов и не оценена надлежащим образом.

Цель статьи — исследовать основные положения о сущности поэзии в творчестве Роберта Грейвса в сопоставлении с научными исследованиями его современников, в частности Г. Рида, А. Ричардса и Т. Элиота.

Как теоретик и историк английской поэзии Роберт Грейвс выступил на рубеже 10-х – 20-х гг. XX столетия. Это время можно назвать «золотым веком» английской науки о литературе. Именно в это время в полный голос заявили о себе такие ведущие английские литературоведы как А. Ричардс, Т. Элиот, Г. Рид, выдвинувшие ряд оригинальных и влиятельных идей о поэтическом творчестве. Т. Элиот опубликовал свою знаменитую работу «Традиция и индивидуальный талант». Несколько позже вышли известные работы Г. Рида «Разум и романтизм» и А. Ричардса «Наука и поэзия».

Т. Элиот выдвинул идею о том, что поэзия не отражает явления реального мира и живет своей собственной, «автономной» жизнью. Несколько позже мысль Т. Элиота, кантианская по своей сути, войдет в основу наиболее влиятельной в англоязычном литературоведении теории поэзии «новых критиков».

Указывая на самоценность поэзии, Т. Элиот писал: «Поэзия в каком-то смысле живет своей собственной жизнью — ее составляющие образуют нечто отличное от биографических фактов, а чувства, эмоции и представления, которые вызывает стихотворение, не тождественны чувствам, эмоциям или представлениям самого поэта» [1, с. 10]. Речь идет о том, что стихотворение не просто живет своей автономной жизнью, но и стимулирует у читателя особые, эстетические эмоции, отличные от обычных, житейских.

Диаметрально противоположные мысли, по сравнению с Т. Элиотом, К. Беллом и Р. Фраем, высказывал в то же время один из самых влиятельных теоретиков литературы — А. Ричардс. Он решительно отвергал кантианское понимание поэтического произведения как «вещи в себе». В книге «Принципы литературной критики» (1924), неоднократно переиздаваемой, он утверждал, что восприятие произведений искусства и возбуждаемые им эмоции ничем не отличаются от восприятия всех других жизненных явлений, а возбуждаемые произведением эмоции не являются какими-то особыми. «То, что мы делаем, идя в картинную галерею или одеваясь утром, ничем принципиально не отличается от рассмотрения картины, чтения стихов или прослушивания музыки. В этом случае мы просто лучше организуем наш обычный опыт», — писал А. Ричардс [4, с. 16].

Таким образом, Т. Элиот и А. Ричардс придерживались диаметрально противоположных взглядов на сущность поэзии и её восприятие. А. Ричардс также не находил в поэзии какие-то особые «эстетические» эмоции, которые виделись в ней его современниками — К. Беллу и Р. Фраю. В своей книге «Наука и поэзия» (1926) и в других работах А. Ричардс попытался уровнять науку и поэзию даже в познавательном отношении. Поэзию он определял как «особый вид знаний».

Это знание он связывал с эстетической стороной поэтического произведения. Он писал, что эстетическое удовлетворение — это не случайное наслаждение, которое доставляет нам произведение искусства, а тот вид знания, которое оно нам сообщает.

В отличие от Т. Элиота и А. Ричардса, третий крупнейший теоретик поэзии 20-х – 30-х годов Г. Рид ориентировался преимущественно на психоанализ. Как и фрейдисты, он определял личность поэта в качестве «невротической» и противопоставлял ее личности «человека дела». Последний более успешен в реальной жизни, зато поэт с его невротами и комплексами более чуток, психологически разносторонен и подвижен. Во внутренней жизни личности «деловой человек» начинает вытеснять поэта, и тогда последний переживает творческий кризис. В качестве примеров Г. Рид ссылается на творческие кризисы Мильтона, Вордсворта, Гете.

Свои взгляды на сущность поэзии Г. Рид изложил в книге «Природа поэзии». В своем понимании поэзии Г. Рид близок не только к З. Фрейду, но отчасти и к А. Ричардсу. Например, он пишет: «Слова, их звучание и даже написание, является самым важным для поэта. Смысл слов — и это смысл поэзии. Однако поэзия зависит не только от слова или звука, а еще в большей степени от их ментального отражения и восприятия» [3, с. 44.].

Несомненно, Р. Грейвс, современник корифеев английского литературоведения — Т. Элиота, А. Ричардса и Г. Рида — не мог не знать их работ. Они повлияли на его собственные теории и в некоторой степени определили тематику его исследований. Как и названных теоретиков, его интересовали, прежде всего, вопросы природы поэзии, соотношения формы и содержания, личности поэта. И, тем не менее, Р. Грейвс, испытав определенное влияние Т. Элиота, А. Ричардса и Г. Рида, выдвинул ряд оригинальных концепций поэзии, т. е. пошел собственным исследовательским путем. Это проявилось в его первом значительном исследовании — «Об английской поэзии» (1922).

В названной работе анализ творчества отдельных английских поэтов перемежается с разработкой общих концепций поэтического творчества. Уже в самом начале книги Р. Грейвс формулирует собственное понимание природы поэзии. «Поэзия, — пишет он, — это, с одной стороны, спонтанное соединение в голове откровенно противоречивых эмоциональных идей, с другой же — более или менее преднамеренные попытки по средствам ритмического месмеризма вызвать иллюзию действительности в воображении читателей» [2, с. 13]. Это определение поэзии Р. Грейвса представляется многослойным. В нем, в частности, указывается на то, что поэзия способствует достижению эквилибриума противоречивых «эмоциональных идей». Подобное понимание поэзии, как было отмечено выше, было характерно для А. Ричардса. В дальнейшем Р. Грейвс станет говорить о терапевтическом эффекте, достигаемого с помощью формы стихов психологического равновесия. Кроме того, речь у него идет не просто об эмоциях, выражаемых в поэзии посредством «эмоциональных слов», а об «эмоциональных идеях». Р. Грейвс соединяет воедино то, что у А. Ричардса было двумя различными функ-

циями в поэзии — «уравновешивающей» и познавательной. Несмотря на отмеченные различия, ориентация Р. Грейвса на концепции А. Ричардса несомненна.

«Эмоциональные идеи» возникают в голове поэта спонтанно, в виде не оформленного потока мыслей, эмоций, и задача автора поэтических произведений — ритмически, художественно их оформить. Это оформление является полностью преднамеренным, сознательным и зависит от таланта и искусства автора. В этой связи Р. Грейвс пишет: «Поэт начинает творить в экстазе, но затем, подключив свои аналитические способности корректирует воображаемое. Делая его понятным не только самому себе, но и читателям», т. е. для бесформенных «эмоциональных идей» находит ясное словесное выражение. И все же, в отличие от прозы, поэзия несет в себе большой эмоциональный потенциал, который не всегда может быть оформлен строго логически, как это бывает в прозаических произведениях. В поэзии, подчеркивает Р. Грейвс, «подразумеваемое всегда больше манифестированного» [2, с. 13].

Особое значение Р. Грейвс придает «ритмическому контролю в поэзии, который важен не только для оформления» эмоциональных идей поэта, но и для упорядочения психологических реакций на произведение читателя. В этом отношении Р. Грейвс проводит сравнительный анализ «собственно» поэзии и поэтической прозы. Говоря о первой, он — в духе А. Ричардса — пишет: «В истинной поэзии наше наслаждение стимулируется определенными законами ритма, тогда как в поэтической прозе ритм менее важен» [2, с. 15]. В отличие от Ричардса, Р. Грейвс в большей степени подчеркивает неразрывность двух базовых аспектов поэзии — эмоционального и интеллектуального или, по его определению, «неконтролируемого и контролируемого». «В понятие поэзии, — пишет он, — я включаю два вида творчества — контролируемый и неконтролируемый в их неразрывном единстве, имея в виду, что каждый из них беспомощен без другого» [2, с. 17].

Р. Грейвс не склонен ограничивать термин «поэзия» только лирикой. Он находит элементы поэзии и в других родах литературы — в драме и эпосе. С драмой он роднит поэзию и считает, что «эмоциональный конфликт» является её душой. Подчеркивая «конфликтную» основу поэтических произведений, Р. Грейвс развивает некоторые идеи английских и американских «новых критиков», которые представляли стихотворения в виде маленькой драмы, правда, не эмоциональной, как считал Р. Грейвс, а «текстовой». Сам поэтический текст, утверждали они, — это маленькая драма, внутри которой идет «борьба» («tention») противостояние разнородных элементов.

Из драматических «сцен», из противостояния героев состоит, по мысли Р. Грейвса, также эпос, приближаясь, таким образом, к поэзии по самой своей природе. Отметив общность всех родов литературы, исследователь полушутя замечает, что он сомневается в существовании девяти Муз — их может быть и меньше. Некоторые из них могут быть объединены.

В разделе «Поэзия и первобытная магия» Грейвс связывает происхождение поэзии с магическим обожествлением луны древним человеком. Поэта ис-

следователь называет «высокоинтеллектуальным шаманом» и сравнивает его с древним толкователем снов и видений. Снам древний человек придавал, считает Р. Грейвс, особо важное значение и просил шаманов-врачевателей разъяснить ему их суть, их скрытое содержание. Процесс толкования снов видится Р. Грейвсу таким: «шаман сопровождал свое толкование ритмическими ударами барабана, чтобы завладеть вниманием слушателей, часто стучавшими ногами в унисон звукам барабана. В это же время шаман декларировал свое толкование сна так же ритмически. Именно в этом ритмическом действии, по моему мнению, и зародилась поэзия» [2, с. 20].

В своей сравнительно небольшой книге исследователь затронул также ряд других важных для понимания и объяснения поэзии проблем, в частности, вопросы вдохновения и личности поэта. Вдохновение Р. Грейвс определяет как «самогипноз» поэта, спасающий его от борьбы различных противоречивых чувств, впечатлений и идей в его душе и мозгу. Это состояние и есть вдохновение, которое Р. Грейвс снова-таки связывает с психологическим эквилибриумом, но уже не в душе читателя, а в душе самого поэта. А личность последнего он определяет как «дитя импульсов», подчеркивая этим его непосредственность и ориентацию больше на эмоции, чем на интеллектуализм. В связи с этим Р. Грейвс проводит сравнение между поэтом, который может быть недостаточно образованным и «высоколюбным» критиком. У них различная психологическая и интеллектуальная ориентация. Разумеется, литературный критик не является наследником шаманов, он не впадает в «самогипноз» как поэт, у него сугубо аналитический ум.

Продолжая рассуждать о личности поэта, Р. Грейвс приходит к выводу, что последний не только должен обладать врожденным даром, но в его жизни обязательно, начиная с детства, должны быть различные драматические события, влияющие на его душу, на его психологию, а значит, на его становление как поэта. «Поэт, — пишет Р. Грейвс, как и его поэзия, сам является вместилищем различных противоборствующих сил» [2, с. 33]. Эти силы («эмоциональные процессы») и подталкивают к творчеству.

Обращает на себя внимание то, что Р. Грейвс ни слова не говорит о бессознательных мотивах этих процессов, т. е. он, в отличие от Г. Рида, не ориентируется на фрейдизм. Скорее его понимание личности поэта приближается к известному ее определению Ш. Сент-Бёвом, который для объяснения творческой личности и творчества использовал сведения о личной жизни поэта или писателя, считая их принципиально важными.

Выводы. Таким образом, на становление мифотворчества Р. Грейвса повлияли идеи корифеев мировой литературы (Г. Рида, Р. Ричардса и Т. Элиота). Однако Р. Грейвс создал собственную мифопоэтическую концепцию поэзии. Он указал, что сущность поэзии заключается в том, что она служит поэту для решения противоречивых идей. В работе «On English Poetry» Роберт Грейвс затронул и ряд других важных для понимания и объяснения проблем поэзии, в частности, вопросы, касающиеся вдохновения и личности поэта.

Литература

1. Eliot T. S. The Sacred Wood / Thomas Stearns Eliot. — London, 1928. — 334 p.
2. Graves R. On English Poetry / Robert Graves. — London, 1922. — 149 p.
3. Read H. Byron / Read Herbert. — London, 1951. — 298 p.
4. Richards I. A. Principles of Literary Criticism / Ivor Armstrong Richards. — New York, 1938. — 328 p.

Джапарова Э. К. Роберт Грейвс про особливості англійської поезії в роботі «On english poetry».

Стаття присвячена сутності поезії і поетичної творчості у літературно-критичній роботі Роберта Грейвса «On English Poetry». Представлено ідеї ведучих англійських літературознавців, що мали значний вплив на становлення міфотворчості Роберта Грейвса.

Ключові слова: художня творчість, природа поезії, концепція.

Dzhararova E. K. Robert Graves about the peculiarities of english poetry in the work «On english poetry».

The article is devoted to the essence of poetry and peculiarities of poetic creative activity in Robert Graves literary and creative work “On English Poetry”. The ideas of the outstanding English literary critics which influenced the on formation Robert Graves’ myth – making is presented.

Key words: fiction creative activity, poetry nature, concept.

Статья поступила в редакцию 16 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 244 – 248.

УДК 811.161.1'371

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНЫМИ КОНЦЕПТАМИ В РУССКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале русских пословиц)

С. В. Евраева

*Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара,
г. Днепропетровск*

Статья посвящена изучению семантических отношений между религиозными концептами, указывающих на системный характер языковой картины мира. Проанализированы вербализаторы ключевых и периферийных религиозных концептов в контексте русских пословиц.

Ключевые слова: наивная картина мира, концепт, семантические отношения, вербализация.

Постановка проблемы. Как известно, одним из основных свойств языка является его системность (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, А. А. Потебня), которая проявляется в наличии связей между языковыми единицами. Функционируя как элементы той или иной системы (подсистемы), языковые единицы наделяются так называемыми системно-приобретенными свойствами, обнаружить которые позволяет изучение связей между ними. Тем не менее, столь популярный в наше время концептуальный анализ редко включает исследование межконцептуальных связей, в то время как некоторые смыслы концептов проявляются именно в семантических отношениях с другими концептами. Так, в словаре Ю. С. Степанова [5] концепты объединяются в рамках одной словарной статьи (например, в статьях «СВЯТОЕ и СКВЕРНА», «ВОДКА и ПЬЯНСТВО» и др.), в отдельных работах в области концептологии анализируется несколько концептов [6; 7].

Такой подход представляется вполне оправданным, поскольку позволяет рассматривать концепт не как изолированную единицу, а как элемент той или иной концептосферы.

Целью настоящего исследования является анализ межконцептуальных связей в рамках религиозной концептосферы русской наивной картины мира. В качестве материала были выбраны пословицы русского народа [1; 2], в контексте которых и проводилось изучение семантических отношений между вербализаторами религиозных концептов.

В ходе исследования были обнаружены группы концептов, вербализаторы которых регулярно используются в контексте одной пословицы. Чаще всего эти лексемы находятся в антонимических отношениях, и в основе их противопоставления лежит оппозиция «праведное — греховное» [3].

Антиномичность данных категорий заложена уже в их дефинициях: так, толкование слова *праведный* является апокрифическим, т. е. основывается на противопоставлении понятию «грех» [4, с. 576].

Словарные значения слов *праведное* и *греховное* не исчерпывают всего разнообразия смыслов, которые они имеют в русской наивной картине мира. Многие из паремий, собранных В. И. Далем, содержат различные средства выражения оппозиции «праведное — греховное». Чаще всего это косвенные вербализаторы, реже — прямые номинации (т. е. непосредственно лексемы *праведный* и *греховный* и слова, парадигматически связанные с ними): *Послал бог работу, да отнял черт охоту* [2, с. 13]; *Аминь, аминь — а головой в овин* (т. е. на распутство) [1, с. 33]. В целом, проведенный анализ свидетельствует о том, что для русской лингвокультуры характерен интерес не столько к религиозным догматам, сколько к различным проявлениям отступления от них. Этим, по всей видимости, обусловлено активное функционирование в русских пословицах вербализаторов концепта *Грех*.

Идея противопоставления праведного греховному реализуется в русских пословицах через такие концепты, как *Бог, Черт, Грех, Душа, Священнослужитель*, а также через периферийные концепты *Спасение, Рай* и *Ад*.

В русской наивной картине мира идея существования наряду с реальным миром мира потустороннего реализуется наименованиями *тот свет, небо, царство небесное, рай, ад*. Одни из них (*царство небесное, рай* и *ад*) имплицитно содержат связь с оценочными категориями «праведное» и «греховное», другие (*тот свет, небо*) приобретают ее в контексте пословицы.

В русских паремиях наиболее употребительным является устойчивое выражение *тот свет*, противопоставляющее телесное и духовное в человеке, жизнь и смерть, грех и наказание: *На этом свете помучимся, на том порадуемся* [1, с. 25]; *Клеветники на том свете раскаленные сковороды лижут* [1, с. 143].

В наивной картине мира противопоставление души и тела довольно условно, поскольку считается, что после смерти душа человека попадает в не менее конкретный, реальный мир, чем мир живых людей. С этим связан образ дороги, ведущей на тот свет: *Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на том свете дороги не нашли* [1, с. 221]; *На том свете отовсюду одна дорога* [1, с. 224]. Более того, «бестелесная» душа выполняет в потустороннем мире вполне свойственные живому человеку действия: *Знать, будем мы и на том свете на бар служить: они будут в котле кипеть, а мы дрова подкидывать* [1, с. 223]; *Чтоб ему на том свете икалось!* [2, с. 208]; *За него уж на том свете провиант получают* [1, с. 227].

Периферийные религиозные концепты *Рай* и *Ад* связаны с дихотомией «праведное — греховное», поэтому их вербализаторы могут функционировать в составе одной паремии: *Своя воля — либо рай, либо ад* [2, с. 279]; *Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю* [1, с. 348].

В русских пословицах лексемы *рай* и *ад* не только называют потустороннее пространство, но и символизируют хорошую, радостную жизнь, с одной стороны, и трудную, мучительную — с другой: *Девушка в терему, что яблочко в раю* [2, с. 204]; *Житье, что в раю* [1, с. 51]; *Город — царство, а деревня — рай* [1, с. 256]; *Житье, словно в аду* [1, с. 108]. Таким образом проявляется способность данных

концептов выступать в роли экземплификаторов (конкретизировать абстрактные понятия) и квалификаторов (давать им оценку).

Паремиологический материал иллюстрирует тенденцию носителей русской лингвокультуры избегать прямой номинации — *ад*. Вместо этого слова нередко используется устойчивое выражение *тот свет*, и только контекст пословицы конкретизирует данное понятие: *Ростовщики на том свете каленые пятаки голыми руками считают* [1, с. 61]. В пословице *Быть тебе в раю, где горшки обжигают* [1, с. 29] на основе оксюморона происходит замена слова *ад* перифрастическим наименованием.

В русском наивном сознании противоборство двух полярных начал (праведного и греховного, добра и зла, Бога и Дьявола) воспринимается как необходимое условие существования мира. В пословицах эта идея реализуется, в частности, через соотношение концептов *Грех* и *Спасение*.

Спасение человеческой души после смерти является высшей ценностью христианского учения, объектом стремления верующего человека, тем не менее, в русской культурной традиции прослеживается тенденция сочувственного отношения к грешнику. Так, в пословицах описывается его «путь» к спасению через выполнение вербальных религиозных ритуалов (покаяния и молитвы): *Не греша, не спокаешься; не спокаявшись, не помолишься; не молясь, не спасешься* [1, с. 31]; *Ни праведный без порока, ни грешник без покаяния* [1, с. 240]. Приведенные примеры иллюстрируют характерное для русской философии (и русского сознания вообще) представление о том, что без греха человек не может в полной мере испытать духовное очищение. Поэтому в большинстве русских пословиц греху противопоставляется не праведность, а именно молитва и покаяние: *Супротив греха и покаяние* [1, с. 163]; *Давидски согрешаем, да не давидски каемся* [1, с. 168].

Данная идея не является культурно специфичной, а восходит к евангельским притчам, в частности, к притче о заблудшей овце (Лк. 15: 4 – 7).

В русской наивной картине мира слово наделяется магической силой. Отсюда — табу на произнесение имен inferнальных существ и некоторых животных, а также на упоминание имени Бога «всуе». Таким образом, слово, направленное к Богу (молитва, божба и проклятие), наделяется особой силой: *Материнская молитва со дна моря вынимает (достает)* [1, с. 302]; *Аминь человека спасает* [1, с. 27]; *Идучи на войну, молись; идучи в море, молись вдвое; хочешь жениться, молись втрое* [2, с. 214].

Молитве в русских паремиях противопоставляется грех: *У кого на уме молитва и пост, а у кого бабий хвост* [2, с. 206]. В то же время практическая направленность мышления носителя русской наивной картины мира отражается в паремиях типа: *Аминем от беса не отбудешь* [2, с. 27]; *Молитвой квашни не замесишь* [2, с. 252].

Таким образом, концепты *Грех* и *Спасение* в русской наивной картине мира не только антиномичны, но и связаны между собой причинно-следственной связью. «Посредником» между ними является *Молитва*.

Оппозиция «праведное — греховное» выражается в русских пословицах также через концепты *Бог* и *Черт*: *Господь умудряет слепца, а дьявол искушает чер-*

неца [1, с. 30]; *Сказал бы богу правду, да черта боюсь* [1, с. 156]; *Бог любит праведника, а черт ябедника* [1, с. 29]. Модальная рамка «праведное — греховное» относится к действиям человека, поэтому именно концепт **Человек** в пословицах связывает концепты **Бог** и **Черт**.

С этой позиции человек может относиться к миру греховного (*Кто богу не грешен, кто бабке не внук?* [1, с. 162]; *Правда свята, а мы люди грешные* [1, с. 155]) или выступать пассивным существом, подверженным влиянию то Бога, то черта, которому зачастую делегируется ответственность за человеческие грехи (*Послал бог работу, да отнял черт охоту* [2, с. 13]; *Первая жена от бога, вторая от человека, третья от черта* [1, с. 265]). Последний пример иллюстрирует представление русского народа о «промежуточном» положении человека между силами добра и зла.

В русской наивной картине мира концепт **Черт** толкуется неоднозначно: традиционно являясь олицетворением зла, он в то же время максимально приближен к человеку. Паремииологический материал иллюстрирует тенденцию носителей русской лингвокультуры соотносить черта скорее с человеком (священнослужителем), чем с Богом: *Не наше дело пона учить, пусть его черт учит* [2, с. 106]; *Поп с кадилом, а черт с рогатиной* [1, с. 30] и др. Следовательно, в наивной картине мира инфернальные существа переносятся из ирреального мира в реальный.

Описанные первичные религиозные концепты обнаруживают в русской наивной картине мира связь со вторичными концептами: **Правда**, **Закон** и др. Так, в русских паремиях фиксируется противопоставление закона Божьего человеческим законам (светским, общественным): *Богатство перед богом великий грех, а бедность — перед людьми* [1, с. 70]. И если правда соотносится в русской наивной картине мира с божьими законами, то неправда — с человеческими: *Правдой жить — от людей отбыть; неправдой жить — бога прогневить* [1, с. 121]. Функционирование пословиц, указывающих на значимость общественного мнения для русского человека, указывает на такую черту русского архетипа, как соборность. В частности, приведенные пословицы иллюстрируют не противоборство Бога и человека, а несоответствие общественных законов христианским. С этой особенностью русского менталитета связана также выраженная в русских паремиях идея «добрых людей»: *На (за) кого бог, на (за) того и добрые люди* [1, с. 119]; *Кто добрых людей не слушает, тот богу спорник* [1, с. 192].

«Добрые люди» — понятие, которое входит в семантическую структуру концепта **Человек** и связывает его с концептом **Бог**, поскольку аккумулирует в себе христианские и общественные ценности русского народа.

Выводы. Элементы религиозной концептосферы, куда входят первичные и вторичные, ключевые и периферийные концепты, в русской наивной картине мира обнаруживают тесные семантические связи. В их основе лежит модальная рамка «праведное — греховное», формирующая в сознании русского человека систему ценностей, через призму которой он оценивает окружающий мир. Данная оппозиция реализуется в русских пословицах широким спектром концептов, что свидетельствует о ее значимости для русского наивного сознания.

Большинство религиозных концептов связано с концептом *Человек*, в чем проявляется антропоцентрический характер религиозной концептосферы.

Литература

1. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. / В. И. Даль. — М.: Художественная литература, 1984. — Т. 1. — 383 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. / В. И. Даль. — М.: Художественная литература, 1984. — Т. 2. — 399 с.
3. Евраева С. В. Концептуальное выражение оппозиции «праведное — греховное» в русской наивной картине мира / С. В. Евраева // Вісник Дніпропетровського ун-ту. — Дніпропетровськ, 2008. — Вип. 14. — С. 115 – 121. — Серія «Мовознавство».
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2004. — 992 с.
6. Чернейко Л. О. Концепты «жизнь» и «смерть» как фрагменты русской языковой картины мира / Л. О. Чернейко, Хо Сон Тэ // Филологические науки. — 2001. — №5. — С. 50 – 59.
7. Шведова Н. В. Фразеологизмы с компонентами «бог» и «черт» в современном русском языке: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. В. Шведова. — Тюмень, 2004. — 21 с.

Евраева С. В. Семантичні відносини між релігійними концептами в російській наївній картині світу (на матеріалі російських прислів'їв).

Стаття присвячена вивченню семантичних відносин між релігійними концептами, що вказують на системний характер мовної картини світу. Проаналізовано вербалізатори ключових та периферійних релігійних концептів у контексті російських прислів'їв.

Ключові слова: наївна картина світу, концепт, семантичні відносини, вербалізація.

Yevrayeva S. V. Semantic relations between religious concepts in russian naive worldview (in russian proverbs).

The article deals with study of semantic relations between religious concepts that point out at the system nature of the language worldview. The analysis of the verbalization of the key and peripheral religious concepts in Russian proverbs is carried out.

Key words: naive worldview, concept, semantic relations, verbalization.

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 249 – 254.

УДК 81'367.4

РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО СМЫСЛА «ОБРАЗ, СПОСОБ И КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

Т. В. Калугина

*Крымский инженерно-педагогический университет,
г. Симферополь*

В статье исследуется языковой смысл «образ, способ и качественная характеристика процесса» (на материале произведений К. Г. Паустовского). Используется ономаσιологический подход, который позволяет выйти за пределы изучения слова и включить в исследование разноуровневые языковые единицы (слова, словосочетания, предложно-падежные формы имени, лексии, фразовые номинанты).

Ключевые слова: ономаσιология; языковой смысл; образ, способ и качественная характеристика процесса; ономаσιологический ряд.

Постановка проблемы. В традиционном понимании ономаσιология — теория номинации, один из двух аспектов семантики (наряду с семасиологией), который изучает природу, закономерности и типы языкового обозначения элементов действительности [3, с. 432]. Сравнивая ономаσιологический и семасиологический подходы, Е. А. Селиванова приходит к выводу, что первый направлен на лингвистические и интралингвистические объяснения номинативной структуры слова, второй — на анализ закрепленности за данной структурой определенного значения и возможных значимостей в речи [6, с. 19]. Ономаσιологический подход, в ее понимании, выходит за пределы лингвистической семантики и включает четыре направления: семантико-структурное, функциональное (с грамматическим ответвлением), текстово-коммуникативное и когнитивное.

Для обозначения номинативной единицы используются два термина: онома-тема и номинатема. Термин «онома-тема» предложен В. М. Никитевичем для обозначения минимальной единицы номинации, «в которой присутствует основное понятийное лексическое значение с совмещенными в нем классифицирующими — деривационными и реляционными значениями» [5, с. 123]. Э. В. Кузнецова определяет слово-онома-тему как «знак, имеющий самостоятельное содержание, которое может быть осмыслено вне контекста, независимо от функционирования в составе предложений» [4, с. 29 – 30]. В. И. Теркулов для обозначения «базовой единицы именованья» использует термин «номинатема». Номинатема — это структурная языковая единица, модель, определяющая возможности тождественной номинации в речи при помощи различных своих субстантных речевых реализаций — глосс. Структурными разновидностями номинатема автор считает слово, сочетание слов и словосочетание [10, с. 14].

Мы считаем, что теория номинации будет неполной без рассмотрения местоимений в широком смысле слова. По мнению большинства ученых (Н. Ю. Шведовой, А. С. Белоусовой, Е. Н. Сидоренко и др.), местоимения, несущие исходный смысл языковых множеств, являются естественными категоризаторами языка. В русском языкознании местоимения стали «камнем преткновения» для нескольких поколений лингвистов. Связано это с тем, что существуют две точки зрения на их природу. Эти точки зрения можно определить как онтологическую и антропоцентрическую. Первая представлена в языкознании XIX в., в котором проводился поиск констант в значении местоимений: они рассматривались не как заменители имени, а как формы умственного созерцания и распределения вещей по категориям, существующим независимо от говорящего (Г. П. Павский, К. С. Аксаков). В XX в. такой взгляд был воспринят как идеалистический (в том числе, возможно, по идеологическим, а не только научным соображениям) и раскритикован, хотя прием прономинализации (местоименной субституции) постоянно использовался при определении частеречной принадлежности слова. Местоимения стали рассматриваться как слова, объединенные указательной и заместительной функцией или денотативным статусом и лишенные собственного номинативного элемента значения.

В последние годы идея о местоимении как «языковом категоризаторе» развивается Н. Ю. Шведовой: «В языке существует закрытая система слов, специально созданная для означения соответствующих понятий и их регулярных модификаций: именно таков класс местоимений» [12, с. 6]. По мнению Н. Ю. Шведовой, язык создал стройную и весьма стабильную организацию слов, свободных как от функции именованья, так и от функции выражения всякого рода зависимостей либо оценок и специально предназначенных для означения глобальных понятий физического и ментального мира и тех смыслов, которые понятийно скрепляют разные уровни языка и тем самым придают ему качество естественной целостности.

Местоимения являются словами, через которые анализируются глобальные понятия бытия: «Языковой смысл — это самое общее понятие, первично означенное местоименным исходом, средствами местоимений сегментированное по тричному признаку "определенность — неопределенность — непредставленность (отсутствие, несуществование)" и материализуемое при помощи таких разноуровневых языковых единиц, семантика (языковое значение) которых включает в себя соответствующее понятие и объединяет все эти единицы в некое семантическое множество» [11, с. 32].

Концепцию Н. Ю. Шведовой поддерживает Ю. В. Воротников: «Трактовка местоимений как «языковых категоризаторов» или «смысловых исходов», задающих систему опирающихся на них смысловых категорий, может стать основой для нетрадиционного описания смыслового строя русского языка» [1, с. 48].

По мнению Г. А. Золотовой, основной задачей грамматики на современном этапе развития лингвистики становится объяснение смысловых, ситуативных, стилистических предпочтений говорящего, т. к. осмысление мира, отношение человека к другим людям выражается в избираемых им языковых и речевых средствах

[2, с. 108]. Лингвистика языковых смыслов дает возможность показать взаимодействие языка и речи в речевой деятельности человека, в том числе в художественном тексте; перейти к вопросу о выборе говорящим разноуровневых смысловых средств, т. е., в конечном счете, к более глубокому познанию человеческой личности.

В нашей статье **объектом** рассмотрения является реализация языкового смысла «образ, способ и качественная характеристика процесса» в произведениях К. Г. Паустовского.

Поставлена **цель** — описать способы реализации данного языкового смысла в художественном тексте.

В нашей работе будет использоваться определение языкового смысла, предложенное в монографии Е. Н. Сидоренко «Языковые смыслы и ономаσιологические средства их выражения»: «Языковой смысл — это самое общее, универсальное понятие, выраженное системой разноуровневых ономаσιологических единиц, объединенных в семантическое целое, и категоризируемое одним или несколькими вопросительными местоимениями (в случае их отсутствия — соответствующими функциональными заменителями — лексиями)» [7, с. 11]. Проф. Е. Н. Сидоренко впервые вводит термин «ономаσιологический ряд» и включает в его состав максимально 5 звеньев: слово; словосочетание особого типа, эквивалентное по значению слову; лексию (так называемое «составное слово»); предложно-падежное сочетание имени; фразовый номинант (придаточную часть сложноподчиненного предложения с синтаксическим артиклем или без него) [7, с. 98].

К. Г. Паустовский выражает смысл «образ, способ и качественная характеристика процесса» несколькими способами.

При нерасчлененном выражении языкового смысла используется слово. Определим морфологическую принадлежность данных слов.

Во-первых, это форма имени существительного в творительном падеже: *В ветер леса шумят великим океанским гулом и вершины сосен гнутся вслед пролетающим облакам* (К. Паустовский); *Он подымает воду в заливе и несет ее ливнями на дома* (К. Паустовский); *Она распахнула калитку, бурей ворвалась во двор и бросилась к старику* (К. Паустовский).

Во-вторых, наречия образа и способа действия. Грамматика-80 относит их к собственно-характеризующим наречиям [9, с. 704]. Вопросительное местоимение *как* категориально соотносительно с наречиями и оформляет категориальное значение этой части речи. Покажем выражение языкового смысла при помощи наречий образа, способа и качественной характеристики процесса: *Я люблю Мещёрский край за то, что он прекрасен, хотя вся прелесть его раскрывается не сразу, а очень медленно, постепенно* (К. Паустовский); *Мы нехотя встали, пошли к нему, и он показал нам на сырой земле, там, где «остров» переходил в мшары, громадные свежие следы лося* (К. Паустовский); *Раскатыстые удары, похожие на пушечный гром, с размаху били по железным крышам* (К. Паустовский).

В-третьих, деепричастия, которые являются классом слов, совмещающим признаки глагола и наречия — вербально-адвербиальным контаминантом (термин Е. Н. Сидоренко). Категориальный вопрос к деепричастиям — *как?*: *Листва берез*

висит не шелохнувшись (К. Паустовский); *Потом в шлюпку прыгнул, насвистывая, молодой краснофлотец* (К. Паустовский).

В-четвертых, местоимения. Местоимение *как?* является условным началом местоименного ряда (термин Е. Н. Сидоренко), т. е. совокупности прономинативов разных семантических разрядов, объединенных общей денотативной основой (*как?* — *так, как-то, как-нибудь, как-либо, кое-как, никак, всяко, по-всякому, иначе*) [7, с. 20]. Все они являются средствами выражения языкового смысла «образ, способ, качественная характеристика действия». Например: *Как рождается замысел?* (К. Паустовский); *Каждый ждал шторма по-своему* (К. Паустовский); *Смена времен года на Черном море идет так — зима, весна, лето, вторая весна (в сентябре и октябре) и снова зима* (К. Паустовский).

К широко используемым расчлененным средствам выражения языкового смысла в произведениях К. Г. Паустовского относятся предложно-падежные формы:

а) родительный падеж имени с предлогом *без*: *Я допускаю мысль, что писатель гениальный тоже может писать без всякого плана* (К. Паустовский);

б) дательный падеж имени с предлогом *по*: *Предсказания погоды передаются по радио* (К. Паустовский);

в) винительный падеж имени с предлогом *сквозь*: *Сквозь ветки сосен просвечивало бледное небо* (К. Паустовский);

г) творительный падеж имени с предлогами *с, в*: *Одни только дворники ничего не делали, хотя и ждали ветра с гораздо большим нетерпением, чем остальные жители города* (К. Паустовский); *Воздушные змеи косо дрожали в синеве и уходили с жуужжанием в тень облаков* (К. Паустовский); *Вся Северная сторона предстала перед Гарттом с резкой до боли в глазах стереоскопичностью* (К. Паустовский);

д) предложный падеж имени с предлогом *в*: *Ливни приближались в молчании* (К. Паустовский); *Прошло это лето в гуле сосновых лесов, журавлиных криках, в белых громадах кучевых облаков, игре ночного неба, в непролазных пахучих зарослях таволги, в воинственных петушиных воплях и песнях девушек среди вечеряющих лугов, когда закат золотит девичьи глаза и первый туман осторожно курится над омутами* (К. Паустовский).

Языковой смысл может выражаться словосочетаниями: *Он споткнулся, густо покраснел и отвернулся ото всех с обиженным видом* (= обиженно); *Потому что поэзия берет в плен, пленяет и незаметным образом* (= незаметно), *но с непреодолимой силой* (= непреодолимо) *возвышает человека и приближает его к тому состоянию, когда он действительно становится украшением земли, или, как простодушно, но искренне говорили наши предки, «венцом творения»* (К. Паустовский).

При выражении лексиями (термин Е. Н. Сидоренко) используются сочетания двух и более слов. Р. П. Рогожникова называет такие сочетания эквивалентами слова [8, с. 5] и выделяет следующие сочетания с компонентом *как*: *как никогда, как полагается, как положено, как попало, как следует, как угодно, неведомо как, как придется* и другие. Лексии с местоименным компонентом *как* в приведенных при-

мерах эквивалентны неопределенным местоимениям, но структурно усложнены. В предложении они отвечают на вопрос *как?*.

Фразовые номинанты (по терминологии В. Н. Мигирова, Н. И. Пельтихиной и др.), как и лексии, относятся к ономазиологическим единицам расчлененного типа. В работах Е. Н. Сидоренко фразовая номинация рассматривается как субъективная модель наименования соответствующих фрагментов действительности, имеющая строение придаточной предикативной единицы, с синтаксическим артиклем (соотносительным словом, коррелятом) или без него, выступающая в качестве развернутого члена главной по отношению к ней предикативной единицы и представляющую собой окказиональное название [7, с. 93]. Выбор фразового номинанта позволяет более точно выразить языковой смысл при отсутствии или смысловой недостаточности других средств выражения. Например: *Эх, если бы все вышло так, как задумано: удрать от денкинцев, от эвакуации!* (К. Паустовский); *Напишите о боре так, как вы умеете писать о всяческих невероятных происшествиях* (К. Паустовский); *Шамет как мог заботился о Сюзанне* (К. Паустовский).

Выводы. При ономазиологическом подходе местоимение *как?* является исходным категоризатором языкового смысла «образ, способ и качественная характеристика процесса». Дополнительными смысловыми категоризаторами выступают лексии *каким образом?*, *каким способом?*.

Средством выражения этого языкового смысла на номинативном уровне является ономазиологический ряд, состоящий из 5 звеньев: 1) слова; 2) словосочетания; 3) лексии; 4) предложно-падежной формы имени; 5) фразового номинанта. В этом ряду слово является синтетической ономазиологической единицей, а словосочетание, лексия, предложно-падежная форма, фразовый номинант — аналитическими.

Литература

1. Воротников Ю. В. Местоимения как «языковые категоризаторы» / Ю. В. Воротников // Филологические науки. — 2001. — №5. — С. 42 – 49.
2. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке / Г. А. Золотова // Русский язык в научном освещении. — 2001. — №1. — С. 107 – 113.
3. Кочерган М. П. Загальне мовознавство / М. П. Кочерган. — К.: ВЦ «Академія», 2008. — 464 с. — (Серія «Альма-матер»).
4. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова; 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1989. — 216 с.
5. Никитевич В. М. О минимальной номинативной единице и предмете ономазиологии / В. М. Никитевич // Современный русский синтаксис. Словосочетание и предложение: межвуз. сб. научн. тр. — Владимир, 1986. — С. 115 – 124.
6. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология / Е. А. Селиванова. — К.: Фитосоцицентр, 2000. — 248 с.
7. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономазиологические средства их выражения: [монография] / Е. Н. Сидоренко. — Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. — 128 с.
8. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. / Р. П. Рогожникова. — М.: Астрель: АСТ, 2003. — 416 с.

9. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
10. Теркулов В. И. Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В. И. Теркулов. — Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2007. — 240 с.
11. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1998. — 176 с. (38 схем).
12. Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н. Ю. Шведова, А. С. Белоусова. — М.: Институт русского языка РАН, 1995. — 120 с.

Использованные источники

1. Паустовский К. Г. Повести / К. Г. Паустовский. — М.: Правда, 1980. — 672 с.

Калугина Т. В. Втілення мовного смислу «образ, спосіб і якісна характеристика процесу» у творах К. Г. Паустовського.

У статті досліджується мовний смисл «образ, спосіб і якісна характеристика процесу» (на матеріалі творів К. Г. Паустовського). Використовується ономасіологічний підхід, який дозволяє вийти за межі вивчення слова і включити у дослідження різнорівневі мовні одиниці (слова, словосполучення, прийменниково-відмінкові форми імені, лексії, фразові номінанти).

Ключові слова: ономасіологія; мовний смисл; засіб і якісна характеристика процесу; ономасіологічний ряд.

Kalugina T. V. Realization of language sense «manner, mode and qualitative characteristic of process» in works by K. G. Paustovskiy.

In article the author investigates language sense «manner, mode and qualitative characteristic of process» (in works by K. G. Paustovskiy). It is used an onomasiological approach, which allows to oversteps the limits of word's study and to include in investigation other language units.

Key words: onomasiology; language sense; manner, mode and qualitative characteristic of process; onomasiological row.

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 255 – 262.

УДК 81'42

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ МОДУСЫ ОБЩЕНИЯ

В. И. Карасик

*Волгоградский государственный педагогический университет,
г. Волгоград*

Статья посвящена описанию интерпретативных модусов общения в зависимости от степени коммуникативной точности дискурса. Последний может быть принципиально неточным, относительно точным и принципиально точным. Единицы указанных модусов определяются автором соответственно как эпиномы, эргономы и акрономы.

Ключевые слова: дискурс, модус, акрономы, эпиномы, эргономы.

Постановка проблемы. Дискурс представляет собой многомерное образование. Общение может быть сориентировано на разную степень коммуникативной точности и, соответственно, может носить принципиально неточный, относительно точный и принципиально точный характер. Соответственно выделяются интерпретативные модусы общения в зависимости от степени его коммуникативной точности.

Принципиально неточный дискурс имеет место в тех ситуациях, когда назначение общения состоит в поддержании контакта и выражении эмоций. Обмениваясь приветствиями, подтверждая свое участие в диалоге с помощью вербальных и невербальных знаков, коммуниканты не сообщают друг другу каких-либо сведений о мире, но фиксируют свои взаимоотношения с помощью этикетных клише. Такое общение получило в лингвистике и культурологии название фатической коммуникации, которая трактуется в узком и широком смыслах: в первом случае имеются в виду установление, поддержание и размыкание контакта, во втором случае — различные речевые жанры, содержание которых не представляет собой обмен информацией (светская беседа, ссора, разговор по душам и др.) [1]. Вместе с тем неточный дискурс выходит за рамки поддержания контактов в тех случаях, когда один из его участников намеренно или помимовольно изъясняется неточно: «*А как она прикручивается?*» — «*Чехол снимешь, увидишь, там есть такая штучка, на нее надо легонько нажать, и это*». Такого рода общение предполагает активное использование указательных знаков. Это может быть жестовая указательность или дейктическое слово. В особых ситуациях это может быть развернутая речь, в которой не содержится никакой информации. В политическом дискурсе весьма частотны случаи красноречивого умалчивания [3]. Например:

— *Какие меры Вы собираетесь принять по наведению порядка в городе?*

— *Прежде всего, нужно навести порядок. Это — главное. Если порядок не наведешь, то все усилия будут затрачены впустую. Так не раз уже было. Поэтому обязательно будем наводить порядок.*

Политик уходит от ответа, его речь движется по замкнутому кругу, она не дискурсивна, а рекурсивна.

Рекурсивные высказывания могут встречаться также в научном общении. Часто бывают неинформативными фразы, используемые в качестве зачина к научным работам: «*Последнее время изучение дискурса привлекает к себе внимание многих исследователей*». В любом научном тексте есть позиции, в которых предполагается максимально информативное содержание, в жанре диссертаций это — выводы и положения, выносимые на защиту. Тезис о том, что язык связан с культурой, может быть информативным на лекции по введению в языкознание, но вряд ли является таковым в качестве вывода из выполненного диссертационного исследования.

Единицы неточного дискурса предлагается называть **эпиномами** (греч. *эпи*-«над, на поверхности», ср. *эпицентр*; *ном*- «закон»).

Эпиномы распадаются на два типа — диктальные и модусные (в соответствии с противопоставлением диктума и модуса, по Ш. Балли). Диктальные эпиномы отвечают потребностям приблизительной номинации [5]. В обиходном общении нет необходимости точно обозначать многие объекты, достаточно указательных характеристик. Подчеркну, речь идет не о специальных знаках приблизительности (*вроде, типа, как бы*), а о словах с размытой семантикой, часто с субъективным осмыслением:

Да она такая росомаха, вечно документы теряет!

В эпиномном общении слово *росомаха* радикально меняет смысл и обозначает не хищного зверя, а неряшливого, неорганизованного человека. Особенность таких словоупотреблений состоит в их активном фоносемантическом осмыслении. Подобным образом дети рассказывают о событиях, которые их потрясли, например:

А он как — бац! А этот — шмяк! А он — ды-ды-ды-ды-ды!

Весьма частотной разновидностью диктальных эпиномов являются распространённые политические термины, которые воспринимаются сугубо эмблематически, т. е. как знаки принадлежности к своим или чужим. Так, например, многие американцы воспринимают слово *democracy* в размытом значении (демократия — это свобода, западный стиль жизни, всё, что свойственно Америке) [6].

Распространённым термином в наши дни, воспринимаемым в качестве эпинома многими нашими современниками, является слово *нанотехнологии*. Приведу пример того, как неточное понимание явления эксплуатируется в нашей социальной практике (материал взят из новостного выпуска, размещенного на сайте www.mail.ru 14.05.2010).

Маленькие частицы — за большие деньги. То, что ученые позиционируют как светлое будущее науки, предприимчивые аферисты сделали выгодным настоящим для своего бизнеса. Покупателям теперь активно продают нанотехнологии. О присутствии мельчайших частиц и их чудодейственных свойствах говорится в аннотациях к самым разным товарам — от белья до автокосметики.

Что значит «нано», чуть ли не раньше ученых поняли бизнесмены. Это деньги. И серьезные. Впрочем, посторонним о чудесных свойствах наноматериалов в быту рассказывать деловым людям некогда. Только клиентам и по секрету.

Это структуратор воды «Росинка». Хотя непосвященному в основы нанонауки потребителю структуратор может показаться обыкновенной деревянной подставкой. Чтобы прибор заработал, нужно поставить на него стакан с водой и мешать ее по часовой стрелке ровно 5 минут. Жидкость станет энергетически и информационно благоприятной. Специалисты из «Роснано» для таких изобретений даже придумали специальный термин.

Таким образом, диктальные эпиномы оказывают существенное влияние на поступки людей.

Модусные эпиномы отличаются размытостью семантики и гипертрофированной эмоциональностью. В качестве прототипных единиц этого подкласса выступают междометия. Несмотря на то, что междометия достаточно разнородны (слова для выражения чувств (*ой*), оклики (*ау*), слова, которыми подзывают животных (*кс-кс*) и отгоняют их (*кыш*), слова, имитирующие звуки (*дзинь*) и др.), они отличаются тем, что не называют объект, а характеризуют отношение к нему. Междометия занимают особое место в системе языковых знаков, не случайно А. А. Потебня использовал выражение «слова и междометия», тем самым подчеркивая не совсем словесный статус этих образований. Междометия смыкаются с выкриками, находящимися за рамками языка, и с междометными эквивалентами, которые формально представляют собой обычные высказывания, но содержательно выражают только эмоции. Есть и не совсем правильно построенные высказывания, выражающие эмоции, такие высказывания М. Я. Блох остроумно назвал изглашениями.

Модусные эпиномы используются на сокращенной дистанции общения. Например:

Ну ты что, вообще? Прямо как этот! Я улетаю!

Нетрудно заметить, что жаргонизмы и вульгаризмы, которые служат для интимизации общения, выступают в качестве знаков неточного дискурса.

Эпиномам, единицам принципиально неточного дискурса, противостоят знаки относительно точного общения, их предлагается называть **эргономами** (греч. *эрго-* «работа, инструмент»), и знаки принципиально точного общения — **акрономы** (греч. *акро* — «вершина»).

Эргономы представляют собой основную часть знаков обиходного дискурса, они используются в повседневном и институциональном общении, значения этих слов зафиксированы в словарях и должны быть известны всем носителям языка. Граница между эпиномами и эргономами носит нечеткий характер, именно поэтому для построения схемы коммуникативной точности в работе используется понятие шкалы. Эргономы являются нормой фиксации общепринятых смыслов. Как эпиномы, так и эргономы используются в обыденном (рутинном) общении. Но для общения, направленного на поиск новых смыслов, существуют акрономы.

Специфика точного дискурса состоит в том, что его участники стремятся к определению вещей, выходящих за рамки обиходного опыта. Закономерно по-

этому, что акрономный дискурс требует усилий. Эту специфику точного общения метко определил известный отечественный языковед А. М. Пешковский: «Дикари просто говорят, а мы все время что-то пытаемся сказать».

Можно определить основные коммуникативные сферы, в которых требуется точность общения: художественный, научный и документный текст. Я не случайно использую слово *текст* — акрономный дискурс выражается в текстах, чаще письменных, чем устных.

Художественная точность передает эмоциональное состояние автора с обертонами дополнительных смыслов, часто с неожиданными сравнениями и метафорами. В качестве примера поэтической точности приведу стихотворение А. А. Тарковского:

*Стихи попадают в печать,
И в точках, расставленных с толком,
Себя невозможно признать
Бессонниц моих кривотолкам.
И это не книга моя,
А в дальней дороге без весел
Идет по стремнине ладья,
Что сам я у пристани бросил.
И нет ей опоры верней,
Чем дружбы неведомой плечи.
Минувшее ваше, как свечи,
До встречи погашено в ней.*

Образная структура этого поэтического текста представляет собой сочетание динамических символов — *стихи*, *бессонница*, *ладья*, *плечи* и *свечи*. Речь идет о поэтическом резонансе между миром автора и миром читателя. Образ внезапно вспыхивающих свечей на пустой ладье, плывущей по течению, многомерен и насыщен культурными аллюзиями. Автору не принадлежит сказанное слово — он отправляет свое произведение в неведомое плавание. Этот образ стихотворения как плывущего по течению судна имеет традицию в русской поэзии: *В сухой реке пустой челнок плывет, среди кузнечиков беспмятствует слово* (О. Э. Мандельштам). Поэт с трудом узнает в напечатанном тексте свое стихотворение, которое в какой-то мере становится уже чужим. В памяти автора живы трудные и очень личные моменты рождения текста. Плывущая без весел ладья — это один из образов перехода в царство мертвых. Но сказанное в пустоту слово может обрести новую жизнь, если его услышит незнакомый друг, душа которого откликнется на послание. Это слово способно не только совпасть с переживаниями читателя, но и озарить его мир новым светом. Ярко горящие свечи — это образ храма в глазах человека, находящегося внутри святилища. Идея бессмертия поэтического слова выражена в этом стихотворении предельно точно. Обратим внимание на кульминационную точку в стихотворении — встреча. Образ выделен дополнительной рифмой. Этот образ является, кстати, одним из ключевых в философии,

например, экзистенциальная встреча человека с Богом или с другим человеком, по М. Буберу. Разумеется, толкование символов — это субъективный процесс, возможны и другие прочтения этого текста. Специфика креативного текста состоит в том, что он не поддается однозначному толкованию.

Точность в поэтическом тексте часто достигается с помощью символически насыщенного контраста. Обратим внимание на ключевое противопоставление огня в философской миниатюре Д. С. Самойлова:

*Кто устоял в сей жизни трудной,
Тому трубы не страшен судной
Звук безнадежный и нагой.
Вся наша жизнь — самосожжение,
Но сладко медленное тленье
И страшен жертвенный огонь...*

В этом стихотворении, на мой взгляд, идет речь о смысле жизни. Один из ключевых моментов религиозного сознания — судный день, к которому нужно готовиться всю жизнь. В этот день мы услышим трубный звук. Поэт находит два определения этому звуку — *безнадежный* и *нагой*. Смерть неизбежна, и поэтому надежде нет места в судный день (вспомним надпись над воротами Ада у Данте: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate* — *Оставь надежду всяк сюда входящий*). Неожиданное определение звука — *нагой* — ассоциируется со смертью (мы уходим, как родились), с беззащитностью (нечем прикрыться), с резкой однозначностью (не до украшений). Эти тяжкие испытания, однако, не страшны тому, кто сумел устоять в жизни. Но жил ли он? Ответом на этот вопрос является тройственное противопоставление огня. Определяя жизнь как самосожжение, поэт акцентирует выбор человека: принять радости жизни (медленное тленье) или отказаться от них. Слово *тлен* означает разрушение, распад. Тлеть — значит гореть без пламени. Но поэт подчеркивает, что это тихое горение сладко для человека. Можно, конечно, в заботах о спасении души отказаться от радостей жизни, принеся себя в жертву. Мы видим финальное определение человеческого отношения к отказу от жизни — страшен жертвенный огонь. В этом стихотворении поэтически точно выражена идея выбора, стоящего перед человеком в жизни — принять радости жизни с неизбежной расплатой за это либо отказаться от них и тем самым победить страх перед смертью.

Итак, специфика художественной точности лежит в символически насыщенном образе, требующем усилий для его понимания и допускающем множественное толкование, при этом такой образ запоминается и перестраивает ценностную систему адресата.

Точность научного общения состоит во множественной характеристике рассматриваемого явления. Прототипным жанром таких точных характеристик выступают научные дефиниции.

Например, Ю. М. Лотман так определяет сущность символа: «Символ отличается от конвенционального знака наличием иконического элемента, определен-

ным подобием между планами выражения и содержания. Отличие между иконическими знаками и символами может быть проиллюстрировано антитезой иконы и картины. В картине трехмерная реальность представлена двухмерным изображением. Однако неполная проективность плана выражения на план содержания скрывается иллюзионистским эффектом: воспринимающему стремятся внушить веру в полное подобие. В иконе (и символе вообще) непроективность плана выражения на план содержания входит в природу коммуникативного функционирования знака.

Содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание. В этом отношении можно говорить о слиянии иконы с индексом: выражение указывает на содержание в такой же мере, в какой изображает его. Отсюда известная конвенциональность символического знака.

Итак, символ выступает как бы конденсатором всех принципов знаковости и одновременно выводит за пределы знаковости. Он посредник между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью. В равной мере он посредник между синхронией текста и памятью культуры. Роль его — роль семиотического конденсатора.

Обобщая, можно сказать, что структура символов той или иной культуры образует систему, изоморфную и изофункциональную генетической памяти индивида» [4, с. 249].

Ученый определяет символ, противопоставляя его как условному, так и иконическому знаку, и делает диалектический вывод о конвенциональности образного содержания символа. Дефиниция символа далее уточняется в направлениях сфер означивания (семиозиса), реальности, культуры и генетической памяти индивида. В этом кратком, но очень емком рассуждении дано точное определение понятия символа, это понятие в философском смысле, по Е. К. Войшвилло, представляет собой сконцентрированную теорию. Обратим внимание на логику рассуждения Ю. М. Лотмана: определяется место объекта в ряду близких объектов (символ похож на условный сигнал и на иконический знак), приводится иллюстративный пример, объясняющий сущность рассматриваемого объекта, делается вывод о его особом качестве (важнейший отличительный признак), определяются функциональные характеристики объекта, из которых вытекают структурные и социально-культурные признаки.

Существует также коммуникативная точность документа, состоящая в строгом соответствии данного текста документообразующим признакам. Рассматривая коммуникативную точность документного текста применительно к деловому письму, Е. В. Ковшикова выделяет ее следующие признаки такой точности:

«1. Коммуникативная точность текста является содержательной (семантико-прагматической) категорией текста, характеризующей его интерпретируемость, и выражается применительно к официально-деловому общению как степень соответствия текста жанровому канону документа.

2. Коммуникативная точность текста делового письма есть сложное образование, в котором выделяются информативные, тематические, структурные и стили-

стико-риторические характеристики, дающие возможность объективно определить степень точности документа.

3. Коммуникативная точность текста делового письма объективно определяется с учетом отклонений от жанрового канона документа в следующих направлениях: 1) информационная неточность (гипер- и гиповербализация, перевод содержания в подтекст, неконкретность); 2) тематическая неточность (невключенность микротемы в тему текста, отсутствие связей между микротемами текста); 3) структурная неточность (композиционная недостаточность и избыточность структуры текста и нарушение линейных связей в нем); 4) стилистическая неточность (повышение либо снижение тона и интимизация общения)» [2, с. 5]. Жанровый канон в его содержательных и формальных границах характеризует точность документного текста.

Подведем основные **итоги**.

По признаку коммуникативной точности можно выделить три интерпретативных модуса дискурса — принципиально неточный, относительно точный и принципиально точный. Первый тип, обеспечивая контакт между коммуникантами, имеет нулевую коммуникативную точность; второй тип в его личностном бытовом или институциональном вариантах подчинен императиву уместности и поэтому относительно точен; третий тип сориентирован на достижение максимальной точности смыслов — художественных, философских, документальных. Неточный дискурс тематически ограничен, реализуется посредством сокращенного кода, обладает высокой предсказуемостью содержания высказываний, тяготеет к указательности и использованию заместительных выражений, проявляется в виде плавной спонтанной устной речи и может быть закрыт для посторонних. Точный дискурс тематически неограничен, требует развернутого кода, характеризуется низкой предсказуемостью содержания высказываний, нацелен на поиск точных обозначений, проявляется в виде осложненной речи и открыт для посторонних. В обиходных ситуациях точный дискурс не востребован, и его доля в совокупной коммуникативной практике человечества относительно мала, но его значимость огромна.

Литература

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. — М.: Гнозис, 2006. — 376 с.
2. Ковшикова Е. В. Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Е. В. Ковшикова. — Волгоград, 1997. — 20 с.
3. Кузнецова И. А. Красноречивое умалчивание в массово-информационном дискурсе: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / И. А. Кузнецова. — Волгоград, 2006. — 19 с.
4. Лотман М. Ю. Семиосфера / М. Ю. Лотман. — СПб.: Искусство, 2004. — 704 с.
5. Сахно С. Л. Приблизительное именование в естественном языке / С. Л. Сахно // Вопросы языкознания. — 1983. — №6. — С. 29 – 36.

6. Филиппова М. А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / М. А. Филиппова. — Волгоград, 2007. — 22 с.

7. Чесноков И. И. Мечь как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): [монография] / И. И. Чесноков. — Волгоград: Перемена, 2008. — 256 с.

Карасик В. И. Интерпретативні модуси спілкування.

Стаття присвячена опису інтерпретативних модусів спілкування в залежності від міри комунікативної точності дискурсу. Останній може бути принципово неточним, відносно точним і принципово точним. Одиниці вказаних модусів визначаються автором відповідно як епіноми, ергономи і акрономи.

Ключові слова: дискурс, модус, акрономи, епіноми, ергономи.

Karasik V. I. Interpretative modusy of intercourse.

Article is devoted the description interpretive modus dialogue depending on degree of communicative accuracy of a discourse. It can be essentially inexact, rather exact and essentially exact. Units of indicated modus are determined by an author accordingly as epinomies, ergonomies and acronomies.

Key words: discourse, modus, epinomies, ergonomies and acronomies.

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 263 – 271.

УДК 800.7

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ БИЛИНГВИЗМА

Е. А. Коновалова

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Понятие «билингвизм» рассматривается как взаимное влияние и взаимодействие двух языков в естественном или искусственном двуязычном континууме.

Ключевые слова: билингвизм, двуязычие, смешение языков.

Постановка проблемы. Проблема двуязычия — одна из важных социолингвистических проблем современности. Двуязычие — весьма распространенное явление, оно встречалось во все исторические времена у большинства народов мира.

Для полилингвокультурной ситуации, в связи с многообразием народов, проживающих в Крыму, проблема взаимодействия языков и различных форм двуязычия и многоязычия особенно **актуальна**. О. А. Колыхалова отмечает: «лингвистическое многообразие — уникальный фактор, значение которого недооценивается в теоретическом и практическом освоении действительности» [18, с. 27 – 29]. Автор справедливо замечает, что было сделано немало попыток заменить естественное разнообразие языков человечества одним. Однако «процессы стандартизации, протекающие в области языка, можно сравнить с обеднением видового разнообразия животного и растительного мира планеты. Языки — результат прогрессирующей специализации и тонкого приспособления к меняющемуся миру» [18, с. 27 – 29].

Взаимовлияние языков и их смешение в ходе контактирования считается одним из постоянно действующих факторов языкового развития. Об этом писал А. Мартине: «взаимовлияние языков — один из самых могучих стимулов языковых изменений» [20, с. 83].

Языковеды считают, что нет практически ни одного языка, не испытавшего на себе иноязычного влияния. Контакты языков обусловлены контактами их носителей, разнообразными культурными связями между народами, миграциями и другими историческими причинами [25, с. 193]. В свою очередь Р. М. Бутина писала, что языковой контакт — понятие более емкое, проявляется и как билингвизм, и на базе контактов между литературами посредством переводов [7, с. 7].

Термин «контакты» закрепился в языкознании за таким взаимодействием языков, при котором один языковой коллектив владеет и пользуется в общении двумя разными языками. А. Н. Савченко и В. В. Иоффе подчеркивают, что контакты — это «глубокое, всестороннее проникновение языков» [25, с. 193]. Впервые термин «языковой контакт» был предложен А. Мартине и введен в широкое употребление У. Вайнрайхом. Несмотря на то, что термин «языковые контакты» был использован

Л. В. Щербой еще в 1926 г. в статье «О понятии “скрещивание языков”» [36, с. 61 – 74], У. Вайнрайх считается автором этого термина. Его работа впервые появилась в 1953 г. и заложила прочные основы изучения языковых контактов. Языковой контакт определяется как поочередное использование двух и более языков одними и теми же лицами, которых называют двуязычными носителями [9, с. 32].

Во всей обширной лингвистической литературе по языковым контактам до сих пор нет единого понимания термина «двуязычие» или «билингвизм».

Мы считаем возможным параллельно употреблять термины «билингвизм» и «двуязычие». Двуязычие — это перевод с английского языка *bilingualism*, т. е. билингвизм. Заметим, что в «Большом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой нет четкого определения двуязычия. Вместо определения данного явления есть лишь помета «см. многоязычие» [6, с. 128]. Та же помета присутствует и в определении билингвизма (от лат. *bi-*, в сложных словах — двойной, двойкий и *lingua* — язык) — «см. многоязычие» [6, с. 74].

Поэтому мы считаем необходимым обратиться к феномену многоязычия (мультилингвизм, полилингвизм), что означает употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности (прежде всего, государства); употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией. Оба явления взаимосвязаны, но не детерминированы жестко: преобладающее одноязычие общества не исключает многоязычия отдельных его членов, и наоборот, многоязычие государства может согласоваться с преобладающим одноязычием населения в пределах языковых общин [16, с. 303].

В рамках теории языковых контактов и билингвизма ученые рассматривали и то, что раньше называлось смешением языков, а в современном языкознании рассматривается как стадии формирования новых языков — пиджинизация и креолизация. Само понятие смешение языков Л. В. Щерба считал одним из самых неясных в лингвистике и предполагал, что, возможно, его и не следует включать в число лингвистических понятий. Изучение двуязычия как контактного процесса, осуществляемого в речевой деятельности билингва, началось с работ Л. В. Щербы, посвященных исследованию лужицких диалектов. Академик неоднократно указывал на то, что всякое изучение второго языка ведет к двуязычию. Он предлагал заменить термин «смешение языков» термином «взаимное влияние языков», т. к. слово «смешение» предполагает в некоторой мере, что оба языка, находясь в непосредственном контакте, могут в равной степени участвовать в образовании нового языка [35, с. 40 – 42]. Из вышесказанного становится ясным, прежде всего, то, что любой контакт или взаимодействие языков требует наличия людей, которые хотя бы в незначительной степени были двуязычными.

Традиционно выделяют четыре подхода к описанию сути билингвизма. По мнению одних лингвистов [19, с. 27 – 35; 2, с. 61], неправомерно ставить вопрос о разных аспектах исследования билингвизма, поскольку двуязычие — чисто психологическая проблема. Другие полагают, что эту проблему надо считать собственно лингвистической [13, с. 28 – 29]. Третьи исходят в определении двуязычия из

общественной (социологической) функции языка [33, с. 6; 5, с. 78 – 81]. Четвёртые предлагают лингвокультурологический аспект исследования контактирующих языков [10, с. 264 – 265; 21, с. 328]. В данной ситуации требует уточнения и само определение термина «двуязычие» в изменившейся языковой ситуации.

Следует отметить, что в науке существует множество определений двуязычия. Одни лингвисты называют его «практикой попеременного пользования двумя языками» [8, с. 3]; для других двуязычие — «владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения [24, с. 3]. Другие рассматривают его «как в равной мере хорошее владение двумя языками» [14, с. 76 – 79] или «хотя бы приблизительно одинаково свободное пользование различными языками в любой обстановке, в том числе и в семье» [1, с. 276], обладание «способностью пользоваться двумя языками как родными» [4, с. 56], «владение двумя языками в совершенстве» [12, с. 400] или как умение «творчески строить свою речь, принадлежащую вторичной языковой системе» [11, с. 160]. Истинное двуязычие предполагает «равную или приближающуюся к равной степени владения и употребления как в речи, так и в мыслительном процессе двух языков, регулярно взаимодействующих друг с другом в важнейших сферах общественной деятельности» [2, с. 62]. М. Сигуан и У. Ф. Макки предлагают «называть двуязычным того человека, который кроме своего первого языка в сравнимой степени компетентен в другом языке, способен со схожей эффективностью пользоваться в любых обстоятельствах тем или другим из них» [26, с. 11].

Самое распространенное мнение — билингв владеет двумя языками в равной степени [41, с. 137]. К. Юмото подчеркивает, что концепт билингвизма включает широкое понимание, т. к. этот термин объединяет многомерные аспекты и уровни пользования двумя языками. Во-первых, билингвизм рассматривается одновременно на двух уровнях — индивидуальном (*individual*) и коллективном (*societal*) — то, что Н. Б. Мечковская называет социолингвистическим и психолингвистическим уровнями соответственно. С целью разграничения этих двух понятий автор вводит понятие «индивидуальный билингвизм», который называется билингвальность (*bilinguality*), и «коллективный», называя это явление билингвизмом (*bilingualism*). Во-вторых, определения билингвизма варьируются от владения двумя языками в совершенстве до минимального владения вторым языком. Весь континуум владения языком включен в это определение [41, с. 137].

По мнению Р. М. Фрумкиной, термин *двуязычие* всегда был нечеток, а в данный момент его значение не только размылось, но еще и облеклось ореолом социальных проблем [30, с. 165]. Такого мнения придерживается и П. Ауэр: «билингвизм — очень сложное явление» [38, с. 2], поэтому необходимо различать понимание двуязычия в лингвистическом и социологическом аспектах.

Обычно под двуязычием подразумевают явление, когда человек может общаться на двух языках. При этом, как подчеркивает К. З. Закирьянов, мнения расходятся. Одни имеют в виду владение только генетически разными, разносистемными, неродственными языками (например, русский и немецкий, русский и башкирский, русский и английский), другие — любыми двумя языками, включая и родствен-

ные и близкородственные языки (например, русский и украинский, русский и белорусский, башкирский и татарский и т. п.). Исследователь приходит к выводу, что двуязычием следует считать, в соответствии с самим термином, владение двумя языками — как родственными, так и не родственными [15, с. 7].

Очевидно, что социальная роль двуязычия при контактировании близкородственных и неродственных языков будет неодинаковой. В первом случае общение будет возможным даже при знании одного из близкородственных языков, тогда как во втором случае это исключено. Поэтому, когда речь идет о двуязычии с точки зрения его социальной роли и практических задач речевого общения, то имеется в виду владение двумя генетически разными языками.

Большинство исследователей принимают с определенными модификациями определение билингвизма, предложенное У. Вайнрайхом, как «практику попеременного использования двух языков, а людей, пользующихся этими языками — билингвами» [40, с. 33]. Это определение мы встречаем у Э. Хаугена — по отношению к языковому контакту. При этом Э. Хауген не характеризует уровень владения языками, а также условия их употребления [32, с. 61]. А. Е. Карлинский предлагает некоторое уточнение данной дефиниции. Двуязычие — это практика попеременного использования двух языков одним и тем же индивидом или группой индивидов в целях коммуникации. Автор объясняет такое дополнение тем, что он указывает на коммуникацию как общественный процесс обмена мыслями между людьми и ограничивает понятие двуязычия социально-психологическими рамками [17, с. 22].

Ф. Грожан отмечает, что многие исследования по билингвизму придерживаются такой точки зрения, в соответствии с которой билингвы рассматриваются, как «сумма двух монолингвов» [39, с. 52 – 60].

При социологическом понимании за основу берется критерий практики — возможность достижения взаимопонимания представителей разных национальностей с помощью любого из языков — родного и неродного, а точнее: умение понимать готовые высказывания на втором языке и умение самостоятельно создавать понятные для других устные или письменные высказывания на втором языке [15, с. 10].

Мы можем констатировать, что билингвизм может возникать только при контактировании языков, которому предшествуют социально-экономическое общение и длительное сосуществование двух народов, говорящих на разных языках.

«Ситуация билингвизма» более полно отражает условия возникновения, существования и развития двуязычия как языкового и речевого явления. Если языковая ситуация понимается как «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении, взаимодействие языков становится реальностью при непосредственных или опосредствованных языковых контактах. Активные процессы взаимовлияния языков наблюдаются при непосредственных языковых контактах, когда возникает ситуация билингвизма. Многие лингвисты разграничивают понятия «языковая ситуация» и «ситуация билингвизма» и рассматривать их взаимоотношения соответственно как родовые и видовые отношения» [23, с. 79 – 80; 3, с. 10]. По терми-

нологии Л. Б. Никольского, экзоглоссная сбалансированная и несбалансированная языковая ситуация определяет условия функционирования различных типов двуязычия вместе с их функциональными разновидностями в данной общности людей. Непосредственные языковые контакты обуславливают интенсивные межязыковые связи, что ведет к появлению разных типов двуязычия. Однако межязыковые связи устанавливаются не между различными языковыми системами, а между носителями этих языков. Носители же контактирующих языков принадлежат разным социально-профессиональным группам, неоднородны в этническом и демографическом отношении. Демографический фактор необходимо учитывать в преподавании языка в образовательных учреждениях и вузах. Признание многоаспектности и взаимосвязанности различных сторон двуязычия приводит ученых к мысли, что «двуязычие как лингвистическое, социальное явление не поддается однозначному определению» [3, с. 33].

Изучение билингвизма как социального явления, которое представляет собой сосуществование двух языков в рамках одного и того же речевого коллектива, использующего эти языки в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта мы находим и у А. Д. Швейцера [34, с. 184 – 185]. Как следует из предложенных определений, авторы также не затрагивают степень владения языками.

Широкое распространение получила точка зрения В. Н. Ярцевой, согласно которой под двуязычием понимается «способность отдельного индивидуума, или народа в целом, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках» [37, с. 5]. А. Е. Супрун также понимает двуязычие как возможность владения носителем одного языка другим языком в различной мере, а следовательно, и возможность двуязычия разных ступеней. По его мнению, двуязычие начинается тогда, когда человек в состоянии высказать различные мысли (и понять некоторое сообщение) на двух языках [27, с. 6]. Однако и эти определения не лишены недостатков: в них нет указания на генетическую родственность или неродственность языков. Правда, М. М. Михайлов, раскрывая сущность двуязычия, связывал его с генетически разными языками [22, с. 234]. В таком случае, как справедливо указывают многие ученые, за бортом двуязычия остается владение хотя и родственными, но разными языками. Ф. П. Филин предлагает различать двуязычие в узком и широком смысле этого слова. Двуязычие в узком понимании «означает более или менее свободное владение двумя языками: родным и неродным; двуязычие в широком смысле этого слова — это относительное владение вторым языком, умение в том или ином объеме пользоваться ими в определенных сферах общения» [28, с. 3 – 12]. Иными словами, двуязычие в его лингвистическом понимании требует свободного знания двух языков. Если же билингв владеет контактирующими языками не в одинаковой степени и дифференцированно пользуется ими в различных речевых ситуациях, то следует иметь в виду двуязычие в социолингвистическом толковании. Несмотря на то, что лингвистический аспект двуязычия позволяет не только устанавливать степень владения контактирующими языками, но и предсказывать возможные случаи интерференции, мы не можем ограничиваться одним

этим аспектом, потому что узкое понимание двуязычия вызывает скептическое отношение к нему даже в среде самих лингвистов [29, с. 25]. По-видимому, такое положение вещей обусловлено тем, что носители такого типа двуязычия составляют всего 2 – 4% всех билингвов в недавнем прошлом [33, с. 8].

Для нашего региона с его разнородным в этнокультурном, языковом и других отношениях составом населения важно не только развитие украинского языка, но и хорошее знание русского языка, ставшего для всех жителей республики языком межнационального общения. Универсальный язык общения просто необходим в условиях республики и вообще государства, что уже неоднократно доказывала мировая практика. Об этом свидетельствуют и данные социологического исследования, проведенного нами: 96% респондентов используют русский язык в качестве средства межнационального общения. Таким образом, мы подтверждаем гипотезу А. И. Холмогорова и З. У. Блягоза, Р. Р. Ханаху, что «социолингвистический аспект имеет определяющее значение, ибо этим видом двуязычия пользуется 90 – 95% билингвов» [33 с. 10; 36, с. 54 – 61; 31, с. 95 – 102 и др.]. В отечественной лингвистике и социальной психологии основной упор делается на социальную природу двуязычия при рассмотрении его как «продукт функционирования языка в определенных социальных условиях [33, с. 10; 36, с. 54 – 61; 31, с. 95 – 102 и др.]».

В действительности же, определений двуязычия может быть еще больше, так же как и его классификаций: все зависит от точки отсчета или аспекта исследования, выдвигаемого на передний план, конкретного содержания двуязычия, условий его функционирования, значения его для носителя двух языков. Двуязычие редко существует в чистом виде.

Любой язык сам по себе представляет собой синтез различных социолингвистических пластов, в нем иноязычные исторические заимствования уживаются рядом с общими для всех (по происхождению) неологизмами. Поэтому, говоря о двуязычии, необходимо иметь в виду его условный характер.

Важно отметить, что двуязычие редко выступает как некая данность или абстрактная возможность отдельного человека, групп людей или целого народа общаться на двух языках. Безусловно, оно предполагает стремление к достижению взаимопонимания на двух языках, причем степень взаимопонимания может быть различной. Однако это обстоятельство характеризует лишь одну из граней, хотя и существенных, двуязычия, которое представляет собой сложный историко-культурный феномен, обусловленный целым рядом как объективных, так и субъективных факторов и обстоятельств. Поскольку язык является составной частью национальной культуры, реальное содержание двуязычия в первую очередь отражает лингвокультурные и психологические ценности и ориентиры его носителя, а затем оно само влияет на них. Исходя из современной ситуации двуязычия, по нашему мнению, билингвизм — это результат межцивилизационного взаимодействия различных культур народов, одна из форм адаптации совершенно иной или родственной языковой культуры.

Вывод. Можно дать следующее определение двуязычию (билингвизму): это употребление двух языков в пределах определенной социальной общности (пре-

жде всего, государства); употребление индивидуумом (группой людей) двух языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией.

Литература

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. — М., 1975. — 276 с.
2. Ахунзянов Э. М. Морфологическая интерференция в условиях русско-татарского двуязычия / Э. М. Ахунзянов. — М., 1976. — 145 с.
3. Багироков Х. З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков): [монография] / Х. З. Багироков. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. — 316 с.
4. Бертагаев Т. А. К вопросу взаимовлияния языков: Взаимодействие и взаимовлияние языков народов СССР / Т. А. Бертагаев. — М., 1969. — 278 с.
5. Блягоз З. У. Проблема заимствования в адыгейском литературном языке / З. У. Блягоз // Филологический вестник АГУ. — 2001. — №2. — С. 78 – 81.
6. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. — 616 с.
7. Бутина Р. М. К проблеме контактов языков (на материале тюркских лексических элементов в английском языке): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Р. М. Бутина. — Алма-Ата, 1971. — 26 с.
8. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. — Киев: Вища школа, 1979. — 263 с.
9. Вайнрах У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрах // Новое в лингвистике. — Вып. 6. — М.: Прогресс, 1972. — С. 25 – 60.
10. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка; под ред. М. А. Кронгауз. — М.: Русские словари, 1996.
11. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. — М.: Изд-во МГУ, 1973. — 140 с.
12. Дешериев Д. Ю. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе / Ю. Д. Дешериев. — М., 1966. — 400 с.
13. Дешериев Ю. Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия / Ю. Д. Дешериев // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. — М., 1972. — С. 28 – 29.
14. Джидалаев Н. С. Русско-дагестанское двуязычие как социолингвистическое явление и объект исследования / Н. С. Джидалаев // Русский язык и языки народов Дагестана: сб науч. тр. — Махачкала, 1979. — С. 76 – 79.
15. Закирьянов К. З. Двуязычие и интерференция: [учебное пособие] / К. З. Закирьянов. — Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1984. — 80 с.
16. Зограф Г. А. Многоязычие // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева; 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 303.
17. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков / А. Е. Карлинский. — Алма-Ата: Гылым, 1990. — 181 с.
18. Колыхалова О. А. Социокультурные и философские аспекты билингвизма: дис. ... докт. филос. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / О. А. Колыхалова. — М., 1999. — 44 с.
19. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах: Словарь ассоциативных норм русского языка / А. А. Леонтьев. — М.: Русский язык, 1977.

20. Мартине А. Распространение языков и структурная лингвистика / А. Мартине // Новое в лингвистике: Языковые контакты. — Вып. VI. — М.: Прогресс, 1972. — С. 81 – 93.
21. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
22. Михайлов М. М. Культура русской речи / М. М. Михайлов. — Чебоксары: Чувашский ун-т, 1966. — 216 с.
23. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика / Л. Б. Никольский. — М.: Наука, 1976. — 361 с.
24. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика / В. Ю. Розенцвейг. — Л.: Наука, 1972. — 80 с.
25. Савченко А. Н. Общее языкознание / А. Н. Савченко, В. В. Иоффе. — Ростов: Издательство Ростовского ун-та, 1985. — 208 с.
26. Сигуан М. Образование и двуязычие / М. Сигуан, У. Ф. Макки. — М.: Педагогика, 1990. — 184 с.
27. Супрун А. Е. Два типа двуязычия, транспозиция и интерференция / А. Е. Супрун // Русский язык в национальной школе. — 1974. — №5. — С. 6.
28. Филин Ф. П. О свойствах и границах литературного языка / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания. — 1976. — №6. — С. 3 – 12.
29. Филин Ф. П. Современное общественное развитие и проблемы двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. — М.: Наука, 1972. — С. 13 – 25.
30. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: [учебное пособие для студентов высших учебных заведений] / Р. М. Фрумкина. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 320 с.
31. Ханаху Р. А. Язык этноса: Состояние изучения и перспективы развития / Р. А. Ханаху, Н. Н. Денисов, Т. Л. Пятакова // Социальные проблемы молодежи: сб. науч. тр. — Майкоп, 1993. — С. 95 – 102.
32. Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике: Языковые контакты. — Вып. VI. — М.: Прогресс, 1972. — С. 61 – 80.
33. Холмогоров А. И. Конкретно-социологическое исследование двуязычия / А. И. Холмогоров // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. — Москва, 1972. — С. 6.
34. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А. Д. Швейцер. — М.: Наука, 1983. — 216 с.
35. Щерба Л. В. Избранные труды по языкознанию и фонетике. / Л. В. Щерба. — СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. — Т. 1. — 183 с.
36. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Щерба Л. В. // Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. — С. 60 – 74.
37. Ярцева В. Н. Теория взаимодействия языков и работа У. Вайнрайха «Языковые контакты»: [вступительная статья] / В. Н. Ярцева // У. Вайнрайх. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. — К.: Вища школа, 1979. — С. 5 – 12.
38. Auer J. C. P. Bilingual conversation / J. C. P. Auer. — Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1984. — Pp. 116.
39. Grosjean F. Another view of bilingualism / F. Grosjean // Cognitive Processing in Bilinguals; ed. by R. J. Harris. — Amsterdam: Elsevier, 1992. — Pp. 51 – 62.
40. Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems / U. Weinreich; with a pref. Andre Martinet. — N.-Y., 1953. — 148 p.
41. Yumoto K. A. Study of Cognitive Level of Bilingual Proficiency: What Makes Balanced Bilinguals? / K. A. Yumoto // The Journal of Asia TEFL. — 2004. — Vol. 1. — No.2. — Pp. 135 – 160.

Коновалова О. А. Проблема визначення білінгвізму.

Поняття «білінгвізм» розглядається як взаємний вплив і взаємодія двох мов в природному або штучному двомовному континуумі.

Ключові слова: білінгвізм, двомовність, змішання мов.

Konovalova E. A. The problem of definition of bilingualism.

The concept of «bilingualism» is considered as the mutual influence and interaction of two languages in natural or artificial bilingual continuum.

Key words: bilingual, bilingualism, the confusion of tongues.

Стаття поступила в редакцію 12 листопада 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 272 – 278.

УДК 130.2

ГОВОРЯЩИЙ-ONLINE-СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ПОПЫТКА СОПРОТИВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ-OFFLINE-ПОРЯДКУ

В. В. Ларченко

*Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»,
г. Харьков*

Говорящий-online-субъект социальных сетей в попытках выхода за пределы власти лингвистического-offline-порядка деконструирует offline-язык в виде маскарадизации означающего его знака и создает собственное сообщество на основе включенности говорящих-на-падон(г)ском-языке-online-субъектов.

Ключевые слова: говорящий-online / offline-субъект, социальная сеть, лингвистический-offline-порядок, online / offline-язык.

Актуальность данной темы заключается в том, что социальные сети все больше становятся неотъемлемой составной бытия говорящего субъекта, который все чаще использует данный феномен *пост*современности как связь с внешним миром, когда, например, в США каждый четвертый заключенный брак начинается со знакомства через социальную сеть. Если раньше это было, например, ICQ, то теперь создается множество специализированных сайтов знакомств с различным интерфейсом, но, как правило, с одной базой данных. Причиной этому служит урбанизированный ритм жизни субъектов, чье бытие выражается стандартной схемой *пост*современного, глобализированного субъекта «дом – работа — работа – дом».

Социальные сети настолько активно используются представителями различных наций, поколений, субкультур, что входят в пространство попкультуры. Так их упоминание встречается и в текстах песен, например, «На районе» Потапа и Насти Каменских — «не ищи меня “Вконтакте”», в “Одноклассниках” нас нет», или «Dolce Gabbana» Верки Сердючки — «не звонит и не пишет тысячу лет, он сидит в “Одноклассниках” целыми днями». Это свидетельствует о том, что не только определенные социальные или профессиональные сообщества используют данный феномен в своих рабочих и профессиональных целях, но и широкая общественность в своих частных целях. Именно поэтому можно утверждать, что социальные сети объединяют субъектов не только на основе их профессиональной деятельности, но и личностно-психологической.

Степень изученности проблемы субъекта социальных сетей уже достаточна в различных аспектах и различных науках, начиная от социальных коммуникаций и заканчивая философией, психологией, филологией. Так, например, изучается ее

гендерный аспект. Здесь можно упомянуть Е. Горошко [3], которая рассматривает гендерную идентичность и становление новой гендерной парадигмы на основе контент-анализа мужских / женских сайтов. Экономический аспект анализируется, например, в исследовании маркетинга социальных сетей [14], в которых объясняется способность социальных медиа стать более весомыми в качестве достоверного источника информации, формирующего общественное мнение, чем реклама, т. к. «маркетинг-из-уст-в-уста» изменил свою бытийную форму из реальной коммуникации в виртуальную. Тесно связанная с предыдущим исследованием проблема консюмеризма в социальных сетях рассмотрена, например, Р. Иенгаром, С. Ханом и С. Гуптой [3], которые пытаются проанализировать степень влияния друзей на покупательские привычки в социальных сетях, объясняя это тем, что социальные сети наподобие «Facebook» и «MySpace» малоуспешно рекламируют продукцию, т. к. они тщательно не изучили влияние их представителей друг на друга, несмотря на то, что этот социальный эффект может обеспечить новую маркетинговую возможность для политик традиционных компаний. Именно поэтому авторы пытаются ответить на три вопроса: 1) влияют ли друзья на покупки online-субъектов в социальных сетях; 2) какие из данных online-субъектов больше подвержены социальному влиянию и 3) возможен ли количественный расчет этого социального воздействия с точки зрения увеличения продаж и дохода от них.

А. Мислов, Х. С. Коппула, К. П. Гуммади, П. Друшел и Бхаттачарье [13] изучают процесс формирования ссылок социальной сети «Flickr», сравнивая с другой социальной сетью «Youtube», в которой предоставляется список наиболее просматриваемых и подписываемых пользователей, что может изменить способы создания ссылок вследствие возможности их глобального просмотра. К. Джордан, Я. Хаусер, С. Фостер [5] отмечают гибкость Интернет как программируемого пространства в отличие от телефона, телеграфа, печатных изданий и т. п. Они задаются вопросами технического характера, непосредственно связанными с психологическими, социополитическими: 1) могут ли средства, используемые online-сообществами, повысить эффективность обмена информацией; 2) может ли это привести к усилению а) общественного дискурса и б) ценностей гражданства и демократии. Исследователи отмечают, что вместе с глобализацией и размыванием границ, а также усилением коммерческого интереса как ее последствий существует угроза отчуждения субъектов от демократического (у)правления. Вследствие чего К. Джордан, Я. Хаусер, С. Фостер интересуются, возможно ли «следующему поколению Интернет» заново укрепить позиции демократии, предоставив платформу, облегчающую обмен информацией online-субъектов относительно политических вопросов. Исследователями рассматривается и лингвистический аспект, ведущий к появлению так называемого новояза вслед за Дж. Оруэллом или падон(г)ского языка / сленга, который из online-пространства все активнее переходит в offline-пространство с его ключевым приветствием «Превед, медвед!» [1].

Однако в указанных исследованиях не затрагивалась тема, насколько язык, используемый online, влияет на говорящего-online-субъекта и психоаналитические причины появления online-языка в пространстве социальных сетей. В связи с этим **целью** данного исследования является выявление психоаналитических причин и

механизмов, с помощью которых говорящий-online-субъект пытается противостоять лингвистическому-offline-порядку.

Новизна данного исследования заключается в изучении причины неудовлетворенности говорящего-offline-субъекта лингвистическим-offline-пространством и его порядком, что подталкивает данного субъекта к деконструкции offline-языка.

Предмет исследования — говорящий-online-субъект в пространстве социальных сетей.

Ранее исследователи считали главной проблемой лингвистических изменений заимствования в большей степени из английского / глобального языка, которым существуют аналоги — абсолютные синонимы — в локальном языке. Например, украинское слово *гвинтокрил* («вертолет») все чаще в СМИ стало заменяться словом *гелікоптер*.

Другая причина становления *постсоветского* русского языка заключается в политическом контексте, когда распад Советского Союза и вместе с ним попытка становления собственных локальных языков при нивелировании русского привели не только к билингвизму и смешению кодов, но и *неспособности* многих говорящих субъектов к правильной визуализации знака.

Кроме того, можно утверждать о другом лингвополитическом контексте, когда политики, выступая в СМИ, нарушают нормы языка, начиная от неправильного ударения и заканчивая смешением кодов и чтением своих политических текстов с другим акцентом. Здесь возникает вопрос, почему PR-щики и спичрайтеры (здесь можно было бы эти два термина заменить приближенными русскими аналогами, но именно они в данный момент политически ангажированы и популярны) не могут п(р)оставить ударения в текстах или хотя бы (по)тренировать субъекта политики в прочтении своей речи?

Еще одна причина — в сленге. Так, М. Кронгауз отмечает, что «говорить по-русски — значит не только “говорить правильно”, как время от времени требует канал “Культура”, но и с удовольствием, а значит, эмоционально и творчески <...> А сленг <...> эмоциональнее литературного языка. Другое дело, что сейчас граница между сленгом и литературным языком все больше размывается и жаргонные слова проникают в запретные для них области» [4].

Не так давно с языковым сленгом была связана проблема нормативности offline-языка. Особенно, когда молодежный сленг проникал во многие сферы бытия говорящего-offline-субъекта. Однако известен тот факт, что артефакты, языки, присущие молодежной субкультуре имеют свою темпоральность, зависящую от принадлежности к данной субкультуре. Когда субъект выходит за ее пределы, переходя на новый этап развития своей идентичности, меняются и эти артефакты, языки.

Если раньше волновала проблема бытийности именно offline-языка, то теперь — online-языка, т. к. вместе с глобализацией происходит виртуализация мира. Если раньше игра с online-языком была на основе аббревиатур и сокращений, как например, *ICQ* («I Seek You»), когда по схожести звучаний подбирается аббревиатура и когда в другом локальном лингвистическом контексте ей подбирается по звучанию имя — *Аська*, *Ася*, а *IMHO* («In My Humble Opinion»), идентично пере-

носится из глобального контекста как «ИМХО» [5], при этом его означаемое осознается локальным говорящим-online-субъектом, в то время как означающее часто остается неосознанным, то теперь говорящий-online-субъект деконструирует сам знак, причем его означающее. Играясь визуализацией языка, представители так называемого «падон(г)ского» сленга / языка пытаются таким образом противостоять лингвистическому-offline-порядку. Если в официальной документации необходимо следовать нормам классического литературного языка и говорящий-offline-субъект находится в границах данного языка, за пределы которых он выйти не может, т. к. будет сразу же маргинализован, то говорящий-на-падон(г)ском-языке-online-субъект устанавливает нормы своего online-языка, которых все остальные говорящие-online-субъекты должны придерживаться, чтобы войти в новое виртуальное сообщество, свободное от правил лингвистического-offline-пространства.

Падон(г)ский язык, или как его еще называют, албанский, восходит к сайту *udaff.com*, одному из первых концептуально оформивших данный язык и определивший включенных-в-его-пространство-говорящих-субъектов на основе того, что «этот ресурс создан для настоящих падонков. Кому не нравятся слова <...> и <...>, могут идти на <...>. Остальные пруща» [14] (нецензурная лексика опущена). Именно первое название языка — падон(г)ский — четко передает всю фантастическую маскурадизацию online-языка, который создан для деконструкции offline-языка. Даже бегло прочитав приведенную ниже новость с этого сайта (нецензурная лексика опускается), можно осознать всю маскарадность, присущую деконструктивистским лингвистическим практикам говорящего-online-субъекта: *«уважаемая гаспада падонке. Случилась <...> археважное сабытие в жызни ынтырнет сообщиства. Тяперичя можна регистривать дамены кириллическими буквоме. // Кто сразу ни понел — обьисняю на премере. Уважаемый Удав с 11 наября можит пирирегистривать свой рисурс вместа «udaff.com» на «удав. рф». Если канешина захочит. // Но как водица не фсе в России так проста. Аказываеца не все слава русскага языка можна использовать абзывая сваи сайты. Правительство РФ заботлево огласило весь списак <...> // Прачитав перичень этех запряценных слов я <...>, асазнав насколько уважаемая падонке унылые и однаобразные скварнословы и матяришиннеки (включая и аффтара этех строк). // Так что, дарагие маи, фтыкайте, изучайте и пользуйтесь. Абагацайту, так сказать, свой славарный запас и насыщайте интелект (если таков имеица). // Нильзя отставать в развитее от нашаво горячее любимага Правительсва. // Учитесь <...> правильно!»* [6]. Говорящий-online-субъект наслаждается деконструктивирующей визуализацией знака, при которой данный субъект выходит за пределы подчинения offline-языку и не подвластен более его лингвистическому порядку.

Несмотря на многочисленные работы лингвистов, борющихся за чистоту локального-offline-языка, падон(г)ский язык начинает постепенно проникать в лингвистическое-offline-пространство. В данном случае возникает вопрос, что заставляет говорящих-offline-субъектов переносить нормы online-языка в offline-пространство? Ответ может заключаться в том, что говорящий-субъект имеет власть над offline-языком лишь в online-пространстве. Однако данный субъект хочет иметь подобную власть за пределами своего виртуального пространства,

т. е. именно в offline-пространстве, что и приводит к введению обновленного деконструктивированного-offline-языка в лингвистическое-offline-пространство.

Данный online-язык становится популярным также в других странах. Так, например, наблюдаются попытки создания украинского падон(г)ского online-словаря говорящими-online-субъектами.

Приведем примеры:

1) толкового словаря: *аффттар* — автор чього небудь (крео, постів таке інше), *жжшош* — користувачеві сподобався твій гумор або просто репліка, *баян* — «таке вже було», *нізачьот* — «не сподобалося», *зачьот* — «сподобалося», *мегаза-чьот* — «дуже сподобалося» [7];

2) русско-украинского словаря: *гламурненько* — *чарівненько*; в *Бобруйск*, *жыветное* — в *Бердичів*, *тварино*; *аффттар жжжот*, *пеши исчо* — *ну ти смалиши*, *афтор*, *шкрябай далі*; *аффттар*, *віней іаду* — *афтор*, *пий отруту*; *ржунимагу* — *ржунездужу*; *баян* — *трембіта*; *каменты рулят* — *коментарі керують*; *падо-нак* — *козолуп*; *учи албанский!* — *вчи українську!* [8].

Причем на Форуме г. Пущино можно проголосовать за (не)понравившуюся тему по следующим критериям: «Афигенно! Супер!», «Нормально!», «Хз. Сойдёт.», «Кое-Как!», «Ацтой полнейший!» [8].

Еще одно выражение, вошедшее в лингвистическое-online-пространство, «Превед, медвед!» Как отмечает И. Субботин, лингвисты связывают появление подобной лексики и фраз с насущной потребностью «интернетчиков в наборе эмоциональных клише, своего рода дополнительных “смайликов”. Иными словами, новояз принял на себя функцию компенсации недостаточной эмоциональности письменной речи» [9]. Нарисованный Д. Лури медведь в феврале 2006 г., пугающий пару в лесу и произносящий «Surprise!», не подходил русскоговорящему контексту, поэтому «Surprise!» было заменено донецким Интернет-пользователем Lobzz на «превед» [9, с. 14]. Данный акварельный рисунок настолько понравился говорящим-online-субъектам, что появились подобные рисунки с приветственными надписями на различных языках, а также смайлик в виде буквы «У» [10].

Если говорить о распространенности падон(г)ского языка в offline-пространстве, следует привести пример Б. Гребенщикова и группы «Аквариум», которые дали рабочее название своему двадцать четвертому альбому «Простой русский БрАдягга», объяснив это тем, что «мне все это кажется забавным, это часть современной культуры. Мы, кстати, мечтаем о концерте в Бобруйске. “Превед”, так и вовсе гениально» [2]. Однако официальное название альбома вышло в свет в его литературном варианте, что объяснялось как «я не хотел, чтобы название альбома выглядело сиюминутным. Для афиши концерта это подойдет, а если человек лет через десять возьмет слушать мой диск, то это уже будет не то» [2]. Эстетическое наслаждение от визуального сменяется утверждением о временном бытии лингвистической-online-субкультуры.

Можно сделать **вывод**, что говорящий-online-субъект социальных сетей в попытках выхода за пределы власти лингвистического-offline-порядка деконструирует offline-язык в виде маскаранизации означающего его знака и создает собственное

сообщество на основе включенности говорящих-на-падон(г)ском-языке-online-субъектов. Данная проблема должна дальше изучаться в связи с постоянным качественным развитием и количественным увеличением online-сообщества, социальных сетей, объединяющих online-субъектов на основе общности для осознания причин и механизмов маргинализации offline-языка и эволюции online-языка с последующей способностью гибкости говорящего-online-субъекта в отношении лингвистических изменений.

Литература

1. Вильянов С. Полный превед! [Электронный ресурс] / С. Вильянов // Компьютерра online, 15.11.2010. — Режим доступа: <http://offline.computerra.ru/2006/631/259101>. — 15.11.2010.
2. Гончаров М. Борис Гребенщиков: «Превед — это гениально»: [интервью] [Электронный ресурс] / М. Гончаров // Петербургская газета «Фонтанка. ру». — Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2006/03/24/160810>. — 15.11.2010.
3. Горошко Е. Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении / Е. Горошко. — Харьков: ФЛП Либушкина, 2009. — 816 с.
4. Кронгауз М. Язык мой — враг мой? [Электронный ресурс] // Государство и антропоток / М. Кронгауз. — Режим доступа: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a088.htm>. — 14.11.2010.
5. Ларченко В. В. Языковые ловушки для глобализованного говорящего субъекта / В. В. Ларченко // Философия языка: в границах и вне границ / [научн. ред. тома С. А. Заветный]. — Х.: ХНТУСХ, 2009. — Т. 6 — 7. — С. 159 — 171.
6. Новости от аффтара Негоро. Русская ынтырнет или учицца, уицца ну и еще раз... от 15.11.2010 [Электронный ресурс] // <http://udaff.com/news/110615.html>. — 15.11.2010.
7. Сообщение (№98) пользователя Книголюба из чата от 2008.01.02 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://modelizm.pl.ua/forum/10-310-10>. — 15.11.2010.
8. Сообщение (№31) пользователя Li\$a из Форума г. Пущино от 13.02.2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nash-forum.itaec.ru/showthread.php?p=74030>. — 15.11.2010.
9. Субботин И. Новояз Интернета [Электронный ресурс] / И. Субботин. — Режим доступа: <http://www.sovkon.ru/2006/20/4.php> — 15.11.2010.
10. Эффекд медведа. — Экспонат №000188. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.netlore.ru/effekd-medveda>. — 15.11.2010.
11. Iyengar R. Do Friends Influence Purchases in a Social Network? [Электронный ресурс] / R. Iyengar, S. Han, S. Gupta // Working Paper, 09–123. — Harvard Business School, 2009. — 36 p. — Режим доступа: <http://www.hbs.edu/research/pdf/09-123.pdf>. — 14.11.2010.
12. Jordan K. The Augmented Social Network: Building Identity and Trust into the Next-Generation Internet [Электронный ресурс] / K. Jordan, J. Hauser, S. Foster // A Report presented at the Planetnetwork Conference «Networking a Sustainable Future». — California, 2003. — 77 p. — Режим доступа: <http://asn.planetnetwork.net/AugmentedSocialNetwork.pdf>. — 14.11.2010.
13. Mislove A. Growth of the Flickr Social Network [Электронный ресурс] / A. Mislove, H. S. Koppula, K. P. Gummadi, P. Druschel, B. Bhattacharjee // WOSN'08. — Seattle, 2008. — 6 p. — Режим доступа: <http://www.mpi-sws.org/~gummadi/papers/Growth-WOSN.pdf>. — 14.11.2010.

14. Social Network Marketing: the Basics [Электронный ресурс] // Red Bridge Marketing, 2008. — Режим доступа: http://www.labroots.com/Social_Networking_the_Basics.pdf. — 14.11.2010.

15. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://udaff.com>. — 15.11.2010.

Ларченко В. В. Online-суб'єкт-мовець соціальних мереж як намагання опору лінгвістичному-offline-порядку.

Online-суб'єкт-мовець соціальних мереж в своїх намаганнях вийти за межі влади лінгвістичного-offline-порядку деконструє offline-мову як маскарадизацію означуваного її знака та створює власне суспільство на базі включення online-суб'єктів-мовців-падон(г)ської-мови.

Ключові слова: online / offline-суб'єкт мовець, соціальна мережа, лінгвістичний-offline-порядок, online / offline-мова.

Larchenko V. V. Social network online-speaking-subject as linguistic-offline-order resistance attempts.

The social network online-speaking-subject in his / her attempts to go out of the linguistic-offline-order power boundaries deconstructs offline-language by way of its sign signifier mas-caradization and creates his/her own community on the basis of online-padon(g)skiy-language-speaking-subject inclusion.

Key words: online / offline-speaking-subject, social network, linguistic-offline-order, online / offline-language.

Статья поступила в редакцию 16 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 279 – 283.

УДК 81'38:821.161.1/7.08

ПРИЁМЫ СУБЪЕКТИВАЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОРТРЕТАХ А. М. ГОРЬКОГО

И. П. Лаушкина

*Харьковский национальный педагогический университет
им. Г. С. Сковороды,
г. Харьков*

Авторское понимание и воспроизведение мира является организующим звеном повествования в литературных портретах А. М. Горького. Система приёмов субъективации повествования способствует выражению авторского отношения к изображаемому.

Ключевые слова: Горький, субъективация, образ автора, риторические структуры, контрастный параллелизм.

Актуальная задача современных стилистических исследований — изучение проблемы *образа автора*, связанной с идиостилем писателя и адекватным интерпретационным прочтением произведения словесного искусства (работы В. Виноградова, У. Бута, М. Бахтина, М. Брандес, В. Одинцова, Н. Кожевниковой, А. Гулака).

Литературный портрет занимает своё особое место в художественной литературе. «Литературный портрет — это художественная целостная характеристика конкретного реального человека в форме мемуарного очерка, создающего представление о его индивидуально-неповторимом живом облике, о его характере» [1, 49]. Литературный портрет в таком понимании представляет собой синтез автобиографии, мемуаров, очерка и портрета — характеристики героя. Так как в произведениях мемуарно-автобиографической прозы авторское сознание полностью поглощает собой весь предметно-образный материал, то организующим звеном повествования являются авторские логико-концептуальные построения, авторское восприятие и понимание мира. На важность приёмов субъективации (субъективизации) в процессе стилистического анализа указывают В. Виноградов, К. Кожевникова, Н. Кожевникова, В. Одинцов.

Цель статьи — рассмотреть основные приёмы субъективации повествования, в мемуарных очерках А. М. Горького, формирующие структуру образа автора и способствующие созданию неповторимого «горьковского» стилистического рисунка.

Под субъективацией мемуарной очерковой прозы мы понимаем охват частей повествования экспрессией или личной точкой зрения автора-повествователя, в которых сквозят его идеологические (нравственные) интенции. Поскольку очерк — это художественно-публицистический жанр, в нём представлены как особенности художественной, так и особенности публицистической речи. В тексте мемуарного

очерка гармонично сочетаются выразительно нарисованные образы героев и авторитетные, интересные, глубокие авторские комментарии, помогающие читателю не только понять характер изображаемого лица, но и ориентироваться в моральных ценностях мира.

Г. Г. Шпет относит литературные жанры, «где чувственный тон накладывается непосредственно на логическую базу, фундируется непосредственно логическими формами, где пафос вовлекается в самую аргументацию..., где чередуется обращение *ad rem* с обращением *ad hominem*» [7, с. 156], к риторическим жанрам, включая сюда «моралистические, резонирующие трактаты ... и все то, что теперь подводится, во-первых, под название литературной, художественной и пр. критики, так называемой публицистики и фельетона, и, во-вторых, под литературную форму новеллы и романа, независимо от количества в них поэтических элементов, тропов, — в ницшевской «Заратустре» их, наверное, больше, чем в любом романе Золя, но, как словесное искусство, это — один морально-риторический тип» [7, с. 157 – 158]. Возражая ему, В. В. Виноградов говорит о синкретизме форм в прозаических литературно-художественных произведениях, о различных приемах и принципах (в зависимости от жанра) скрещения в них поэтических и риторических форм и о необходимости различения приёмов и принципов скрещения этих форм [2, с. 118 – 119].

Мы разделяем точку зрения В. В. Виноградова на синкретический характер построения прозаического произведения, особенно литературного очерка, в структуру которого нередко входят формы убеждения, заинтересованность во впечатлении, экспрессивная направленность. Здесь своеобразно смешиваются функционально различные типы речи: художественно-описательные формы сочетаются, например, с публицистическими, морально-философскими рассуждениями, патетическими, ироническими, саркастическими и т. п. авторскими комментариями. Следует отметить, что все произведения с более или менее отчётливо выраженными идеологическими тенденциями, с определённым уклоном в освещении действительности, с авторским толкованием излагаемых событий являются риторически окрашенными.

С риторическим построением произведения связана особая структура образа автора. В последних исследованиях по стилистике художественного текста рассматривать образ автора как систему разнонаправленных семантических отношений: к субъекту повествования, к изображённому миру, к читателю, к канонизированному художественной традицией образу автора, а также к стилистическим средствам и приёмам организации повествования [4, с. 25 – 26]. Но в риторически окрашенном произведении (или в какой-то его части), носящем обличительный (полемический) характер, словесная структура образа автора осложняется воссозданием в композиции произведения образа его (автора) противника, антагониста, который создаётся как отрицательный образ. Структурные формы этого образа окружаются соответствующей экспрессией. Исходя из собственного взгляда на «действительность», собственных норм оценок, авторское «Я» сокрушает идеологические позиции своего «противника» или же с нескрываемой горечью констатирует его торжество. Через все произведения (или какую-то его часть) проходит цепь ярких

экспрессивных образов, выступающих в качестве своеобразных риторических конденсаторов, в которых как бы аккумулируется энергия риторического отрицания.

Так, в литературном портрете (ЛП) «А. П. Чехов» «противником», антагонистом и автора-повествователя, и изображаемого им писателя выступает метонимический образ *пошлость*. Этот образ сразу же облекается экспрессивно-символическими формами с отрицательной оценкой. Ср.: «В юности *пошлость* кажется только забавной и ничтожной, но понемногу она окружает человека, своим серым туманом пропитывает мозг и кровь его, как яд и угар, и человек становится похож на старую вывеску, изъеденную ржавчиной: как будто что-то изображено на ней, а что? — не разберешь [курсив мой — И. Л. В дальнейшем, где не оговорено, курсив принадлежит автору статьи]. Дается образно-метафорическая характеристика *пошлости* — через символические образы (*серого тумана, яда и угара, старой вывески, изъеденной ржавчиной*), которые своими экспрессивно-стилистическими формами способствуют раскрытию образа *пошлости* в нужном автору направлении. Ср. также дальнейшее развитие темы *пошлости*: «Антон Чехов уже в первых рассказах своих умел открыть в тусклом море *пошлости* её трагически мрачные шутки» [3, с. 13].

В контрастном параллелизме развиваются в очерке два семантических плана: один связан с писателем *с чистым, истинно человеческим сердцем*, полным живого сострадания к людям, другой — с людьми, «которые не умеют уважать своё человеческое достоинство и, без сопротивления подчиняясь грубой силе, живут, как рабы, ни во что не верят, кроме необходимости каждый день хлебать возможно более жирные щи, и ничего не чувствуют, кроме страха, как бы кто-нибудь сильный и наглый не побил их» [там же]. Оба эти плана замыкаются антитезой *писателя* и *пошлости, жизни достойной и жизни рабской, пошлой и грязной*.

Символический ряд, прикрепленный к образу *пошлости*, отрицательно рисует «позорную и тоскливую картину жизни» русских людей «в тусклом хаосе мещанской обыденщины». Описываемое охвачено в этой части очерка личной точкой зрения автора-повествователя, его экспрессией, его оценками. Здесь ярко представлены открытые субъективированные повествовательные структуры. И далее наблюдается семантическое движение к олицетворению *пошлости*, способствующее эмоциональному усилению повествования, демонстрации авторской тенденции: «Его врагом была *пошлость*; но всю жизнь боролся с ней, её он осмеивал и её изображал бесстрастным, острым пером... И *пошлость* за это отомстила ему скверненькой выходкой, положив его труп — труп поэта — в вагон для перевозки «устриц» [3, с. 13]. Авторская оценка сквозит также в уничижительно-уменьшительной форме прилагательного *скверненькой* и в подчёркнутой синтаксически и интонационно антитезе *труп поэта — вагон для перевозки устриц*. Затем автор открыто определяет своё отношение к описанному факту, привлекая для этого риторически заострённые против враждебной темы словесные образы: «Грязно-зелёное пятно этого вагона кажется мне именно огромной, торжествующей улыбкой *пошлости* над уставшим врагом, а бесчисленные «воспоминания» уличных газет — лицемерной грустью, за которой я чувствую холодное, пахучее дыхание все той же *пошлости*, втайне довольной смертью врага своего» [3, с. 14].

Ср. также иронически-саркастическое изображение буржуазного интеллигента-профессора в очерке «Из воспоминаний о И. П. Павлове».

Для характеристики представителей разночинской интеллигенции, уже только по привычке повторяющих фразы о любви к русскому народу, а на деле давно ставших ему чужими и чуждыми, автор-рассказчик использует различные виды *иронии*, выражаемой эксплицитно и имплицитно. Один из приёмов заключается в способе столкновения в узком контексте двух значений одного слова, что приводит к отклонению от речевой и логической нормы (*диафора*). Ср. в ЛП «Н. Е. Каронин-Петропавловский»: «Маненков был человек — в трезвом виде — чудаковатый, а *выпивши*, шумно *изъяснялся в любви к русскому народу*, плакал и заставлял меня тоже любить русский народ. Но однажды, осенним вечером, мы с ним шли по краю площади города Борисоглебска, а посредине её, в глубокой, чёрной борисоглебской грязи, барахтался пьяный мещанин и орал, утопая.

— Вот, видите? — поучительно сказал Василий Яковлевич. — Мы читаем книги, спорим, наслаждаемся и идём равнодушно мимо таких явлений, как это, а подумайте-ка, разве мы не виноваты в том, что этот человек не знает иных наслаждений, кроме водки?

Я предложил пойти и вытащить человека, а Маненков сказал:

— Если я пойду, то **потеряю** калоши.

Пошёл я и **потерял** интерес к народолюбцу» [3, с. 23].

Введение семантического контраста (контрастно поведение Маненкова и автора) способствует эксплицитному выражению иронического подтекста. Иронично звучит и горьковский окказионализм *народолюбец*, так как из приведенного эпизода видно, насколько далеко отстоят слова провинциального журналиста Маненкова от конкретных дел.

Таким образом, в комплекс отношений, образующих структуру образа автора в художественно-публицистическом произведении, входит также отношение к образу антагониста-противника автора-повествователя. Это отношение выступает в качестве важного конструктивного принципа построения произведения обличительного типа (или какой-то его части), в качестве своеобразной оси, вокруг которой группируются изображаемые события.

Рассмотренные приёмы субъективации усиливают публицистическую (риторическую) окрашенность литературных портретов А. М. Горького и очерчивают стилистический рисунок художественной ткани этих произведений.

Всё вышесказанное приводит к заключению, что авторские сентенции, контрастный параллелизм, ирония и сарказм, яркая риторическая заострённая образность суть излюбленные приёмы субъективации повествования в мемуарной прозе А. М. Горького.

Дальнейшие исследования необходимо вести по пути углублённого изучения текстовой тактики с целью более полного постижения авторской стратегии, направленной на создание незабываемых портретов замечательных современников М. Горького.

Литература

1. Барахов В. С. Литературный портрет / В. С. Барахов. Ленинград: Наука, 1985. — 312 с.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. С. Барахов. М.: Высшая школа, 1971. — 240 с.
3. Горький А. М. Собрание сочинений в 18 тт. / А. М. Горький. — Т.18 — М.: ГИХЛ, 1963. — 396 с.
4. Гулак А. Т. Стилистика романа Л. Н. Толстого «Война и мир» / А. М. Гулак. — Харьков: ХГПУ, 1995. — 144 с.
5. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. М.: РАН, Московский гос. университет, филологический факультет. — 2004. — 528 с.
6. Кожевникова Н. А. Соотношение речи автора и персонажа / Н. А. Кожевникова // Языковые процессы современной русской литературы. Проза — М: Наука 1977. С. 7 – 98.
7. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова / Г. Г. Шпет. М., 1927. — 219 с.

Лаушкіна І. П. Засоби суб'єктивациі оповіді в літературних портретах А. М. Горького.

Авторське розуміння та відтворення світу є організуючою ланкою оповідання в літературних портретах О. М. Горького. Система засобів суб'єктивациі сприяє вираженню авторського відношення до зображуваного.

Ключові слова: Горький, суб'єктивация, образ автора, риторичні структури, контрастний паралелізм.

Laushkina I. Devices of subjectivation of the narration in the A. M. Gorky's portraits.

The author's understanding and reflection of the world is fundamental in the A. M. Gorky's literary portraits narration. The system of the narration subjectivation devices encourages the expression of the author's attitude to what he depicts.

Key words: Gorky, subjectivation, the author's image, rhetoric structures, contrast parallelism.

Статья поступила в редакцию 14 декабря 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 284 – 288.

УДК 811.161

НАЙГОЛОВНІШІ ОСОБЛИВОСТІ МОВИ УКРАЇНСЬКИХ КОЛЯДОК ЯК САКРАЛЬНИХ ТЕКСТІВ

О. Р. Петренко

*Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
г. Одеса*

Українські колядки являють собою різновид сакральних текстів із календарними, сугестивними та багатьма іншими функціями. Вони віддзеркалюють архаїчну міфологічну структуру всесвіту й, відповідно, відзначаються рисами сакралізації на рівні втіленої в мові символіки, онімної й апеллятивної лексики, фонетики та морфології.

Ключові слова: мова українських колядок, магія імені, архаїзація стилю.

Актуальність статті обумовлена тим, що мова творів українського фольклору різних жанрів залишається недостатньо дослідженою, відбиття в ній особливостей давнього магіко-міфологічного сприйняття вивчене мало. Сказане повною мірою стосується такого виду текстів календарно-обрядового фольклору українців, як колядки.

Зазначена та суміжні проблеми розглядалися у наукових працях Т. Ковалевської, Н. Кутузи, В. Різуна, І. Черепанової, С. Балтivecь, Л. Виноградової та багатьох інших дослідників.

Наукова новизна статті полягає в тому, що в ній вперше розглянуто мовні особливості текстів українських колядок з погляду втілення в них міфологічного світогляду й уявлень про магію слова.

Мета статті — визначити найголовніші особливості мови українських колядок як сакральних текстів.

Найдавніші жанри фольклору виникали в період міфологічного світобачення, образно-асоціативного осмислення людиною навколишнього світу. В цей час основним засобом впливу людини на іншу людину, навколишню природу й на найвищі божественні сили вважали різноманітні види магії. Відтак архаїчні тексти народної творчості слід розглядати в контексті міфології як світогляду, ідеології й магії як дієвого, активного, за тогочасними уявленнями, засобу комунікації зі світом.

Словесний (вербальний) текст спершу виступав невіддільною частиною архаїчного синкретичного обрядового, святкового дійства, яке, поряд із текстом, включало також музику, танці, ігри, різноманітні жести, вбрання, маски, використання священних предметів і культової обстановки (місця — дому, храму, лісу, берега річки і подібн.) [1, с. 274].

Вербальна магія багатоаспектно поєднувалася з предметною, дієвою магією. Слово, назву сприймали як неодмінний атрибут предмета або явища так само, як форму, колір та інші фізичні ознаки. Як і магічний предмет (фетиш, амулет), свя-

щенне слово так само могло виступати об'єктом власності певних осіб (чаклунів, жерців, вождів чи цілої родини, роду, племені на протигагу іншим). Виходячи зі сказаного, творці священних текстів і носії словесних (як і загалом ритуальних) традицій відігравали в архаїчному колективі особливо важливу соціальну роль. З одного боку, знання священного слова входило в обов'язки жерця (з пізнішим виділенням особливого розряду жерців-«філологів», як у давніх кельтів), з другого ж боку, дослідники вважають за можливе говорити про «граматику обряду» в цілому поряд із граматиною (в широкому розумінні — лінгвістикою) сакральних словесних елементів обряду.

Яскравим виявом стародавніх уявлень про магічну силу слова виступає явище табу — священна заборона на вимову (а іноді й узагалі знання) певних слів, звукосполучень і цілих текстів, наділених особливим сакральним значенням (слів-символів магічно-міфологічної картини світу). Табу не обмежується вербальною сферою й поширюється на предмети, дії тощо, отже, є одним із виявів зв'язку вербальної магії з невербальною. Як пізнішу модифікацію сакрального табування слова (зокрема й власного імені божества) можна розглядати біблійну (але відому й в інших традиціях, наприклад, давньогрецькій) згадувати ім'я Бога всує (пор. інший біблійний мотив відкриття імені Бога лише деяким патріархам і пророкам). Табу може накладатися й на деякі заклинання, молитовні тексти (як, наприклад, на магічну формулу, яку вимовляли стародавні греки під час особливо сакральних і втаємничених Елевсинських містерій) [2, с. 23 – 27].

Поряд із тим у сакральних текстах спостерігається й протилежна, не менш архаїчна тенденція — повторюване вживання магічної лексики, певних звукосполучень, божественних імен із метою впливу на людину, природу, найвищі сили. За допомогою таких елементів створюється особливий (в уявленні творців і виконавців — сакралізований) ритмічний малюнок тексту, значно підсилюється його запам'ятовуваність і сугестивність. Найяскравішими прикладами подібного використання лексики міфологічної сфери можуть виступати замовляння й молитви, однак такі елементи наявні й у текстах інших жанрів народної творчості, зокрема, казках, легендах, календарно-обрядовій і родинно-обрядовій поезії.

Уявлення про магію імені, а надто божественного імені, посідає в міфологічній свідомості, а відтак у її віддзеркаленні — фольклорному творі, особливе місце. Тому, хто вимовляв божественне ім'я, уявлялося, що він тим самим стає певною мірою причетним до найвищих сил, до небесного світу, пов'язує себе з ними, заручається їхньою підтримкою. Таке сприйняття базується на первісній вірі в тождність знання імені (найменування божества, іншої людини, предмета, явища) і володіння названими об'єктами.

Відбите у колядці архаїчне уявлення про включеність слова (передусім священного слова) у світобудову і загалом про сакральну роль слова базується головним чином на біблійних сюжетах і образах (Бог створює світ словом на початку Книги Буття, Бог утілений у Слові на початку Євангелія від Івана), однак глибина основа такого уявлення може бути закорінена в універсальних закономірностях міфологічного сприйняття слова як космогонічного чинника (наявні приклади в давньоєгипетській, давньоіндійській та інших міфологічних традиціях). Таке

сприйняття може бути віддзеркаленням вражень від сили словесного наказу, який в архаїчній культурі наділяли особливою сакральною значущістю.

Символіка різдвяного свята й обряду колядування генетично пов'язана з язичницьким святом *Коляди* (від латинськ. *calendae* — перший день місяця).

Колядковий текст стосується сакрального дійства, що моделює одну з найбільш культово важливих подій християнського віровчення — народження Ісуса Христа. До того ж священне свято приурочене до особливого часу — межі календарних (сонячних) років, коли в язичницький період різні народи святкували народження Сонця (зимове сонцестояння, від якого починає збільшуватися сонячна сила). Пізніше відбулось ототожнення народження Христа й народження Сонця. З сакральним часом поєднується сакральний простір — новозавітний Вифлеєм, місце народження (Різдва) Сина Божого, в українському обряді репрезентоване вертепом (наочним утіленням синкретичного святкового дійства). Отже, текст колядки багатовимірно інтегрований у сакральність часу, простору й обрядового синкретизму.

Найчастотніші й найзначущіші власні імена українських колядкових текстів — найменування Христа і його матері Марії. В уявленні християн саме ці імена виступають максимально наснаженими божественною енергією, сакральною силою. Відтак саме вони мають у колядкових текстах найбільшу кількість різноманітних заміників (субститутив), як-от *Син Божий, Божя Дитинка, Слово-Бог, Слово, Дитя, Дитятко, Дитина, Младенець, Маленький, Новонароджений, Первенець, Юнець, Чадо, Отрочатко, Ягнятко, Цар, Король, Владар, Владика, Пастир, Творець, Предвічний, Спаситель, Відкупитель, Вибавитель, Створитель, Учитель, Мессія, Спас, Богочоловік, Гість, Скарб, Лелійка, Убогий, Терпінє, Зірничка, Він, Ти (Ісус Христос), Діва, Дівуця, Ягниця, Пречиста, Мати, Панна, Цариця, Чиста Лелія* (Богоматір).

Колядкові тексти містять елементи більш архаїчних словесних жанрів магійного призначення, зокрема, зразки прикликання добрих сил (*Марія! Марія! Марія* у багаторазово повторюваному приспіві) і заклинання злих сил *Ірода, Ірода, Ірода злого, злого* — двічі повторюваний рядок [3, с. 7 – 26].

Важливу роль, поряд із онімами, відіграють у колядкових текстах і апелятивні слова-символи.

Знакові слова (і апелятиви, і оніми) можна розглядати як своєрідні однослівні текстові формули (за умови усвідомлення певної умовності такого поняття). Поряд із тим колядкові тексти містять і численні неоднослівні повторювані утворення — сталі вислови формульного характеру, серед яких можна виділити не тільки елементи, похідні від тексту українського перекладу Нового Завіту (*Бог предвічний, Цар предвічний, Син Божий, Бог живий, Дух святий, Свята Тройця, Діва Пречиста* та ін.), а й художні засоби, поширені в українській усній народній творчості (*чисте поле, зелене вино, яра пшениця, ворон кінь, з води і з роси, жито-пшениця, всяка пашиця, жовтий пісок, тихий Дунай, ясен сокіл, сиз орел, сад-виноград, суд судити* тощо).

Тривале, більш як тисячолітнє змішування в українському різдвяному обряді язичницьких і християнських, релігійних і світських елементів не дає можливості

для чіткої й однозначної диференціації цих елементів у досліджуваних колядкових текстах, а в деяких випадках можлива подвійна (двошарова) інтепретація символів і відповідних лексем як у язичницькому, так і у християнському ідеологічному контексті. Так, наприклад, є підстави припускати, що мовна (й позамовна обрядова) семантика важливих для досліджуваних текстів лексем *Коляда*, *Бог*, *Мати*, *Діва* та ін. може містити, поряд із християнськими, і давніші язичницькі компоненти, пов'язані з культами новонародженого Сонця (*Коляда*), священного хатнього вогню (*Бог — багаття*, *Божич* «священний вогонь»), Великої богині — Матері всього сущого.

Лексика українських колядкових текстів містить численні архаїзми і діалектизми, які відрізняються за своєю функцією. Колядкові архаїзми мають своїм джерелом літературно-писемну старослов'янську мову, що у слов'янському світі відіграла передусім релігійно-книжну, церковно-богослужбову роль. Переважна більшість архаїзмів розглянутих текстів є церковнослов'янізмами в українській редакції, більшою або меншою мірою адаптованими до норм української мови (що деякою мірою зближує архаїзовану мову колядок із книжною староукраїнською літературною мовою). Архаїзми-церковнослов'янізми дещо протиставляють мову колядок повсякденній розмовній мові їх творців і виконавців і забезпечують створення стилістичного ефекту піднесеної, урочистої мови — саме такої, яка має бути властива релігійному творові як невіддільному елементові синкретичного святкового дійства. На відміну від архаїзмів, діалектизми виступають рисою, що поєднує мову колядок із повсякденною мовою їх виконавців. Можна зробити висновок про те, що наявність діалектизмів у мові колядок є спонтанною, й вони не виконують у цих текстах певної стилістичної ролі.

Винятково важливу роль у творі сакрального призначення відіграє ритміка. Вона виступає кардинальним організаційним (структуротвірним) і сугестивним засобом у багатьох фольклорних жанрах (замовляннях, казках, прислів'ях і приказках, обрядових піснях тощо) і допомагає реконструювати магічні функції текстів тих жанрів народної творчості, для яких ці функції нині не є очевидними (наприклад, казка, родинно-обрядова поезія, загадка). Певна монотонність уживання сакральних лексем, серед них імен, підсилюється ритмічною одноманітністю й істотно зміцнює сугестивно-магічний елемент вимовлюваного або співаного тексту. Ритмічна організація сакрального тексту невіддільна від ритміки давнього синкретичного свята (репрезентативним прикладом якого виступає різдвяно-колядкове дійство) й від значно ширшої проблеми фізіологічної ролі ритму в житті людини, зокрема, ритміки дихання і мовлення. Ідентифікаційною структурною ознакою українського колядкового тексту на ритмічному рівні виступає віршовий розмір 5 + 5, проте він не є єдино можливим для українських колядок [4, с. 22 – 25].

Висновки. Таким чином, лексика українських колядкових текстів містить численні архаїзми і діалектизми, які відрізняються за своєю функцією. Переважна більшість архаїзмів розглянутих текстів є церковнослов'янізмами в українській редакції, більшою або меншою мірою адаптованими до норм української мови. На відміну від архаїзмів, діалектизми виступають рисою, що поєднує мову колядок із повсякденною мовою їх виконавців. Можна зробити висновок про те, що наяв-

ність діалектизмів у мові колядок є спонтанною, й вони не виконують у цих текстах певної стилістичної ролі.

Винятково важливу роль у творі сакрального призначення відіграє ритміка. Вона виступає кардинальним організаційним (структуротвірним) і сугестивним засобом у багатьох фольклорних жанрах (замовляннях, казках, прислів'ях і приказках, обрядових піснях тощо) і допомагає реконструювати магичні функції текстів тих жанрів народної творчості, для яких ці функції нині не є очевидними.

Литература

1. Алатирева Н. Б. Номінація світового дерева у колядкових текстах: варіанти, трансформації та диференціація слов'янської ментальної моделі / Н. Б. Алатирева // Слов'янський збірник. — Одеса: Астропринт, 2000. — Вип. VII. — С. 274 – 279.
2. Балтivecь С. Іван Огієнко: мова як вираження національної психіки, душі й совісті народу / С. Балтivecь // Дивослово. — 1994. — №7. — С. 23 – 27.
3. Виноградова Л. Н. Заклинательные формулы в календарной поэзии славян и их обрядовые истоки / Л. Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архаика. Традиции. — М., 1978. — С. 7 – 26.
4. Китова С. Симфонія кольорів у лексиці колядок і щедрівок (Колір у системі художніх засобів українських пісень різдвяного циклу) / С. Китова // Народна творчість та етнографія. — 2004. — №1. — С. 22 – 25.

Петренко О. Р. Главные особенности языка украинских колядок как сакральных текстов.

Украинские колядки представляют собой разновидность сакральных текстов с календарными, суггестивными и многими другими функциями. Они отображают архаичную мифологическую структуру мира, и, соответственно, определяются чертами сакрализации на уровне воплощенной в языке символической, онимной и аппелятивной лексики, фонетики и морфологии.

Ключевые слова: язык украинских колядок, магия имени, архаизация стиля.

Petrenko O. R. The most important features of language ukrainian christmas carol as sacral texts.

The Ukrainian Christmas carol is a variety of texts with a calendar, suggestive and by many other functions. They represent the archaic mythological structure of the world, and, accordingly, determined the level of to incarnate in a language symbolism, phonetics and morphology.

Key words: language of the Ukrainian Christmas carol, magic of the name, archaizing of style.

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 289 – 294.

УДК 81'1:811.161.2'271:61

ЖАНР ОТКАЗА В УСЛОВИЯХ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

(на материале произведений писателей-врачей)

Е. А. Пономаренко

*Крымский государственный медицинский университет
им. С. И. Георгиевского, г. Симферополь*

В статье рассматриваются структурные особенности речевого жанра «отказ» на материале произведений писателей-врачей (Ю. З. Крелина, Н. М. Амосова, Ф. Г. Углова).

Ключевые слова: речевой жанр, отказ, коммуникативная ситуация.

Постановка проблемы. В последнее время в отечественной лингвистике наблюдается стойкий интерес к изучению речевых жанров (РЖ), которые понимаются как «вербальное отражение интеракции, социально-коммуникативного взаимодействия индивидов» [7, с. 10]. Этот интерес обусловлен тем, что речевые жанры представляются как один из наиболее эффективных объясняющих механизмов при рассмотрении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи.

Обзор научной литературы свидетельствует о том, что теория речевых жанров (ТРЖ) активно развивается и совершенствуется. Успешно осуществляется описание и систематизация речевых жанров, разрабатывается специальный метаязык, исследуются различные аспекты речевых жанров: текстовые особенности (М. С. Матвеева, Ю. А. Федосюк, Е. И. Селиванова и др.), стилистические аспекты (М. Н. Кожина, В. А. Салимовский); речевые жанры изучаются с позиции речевых актов (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицка, В. В. Дементьев, Е. А. Шмелева, Ф. С. Бацевич), концептосферы и языковой картины мира (А. Г. Баранов, Н. Ф. Алефиренко), психолингвистики (К. Ф. Седов), концепции ролевого поведения (К. А. Долинин). Несмотря на значительные достижения лингвистов, в ТРЖ остаются некоторые нерешенные вопросы о закономерностях жанровой организации речи, связанные с общими законами коммуникативной и некоммуникативной деятельности.

Цель работы — проанализировать структуру РЖ *отказа* с позиций лингвопрагматического подхода, в рамках которого предполагается решить следующие **задачи**: представить данный РЖ в диалогическом контексте коммуникативной ситуации; определить стратегическую задачу РЖ; охарактеризовать особенности употребления языковых единиц, формирующих образы адресанта и адресата; назвать факторы, объясняющие взаимодействие речевых жанров в системе речевой цепи.

Материалом исследования послужили художественные произведения писателей-врачей советской эпохи (Ю. З. Крелина, Н. М. Амосова, Ф. Г. Углова).

В «Словообразовательном словаре современного русского языка» под редакцией А. Н. Тихонова отмечается, что существительное *отказ* является производным от глаголов *отказать* или *отказаться*. В современных толковых словарях каждый из представленных глаголов подается со своим набором значений: «*Отказать* — 1. Ответить отрицательно на просьбу, требование. 2. Уволить кого-нибудь с работы, устранить (устар.). 3. Не признать чего-нибудь за кем-нибудь, лишить чего-нибудь. 4. Отдать по завещанию (устар.). 5. Перестать действовать вследствие порчи, неисправности» [8, с. 587]. «*Отказаться* — 1. Выразить свое несогласие, нежелание делать что-нибудь. 2. Не принять, отвергнуть что-нибудь. 3. Перестать признавать связь, родство с кем-нибудь, отречься. 4. Не признавать своим, себе принадлежащим. 5. Перестать действовать» [8, с. 588].

Изучая прагматические особенности речевого жанра *отказа*, В. М. Боброва, а вслед за ней О. В. Бычихина обращаются к семантике глагола *отказаться*. Они полагают, что «*отказ* обслуживает речевую ситуацию несогласия и может быть квалифицирован как жанр негативной реакции, не способствующей хранению коммуникативного равновесия, а в некоторых случаях прямо ведущий к разрыву коммуникации» [2, с. 62]; «В толковании семантики глагола *отказаться* есть указание на одну из сфер функционирования РЖ — речевую ситуацию несогласия: *отказаться* — выразить свое несогласие. Отказ функционирует чаще всего как негативный для получателя, коммуникативно-неоправданный, категоричный речевой жанр» [3, с. 32]. Из предъявленных толкований и научных обоснований очевидно, что анализируемые глаголы имеют некоторые разночтения в лексическом значении. Так, лексема *отказать* в первом случае семантизируется: «1. Ответить отрицательно на просьбу, требование», а глагол *отказаться* трактуется как «1. Выразить свое несогласие, нежелание делать что-нибудь» [8, с. 588], причем проведенный компонентный анализ выявляет дополнительную сему *воли, осознанности*. Предполагается, что, принимая решение *об отказе*, субъект сначала обдумывает свое намерение, а затем прибегает к выражению отказа. Таким образом, ссылаясь на лексикографический опыт, представляется возможным говорить о двух семантических типах *отказа*.

В нашем материале представлены факты, согласно которым *отказ 1* вызван объективным положением дел, не зависящим от воли говорящего, когда адресант отрицательно (вербально или невербально) реагирует на реплику-стимул, выражающую просьбу или требование. Например: — *Михаил Иванович, я, конечно, понимаю, что вы очень заняты, но, знаете, операция опасна... я вас очень прошу, очень, чтобы вы сами... Я все сделаю... — Извините, но я не могу. Я вынужден делать более сложные операции, а такие делают мои помощники. Я назначаю вам хорошего хирурга. До свиданья* (Амосов, Мысли и сердце).

Отказ 2 предполагает заявление говорящего о невыполнении им определенных предписываемых действий, которые он, с его точки зрения, не должен, не может или не обязан выполнять. Например: — *Отнимать руку нужно, товарищ. Главные жилы перебиты. — Что вы, доктор! Куда я без руки! На бабины хлеба?* (Амосов, ППГ-2266).

В рамках данной работы предполагается рассмотреть особенности реализации речевого жанра *отказа* 1.

Стратегической задачей речевого жанра *отказа* представляется невозможность или нежелание говорящего (доктора, пациента) ввиду определенных обстоятельств выполнить какое-либо действие или медицинское предписание.

В исследуемом РЖ в роли говорящего выступает врач, который в силу экстралингвистических причин отказывает пациенту в медицинской помощи. Во время речевого взаимодействия в условиях необходимости оперативного лечения или при оказании экстренной медицинской помощи адресант использует модальные модификаторы возможности в совокупности с отрицательной частицей *не*: модальные глаголы *мочь*, *уметь*, употребляющиеся самостоятельно, а также в качестве вспомогательной части составного глагольного сказуемого (*не могу помочь*). Основное значение, выражаемое глаголами данной группы, — «невозможность, неспособность, неумение выполнить предписываемое говорящему действие». Достаточно часто модальные выразители отказа сопровождаются этикетными средствами (формулами благодарности, извинения и сожаления) — показателями вежливости, которые свидетельствует о тактичности говорящего, о стремлении его к неконфликтному ведению коммуникации. Например: — *Михаил Иванович, я, конечно, понимаю, что вы очень заняты, но, знаете, операция опасна... я вас очень прошу, очень, чтобы вы сами... Я все сделаю... — Извините, но я не могу. Я вынужден делать более сложные операции, а такие делают мои помощники. Я назначу вам хорошего хирурга. До свидания* (Амосов, Мысли и сердце); — *Михаил Иванович, ну подождите хотя бы с неделку! Я вас умоляю. — Не могу. Извините, пожалуйста, мне нужно идти* (Амосов, Мысли и сердце). — *Но, пожалуйста, доктор, подумайте и о нас. Мы два старика, через ночь ездим в больницу и обратно. Я понимаю врачей «неотложки», вот так вот. Но нас кто-нибудь тоже должен понять; — К сожалению, ничем не могу вам помочь. Обратитесь утром к нашему начальству. Может быть, вам помогут. А у меня таких полномочий нет* (Крелин, От мира сего).

Отказ адресанта (доктора) от профессиональных действий чаще всего осуществляется косвенно. Косвенное выражение *отказа* продиктовано стремлением говорящего сохранить заданные в процессе общения конвенциональные отношения. «Любая косвенность предполагает намек со стороны говорящего, который должен быть услышан и интерпретирован адресатом. При этом косвенные механизмы высказывания активизируют в реципиенте логические механизмы восприятия, остальные разновидности — ассоциативные <...> используя различные варианты косвенного высказывания-отказа, говорящий предполагает, что собственно отказ, скрытый за ними, станет ясен собеседнику, исходя из фоновых знаний последнего, как языковых, так и неязыковых, а также из общих способностей разумного рассуждения, подразумеваемых говорящим субъектом у слушающего [6, с. 92]. Наш материал содержит фрагменты, в которых речевой жанр *отказа* может быть представлен с помощью языковых средств, обслуживающих речевой жанр аргументации. В данном случае последний включает в себя несколько речевых актов:

1) *Старушка осталась в комнате, а они вышли разговаривать в коридор. — Вы поймите, что класть в больницу бессмысленно. Единственно возможное лечение — операция. А оперировать ее нельзя. Что ж класть — место только занимать. Нам же не разрешат* (Крелин, От мира сего);

2) — *Но как же нам быть?! Хоть на время положите, вот так. А то ведь «неотложка» уже отказывается выезжать. А я на девятом десятке уже не могу научиться уколы делать. — Это нецелесообразно. Мы зайдем место, а если надо будет положить человека, которому можно сделать операцию, — не сумеем, не будет места. Мы ж должны заботиться о нашем деле* (Крелин, От мира сего).

В первом случае, употребляя императивную форму вежливости, говорящий пытается мягко *убедить* адресата в нецелесообразности намеченных действий (класть в больницу бессмысленно). Затем он привлекает логические доводы, манифестирующие причину, вследствие которой адресат должен изменить свое намерение (госпитализировать больную жену). Отказывая в просьбе слушающему, адресант (врач) использует ряд синтаксических конструкций, организованных на основе причинно-следственных связей.

Во втором примере также представлен аргументированный *отказ*. Однако в этом случае говорящий для реализации перлокутивного эффекта употребляет эвфемизм врачебной этики *нецелесообразно*, под которым подразумевается *не нужно*. После этого он выдвигает логические доводы, включая в свою речь синтаксические конструкции со значением условия.

В ситуациях особой сложности, когда прогнозируется угроза жизни пациента, адресант (доктор) нередко осуществляет *отказ* от предстоящей медицинской манипуляции путем *убеждения*, которое, по мнению М. Я. Гловинской, «направлено на разум человека» [4, с. 130]. Например: — *Хуже не будет, — ответил Тропин. — Если умру, мучениям конец. А так чего ждать? — Михаил Иванович, операция на пищеводе сверхопасная. Она еще в хирургии не отработана. Ни у кого нет опыта. Вряд ли следует идти на такой риск. Я обязан сказать: почти никакой надежды, что удастся сохранить вам жизнь.* (Углов, Сердце хирурга). Отказ, представляющий собой аргументированное убеждение, ориентирован на изменение решения адресата отклонить свое намерение сделать операцию. Подбирая необходимые аргументы, адресант уверяет слушающего в бессмысленности проведения лечения. В этой ситуации говорящий употребляет качественное прилагательное *сверхопасная*, которое дает отрицательную оценку предстоящей операции; для усиления категоричности отказа использует отрицательные частицы (*ни у кого нет опыта*), а также строит высказывание посредством использования логически связанных между собой синтаксических конструкций.

Использование в речи докторов преимущественно косвенных форм выражения *отказа* свидетельствует о стремлении врача к сохранению конвенциональных отношений, а также к смягченному, бесконфликтному ведению коммуникации.

Речевой жанр *отказа* рассматривается нами как РЖ реактивного регистра речи, вызываемый репликами директивного или комиссивного типа. Как правило,

он появляется после речевого жанра *просьбы* или *приказа*, а за последним следует *убеждение*, *аргументация* или *мольба*. Например: — *Хуже не будет*, — *ответил Тропин*. — *Если умру, мучениям конец. А так чего ждать?* → (аргументированный отказ) — *Михаил Иванович, операция на пищевode сверхопасная. Она еще в хирургии не отработана. Ни у кого нет опыта. Вряд ли следует идти на такой риск. Я обязан сказать: почти никакой надежды, что удастся сохранить вам жизнь* → (аргументированное упрашивание) — *Пусть*, — *отозвался он*. — *Вы сказали: «почти»... Есть хоть один процент из ста в мою пользу. Делайте!.. Даже если нет никакого «почти», все равно согласен. Буду надеяться на чудо. А без операции мрак впереди. Пустота. Муки. Сколько-то дней и... вечная тебе память, Михаил Иванович... Не так ли, доктор?* (Углов, Сердце хирурга).

Как известно, способы языкового выражения *отказа* различаются как у различных народов, социальных групп, так и у одного и того же человека в зависимости от речевой ситуации. Следовательно, представления об отказе «личностны и социальны с одной стороны, национально специфичны и общечеловечны — с другой» [1, с. 227]. Так, в художественных текстах советского времени следование РЖ *отказа* за речевым жанром *просьбы* вызвано преимущественно социальными причинами, к которым относятся статусные и ролевые характеристики говорящего и адресата. Анализ нашего материала позволяет отметить, что в большинстве случаев РЖ *отказа* ориентирован на просьбу, исходящую от говорящего (пациента) преклонного возраста. Как известно, в советское время медицинское обслуживание осуществлялось при первой необходимости и на бесплатной основе, т. е. врачебную помощь мог получить каждый нуждающийся независимо от возраста и социального статуса. Однако в преимущественном положении все же находились молодые люди, поскольку ответственность за жизнь таких пациентов представлялась более серьезной. Кроме того, отставание в развитии отечественной медицинской науки (изношенность технического оборудования, недостаточное овладение прогрессивными методиками лечения) влекло за собой ситуации сбоев в лечебном процессе, а вследствие этого и в коммуникации. Поэтому врачи в результате своей временной некомпетентности могли иногда отказать пациенту в получении медицинской помощи. В свою очередь, отчаявшиеся пациенты прибегали к повторным просьбам, упрашиваниям или мольбам.

К факторам, объясняющим частое следование *отказа* за *просьбой*, некоторые исследователи (О. В. Бычихина, А. Вежицка, А. А. Зализняк, Н. И. Формановская и др.) относят когнитивные аспекты антропоцентрической парадигмы. По мнению ученых, любая вербально выраженная *просьба* содержит вероятность *отказа*, что обусловлено «особым типом русской ментальности: в сознании говорящих утвердилось представление о том, что просить рискованно, порой унизительно (непреренно получишь отказ)» [3, с. 159]. А. А. Зализняк, рассматривая семантику глагола *просить* и сравнивая ее с семантикой английского глагола *to ask*, заявляет, что «просящий неизбежно оказывается в положении просителя, т. е. в положении несколько униженном, просьба — это обращение снизу вверх. Тем самым просьба — это всегда просьба об одолжении. Всегда можно ожидать отказ» [5, с. 283]. Поэтому речевой жанр *отказа*, функционирующий чаще всего в качестве ответной

реакции на определенные стимулы (просьбу, приказ, требование), включается в континуум речевых жанров, организованный под влиянием, в основном, факторов экстралингвистической действительности.

Выводы. Таким образом, речевой жанр *отказа* представляется нам частотным речевым жанром, который может быть охарактеризован как реакция на соответствующий стимул. При этом речевой жанр *отказа* выражается как эксплицитным, так и имплицитным способом.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — Т. 2. — 757 с.
2. Боброва В. М. Отказ и возражение как жанры негативной реакции / В. М. Боброва // Семантические и прагматические аспекты высказывания. — Новосибирск, 1991. — С. 61 – 65.
3. Бычихина О. В. Высказывания со значением отказа. Семантико-прагматический и когнитивный аспекты [Электронный ресурс] / О. В. Бычихина. — Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss/05/0096/050096015.pdf>
4. Гловинская М. Я. Русские речевые акты и вид глагола / М. Я. Гловинская // Логический анализ языка. Модели действия. — М.: Наука, 1992. — 166 с.
5. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
6. Орлова Н. В. Косвенность как черта языковой картины мира / Н. В. Орлова // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. — Барнаул, 1999. — С. 92 – 94.
7. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. — М.: Лабиринт, 2007. — 320 с.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова; РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — М., 2008: ИЦ «Азбуковник». — 1175 с.

Пономаренко О. А. Жанр відмови під час мовленнєвого спілкування лікаря та пацієнта (на матеріалі творів письменників-лікарів).

В статті розглядаються структурні особливості мовленнєвого жанру «відмови» на матеріалі творів письменників-лікарів (Ю. З. Креліна, М. М. Амосова, Ф. Г. Углова).

Ключові слова: мовленнєвий жанр, відмова, комунікативна ситуація.

Ponomarenko E. A. Genre of refusal in communication of doctor and patient (on the based of works by writers-doctors).

In the article the structural peculiarities of the genre of refusal are studied on the based on works by writers-doctors (Krelin, N. Amosov, F. Uglov).

Key words: the genre, refusal, communicative situation.

Статья поступила в редакцию 29 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 295 – 299.

УДК 81'373.72

ДУША, СЕРЦЕ, РОЗУМ: ОСОБЛИВОСТІ КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЇ В УКРАЇНСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Т. І. Прудникова

*Кримський інженерно-педагогічний університет,
м. Сімферополь*

У статті розглядаються українські фразеологізми з компонентом ДУША як репрезентанти ближніх периферій концептів РОЗУМ і СЕРЦЕ. Пропонується польова модель концепту, яка містить ядро та периферію. Висновки базуються на результатах досліджень фразеологічної та когнітивної наук.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, концепт, душа, серце, розум, концептуалізація, людина.

Аналіз лінгвістичної літератури чітко означає зміни, що відбувається в мовознавстві кінця другого — початку третього тисячоліття: активний розвиток когнітивної лінгвістики, розгляд мови з антропоцентричних позицій, виразна гуманізація мовознавства. Лінгвістика ХХ – початку ХХІ ст. характеризується антропоцентричною спрямованістю розгляду мовних фактів у тісному зв'язку з етнічною свідомістю, матеріальною та духовною культурою народу, когнітивними структурами мислення та пізнання довкілля. В україністиці підґрунтям концептуального аналізу стали розробки різних фрагментів мовної картини світу українського народу (С. Єрмоленко, В. Жайворонок, В. Калашник, Ю. Карпенко, Л. Коломієць, Л. Лисиченко, В. Манакін, Н. Слухай, Н. Сукаленко, О. Тищенко, В. Ужченко та ін.). Поняття концепту як когнітивної універсалії розглядається у працях багатьох науковців, зокрема, С. Аскольдова, Р. Павільоніса, А. Вежицької, Дж. Лаффаля, З. Попової, Й. Стерніна, В. Кононенка, І. Голубовської, С. Жаботинської, Т. Вільчинської та ін.

Однак слід сказати й про те, що концепти, репрезентовані фразеологічними одиницями (ФО) в більшості праць авторів вивчалися, як правило, принагідно, у зв'язку з дослідженням інших аспектів. В українському мовознавстві О. Селіванова розглядає концептуалізацію соматичного коду культури в українських фразеологізмах [10]; Ж. Краснобаєва-Чорна дисертаційне дослідження присвячує проблемам номінації, формування та модифікації обсягу змісту, ідеографічному розгортанню структури та класифікаційним параметрам концепту ЖИТТЯ, репрезентованого фраземами [5]. Отже, перші кроки на шляху розв'язання складної багатопланової проблеми зроблено.

Актуальність теми дослідження визначається, по-перше, посиленням в україністиці інтересу до проблеми відображення у мові концептосфери народу та її основних концептів; по-друге, потребою подальшого вивчення особливостей структу-

рування концептів, репрезентованих ФО, встановлення їхньої взаємодії між собою, залучаючи до аналізу деякі дані теорій, висновків інших наук і галузей лінгвістики.

Про концепт сьогодні пишуть дуже багато, але, як і раніше, визначають його по-різному. Частина дослідників розуміє його широко як універсальну сутність, що формується у свідомості на базі безпосереднього чуттєвого досвіду, безпосередніх операцій людини з предметами, а також на основі мовного спілкування та взаємодії з іншими уже сформованими концептами [7, с. 4]. Інші вчені зосереджують увагу на окремих моментах інтерпретації концептів, зокрема, акцентуючи на тому, що останні часто позначені етнокультурною специфікою (С. Воркачов), оточені емоційним, експресивним, оцінним ореолом (В. Колесов), що через них культура входить у ментальний світ людини (Ю. Степанов) тощо. У дослідженні, услід за Й. Стерніним, розглядаємо концепт як дискретне ментальне утворення, яке є базовою одиницею мисленнєвого коду людини, володіє відносно впорядкованою внутрішньою структурою, що є результатом пізнавальної (когнітивної) діяльності особистості й суспільства, і несе комплексну, енциклопедичну інформацію про відображений предмет чи явище, про інтерпретацію інформації суспільною свідомістю та відношення суспільної свідомості до даного явища чи предмета [6, с. 34].

Мета статті — вирізнити з фразеологічного складу української мови фразеологізми з компонентом *душа*, які репрезентують когнітивний сектор ближніх периферій двох концептів РОЗУМ і СЕРЦЕ.

У кінці ХХ ст. почали з'являтися спеціальні роботи, статті й навіть монографічні дослідження, у яких аналізують ті чи інші аспекти слова *душа*.

В українському мовознавстві маємо також праці, у яких розглядають аналізований мовний матеріал: О. Карауця у кандидатській дисертації з'ясовує структурно-семантичний, ідеографічний і лінгвокультурологічний аспекти фразеологізмів з концептом *душа* [3]; М. Скаб аналізує функціонування лексеми *душа* в різні історичні періоди, в різних стилях української мови, досліджує роль окремих мовних засобів у вираженні концепту ДУША [11]; І. Черевко аналізує фразеологізми з іменниками Бог, душа, дух в українських пам'ятках XVI – XVII ст. [15]; В. Кононенко розглядає слово *душа* як один із символів української мови та один із концептів [4]; К. Голобородько аналізує концепт ДУША в текстах О. Олеся [1]; І. Голубовська порівнює структуру концептів ДУША й СЕРЦЕ в національно-мовних картинах світу (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) [2] та інші дослідники.

Концепт СЕРЦЕ й концепт РОЗУМ мають яскраво виділені ядра, що свідчить про їх високу концептуальну сформованість, когнітивну стійкість. Ближня периферія концепту РОЗУМ представлена 5 когнітивними ознаками: пам'ять, поведінка, душа, уява. Ближня периферія концепту СЕРЦЕ представлена 4 когнітивними ознаками: емоції, кров, душа, пам'ять. Отже, концепт ДУША є репрезентантом ближніх периферій як концепту СЕРЦЕ, так й концепту РОЗУМ. Душа як внутрішній світ людини являє собою надзвичайно складну та загадкову річ [11]. Із цього приводу О. О. Потєбня зазначає: «психологія приписала душі стільки окремих здібностей творити в собі або виправдовувати відомі стани, скільки було груп, які не підводяться під одну загальну: радість, печаль — це почуття, рішучість,

нерішучість — воля, пам'ять, розум — діяльність пізнавальна, але почуття, воля, розум не мають загального поняття, окрім поняття душі, а тому душі приписані певні можливості розуміти, відчувати, мати волю» [8, с. 118]. Саме тому, що «мова є виразником душі, у слові зафіксовано усю гаму людських почуттів, охоплено найнепомітніші почуттєві коливання, людські переживання — від позитивних до негативних» [14, с. 84]. Російські дослідники зазначають, що фразеологізми із соматизмом *душа*, який розглядається як орган, локалізований десь у грудях, що відповідає за внутрішнє життя людини [13, с. 16], часто варіативні для зворотів із компонентом *серце*. Фразеологія української мови також фіксує синонімізацію лексем *серце* й *душа*. Наприклад: *відкривати (відкрити душу (серце)); бути [припадати, приходиться] до вподоби (до душі, до серця, по серцю); душа (серце) не на місці; душа (серце) радується (співає); завмирати душею (серцем); зв'язати (зв'язати, вилити, вилити) душу (серце); кішки скребуть (скребли, шкребуть) душу (шкребуться на душі, на серці); прийти до душі (до серця, по серцю); прийти до вподоби (до душі, по душі, до серця); проймає душу (серце) розворушувати (розятрювати, ярити) рану [в серці (в душі)]; розривати серце (душу, груди); вирвати з серця (з душі); тривога душу (серце) обгортає; холодне душа (в душі, на душі) — холодне серце (в серці); ярити душу (серце)* [СФС].

За нашими спостереженнями й за спостереженнями дослідниці М. В. Скаб [11] в українській мові слово *душа* найактивніше функціонує саме із значенням «почуття», — рідше «розум, думки». Душа відповідає за думки (тобто має зв'язок із розумом), бажання та почуття, однак фразеологізмів, у яких спеціально йшлося лише про думки, практично немає. Зафіксовано ФО, які мають значення «ділитися своїми думками, почуттями» або «намагатися зрозуміти чужі думки, почуття». Отже, українські фразеологізми репрезентують одночасно ближні периферії когнітивних секторів «ДУША» як концепту РОЗУМ, так і концепту СЕРЦЕ:

викладати / викласти душу — «відверто, щиро ділитися з кимсь думками, переживаннями» [СФУМ, с. 703]; *відводити / відвести душу* — «зв'язати кому-небудь, ділячись своїми думками, переживаннями, намірами» [СФУМ, с. 97]; *вилити / вилити свою душу* — «щиро ділитися з ким-небудь найпотаємнішим, тим, що хвилює, наболіло. // Висловлювати свої почуття, переживання» [СФУМ, с. 75] та ін.;

відкривати (розкривати) / відкрити (розкрити) душу (серце) — «відверто, щиросердно ділитися з ким-небудь своїми заповітними думками, переживаннями, намірами і т. ін.» [СФУМ, с. 102 – 103]; *заглядати (зазирати) / заглянути (зазирнути) в душу (в серце)* — «намагатися зрозуміти почуття, думки, сутність і т. ін. кого-небудь» [СФУМ, с. 242]; *проникати / проникнути в [саму] душу (в серце, до серця)* — «1. Доходити до розуміння почуттів, думок» [СФУМ, с. 577]; *влизати (вкрадатися) / влізти (вкратися) в душу* — «1. Дізнаватися про щось особисте, інтимне, про внутрішній світ, почуття, думки, наміри іншої людини або втручатися в них» [СФУМ, с. 116 – 117]; *лізти змією в душу* — «3. Втручатися в чийсь особисті справи. // Намагатися зрозуміти когось, дізнатися про його наміри, думки, бажання і т. ін. [СФУМ, с. 345]; *вхопити за серце (за душу)* — «повністю заволодіти ким-небудь (про почуття)» [СФУМ, с. 143]; *душа пристала* — «хто-небудь уподобав, полюбив когось [СФУМ, с. 227]; *душа не лежить* — «хто-небудь не має

інтересу, не відчуває прихильності, симпатії до кого-, чого-небудь [СФУМ, с. 227]; *припасти / припадати до серця (до душі)* — «викликати у когось симпатію, почуття кохання, сподобатися кому-небудь» [СФУМ, с. 564]; *запалювати / запалити душу (серце)* — «збуджувати в когось сильні почуття або захоплювати кого-небудь» [СФУМ, с. 250]; *душа (серце) скніє* — «хто-небудь переживає, хвилюється за когось, тяжко страждає, охоплений почуттям жалю, туги і т. ін.» [СФУМ, с. 228] та ін.

В українських фразеологізмах відбивається міра коректності та результативності в спробах дізнатися про чужі думки, почуття: від коректного (*заглядати (зазирати) / заглянути (зазирнути) в душу (в серце)* — «намагатися зрозуміти почуття, думки, сутність і т. ін. кого-небудь» [СФУМ, с. 242]; до грубого *лізти (рідше залазити) / залізти в душу* — «виявляючи удавану люб'язність, приязнь до когось, добиватися його довір'я, прихильності» [СФУМ, с. 345]; *лізти (рідше залазити) з чобітьми в душу* — «грубо, безцеремонно втручатися в чийсь справи, в особисте життя» [СФУМ, с. 345]. Отже, приклади свідчать, що базовий шар концепту СЕРЦЕ й концепту РОЗУМ репрезентований широким діапазоном українських фразеологічних одиниць. Виявлено, що фразеологізми репрезентують одночасно ближні периферії когнітивних секторів *душа* як концепту РОЗУМ, так і концепту СЕРЦЕ, однак фразеологізмів, у яких спеціально йшлося лише про думки (репрезентація концепту РОЗУМ), практично немає. Зафіксовано ФО, які мають значення «ділитися своїми думками, почуттями» або «намагатися зрозуміти чужі думки, почуття». Українська фразеологія також дуже широко фіксує синонімізацію лексем *серце* й *душа*.

Усі окреслені аспекти потребують подальшого вивчення. Концепт характеризується відповідним змістом, структурою, постійною динамікою, особливостями етномовної об'єктивації та потребує подальших досліджень.

Здійснене дослідження постає лише частиною опрацювання концептів інтелектуальної та почуттєвої сфери у фразеосистемі української мови.

Перелік умовних скорочень

СФС — Коломієць М. П. Словник фразеологічних синонімів / М. П. Коломієць, Є. С. Регушевський. — К.: Радянська школа, 1988. — 200 с.

СФУМ — Словник фразеологізмів української мови. — К.: Наукова думка, 2003. — 1104 с.

Література

1. Голобородько К. Концепт «душа» в структурі духовного поля (на матеріалі поезії Олександра Олеся) / К. Голобородько // Південний архів. Філологічні науки. — Вип. XIV. — Херсон, 2002. — С. 336 – 341.

2. Голубовська І. О. ДУША І СЕРЦЕ в національно-мовних картинах світу (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) / І. О. Голубовська // Мовознавство. — 2002. — №4-5. — С. 40 – 47.

3. Каракуця О. М. Фразеологізми української мови з компонентом «душа» (структурно-семантичний, ідеографічний, лінгвокультурологічний аспекти): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «українська мова» / О. М. Каракуця — Харків, 2002. — 19 с.

4. Кононенко В. І. Концепти українського дискурсу / В. І. Кононенко. — К.-Івано-Франківськ: Плай, 2004. — 247 с.

5. Краснобаєва-Чорна Ж. Концепт ЖИТТЯ в українській фраземіці: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «українська мова» / Ж. Краснобаєва-Чорна. — Дніпропетровськ, 2008. — 20 с.
6. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. — 314 с.
7. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2001. — 190 с.
8. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. — К.: СИНТО, 1993. — 192 с.
9. Селіванова О. О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд) / О. О. Селіванова. — К.: Фітосоціоцентр, 1999. — 148 с.
10. Селіванова О. Нариси з української фразеології (психологічний та етнокультурний аспекти) / О. О. Селіванова. — Київ – Черкаси, 2004. — 275 с.
11. Скаб М. В. Закономірності концептуалізації та мовної категоризації сакральної сфери / М. В. Скаб. — Чернівці: Рута, 2008. — 560 с.
12. Тимченко И. В. Структурно-семантический анализ фразеологических единиц с компонентами-соматизмами ГОЛОВА, ОКО, ВУХО, НІС, ЯЗИК: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. фил. наук: спец. 10.02.01 «українська мова» / И. В. Тимченко. — Харьков, 1990. — 16 с.
13. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике / Е. В. Урысон. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 224 с.
14. Федик О. Мова як духовний адекват світу (дійсності) / О. Федик. — Львів: Місіонер, 2000. — 300 с.
15. Черевко І. Фразеологізми з іменниками *Богъ, духъ, душа* в українських пам'ятках XIV – XVII ст. / І. Черевко // Українська історична та діалектна лексика: [зб. наук. праць]. — Львів, 2003. — С. 110 – 118.
16. Шмелев А. Д. *Дух, душа и тело* в свете данных русского языка / А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 133 – 152.

Прудникова Т. И. ДУША, СЕРЦЕ, РАЗУМ: особенности концептуализации в украинской фразеологии.

В статье рассматриваются украинские фразеологизмы с компонентом ДУША как репрезентанты ближних периферий концептов РАЗУМ (УМ) и СЕРДЦЕ. Предлагается полевая модель концепта, которая имеет ядро и периферию. Выводы основываются на результатах исследований фразеологической и когнитивной наук.

Ключевые слова: фразеологическая единица, концепт, душа, сердце, разум (ум), концептуализация, человек.

Prudnikova T. I. SOUL, HEART, MIND: peculiarities of conceptions in ukrainian phraseology.

The article examines Ukrainian phraseologisms with a component «a soul» as representatives of near peripheries of concepts «a mind» and «a heart». The author suggests a model of the concept which consists of a nucleus and a periphery. The conclusions are based on the achievements of phraseological and cognitive sciences.

Key words: phraseological units, concept, soul, heart, mind, conceptualization, human.

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 300 – 305.

УДК 81'42:32

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА ТЕКСТА: СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ И МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ

Н. А. Сегал

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

В статье исследуется специфика функционирования слов с пространственной семантикой, моделируются бинарные оппозиции, на основе которых формируется категория «пространство» в политическом тексте.

Ключевые слова: политический дискурс, политический текст, бинарные оппозиции.

В современных лингвистических исследованиях важным является направление, связанное с изучением базовых категорий, организующих языковую и концептуальную картину мира. Одной из таких категорий, безусловно, является категория *пространство*, языковые единицы которой служат важным средством актуализации не только наивной картины мира, но и сферы политической коммуникации. При всем многообразии работ и подходов к исследованию *пространства* в современной лингвистической науке проблема языковой манифестации пространственных отношений по-прежнему остается дискуссионной. **Актуальность** предлагаемой статьи заключается в необходимости описания механизмов языковой репрезентации *пространства* и его переосмысления, в выявлении специфики функционирования слов с пространственной семантикой в политическом тексте.

В работах Н. Д. Арутюновой, Н. Н. Болдырева, Т. В. Булыгиной, В. Г. Гака, А. А. Зализняка, О. П. Ермаковой, И. М. Кобозевой, В. В. Красных, Е. С. Кубряковой, Е. А. Селивановой, Ю. С. Степанова, А. Д. Шмелева, Г. М. Яворской и др. выдвигаются важные для лингвистики концепции. 1. *Пространство* имеет антропоцентрическую ориентацию, организуясь вокруг человека как центра микро- и макрокосмоса. 2. Пространственные отношения отражают координацию объектов, с которыми сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность. 3. Пространственный фрагмент языковой картины мира представляет собой систему разноуровневых языковых средств как репрезентантов локусных концептуальных оппозиций. Эти положения тесно связаны с известными научными идеями Ю. М. Лотмана о текстовом и семиотическом *пространстве*: всякая модель культуры и языка может быть описана в пространственных понятиях и терминах [8]. По мнению ученого, семиотика *пространства* имеет исключительно важное значение в создании картины мира той или иной культуры, а природа этого явления связана с самой спецификой *пространства*. Так, анализируя категорию *пространство*, исследователь приходит к выводу о необходимости разграничения

двух аспектов: пространственной структуры картины мира и пространственных моделей как метаязыка описания типов культуры. В первом случае пространственные характеристики принадлежат описываемому объекту, во втором — метаязыку описания. Сама конструкция миропорядка неизбежно мыслится на основе некоторой пространственной структуры, организующей все другие ее уровни [8, с. 389]. Развивая идеи Ю. М. Лотмана о значимости категории *пространство* в картине мира той или иной культуры, В. Г. Гак подчеркивает: «для того чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т. п. Пространство — одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [2, с. 130]. Отмечая безграничность концептуального *пространства*, Е. С. Кубрякова отмечает, что «взор человека может останавливаться как на том, что его непосредственно окружает, так и не ограничиваться этим, т. е. быть устремленным вдаль, до естественного «края земли» — горизонта, а это объясняет возможность приписать пространству самые разные размеры и масштабы, отождествляя его то со вселенной, то со всем миром, то, напротив, ограничивая его непосредственно видимым полем зрения и придавая ему смысл какого-либо очень небольшого вместилища» [7, с. 26].

Рассматривая пространственные отношения в рамках мифологической модели, В. А. Ермакова указывает, что именно они отражают координацию объектов, с которыми, в первую очередь, сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность. Сам человек есть материальное тело, занимающее определенное место в пространстве и обладающее известными пространственными признаками (величина, форма, направление движения в пространстве) [4].

Таким образом, локативные отношения занимают большое место в языковой системе, отражая способы концептуализации внешнего мира.

С целью описания коммуникативно-прагматического содержания политического текста в данном исследовании рассматривается ряд бинарных оппозиций, обусловленных архетипическими представлениями человека о мире. Под оппозицией принято понимать объединение двух различных объектов, «связанных таким образом, что мысль не может представить один, не представив другой. Единство оппозитивных членов всегда формируется при помощи понятия, имплицитно содержащего оба противочлена и разлагающегося на эксплицитную оппозицию, когда оно относится к конкретной действительности» [9, с. 136]. Выявление содержания и структуры концептуальной оппозиции *верх/низ* через систему средств ее вербальной репрезентации в политических текстах и является **целью** работы.

При описании концептуальных оппозиций необходимо исследование не только концептуального содержания слова, но и, что очень важно, его валентностного семантического потенциала. На наш взгляд, это обусловлено тем, что номинативное поле ключевого слова *пространство* объемно и обладает высокой степенью номинативной плотности, а значит, вербализация данной единицы будет представлена разнообразными парадигмами. Этот факт свидетельствует о релевантности репрезентантов пространственных единиц в языковой картине мира. Анализ показал, что категория *пространство* является основой реализации в политическом тексте ассоциативно-прагматического потенциала ключевых слов, представляющих текст

на основе горизонтального (*путь, дорога, тропа, тропинка, стезя, колея и др.*) и вертикального (*гора, вершина, пик, пропасть, обрыв и др.*) векторов. Механизмы актуализации концептуального содержания пространственных единиц в политических текстах определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка.

Как показал анализ словарных интерпретаций и контекстный анализ, семиотическая оппозиция *верх/низ* вербализуется с помощью языковых единиц с пространственной семантикой. По замечанию лингвистов, вторичность «отпространственных» значений в языке интерпретируется по-разному: как метафорическое преобразование семантики у предлогов, как развитие вторичных (непространственных) функций у пространственных моделей в языке, как система непространственных смыслов, формирующихся вокруг пространственного прототипа у полисемичного слова, как параллелизм пространственных и темпоральных отношений и задание когнитивных операций для преобразования членов разных категорий [5, с. 195 – 196]. Для характеристики явлений и отношений, принадлежащих не физическому, а политическому и социальному пространству, в текстах выявляются топологические оппозиции, построенные на основе горизонтального и вертикального векторов. Семное варьирование возможно в процессе контекстного противопоставления лексических единиц. Как показал анализ, бинарными оказываются не только *верх* и *низ* конкретного объекта вертикальной плоскости, но и конечные точки всей вертикальной оси, образуя при этом соответствующие оппозиции. Например, для политических текстов последних пяти лет наиболее активными являются такие конечные точки оси, как *гора, вершина, пропасть, яма, дно*: *В принципе, страна уже набрала хороший разбег, но этот разбег может привести как на гору, так и в пропасть. Если появится правильная стратегия и видение, если появится правильное лидерство, то страна, безусловно, серьезно поднимется в гору* (Дайджест, 23.08.2007). *От дна до вершины: Почему в странах Ближнего Востока возник феномен НРПО* (i-r-p. ru/page/stream-library/index-3756. html). *Политик может чувствовать себя вершиной даже на дне пропасти* (leloo. com. ua). *Из всех вершин, существующих на политическом высокогорье Российской Федерации, Примаков покорил почти все* (Политика, 11.04.2007). *Эстония и Латвия уже приблизились ко дну ямы* (Вести сегодня, 13.08.2009). *Осенью Кабмин и Тимошенко действительно могут проскочить на волне. Но уже в январе рискуют окончательно погрузиться на дно* — открыв шлюз остальным (ЗН, №21 (749) 13 – 19 июня 2009). *Украину ведут в политическую долговую яму* (Киевские новости, 16.02.2010). *Отношения Украины с Россией достигли дна* (ЛІГА. Новости, 27.09.2009). *Александр Аузан отмечает, что, упав на дно, российская экономика может просто не найти ресурсов, чтобы с этого дна подняться* (Эхо Москвы, 21.04.2010). *Россия поднимается со «дна». Российская экономика прошла нижнюю точку падения* (НП, 07.09.2009). *ПР оказалась абсолютно незащищенной. Черновецкий будет постоянно тащить ее на дно* (ЗН, №15 (795) 17 – 23 апреля 2010). *Если к власти придет Ющенко, человек абсолютно прозападных политических взглядов, то между Украиной и Россией разверзнется такая пропасть, что отношений, которые есть сейчас, не удастся достичь*

никогда (КМ. RU, 23.11.2004). ...*перед Украиной стоит ...выбор между старым и новым. Выбрать старое — обречь Украину на олигархат, на увеличение пропасти между властью и обществом, на безрадостную жизнь для нескольких поколений вперед* (Телеграф, 29.10.2009). *Снова украинский мир оказался перед пропастью, через которую не в силах был перебросить мост* (ЗН, №38 (818) 16 – 22 октября 2010). При погашении архисемы 'пространство' в таких контекстах происходит значительная перестройка семной структуры рассматриваемых единиц. Политическая семантика лексической единицы *гора* возникает в результате актуализации сем 'цель', 'желаемый результат'. Прагматические смыслы позволяют лексеме *пропасть* актуализировать в тексте семы 'нежелательный результат', 'провал'. Таким образом, за счет противопоставления лексических единиц *гора* — *пропасть* актуализируются коннотативный и оценочный компоненты: *гора* ('цель') — это хорошо, *пропасть* ('провал') — это плохо. Такие локусно ориентированные аксиологические характеристики весьма важны для осмысления внешнего мира человеком, прежде всего, его социального пространства. По убеждению Н. Д. Арутюновой, аксиологические характеристики в одно и то же время зависят от внешнего мира и независимы от него. Предметом оценивания может стать не всякое явление действительности, но лишь то, что нужно человеку и Человечеству. «Для того чтобы оценить объект, — подчеркивает исследователь, — человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека [...]» [1, с.181].

Метафорическое переосмысление движения вниз выявляется в конструкции «спуститься с гор», реализация смыслового содержания которого, как правило, характеризуется конкретной политической ситуацией — выборами: *досрочные выборы спустились с гор, электорат спустился с гор, голоса избирателей спускаются с гор, кандидаты спустились с гор: Янукович увидел, как досрочные выборы спустились с гор* (Новый регион, 06.02.2008). *Кандидаты спустились с гор* (НГ, №35, 06.04.2009). *С. Тигипко: пришло время спускаться с гор к людям* (liga. net, 21.08.2004).

Референтное событие «выборы» обуславливает не только изменение значения слова, но и его морфологическое поведение: рассматриваемая лексема, как правило, в такой композиции используется в форме множественного числа, что не свойственно пространственной лексике в целом. Это определяется прагматическим компонентом высказываний: *горы* в политическом тексте не только имеют большую протяженность по вертикали, но и занимают значительное пространство по горизонтали. По мнению В. З. Демьянкова, пространственно-временная и/или этическая локализация (фокус эмпатии) автора текста являются важными координатами референтного события и лежат в основе когнитивной интерпретации политического текста [3, с. 59 – 60].

При погашении сем 'направление' и 'движение', обусловленных лексикографической характеристикой конструкции, происходит актуализация сем 'неожиданность', 'непредсказуемость', 'закрытость', 'искусственность', наведенных политическим контекстом. Метафорический образ выборов, реализуемый через языковые единицы с пространственной семантикой, можно представить следующим образом:

голоса избирателей
досрочные выборы
электорат
кандидаты

‘неожиданность’
‘непредсказуемость’
‘закрытость’
‘искусственность’

В политическом тексте *гора* может представляться как искусственно созданное препятствие, преодоление которого не приводит к желаемым результатам. Так, продвижение к вершине становится не способом достижения цели, а причиной возникновения новых проблем и общественных конфликтов: *Есть что-то несуразное в том, что «восьмерка» забирается все выше в горы для того, чтобы решать проблемы глобального характера, а количество людей, возражающих против этого, становится все больше* (<http://2004.kremlin.ru>). В таких контекстах присутствует смысловая модификация семы ‘высота’, при которой происходит расщепление семы с появлением нового семного конкретизатора ‘сложность при достижении вершины’. Наряду с локусной оппозицией «под горой» — «на вершине горы» в политическом тексте активно функционирует оппозиция «под горой — за горой». Так, в первом случае *гора* становится препятствием для **передвижения** в пространстве, а во втором — преградой для **обозрения** пространства. Видеть то, что происходит за горой, может только пронизательный и заинтересованный субъект: *Прокуратура должна продемонстрировать, что это элита, которая смотрит не на то, что делается под горой, а на то, что делается за горой. Она дальше всех видит, у нее есть тот уникальный инструментарий, который может поставить точку в этих вопросах* (<http://2006.liga.net/news.asp?nid=181756>). Таким образом, *гора* как фрагмент пространственного мировосприятия становится важным объектом не только для динамического субъекта, но и для статического.

Таким образом, украинский политический дискурс отличается спецификой интенционального содержания, многополярностью и многовекторностью. Изменение семантики слов проходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где лексемы с пространственной семантикой приобретают новые семантические признаки. Эти признаки способствуют реализации метафорических значений в коммуникативном пространстве текста.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М. : «Языки русской культуры», 1999. — 896 с.
2. Гак В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 127 – 135.
3. Демьянков В. З. Событийность в языке средств массовой информации / В. З. Демьянков // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 25 – 27 октября 2001 года. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 59 – 60.

4. Ермакова В. А. К вопросу о мифологической модели пространства [Электронный ресурс] / В. А. Ермакова. — Режим доступа: // <http://www.ksu.kz/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=515>.
5. Королева Ю. В. Категория пространства и способы ее трансформации в языке (на материале русских глагольных префиксов) / Ю. В. Королева // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эммер и др.; отв. ред. проф. З. И. Резанова. — Томск : UFO-Plus, 2007. — С. 188 – 226.
6. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств : сборник статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 84 – 93.
7. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка / Е. С. Кубрякова // СЛЯ. — 1997. — Т. 56 — №3. — С. 22 – 31.
8. Лотман Ю. М. Семиотика пространства / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3-х т. — Таллин, 1992. — Т. 1. — С. 386 – 472.
9. Новиков Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. — М. : Высшая школа, 1982 — 272 с.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : Гнозис, 2004. — 326 с.

Segal N. O. Просторова семантика тексту: способи реалізації та моделі сприйняття.

У статті досліджується специфіка функціонування слів з просторовою семантикою, моделюються бінарні опозиції, на основі яких формується категорія «простір» в політичному тексті.

Ключові слова: політичний дискурс, політичний текст, бінарні опозиції.

Segal N. Space semantics of text: methods of realization and models of perception.

The article considers the peculiarities of functioning of words with the semantics of space; binary oppositions on the basis of which a category «space» is formed in political text are designed.

Key words: political discourse, political text, binary oppositions.

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 306 – 310.

УДК [811.111+811.161.1]:001

РОЛЬ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

(на материале русского и английского языков)

Р. И. Стеванович

*Черноморский государственный университет им. П. Могилы,
г. Николаев*

В данной статье подчеркивается важность зрительного восприятия для ментальной сферы человека. Представлен лингвистический анализ понятия «восприятие»; показано, как язык, отражающий жизненный опыт человека, используется для описания такого ментального концепта как «восприятие».

Ключевые слова: зрительное восприятие, ментальный концепт, лингвистический анализ.

Постановка проблемы. В настоящее время бурное развитие получила когнитивная лингвистика, демонстрирующая новый этап в изучении сложных отношений между языком и мышлением. Когнитивная лингвистика представляет собой одно из направлений когнитивной науки, которая ставит своей целью «изучение процессов, связанных с получением, обработкой, хранением и использованием, организацией и осмыслением структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека» [2, с. 34]. Благодаря возникновению когнитивной науки стало ясно, что «языковая деятельность протекает в мозгу человека, что разные виды языковой деятельности связаны с разными отделами головного мозга» [7, с. 8].

Когнитивная наука междисциплинарна: она объединяет под общим «зонтиком» специалистов в разных областях знания (психологов, лингвистов, философов, логиков), «но с самого начала ее возникновения особая роль отводилась психологии и лингвистике» [3, с. 42].

Для когнитивизма характерно стремление увидеть за категориями языковой семантики более общие категории, которые являются результатом освоения мира человеческим познанием. Взгляд исследователя перемещается с объекта познания на субъект, анализируется человек в языке и язык в человеке. Ментальная сфера человека тесно связана с другими его системами, но особенно показательна ее связь с восприятием и эмоциональными состояниями [1, с. 42].

Цель данной статьи — показать роль зрительного восприятия в мыслительной деятельности человека и его отражение в языковой картине мира.

Освоение человеком окружающего мира начинается с восприятия и представления «неочевидного» через физический, воспринимаемый мир; через метафору происходит как бы опредмечивание абстрактного.

Восприятие рассматривается в психологии как «синтез ощущения» [6, с. 52]. В английском языке восприятие имеет обозначение *perception*. Термин *perception*, сочетаясь с прилагательным *visual*, образует словосочетание *visual perception* («зрительное восприятие»), которое характеризует визуальный аспект восприятия, являющийся каналом приема, передачи и переработки информации человеком. Термин *perception* обладает способностью к словопроизводству, образуя прилагательные *perceptual*, *perceptive*, *perceptible*, которые характеризуют качественную сторону восприятия. Из этих прилагательных наибольшей лексической сочетаемостью отмечается *perceptual*. В препозиции с существительными он характеризует процесс восприятия (*perceptual process*, *perceptual field*, *perceptual behavior*, *perceptual illusions*) и умственные операции, основанные на восприятии (*perceptual thought*, *perceptual judgment*, *perceptual structure*, *perceptual transformation*, *perceptual understanding*).

В языке зафиксирована прямая связь восприятия и ментальных состояний и процессов, например, *прислушаться к чьему-то мнению*, *видеть*, *чувствовать решение проблемы*. Информация, которую мозг получает, — это материал для его работы, без которого он не был бы мозгом.

Слова, описывающие зрительное восприятие: *смотреть*, *видеть*, *наблюдать*; *to look*, *to observe*, *to examine*, — подразумевают получение информации, что дает возможность перцептивной лексике развивать эпистемические смыслы: *не видеть смысла*, *предвидеть*, *увидеть в истинном свете*; *to look forward to*, *to foresee*, *to anticipate*, *to predict*.

Слова *глаз* и *взгляд* в комбинации с глаголами описывают различные ментальные состояния и процессы: *закрывать глаза на что-то* — «игнорировать»; *what hits the eye* — «что бросается в глаза», *to keep an eye on something* — «be attentive». При этом не только перцептивная лексика развивает эпистемические смыслы, но и сама ментальная лексика имеет перцептивное происхождение. Например, «прогнозировать, предвидеть»: *to anticipate* — *to look forward to*, *to foresee*. Глаголы, связанные со зрительным восприятием: *покажем*, *продemonстрируем*, *рассмотрим*, *увидим*, *исследуем*.

Зрение — главный ориентир человека в мире. *The mighty world of eye* — «могучий мир знаний»; *sight is the queen of the senses* — «зрение — королева ощущений».

Зрение тесно связано с мозгом: *The doctor looked into my eyes and remarked that he was looking into the brain itself* [9, p. 1] («Доктор посмотрел мне в глаза и заметил, что он видит и сам мозг в них»). Зрительная информация обрабатывается мозгом моментально на подсознательном уровне. Целостность зрительного восприятия проявляется в его избирательности, объект воспринимается не как таковой, а «под определенным углом зрения», антропоцентрично. Зрение, слух, обоняние входят в состав восприятия: «See and hear are verbs of perception» [9, p. 7].

Зрение — это способность видеть то, что способствует, делает возможным, обеспечивает восприятие. Зрение составляет природную силу человека. Важнейшим организующим началом успешного продвижения к намеченной цели выступает зрительное восприятие. Главный вид и источник знаний человека

о мире, а также способность ориентироваться в нем — зрение. Его творческим коррелятом выступает воображение, ментальное зрение, которое заключается в мысленном представлении того, чего нет, то, что ненаблюдаемо, возможно, желательно. Человек живет как бы в двух мирах: реальном и возможном. Для него представить также реально, как и видеть: *I clearly see the solution of the problem* («Я ясно вижу решение проблемы»).

Особенности зрительного восприятия проявляются не только в семантике и сочетаемости, но и в особенностях употребления ментальной лексики, показывающей, что в ментальной сфере есть свой наблюдатель — *mental observer*, который способен видеть ненаблюдаемое. При этом ментальное зрение носит целостный, антропоцентрический характер. Большинство связанной со зрительным восприятием лексики естественным образом используется во вторичных (метафорических) значениях, которые обозначают разного рода ментальные явления: *осветить проблему, голые факты, точка зрения, заметить несоответствие*. Ментальная лексика имеет «перцептивное», «визуальное» происхождение, она мотивирована визуальным восприятием: «вспомнить» — *видеть прошлое; to ignore — not to see, to recollect — to look back*.

Зрительное восприятие связано с ментальными процессами категоризации, концептуализации и интерпретации предметного и не предметного мира. Большое количество слов и выражений, описывающих ментальную сферу человека имеет «физическое» происхождение, например, *проводить грань, ставить на одну доску, схватить смысл, попасть в поле зрения*. Человек представляет эти умственные операции как «наблюдаемые», которые воспринимаются зрительно. Этот способ фиксирования знаний о мире Дж. Лакофф и М. Джонсон назвали концептуальной метафоризацией [4, с. 357], т. е. обозначение сложных и ненаблюдаемых явлений по аналогии с физическими, наблюдаемыми. Иначе его можно назвать **«принципом наглядности»**.

«Принцип наглядности» заключается в «опредмечивании» не предметных сущностей по образу и подобию зрительного восприятия [8, с. 233]. В результате действия этого самого мощного семантического механизма язык развивает дополнительные метафорические значения, формирует устойчивые обороты, расширяет лексическую сочетаемость. Язык становится воплощением практического опыта человека. Благодаря этому принципу ментальная лексика состоит из слов и выражений, описывающих физические наблюдаемые явления и их восприятие, а работа мозга концептуализируется в языке по образу и подобию работы зрения: *исследовать проблему, рассматривать вопрос, увидеть решение*.

«Восприятие — это всегда только активизация того, что уже в голове есть в виде целого или совокупности отдельных элементов, признаков» [5, с. 12]. Гештальт-психологи обратили внимание, что наше восприятие мира основано на выявлении целостных образований, комплексов, которые называют гештальтами. Например, «мозг — это глаза», «инсайт — нежданный гость», «решение проблемы — строительство дома». Чувственные знания формируются от общих категорий к частным. Зрительное восприятие играет решающую роль во всем, что человек делает: в познании, мышлении, поведении и деятельности.

Результатом восприятия являются чувственные образы. Информация, полученная в результате зрительного восприятия, хранится в виде «образов», «картинок», «изображений». Образы складываются в «ментальное зрение», формируют взгляды своего носителя: *выразить свою точку зрения, иметь взгляд на происходящее, поле зрения*. Чувственные образы иногда возникают независимо от прямого влияния того предмета, отражением которого они являются. Чувственные впечатления воспроизводят прошлый опыт, который хранится в памяти человека. Решающее значение в возникновении образов играет кора головного мозга. «Образ» в английском языке имеет дефиницию *image*. Его значение эксплицируется в психологическом словаре: *an internal mental experience associated with some perception or with memory* [6, p. 112] — «внутренний ментальный опыт, связанный с предыдущим восприятием или памятью». Сочетаясь с прилагательными, лексема *image* образует словосочетания, характеризующие виды образов, появляющихся в сознании: *crystal image, direct image, sensory image, dream image, generalized image*. Слово *image* входит в состав трехкомпонентного словосочетания *a train of images* («цепь образов»).

Знания о мире, полученные зрительным путем, отличаются от знаний, полученных в процессе обучения. Знания, полученные перцептивно, — это знания того, как человек воспринимает происходящее через призму своего «я». Зрение не только самый главный источник получения информации для человека, но и самый надежный способ ее версификации. Увидеть — значит проверить, узнать, убедиться, удостовериться: *seeing is believing* («Чтобы поверить — надо увидеть»). Память и воображение непосредственно связаны со зрительным восприятием, они формируют «ментальное зрение», которое имеет большое значение для человека, т. к. помогает представить, что может произойти, т. е. предвидеть будущее. Условием успешного продвижения вперед к намеченной цели, пункту назначения выступает зрительное восприятие.

Выводы. Таким образом, зрительное восприятие сопровождается ментальными процессами, сознательными или подсознательными, а ментальные процессы, сознательные или подсознательные, предопределяются в значительной степени зрительным восприятием. В результате ментальная сфера концептуализируется по образу и подобию зрительного восприятия, описывается в языке перцептивно мотивированными терминами, имеет своего «ментального наблюдателя», опирается на «ментальное зрение» и «ментальное изображение» — память и воображение. А «принцип наглядности» является главным не только во всех видах деятельности, но и в самой семантической и грамматической организации языка.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1995. — №1. — С. 37 – 67.
2. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994. — №4. — С. 34 – 39.

3. Кубрякова Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 545 с.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. — М., Прогресс, 1990. — С. 347 – 415.
5. Овчинников Н. Ф. Новый взгляд на мышление / Н. Ф. Овчинников. — Ростов-на-Дону: РостИздат, 2008. — 60 с.
6. Петровский А. В. Краткий психологический словарь / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. — М., 1995. — 431 с.
7. Попова В. Д. Когнитивная лингвистика / В. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: Восток-Запад», 2007. — 313 с.
8. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 626 с.
9. Guilford Don. The Father Shore / D. Guilford // Natural History of Perception. — London, 1995. — 225 p.

Стеванович Р. И. Роль зорового сприйняття в ментальній сфері та його зображення в мовній картині світу (на матеріалі російської та англійської мов).

В поданій статті підкреслюється важливість сприйняття для ментальної сфери людини. Подається лінгвістичний аналіз поняття «сприйняття»; показується, як мова, яка відображає життєвий досвід людини, використовується для опису такого ментального концепту як «сприйняття».

Ключові слова: зорове сприйняття, ментальний концепт, лінгвістичний аналіз.

Stevanovich R. I. The role of visual perception in the mental sphere and its reflection in the linguistic picture of the world (based on source material of english and russian languages).

The given article emphasizes the importance of visual perception for the mental sphere of a person. A linguistic analysis of the concept perception is presented. The article shows that a simple ordinary language reflecting the life experience is used to describe such a mental concept as perception.

Key words: visual perception, mental concept, life experience.

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 311 – 316.

УДК 811.161.2'42

СПОСОБИ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ ХУДОЖНЬОГО КОНЦЕПТУ *КОХАННЯ* В ПОЕТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

Л. Ф. Щербачук

*Київський національний університет імені Тараса Шевченка,
м. Київ*

У статті проаналізовано особливості вираження концепту кохання в сучасному поетичному дискурсі. Визначено, що змістова інтерпретація концепту моделюється через відповідні мікроконтексти.

Ключові слова: поетичний дискурс, художній концепт, кохання, етнокультура, конотація.

Постановка проблеми. Сучасна практика концептології демонструє два основні підходи щодо концептуального аналізу: 1) інтегрально-когнітивний, який ґрунтується на загальній сумі знань про галузь, що є об'єктом дослідження та опису, або на «мовній картині світу» в цілому, і 2) текстуально-дискурсивний, орієнтований на конкретний дискурс або на достатньо чітко визначену суму текстів [10, с. 98].

Пропоноване дослідження ґрунтується на другому підході й передбачає аналіз особливостей поетичного тексту в когнітивній площині. Поетичний текст репрезентує мовленнєво-мислительну діяльність автора, розраховану на зворотну діяльність читача; «це унікальний і досконалий спосіб пізнання світу, що часто не піддається верифікації науковим шляхом» [6, с. 31].

Сьогодні у центрі уваги багатьох дослідників (Т. Вільчинська, І. Голубовська, В. Жайворонок, О. Задорожна, С. Єрмоленко, В. Кононенко, Н. Мех, Т. Радзівська, Н. Слухай, О. Снитко, О. Цапок та ін.) перебувають механізми взаємодії мови та культури, мови й мислення, що можуть бути виявлені в межах окремого висловлювання й тексту в цілому.

Актуальність роботи визначається загальною спрямованістю сучасних досліджень поетичного дискурсу в руслі когнітивної парадигми лінгвістики. Поетичні тексти в статті розглядаються як носії певних систем концептів, як особлива форма комунікації, що дозволяє реконструювати фрагменти української мовної картини світу.

Поряд з комунікативно-прагматичним підходом до дослідження поетичного тексту окреслилася когнітивна текстологія, у центрі уваги якої знаходиться поняття художній концепт. Термін художній концепт, що позначає результат складного процесу інтерпретації дійсності письменником, запропонований С. Аскольдовим для позначення базової одиниці індивідуально-авторської свідомості [1, с. 276].

Художні концепти — це комплекс понять, уявлень, почуттів, емоцій, іноді навіть вольових виявлень, що виникають на основі художньої асоціативності. Вони образні й символічні, оскільки те, що вони позначають, знаходиться за межами їхнього змісту. Чим багатший і емоційніший досвід поета, тим глибші й обширніші його концепти [6, с. 35].

Мета дослідження — проаналізувати й описати особливості об'єктивації художнього концепту КОХАННЯ в сучасних поетичних текстах, що виступають носіями певного культурно-історичного простору.

Проблема художнього концепту тісно пов'язана з проблемою художнього слова. Мовний світ Л. Костенко, А. Мойсієнка неодноразово був предметом дослідження багатьох науковців (Я. Голобородько, Г. Губарева, І. Дишлюк, С. Єрмоленко, М. Мельник, Л. Петрова, М. Плющ, Л. Ставицька, Л. Щербачук та ін.), проте об'єктивація художнього концепту КОХАННЯ залишилася поза увагою вчених.

У сучасну епоху багато дослідників (сексологи, соціологи, психологи, культурологи та ін.) зацікавилися пізнанням феномену *кохання*. Лінгвісти тлумачать кохання як “1. Почуття глибокої сердечної прихильності до особи іншої статі; за-кохання; особа, що викликає таке почуття; кохана людина. 2. *Рідко*. Те саме, що любов. 3. Дія або стан за значенням *кохати* і *кохатися*; народнопоетичне *коханнячко*: *пестл. до кохання*” [9, с. 313]. Святим почуттям любові трактується кохання в українській етнокulturі.

На основі давньогрецької класифікації любові соціолог Джон-Алан Лі викремлює 6 видів кохання: ерос, людус, сторге, манія, прагма, агапе [2, с. 142 – 143]. Так, наприклад, у тканині роману Л. Костенко «Маруся Чурай» концепт КОХАННЯ репрезентований у динаміці й статичності майже всіма зазначеними видами через призму почуттів Марусі, подружжя Чураїв і Бобренків, Гриця, Галі, Івана та ін. Аналіз свідчить, що тип кохання формується залежно від особистісних особливостей партнерів (героїв твору), їхніх потреб, життєвого досвіду, моральних якостей, етичних поглядів тощо.

Концепти завжди інтенсивно взаємодіють з мовною системою й визначаються «обсягом лексико-семантичної парадигми, що формується мовними одиницями, які передають цей концепт у тексті» [10, с. 101]. Домінантами, ядерними елементами концепту КОХАННЯ в досліджуваних поетичних картинах світу виступають лексеми *кохана, коханий; кохання, любов; кохати, покохаси, прикохати, любив, любилися, полюбити, полюбились*. Варто зазначити, що лексема *любов* у лінгвоментальному просторі українців має ширше лексикографічне тлумачення, ніж кохання. Водночас як складові концепту рзглядаються ключові слова, що репрезентують об'єкт кохання: *милий, єдина, доленька, радість, зоря, журавка та ін.*

Змістова інтерпретація концепту моделюється через системне використання відповідних мікроконтекстів, які забезпечують смислове наповнення концепту різними його складниками. Хоча слова виступають основним засобом кодування інформації, досить часто трансляція повідомлення відбувається невербально. У ході дослідження виявлено, що художній концепт КОХАННЯ в поетичному тексті теж може актуалізуватися невербальними засобами: *Очима ти сказав мені:*

люблю. / Душа складала свій тяжкий екзамен. / Мов тихий дзвін гірського кришталю, / неказане лишилось неказаним... [4, с. 49]; До півночі в актовім залі / не згасали дебати / про любов. / А біля розчиненого вікна / у сусідній кімнаті — / Двоє закоханих... / Не взяли участі / в диспуті про / кохання [7, с. 61].

У структурі аналізованого концепту виділено також невербальний елемент, що відтворюється лише описово без жодної згадки імені концепту: *Ти пам'ятаєш, ти прийшов із пристані. / Такі сади були тоді розхристані. / І вся в гірляндах, як індійська жриця, весна ряхтіла в іскорках роси. / Плакучі верби не могли жури́ться, / Такі були у іволг голоси!* [4, с. 52]. «На перший погляд здається, що про кохання тут не сказано жодного слова. Але це поверхове враження. Насправді ж тут кожне слово промовляє про любов. Навіть не промовляє, а кричить, шаленіє. Бо йдеться про свято любові...» [4, с. 237]. Не називає своє почуття прямо, номінативно й ліричний герой поезії А. Мойсієнка: *Так мені потрібна Ваша посмішка... / В душу мовби лезо хто ввігнав. / Й день без Вас — немов прожитий поспіхом: / Втратив щось, чогось не наздогнав... / А надбав лиш повно сумовиннячка... / Все не влад, і все мені не так. / Небокрай уже гребінку півнячу / Сторгував за місяця п'ятак. / А мені ж не сонячно й не місячно, / А мені ж без Вас уже ніяк. / Одинока зірка в небі висянім... / Сад стоїть... І я в нім одинак. / ...Вже і кликати Вас я не докличуся, / Вже й іти до Вас — я не дійду. / Лиш пелюстка яблуні колишеться / Посмішкою Вашою в саду* [7, с. 57]. І хоча в поезії назва почуття «кохання» відсутня, читач на основі принципів імпліцитності й асоціативних зв'язків розуміє, що мова йде про це високе почуття, адже вся поезія сповнена його настроєм.

Кожен автор поетичних творів виступає носієм своєрідних національно-культурних цінностей та образного бачення світу, що продовжують свій розвиток у його творчому асоціативно-образному мисленні й стають невід'ємною частиною його індивідуальної поетичної картини світу. Важливість і складність концепту КОХАННЯ визначається тим, що в ньому, як у фокусі, пересікаються протилежності біологічного й духовного, особистісного й соціального, інтимного й загальнозначимого. «У моральному плані кохання ґрунтується на християнських заповідях і передбачає вірність. Водночас у концепт кохання за асоціацією входять такі поняття як зрада, ревності, страждання, з одного боку, вірність, чистота, цнотливість і под. з іншого» [3, с. 118]. Категоріальною рисою концепту є його не ізольованість, а зв'язок з іншими концептами, що репрезентують фрагменти концептосфери КОХАННЯ. Приклади свідчать, що концепт КОХАННЯ нерозривно пов'язаний із концептами ЗРАДА, РЕВНОЩІ, ЗЛОЧИН: *...тоді його із ревності убила, підсипавши отруту у вино... так стався злочин* [5, с. 12]; *Чи це свідомо, чи під впливом хвилі, як не було, а ревності — це сказ...* [5, с. 12]; *В цьому саду, тричі радий і зраджений, Я любові зазнав і хули...* [7, с. 23]; *На знімку тім, де сад в обрамі літа / І посмішка твоя в обрамі губ, / Де у між вітті причаївся вітер / Призвідцем втіх любовних і любовних згуб. / Де в юних днях було ще стільки звади, / Ще так далеко до незгод і зрад* [8, с. 16]; ЗЛО: *...а їхні діти учинили зло. / Грицько зцурався дівчини такої! / Доп'яв біди, земля йому пером. / Такої кривди парубок накоїв, / що не могло це скінчитись добром...* [5, с. 23]; ПРОЩЕННЯ: *Але ти любиш і тому прости...* [5, с. 73]; ВІРНІСТЬ: *...Тобі дано і вірити й кохати...* [5, с. 73] тощо.

Ще один мотив кохання в українській етнокультурі — «його чари, згуба, щось таємниче, неусвідомлене, отожд і екзистенційне...» [3, с. 118]. Досліджуваний концепт у художній палітрі поетів експлікується суб'єктом, об'єктом, діями й наслідками ворожіння (*А, може, й правду кажуть, що ти відьма, / приворожила — і пропав навік. / Бо що б мені інакше так палило, / чого ж я так страждаю і борюсь?* [5, с. 74]; *Коли ж вона його причарувала, / він як сказився, геть одбивсь од рук... / Він перестав ходити на вечорниці, / не зачіпав дівчат і молодиць. / А все ходив до тої чарівниці...* [5, с. 15]), а також основними засобами ворожіння (*А може, то було якесь дання? / Якесь чар-зілля або привороти... / А зілля річ, ви знаєте, капризна — / тут вони чари, тут вони трутизна... / чи це була отрута чи дання...* [5, с. 14]); *І як тепер тебе забути? / Душа до краю добрела. / Такої дивної отрути / Я ще ніколи не пила. ...* [4, с. 53 – 54]; *Молилась грішна, / кохала ніжно, / А ждала трути, щоб хто послав* [7, с. 363].

Для кожного концепту притаманний специфічний набір когнітивних ознак-класифікаторів. В асоціативній структурі концепту КОХАННЯ виявлено низку компонентів оцінно-психологічного стану, що взагалі робить його еквівалентом негативних емоцій, які реалізуються в змістовій структурі концепту через семи: **біль**: *Я і тоді любив тебе до болю* [5, с. 136], *Догорає болем невимовним...* [7, с. 65], *Та дівчина, яка мене любила, / На білім пелюсткові сподівань / Росиночку гойда невідболілу...* [7, с. 88]; **недуга**: *Твоя любов до неї — то недуга. Видужуй, сину...* [5, с. 62]; **біда**: *Не люби нікого — це біда* [5, с. 49].

В авторському осмисленні художнього концепту домінує в основному позитивна конотація: *любов вірна, неосудна, священна..., чого не можна осквернити* (Л. Костенко); *велика, незакосичена, на медах настояна, тиха, мов спомин, мов травневі роси навесні* (А. Мойсієнко) тощо. Водночас зафіксовано поетичні рядки з негативно конотованими епітетами, що характеризують: а) кохання: *любов прогіркла, перестояна*; б) об'єкт кохання: *...невірною, брехливого, чужого, огидного, — а я ж його люблю!* [5, с. 70].

Аналізованому концепту притаманні темпоральні ознаки. Кохання може виникнути миттєво — з першого погляду: *Чурай, той так: побачив свою долю — ось ти, ось я, тепер нас буде двоє...* [5, с. 42]. Воно має свій початок і кінець: *А це кохання почалося з пісні. Могло урватись тільки, як струна* [5, с. 50], *Я дуже тяжко Вами відболіла...* [4, с. 53]; характеризується довготривалістю: *... любила, справді, вірно і давно...* [5, с. 12], *плинність*: *Та дівчина, яка мене любила* [7, с. 88], *Ти свято сам. / На святі вічно бути / Чи зможу я, коханий, при тобі?* [7, с. 144]. Проте справжнє кохання вічне, трансцендентне: *Помер мій Гриць... Десь, може, там зустрінемось ми. Не буде рук — обнімемось крильми...* [5, с. 68].

Концепт КОХАННЯ відображає складне явище внутрішнього життя людини, ситуацію емоційних підпорядкованих закономірностям етнокультури стосунків і переживань двох і передбачає духовні почуття, близькість, статеві стосунки: *А я вже, Грицю, їден дух з тобою, / хай ми вже й тілом будемо одне* [5, с. 53]; *Благала: перейди мою ріку, / Таку жагучу і таку нестримну... / А він не знав ні Риму, ані Криму, / Ні мідних труб не знав ще на віку. / І думав, що ступити в ту ріку — / То буде ледь не восьме чудо світу...* [7, с. 54]. У народній самосвідомості

кохання викликає численні асоціації, пов'язані з незайманістю, зі шлюбом, родинним життям, моральними цінностями. Через призму народного сприйняття в поезії засуджується дівоча нецнота: *Не шануватись дівчині негоже ...* [5, с. 15], що за принципами народної моралі «вимагає» оприлюдненого осуду: *Та йще нецнота. ... їй треба дьогтем вимазать ворота!* [5, с. 14].

Концептуалізація кохання в поетичному дискурсі віддзеркалює ознаки гендерної картини світу в аспекті взаємодії традиційної, патріархальної та феміністичної ідеологій. Гендерні ознаки концепту репрезентуються в поетичному тексті у вигляді соціокультурно зумовлених стереотипів, що відбивається на поведінці героїв, у тому числі й на мовленні. Так, наприклад, ліричні герої-жінки засуджують партнера-чоловіка за доведення дівчини до гріха: *Але ж і з Гриця добрий був лайдак... не хто ж, а він звів дівчину з пуття* [5, с. 15]. Специфічне сприйняття героями різної статі й інтимних стосунків: *... немовби дівчина поряд тебе / говорить: «Доброго ранку!» / і повертає тебе у спогад, / що вона вже не дівчина, а твоя дівчина, / не одна якась, а твоя, / і саме тепер назавжди / не одна якась, а твоя...* [8, с. 101]. Мікроконтекст репрезентує моногамність як фемінну ознаку в реляційних стосунках між чоловіком і жінкою. Полігамність актуалізована у свідомості чоловіків, що засвідчено в етномовній і авторській поетичних картинах світу: *Це як у пісні: / «Ой у полі три криниченьки. / Любив козак три дівчиноньки, / чорнявую та білявую, ще й рудую препоганую». / І було йому дуже сутужно. / Рудої, правда, не було. / Була чорнява та білява. / Смалив до двох...* [5, с. 17].

Автори експлікують в поетичному дискурсі уявлення про народну обрядовість, яка «включає в себе комплекс дійств, що передбачають сватання, заручини, одруження. Одруження завершувало коло закоханості» [3, с. 119 – 120], однак у творах висловлюється думка про те, що шлюб може й не бути обов'язковою «вершиною кохання»: *Мене потрібно любити. / А там треба тільки женитись. Ото женився — і все.* [4, с. 47]; *...щоб одну кохати, а другу в церкву до вінця вести!* [4, с. 65]; *Та дівчина, яка мене любила / Якої полюбити я не вмів / (Любив покірність вечорову тіла / І непокору гостролезу брів)...* [7, с. 88]. Крім того, коханням як виявом найвищих почуттів умотивовано й виправдано дошлюбну статеву близькість: *І то була любов, а не розпуста* [5, с. 15].

Амбівалентність концепту експлікована через зв'язки з іншими концептами, що перебувають між собою в опозиційних стосунках: *щастя — нещастя, радість — печаль, доля — недоля, помста — прощення, злочин — діло неосудне, омана — прозріння*, а також проявляється в характеристиці кохання: *перше — останнє, взаємне — невзаємне, ніч — світло денне*, кінцевого «результату» почуття: *... чи біля Тебе душу відморожу — чи біля тебе полум'ям згорю тощо.*

Одним із засобів образної вербалізації художнього концепту виступає також метафора. В аналізованих поетичних творах репрезентовано такі основні метафоричні моделі: а) кохання — жива істота: *Моя любов чолом сягала неба, а Гриць ходив ногами по землі* [4, с. 42]; б) кохання — нежива істота (вогонь): *... моя любов ...вже скоро душу випалить мені* [4, с. 44], *...і згаснути в любові цій великій...* [7, с. 366]; в) кохання — абстрактне поняття: *За мною тінь твоя повсюдно крочить, / В печаль мою печаль твоя кричить...* [7, с. 366].

Отже, у поетичному дискурсі концепт КОХАННЯ виступає складною національно-культурною й індивідуально-авторською домінантою. Художній концепт репрезентує уявлення, емоції, почуття автора, тобто визначає специфіку авторського світобачення в етнокультурному контексті.

Перспективу дослідження визначаємо в подальшому осмисленні й описанні особливостей вербалізації морально-етичної концептосфери в сучасному поетичному дискурсі.

Литература

1. Аскольдов С. А. Концепт і слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антологія. — М.: Academia, 1997. — С. 267 – 279.
2. Діденко С. В. Психологія сексуальності: підручник / С. В. Діденко, О. С. Козлова. — К.: Академвидав, 2009. — 304 с.
3. Кононенко В. І. Концепти українського дискурсу: [монографія] / В. І. Кононенко. — Київ — Івано-Франківськ: Плай, 2004. — 248 с.
4. Костенко Ліна. Ідея, упорядкування, інтерпретація творів Григорія Ключека: [навчальний посібник-хрестоматія] / Ліна Костенко. — Кіровоград: Степова Еллада, 1999. — 320 с.
5. Костенко Ліна. Поезія / Ліна Костенко, Олександр Олесь, Василь Симоненко; 2-е вид., доп. — К.: Наукова думка, 2000. — С. 7 – 184.
6. Маслова В. А. Поет и культура: концептосфера Марины Цветаевой: [учебное пособие] / В. А. Маслова. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 256 с.
7. Мойсієнко А. К. Вибране: Поезії і переклади / А. К. Мойсієнко. — К.: Фенікс, 2006. — 528 с.
8. Мойсієнко А. К. З Чернігівських садів: Нові сонети і верлібри / А. К. Мойсієнко — Умань: Софія, 2008. — 130 с.
9. Словник української мови: В 11т. — К.: Наукова думка, 1973. — Т. IV. — 840 с.
10. Широков В. А. До питання про системну концептографію Святого Письма / В. А. Широков, Л. Л. Шевченко // Мовознавство. — 2010. — №4 – 5. — С. 98 – 105.

Щербачук Л. Ф. Способы репрезентации художественного концепта КОХАННЯ в поэтическом дискурсе.

В статье проанализированы особенности выражения концепта кохання в современном поэтическом дискурсе. Определено, что смысловая интерпретация концепта моделируется соответственными микроконтекстами.

Ключевые слова: поэтический дискурс, художественный концепт, кохання, этнокультура, коннотация.

Scherbachuk L. F. The ways of the art concept “LOVE” representation in poetic discourse.

The article considers the peculiarities of the concept “love” representation in poetic discourse. The semantic interpretation of the concept is determined to be made up by the corresponding microsystems.

Key words: poetic discourse, art concept, love, ethnoculture, connotation.

Статья поступила в редакцию 21 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 317–323.

Раздел 4.

ОПИСАНИЕ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА В СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ

УДК 81'246.3'374+003.083

ОСОБЕННОСТИ ДЕЗАББРЕВИАЦИИ ИСКОННЫХ И ЗАИМСТВОВАННЫХ АББРЕВИАТУР В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л. А. Баранова

*Крымский государственный медицинский университет
им. С. И. Георгиевского, г. Симферополь*

На материале аббревиатур иноязычного происхождения в статье рассматриваются особенности дезаббревиации исконных и заимствованных аббревиатур в современном русском языке.

Ключевые слова: аббревиатуры иноязычного происхождения, дезаббревиация.

Постановка проблемы. Аббревиация как одно из характерных явлений языка новейшего времени привлекает пристальное внимание исследователей. В современной лингвистике широко представлены работы, посвящённые различным аспектам образования и функционирования аббревиатур как в русском, так и в других языках. Однако изучение противоположного явления — дезаббревиации — началось сравнительно недавно и проводилось, как правило, на материале одного языка (преимущественно, русского).

Цель данной работы заключается в исследовании механизмов действия дезаббревиации на стыке языков, **задачи** работы — анализ особенностей их проявления на материале аббревиатур иноязычного происхождения в современном русском языке.

Анализ литературы. Дефиниции термина *дезаббревиация*, введённого в научный оборот А. Ф. Журавлёвым [3], мы не найдём даже в новейших словарях лингвистических терминов, хотя в последние годы он достаточно активно используется в работах, посвящённых данной проблематике [3, 4, 5, 6, 7]. Как отмечает А. В. Зеленин [4, с. 80], а вслед за ним и другие авторы [5, 6, 7], А. Ф. Журавлёв впервые описал дезаббревиацию как языковой феномен. Следует отметить, что данное языковое явление под другими названиями неоднократно упоминалось также в работах других авторов (в том числе, более ранних), а для его наименования предлагались самые разнообразные варианты: *деаббревиация*, *коррелятив-*

ная аббревиация, создание новых шуточных коррелятов, условное раскодирование, ложные расшифровки, переинтерпретация аббревиатур,okkaзиональная интерпретация аббревиатур, эвфемистически насмешливое раскрытие аббревиатуры, комическая расшифровка известных аббревиатур, игровая расшифровка общепринятых аббревиатур, создание шуточных омонимов к обычным аббревиатурам, аббревиатурная омонимия, употребляется также заимствованный из английского языка термин *бекронимы*. В нашем исследовании мы придерживаемся термина *дезаббревиация*, на наш взгляд, наиболее кратко и ёмко описывающего данное явление.

А. Ф. Журавлёвым была также впервые предложена типология деааббревиации. Но самый полный её анализ представлен в статье А. В. Зеленина «Деааббревиация в русском языке» [4], которая на сегодняшний день является наиболее глубоким базовым исследованием в данной области. Авторы более поздних работ [5, 6, 7] лишь повторяют основные положения, подкрепляя их собственным материалом.

Что же такое *дезаббревиация*? В трактовке А. В. Зеленина, это «декомпрессия, развёртывание аббревиатуры либо в исходное словосочетание, либо в новую языковую единицу с модифицированным сигнификатом» [4, с. 78]. Рассмотрим основные разряды и функции деааббревиации в сопоставлении исконных и заимствованных аббревиатур.

Простое раскодирование, экспликация развёрнутого прототипа аббревиатуры — *стилистическая* (в терминологии А. Ф. Журавлёва) или *регрессивная* (в терминологии А. В. Зеленина) *дезаббревиация* общеизвестных русских аббревиатур — широко используется в стилистических и прагматических целях в современном общественно-политическом дискурсе. «Последнее десятилетие XX в. демонстрирует активизацию такого способа деааббревиации в русском языке, причём в центре таких процессов чаще оказываются идеологически маркированные лексемы (идеологемы): (в советское время) *райком*, *обком* (партии, комсомола, профсоюза) > (в наши дни) *районный комитет*, *областной комитет* (по культуре и спорту, профсоюзов и т. п.), но *райком КППФ*. В современном языковом пространстве произошло прагматическое расщепление референта в связи с трансформацией денотата: старая стёршаяся аббревиатура прочно ассоциирована с советским строем, деааббревиатурная форма имеет цель обособиться, отстраниться от старой аббревиатурной советской номинации именно при помощи раскодирования, возвращения к аналитической синтаксической номинации (словосочетанию). Семантико-синтаксический механизм декомпрессии текста, выступающий в данном случае в своём конкретном преломлении — деааббревиации, — освежает внутреннюю форму аббревиатуры, соотносённой с каким-либо понятием, дискредитированным в общественном сознании, в политической и социальной практике» [4, с. 85].

Наблюдения показывают, что регрессивная деааббревиация широко используется в дискурсе СМИ также в отношении заимствованных аббревиатур, выполняя при этом уже иные прагматические задачи. Как известно, обилие иноязычных аббревиатур (в том числе, графически не освоенных), ставшее результатом процесса

глобализации мирового информационного пространства, является одним из наиболее характерных признаков языка современных СМИ. Однако далеко не всегда значения таких аббревиатур (как и мотивирующие их исходные словосочетания) известны и понятны русскому читателю. Именно непрозрачность внутренней формы, которая влечёт за собой непонимание аббревиатурных наименований конкретных реалий и связанного с ними контекста в целом, обуславливает во многих случаях необходимость сопровождения иноязычной аббревиатуры в тексте поясняющей её развёрнутой формой прототипа (в его исходном виде или в виде перевода), например: *ИКАО* (*Международная организация гражданской авиации*) *создана в Чикаго в 1944 г.* («2000», 2008, №22); *Рейтинг ФИЛА* (*Международной федерации борьбы*) *основан на результатах выступлений спортсменов на Олимпийских играх, чемпионатах мира, континентальных первенствах, финалах Гран-при* («2000», 2008, № 47); *В течение нескольких лет наши студенты имеют возможность участвовать в мировом чемпионате среди студентов-программистов, которые организует американская организация АСМ* (*Association for Computing Machinery*) («Крымская правда», 22.03.08); *Официально о создании ФИБА — Fédération Internationale de Boxe Amateur (FIBA) — было объявлено на Олимпийских играх в Антверпене* («Совершенно секретно», 2008, №08). Такое употребление дезаббревиации не обусловлено стилистическими задачами, оно выполняет скорее информационную функцию, функцию разъяснения, толкования неизвестной читателю аббревиатурной единицы в стилистически нейтральном контексте, поэтому применительно к аббревиатурным заимствованиям уместнее, на наш взгляд, говорить именно о *регрессивной*, а не *стилистической дезаббревиации*.

Но наиболее распространённым типом дезаббревиации является сознательно видоизменённая расшифровка мотивирующей аббревиатуру исходного словосочетания: «ложная расшифровка аббревиатур» (в классификации А. Ф. Журавлёва) или «людическая [от лат. *ludus* ‘игра’] дезаббревиация» (в классификации А. В. Зеленина). «При ложной дезаббревиации происходит столкновение, сопряжение в пределах одной фонетической или графической формы двух значений: общепринятого (официального) значения и вторичного, переосмысленного. Цель (функция) такой дезаббревиатуры — “занизить” высокий официальный ранг аббревиатуры, превратив её в смеховую “игрушку”. Таким образом, именно игровое начало является исходной посылкой такого типа аббревиации» [4, с. 86]. Подобное явление наблюдается и в других языках, о чём свидетельствуют, например, исследования О. А. Леонович, В. В. Борисова, выполненные на материале английского языка [2; 5].

А. В. Зеленин выделяет ряд тематических (идеографических) групп аббревиатур, испытывающих наибольшее влияние процессов игрового раскодирования в русском языке, в котором начало традиции игрового раскодирования аббревиатур было положено лишь в начале XX в. В английском языке, в котором шутивная расшифровка уже существующих аббревиатур имеет значительно более давние традиции, перечень идеографических групп дезаббревиатур, представленный в вышеуказанных исследованиях, лишь частично совпадает с таковым в русском языке.

Как правило, игровая дезаббревиация определённой аббревиатуры происходит в языке оригинала и редко переходит в язык-реципиент в процессе её заимствования. Одним из немногочисленных примеров заимствования дезаббревиатуры в русском языке может служить известное выражение *дядя Сэм*. Дезаббревиация сокращения *US* (United States — ‘Соединённые Штаты (Америки)’ > *Uncle Sam* — ‘дядя Сэм’) произошла в английском языке и в виде кальки была заимствована русским языком, в котором употребляется как ироническое наименование США: *Украина пока официально не определила своей позиции по Косово, однако мы очень сомневаемся в том, что Ющенко и Огрызко упустят случай сделать что-нибудь приятное дядюшке Сэму!* («Крымское время», 28.02.08). Также в виде кальки русским языком была заимствована из английского языка дезаббревиатура буквосочетания *SOS*, в строгом смысле слова не являющегося аббревиатурой и не имеющего мотивирующего его исходного словосочетания: «**SOS** Буквосочетание не является аббревиатурой, оно представляет собой буквенную запись радиосигнала бедствия (три точки — три тире — три точки), удобного для передачи азбукой Морзе, в которой он соответствовал буквам *SOS*. Буквосочетание подверглось псевдорасшифровке в английском языке и стало толковаться как инициальная аббревиатура от “*Save our ship!*” — ‘Спасите наш корабль!’ или “*Save our souls!*” — ‘Спасите наши души!’ (последний вариант был заимствован русским языком в виде семантической кальки)» [1, с. 279]. В большинстве же случаев игровая расшифровка не переходит в язык-реципиент вместе с заимствуемой аббревиатурой в процессе её освоения, остаётся «за кадром». В некоторых случаях в русском языке происходит вторичная дезаббревиация (не связанная с первичным её вариантом в языке оригинала аббревиатуры), которой подвергаются не буквенные компоненты иноязычной аббревиатуры (как правило, графически не освоенной русским языком), а их буквенные соответствия в русском языке. Так, заключительная страница газеты «Комсомольская правда» оформляется постоянным заголовком «**P. S.** — *Последняя страница*» (ср.: *P. S.* < *post scriptum* — ‘после написанного’). Дезаббревиация такого типа может послужить также основой шутки, анекдота: «*Анекдоты недели: D&G — это “Дольче и Габбана?” — Нет, это “Дорого и Глупо”*» («Вечерний город», 2.07.07). Обыгрывание названия известной компании построено на мнимой расшифровке русских буквенных соответствий нетранслитерированной аббревиатуры и использовании фоновых знаний о данной компании. Однако встречаются случаи неверного употребления данного приёма. Таково, например, название цикла передач на ТРК «Украина»: «**VIP** — *выгодно, интересно, престижно*» (Телепрограмма на 2.12.2005) — явно неудачная попытка языковой игры, когда компоненты известной аббревиатуры, широко употребляемой в русском языке в нетранслитерированной форме (*VIP* < *англ. Very Important Person* — ‘очень важная персона’), расшифровываются как их русские буквенные соответствия, хотя в данном контексте такая псевдорасшифровка аббревиатуры в её исходной графической форме ничем не мотивирована и её уместнее было бы употребить здесь в виде транслитерации **ВИП**.

Но чаще всего игровой расшифровке подвергаются аббревиатуры иноязычного происхождения, давно освоенные русским языком, широко известные в нём, по-

скольку стилистическая либо прагматическая цель языковой игры не может быть достигнута при отсутствии фоновых знаний о значении и прототипе конкретной аббревиатуры в языковом сознании читателя: «В сознании носителя языка одновременно наличествуют обе семантические формы аббревиатуры: исходная, прототипическая, послужившая базой семантического раскодирования, и новообразованная (со специальным игровым заданием и новообразованная, послужившая базой семантического раскодирования аббревиатур). Игровой элемент появляется именно благодаря фоновой отсылке к своему прототипу. <...> Людическая деаббревиация нацелена на игровую подмену денотата исходной аббревиатуры референтом с иными смысловыми границами и признаками, базирующимися на коннотативных (чаще всего иронических) элементах. Коннотативные признаки мотивируются, конечно, сетью отношений, связей референта с денотатом, существующих в сознании говорящих» [4, с. 94]. Некоторые из таких аббревиатур приведены в статье А. В. Зеленина в составе идеографических групп аббревиатур, испытывающих наибольшее влияние процессов игрового раскодирования в русском языке, наряду с исконно русскими аббревиатурами: **НАТО** (< *North Atlantic Treaty Organization*) — ‘военно-политический блок’ > “ништяк Америке, трындец остальным” или “национальный архив туркменской оппозиции”; **СПИД** — ‘синдром приобретённого иммунодефицита’ > “страшный подарок иностранного друга” [4, с. 86, 88]. В дискурсе СМИ окказиональная расшифровка общеизвестных аббревиатур иноязычного происхождения может быть обусловлена материалом и задачами определённой статьи, в широком контексте которой и реализуется игровой потенциал данного приёма: «Привет от Российской Обороны» («Аргументы и Факты в Украине», 2007, №24) — название статьи о предполагаемых ответных действиях России в случае размещения американской системы ПРО в Восточной Европе, где *ПРО* — калька с изменённой структурой словосочетания < англ. *ABM* < *antiballistic missile system* — ‘(система) противоракетной обороны’; «Высокопоставленные Истребители Природы» (название статьи об уничтожении редких животных высокопоставленными браконьерами): *Российские толстосумы и ВИПы тратят на охоту бешеные деньги и изводят редких животных* («Аргументы и Факты в Украине», 2007, №39), где *ВИП* — транслитерация < англ. *VIP* < *Very Important Person* — ‘очень важная персона’; *Избиратели в основной своей массе больны СПИДом — синдромом политического иммунодефицита. Это вам не ангина какая-нибудь. Электоральная наркомания. Зависимость от потребности слушать сказку о кисельных берегах и молочных реках.* («2000», 2009, №28), где *СПИД* — калька с изменённой структурой словосочетания < англ. *AIDS* < *Acquired ImmunoDeficiency Syndrome* — ‘синдром приобретённого иммунодефицита’.

Процессы деаббревиации одной и той же аббревиатуры могут также происходить одновременно и независимо друг от друга в разных языках. Так, немецкое название марки автомобиля **BMW** (сокр. < нем. *Bayerische Motoren Werke* — ‘Баварские моторные заводы’ — по названию немецкой фирмы-производителя) в английском языке (в котором игровой расшифровке подверглись названия практически всех популярных марок автомобилей) расшифровывается как *Big Money*

Works — ‘большие деньги работают’. В русском языке дезаббревиации подверглось название лишь этой иномарки, но при этом перечень вариантов его игровой расшифровки чрезвычайно обширен: *бандитская машина воров; боевая машина вояжков; без машины веселей; большое мужское вождение; быстрая машина вселенной; БезМерные Возможности; Будешь Молодым Всегда; Берегись, Мелюзга — Взлетаю; Будет Много Выпендрёжа* и др. [4, с. 88].

Следует отметить, что сознательно видоизменённая расшифровка аббревиатур не всегда носит игровой характер. В отдельных случаях она может быть обусловлена необходимостью изменения развёрнутого официального наименования при сохранении прежней общеизвестной аббревиатуры: *Руководство НАТО заинтересовано в изменении значения аббревиатуры «Североатлантический альянс» на «Новую АнтиТеррористическую Организацию». Об этом заявил представитель Управления по политическим вопросам и политике безопасности штаб-квартиры НАТО Газль Мулек* (<http://www.regnum.ru/news/531977.html>). В данном случае в отличие от окказиональной расшифровки предполагаемое официальное изменение сигнификата будет отражено также в языках-реципиентах.

В работах А. Ф. Журавлёва и А. В. Зеленина отмечается, что тип дезаббревиации с меной сигнификата может выполнять, кроме людической (игровой), криптолалическую функцию (функцию конспирации, сохранения тайного смысла, известного лишь узкому кругу посвящённых), в них приводятся примеры подобного употребления русских аббревиатур в определённых исторических обстоятельствах (отметим, что такие примеры немногочисленны и в русском языке). Что же касается аббревиатур иноязычного происхождения, то, как показывают наблюдения, данная функция для них нехарактерна: нами не зафиксировано ни одного случая употребления в русском языке иноязычной по происхождению аббревиатуры в криптолалической функции. Даже аббревиатуры, выполнявшие такую функцию в языке оригинала, в процессе заимствования другим языком утрачивают её, что произошло, например, со словом *мафия*: «Транскрипция < итал. слова *mafia*, которое, по одной из версий его происхождения, в исходной форме представляло собой аббревиатуру — инициальное сокращение лозунга восстания 1282 г. в Сицилии «*Morte Alla Francia — Italia Anela!*» — ‘Смерть французам, взывает Италия’, служившее паролем для его участников. Со временем сокращение лексикализовалось, а смысловая связь с его исходным значением была утрачена, само же слово сохранилось в итальянском языке, но уже с иным значением, с которым оно и было заимствовано другими языками, включая русский» [1, с. 70 – 71].

Проделанный анализ приводит к **выводу**, что механизмы дезаббревиации на стыке языков имеют ряд специфических черт по сравнению с дезаббревиацией в языке оригинала. Их изучение и описание является одним из аспектов комплексного исследования аббревиатур иноязычного происхождения в современном русском языке.

Литература

1. Баранова Л. А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения / Л. А. Баранова. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. — 320 с.

2. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. — М.: Воениздат, 1972. — 320 с.
3. Журавлёв А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А. Ф. Журавлёв // Способы номинации в современном русском языке. — М., 1982. — С. 45 – 109.
4. Зеленин А. В. Дезаббревиация в русском языке / А. В. Зеленин // Вопросы языкознания. — 2005. — № 1. — С. 78 – 97.
5. Леонович О. А. Дезаббревиация в английском языке / О. А. Леонович // Иностранные языки в школе. — 2007. — № 8. — С. 71 – 74.
6. Светличная Н. О. Аббревиация и дезаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Н. О. Светличная. — Ростов-на-Дону, 2009. — 155 с.
7. Стахеева А. В. Аббревиация: словопроизводство и словотворчество (на материале русского языка конца XX – начала XXI века): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / А. В. Стахеева. — Ростов-на-Дону, 2008. — 24 с.

Баранова Л. А. Особливості дезабревіації споконвічних і запозичених абревіатур у сучасній російській мові.

На матеріалі абревіатур іншомовного походження у статті розглядаються особливості дезабревіації споконвічних і запозичених абревіатур у сучасній російській мові.

Ключові слова: абревіатури іншомовного походження, дезабревіація.

Baranova L. A. Some distinctive features of disabbreviation of native and loan abbreviations in modern russian language.

Some distinctive features of disabbreviation of native and loan abbreviations are analyzed in the article on the basis of abbreviations by foreign origin.

Key words: abbreviations by foreign origin, disabbreviation.

Статья поступила в редакцию 29 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 324 – 331.

УДК 811.161

АНГЛИЙСКИЙ ЛИНГВА ФРАНКА — ЗА И ПРОТИВ

Д. С. Бородина

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье обсуждается проблема статуса английского, используемого в качестве универсального языка межнационального общения. Описывается эксперимент по оценке понимания в коммуникации на английском лингва франка, проведенный с иностранными студентами Южно-датского университета. Устанавливаются внутригрупповые и межгрупповые различия.

Ключевые слова: глобальный английский язык, лингва франка, коммуникативная компетенция.

Постановка проблемы. Одним из важнейших аспектов процесса современной глобализации является наблюдаемое на протяжении жизни одного поколения распространение английского языка (АЯ) в качестве универсального международного языка-посредника.

По мнению британского исследователя Д. Грэддола, перспективы развития глобального английского языка предопределяются сложным переплетением противоборствующих тенденций глобализации и регионализма, которые характеризуются следующими факторами:

- 1) количество людей, изучающих АЯ во всем мире, возрастает и через 10 – 15 лет может достигнуть 2 млрд;
- 2) АЯ как второй иностранный язык, универсальный инструмент общения больше не является принадлежностью национальных элит, дающей им экономические и социально-политические преимущества;
- 3) изменения в системе преподавания английского как иностранного языка не только отвечают требованиям глобального рынка труда, но и обозначают отход от традиционных функциональных моделей распределения вариантов АЯ [11];
- 4) нормы носителей АЯ перестают выполнять целеполагающую роль языкового стандарта для его пользователей-неносителей [9, с. 13 – 15].

Плюрицентричный характер АЯ на современном этапе проявляется в существовании различных национальных и региональных вариантов, приспособленных функционировать в новых социально-культурных условиях в том или ином регионе [3, с. 76]. Различные варианты языка, соответственно, предполагают существование нескольких видов нормативных моделей, отражающих и различные уровни включения местных носителей в англоязычное сообщество — от полного вытеснения английского языка из сферы общественной жизни до параллельного использова-

ния английского и местного языка (языков) и последующего укрепления позиций английского языка [6, с. 157 – 162].

Актуальность исследования плюрицентричного английского языка основана на осознании того, что современный мир вступил в эпоху глобального англо-национального билингвизма, в рамках которого знание английского + родного языка становится нормой [4, с. 86]. В условиях глобального многоязычия сочетание АЯ с национальным языком представляет собой тот тип билингвизма, при котором говорящим нет необходимости использовать языковые и культурные нормы носителей АЯ, поскольку их речевая деятельность в большинстве ситуаций происходит вне контекста англоязычных стран.

Анализ литературы. Как утверждает Б. Качру, на международном уровне говорящие на АЯ делятся на тех, для кого он является родным и используется почти во всех функциях; тех, для кого язык не является родным, но выступает в качестве институционального (*institutionalized*) второго языка, и тех, для кого язык не является родным, но выступает как деятельностный (*performance / performative*) вариант в наборе ограниченных коммуникативных ситуаций [11, с. 48]. Такое деление отвечает тезису С. Г. Тер-Минасовой о том, что в глобальном масштабе английский язык отражает несколько типов картин мира: первичную — через родной язык, вторичную — через иностранный язык, с изучением которого человек аккумулирует информацию о культуре нового для него изучаемого языка, и третичную или опосредованную — через язык-посредник, получая информацию о третьих странах. [7, с. 41].

Характерной особенностью современного периода формирования АЯ международного общения В. В. Кабакчи считает тот факт, что в его создании все более активное участие принимают вторая и третья группы говорящих на английском языке [5, с. 26]. По мнению ряда авторов, существование и функционирование АЯ в местных условиях приводит к развитию в нем характерных различительных и устойчивых черт, совокупность которых может осознаваться и поддерживаться кругом говорящих на нем людей. Соответственно, состояние вариативности в этих условиях нуждается в отдельной терминологической интерпретации [1, с. 96; 2, с. 68; 8, с. 104].

Согласно Б. Качру, одна из определяющих характеристик каждого нового варианта АЯ — это нативизация языка, т. е. процесс ассимиляции языка в культуре и обществе. Другими словами, язык «впитывает» культуру нового окружения и выражает себя в виде четкой новой системы, реализующейся такими лингвистическими чертами, как грамматика, лексика и фонетика. Каждая новая языковая модель может быть признана в случае соответствия трем критериям — понятности, уместности и эффективности общения (*intelligibility, appropriateness and effectiveness*) [12, с. 91] — с учетом всех инноваций, т. е. отклонений, встречающихся в речи не отдельных носителей, а целого социума. Они принимают системный характер, сигнализируя об институционализированной разновидности языка, и служат лингвистическим показателем региональной разновидности языка [3, с. 76]. Инновации (фонетические, грамматические, лексические и стилистические) — со-

ставная часть своеобразия региональных вариантов — существуют в форме заимствований из местного языка, калек, переведенных единиц и «смешения» элементов английского и местного языка [12, с. 28]. Подобные формы локальны, они выполняют коммуникативную функцию в конкретных регионах.

На наш взгляд, остается нерешенной важная часть общей проблемы статуса новых вариантов глобального английского языка, поскольку практически все исследователи идентифицируют локальные (национальные и региональные) варианты в трех аспектах — территориальном, языковом и культурном, т. е. по критерию географической локализации, по характерным отклонениям от исходного (британского) языкового стандарта, по отраженным в данном варианте АЯ специфическим культурным реалиям данного региона. Встает вопрос, насколько продуктивна опора на эти критерии при описании интернационального варианта АЯ, используемого в международной коммуникации, проблема статуса и структуры которого ждет своего решения.

Цель настоящей статьи — доказать, что критерии оценки коммуникативной компетенции людей, говорящих на английском лингва франка (АЛФ), имеют свою специфику и требуют учета различных факторов.

В качестве рабочего определения примем формулировку Дж. Дженкинс: АЛФ — это вариант АЯ, используемый в англоязычной коммуникации, участники которой принадлежат к различным языковым сообществам (ELF is a way of referring to communication in English between speakers who have different first languages [10, с. 5]). Добавим, что АЛФ служит контактным языком коммуникации между людьми, не имеющими общности родного языка и национальной культуры, для которых АЯ является дополнительным языком.

Для того чтобы составить представление об эффективности такого рода англоязычной коммуникации с позиции ее участников, был проведен пилотный эксперимент по методике, предложенной Дж. Дженкинс [10, с. 27 – 33]. Эксперимент проводился в Южно-датском университете (г. Оденсе, Дания), в котором обучаются студенты из стран Европы, Азии, Африки, и АЯ является инструментом интернациональной коммуникации. Для опроса были выбраны 20 иностранных студентов (exchange and guest students), записавшихся на курс Business, Language and Culture, из Германии (2), Греции (1), Италии (1), Нидерландов (1), Польши (1), России (2), Румынии (1), Сербии (1), Китая, Гонконга (2), Ливана (1), Малайзии (1), Пакистана (1), Палестины (2), Турции (2), Японии (1). По поручению автора статьи процедуру опроса осуществляла Л. Ван дер Бург в период 5 – 10 сентября 2010 г.

Студентам было предложено выполнить 4 задания:

1. While communicating with your fellow-students and professors you can hear different English accents. Point out a) native, b) ‘near-native’ English accents and c) non-‘near-native’ English accents.

Разговаривая со студентами и преподавателями по-английски, вы сталкиваетесь с разными типами произношения. Укажите, как вы воспринимаете:

а) произношение носителя языка;

б) произношение, близкое к нормам носителя языка;

в) произношение, далекое от норм носителя языка.

2. Would you prefer your English accent:

a) to show your national identity;

b) to be like a native speaker's accent?

Предпочитаете ли вы, чтобы ваше произношение отличалось национальной идентичностью или приближалось к произношению носителя языка?

3. Do you have any difficulty understanding your professors? (yes / no / often / sometimes) Do you have any difficulty understanding your fellow students from other countries? (yes / no / often / sometimes)

Испытываете ли вы какие-либо трудности в понимании английской речи ваших преподавателей? (да / нет / часто / иногда), студентов из других стран? (да / нет / часто / иногда)

4. Do you think there should be one standard (British / American) model for international English or it should be free to have its own standards?

Как вы думаете, должна ли быть одна стандартная (британская / американская) модель для международного английского языка или он может иметь свои собственные стандарты?

Обсуждение эксперимента. Первое задание сопровождалось списком, из которого информант мог выбрать соответствующие характеристики.

1. Authentic, beautiful, classical, clear, easy to understand, elegant, lovely to listen to, model, mother-tongue, native, normal, original, perfect, perfectly understood, proper, traditional. Так характеризовалось произношение англоязычных преподавателей, студенток из Великобритании и студента из Ирландии.

2. Произношение, близкое к нормам носителей языка, определялось такими словами и словосочетаниями, как almost mother-tongue, American-like, British English-like, clear, definitely American, like a British person's, like a native speaker's, mother-tongue like, nice RP, proper, quite natural, well-mastered. Эти качества отмечены в произношении датских, нидерландских, польских, турецких студентов.

Акцент, далекий от стандартных норм английского произношения, был подмечен в речи студентов из Германии, России и стран Азии. Например, о произношении малайца: choppy, incomprehensible, quarrel-like; о произношении студента из Германии: far away from standard, flat, shrill; о произношении русских студентов: aggressive, harsh, unfriendly; о произношении японской студентки: difficult to understand, imprecise, scrambled.

Ответы на второе задание свидетельствуют, что практически все опрошиваемые признают, что их обучение проходило на основе норм стандартного английского языка, но предпочитают сохранять национальную идентичность, т. е. приближенность к произношению носителя языка (near-native accent) не является для них каким-либо дополнительным достоинством. Вот некоторые выдержки из опросных листов:

— I think that I have some problems but I don't have to speak like American or British;

— Non-native accent it's good, it's accepted as far as intelligibility exists;

- I'm happy with my English, I'm proud of my English;
- I know that I don't need to speak like a British person;
- I don't want to be what I am not. I want to keep my identity;
- I have my own culture. My original roots are Greek;
- I think my own accent is OK because first of all I am Chinese;
- I'm aiming at native-like but I'm a Pakistani.

Что касается третьего задания, опрашиваемые не испытывают трудностей в понимании стандартной английской речи преподавателей. Но ответы на вопрос о понимании английской речи студентов из других стран показали значительные расхождения. Во-первых, ответов «да / нет» вообще не было, т. е. все они владеют языком на достаточно высоком уровне, но диапазон акцентов слишком разнообразен, чтобы исключить все помехи для понимания. Во-вторых, показательно, что внутри группы европейских студентов, как и внутри группы азиатских студентов, уровень понимания значительно выше, чем между группами.

Таблица 1. Трудности понимания английской речи в коммуникации между европейскими и азиатскими студентами

№	Страна прибытия	Европейские студенты		Азиатские студенты		Страна прибытия	Европейские студенты		Азиатские студенты	
		час-то	ред-ко	час-то	ред-ко		час-то	ред-ко	час-то	ред-ко
1	Германия 1		+		+	Китай 1	+			
2	Германия 2		+		+	Китай 2	+		+	
3	Греция		+	+		Ливан		+	+	+
4	Италия		+		+	Малайзия		+	+	
5	Нидерланды				+	Пакистан	+			
6	Польша				+	Палестина 1		+	+	
7	Россия 1	+				Палестина 2	+			+
8	Россия 2		+			Турция 1		+	+	
9	Румыния		+			Турция 2		+	+	+
10	Сербия	+				Япония	+			+

Таблица 1 дает представление о языковой компетенции студентов. Мы наблюдаем четыре уровня в европейской группе: высокий (5,6), средний А (1, 2, 4), средний Б (3, 8, 9) и низкий (7, 10). В азиатской группе — высокий (4, 6, 8), средний А (1, 2, 5), средний Б (3, 9), низкий (7, 10).

В целом, европейцы чаще встречаются с трудностями понимания английской речи выходцев из стран Азии, чем с собратьями по континенту, и наоборот. Исключение составляют студентка из России (7) и студент из Сербии (10), видимо, подготовленные слабо. Интересно отметить, что ливанец, постоянно проживающий в Бельгии, и турок, постоянно проживающий в Германии, дают такие

же показатели коммуникативной компетенции, что и европейцы под номерами 3, 8, 9.

В ответах на четвертое задание наблюдалось согласие относительно того, что должна быть одна стандартная (британская) модель для международного английского языка. Например:

— I was taught RP, I don't know what else, here we are all trying to talk RP.

— I know it's international English, it's universal but there should be one model, I guess it's British English.

— We should treat it (British English) as a model, which is international and which is understood by everybody.

Из этих высказываний ясно, что представление о стандартной (британской) модели как традиционной цели обучения АЯ глубоко укоренилось в сознании как обучаемых, так и их учителей. Это подтверждается также мнениями специалистов в области АЯ. Так, польский лингвист Й. Шпыра-Козловска заявляет: «Я не хочу изучать некую упрощенную версию АЯ. Я хочу знать этот язык во всем его богатстве и красоте». Преподаватель АЯ из Франции М. Були пишет: «Мы можем признать, что неноситель языка делает ошибки, но было бы глупо собирать все эти типы ошибок воедино, чтобы создать какой-то новый лингва франка. Иностранцы, изучающие АЯ, не хотят учить испанский АЯ или европейский АЯ, или мировой АЯ. Они хотят учить настоящий АЯ, даже если знают, что никогда не достигнут совершенства». Немецкий лингвист М. Герлах утверждает: «Потребность в АЯ будет возрастать, и, соответственно, все больше людей будут усваивать ломаные, ущербные формы АЯ, которые позволяют выполнять ограниченные коммуникативные функции, однако, такой несовершенный язык никогда не сможет стать основой языковой нормы» (Цит. по [10, с. 19 – 20]).

В дискуссии о международном английском лингва франка мы присоединяемся к позиции Дж. Дженкинс, которая следующим образом суммирует основные заблуждения его противников:

- 1) лингва франка — это урезанный и упрощенный вариант АЯ;
- 2) он способствует появлению ошибок и отклонений от нормы;
- 3) это модель для подражания и является единым, монолитным вариантом;
- 4) лингва франка предписывается для всех, изучающих АЯ, поэтому лишает их возможности выбора [10, с. 20].

Описанный в статье пилотный эксперимент позволяет сделать выводы, свидетельствующие против указанных выше положений.

Выводы. Тот факт, что внутригрупповой уровень понимания значительно выше, чем уровень понимания между группами, позволяет предположить о существовании определенных различий между вариантами интернационального АЯ в европейском и азиатском регионах. Косвенным подтверждением этого предположения является и то, что студенты азиатского происхождения, постоянно проживающие в Европе, пользуются европейским вариантом АЯ.

Английский лингва франка студентов не является единым и монолитным и, естественно, не предписывается как правильная модель, т. к. неким образом для

них остается стандартный АЯ, на основе норм которого они обучались языку. Но все они предпочитают сохранять свой акцент как показатель национальной идентичности, т. е. приближенность к произношению носителя языка не является для них необходимостью или достоинством.

Уровень англоязычной коммуникативной компетенции студентов позволяет им не испытывать трудностей в понимании стандартной английской речи, но диапазон акцентов слишком разнообразен, чтобы исключить все помехи для восприятия информации в межкультурном и межнациональном общении. Поэтому мы видим перспективу исследования в необходимости разграничения отклонений, обусловленных национально-культурной спецификой системных норм, составляющих основу английского лингва франка.

Литература

1. Домашнев А. И. Вопросы исследования плюрицентрического развития современного английского языка / А. И. Домашнев // *Res Linguistica: К 60-летию д. ф. н., проф. В. П. Нерознака*. — М.: Academia, 2000. — С. 90 – 97.
2. Иванкова Т. А. Инновации китайского варианта английского языка на лексическом уровне / Т. А. Иванкова // *Культурно-языковые контакты: сб. науч. тр.* — Вып. 11. — Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2008. — С. 67 – 72.
3. Ильина С. С. О некоторых грамматических особенностях сингапурского английского / С. С. Ильина // *Культурно-языковые контакты: сб. науч. тр.* — Вып. 11. — Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2008. — С. 72 – 81.
4. Кабакчи В. В. Английский язык межкультурного общения — новый аспект в преподавании английского языка / В. В. Кабакчи // *Иностранные языки в школе*. — 2000. — №6. — С. 84 – 89.
5. Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: [учебное пособие] / В. В. Кабакчи. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. — 232 с.
6. Семенец О. Е. Социальный контекст и языковое развитие: территориальная и языковая дифференциация АЯ в развивающихся странах / О. Е. Семенец. — К.: Вища школа, 1985. — 175 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык как зеркало культуры / С. Г. Тер-Минасова. — М.: МГУ, 1999. — 119 с.
8. Социальная лингвистика и общественная практика (Аспекты социокультурного варьирования полиэтничного английского языка) / Ю. А. Жлуктенко, Ю. А. Зацный, А. Д. Швейцер; Под ред. О. Е. Семенца. — К.: Вища школа, 1998. — 168 с.
9. Graddol D. *English Next* / D. Graddol. — London: British Council, 2006. — 128 p.
10. Jenkins J. *English as a Lingua Franca* [Электронный ресурс] / J. Jenkins // *JACET 47th Annual Convention*. — Waseda University, 11 – 13 September 2008. — Режим доступа: http://www.jacet.org/2008convention/JACET2008_keynote_jenkins.pdf.
11. Kachru B. *Models for Non-native Englishes* / B. B. Kachru // *The Other Tongue: English across Cultures* / Ed. by B. B. Kachru. — 2d ed. — Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1992. — P. 48 – 74.
12. Kachru B. *The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-Native Englishes* / B. B. Kachru. — Oxford: Pergamon Press, 1986. — 200 p.

Бородіна Д. С. Англійська лінгва франка – за і проти.

У статті обговорюється проблема статусу англійської, використовуваної у якості універсальної мови міжнаціонального спілкування. Описується експеримент з оцінювання розуміння в комунікації англійською лінгва франка, проведений з іноземними студентами Південно-данського університету. Встановлюються внутрішньогрупові та міжгрупові відмінності.

Ключові слова: глобальна англійська мова, лінгва франка, комунікативна компетенція.

Borodina D. S. English lingua franca – pro and contra.

The problem of the status of English as a universal language of international communication is discussed in the article. It is argued that English lingua franca is basically different from regional and / or national variants. A pilot experiment has been carried out to find how English lingua franca promotes comprehension in communication of international students at a Danish university.

Key words: global English, lingua franca, communicative competence.

Стаття поступила в редакцію 21 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 332 – 336.

УДК 811.161

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОДНОСЛОВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ТЕХНИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т. Н. Высоцкая

*Национальный горный университет,
г. Днепропетровск*

Рассмотрены способы образования однословных наименований технических артефактов в составе терминологии горнодобывающей промышленности; установлено, что в образовании моноксемных терминов задействованы в основном способы аффиксальной деривации, сложения, заимствования и лексико-семантический способ.

Ключевые слова: однословные термины, способы номинации, технический артефакт.

Постановка проблемы. В рамках когнитивной парадигмы внимание исследователей привлечено к выявлению мыслительной основы языковых структур и роли языка в процессе их речевой реализации. Изучение когнитивной сферы человеческого мышления становится новой задачей в исследовании процессов лексического наименования. Язык рассматривается как средство доступа ко всем когнитивным процессам человека, а сам изучается как когнитивный процесс, осуществляемый в коммуникации. В задачи номинации входит решение вопроса о том, какая часть знаний о явлении действительности, переработанная сознанием в виде концепта, получает отдельное наименование, т. е. «совокупность каких смыслов становится поводом для их объединения и подведения под определенную материальную последовательность — “крышу” (тело) знака» [4, с. 54]. В теории номинации общепринятым стал тот факт, что знание опережает номинацию, т. е. концепт объекта, выделение его в процессе осуществления определенной деятельности предвосхищает его конкретное обозначение.

Анализ литературы. Связь языка, мышления и действительности подчеркивалась еще в 70-х годах Г. В. Колшанским, который писал: «Сущность номинации заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека» [3, с. 12]. В результате объективации субъективной деятельности сознания полученное языковое обозначение становится достоянием говорящих на этом языке и, как отмечает Е. С. Кубрякова, позволяет соотнести тело знака со сложившейся структурой сознания [4].

Таким образом, номинация — это процесс обозначения концептуализируемой сущности, процесс познания. И от структуры именования во многом зависит «адекватность передачи информации, выраженной в языковой форме, что, в конеч-

ном итоге, определяет адекватное отражение в человеческом сознании материального мира» [3].

Пути номинации в русском языке в наиболее общем виде были намечены Д. Н. Шмелевым, который писал: «Для обозначения того или иного явления может быть или создано новое слово на базе уже имеющихся в языке лексических единиц и аффиксальных средств (префиксов и суффиксов), или заимствовано иноязычное слово, или образовано сложное, составное наименование, или же наконец, приспособлено слово, уже существующее в языке, которое в таком случае определенным образом видоизменяет свою семантику (а часто при этом и стилистическую окраску)» [7, с. 37].

Терминологическая номинация осуществляется в соответствии с общеязыковыми принципами. Ее специфика — в создании именовании особого рода — терминов. Термин имеет не лексическое значение, в основе которого лежит бытовое знание; за термином стоит концепт, в основе которого — знание научного плана. Таким образом, когда мы говорим о научной терминологии, мы имеем в виду, что социализируется научный концепт. В процессе наименования происходит закрепление за языковым знаком специального понятия, формирующегося в результате научно-практической деятельности людей. Неразрывное единство термина и обозначаемого им понятия создает базу для научного терминотворчества, понимание этого позволяет рассматривать термин как значащую единицу, которая отображает окружающий мир и одновременно является результатом и инструментом познавательной деятельности человека. Процесс терминотворчества коммуникативно обусловлен и происходит в соответствии с потребностями развивающейся науки.

Для создания номинативных единиц в сферах специальной коммуникации используются те же способы, с помощью которых создаются слова общелитературного языка. Однако механизмы языкового творчества при этом не являются абсолютно стихийными, т. к. из всех способов номинации при создании новых терминов более или менее сознательно отбираются те, которые успешно служат целям обозначения новых понятий, вновь открытых и вновь созданных предметов в специальных сферах.

Словарный состав русского языка пополнялся ранее и пополняется в наши дни преимущественно путем развития деривации. Огромное количество новых слов разнообразного строения и семантики, отражающих все стороны жизни народа, иллюстрирует, как именно действует словообразовательный механизм языка в этот период, какие классы производных слов пополняются наиболее активно, а какие обнаруживают пассивность [2, с. 26].

Цель данной статьи — выявление способов создания однословных наименований технических артефактов горной промышленности.

Поставленная цель предопределила основную **задачу** нашего исследования — установить, какие способы и в какой степени задействованы в образовании моноксемных терминов горной промышленности.

Значение словообразования в таких языках, как русский, трудно переоценить. Н. М. Шанский отмечал, что «без словообразования язык не мог бы иметь словар-

ного состава (на каждом новом этапе своего развития все больший), который соответствовал бы развитию общества» [6, с. 253].

Номинация в области горной промышленности осуществляется в результате отражения производственной практики человека, специальной сферы и общенаучной.

Необходимо особо подчеркнуть, что терминологическая номинация — это вторичная номинация, в процессе которой используется фонетический облик уже существующей единицы в качестве имени для обозначения новой, а также в виде новых дериватов на основе уже существующих морфем. Исследование способов и самого процесса номинации позволяет понять, как происходит выделение и закрепление языковым знаком осмысленного, какие структуры знания объективируются знаком, каким образом концептуализируется информация в процессе речемыслительной деятельности человека.

Как известно, однословные (моноксемные) термины являются, наряду с многословными, обязательной принадлежностью терминологии любой области знания [1, с. 121]. Они составляют ядро любой терминологической системы, функционируя как в качестве самостоятельных, автономных единиц, так и в качестве опорных компонентов многочисленных составных наименований. Многочисленные исследования специальной лексики свидетельствуют о том, что в разных сферах специальной коммуникации находят применение все способы номинации, действующие в общезыковой системе.

Своеобразие терминологической номинации, характеризующей разные сферы специальной коммуникации, обуславливается преобладанием одних способов номинации над другими, их тяготением к той или иной понятийной сфере, связью определенных типов номинации с различными участками языковой действительности [5, с. 316]. Наше исследование в определенной мере направлено на подтверждение или опровержение данного положения.

Однословные наименования технических артефактов горной промышленности составляют чуть более трети всего проанализированного нами корпуса (342 термина из 1017), или 34%. В свою очередь, большинство из них вошли в терминосистему наименований артефактов горной промышленности как готовые языковые единицы: заимствования или семантические дериваты, составив в совокупности 111 и 108 единиц соответственно.

Иноязычными по происхождению являются термины, пришедшие в основном из западноевропейских языков: немецкого (*анкер, болт, борт, демпфер, кайло, клапан, копер, кран, кронштейн, планшайба, цапфа, шайба, шибер, шнек, шпindelь, штанга, шток* и др.), английского (*бар* («элемент врубовой машины»), *буфер, газгольдер, ниппель, плунжер, скип, скрепер, трак, трактор, экскаватор* и др.), французского (*балансир, буссоль, вагонетка, манжет, манипулятор, реборд, турель, ферма* и др.), голландского (*гак, домкрат, мачта, трос, шпора* и др.).

Часть терминов имеет греко-латинское происхождение (лат. *деклинатор, компрессор, лубрикатор, перфоратор, редуктор, ротор, стабилизатор* и др., греч. *диоптр, циклон, цилиндр* и др.).

Другие языки представлены одиночными заимствованиями: *арка* (ит.), *бадья* (перс.), *барабан* (тюрк.), *башмак* (тур.), *винт*, *шпонка* (польск.) и др. Следует отметить, что многие заимствования попали в терминологическую горного дела опосредованно, чаще всего из других терминосистем.

Часть однословных терминов, обозначающих технические артефакты исследуемой терминосферы, являются по происхождению общеупотребительными словами, реже — специальными обозначениями, непроизводными с точки зрения их образования: *бочка*, *веретено*, *втулка*, *гайка*, *долото*, *желоб*, *желонка*, *золотник*, *канат*, *каретка*, *клеть*, *ковш*, *kozyрёк*, *колесо*, *коромысло*, *крюк*, *нож*, *рама*, *ша рошка*, *штырь* и др.

Ещё одним активным способом терминологической номинации является семантическая деривация, с помощью которой образовано 50 однословных номинативных единиц: *барашки*, *венец*, *вилка*, *гнездо*, *головка*, *гусеницы*, *звезда*, *зуб*, *зубки*, *зубья*, *канавка*, *колпак*, *коронка*, *костыль*, *лапа*, *ленивец*, *лобовина*, *лопата*, *палец*, *песочница*, *перо*, *пика*, *пояс*, *пята*, *пятка*, *ручьи*, *салазки*, *сани*, *серьги*, *спинка*, *стакан*, *ствол*, *стол*, *сухарь* и др.

Морфологическая деривация, не столь актуальная для исследуемого пласта лексики, представлена аффиксацией и сложением.

Среди аффиксальных дериватов преобладают термины, созданные суффиксальным способом, включая нулевую суффиксацию (83 номинативные единицы): *бегун*, *вертлюг*, *верхняк*, *вкладыш*, *водило*, *горелка*, *державка*, *забурник*, *заглушка*, *наводка*, *переходник*, *ползун*, *расширитель*, *скальватель*, *тягач*, *захват*, *крепь* и др. Префиксально-суффиксальным способом образовано 6 номинативных единиц: *подлапник*, *подпятник*, *проушина*, *расштыбовщик*, *укосина*, а префиксальным — только две: *контргайка*, *полумуфта*.

Способом сложения образованы 32 термина: *автоподатчик*, *автосамосвал*, *буродержатель*, *водобой*, *гидрозажим*, *двунога*, *землесос*, *землечерпалка*, *пневмодвигатель*, *противовес*, *противоугол*, *пульповод*, *пылеотсос*, *пылеприёмник*, *самописец* и др.

Выводы. Проведенное исследование позволяет установить, что в образовании однолексемных терминов задействованы в основном способы аффиксальной деривации, сложения, заимствования и лексико-семантический способ. Ещё одной особенностью исследуемой номинативной подсистемы является то, что большинство монолексемных номинаций входят в нее как готовые языковые единицы: заимствования или семантические дериваты.

Литература

1. Гринев-Гриневи́ч С. В. Терминоведение / С. В. Гринёв-Гриневи́ч. — М.: Академия, 2008. — 304 с.
2. Демина Е. И. Новые наименования лиц в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.01 «русский язык» / Е. И. Демина. — Самара, 2004. — 215 с.
3. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г. В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 5 – 31.

4. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. — М.: Наука, 1978. — 115 с.
5. Пристайко Т. С. Номинация в сфере специальной коммуникации: дис. ... докт. филол. наук: специальность 10.02.01 «русский язык» / Т. С. Пристайко. — Днепропетровск, 1996. — 396 с.
6. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. — М.: Просвещение, 1972. — 327 с.
7. Шмелев Д. Н. Введение / Д. Н. Шмелев // Способы номинации в современном русском языке; отв. ред. Д. Н. Шмелев. — М.: Наука, 1982. — С. 3 – 44.

Висоцька Т. М. Способи утворення однослівних найменувань технічних артефактів гірничої промисловості в сучасній російській мові.

Розглянуто способи утворення найменувань технічних артефактів у складі термінологіки гірничо-видобувної промисловості; встановлено, що в утворенні монолексемних термінів задіяні, головним чином, способи афіксальної деривації, складання, запозичення та лексико-семантичний спосіб.

Ключові слова: однослівні терміни, способи номінації, технічний артефакт.

Vysotskaya T. N. The ways of mining technical artifacts nominations formation in the modern russian language.

The article examines the ways of mining artifacts formation; affix derivations, addition, borrowings, lexical and semantic way of nomination formation are found to be the main ways of mining artifacts formation.

Key words: one-word term, ways of nomination, technical artifact.

Статья поступила в редакцию 29 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 337 – 342.

УДК 811.161.2'373.72:81'23

**ФРАЗЕОЛОГІЧНА МІКРОСИСТЕМА
«СУЇЦИДАЛЬНА ПОВЕДІНКА ЛЮДИНИ»:
ПСИХОСЕМАНТИЧНИЙ АСПЕКТ**

Н. Ф. Грозян

*Кримський інженерно-педагогічний університет,
м. Сімферополь*

У статті досліджуються семантичні особливості фразеологічних одиниць, які позначають суїцидальну поведінку людини з урахуванням досягнень сучасної фразеологічної та психологічної наук.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, суїцидальна поведінка, вчинок, ситуація, мотивація, вузький контекст.

Підвищений інтерес до системного вивчення фразеології поставив перед дослідниками проблему ідеографічного описання фразеологічного складу мови [4, с. 60; 7, с. 9].

Мета статті — вирізнити з фразеологічного складу української мови групу фразеологічних одиниць (ФО), загальна семантична ознака яких має екстралінгвістичну природу (всі вони позначають суїцидальну поведінку людини) й описати семантичні особливості цих ФО із урахуванням досягнень сучасної фразеологічної та психологічної наук. Часом потрібною є праця дослідників, які належать до цілком віддалених ділянок людських знань, щоб зрештою представити явище в усій його загальності й системності. Фразеологічна ідеографія не є винятком. У психологічному словнику поняття *суїцид* (від англ. *suicide* — самогубство) тлумачиться як акт самогубства, який здійснюється людиною в стані сильного душевного розладнання чи під впливом психічного захворювання; свідомий акт усунення з життя під впливом гострих психотравмуючих ситуацій, при яких власне життя як вища цінність є несуттєвим для людини [8, с. 390]. Узавши за основу це визначення, ми ризикуємо або розмежовувати те, що слід розглядати в сукупності, або ж об'єднати низку несумісних фактів, унаслідок чого ми втратимо можливість, як зазначає французький вчений Еміль Дюркгайм, «правильно стверджувати про істинну спорідненість речей, а отже, й про їхню сукупність» [3, с.5]. Йдеться не про те, щоб із більшою чи меншою певністю визначити поняття, яке побутова свідомість «вкладає» в слово «самогубство», а «встановити категорію об'єктів, які вона й далі іменує цим словом, причому встановити об'єктивно, себто як таку, що відповідає усталеній природі речей» [3, с. 6]. Якщо вважати самогубство, стверджує Е. Дюркгайм, за свідомий і цілеспрямований акт, який потребує певного напруження фізичних сил, то «до такого ж результату може призвести й негативна манера поведінки або навіть абстиненція» [3, с. 6 – 7]. У науковій

літературі термін абстиненція (від лат. *abstinentia*, від *abstineo* — утримуюся) вживається у трьох значеннях:

1. Цілковите утримання від вживання спиртних напоїв, тютюну.
2. Статеве утримання.

3. Особливий психічний і фізичний стан, що виникає у алкоголіків та наркоманів після припинення вживання алкоголю або звичайного наркотику [9, с. 4].

Побутове мислення розглядає самогубство як самовбивчий акт, здійснений людиною, яка перебуває у відчаї й не хоче більше жити. Насправді ж, як показують дослідження психологів, якщо людина в цей момент «прив'язана» до життя, то їй не так легко його покинути [дет. про це див. 3. с. 8; 6, с. 569 – 573; 9]. Спільним для всіх форм самозречення є те, що акт самогубства здійснюється з цілковитим усвідомленням його наслідків. Проблема визначення категорії «суїцидальна поведінка людини» досі адекватно не розв'язана. У цьому складному питанні прийнятним, на наш погляд, є визначення французького вченого Еміля Дюркгайма: «Самогубством називається будь-який смертний випадок, який прямим чи непрямим чином походить від активного чи негативного акту, здійсненого самою жертвою, котра наперед знала про можливі наслідки свого вчинку. Спроба самогубства кваліфікується так само, різниця лише в тім, що самовбивчий акт припиняється перш ніж настає смерть» [3, с. 9].

Принагідно зауважимо, що попри загальне визнання у вітчизняній психології суїцидальної поведінки як агресивної [8, с. 10], у зарубіжній психологічній науці переважає думка, що суїцид не належить до агресії [2, с. 30].

Аналіз фразеологічного матеріалу дає підстави виділити в українській мові синонімічні ряди ФО на позначення суїцидальної поведінки людини зі значеннями:

а) **повіситися**: *повиснути на гілляці* [ФСУМ, с. 654]; *повиснути на вербі* [ФСУМ, с. 654]; *встромити голову в петлю* [ФСУМ, с. 155]; *на бантину* [ФСУМ, с. 17]; *петлю на шию* [ФСУМ, с. 625]; *хоч у петлю (у зашморг) лізь* [ФСУМ, с. 440] тощо;

б) **утопитися**: *піти (на дно) раків (раки) ловити* [ФСУМ, с. 643], *піти до жаб* [ФСУМ, с. 643]; *бульки (бульбаки) пускати/пустити* [ФСУМ, с. 718] тощо;

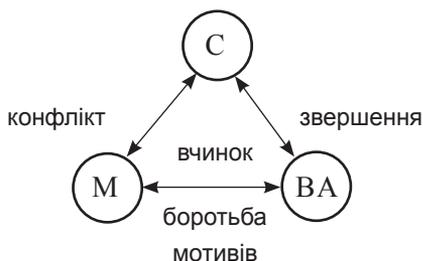
в) **застрелитися**: *пустити собі кулю в лоб (лоба, голову, в скроню)* [ФСУМ, с. 722] тощо;

г) **заподіювати собі смерть**: *накладати/накласти (наложити) на себе руки* [ФСУМ, с. 527]; *подіяти з собою* [ФСУМ, с. 659]; *полізти (рідко лізти) живцем (живим) у могилу, в яму* [ФСУМ, с. 669]; *позбутися голови* [ФСУМ, с. 662]; *позбутися життя* [ФСУМ, с. 662]; *покінчити з собою* [ФСУМ, с. 666]; *скрутити/скручувати собі в'язи* [ФСУМ, с. 822]; *ламати/зламати (скрутити) карк* [ФСУМ, с. 413]; *підіймати (підводити, зводити і т. ін.) / підняти (підійняти, підвести, звести і т. ін.) руку/руки* [ФСУМ, с. 636] тощо;

г) **гинути, вмирати, йти на смерть**: *проливати (лити, розливити)/пролити/розливати, розілляти) кров* [ФСУМ, с. 708]; *зложити (покласти) життя* [ФСУМ, с. 338] *віддати/віддавати життя* [ФСУМ, с. 119]; *накладати/накласти/наложити*

ти життям (душею, головою) [ФСУМ, с. 527]; *віддати (покласти)/віддавати (покладати) душу* [ФСУМ, с. 119]; *зрощувати (скроплювати, скропляти)/зростити (скропити) [власною (своєю)] кров'ю землю (шлях)* [ФСУМ, с. 346]; *поплатитися життям (головою)* [ФСУМ, с. 675]; *заплатити (діал. приплатити) життям* [ФСУМ, с. 315]; *ставати/стати до стінки* [ФСУМ, с. 856]; *зложити (покласти) голову* [ФСУМ, с. 338] тощо.

Досліджений матеріал засвідчує, що на позначення суїцидальної поведінки людини ФО передають: 1) **повний вчинковий акт (ВА)** 2) **неповний ВА**. При повному ВА діє закон внутрішнього визрівання вчинку (закон достатньої підстави) (дет. про це див. 6, с. 190). Ситуаційний конфлікт переходить у мотиваційну амбівалентність, а потім у ВА:

С — ситуація
 М — мотивація
 ВА — вчинковий акт

Проілюструємо ці положення конкретними прикладами:

Я поки й віку, не збагну, як Нечипір Безхлібний міг у тридцять шостому році пустити собі кулю в скроню (Н. Тихий). ФО *пустити собі кулю в скроню* «застрелитися» [ФСУМ, с. 722] передає, що акт самогубства звершився, практична дія вчинку відбулася, причинний ланцюг замкнувся — Нечипір Безхлібний застрелився;

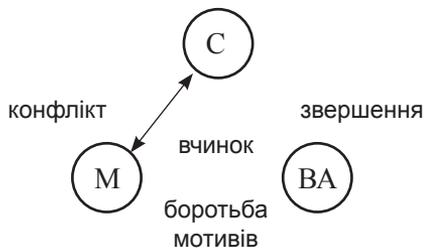
Дочко! Наталочко! — закричала мати. — Невже задумала руки на себе накласти!.. Та дочка не відгукувалась (С. Олійник). ФО *руки на себе накласти* «кінчати життя самогубством, заподіювати собі смерть» [ФСУМ, с. 527] передає, що ВА звершився, індивід вчинив акт самогубства;

Про М. Є.: одержав учора листа від доктора. М. Є. покінчив з собою пострілом з револьвера (В. Ленін). ФО *покінчив з собою* «позбавити себе життя, вчинити самогубство» [ФСУМ, с. 666] передає, що акт самогубства звершився, причинний ланцюг замкнувся — М. Є. застрелився тощо.

Здійснений аналіз дає підстави вважати, що повний ВА самогубства передається невеликою кількістю ФО (близько 15% від усього загалу ФО на позначення суїцидальної поведінки). Це дієслівні ФО, що в реченнях виконують синтаксичну функцію присудка.

Встановлено, що 85% дослідженого фразеологічного матеріалу на позначення суїцидальної поведінки передають неповний ВА. Закон внутрішнього визрівання вчинку діє не завжди. Жодний психічний акт не здійснюється, поки остаточно не

визріває його ситуативний момент. Наявність ситуації чи ситуатійного конфлікту, що тільки переходить у мотивацію, передається ФО:

Не скакати ж мені з оцієї кручі в море! — сказав Ломицький. — Скакайте, то пойму віри, — сказала Марта Кирилівна. — Але ж я *собі скручу в'язи!* крикнув Ломицький (Іван Нечуй-Левицький). ФО *собі скручу в'язи* «покалічитися або вбитися; загинути» [ФСУМ, с. 822] передає наявність ВА, а вузький контекст вказує на те, що ВА неповний, а фіксується лише наявність ситуації: далі знаходиться море, якщо Ломицький ступить, то заподіє собі смерть;

Нелегко без грошей. Саме легше петлю на шию або з мосту та в воду (А. Тесленко). ФО *петлю на шию* «повіситися» [ФСУМ, с. 625] передає наявність ВА, а вузький контекст вказує на те, що ВА неповний, а фіксується лише перший момент учинку — ситуація: неможливість існування без грошей;

Черниш думав про це. Справді, що понесло його в ті ворота, де він — дуже ймовірно — міг позбутися голови? (О. Гончар). ФО *позбутися голови* “загинути, вмерти” [ФСУМ, с. 662] передає наявність ВА, а вузький контекст вказує на те, що ВА неповний, а фіксується лише перший момент учинку — ситуація: Черниш пішов у ті ворота, де міг заподіяти собі смерть.

Загострення ситуатійного конфлікту, виникнення колізії (**колізія** від лат. *collisio*, від *collido* — стикаюся) — зіткнення протилежних сил, інтересів, прагнень [10, с. 277] переживаються людиною як амбівалентний стан, роздвоєність, як неможливість діяти, як перешкода, котру треба ліквідувати, “очиститися” від неї. Людина має тенденцію втручатися в ситуацію, доводити її до конфліктного стану, колізії, а потім — ліквідувати цей стан (закон *драматичного перебігу почуттів*) [6, с. 191].

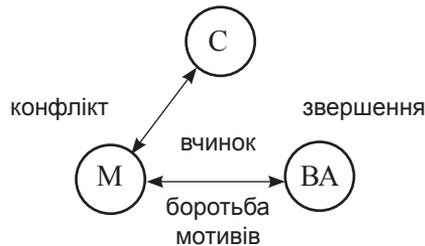
Чим більше загострюється ситуатійний конфлікт, тим інтенсивнішою стає емоційна реакція на нього й необхідність катарсису. У науковій літературі термін **катарсис** (від грец. *καθάρσις* букв. очищення) — це стан внутрішнього очищення, що настає після певних переживань та потрясінь [10, с. 260]. Очищення від амбівалентності, те чи інше її прикриття, усунення однієї з суперечливих сторін учинку становить суть катарсису (очищення).

Завершений катарсис властивий лише реальному вчинкові, який виступає радикальним засобом очищення людини від амбівалентних почуттів, що пригнічують. Правда, не кожним учинком і не повністю можна здійснити таке очищення. Але іншим шляхом його взагалі досягти неможливо [6, с. 292]. Катарсис здійснюється на основі мотиваційної сфери. Вона є продовженням розвитку ситуації, усвідомленням ситуатійних відношень. Мотивація, зрештою, лише

загострює ситуаційний конфлікт, у ньому самому відшуковуються механізм і шляхи його подолання, визначаються напрям і характер зміни ситуації. Мотиваційна амбівалентність посідає тепер місце ситуаційного конфлікту. Ні ситуативно, ні мотиваційно суперечності буття не знімаються. Вони тільки усвідомлюються. З цього приводу дослідження психологів показують, що «... завжди перед людиною залишається можливість діяти і так, і інакше. *Лише практична дія вчинку є замиканням причинового ланцюга*» [6, с. 191].

У міру розгортання мотивації в її складності, амбівалентності (роздвоєності) інколи вчинок самогубства як реальна дія затримується, і притупляється воля до його здійснення.

Мотивація ще не втратила для свідомості людини свій амбівалентний характер:

*Василю... Одумайся лиш краще. Пожалій і себе, і її (Мотрю). Вона всю ніч тільки про тебе і балакала. Тебе візьмуть – вона з собою що-небудь **подіє*** (Панас Мирний) (Мотря перебуває у стані амбівалентних почуттів: без Василя життя – не життя);

*Якби не Яковець, то, може, сама б, **жива** за ним (Петрусем) у могилу **полізла*** (П. Григоренко) (може і довелося б заподіяти собі смерть, коли б не було Яківця);

*Да, коли б от немов сталося — всі діти вимерли за одну ніч на всій землі... я б, мабуть, на ранок **пустив би собі кулю в голову*** (А. Головка) (вчинковий акт може і звершився б, а може і ні, коли б діти на всій землі вимерли за одну ніч);

— *Коли хочеш **позбутися життя**, то вийди з хати, — понуро перший відказав і змовк* (Леся Українка) (індивід може діяти і так, і інакше — рішення немає; вчинковий акт міг би відбутися при умові, якщо об'єкт вийшов би з хати);

— *Немає у мене ні хати, ні роду, Один, як берізка в тяжкую негodu, — **Хоч з мосту та в воду!*** (С. Яричевський) (індивід перебуває у стані амбівалентних почуттів).

ВА самогубства передається такими ФО: *подіяти з собою* «покінчити життя самогубством» [ФСУМ, с. 659]; *жива у могилу полізла* «заподіяти собі смерть, позбавити себе життя» [ФСУМ, с. 669]; *пустив собі кулю в голову* «застрелитися» [ФСУМ, с. 722]; *позбутися життя* «померти, загинути» [ФСУМ, с. 662] тощо, а вузький контекст вказує на те, що ВА неповний, фіксується лише другий момент вчинку – наявність мотивації.

Висновок. ФО слугують особливими мовними формами фіксації значень психологічних понять. Результати аналізу підтверджують, що українському менталітету не властива суїцидальна поведінка людини.

Аналіз ФО на позначення поведінки людини сприятиме подальшому лінгвістичному дослідженню фразеологічної ідеографії, виробленню загальної типології методів дослідження фразеологічних мікросистем у ідеографічному аспекті.

Перелік умовних скорочень

ФСУМ — Фразеологічний словник української мови: в 2 кн. — К.: Наукова думка, 1993 — Кн. 1 – 2.

Література

1. Алефіренко М. Ф. Теоретичні питання фразеології / М. Ф. Алефіренко. — Харків: Вища школа, 1987. — 134 с.
2. Бэрон Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. — С. — Петербург: Питер, 2000. — 352 с.
3. Дюркгайм Е. Самоубство / Е. Дюркгайм: [пер. з фр. Л. Кононович]. — К.: Основи, 1998. — 519 с.
4. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А. М. Эмирова. — Ташкент: ФАН, 1988. — 91 с.
5. Коломієць М. П. Словник фразеологічних синонімів / М. П. Коломієць, Є. С. Регушевський. — К.: Радянська школа, 1988. — 200 с.
6. Основи психології: [підручник] / за заг. ред. О. В. Киричука, В. А. Роменця. — 4-те вид., стереотип. — К.: Либідь, 1999. — 632 с.
7. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / Ю. Ф. Прадід. — К.; Сімферополь, 1997. — 252 с.
8. Психология: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — 2-е изд., исправл. и доп. — М.: Политиздат, 1990. — 494 с.
9. Психология суициду: [посібник] / за ред. В. П. Москальца. — К.: Академвидав, 2004. — 288 с.
10. Словник іншомовних слів / уклад.: С. М. Морозов, Л. М. Шкарапута. — К.: Наукова думка, 2000. — 662 с.

Грозян Н. Ф. Фразеологическая микросистема «суицидное поведение человека»: психосемантический аспект.

В статье исследуются семантические особенности фразеологических единиц, обозначающих суицидное поведение, с учётом достижений современной фразеологической и психологической наук.

Ключевые слова: фразеологическая единица, суицидное поведение, поступок, ситуация, мотивация, узкий контекст.

Grozyan N. F. Phraseological means of expressing suicidal behaviour of a person: psychosemantical aspects.

This article is devoted to investigating the semantic peculiarities of the phraseological units which denote suicide considering the achievements of modern phraseological and psychological sciences.

Key words: phraseological unit, suicidal behaviour, act, situation, motivation, narrow context.

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 343 – 350.

УДК 81'37

СЕМАНТИЧНА ЕВОЛЮЦІЯ ПРЕДИКАТНОЇ ЛЕКСИКИ В КОНТЕКСТІ МАГІЧНОЇ ПРАКТИКИ

М. В. Жуйкова

*Волинський національний університет ім. Лесі Українки,
м. Луцьк*

У статті розглянуто мовно-культурний механізм, на основі якого предикат **розв'язати** набув нового значення. Таким механізмом є функціонування цього слова в контексті ритуально-магічних формул (замовлянь) типу «Як робиться А, так хай робиться В», «Яким є А, таким хай буде В», що супроводжують магічний обряд.

Ключові слова: вторинна номінація, образна предикатна лексика, магічний обряд, замовляння.

Постановка проблеми. Обговорюючи механізми виникнення образної предикатної лексики східнослов'янських мов, не можна оминати увагою таку специфічну сферу архаїчної культури, як магія. Магія як вияв первісного світогляду і як конкретна практична діяльність була настільки важливим складником життя традиційного суспільства, що не могла не відіграти величезну роль у становленні мовних одиниць та формуванні їхньої семантики.

Дослідники мови давно звернули увагу на те, що магічна діяльність того чи того народу в її різноманітних формах і виявах (лиходійні обряди, любовна магія, ворожіння, а також прикмети, тлумачення снів тощо) знайшла відбиття у фразеологічних одиницях — ідіомах, клішованих формулах, ситуативних фраземах, приказках (див., наприклад, вирази *на бобах розводити, заговорити зуби, встати з лівої ноги, топтати ряс, собаку з'їсти, мов з гуски вода, з роси та з води!*; рос. *как в воду глядел, чудеса в решете, тупун тебе на язык!*; білорус. *араць дарогі, дарогу перасякерыць* та багато інших). Такі ідіоми створюють національний мовний колорит, відбивають деякі характерні особливості вірувань певного народу, хоча в цілому в їх основі лежить спільне для архаїчних традицій світоглядне начало. Ця ділянка фразеології викликає постійний інтерес у фразеологів, її дослідженню присвячено численні роботи, зокрема і монографічні (див. монографію білоруського дослідника В. Коваля [5]).

Міра розробленості проблеми. Зв'язки між сферою магії та лексичним фондом східнослов'янських мов залишаються практично недослідженими. Серед тих небагатьох лексем, генеза яких була розглянута саме під кутом зору зв'язків між семантикою та магічною практикою, можна назвати предикати *ворожити, насолити*, рос. *распоясаться, напустить* та його дериват *напускной, найти на кого (стих нашел)*¹. Подібні лексеми становлять інтерес не лише у плані мотивації і

¹ Два останні випадки було розглянуто В. В. Виноградовим, див. [3, с. 350 – 353, 663 – 665].

культурної зумовленості (зауважимо, що сам факт мотивації магичною практикою, як правило, встановити нескладно), а й в аспекті породження змісту, з огляду на ті мисленнєві процедури і психологічні механізми, які привели до формування нової мовної одиниці.

Мета статті полягає у виявленні шляхів семантичної еволюції українського образного предиката *розв'язати*, який, на нашу думку, зобов'язаний своїм семантичним розвитком вживанню в тексті замовлянь.

Серед найважливіших чинників, що спричинились до сенсотворення, назвемо дві загальні особливості світосприйняття і мислення архаїчної людини. Це, по-перше, висока міра синкретичності у сприйнятті явищ дійсності, тобто інтерпретація і кваліфікація деяких різних з погляду носія сучасної свідомості явищ як тотожних, еквівалентних, а не просто подібних чи аналогічних; по-друге, принцип партиципації, сутність якого полягає у наявності численних прихованих зв'язків між різноманітними елементами живого і неживого світу. Ці два базові принципи безпосереднім чином і в різних аспектах впливають на носія традиційної культури: вони зумовлюють його орієнтацію в світі, формують вірування, ритуали, обряди, регулюють його повсякденну поведінку. Саме на них ґрунтуються і магичні прийоми.

Дж. Фрезер в своїй знаменитій книзі «Золота гілка» так схарактеризував мислення носія традиційної культури: «Магічне мислення базується на двох принципах. Перший з них говорить: подібне породжує подібне, або наслідок схожий на свою причину. Згідно з другим принципом, речі, які лише раз були в контакті один з одним, продовжують взаємодіяти на відстані після припинення прямого контакту. Перший принцип може бути названо законом подібності, а другий — законом дотичності чи зараження. З першого принципу, а саме з закону подібності, чарівник робить висновок, що він може вчинити будь-яку бажану дію шляхом простого її наслідування. На основі другого принципу він вважає, що все те, що він робить з предметом, буде мати вплив і на особу, яка колись була з цим предметом в контакті (як частина його тіла чи інакше)» [7, с. 19]. Отже, носій традиційної культури вважає, що в нашому світі існує принципова можливість піддати будь-яку людину чи інший об'єкт дійсності позитивному чи негативному впливу, причому незалежно від того, знає про це певна особа чи ні. Надзвичайно поширеними у всіх народів прийомами магії є ті, в яких відбувається перенесення якогось атрибута з одного предмета на інший. Так, якщо у людини болять зуби, треба потерти їх кісткою з тіла покійника чи землею з могили, і вони перестануть боліти, оскільки у мертвих зуби не болять. Кістка або частина мертвого тіла можуть придатися, коли треба приспати людину: достатньо обвести її довкола предметом, дотичним до світу мертвих, щоб і ця людина заснула мертвим сном і нічого не чула. В обох випадках покійник осмислюється як носій ознаки «відсутність відчуттів», а контакт з ним забезпечує перенесення цього атрибута на живу людину. У всіх традиційних суспільствах існує величезна кількість подібних прийомів впливу.

Розвиток магії призвів до появи особливих магичних формул — замовлянь, тобто закінчених, достатньо сталих фольклорних форм, яким приписується над-

звичайна, надприродна сила впливу на явища дійсності. Збирання та вивчення східнослов'янських замовлянь розпочалося ще на початку XIX ст.; в російській науці замовляння особливо активно вивчали представники міфологічної школи (О. Потебня, О. Веселовський, О. Афанасьєв, М. Крушевський). Глибокий аналіз генези, функцій та структури замовлянь належить видатному російському фольклористу та етнографу початку XX ст. М. Ф. Познанському, який у своїй роботі «Замовляння. Спроба дослідження походження та розвитку заговорних формул» дав точне і вичерпне визначення цього фольклорного жанру. На його думку, «замовляння — це словесна формула, яка має репутацію достатнього та неспростовного засобу для досягнення певного результату, за умови дотримання всіх необхідних для цього приписів, засобу, протистояти якому не може ані закон природи, ані індивід, якщо тільки він не використовує з цією метою якісь чари» [6, с. 102]. Отже, сила замовляння криється в тому, що в нього беззастережно вірять.

У текстах замовлянь часто описуються всі ті дії, що відбуваються в магічному обряді. Первісно, як вважає М. Познанський, текст просто супроводжував обряд, служив його коментарем, але згодом саме тексту були приписані основні магічні властивості і він став самодостатнім засобом магічного впливу. «Слово народилося з обряду, потім розділило з ним магічну силу і, нарешті, привласнило її собі всю цілком» [6, с. 302]. Вторинна роль магічних текстів виявлялась в тому, що вони коментували обряд, дублюючи в слові те, що відбувалося з речами чи істотами. Це призвело до часткового чи повного витіснення обряду, його редукції і заміни дійства промовлянням магічних слів. Дотик чи іншу дію було замінено текстом, в якому описувалася ця дія, а сам текст поступово набув ознак сюжетності, розгорнувся в опис цілого дійства.

Для магічного мислення характерне ототожнення явищ дійсності — носіїв однакових атрибутів, причому релевантними стають саме спільні ознаки двох речей, а всі інші, що забезпечують відмінність між ними, відсуваються на другий план, а інколи цілком ігноруються. Така особливість сприйняття речей архаїчним мисленням створює сприятливі умови для перенесення одного найменування на іншу сферу, для називання одною лексевою явищ, які, з сучасного погляду, належать до різних аспектів буття. Передусім це стосується предикатної лексики, яка служить для кваліфікації об'єктів дійсності і виконує дескриптивну функцію.

Магічна практика як специфічна форма людської діяльності сприяє встановленню умоглядної тотожності між реаліями, бо саме в цій практиці виробляються механізми передачі певних атрибутів від одної речі до іншої. В такий спосіб слово, яким позначено цей атрибут, починає співвідноситися з новими реаліями, розширює сферу своєї референції і набуває внаслідок цього нових семантичних властивостей. Цей процес відмінний від того, що прийнято називати метафоризацією, оскільки він базується на усвідомленні єдності, взаємної пов'язаності різних речей, а не їх окремішності, незалежності одна від одної. Предикати, що описують основну дію магічного обряду, є ядром, смисловим центром замовляння, оскільки називають ту ознаку, яка в магічному обряді має бути перенесена з одного об'єкта дійсності на інший. Сам факт використання одного предиката для номінації двох

різних ситуацій для носія традиційної свідомості є ознакою їх ототожнення, осмислення як еквівалентних попри очевидні відмінності на рівні їх конкретних спостережувальних ознак.

Предикат *розв'язати* в сучасній українській мові має значення «знайти відповідь, вирішити щось (задачу, проблему, справу тощо)». План вираження цього предиката вказує на його зв'язок з дією «розв'язувати», яка спрямована на мотузки, нитки та ін., тобто полягає у розплутуванні чогось заплутаного. Такий зв'язок і насправді було встановлено, але не шляхом умоглядної процедури порівняння двох ситуацій («розв'язування задачі з математики уподібнюють до розплутування мотузки»), а шляхом декларування їх паралелізму, тотожності, яке відбувається через магічний обряд.

Обряди, які спричинилися до утворення нового значення слова *розв'язати*, були поширені на українських та білоруських етнічних теренах. Учасниками обряду (активними або пасивними) виступали діти, а метою обрядової дії було забезпечити дитині розвиток розумових здібностей та успіх в житті (в пізніших, редукованих, варіантах обряду — перевірити, чи в дитини є здатність до роботи і до навчання). У найпоширенішому варіанті обряду для цього використовувалась засушена пуповина, на якій при народженні дитини зав'язували вузол. Якщо дитина у певному віці (три-чотири або шість-сім років, залежно від локальних варіантів обряду) була спроможна розв'язати свою пуповину, це означало, що в неї «розв'яжеться розум» і вона буде легко вирішувати всі життєві проблеми. За даними з Поділля, зібраними на початку ХХ ст. етнографом Є. Грицаком, треба, «як отпаде пупчик дитини, то сховати і дати дитині розв'язати, як виросте. Як розв'яже, то буде щасливе, або, як це дівчина, буде вміти шити й гарно вишивати» [Гриц., с. 95]. На білоруських теренах вважалося, що внаслідок розв'язування пуповини дитина набуде кмітливості і особливо добру пам'ять, бо їй «развязываецца памяць» [Weg., s. 131]. Як свідчить етнолог П. Богатирьов, на Закарпатті вважалося, що спроможність дитини розв'язати пуповину (або мішечок, де вона зберігається) є ознакою здатності в майбутньому до будь-якої роботи і науки: «*І розв'яже собі мішок, і та єму ўся робота розв'яже ся ў руки*»; «*Як розв'яже тот пуп, тоту ўсяку роботу може розв'язати*» [2, с. 253]. Що більше, якщо мати вчасно не зав'яже пуповину і не дасть дитині її розв'язати, то така дитина буде «*дурна, як маржина*»². П. Богатирьов записав також оповідь про одну жінку, яка в ранньому віці змогла розв'язати свою пуповину і з того часу самостійно навчилася читати, писати та грати на скрипці, причому ніколи не ходила до школи. Їй достатньо було лише подивитися, як роблять інші, щоб зробити те саме.

У гуцулів побутував й інший обряд розв'язування, призначений для того, щоб у дитини розвивалися розумові здібності. Його було зафіксовано відомим збирачем народних вірувань А. Онищуком. У цьому обряді вік дітей не має особливого значення, а сам обряд відбувається на Великдень: «*На Великдень, коли газда повертається зі свяченим до хати, діти стають на коліна. Газда розв'язує бесаги над їхніми головами і каже: “Аби сі вам так розум скоро розвезуваў, як сі бисаги*

² Тобто худоба.

скоро розвезують сі» [Онищ., с. 39]. У цьому варіанті обряду «розв'язуються» не руки, а розум дитини, тому й обряд здійснюється над головою. Для нас важливо передусім те, що розв'язування певного предмета, який має магичні властивості, ставиться у відповідність до здатності людини вирішувати різні життєві проблеми, тобто *розв'язувати* їх. Розв'язуючи руками пуповину чи мішечок, дитина розв'язує свої руки, робить їх готовими до різної діяльності; розв'язуючи торбу над головою дитини, батько розв'язує її розум.

З наведених мотивацій обряду можна зробити висновок, що розум і руки новонародженої дитини уявлялися зв'язаними, сплутаними. Це перешкоджало їхньому функціонуванню. Невидимий розум дитини вважався чимось згорнутим, схованим, подібним до пуп'янка на рослині, якому потрібно розкритись, щоб розквітнути. Ця ідея знаходить підтвердження в гуцульській номінації *дитина завезує ся*, якою описують запліднення жінки, початок вагітності [Шух., с. 11]. Отже, у стані «зав'язаності» дитина перебуває до часу народження. Сам акт народження також інтерпретується через концептуальне поле розв'язування, про що свідчить те особливе значення, яке надається при пологах розв'язуванню всіх вузликів на одязі жінки, розпусканню волосся і навіть зніманню кілець. Все це робиться для того, щоб дитині відкрилася дорога з того світу на цей³. Як зауважує етнолог А. Байбуурин в своїй ґрунтовній праці про ритуали в архаїчній культурі, «само народження дитини уявлялось як “розв'язування” лона породіллі» [1, с. 94]. Розв'язування тут розуміється як відкриття. Воно протиставлено стану закритості, згорнутості, обмеженості. А. Байбуурин звертає увагу на такі характерні російські евфемізми пологів, як *растряслась, рассыпалась, распуталась*, які вказують на семантику звільнення від пут⁴. Разом з тим семантика розв'язування стосується не лише породіллі, а й також дитини, адже її тільки в процесі народження розгортається, розпрямляється, позбувається зв'язаності. Показово, що протилежний перехід — зі світу живих у світ мертвих — супроводжується протилежними діями: зав'язуванням, закриттям, загортанням. «На покійникові застібаються всі гудзики і зав'язуються всі вузли. Крім того, повсюдно поширено звичай зв'язувати померлому руки і ноги» [1, с. 109].

Однак «розв'язування» дитини, досягнуте в акті народження, є тільки початком довгого процесу підготовки всіх органів дитини до життя. Окремі органи уявлялися зав'язаними ще довгий час після акту народження, а тому новонароджений сприймався як ще не готовий, неповноцінний у фізичному плані об'єкт, який повинен пройти шлях трансформацій. «По відношенню до новонародженого відкриття очей, “розв'язування” ніг, розуму і подібні дії означають його перетворення в людину, яке триває до 5 – 7 років» [1, с. 180]. Говорячи про розв'язування ніг,

³ На основі непрямих даних можна реконструювати українську ідіому *розв'язався світ* для позначення акту народження. Знаходимо у І. Нечуя-Левицького вираз *вдруге розв'язався світ*, який за семантикою рівнозначний до ідіоми *вдруге < наново > на світ народитися*: «Марині стало і в хаті веселіше, і на серці легше, неначе світ задля неї вдруге розв'язався» (І. Нечуй-Левицький, Дві московки).

⁴ Пор. польське дієслово *rozwiązać się* «народити дитину» [Sł. Dor.].

А. Байбурин має на увазі обряд знищення пут на ногах дитини, яка довго не ходить, і пов'язані з ним вірування⁵.

Додамо, що розв'язування стосувалося не лише ніг та розуму дитини, а й також рук і язика⁶, оскільки здатність до осмислених маніпуляцій з різними предметами, а також до говоріння з'являється у дитини тільки після перших років життя. Тому, щоб «робота розв'язалась в руки», потрібно ліквідувати невидимі пута на руках дитини. Саме для цього і призначено обряд розв'язування пуповини. Характерно, що дитина виступає в цьому обряді одночасно і об'єктом, і суб'єктом дії.

Таким чином, нове значення предиката *розв'язати* «вирішити щось» розвинулося в контексті тих ритуально-магічних формул, які супроводжували обряд розв'язування пуповини, торби чи іншого предмета з метою сприяти розвитку дитини. Узагальнюючи різні варіанти таких формул, можна представити їх у вигляді: «Як розв'язується *A*, так хай розв'яжеться *B*». Цей тип перенесення найменування є відмінним від метафоризації та метонімізації. Його можна назвати каузативним перенесенням назви, адже він базується на причинно-наслідковому зв'язку між явищами дійсності, який для носія традиційної культури є реально існуючим, а не уявним. Зрозуміло, що встановлення подібних зв'язків характерне для носіїв певного типу світобачення.

Описи обряду в етнографічних джерелах дають уявлення про те, як змінювалася сполучуваність предиката *розв'язати* в правій частині магічної формули. Спочатку дієслово приєднувало імена *руки, ноги, розум, пам'ять, язик*, що відповідало уявленням про певний (умоглядний) стан речей. Згодом на місці цих конкретних іменників з'явилися абстрактні, такі як *робота, справа, діло* («*тоту ўсяку роботу може розв'язати*»), тобто назви тих видів діяльності, на які була спрямована інтелектуальна чи фізична активність особи. Внаслідок синкретичності світосприйняття процес чи результат дії могли називатися так само, як орган тіла, який використовується для досягнення цього результату; наприклад, слово *язик* і дотепер позначає і орган мовлення, і здатність до мовлення, аналогічно слова *око, вухо*. Отже, суміжність понять «руки» — «робота» призвела до перенесення предиката з першого на другий, що зрештою і спричинилося до утворення нового значення.

Висновки. Розглянутий випадок дає уявлення про те, як в межах архаїчної культури, заснованій на принципах синкретичності і партиципації, діяв механізм творення нових змістів. Вирази *розв'язати руки, розв'язати розум* генетично були не метафоричним утворенням, а цілком буквальною номінацією певної ситуації. Так само далеким від метафоризації був процес переходу від виразу *розв'язати*

⁵ Білоруський етнограф М. Нікіфоровський зафіксував вірування білорусів в те, що кожна дитини до народження має на ногах невидимі пута, і, якщо дитина довго не може самостійно ходити, це значить, що пута занадто міцні. Тому треба їх розрізати. Для цього мати пряде без веретена якомога довшу і товстішу нитку, робить з неї путо і надягає на ніжки дитини, потім ставить дитя на ніжки («дибки») і одним рухом розрізає путо ножом [Никиф., с. 29]. Отже, семантика зв'язаності ніг дитини в народних уявленнях виражена більш експліцитно, ніж зв'язаність рук та розуму.

⁶ Що ж до розв'язування язика дитини як появи здібності до мовлення, то на існування уявлень такого роду красномовно вказує ідіома *язик розв'язався*.

руки до *розв'язати роботу*. Формування нового значення відбулося саме завдяки тим словесним формулам, які доповнювали і підсилювали дію обряду і самі мали статус магічних. Зауважимо, що в східнослов'янських мовах відсутні вирази на кшталт *зав'язати розум* чи *зав'язаний розум*, хоча реконструкція вірувань і обрядів дозволяє вважати, що розум дитини мислився зав'язаним до того часу, поки його не розв'язували в обряді. Отже, потреба номінувати мету обряду й породила зрештою нове значення слова *розв'язати*.

Очевидно, що описаний механізм, який спирається на специфічне, відмінне від сучасного наукового, розуміння причинно-наслідкових зв'язків, є далекий від типової метафоризації, при якій явища чи ситуації зближуються у свідомості мовців на основі встановлення подібності між ними. Внаслідок дії архаїчного механізму породжувались необразні номінації, тобто номінації, що не містили в плані вираження відсилки до образу донорської зони. Причина цього очевидна: для архаїчної свідомості донорська і реципієнтна зони сприймалися як одна. Отже, доцільно вважати, що для номінацій типу *розв'язати* в діячій мові не була характерна так звана дводенотативність, яку вважають особливістю метафоричних номінацій.

Зауважимо, що розглянутий випадок — утворення образного предиката *розв'язати* на основі його включення до сакрального тексту — не можна вважати унікальним. Близький механізм семантичної еволюції призвів до утворення образних значень дієслів *танути*, *горіти*, *кипіти*, *палати*, *сохнути*, *в'янути*. Маємо на увазі ті переносні значення цих дієслів, які співвідносяться зі станами людини як соматично-психічної цілісності. Один з названих випадків — утворення предиката *танути* у значенні «марніти, поступово втрачати життєві сили» — докладно розглянуто у нашій роботі [4]. Названі предикати є знаками вторинної номінації і сприймаються носіями сучасної мовної свідомості як образні, метафоричні (що відбито у тлумачних словниках української, російської та білоруської мов). На семантичному розвитку цих дієслів безпосередньо позначилась магічна практика наших предків, і в першу чергу — включення цих предикатів до складу сакральних формул, яким в минулому приписувалася надзвичайна сила.

Література

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. — СПб., 1993. — 270 с.
2. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырев. — М., 1971. — 544 с.
3. Виноградов В. В. История слов / В. В. Виноградов. — М., 1999. — 1138 с.
4. Жуйкова М. В. Метафора й обряд / М. В. Жуйкова // Мовознавство. — 2003. — №6. — С. 55 – 60.
5. Коваль В. И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение / В. И. Коваль. — Гомель, 1998. — 213 с.
6. Познанский Н. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Н. Познанский. — Петроград, 1917. — 352 с.
7. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрэзер. — Москва, 1986. — 786 с.

Скорочення джерел

Гриц. — Грицак Є. Дитина в українських народних повір'ях / Є. Грицак // Неопалима купина. — 1995. — № 3 – 4. — С. 75 – 100.

Никиф. — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский. — Витебск, 1897. — 337 с.

Онищ. — Онищук А. Народний календар у Зелениці, Надвірнянського повіту (на Гуцульщині) / А. Онищук // Матеріали до української етнології. — Т. XV. — Львів, 1912. — С. 1 – 61.

Шух. — Шухевич В. Гуцульщина. В 5 ч. / В. Шухевич. — Ч. 3. — 2-е вид. — Верховина, 1997 – 2000.

Sł. Dor. — Elektroniczny przedruk «Słownika języka polskiego» [Электронный ресурс] / pod red. W. Doroszewskiego. — Режим доступа: <http://www.pwn.com.pl>

Wer. — Wereńko F. Przyczynek do lecznictwa ludowego / F. Wereńko // Materiaiay antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. — Kraków, 1896. — Т. 1. — С. 99 – 228.

Жуйкова М. В. Семантическая эволюция предикатной лексики в контексте магической практики.

В статье рассматривается культурно-языковой механизм, который привел к развитию образного значения предиката **розв'язати**. Таким механизмом является функционирование данного слова в контексте ритуально-магических формул (заклинаний) типа «Как делается А, так пусть делается В», «Какое А, таким пусть будет В», сопровождающих магический обряд.

Ключевые слова: вторичная номинация, образная предикатная лексика, магический обряд, заклинания.

Zhujkova M. V. Semantichna evolution of predikatnoy of vocabulary in context of magic practice.

the article deals with linguocultural mechanism that serves the basis for the acquisition of a new meaning of the predicate **rozvjazaty** (to solve (a problem)), namely the word's functioning in the context of ritual-magic formulas (exorcisms) that accompany magical ceremonies. These are the following formulas: “As A is done, let B be done”, “As A is, let B be”.

Key words: secondary nomination, figurative predicative vocabulary, magical ritual, exorcism.

Статья поступила в редакцию 9 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 351 – 357.

УДК 811.161.1'373.46

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОЖНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО РОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на материале терминологии экономико-правовой сферы)

Е. А. Конопелькина

*Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара,
г. Днепропетровск*

В статье рассмотрены ономасиологические возможности сложных способов образования наименований лиц по роду деятельности в экономико-правовой сфере современного русского языка; выделенные способы охарактеризованы с точки зрения их продуктивности в исследуемом номинативном пространстве.

Ключевые слова: наименования лиц по роду деятельности, экономико-правовая сфера, сложные способы образования.

Постановка проблемы. К числу наиболее важных составляющих общего номинативного пространства экономико-правовой сферы русского языка, сложившегося в последние годы под влиянием различных экстралингвистических факторов [7; 11], принадлежит многочисленная и постоянно пополняемая группа номинаций лиц по роду деятельности (далее — НЛД), т. е. номинативных единиц со значением лица-деятели.

В настоящем исследовании поставлена **цель** — рассмотреть один из фрагментов совокупности НЛД экономико-правовой сферы, а именно: сложные номинации и способы их образования в ономасиологическом аспекте.

Материалом для анализа послужило более 200 сложных наименований, извлеченных из специальных и общих словарей русского языка (см. Список источников фактического материала).

К сложным наименованиям лиц по роду деятельности относятся наименования, образованные путем словосложения, сложения с суффиксацией и аббревиацией. Рассмотрим их более детально.

Создание и активное использование в различных подъязыках сложных слов относится к наиболее оптимальным средствам специальной номинации. Их преимуществом является способность концентрировать в одной языковой единице большое количество информации. Благодаря экономной и семантически емкой структуре подобных терминов «создается оптимальная номинация специального понятия, мотивированного необходимым количеством соответствующих признаков» [2, с. 46]. Преимуществом этого способа считается также то, что в сложных словах «отпадает забота о грамматическом оформлении первого компонента, что играет очень важную роль, особенно в письменной речи» [3, с. 147 – 148].

Наиболее многочисленную группу НЛД, образованных путем сложения, составляют номинации с опорным компонентом, равным самостоятельному слову. В качестве первого компонента в таких образованиях может выступать а) целая основа слова; б) усеченная основа слова; в) связанный компонент интернационального характера; г) самостоятельное слово, в том числе аналитическое прилагательное.

Первая подгруппа (**а**) включает 60 НЛД, состоящих из основы существительного в роли атрибутивного компонента, указывающего на объект действия, интерфикса *-о-* и определяемого отглагольного существительного со значением лица. В роли определяемого (базового) существительного чаще всего выступают отглагольные наименования **-получатель** (*благополучатель, векселеполучатель, грантополучатель, лизингополучатель* и др.), **-держатель** (*векселедержатель, залогодержатель, полисодержатель*), **-владелец** (*домовладелец, грузовладелец, патентовладелец, товаровладелец*), **-обладатель** (*патентообладатель, правообладатель*); **-отправитель** (*грузоотправитель, товароотправитель*); **-пользователь** (*водопользователь, бюджетопользователь*); **-производитель** (*делопроизводитель, товаропроизводитель*) и др.

Среди сложных НЛ с другими базовыми компонентами можно назвать следующие: *векселепредъявитель, грузоприемщик, квартиросъемщик, налогоплательщик, правопреемник, правонарушитель, телохраниль* и др.

В большинстве случаев такие НЛД относятся к сложным именам деятеля с конкретной референцией первой части, которая указывает на объект делового соглашения (груз, займ, лизинг, товар и т. д.).

Наименования лиц-деятелей с первым компонентом — усеченной основой (**б**) составляют в анализируемой выборке незначительную подгруппу — 12 лексем. Наиболее употребительны следующие усеченные основы существительных или суффиксальных прилагательных, преимущественно с интернациональными корнями (указываются вместе с интерфиксами): **нарко-** (усеченная основа слов *наркотик, наркотический*): *наркобизнесмен, наркоделец, наркопреступник, наркопотребитель, наркокурьер, наркоторговец, наркодилер* и др. (отметим, что все приведенные наименования даются в АЛ с пометой *криминал.*); **авто-** (усеченная часть слова *автомобиль, автомобильный*): *автовладелец, автостраховщик*.

Единичными примерами представлены усеченные основы интернационального характера: **авиа** (*авиационный*): *авиаброкер* — «брокер, который заказывает чартерные авиарейсы» [БЭС] и **евро-** (*европейский*): *еврофермеры* — «фермеры стран Европейского экономического сообщества» [СЭП].

Среди связанных компонентов интернационального характера (**в**) в составе немногочисленных анализируемых сложений с опорным компонентом, равным самостоятельному слову, отмечены сложения с компонентом **вице-**, выражающим значение «заместитель, помощник»: *вице-брокер* — «на бирже помощник брокера» [СЭП]; *вице-президент* — «одно из высших должностных лиц на фирме, в корпорации, замещающее президента» [СЭП]; **медиа-**, имеющим значение «относящийся к средствам массовой информации»: *медиа-баер* — «*Спец.* Посредник, занимающийся покупкой по оптовым ценам места для рекламы в средствах массовой информации с целью продажи крупным рекламным агентствам» [АЛ]; *ме-*

диа-брокер — «Фин. Брокер, занимающийся размещением продукции крупных рекламных агентств в СМИ» [АЛ]; *медиа-магнат* и *медиамагнат* — «Коммерц. Собственник контрольного пакета акций в акционированных компаниях СМИ, оказывающий влияние на проводимую ими информационную политику» [АЛ]; *медиа-менеджер* — «Экон. Менеджер в компаниях, занимающихся СМИ» [АЛ]; *медиа-селлер* — «Спец. Посредник, занимающийся продажей крупным рекламным агентствам места для рекламы в СМИ» [АЛ].

Следует отметить, что наименования лиц с компонентом *медиа-* специальными словарями пока не зарегистрированы. Но в словаре Н. Г. Складневской [АЛ] они даны с пометами, указывающими на интересующую нас номинативную сферу. Отдельные НЛД рассмотренного типа могут быть классифицированы так же, как заимствования.

Самую представительную группу (80 ед.) среди сложных НЛД составляют композитные двусоставные аналитические образования (**г**), каждый из компонентов которых представляет собой самостоятельное наименование лица, например: *агент-аукционист*, *делопроизводитель-плановик*, *директор-администратор*, *инженер-консультант*, *изготовитель-лицензиар*, *кассир-контролер*, *посредник-поверенный*, *счетовод-контролер*, *эксперт-юрист* и др.

Приведенные примеры показывают, что компонентами данных наименований могут быть однословные номинации различного типа (суффиксальные, субстантивированные, заимствованные). Второе наименование лица, являющееся, как правило, постпозитивным атрибутивным компонентом по отношению к первому, указывает на специализацию лица в той или иной области экономической деятельности, а также на выполнение им функционально неоднородной деятельности.

Современные словари экономической лексики включают в свой состав и композитные номинации неофициального характера, например: *человек-реклама* — «человек с объявлениями на груди и спине» [БЭС].

Другую, менее значительную по объему (15 ед.) группу сложных номинаций со значением лица составляют НЛД, оформленные с помощью дефисного написания и возникшие сравнительно недавно под влиянием английского языка (*индент-агент*, *билль-брокер*, *борт-брокер*, *сток-брокер*, *бизнес-аналитик*, *арт-дилер*, *арт-директор*, *курс-маклер*, *соло-арбитр*), в которых первый компонент, по мнению некоторых лингвистов, приобретает черты аналитического прилагательного [6; 8; 10 и др.]. Нельзя не отметить, что большинство наименований этой подгруппы могут быть охарактеризованы и как заимствования.

В наши дни активно формируется ряд наименований лиц со вторым компонентом *менеджер*, зафиксированных в языке СМИ и в отдельных словарях: *экаунт-менеджер*, *арт-менеджер*, *бренд-менеджер*, *офис-менеджер*, *PR-менеджер*, *тайм-менеджер*, *топ-менеджер*, *тренинг-менеджер*, *флит-менеджер* и др. Первая часть таких номинаций называет область специализации менеджера, исключение составляет лишь наименование *топ-менеджер*, в котором компонент *топ-* передает семантику иерархического положения «главный, наивысший», ср.: *топ-менеджер* (англ. top-manager) — «менеджер высшего звена управления» [БЭС].

Из всех возможных смешанных способов для образования анализируемых однословных наименований наиболее широко используется суффиксально-сложный способ номинации, хотя в целом (по сравнению со словосложением) он не является продуктивным.

Суффиксально-сложные наименования лиц образуются в результате сложения полных основ с одновременной суффиксацией. Среди суффиксально-сложных образований лиц ЭПС преобладают номинации с суффиксом **-тель** (23 ед.): *бланкоподписатель, займодаделец, наймодаделец, наследодатель, векселенадписатель* и др., немногочисленны наименования с нулевым суффиксом: *законовед, правовед, счетовод, банкомёт*; с суффиксами **-ец** (*займодавец*) и **-чик** (*рукоприкладчик*).

Суффиксально-сложные наименования с опорным компонентом, содержащим глагольную основу, называют лицом, совершающее действие, обозначенное в опорной основе, первая основа сложения называет объект действия. Номинации этого ряда описываются ономаσιологической формулой «тот, кто дает (подписывает, надписывает) что-л.». Наиболее частотный опорный компонент **-датель**, образованный из сочетания основы глагола *дать* и суффикса **-тель**, по своим функциям может осознаваться как аффиксоид.

Многие наименования данного типа вместе с чистыми сложениями образуют пары терминов, обозначающих контрагентов экономико-правовой деятельности, например: *векселедатель — векселедержатель, ссудодатель — ссудополучатель, залогодатель — залогодержатель, лизингодатель — лизингополучатель, чекодатель — чекодержатель* и др.

Термин *рукоприкладчик*, дословно обозначающий «прикладывающий руку», используется в юридической практике для называния посредника, «человека, который содействует оформлению совершенной сделки, подписывая ее за лицо, лишенное возможности это сделать в силу физических недостатков, болезни или других причин» [БЮС].

Наименования с опорными компонентами **-вед** и **-вод** классифицируются в русистике неоднозначно. «Русская грамматика» относит их к опорным глагольным компонентам сложного слова [12, с. 251, 245]. Е. А. Земская, напротив, полагает, что поскольку форманты типа **-вед**, **-вод** претерпели значительные изменения в своей семантике, практически утратили связи с соответствующими глаголами (*ведать* — «знать» и *водить, разводиться*), их целесообразнее относить к разряду аффиксоидов [5, с. 119]. В нашей работе, учитывая особое положение данных компонентов, все же считаем возможным относить названия лица со второй частью **-вед**, **-вод** к сложным словам с нулевым суффиксом. Наименования лица со вторым компонентом **-вед** обозначают лицо в связи с профессиональным занятием, отраслью знаний: *правовед, товаровед* и др. В термине *счетовод* («1. Специалист по счетоводству, бухгалтер; 2. Работник бухгалтерии, в должностные обязанности которого входит выполнение работы по заполнению учетных регистров и таблиц» [БЭС]), компонент **-вод** этимологически соотносится с глаголом *вести / водить* — вести счета.

Наименование *банкомёт* («игрок, держащий банк в банковых играх, играющий один против всех и отвечающий по всем денежным ставкам» [БЭС]; «тот, кто

держит или мечет банк» [БТС]) этимологически соотносится со словосочетанием *метать банк* — «брать и сдавать карты, сдаваемые понтёрам» [БТС], см. *банк* — «3. В некоторых карточных играх — сумма денег, поставленная на кон» [БЭС].

Среди способов словообразования аббревиация занимает специфическое место, представляя собой такой способ словообразования, который направлен на «создание более коротких по сравнению с исходными структурами (словосочетаниями или сложениями) синонимичных им номинаций» [9, с. 9]. Согласно собранному нами материалу, сложносокращенные наименования лиц по роду деятельности в экономико-правовой сфере пока еще не получили широкого распространения.

Немногочисленные номинации распределяются по следующим структурным типам аббревиатур [12, с. 255 – 256]).

1. Сложносокращенные НЛД, образуемые из сочетания начальной части слова с целым словом: *турагент* — «организация или гражданин предприниматель, осуществляющие на основании лицензии деятельности по продвижению и реализации туристского продукта» [БЭС, БЮС]; *туроператор* — «организация или гражданин предприниматель, осуществляющие на основании лицензии деятельности по формированию, продвижению и реализации турпродукта» [БЭС, БЮС]. Следует отметить, что эти наименования могут быть мотивированы различными словосочетаниями: а) *туристический агент*, *туристический оператор*; б) *агент по туризму*, *оператор по туризму*; в) *агент тура*, *оператор тура*; см. *тур* — «комплекс услуг по размещению, перевозке, питанию туристов, экскурсионные услуги и др. услуги, предоставляемые в зависимости от целей путешествия» [БЭС]. В последнем случае компонент *тур-* может рассматриваться как аналитическое прилагательное в составе сложного термина.

Словарь Г. Н. Складневской фиксирует ряд аббревиатур, тематически связанных с исследуемой областью, но не являющихся официальными наименованиями: *спецконтингент* — «совокупность заключенных как объект или субъект какой-либо деятельности» [АЛ]; *бандглаварь* — «Криминал. Главарь банды» [АЛ], а также *физлицо* — «физическое лицо» [АЛ].

2. Инициальные аббревиатуры, состоящие из начальных букв словосочетания, в целом не используются для создания наименований лиц анализируемой концептосферы. Однако «Большой экономический словарь» предъясвляет в отдельной словарной статье общеупотребительную инициальную аббревиатуру *бомж*, давая ее расшифровку — «без определенного места жительства» и сопровождая ее комментарием, который объясняет правомерность появления этого слова в словаре: «Аббревиатура, принятая в милиции как информация о паспортных данных. Тот, кто не имеет постоянного места жительства, прописки, определенных занятий; бездомный; бродяга» [БЭС].

3. Единичны и случаи так называемой телескопической аббревиации, при которой соединяются начало одного и конец другого слова. В нашей выборке отмечены два синонимичных общеупотребительных НЛД, созданных таким образом: *трудоголик*, *работоголик* — «человек, полностью поглощенный, опьяненный работой» [БЭС]. Мы считаем, что первые компоненты этих номинаций представляют собой основы слов *труд*, *работа*, соединенных с последней частью слова *алкого-*

лик. В отдельных исследованиях эти образования рассматриваются как сложения со связанным опорным компонентом *-голик* [4, с. 51].

4. Особую группу составляют образования, которые Д. И. Алексеев характеризует как «непосредственные слоговые отсечения от неаббревиатурных слов» [1, с. 196]. Е. А. Земская производит таких стилистически сниженных модификантов называет усечением [5, с. 86], отграничивая его от аббревиации. «Русская грамматика» рассматривает их как особый вид аббревиатур [12, с. 256].

Усечение основ является малопродуктивным способом образования исследуемых нами НЛД. В русских словарях по экономике и праву приводятся единичные образованные таким образом существительные со значением лица: *нелегал* — «тот, кто находится на нелегальном положении; действует вне закона» [БЭС]; *универсал* — «1. Работник, владеющий всеми специальностями в своей профессии; человек разносторонних знаний» [БЭС]; *индивидуал* — «тот, кто занимается индивидуально-трудовой деятельностью» [БЭС].

Выводы. Таким образом, наибольшими словообразовательными возможностями в кругу сложных НЛД обладают осново- и словосложение, в меньшей степени — суффиксально-сложный. Сложносокращенные наименования лиц, зафиксированные специальными словарями, чаще всего являются по своему характеру общеупотребительными.

Литература

1. Алексеев Д. И. Сокращённые слова в русском языке / Д. И. Алексеев. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. — 328 с.
2. Володина М. Н. Специфика терминологической номинации / М. Н. Володина // Вестник Московского ун-та. — 1986. — № 5. — С. 38 – 47. — Серия «Филология».
3. Гринев С. В. Терминоведение / С. В. Гринев. — М.: ИЦ «Академия», 2008. — 304 с.
4. Демина Е. И. Новые наименования лиц в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Е. И. Демина. — Самара, 2004. — 229 с.
5. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — 2-е изд., стереотип. — М.: КомКнига, 2005. — 224 с.
6. Кім Л. А. Терміни з незмінюваним залежним компонентом у системі засобів спеціальної номінації: автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.02 «російська мова» / Л. А. Кім. — Дніпропетровськ, 2006. — 18 с.
7. Конопелькина Е. А. Наименования лиц по роду деятельности в современном русском языке (экономико-правовая сфера) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Е. А. Конопелькина. — Днепропетровск, 2008. — 225 с.
8. Крысин Л. П. Новые аналитические прилагательные и явление хиатуса / Л. П. Крысин // Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. — М., 2001. — С. 189 – 196.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
10. Панов М. В. Об аналитических прилагательных / М. В. Панов // Фонетика. Фонология. Грамматика: сб. ст. к 70-летию А. А. Реформатского. — М., 1971. — С. 240 – 253.
11. Пристайко Т. С. О некоторых инновациях в современных терминосистемах / Т. С. Пристайко // Научно-техническая терминология: научно-техн. реферат. сб. — М., 2003. — Вып. 2. — С. 59 – 62.

12. Русская грамматика: В 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова; АН СССР, Ин-т рус. яз. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.

Источники фактического материала

1. АЛ — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. — М.: Эксмо, 2006. — 1136 с.
2. БТС — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
3. БЭС — Большой экономический словарь / Под ред. А. И. Азрилияна. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Ин-т новой экономики, 2002. — 1280 с.
4. БЮС — Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Инфра-М, 2002. — 704 с.
5. СЭП — Словарь современных экономических и правовых терминов / Под ред. В. Н. Шимова и В. С. Каменкова. — Мн.: Амалфея, 2002. — 816 с.

Конпелькіна О. О. Ономасіологічний потенціал складних найменувань осіб за родом діяльності (на матеріалі термінології економіко-правової сфери).

В статті розглядаються ономасіологічні можливості складних способів утворення найменувань осіб за родом діяльності в економіко-правовій сфері сучасної російської мови; проаналізовані способи охарактеризовані з точки зору їх продуктивності в економіко-правовому номінативному просторі.

Ключові слова: найменування особи-діяча за родом діяльності, економіко-правова сфера, складні способи утворення.

Konopelkina O. O. Onomasiological potential of the compound denomination of persons according to their field of activity (on the basis of material from economic and legal field of the russian language).

The article deals with the onomasiological potential of compound means of the formation of the denomination of persons according to their field of activity in economic and legal field of the modern Russian language; these compound means were characterized according their productivity in the economic and legal field of the Russian language.

Key words: denomination of persons according to their field of activity, economic and legal field, compound means of formation.

Статья поступила в редакцию 17 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 358 – 362.

УДК 811.163.1'38

МЕТАФОРА «ВМЕСТИЛИЩЕ» В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «РАЗУМ» (на материале агиографической литературы)

Е. А. Купченко

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье рассматривается метафорическая презентация разума в образах «сосуда» и «дома» как вместилища в широком понимании.

Ключевые слова: концепт, метафора, разум, житие.

Постановка проблемы. В рамках антропоцентрической парадигмы в языкознании отмечается интерес к изучению процессов концептуализации и категоризации действительности, формирования концептуальной картины мира и структуры отдельных концептов. В связи с этим актуальным является изучение особенностей языковой концептуализации сферы «внутренний мир человека», а также принципов формирования структуры отдельных концептов в рамках данного концептуального пространства.

Анализ лингвистической литературы. Вопросы языковой интерпретации концептов внутреннего мира исследовались в работах О. Н. Кондратьевой, С. Е. Никитиной, М. В. Пименовой, Н. М. Сергеевой, В. И. Убийко, Е. В. Урысон и др. (на материале концептов «дух», «душа», «сердце», «ум» и «разум», «совесть», «мысль», «память» и др.).

Изучение языковой презентации указанных концептов осуществлялось, главным образом, в фольклорных и библейских текстах, в русских летописях, а также в современной русской поэзии и публицистике.

Использование житийной литературы в качестве материала для концептуального анализа обусловлено чрезвычайной популярностью и распространенностью этого жанра как в средние века, так и сегодня. А. И. Клибанов характеризует житие как «обращение к внутреннему миру человека» [4, с. 8]. Кроме того, агиографическая литература, как утверждает А. Я. Гуревич, включает в себе всю систему ценностей, лежащую в основе мирозерцания древнерусского человека [3].

Цель настоящего исследования заключается в исследовании когнитивно-моделирующей роли метафоры «вместилище» в языковой репрезентации концепта «разум» в концептуальной системе агиографического жанра.

В жанре жития проявляется наивысший понятийный предел духовной культуры народа [4, с. 8], поэтому принадлежностью этого жанра является теоретическая, или отвлеченная мысль — абстракция. Поскольку высшей степенью абстракции обладает метафора, основным способом концептуализации внутреннего мира является метафорический перенос: «без метафоры не существовало бы лексики

«невидимых миров» (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, т. е. предикатов, характеризующих абстрактные понятия» [2, с. 9].

В когнитивной семантике метафора трактуется как перенос когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, к которой она исконно принадлежит, в другую область. И. М. Кобозева полагает, что с помощью метафоры происходит вербализация, «объективация в языке концептов внутреннего мира человека, которые иным способом не могут быть выражены» [5].

При метафорической концептуализации одно и то же «мыслительное пространство» может быть представлено посредством нескольких концептуальных метафор. Так, О. Н. Кондратьева отмечает, что наиболее распространенными в древнерусском языке являлись такие концептуальные метафоры разума, как «разум-человек», «разум-животное», «разум-птица», «разум-растение», «разум-место произрастания растений», «разум-мир», «разум-стихия», «разум-артефакт», «разум-имущество», «разум-пища» [6]. При этом «каждая из <...> метафор — это только мелкая деталь, малозаметное стёклышко в огромной мозаике» [10, с. 211].

Как мы видим, постижение внутреннего мира производится человеком наравне с постижением и освоением мира внешнего. Образное воплощение свойств человеческого разума происходит с помощью выявления сходства с материальными объектами, которые представляют базу для выявления наиболее значимых свойств этой абстрактной сущности, «недоступной для непосредственного восприятия константы внутреннего мира человека» [6].

В житийной литературе метафора «вместилище», главным образом, воплощается в образах «разума-сосуда» и «разума-дома», которые формируются на основе овеществления, опредмечивания разума, т. е. приобретения лексическим значением семы «неживого». Житие повествовало на конкретно-образном языке, отвечая уровню образного сознания верующих: «явь была красноречивей духа» [4, с. 29]. Образ в умах слушателей и читателей превращался в понятие.

Как полагает Н. Н. Ничик, «овеществление в качестве семантического явления, потенциально заложенное во все категории форм существительного, можно рассматривать с общеэстетической точки зрения как одно из отражений принципа материализации духовных сущностей и психических актов» [6, с. 58].

Формирование образа *разума-сосуда* в житиях связано с локализацией мысли / намерения, которая, главным образом, связывается с получением её извне: от Бога или от дьявола.

Метафора сосуда, прежде всего, реализуется в устойчивом сочетании **вложи ємоу во оумъ** со значением «подумать, осознать, прийти в голову» [9, с. 728]. Рассмотрим структуру данного сочетания: предикат (**вложи / влагаетъ**) + субъект в Д. п. (**ємоу / сємоу**) + «податель мысли» (**бъ / дѣволъ**) + локус (**во оумъ / въ срѣце**) + объект в В. п. (**мысль**). Порядок элементов может варьироваться, некоторые элементы (например, «податель мысли», объект в виде мысли) могут сокращаться.

Следует отметить, в агиографическом тексте *ум* и *сердце* как составляющие концептуального пространства «внутренний мир человека», средоточие его вну-

тренней жизни могут быть представлены как взаимозаменяемые сущности или даже слитые в единстве: си же на оумѣ и на срдцѣ своемъ рекъ; не могли оумъ его деръжати съ срдцѣмъ; стохъ же забывсѧ. въ неизърѣннѣ зарю имѣ оумъ вшедша. ...клекаше срдце мок радовашесѧ дхъ мой; красота оужасаетъ ми срдце. оумъ мой въ кдино свира (ЖАЮ); смиреніе твое оудивляетъ ми оумъ. срдце оужасаетъ ми. странничѣство оубо оумиллетъ ми дшу (ЖАЮ).

В отличие от современного *прийти в голову*, в составе указанного сочетания в некоторых случаях актуализируется «податель мысли»: это Бог (гъ не хотѧи смѣти грешникоу но живоу быти емоу влагаетъ во оумъ юному се мнихоу ити в поустыню и благѣвитися оу прѣбна; [блжнѣму князю михаилу] посла въ благѣть и даръ стаго дха на нь и вложи ему въ срдце ѣхати пред цѣрѧ (ЖМВ)) или дьявол (злыи врагъ) (вложи емоу злыи врагъ. ненавистникъ хрстѣганского рода. во оумъ иже ѡити в миръ и рострицысѧ; дѣволъ ненавистникъ дша^м члческымъ <...> влагаетъ во оумъ семоу василию. ко имѣннѣю многоу стого обрѣсти (ЖАС)). Если речь идет о дьяволе, деятель может не упоминаться вовсе: во оумъ вложи емоу ити налѣвшіе. на далнѣе езера ловитвы оустротти (ЖАС); хвалоу въздаша богоу и стыма мчкома. ко такоу мысль въложивъшу въ срдце кнзю (СБГ).

Таким образом, человеческий ум является «вместилищем» Божественного промысла («сосѣ^а вы^с прѣ^стмѣ^с дхоу») или дьявольского умысла («по наученнѣу диволю»). А. И. Осипов по этому поводу пишет: «Мозг человека напоминает нечто телефонную станцию, которая не вырабатывает информации, а только её передаёт. Информация приходит откуда-то и передается куда-то. Мозг является только передаточным механизмом, а не источником сознания человека» [8, с. 18].

Как мы видим, разум в концептуальном пространстве жития представляет не столько интеллектуальную, сколько духовную ценность: «тонкость ума, имея своим началом и корнем «страх Божий» представляет собой прежде всего иного особую чуткость к постижению воли Божьей и особую способность к ее исполнению» [1, с. 3].

Кроме «подателя мысли» в некоторых случаях актуализируется воспринимающее, усваивающее и воспроизводящее начало — это человек: мысль / помысл дается ему извне (или свыше), и в состоянии готовности-«открытости» человек ее воспринимает. Это момент соприкосновения Творения с Творцом, имманентного мира (умозрительного, сотворенного) с трансцендентной реальностью (нетварным миром, совершенным бытием), и мысль здесь выступает связующим звеном: члсто* блженыи во оумъ принмаше послѣдний днь. живота своего смртныи час (ЖАС); дв^аво слово во оумъ прѣемъ (ЖАС); си на оумѣ азъ грѣшныи нестеръ приимъ (ЖФП); слышано же высть. иже вываюца ѡ прѣбнаго, преславнаѧ чюдеса въ всей стране тон. ко многимъ различными недоугы волащымъ исцеленіе вываше. сіе прѣемше на оумъ нѣкамъ жена именемъ антонида прѣбнаго на помощь приываѧ. единем окомъ слепа (ЖДП). То есть разум проявляет себя в житии как божественное свойство, через которое Бог открывается человеку как разумное духовное начало.

В остальных случаях ни «податель мысли», ни воспринимающее начало не актуализируется, мысль как бы самостоятельно приходит во «вместилище» ума извне: во оумъ прииде емоу еже притии нѣчто ѿ соуща прахоу. же во стени гробницѣ (ЖАС); прииде ми во оумъ молитиса (ЖПО); оуспе рука емоу ... и прииде во оумъ емоу о прежде бывашихъ чудесехъ препо^авнаго сергия и повеле везти себе в монастырь (ЖСН); зрацоу п^рвнаго млтвы дѣюща. во оумъ прииде емоу приблизитиса къ пр^рвномоу, оувѣдати бываемо (ЖАС); прииде во оумъ емоу оузнати грѣх. свои вываемы на немъ ниже соуда бжїа оубоса (ЖАС).

Разум в житийном тексте также осмысливается как место, поприще, «свой дом», пребывание в котором представляет нормальное (здоровое) состояние. Как блудный сын, человек может покинуть этот «дом», но имеет возможность вернуться обратно: и тако пѣвше пр^рвномоу сергїю молебнаа. і авїе в свои оумъ прииде, и здравъ восвоаси ѿиде; ѿ оубога домъ оума моего ничесо* имын (ЖАСв); бѣшенъ нѣкто не въ своемъ оумѣ мимондын. часть нѣчто ѿ имѣни моего оукрадъ. оубѣжа (ЖАЮ); в разоум истины прїти (ЖАС).

Метафора «ум — дом», по всей видимости, является одной из самых древних [6], поскольку с древнейших времен человек стремился создать жилище, чтобы в нем укрыться от природных катаклизмов и неприятелей. Как мы видим, сознание человека организует непредметную действительность «по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях» [9].

Выводы. Метафорическая репрезентация концепта «разум» обращена к духовной жизни человека и указывает на метаморфозы его внутреннего состояния. Через призму когнитивных метафор разум в житии осмысливается как духовная (иногда даже сакральная) ценность, поскольку здравый смысл имеет высшей задачей оградить от греха.

В житиях разум предстает не только как жилое строение, но и как некое вместилище, в котором сберегается особое содержимое — мысль / помысл, данные извне или свыше.

Как мы видим, категория разума, формировавшаяся еще в античном сознании, далеко вышла за концептуальные пределы античности и в контексте духовной культуры христианства обогатилась новыми смыслами.

Литература

1. Аверинцев С. С. Премудрость в Ветхом Завете / С. С. Аверинцев // Альфа и Омега. — М., 1994. — № 1. — С. 25 – 38.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры / [под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной]. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5 – 32.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — М.: Искусство, 1972. — 340 с.
4. Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси / А. И. Клибанов. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 368 с.
5. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода [Электронный ресурс] / И. М. Кобозева. — Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7339&y=2002&vol=6077>

6. Кондратьева О. Н. Особенности концептуализации внутреннего мира человека [Электронный ресурс] / О. Н. Кондратьева // Вестник Российско-Таджикского славянского университета. — 2008. — №4(22). — Режим доступа: <http://rtsu-slavist.tj/content/view/150/80>
7. Ничик Н. Н. Олицетворение в поэтической речи В. В. Маяковского (на материале поэм 1914 – 1924 гг.) / Н. Н. Ничик // Поэтическое слово. Поэтический текст. — Симферополь, 2008. — С. 55 – 63.
8. Осипов А. И. Посмертная жизнь души. Беседы современного богослова / А. И. Осипов. — М.: Даниловский благочестник, 2009. — 128 с.
9. Старославянский словарь (по рукописям X – XI вв.) / [Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др.]. — М.: Русский язык, 1994. — 800 с.
10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург: УГПУ, 2003. — 238 с.

Список источников

- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого, древнерус. пер., XIV в., опубл. А. М. Молдаван.
- ЖДГ — Житие преп. Дионисия Глушицкого. РНБ, Соф. 438, XVI в.
- ЖМФ — Житие муч. кн. Михаила и воеводы его Феодора, XIV – XV вв.
- ЖАС — Житие преп. Антония Сийского. РНБ, Q. I. 22, XVI в.
- СБГ — Сказание о чудесах страст. Бориса и Глеба, Успенский сборник, XII – XIII вв.)
- ЖФП — Житие преп. Феодосия Печерского Успенский сборник, XII – XIII вв.
- ЖДП — Житие преп. Димитрия Прилуцкого. РНБ, Соф. 1361, XVI в.
- ЖПО — Житие преп. Павла Обнорского. РНБ, Погод. 659, XVI в.
- ЖСН — Житие преп. Сергия Нуромского, РНБ, Соф. 1470, XVI в.
- ЖАСв — Житие преп. Александра Свирского. РНБ, Погод. 874, XVI в

Купченко О. А. Метафора «вмістилище» у структурі концепта «розум» (на матеріалі агіографічної літератури).

У статті розглядається образне втілення розуму у образах «сосуд» та «дім» як вмістилища у широкому розумінні.

Ключові слова: концепт, метафора, розум, житіє.

Kupchenko E. A. Metaphora «receptacle» in concept «mind» (in the hagiographical literature).

In article is considered the figurative embodiment of reason in images of «vessel» and «house».

Key words: concept, metaphor, mind, agiography.

Статья поступила в редакцию 16 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 363 – 368.

УДК 811.161.1:81`373.45

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

И. Н. Мозовая

*Днепропетровский национальный университет им. Олесь Гончара,
г. Днепропетровск*

В статье рассматриваются особенности репрезентации и функционирования иноязычной лексики в языке коммерческой рекламы, выделяются типы контекстного объяснения иноязычных заимствований в рекламах разных жанров.

Ключевые слова: коммерческая реклама, контекстное пояснение, заимствование.

Постановка проблемы. Экспансия заимствований, отмечаемая многими исследователями русского языка последних десятилетий (Л. П. Крысин, В. В. Зирка, Е. В. Какорина, Ю. А. Грушевская), находит совершенно закономерное отражение и в языке современной коммерческой рекламы. Очевидно, что заимствования, в первую очередь англицизмы, избираемые рекламистами и копирайтерами в качестве характеризующего средства, как правило, представительны, весомы, престижны, аттрактивны. Они привлекают и задерживают внимание, а потому действительны и обладают манипулятивной силой. «Модное, актуализированное слово легко перенимается, <...> затмевая другие возможности выражения данного смысла» [2, с. 134]. Однако значение таких слов не всегда и не всем понятно. Их восприятие в немалой степени зависит от способа подачи иноязычного слова в контексте рекламного сообщения.

Целью настоящего исследования является установление и описание специфики репрезентации иноязычных слов в текстах современной коммерческой рекламы, извлеченных из так называемых «глянцевых журналов».

Для достижения поставленной цели необходимо было выполнить следующие **задачи:** во-первых, изучить функциональное своеобразие использования иноязычных слов в коммерческой рекламе; во-вторых, выделить наиболее частотные приемы контекстного объяснения.

В ходе исследования мы установили, что все типы новых заимствований (иноязычные включения, варваризмы и экзотизмы) могут функционировать в языке рекламы **без пояснения, с контекстным пояснением** либо **с пояснением словарного характера**. Остановимся на характеристике двух последних способов более подробно.

Контекстное пояснение. Отметим предварительно, что зачастую рекламные обращения содержат более или менее развернутое толкование какого-либо недавно заимствованного термина или описывают новые услуги (например, медицинские),

которые становятся популярными в кратчайшие сроки. Частое появление их не только в рекламных заметках, но и в широкой печати связано, помимо решения узкорекламных задач, со стремлением определенных общественных кругов приблизить отечественного потребителя-клиента к европейскому образу жизни. Для новой жанровой разновидности рекламы, пропагандирующей западный опыт и стиль жизни, характерно преобладание описательных приемов изложения. В то же время степень терминологичности «толкования» в публикациях такого рода — величина переменная, тесно связанная, в частности, с местом публикации. Например, в специализированных изданиях она резко повышается, что вполне логично. Ср. отрывки из рекламных обращений, направленных на женскую половину общества: *Липофиллинг — коррекция морщин, складок, дефектов фигуры путем введения собственного жира — современная концепция пластических операций на лице без разрезов.* <...> *Липосакция — удаление избытка жира с помощью лазера...* («Красота и здоровье», 2003, №2, с. 5).

К толкованию новых терминов косметологической медицины прибегают также «глянцевые» журналы, т. к. понимание термина повышает не только его информативность, но и усиливает воздействие, убеждая в необходимости операции, ее безопасности и т. д.; ср.: *Блефаропластика — пластика век, избавление от мешков под и над глазами трансконъюнктивально (незаметные разрезы со стороны века, что позволяет избежать возможных осложнений), не изменяющая разрез глаз* («L'OFFICIEL», март 2003, с. 139); см. также: *Шаг 2. Дезинкрустация (массаж токами с Pro Lifting, подтягивающими кожу лица)* («Glamour», октябрь 2005, с. 205); *Никотин нарушает локальную микроциркуляцию крови, разрушает витамин С и развивает гиперкератоз (чрезмерное развитие рогового слоя кожи)* («Glamour», февраль 2005, с. 241).

Конечно, толкование иноязычного слова, осуществляемое в контексте рекламного сообщения, более лаконично по сравнению с дефинированием подобных единиц в рекламных статьях. Приведем пример из публикаций массового еженедельника, издаваемого для представителей деловых, финансовых кругов: *Вряд ли многие знают, что такое «франчайзинг» <...> Это форма долгосрочного сотрудничества двух или нескольких партнеров. Цель их объединения — совместное использование товарного знака, принадлежащего одному из них...* («Аргументы и факты», №8, 1999).

На основании наблюдений, сделанных при анализе исследуемого материала, мы можем выделить следующие наиболее частотные приемы **контекстного объяснения** иноязычных заимствований в рекламах разных жанров.

1. Сопровождение иноязычного вкрапления или варваризма прямым переводом: *Деревянные дома в викторианском стиле называются Painted Ladies (разноцветные леди)* — рекламный материал о Калифорнии («JOY», август 2006, с. 157); *Вариант создания производства по принципу greenfield (в чистом поле, с нуля) отпал* — рекламная статья о производстве стиральных машин («Секрет фирмы», №40, 2005, с. 32); *Пьер Карден первым ввел понятие prokt-a-porte (готовая одежда), которое стало главным элементом мировой моды* («Натали», сентябрь 2004, с. 172).

2. Сопровождение иноязычного слова переводом и / или пояснением: *Выберите «малобюджетный» вариант тарифа. Например, если вы едете за границу в субботу, а вернетесь в воскресенье, билет обойдется вам значительно дешевле, потому что здесь вступит в действие **Sunday Rule** — «правило воскресного дня». Кроме того, вы можете купить билет из группы **Super Saver**. Он стоит дешевле, хотя и имеет ограничения — например, **дэдлайн**, то есть определенный срок выкупа билета, или **блэкаут** (невозможно вылететь по этому тарифу в те или иные дни) — рекламный материал «Дорожные тонкости» («Натали», август 2006, с. 164).*

3. Пояснение наименования сопоставляемых предметов, которые могут не различаться или смешиваться потенциальным потребителем, см. в частности: *Не путайте **лифтинговые средства с anti-age**. **Лифтинг** — это временный эффект, когда крем или сыворотка подтягивают кожу до тех пор, пока вы их не смоее. Средства **anti-age** обладают более глубоким действием: они регулируют механизмы старения кожи и борются с морщинами постоянно* («Glamour», февраль 2005, с. 219).

4. Сопровождение иноязычного слова этимологическим комментарием: ***Сделаем это по-быстрому**. В Голливуде новая болезнь — **instamacy** (от **instant** — быстрый и **intimacy** — близость). Романы начинаются и заканчиваются со скоростью света — будто в кино* («MINI», август 2006, с. 16); *Еще древние греки и римляне, имевшие доступ к Средиземному морю, открыли чудодейственный эффект термальных бань. Так появилась **талассотерапия** (в переводе с древнегреческого **talasso** — наука лечения человека морем)* («Натали», август 2004, с. 68) и др.

Подобным образом вводятся также экзотизмы, которыми изобилуют рекламные материалы о международном отдыхе и туризме, ср.: *В стране, где традиционное рождественское блюдо — винный суп, даже купленный на улице традиционный **лангош** (творог с чесноком и густой сметаной на горячей пышной лепешке со вкусом пончика) фаст-фудом никак не назовешь — о Венгрии* («Cosmopolitan», сентябрь 2004, с. 352).

Значение иноязычного включения можно интерпретировать, исходя из окружающего контекста: *Все скоростные трассы — платные (за исключением Германии, там все — **free of charge**)* — рекламная статья о путешествии по Европе («Cosmopolitan», август 2006, с. 91); *Новый надежный **indesit** с программами **TIME4YOU**. **Indesit** представляет четыре эксклюзивных программы **Time4you** для экономии твоего времени. С циклом **Flash Clean** стирка класса **A** займет всего **1 час**, что в два раза быстрее привычных стандартов. **Flash Colours** и **Flash Nylon** быстро приведет в порядок цветные и синтетические вещи. А цикл ежедневной стирки **Daily Wash** освежит одежду всего за **30 минут*** («Cosmopolitan», сентябрь 2004, с. 373). Таким же образом могут объясняться и графически адаптированные заимствования, см. например: *Нужно обращать внимание на наличие **франишизы** — небольшой суммы (в среднем 20 – 40 долларов), которую турист в любом случае оплачивает сам. Полисы с франшизой, соответственно, стоят дороже* — рекламный материал о заграничном отдыхе («Натали», август

2006, с. 45); Так называемый **«боди-кит»** от ателье *Abt* включает в себя новый передний бампер более агрессивной формы, накладку на задний бампер и новые накладки на пороги кузова («Т₃ [Технологии третьего тысячелетия]», март 2005, с. 103); «Любопытную новинку для модных жительниц мегаполиса создали дизайнеры марки 13:20 Елена Кудина и Ольга Рейниш. Это одежда-трансформер, позволяющая одну и ту же вещь превращать в несколько разных вариантов наряда. Ты сможешь менять свой стиль в течение дня, соответствовать актуальному дресс-коду вечером и при этом значительно экономить свое время («ЮУ», октябрь 2006, с. 142).

Следует отметить, что нередко при толковании иноязычного слова составители рекламных текстов пытаются совместить простое информирование о новом понятии или предмете с активным привлечением внимания читателя к этому предмету, заинтересовать его. Таковы, например, контексты следующих рекламных материалов: *Завсегда таи ночных клубов, молодежных вечеринок и элитных пати уже успели оценить энергично-чувственные танцы в стиле Rab. Кроме классической «расшифровки» — ритм-энд-блюз, существует и гламурная транскрипция понятия RaB, а именно: рич энд бьютифул (богатые и красивые) («2000», №35, 2006); Побалуй себя суперфоном! «Умные» телефоны, сочетающие в себе черты непосредственно сотового, органайзера и мультимедийного компьютера, мы обычно называем смартфонами <...> С недавнего времени именно смартфоны постепенно, но неуклонно занимают лидерство в сфере так называемых high-end трубок. Что же выделяет эти устройства из множества мобильных, представленных сегодня на рынке? Прежде всего, то, что работают они на базе операционной системы, изначально разработанной для КПК, придающей телефону организаторские и развлекательные способности, присущие органайзеру. Но сегодня смартфон — это настолько компьютеризированный телефон, что может запросто заменить собой КПК и довольно неплохо развлечь в автомобильной пробке, деловой поездке или на отдыхе... («Т₃ [Технологии третьего тысячелетия]», август 2006, с. 46). Несмотря на то, что для объяснения специфики нового телефона, названного смартфоном (от англ. *smart* — «толковый, умный» + *-фон*), в свою очередь, привлекаются заимствованные термины *органайзер* (электронное устройство для хранения и обработки различной персональной информации), *мультимедийный компьютер*, *high-end* (высококачественная, с широкими функциональными возможностями) *трубка*; в рекламе, рассчитанной на элитного пользователя высокотехнологической новинкой, находится место и языковым средствам, пробуждающим чувство престижности. Интересно в анализируемом плане сравнить рекламу смартфонов в типично «женском» глянцево-журнале «Cosmopolitan»: *Третья особенность Nokia 3250 — это набор всех функций смартфона: разговаривай на пяти континентах, просматривай интернет-страницы, раскрывая свои творческие таланты, используя графические и музыкальные программы!* («Cosmopolitan», август 2006, с. 215).*

В последнее время появляется особая жанровая разновидность рекламных материалов **словарно-пояснительного характера**, ставших одним из популярных методов ознакомления широкой аудитории с актуальными терминами. К примеру,

«Комсомольская правда» разъяснила такие понятия, как *провайдер* («фирма, обеспечивающая подключение к сети»), *браузер* («программа для просмотра ресурсов сети»), *сайт* («одна или несколько электронных страниц, принадлежащих организации или отдельному лицу»), *портал* («универсальный, обычно очень большой сайт») [1, с. 80].

Информационно-словарные материалы становятся приметой и рекламных страниц современных «глянцевого» журналов. В частности, журнал «Натали» в одном из своих номеров в рекламном материале о Новой Зеландии дает следующую информацию о новых видах развлечений, репрезентируемую иноязычными включениями:

Зимние развлечения в Новой Зеландии.

Heli-Snowmobile — *спуск на снегоходе со склона одной из снежных вершин Южных Альп, куда доставят на вертолете. Скорость скольжения контролирует вы сами.*

Bungee — *банджи-джампинг. Огромное количество и разнообразие по всей стране.*

Sky diving — *«небесное ныряние» — прыжки с парашютом самостоятельно или с инструктором. Особенно захватывающие над ледниками.*

Gliding — *глайдинг — полеты на аэроплане с открытой кабиной. После короткого инструктажа вы сможете сами управлять аппаратом («Натали», август 2004, с. 49).*

В другом номере в колонке «Словарь» журнал объясняет своим читателям употребляемые на его страницах иноязычные неологизмы: **NMF** (*натуральный увлажняющий фактор*) — сложная смесь из веществ, в норме содержащихся в коже; **Хитозан** — вещество, добываемое из хитиновых панцирей морских ракообразных; **Сорбитол** — мягкий и эффективный увлажнитель. Несмотря на то, что по химическому составу это — шестиатомный спирт; **Диметикон** не позволяет воде испаряться и надолго удерживает ее в роговом слое эпидермиса. Поэтому его часто вводят в состав дневных кремов и масок («Натали», август 2006, с. 128).

К такому способу рекламирования прибегают и другие издатели рекламных материалов: **LOFT-ЭФФЕКТ**. *Расскажите, пожалуйста, чем характеризуется стиль Loft? Этот вариант оформления при кажущейся простоте отличается максимальным комфортом. Причем это относится не только к дизайну помещений. Так, компания Renault выпустила новый автомобиль Clio III, вобравший в себя все достоинства стиля loft. Интерьер салона решен в концепции touch design, благодаря чему находиться в этой машине комфортно и приятно («JOY», октябрь 2006, с. 142); «Что такое «блоги»? «Блог» — это онлайн дневник, который может вести каждый пользователь сети Интернет. Автор блога может решать, кто имеет возможность читать и комментировать его записи — все пользователи Интернет, ограниченный круг друзей или он сам («JOY», октябрь 2006, с. 49).*

Выводы. Таким образом, явное сосредоточение внимания русскоязычной рекламы на терминах, обслуживающих определенные области знаний, указывает на

степень и характер ее участия в формировании определенного рода общественных интересов.

Как видим, создатели рекламных текстов используют различные способы контекстного пояснения иноязычных слов: перевод, этимологический комментарий, предъявление иноязычного включения в контексте, позволяющем понять его значение, и др. Такая репрезентация иноязычной лексики делает текст рекламного сообщения более доступным и понятным.

Литература

1. Горбачева Т. Языковые заимствования в газете: опыт России, Франции и Литвы / Т. Горбачева // Мир русского слова. — 2003. — № 2 (15). — С. 79 – 81.
2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа // В. Г. Костомаров. — 3-е изд, испр. и доп. — СПб.: Златоуст, 1999. — 320 с.

Мозовая И. Н. Особливості репрезентації іншомовної лексики в мові комерційної реклами.

В статті висвітлюються та функціонування іншомовної лексики в мові комерційної реклами, виокремлюються типи контекстного пояснення іншомовних запозичень в рекламі різних жанрів.

Ключові слова: комерційна реклама, контекстне пояснення, запозичення

Mozovaya I. N. Peculiarities of representation of foreign lexis in the language of commercials.

The article deals with peculiarities of representation and functioning of foreign lexis in the language of commercials; types of contextual definition of foreign loan-words in various types of advertising are singled out.

Key words: commercials, contextual definition, loan-word.

Стаття постуила в редакцію 29 октября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 369 – 375.

УДК 81'42: 32: 004] 57. 017.5

МЕТАФОРА НА ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО САЙТА

Л. В. Павлова

*Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»,
г. Харьков*

В статье исследуется метафора как одно из лингвистических средств конструирования виртуальной вербализованной личности политика.

Ключевые слова: метафора, политический сайт, виртуальная личность, Интернет-коммуникация.

Постановка проблемы. С тех пор, как популярность Интернета как средства массовой информации стала возрастать, лингвисты начали исследовать феномен глобальной сети и её влияние на язык [12, с. 1]. Среди наиболее значимых аспектов исследования Сети следует отметить язык Интернета, структурно-языковые уровни организации сетевого языка, их когнитивно-прагматические особенности, становление жанровой системы Интернета, формирование его концептуальной системы, языковую картину мира Сети и виртуальную языковую личность, типологию сетевых персонажей. Интернет не только стал зоной лингвистического исследования, но и определился в новую отрасль гуманитарного знания — Интернет-лингвистику [6, с. 40].

На сегодняшний момент веб-сайт является одной из основных форм компьютерной коммуникации. «Это определённый вид электронного текста, который технологически соотнесен с некоторыми аспектами письменной коммуникации, но в то же время веб-сайты взаимосвязаны и с устной речью, и с другими формами электронного текста» [9, с. 1].

Исследователи сошлись на том, что персональные сайты создаются не столько с целью передачи информации, сколько с целью формирования желаемого имиджа, а информирование является лишь второстепенной интенцией. «А тщательно и продуманно созданный сайт уже является отображением виртуальной личности» [13]. Поэтому очевидно, что выбор лингвистических и экстралингвистических средств, а также структурирование информации при оформлении политического сайта крайне важны.

Поскольку широко известно, что языковые средства используются для усиления изобразительности и выразительности речи, для создания образности и интенсификации коммуникативного значения, в данной работе нам бы хотелось уделить внимание стилистическому потенциалу лексико-грамматических средств, оформляющих политический сайт.

Целью данной статьи стал анализ роли концептуальной и образной метафор, которые используются для номинации тематических рубрик при оформлении персонального сайта политика, а также метафор, которые используют политики в своих обращениях к посетителям сайта.

Материалом исследования стали персональные сайты политиков в англоязычной коммуникации. В ходе исследования был проведён контент-анализ случайным образом составленной выборки из 10 сайтов.

В качестве **предмета исследования** метафора бала выбрана неслучайно. Для большинства людей метафора является инструментом поэтического воображения и риторических излишеств — частью какого-то особенного, а не повседневного языка. Однако учёные отмечают, что метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление, и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична [7, с. 25]. Суть метафоры — это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида. «Человеческое мышление метафорично: в основе какой-либо теории или целой парадигмы, как правило, лежит представление, восходящее к “наивному”, метафорическому образу объекта и предмета данной научной отрасли как части существующего мироздания, т. е. по сути — его “наивной” онтологии» [9, с. 22].

Способность продуцировать переносные значения является древнейшей познавательной операцией человеческого сознания, неотъемлемой частью онтологии когнитивных процессов [2, с. 82]. Р. Хофман — автор ряда исследований о метафоре — писал: «Метафора исключительно практична <...> Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике. Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний языка» [1].

Многие исследователи обращают внимание на метафоричность языков специальности. Это в полной мере относится и к характеристике функционирования языка в сфере компьютерных и Интернет-технологий [2, с. 83]. Метафорическое пространство Интернета представлено сегодня рядом транскультурных наименований: «глобальная деревня», «электронный фронтир», «электронная агора», «киберпространство», «информационная супермагистраль» [5, с. 51]. «С самого начала своего изобретения компьютер был «объектом метафоризации», поскольку тот вызов, какой он представлял для человеческого интеллекта, возбуждал воображение людей» [12, с. 39]. Очевидно, что первые пользователи сети концептуализировали её в терминах среды, с которой они были так давно знакомы. «Категория прошлого всегда связана с возникновением традиций, устоявшихся образов, символов, метафор. Метафорическое осмысление свидетельствует о наличии сформировавшейся парадигмы, которая зафиксирована в социальных, психологических, когнитивных, коммуникативно-прагматических связях среды» [5, с. 50 – 51]. Персональный веб-сайт поразил схожестью со страницами книги или журнала. В нём имеются различные «подсайты», которые являются частью большего количества информации,

отсюда термины *веб-страница* и *домашняя страница* (*Web page, homepage*). В основе лежит метафора **Интернет** — *это книга* (*The Internet is a book*), из которой позже появились выражения *browsing the net, bookmark* (*просмотреть сеть, закладка*).

Другая, более обобщающая метафора, которая также породила новые выражения: **Интернет** — *это секционированное* (подразделённое) *пространство* (*The Internet is a subdivided space*). Интернет — это не огромное общественное пространство, по которому пользователи могут свободно перемещаться. В нём существуют системы *брандмауэры* (*firewalls*), блокирующие прохождение правонарушителей на частную территорию, и «ворота» (*gatewalls*), через которые информация должна проходить, чтобы быть понятой другой группой пользователей. Кроме того, есть ещё и люди, пытающиеся взломать компьютерную сеть и программы, — *хакеры* (*hackers*), и люди, покупающие домены с целью их перепродажи по завышенной цене. Они известны как *киберсквотеры* (*cybersquatters*).

Из метафоры **Интернет** — *это море информации* (*The internet is a sea of information*) произошли выражения *surf the Internet* (*погрузиться в Интернет*), *to navigate* (*плавать на судне, передвигаться по морю*), *navigation system* (*навигационная система*). *Море* в выражении *море информации* само по себе употребляется в метафорическом смысле с целью передачи того огромного количества информации, доступной в Интернете, которое напоминает бескрайние просторы океана [12, с. 40].

«Политические интернет-тексты формируют особый дискурс, они всегда динамичны и современны, воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий. Они вбирают в себя всё, что относится к этому регистру речи, представляя своего рода “сплав” всего спектра функциональных стилей языка; в них функция сообщения реализуется в той же мере, что и функция воздействия, для чего используется весь набор имеющихся в распоряжении языковых средств» [3, с. 91].

По мнению Д. Чендлера персональные сайты представляют **существенно изменённую** личность его владельца, ведь эта виртуальная личность конструируется для совершенно незнакомой аудитории, которая может состоять из одного человека или из полумиллиона человек [10]. А не будем забывать, что сайты американских политиков представляются как «социальные проекты», их цель — установить социальный контакт с целевой аудиторией, выразить сопричастность, единение, поэтому создание нужного, желаемого образа крайне важно и необходимо [10, с. 132].

На странице персонального сайта политика для номинации блоков информации используются номинативные (*Photo Gallery, News Room, Home, Committees*) и образные (*hot news, hot topics*) метафоры. «Функция номинативных метафор заключается в структурировании информации в целом, стандартизации поведения пользователя путём определения стандартных аспектов требуемой информации <...> стандартные образные метафоры акцентируют внимание пользователя не на логических связях, а на экспрессивной оценке какого-либо аспекта информации» [2, с. 93]. На сайте политика можно встретить также использование индивидуаль-

ных образных метафор. Так, на сайте Кей Хатчисон находится ссылка «*Coffee with the Senator*». Данная метафора привлекает внимание посетителей своей индивидуальностью, уникальностью, новизной. На соответствующей странице предлагается возможность встретиться с политиком в неофициальной обстановке, «за чашечкой кофе»: «*Senator Hutchison enjoys welcoming Texans to her Capitol Hill office for coffee on Thursdays <...> The Senator invites you attend her constituent coffee, where you will have the opportunity to visit with her, take a photo, and meet fellow Texans. The coffee typically begins at 9:30 a. m. <...>*». Образная метафора такого рода встречается и на сайте сенатора штата Небраска Чака Хейгела. Ссылка «*Nebraska Breakfast*» отсылает на страничку следующего содержания: «*The Nebraska Breakfast, now in its sixth decade, is the oldest and only ongoing state gathering for constituents on Capitol Hill <...> Today, all Nebraskans visiting Washington, D. C., and their guests, are welcome to attend the Nebraska Breakfast*». Эти примеры ещё раз подтверждают стремление авторов сайта сделать его максимально открытым для пользователей, усилить впечатление контактности, сопричастности, создать ощущение непосредственного диалога с пользователем. Именно контакт с пользователем, единение, кооперация являются основной целью политика при создании сайта. Политики готовы посвящать пользователя даже в подробности своей частной жизни. Так, к примеру, на стартовой странице сайта сенатора штата Теннесси А. Ламара размещается приветственное слово под заголовком *Welcome Message*, где политик делится с посетителями сайта своими личными, дорогими его сердцу воспоминаниями: «*When I was 10 years old, my father took me to the Blount County courthouse to meet Howard H. Baker, Sr., our congressman. Mr. Baker stopped and talked with me and gave me a dime. I was sure I had just met the most respected man in the world, other than my father and our preacher*».

Возвращаясь к анализу метафорического компонента политического сайта, хотелось бы уделить внимание использованию концептуальной метафоры. Как отмечают учёные, мы — физические существа, отграниченные и отделенные от остального мира поверхностью кожи; мы воспринимаем остальной мир как находящийся вне нас. Каждый из нас — это вместилище, ограниченное поверхностью тела, с ориентацией «внутри — снаружи». Различные виды деятельности рассматриваются как вместилища для действий и других занятий, которые в них предусматриваются [7, с. 54]. Вышесказанное проиллюстрируем примерами: «*We are in a protracted global struggle against radical Islam*» (Pearce), «*As Texans, we take a special pride in our state's rich history and unique culture*», «*I'm committed to looking out of the day-to-day needs*» (Mikulski), «*North Carolina's community colleges enable many adults to acquire the skills that employers need, helping workers who have lost their jobs move into growing fields, such as health care and technology*» (E. Dole), «*Throughout our nation's history, the labor movement has been committed to the values that make America story*», «*Through this legislation, the security of the Northern Border will also be improved — a goal I have worked forward since 2001*» (H. Clinton), «*Our nation is in an amazing race — the race for discovery and new knowledge, the race to remain competitive*» (Mikulski) Ориентационные метафоры, связаны с ориентацией в пространстве: «верх — низ»: «*I'm very concerned about high gas prices <...>*», «*My*

*guiding principles are: first, restore local and parental control, with **high** standards», «Pearce has lead the way to make housing more affordable for **low**-income families», «I am working to ensure that North Carolina consumers are protected and additional **high**-paying financial services jobs are created in our state», «As we recover from an economic **downturn**” (E. Dole), «Despite having the **highest** population density of any state and one of the **highest** costs of living, New Jersey is still one of the **top** ranked states in the production of a variety of fruits and vegetables <...>» (Robert Menendez).*

Пожалуй, к наиболее очевидным онтологическим метафорам относятся случаи, когда материальный объект интерпретируется как человек. Это позволяет осмыслить наш опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей. Метафора персонификации (олицетворения) в теории метафоры обычно характеризуется как базисная, лежащая в основе присущего человеку способа постижения окружающего мира. Обобщенная формулировка метафор этого типа — ОБЩЕСТВО ЕСТЬ ЛИЧНОСТЬ. Метафора эта может выполнять и эвристическую функцию при выборе способа действия в той или иной политической ситуации, предлагая взглянуть на нее таким образом, как если бы ее участники — политические субъекты — были частными лицами, но часто она используется в демагогических аргументативных целях, поскольку целым народам и государствам имплицитно приписывает присущее отдельному человеку единство сознания, воли, целей, интересов и ценностей [4]. Вот несколько примеров онтологических метафор, взятых со страниц политических сайтов: «Small businesses **employ** millions of Americans <...>», «The historic Republican tax cuts of 2001 and 2003 **created** millions of new jobs, **revitalized** the U. S. economy, and **allowed** it to weather future challenges» (Kay Bailey Hutchison), «This legislation will **fund** agriculture research programs in Tennessee to ensure that farmers continue to play an important role in the Tennessee economy, while helping protect the environment at the same time» (Lamar Alexander), «Instability in the housing and mortgage markets has adversely **impacted** families in New Hampshire and across the nation» (John E. Sununu).

В противоположность другим электронным СМИ, которые ориентированы в большей степени на строгую подачу фактов и практически элиминируют автора, комментарии персональных сайтов проникнуты оценочным отношением автора, поэтому новостные сводки, пояснения к публикациям и политические взгляды владельца сайта предстают не как сухое изложение фактов, а как диалоговая коммуникация.

«Метафора является полифункциональным объектом, и те свойства типичных метафор, которые важны для одних целей могут быть менее существенны для других, а значит изменятся и наборы феноменов, которые могут быть функционально отождествлены с эталонной метафорой.

В поэтическом тексте главной функцией метафоры признается эстетическая (метафора как украшение речи) и активационная (метафора как средство активизации восприятия адресата), тогда как познавательная отходит на второй план. В научном дискурсе на первое место выходит познавательная, эвристическая функция метафоры, позволяющая осмыслить новый объект исследования, опира-

ясь на знания о других типах объектов. Важна для научного дискурса и аргументативная функция метафоры как средства убеждения в правильности (правдоподобности) выдвигаемых тезисов или постулатов. В политическом дискурсе метафора также выполняет эвристическую функцию, служа средством осмысления постоянно меняющейся политической реальности и формулирования новых политических программ, и функцию аргументативную, служа средством убеждения аудитории в правильности тех или иных политических взглядов. Есть у политической метафоры функции, не характерные ни для поэтического, ни для научного дискурса. Благодаря своей фигуральности, небуквальности она выполняет прагматическую интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом. И, наконец, поскольку метафора в политическом дискурсе (в отличие от поэтического) всегда апеллирует к фонду общих знаний, она тем самым создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения» [4].

Наиболее часто встречаемой метафорической моделью политической реальности явилась модель метафоры войны и метафоры строительства: «<...> *I'm fighting to strengthen and improve small businesses and provide opportunities for them to compete on a level playing field*» (Mikulski), «*It is also important to protect consumers from illegal market manipulation and corporate corruption*», «*I believe our fight against terrorism will be long and difficult*», «*Now we need to build upon this legislation by adding protections for our children as they use the Internet*» (Е. Pomeroy).

Выводы. Подводя итоги контент-анализу политических сайтов, мы отмечаем активное использование их создателями как образных, так и концептуальных метафор. Владельцы сайтов используют метафоры как мощный механизм убеждения и воздействия на пользователя. Используя метафоры, владельцы сайтов апеллируют к фонду общих знаний, кооперируются со своей аудиторией, формируют у пользователей чувство единения и сопричастности. В лингвистическом дизайне сайта метафора выполняет ряд функций: активационную, эвристическую, аргументативную и т. д. Метафора облегчает пользователю навигацию по странице, акцентирует его внимание на значимых для него блоках информации. Метафоры рассматриваются как результат когнитивного мышления и как лексическое средство, репрезентирующее концепты того или иного языка (в данном случае английского). Центральный тезис Дж. Лакоффа состоит в том, что метафоры облегчают процесс мышления, предоставляя нам эмпирические рамки, внутри которых мы осваиваем новоприобретенные абстрактные концепты.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс [Электронный ресурс] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М., 1990. — Режим доступа: http://www.nspu.net/fileadmin/library/books/2/web/xrest/article/leksika/struktura/aru_art01.htm
2. Атабекова А. А. Лингвистический дизайн WEB-страниц (сопоставительный анализ языкового оформления англо- и русскоязычных Web-страниц) / А. А. Атабекова. — М.: РУДН, 2003. — 202 с.

3. Варламова Е. В. Лингвостилистические особенности политического дискурса в Интернете / Е. В. Варламова // Язык средств массовой коммуникации: сб. обзоров. — Серия «Теория и история языкознания». — М., 2007. — С. 84 – 98.
4. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры [Электронный ресурс] / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. — Серия 9: «Филология». — 2001. — №6. — Режим доступа: <http://virtualcoglab.cs.msu.su/projects/metaphor.html>.
5. Компанцева Л. Ф. Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве. — Луганск: Знание, 2004. — 404 с.
6. Компанцева Л. Ф. Гипертекст и виртуальный дискурс как ключевые понятия Интернет-лингвистики / Л. Ф. Компанцева // Ученые записки Таврического национального университета. — Симферополь, 2007. — Т. 20 (59). — №4. — С. 40 – 44. — Серия «Филология».
7. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / Д. Лакофф, М. Джонсон. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — М.: Гнозис, 1999. — 280 с.
9. Павлова Л. В. Структурные и лингвистические особенности политвеба: гендерный аспект / Л. В. Павлова // Ученые записки Таврического национального университета. — Симферополь, 2007. — Т. 20 (59). — №4. — С. 129 – 133. — Серия «Филология».
10. Boardman M. The Language of Websites / M. Boardman. — London: Routledge, 2005. — 112 p.
11. Chandler D. Personal home pages and the construction of identities on the web [Электронный ресурс] / D. Chandler. — 1998. — Режим доступа: <http://www.aber.ac.uk/media/Documents/short/webident.html>.
12. Deneke L. Computer-Mediated Communication: Potential and Actual Effects on the English Language, Saarbruken / L. Deneke; VDM Verlag Dr. Muller. — 2007. — 148 p.
13. Ericson T. The World Wide Web as social hypertext [Электронный ресурс] / T. Ericson. — 1996. — Режим доступа: http://www.pliant.org/personal/Tom_Erickson/SocialHypertext.Html.

Павлова Л. В. Метафора на просторі політичного сайта.

У статті досліджується метафора як один з лінгвістичних засобів конструювання віртуальної особистості.

Ключові слова: метафора, політичний сайт, віртуальна особистість, Інтернет-комунікація.

Pavlova L. V. A metaphor on space of a political site.

A metaphor as one of linguistic means of virtual identity construction is studied in the article.

Key words: metaphor, political site, virtual identity, Internet-communication.

Статья поступила в редакцию 18 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 376 – 383.

УДК 811.161.1:373.611

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СООТВЕТСТВИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ И ИСКОННЫХ ОСНОВ

(на материале производных со вторыми компонентами *-логия* и *-ведение*)

А. В. Петров

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье на материале производных со вторыми компонентами *-логия* и *-ведение* исследуется функциональное соответствие между заимствованной и исконной основами; отмечаются различия в комбинаторных особенностях постпозитивных компонентов; определяется взаимодействие их с другими основами.

Ключевые слова: заимствованная и исконная основы, функциональное соответствие между основами, комбинаторные особенности основ.

Постановка проблемы. В последние десятилетия активизировался процесс заимствования иноязычных слов, что нашло отражение в специальных лингвистических исследованиях (Э. Ф. Володарская, Л. П. Крысин, А. К. Казкенова и др.). Таким образом, постоянно пополняется международный лексический фонд. Однако, как отмечает Л. П. Крысин, для нашего времени характерно и формирование международного фонда словообразовательных морфем [8]. Подавляющее большинство таких морфем восходит к латинскому и древнегреческому источникам.

Одним из актуальных направлений в дериватологии является изучение соотношения между заимствованными и исконными морфемами и основами. Исследователи отмечали сходство иноязычных знаменательных морфем (основ) с русскими корневыми морфемами или основами: «Так, можно говорить о синонимии морфем и основ *-фил* и *-люб*; *-фоб* и *-ненавистник*; *-графия* и *-пись*, *-писание*; *-граф* и *-писец*; *-метр* и *мер*; *-план* и *-лет*; *-навт* и *-плаватель*; *гидро-* и *водо-*; *фоно-* и *звуко-*; *библио-* и *книго-*; *авто-* и *само-*; *изо-* и *равно-*; *моно-* и *одно-*, *едино-*; *поли-* и *много-*; *псевдо-* и *лже-* и т. д.; ср. также синонимичные морфемы *авиа-* и *аэро-*, соответствующие по значению словам *воздушный* или *авиационный*» [9, с. 199].

Цель статьи — раскрыть функциональное соответствие заимствованной основы *-логия* и исконной основы *-ведение* в составе сложных слов.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие **задачи**:

1) определить продуктивность / непродуктивность заимствованной и функционально соотносительной с ней исконной основы;

2) выявить комбинаторные особенности основ.

Исследование проводится на **материале** справочных изданий «Новое в русской лексике» (НРЛ), словарей-справочников по материалам прессы и литературы 60-х, 70-х, 80-х годов «Новые слова и значения» (НСЗ), словаря Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой «Слитно или раздельно?», а также на базе собранной картотеки автора.

Анализ литературы. Форманты *-ведение* и *-вед* дериватологи классифицируют как аффиксоиды. Среди ученых нет единства взглядов на статус компонентов *-логия* и *-лог*. Так, Е. А. Земская относит их к числу аффиксоидов: «В языке создаются специализированные форманты — аффиксоиды *-логия*, *-ведение*, *-водство*, *-строение* и суффикс *-ика* / *-истика*, служащие для построения названий новых наук, отраслей знания, деятельности человека» [5, с. 140]. Полярной точки зрения придерживается Н. М. Шанский, который считает, что морфемы *-ология* и *-ография* являются своеобразным вариантом «суффикса науки» *-ия* (ср.: *кинология*, *радиография* и т. п.)» [13, с. 266].

Формант *-логия* (греч. «слово; понятие, учение») является второй частью «сложных существительных, обозначающих: наука, знание; напр.: *биология*, *геология*, *филология* и т. п.» (БАС, т. 6, ст. 320).

Модель с аффиксоидом *-логия* является продуктивной в современном русском языке. Формант *-логия* занимает второе место в таблице Л. И. Мининой и Б. И. Барткова: величина суммарной диахронической продуктивности равна 264, величина суммарной частотности — 205, величина модельной частотности — 25 [11].

В последние десятилетия язык пополнился новообразованиями этой структуры. Ср.: *валеология*, *системология* (НСЗ 80-х), *темпорология*, *криолитология* (НРЛ-80), *мембранология* (НРЛ-81), *конфликтология*, *уфология* (НРЛ-82), *экстрасенсология* (НРЛ-84), *санология* (НРЛ-87), *рекреалогия* (НРЛ-88), *тестология*, *имиджелогия*.

При калькировании производных на *-логия* образуются русские эквиваленты на *-ведение*: *библиология* — устар. *книговедение*, *ареология* «раздел планетологии, посвященный планете Марс» — *марсоведение*, *лимнология* — *озероведение*, *геокриология* — *мерзлотоведение*, *графология* — *почерковедение*, *синология* — *китаеведение*, *фармакология* — *лекарствоведение* и др. В отдельных случаях русские эквиваленты на *-ведение* образуются при калькировании композитов с опорным компонентом *-графия*: *этнография* — *народоведение*.

В 1954 г. Н. Д. Андреев отмечал, что никогда еще в истории русского языка слова на *-водство* и *-ведение* не создавались в таком количестве за столь непродолжительный отрезок времени (например, *каракулеводство*, *цитрусоводство*, *грунтоведение*, *лекарствоведение*). «Это говорит о том, что перед нами живое, развивающееся явление» [1, с. 24 – 25].

Несмотря на большую конкретность семантики, суффиксоид *-ведение* является продуктивным и в таблице Л. И. Мининой и Б. И. Барткова занимает 6-е место. К числу новообразований относится следующий ряд лексических единиц: *шукши-*

новедение, талантоведение, потребностеведение, родиноведенье, ошибковедение, авиценноведение (НРЛ-80), булгаковедение, культуроведение, районоведение, слововедение, читателеведение (НРЛ-81), техникоеведение (НРЛ-83), кантоведение (НРЛ-84), горьковедение, фантастоеведение (НРЛ-85), булгаковедение (НРЛ-87), турбиноведение (НРЛ-88), религиеведение и религиоеведение, рынокоеведение, украиноеведение (НСЗ 80-х) и др.

Суффиксоид *-ведение* отличается от форманта *-логия* способностью сочетаться с основами имен собственных. Этот запрет суффиксоид *-логия* преодолевает в неологизмах типа *гомерология* «учение об эпосе и личности Гомера» (НСЗ 70-х), *вернадскология* «учение о взглядах Вернадского и развитие этих взглядов», *берингология* «совокупность исследований геологии, процессов осадконакопления, развития флоры и фауны и поселений первобытного человека в пределах Берингии» (НРЛ-83), *атлантология* «наука, занимающаяся изучением Атлантики и Атлантиды» (НСЗ 60-х).

Близость семантики суффиксоидов *-логия* и *-ведение* приводит к тому, что при помощи них могут образовываться синонимичные производные: *курортология* — *курортноеведение*, *стихология* — *стиховедение*, *полярнология* — *полярноеведение* (НРЛ-80), *индология* (БАС) — *индоведение* (НРЛ-80). В некоторых случаях в основу синонимии производных положен коннотативный признак. Ср.: *киноведение* «наука о киноискусстве» — *шутл. кинология*, *демонология* — *чертоведение* и др.

В то же время производные с суффиксоидом *-логия* отличаются от сложных слов с формантом *-ведение* способностью свободного «склеивания» основ, что свидетельствует о возрастании агглютинативности в словообразовании [6]. В современном русском языке увеличивается класс основ, для которых характерна высокая степень сочетаемости с другими компонентами сложных слов. Среди них особенно выделяются иноязычные основы, поскольку они имеют стандартные, унифицированные значения и в подавляющем большинстве не отягощены многозначностью [6, с. 101]. Применительно к исследуемому материалу различные заимствованные основы свободно сочетаются с единицами на *-логия* (исключения из правила единичны, например, *светофизиология*, а также *лесопатолог* «специалист по болезням леса»). Класс таких основ постоянно пополняется в основном за счет греко-латинских одиночных (*аэро-*, *био-*, *гео-*, *гелио-*, *иммуно-*, *микро-*, *нейро-*, *онко-*, *палео-*, *радио-*, *фито-*, *фото-*, *цито-* и др.) и комбинированных основ (*геолого-*, *биолого-*, *гидролого-*, *эколого-* и др.), которые образуют ядро терминологической лексики¹.

Соотношение заимствованных терминов и их эквивалентов всегда волновало лингвистов. Так, Д. С. Лотте цитирует О. Есперсена: «Если предмет, для которого нужно создать термин, принадлежит к числу часто встречающихся, то соображения национального удобства должны быть поставлены выше соображений между-

¹ В составе сложений на *-логия* единичны основы психо- (психофармакология) (НСЗ 60-х), кардио- (кардиотравматология), агро- (агробиология), крио- (криобиология), хроно- (хронобиология), электро- (электрофизиология).

народного удобства» и отмечает, что одна из причин заимствований заключается в снятии противоречия между требованиями точности термина и требованиями их практической краткости [10, с. 44]. Например, слово *китаеведение* вытесняет слово *синологию*, корень которого не находит опоры в других словах русского языка, к тому же формант *-логия* имеет более ограниченную сферу применения, чем *-ведение*. Н. Д. Андреев анализирует некоторые термины-сложения, отмечая при этом, что *клеоптерологию* можно перевести как *жуковедение*, а *климатологию* заменить *климатоведением*, *ихтиологию* — *рыбоведением* (параллельно с *рыбоводством*) и т. д. Перевод возможен и желателен в том случае, когда «этимологические составляющие термина в то же время являются смысловыми компонентами» [1, с. 32]; такой перевод точно выражает соответствующее понятие на общедоступном языке и способствует включению терминов-эквивалентов в сложившиеся ряды соответствующих наук.

Корни, извлеченные из русских сложных слов (например, *-ход*, *-лет*, *-вед*, *-вод* и др.), в терминологических системах включаются в единый категориальный ряд с иноязычными терминоподобными элементами. «Парадигматичность терминов, т. е. устойчивость и определенность их связей в терминологическом гнезде, тенденция к согласованию внешней формы термина с его семантической структурой, видимо, должны препятствовать затушевыванию в термине его внутренней формы» [7, с. 147].

По мере развития исследуемых рядов терминов они приходили в соприкосновение с другими типами словообразования; например:

*-логия / -ика / -истика*² (*симптоматология* — *симптоматика*, *гнотобиология* (НСЗ 60-х) — *гнотобиотика* «раздел экспериментальной биологии, изучающий жизнедеятельность организма в стерильной среде», *диетология* — *диететика*, *индология* — *индианистика* «совокупность наук, изучающих индийскую культуру (язык, литературу, историю и т. п.)», *фонология* — *фонетика*, *семасиология* — *семантика*, *семиология* — *семиотика*, *трибология* «отрасль науки, изучающая взаимодействие соприкасающихся частей машин, механизмов в условиях трения» — *трибоника* (НСЗ 70-х);

-ведение / -истика (*монголоведение* — *монголистика*, *языковедение* — *лингвистика*, *китаеведение* — *китаистика*, *пушкиноведение* — *пушкинистика*, *славяноведение* — *славистика*, *востоковедение* — *ориенталистика*, *японоведение* — *японистика* и др.);

-ведение / -графия (*картоведение* — *картография* «наука о составлении географических карт», *металловедение* — *металлография*);

-ведение / -логия (*мерзлотоведение* — *геокриология*, *культуроведение* (НРЛ-81) — *культурология*, *планетоведение* — *планетология* (НСЗ 70-х), *стиховедение* — *стихолгия*, *языковедение* — *глоттология*, *индоведение* (НРЛ-80) — *индология*);

² В отдельных случаях модель на *-истика* является единственно возможной: арабистика, арменистика, германистика, византинистика, индианистика, индоевропеистика, иранистика, испанистика, медиевистика, арабистика, гебраистика, русистика, сфрагистика, флористика, фольклористика, цивилистика. Параллельные модели единичны: фаунистика — зоогеография.

-логия / -графия (органология «отрасль биологии, изучающая органы животных и растений со стороны их строения» — органография «изучение и описание органов растений и животных»; петрология «отдел геологии, изучающий горные породы со стороны их минералогического и химического состава, условий расположения, происхождения и изменения» — петрография, сейсмология — сейсмография, этнология — этнография, космология «общее учение о мире в целом, об устройстве вселенной» — космография «устар. Описание вселенной; учение о мире», селенография «отдел астрономии, занимающийся изучением Луны» — селенология (НСЗ 60-х).

Разошлись в значениях производные *криминалистика* «раздел науки об уголовном праве, изучающий методы расследования преступлений» и *криминология* «учение о преступности как социальном явлении»; не совпадает объем значения у производных *океанография* «отдел физической географии, занимающийся изучением морей» — *океанология* «совокупность наук, изучающих мировой океан и его моря»; *патристика* «христианская философия, изложенная в произведениях так называемых „отцов церкви”» — *патрология* «раздел богословия, занимающийся изучением сочинений „отцов церкви”».

Производные на *-истика* легко образуются от названий стран и народов: *арменистика, африканистика, индианистика, иранистика, китаистика, монголистика, португалистика, японистика* и др. «Элемент *-истика* в некоторых случаях признается говорящими более подходящим, чем *-логия*. Вот высказывание ученого-социолога: Первый раз слышу *вашигтонология* // Я бы охотнее употреблял *американистика*» [5, с. 142]. Менее удачным является использование в приведенном контексте композита со вторым компонентом *-логия*, ведь продуктивной в языке является модель на *-истика*. В то же время производное *вашигтонология* создано с нарушением словообразовательного типа, поскольку элемент *-логия* не сочетается с основами имен собственных. При нарушении этой закономерности в языке образуются окказионализмы (см. ранее представленный фактический материал).

«Принцип эвфонии требует устранения излишней протяженности термина, а также скопления однородных звуков. К эвфоническому фактору следует отнести также устранение всех побочных ассоциаций, связанных, как правило, с обыденными, „непристижными” понятиями. Дублетная модель терминов-названий разделов лингвистики на *-ика / -логия* наглядно демонстрирует соблюдение этого правила. Так, термин *эсперантология* не мог возникнуть в форме **эсперантистика*, хотя существует масса аналогичных образований (ср. *англистика, германистика, богемистика, литуанистика* и т. п.). В то же время для обозначения отраслей африканского языкознания, занимающихся языками догон и канури вряд ли возможны — в русской научной литературе — термины **догонистика* и **кануристика* (при том, что в африканистике модель на *-ика* весьма продуктивна, ср. *баманистика, суахилистика, фуланистика* и др.)» [12, с. 211].

Сложения с формантом *-ведение*³ имеют также параллельные ряды на *-водство*. В некоторых случаях при отсутствии в языке производного на *-ведение* его заменяет композит на *-логия*: *помология* «теория плодоводства» — *плодоводство*, *гиппология* «наука, ставящая своей задачей изучение организма лошади и способов улучшения коневодства» — *коневодство*. Каждый ряд имеет свою специализацию: например, термины типа *мореведение*, *театроведение*, *шекспироведение* обозначают науки и их отрасли, слова на *-водство* — отрасли народного хозяйства, преимущественно сельскохозяйственные [1, с. 25]: *луководство* (НСЗ 70-х), *розоводство* (НСЗ 80-х), *сайгаководство* (НРЛ-77), *китоводство*, *крокодиловодство*, *ондатроводство* (НРЛ-79), *форелеводство* (НРЛ-80), *водорослеводство* (НРЛ-82). В отдельных случаях одну и ту же первую часть сложения находим в обоих рядах: *лесоводство* — *лесоведение*, *луговодство* — *луговедение*, *сортыведение* — *сортыводство*, *собаководение* — *собаководство* и т. д. В значениях слов, составляющих такую пару, много общего, но граница между ними прослеживается четко. Как отмечал Н. Д. Андреев, ряд производных на *-водство* является более однородным и распадается на две большие группы: животноводческие и растениеводческие термины. Термины, оканчивающиеся на *-ведение*, «не поддаются четкой классификации — скорее всего потому, что для большого числа наук и отраслей употребительны обозначения, составленные из латинских и греческих корней» [1, с. 28].

³ «Морфема *-ведение* в словах *всеведение*, *сердцеведение* в настоящее время существенно отличается от *-ведения* в словах типа *лесоведение*, *славяноведение* и под. Как те, так и другие должны быть признаны суффиксальными в современном русском языке, ввиду того что значение „знать” у глагола *ведать* стало архаичным» [4, с. 47].

Синонимичностью глаголов *ведать* и *знать* в истории русского литературного языка можно объяснить появление таких дублетов, как *языковедение* – *языкознание*, *музыковедение* — *музыкознание*, *естествоведение* — *естествознание*, *искусствоведение* — *искусствознание*, *человековедение* «изучение, знание человека в психологическом и социальном плане» — *человекознание*, *источниковедение* — *источникознание*, *пушкиноведение* — *пушкинознание*: «Не менее плодотворен вклад академика Лихачева в области источникознания и текстологии». [Режим доступа: <http://www.lihachev.ru>]; «Очевидно, в истории русского пушкинознания, которая и сейчас продолжается, имеет место процесс, подобный тому, что называется герменевтическим кругом». [Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?>].

Модель образования композитов со вторым компонентом *-знание* используется при наименовании институтов, отделов, кафедр, той или иной специализации. Ср.: Институт архивознания, дисциплина «Архивознание», Институт украинской археографии и источникознания им. М. С. Грушевского НАН Украины, кафедра украинской литературы и шевченкознания КНУ им. Т. Г. Шевченко, отдел шевченкознания Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины, кафедра театрознания, специализация «Театрознание», специализации: «Книгознание», «Библиотекознание» и др.

Композиты с опорным компонентом *-знание* употребляются и в нетерминологическом значении. Ср.: «На правах вольнослушателя три месяца у Кулешова занимался Сергей Эйзенштейн, именно здесь он получил первые кинознания по теоретическому монтажу и построению массовок». [Режим доступа: <http://www.booksshare.net/index.php>].

Пересекаемость значений терминов на *-ведение* и *-водство* наблюдается лишь в единичных случаях, ср. *сортосведение* «устар. То же, что *семеноводство*», *семеноведение* — *семеноводство*. Исключением является и совмещение в производном на *-водство* рассматриваемых значений: *плодоовощеводство* «выращивание овощей, плодов, ягод как отрасль сельского хозяйства // Отрасль науки, изучающая вопросы разведения овощей и плодово-ягодных растений» (БАС). Однако двухкомпонентные композиты *плодоводство* и *овощеводство* имеют только одно значение.

Слова на *-логия* и *-ведение* «индуцируют» появление окказионализмов, в которых опустошается семантическая наполняемость вторых компонентов и на передний план выдвигаются коннотативные признаки. Появление окказионализмов, например, на *-логия* обусловлено нарушением законов построения словообразовательных типов. Известно, что суффиксоид *-логия* сочетается только с греко-латинскими основами; нарушение этой закономерности и стимулирует образование неолексем. Примечательно, что производное *болтология* как синоним к болтовне, пустословию, появившееся с нарушением законов словообразования, стало узуальным и было зафиксировано в БАСе. Ср. одноструктурные производные: *кадрология* (В. Кожевников), *бредология*, *кресология*, *мусорология*, *трепология* (НРЛ-86).

Коннотативные семы актуализируются и в производных на *-ведение* типа *повтороведение* (НРЛ-81), *разговороведение* (НРЛ-83), *ведьмоведение* (НРЛ-86). В данном случае юмористический эффект возникает в результате сочетания основы *-ведение* с основами, нехарактерными для данного словообразовательного типа.

Очевидно, что возможность определенного стилистического использования подобных слов зиждется на соотношении с нейтральным по своей эмоциональной окраске научно-техническим термином.

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим **выводам**.

1. Заимствованная основа *-логия* и функционально соотносительная с ней исконная основа *-ведение* являются продуктивными в современном русском языке. Производные с исследуемыми основами относятся к терминологической лексике, называя науки и отдельные отрасли знания.

2. Заимствованная и исконная основы различаются комбинаторными способностями: основа *-логия*, в отличие от основы *-ведение*, не сочетается с именами собственными. В то же время производные на *-ведение* не могут присоединять заимствованные основы, что является характерным для единиц с постпозитивной основой *-логия*.

3. В составе сложных слов компоненты *-логия* и *-ведение* взаимодействуют друг с другом и с другими основами, однако пересекаемость значений терминов наблюдается лишь в единичных случаях. В однокоренных образованиях доминируют специализация семантики или расхождение в значениях.

Литература

1. Андреев Н. Д. Термины типа «лесоводство», «лесоведение» / Н. Д. Андреев // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. — 1954. — № 6. — С. 23 – 32.
2. Букчина Б. З. Слитно или раздельно?: (Опыт словаря-справочника) / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. — М., 1982. — 879 с.

3. Григорьев В. П. Так называемые интернациональные сложные слова в современном русском языке / В. П. Григорьев // Вопросы языкознания. — М., 1959. — № 1. — С. 64 – 77.
4. Григорьев В. П. О границах между словосложением и аффиксацией / В. П. Григорьев // Вопросы языкознания. — М., 1956. — № 4. — С. 38 – 52.
5. Земская Е. А. Словообразование как деятельность: [монография] / Е. А. Земская. — М., 1992. — 222 с.
6. Клименко Н. Ф. Аглютинативність в українському словотворенні / Н. Ф. Клименко // Українське мовознавство. — К., 1990. — Вип. 17. — С. 96 – 104.
7. Красильникова Е. В. Инвентарь морфем / Е. В. Красильникова // Способы номинации в современном русском языке. — М.: Наука, 1982. — С. 133 – 158.
8. Крысин Л. П. Об интернационализации фонда словообразовательных морфем / Л. П. Крысин // Современное русское языкознание и лингводидактика: сб. науч. тр., посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского. — М., 2007. — Вып. 2. — С. 69 – 72.
9. Лопатин В. В. О некоторых принципах морфемного анализа слов (К определению понятия сложного слова в современном русском языке) / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — М., 1963. — Т. XXII. — Вып. 3. — С. 190 – 203.
10. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов: [монография] / Д. С. Лотте. — М.: Наука, 1982. — 150 с.
11. Минина Л. И. Диахроническая и синхроническая продуктивность, модельная и суммарная частотность суффиксоидов русского языка / Л. И. Минина, Б. И. Бартков // Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. — Владивосток, 1986.
12. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории: [монография] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — М.: Наука, 1989. — 246 с.
13. Шанский Н. М. Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка / Н. М. Шанский // Исследования по современному русскому языку. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. — С. 257 – 271.

Петров О. В. Функціональна відповідність іншомовних та питомих основ (на матеріалі похідних з другими компонентами *-логія* та *-ведение*).

У статті на матеріалі похідних з другими компонентами *-логія* та *-ведение* досліджено функціональну відповідність між запозиченою та питомаю основами; відзначено розбіжності в комбінаторних особливостях постпозитивних компонентів; схарактеризовано їхню взаємодію з іншими основами.

Ключові слова: запозичена та питома основи, функціональна відповідність між основами, комбінаторні особливості основ.

Petrov A. V. Functional accordance foreign and russian bases (on material of derivatives with the second components *-логия* and *-ведение*).

The article deals with functional correspondence between international and original grounds based on the derivative with the second component *-логия* and *-ведение*; marks differences in the combinatorial features of postpositive components; determines postpositive components interaction with the others grounds.

Key words: international and original grounds, functional correspondence between the grounds, combinatorial features of the grounds.

Статья поступила в редакцию 16 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 384 – 390.

УДК 81'367.633: 81'367.6: 81'373.611

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОМОРЯДА ПРЕДЛОГ-ПРИСТАВКА
В ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ
(на материале памятников XVII в.)**

Е. В. Цымбалюк

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В данной статье приведены результаты исследования по проблеме межъязычной переходности. В результате изучения способов актуализации семем первообразных предлог-префиксов на материале первого текста «Летописной книги» С. И. Шаховского (XVII в.) были выявлены и описаны модели формирования функционального оморяда предлог-приставка. Установлена зависимость семантики предложно-именных и предложно-глагольных морфологических сочетаний от семантики исходного предлога.

Ключевые слова: первообразный предлог, префикс, межъязычные функциональные омонимы, морфологическое сочетание.

Постановка проблемы. Язык характеризуется непрерывной динамикой развития и ограниченным количеством структурных единиц. В связи с этим в языке происходят постоянные интеграционные процессы. Их цель — обеспечить потребность выражения нового понятия имеющимися средствами номинации. Таким образом, переходные явления — неотъемлемое свойство всякого живого языка.

Анализ литературы. В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к проблемам языковой переходности и механизмам, способствующим развитию лексико-грамматической системы языка. Явлению переходности посвящены работы В. В. Бабайцевой, Л. А. Введенской, Н. А. Каламовой, Е. П. Калечиц, О. М. Ким, Е. С. Кубряковой, П. А. Леканта, В. М. Мигирова, В. М. Никитевича, Е. Н. Сидоренко, Т. С. Тихомировой, Л. Г. Яцкевич. Особый интерес в трансформациологии составляет изучение межъязычной переходности, в основе которой лежат исследования диахронной лингвистики, посвященные объяснению возникновения тех или иных языковых фактов [14]. В данной работе предпринята попытка изучить закономерности формирования функционального оморяда предлог-приставка в период становления русского национального языка XVII в., что определяет **актуальность** нашего исследования.

Изучение межъязычной функциональной омонимии предлог-приставка связано с вопросом определения языкового статуса данных единиц.

В теории языкознания продолжается обсуждение дискуссионного вопроса по поводу установления природы: морфемной или морфологической — служебных «частей речи». Представителями структурного направления лингвистики ставится

под сомнение наличие у служебных слов самого статуса слова в связи с отсутствием у них категориального и лексического значений, парадигмы словоизменения, одноморфемностью структуры и невозможностью самостоятельной синтаксической реализации [7; 18; 25]. В результате такие единицы квалифицируются как промежуточное образование — «слова-морфемы», находящиеся наряду с аффиксами в составе формообразующих средств языка [4; 6; 7]. Способность предлогов иметь аналитическую форму служебного слова и синтетическую — префикса определяется как доказательство их морфемной природы, что отрицает существование межъязычной переходности [7].

По мнению теоретиков функциональной лингвистики, предлоги следует относить к классу слов по наличию у них релятивной семантики, возможности занимать определенную синтаксическую позицию и влиять на содержание и форму синтаксических единиц — от словоформы и словосочетания до самого предложения и речи в целом [2; 9; 12], а также по определению самих морфем как значимых частей слова, выражающих постоянную семантику [5; 15]. Употребление одного звукового комплекса и в качестве предлога, и в качестве префикса рассматривается школой как случаи межъязычной функциональной омонимии.

В связи с этим представляется целесообразным установление генетической природы предложной и префиксальной омонимичных единиц.

Целью работы стало изучение особенностей функционирования первообразных предлогов-префиксов и описание семантического моделирования данной группы языковых единиц в текстах XVII в.

В ходе исследования были поставлены **задачи** описания модели предложных аналитических конструкций и семантически эквивалентных им префиксальных слов и объяснения способов конденсации данных аналитических образований.

Материалом исследования стал первый текст «Летописной книги» С. И. Шаховского.

В истории русского языка устоялась точка зрения на происхождение аффиксов из лексем, а служебных слов из знаменательных единиц [2; 11; 12; 13; 16; 17; 19], в частности предлогов — из наречий, имен существительных и глаголов [6; 12; 13; 17; 23; 25].

В результате изучения адвербиальной, субстантивной и вербиальной гипотез возникновения предлога мы, вслед за А. В. Добиашем, С. И. Карцевским, Е. С. Кубряковой, А. Л. Погодиным, А. А. Потебней и Н. С. Трубецким, определяем предлоги как древнейшие корни-основы с материально не выраженными флексиями начальной формы [8, с. 234, 238 – 239; 9, с. 106; 12, с. 28; 16, с. 73, 110 – 113; 17, с. 128; 21, с. 75 – 76] и придерживаемся взгляда на наличие у них предикативной семантики. Идея предикативности предлога была высказана в работах М. И. Конюшкевич, Е. С. Кубряковой, Л. Ленгрена, И. И. Мещанинова, У. Л. Чейфа [10; 12; 13; 23]. Мы соглашаемся с гипотезой, согласно которой первообразные предлоги обладали категориями аспектуальности и модальности.

Одним из доказательств наличия у предлогов категории аспектуальности — «характеристики протекания и распределения действия во времени» [3] — может служить историческое развитие системы времен индоевропейского глагола. Так,

будущее простое строилось на базе сочетания глагола с локативными корнями-основами, обладающими векторной семантикой начального или конечного ориентира движения, на основании чего в русском языке все глаголы совершенного вида, не имея настоящего времени, образуют будущее простое, являющееся по форме настоящим, например: *идет*, но *ото* + *идет*, *у* + *идет* и *во* + *идет*, *при* + *идет* [22].

Говоря о категории модальности, мы, вслед за исследователями Ю. Д. Апресяном, А. В. Бондарко, Е. В. Клобуковым, Л. Г. Яцкевич, утверждаем, что предлог способен конкретизировать не только глагольное действие, но и быть модификатором модальности имени [26]. Используя предложенное Л. Г. Яцкевич определение модальности как «коннотативного фона, связанного с разнообразной оценкой и акцентированием свойств объектов номинации» [26, с. 22], предлагаем включить в систему модальных отношений все отсубстантивные именные префиксальные образования по наличию у них локальной или темпоральной характеристики объекта (*преддверие*, *взморье*; *прадед*, *праформа*, *подзаголовок*; *приморский*) либо степени проявления его функционального качества (*призвук*, *придурь*, *прозелень*, *сумрак*; *пребольшой*, *подслеповатый*).

В связи со сказанным мы выявляем у древних глаголов атрибутивную и связочную (конструктивную) функции. Возникновение их в языке, вслед за Е. С. Кубряковой, Н. М. Шанским [12; 24], мы объясняем потребностью обозначить статику или динамику локального предиката, поэтому к числу первообразных относим связки «бытия» и «движения». Тип «семантических» глаголов определяем как включающий названия процессов по предмету, призванные служить субъектными определителями. Таким образом, мы поддерживаем именную концепцию происхождения глаголов, разрабатываемую Э. Бенвенистом, С. И. Карцевским, Е. С. Кубряковой, А. А. Потебней, Г. Хиртом [1; 9; 12; 17; 1].

Учеными также выдвинута гипотеза о возникновении флективной падежной парадигмы из служебных слов [13]. В славянских языках, как известно, предлоги стали употребляться без вытеснения системы падежей, причем, как свидетельствуют письменные памятники, их присоединение происходило в два этапа: на первом они в качестве префиксов прирастали к глагольным основам (например, «*отступися Волока*», «*Глеб вниде Чернигов*», «*заплатить попу бесчестие*» [19, с. 465 – 466]), на втором — дублировали их, образуя одно смысловое единство с именем — предложно-падежную форму.

В ходе проведенного нами исследования была выдвинута гипотеза об образовании предлогом сложной основы глагола — на первом этапе, и его перехода в разряд структурообразующих морфем в связи с явлением семантической избыточности, утратой предикативного значения и приобретения релятивной семантики — на втором.

Таким образом, в данной работе мы определяем языковой статус предлога как слова, считаем его важной составляющей частеречной системы и говорим о его потенциальной способности образовывать словосочетания, специфика которых, по словам В. М. Никитевича [15] и М. И. Стеблин-Каменского [20], заключается в существовании коррелирующей расчлененной — в случае сохранения предлогом статуса слова, и синтетической — в случае его перехода в префиксальную морфе-

му — формы. Для обозначения подобного типа словосочетаний в работе будет использоваться предложенный М. И. Стеблин-Каменским термин «морфологическое сочетание» [20, с. 21].

В процессе исследования памятника XVII в. были выявлены следующие особенности функционирования единиц оморяда предлог-приставка.

Компонентный анализ группы первообразных предлогов-приставок показал, что в русском национальном языке XVII в. значения префиксов дублировали семантику производящих предлогов, восходили к их прототипическим семемам; развитие же индивидуальных сем происходило контекстно, возникало с целью конкретизации смысла. В результате изучения контекстной актуализации семем первообразных предлогов-префиксов в первом тексте «Летописной книги» С. И. Шаховского были выделены следующие модели морфологических сочетаний.

I. Модель дублирования предлогом всех семем префикса глагола (случаи тавтологического повтора предлога и префикса): *нападе страх... на вся люди* (с. 364), *отиде от... худыхъ градовъ* (с. 358), *собрався со князми и з бояры* (с. 364) и др.

II. Модель семантической эквивалентности предлога и префикса глагола (случаи синонимии лексико-семантических вариантов предлога и префикса): *к нѣкоему городку... прииде* (с. 366), *царский вѣнецъ возложил на главу свою* (с. 364), *от их... супружества изыде муж великославен* (с. 358) и др.

III. Модель конкретизации предлогом объектной семантики префикса глагола: *погребень бысть... в пречестномъ храме* (с. 362), *послал... под... Псковъ послов* (с. 360), *собрашась вся воинства в сонмъ едину* (с. 366) и др.

IV. Модель окказиональной конкретизации предлогом антонимичного префикса глагола: *великий князь оттоиде к Богу* (с. 360), *отведоша... на утѣшение* (с. 362), *уклони мысль свою на крестьяньское убиение* (с. 360) и др.

V. Модель именной, адвербиальной или вербиальной лексики, образованная на базе сочетания предлога с бесприставочным словом: *всѣхъ людей подрученны себѣ учини* (с. 362), *окрестныя государства... под свою... руку поручил* (с. 358), *достиже совершеннаго мужеска возраста* (с. 358) [стежити до (чего?)], *онъ же испусти слезы пред народом* (с. 364) [пустити из (кого?)] и др.

В ходе исследования доказано, что морфологические сочетания в русском языке XVII в. могли иметь два пути конденсации в префиксальное слово:

1) в соединении предлога с глаголом — посредством способа словообразования сращение, при котором предлог в производном глаголе выполнял роль агглютинативного аффикса, сохраняя семантику расчлененного сочетания и приобретая дополнительное значение результативности, например: *стежити до* (чего) — *достежити* / *достигнуть* (чего); *пустити из* (чего) — *испустить*; *делить от* (чего) — *отделить*; *колоть за* (что) — *заколоть*;

2) вследствие префиксально-суффиксального способа словообразования отыменных частей речи, при котором новое слово — результат соединения предлога с основой существительного и категориального суффикса производной лексико-грамматической единицы, например: *под властью* — *подовластный*; [*поручить*] *под руку* — *подрученный*; *у сердца* — *усердный*.

При анализе расчлененных морфологических сочетаний было установлено, что их смыслы формировались в зависимости от семантики входящих в их состав предлогов. Ярким примером данного положения служат сочетания, предлог которых выступает конкретизатором антонимичного префикса глагола. Так, в единицах *отойти к*, *отвести на* и *уклонить на* предлог замещает префиксальную семантику движения от ориентира собственным значением направления к нему.

При изучении эквивалентных расчлененных и синтетических морфологических сочетаний было отмечено, что предлог в них управляет семантикой глагола. Так, сопоставление сочетаний *быть при* — *прибыть*, *быть у* — *убыть* выявило, что предлог, переходя в префиксальную морфему и приобретая сему результативности, переводит глагол статики в разряд глаголов динамического действия по наличию в самой результативной семантике значения достижения определенной цели. Обратный анализ подобных сочетаний: от синтетического типа к аналитическому — показал, что префиксальные глаголы движения, такие как *прийти*, *прибежать*, в своем расчленном типе — *идти при*, *бежать при* — аннулируют сему направления к ориентиру, обладая идеей постоянной близости к нему во время производимого пути. Значение приближения к ориентиру расчленным сочетанием могло быть выражено через глагол бытия *стать*, обладающий значением достижения цели: *стать при*. Таким образом, предлог, переходя в приставку, мог не только изменять семантику глагола, но и требовать его замены в целом. Из чего следует, что в сочетании со связочными глаголами и глаголами движения не предлог являлся показателем вида глагола, а глагол указывал на статичное или динамичное выражение пространственной семантики предлога.

Выводы. При изучении памятника XVII в. были обнаружены семантически эквивалентные сочетания со знаменательным словом первообразного предлога и соответствующего ему префикса. Это привело к выводу о способности предлога образовывать словосочетание, обладающее потенциальной языковой возможностью конденсации в префиксальное слово. Была установлена зависимость смыслов подобных сочетаний от семантики входящих в их состав первообразных предлогов.

Литература

1. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование / Э. Бенвенист. — М.: ИИЛ, 1955. — 264 с.
2. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений) / В. А. Богородицкий. — 5-е изд., перераб. — М.-Л.: Соцэргиз, 1935. — 223 с.
3. Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики (Текст. Структура и семантика) [Электронный ресурс] / А. В. Бондарко. — Т. 1. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/bondarko-01.htm>
4. Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. — М.: Соцэргиз, 1937. — 410 с.
5. Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы / Й. Вахек при участии Й. Дубского; [пер. с франц., нем., англ. и чешского И. А. Мельчука и В. З. Санникова]; под ред. и с предисловием А. А. Реформатского. — М.: Прогресс, 1964. — 350 с.

6. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): [учебное пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература»] / В. В. Виноградов. — 3-е изд., испр. — М.: Высшая школа, 1986. — 559 с.
7. Вихованець І. Р. Прийменникова система української мови / І. Р. Вихованець. — К.: Наукова думка, 1980. — 287 с.
8. Добиаш А. В. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка / А. В. Добиаш. — Прага, 1897. — 286 с.
9. Карцевский С. И. Русский язык: [пособие для старших классов средней школы] / С. И. Карцевский. — Ч. 1.: Грамматика. — Прага: Пламя в Праге, 1925. — 130 с.
10. Конюшкевич М. И. Функции предлога [Электронный ресурс] / М. И. Конюшкевич // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту / Зб. наук. праць, присвячений ювілею професора А. П. Загнітка. — Донецьк: ДонНУ, 2004. — С. 196 – 202. — Режим доступа: <http://mova.dn.ua/content/view/34/8/1/3/>
11. Кочергина В. А. Учебник санскрита: [учебник для высших учебных заведений] [Электронный ресурс] / В. А. Кочергина. — Москва: Филология, 1994. — Режим доступа: <http://tony.donetsk.ua/jyotish/sanskrit/primer.html>
12. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. — М.: Наука, 1978. — 115 с.
13. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. — М.-Л.: АН СССР, 1945. — 396 с.
14. Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. — Бельцы, 1971. — 227 с.
15. Никитевич В. М. Словообразование и деривационная грамматика: [спецкурс по общему языкознанию для студентов-филологов] / В. М. Никитевич. — Алма-Ата, 1978. — 64 с.
16. Погодин А. Л. Следы корней-основ в славянских языках / А. Л. Погодин. — Варшава, 1903. — 310 с.
17. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. — М.: АН СССР, 1958. — 269 с.
18. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове / А. И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя. — М.: АН СССР, 1955. — С. 11 – 15.
19. Современный русский язык. Морфология: [курс лекций; учебное пособие для вузов] / Под ред. В. В. Виноградова. — М.: ИЛ, 1952. — 519 с.
20. Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка / М. И. Стеблин-Каменский. — М. — Л.: Наука, 1957. — 242 с.
21. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии / Н. С. Трубецкой; [пер. с разн. яз.] / Сост. В. А. Виноградов, В. П. Нерознак; под общ. ред. Т. В. Гамкрелидзе и др.; послесл. Т. В. Гамкрелидзе и др.; коммент. М. Е. Алексеева и др. — М.: Прогресс, 1987. — 559, [1] с.
22. Части речи // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой / [Электронный ресурс]. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — Режим доступа: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/chasti%20rechi/723>
23. Чейф У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. — М.: Прогресс, 1975. — 432 с.
24. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н. М. Шанский. — М.: Учпедгиз, 1959. — 246 с.
25. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — 2-е изд. — Л., 1941. — 620 с.

26. Яцкевич Л. Г. Функциональная категория модальности имен существительных: когнитивные и типологические аспекты / Л. Г. Яцкевич // Словообразовательные и грамматические категории в русском языке и речи: сб. науч. трудов / Федеративное агентство по образованию, ГОУ, ВПО «Вологодский государственный педагогический ин-т»; сост. Л. Г. Яцкевич. — Вологда: Русь, 2006. — С. 20 – 38.

Источник материала

1. Шаховской С. И. Летописная книга / С. И. Шаховской // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII вв. / Вступит. статья Д. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. Дмитриев и Д. Лихачев. — М.: Художественная литература, 1987. — 616 с. — С. 358 – 366.

Цимбалюк Є. В. Функціонування оморяда прийменник-префікс у діахронному аспекті (на матеріалі пам'яток XVII ст.).

У статті наведені результати дослідження із проблеми між'ярусної перехідності. У результаті вивчення способів актуалізації семем первісних прийменників-префіксів на матеріалі першого тексту «Літописної книги» С. І. Шаховського (XVII ст.) були виявлені й описані моделі формування функціонального оморяда прийменник-префікс. Встановлена залежність семантики прийменниково-іменних і прийменниково-дієслівних морфологічних словосполучень від семантики вихідного прийменника.

Ключові слова: непохідний прийменник, префікс, між'ярусні функціональні омоніми, морфологічне сполучення.

Tymbalyuk E. V. The functioning of the homonymic series the preposition-the prefix in the diachronic aspect (on the material of literary monuments of XVII cent.).

In this article we propose the results of the research in the sphere of the interlevel functional transformation. We studied the methods of actualization of sememes of primary prepositions-prefixes on the material of the «Chronological Book» by S. I. Shakhovskoy (XVII cent.). As a result, we exposed and described the models of the formation of the functional homonymic series «the preposition-prefix» and determined the dependence of semantics of morphological word-combination of «noun and preposition» and «verb and preposition» from semantics of actualized preposition.

Key words: primary preposition, prefix, interlevel functional homonyms, morphological word-combination.

Стаття постуила в редакцію 12 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 391 – 398.

УДК 811.161.1–112:001.4+61

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ МИКРОСИСТЕМЫ ГАСТРОЭНТЕРОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. М. Шахова

*Крымский государственный медицинский университет
им. С. И. Георгиевского,
г. Симферополь*

В статье проводится диахронический анализ терминологической микросистемы гастроэнтерологии в русском языке.

Ключевые слова: терминологическая микросистема, медицинская терминология, термин.

Постановка проблемы. Плодотворное развитие какой-либо науки трудно себе представить, если её концептуальный аппарат не имеет строгой научной терминологии. Специализированная терминология обеспечивает обозначение объектов, явлений и процессов, возникающих в новых областях знаний и сферах деятельности человека.

Любые единицы специальной лексики обнаруживают много сближающих их черт не только потому, что они противопоставлены общей лексике вследствие иной, преднамеренно измененной связи с понятиями и именуемыми объектами, но и потому, что они существуют не в языке вообще, а внутри особых (подъязыков) терминологических микросистем.

Анализ литературы. Около девяноста процентов новых слов, появляющихся в современном русском языке, составляет специальная лексика (см. труды О. С. Ахмановой, А. А. Реформатского, Г. Арнаудова, Д. С. Лотте, Б. Н. Головина, Т. Л. Канделаки, А. В. Исаченко, В. М. Лейчика, А. В. Суперанской, А. Д. Хаютина, С. В. Гринева, В. А. Татарина, А. З. Цисыка, М. Н. Чернявского, Н. А. Романова, С. П. Хижняка, В. Ф. Новодрановой, Е. В. Бекишевой и др.). Рост числа терминов различных наук, среди которых медицина занимает одно из первых мест, превосходит увеличение количества общеупотребительных слов языка. Значительная часть терминов проникает в общеупотребительную лексику, а терминологические микросистемы оказывают большое влияние на систему языка в целом.

Стихийный, почти неуправляемый рост терминологического фонда приводит к его засорению неполноценными, а зачастую и ненужными терминами, к неточности, расплывчатости, многозначности многих терминов, обилию синонимов. Происходит интенсивное, далеко не всегда оправданное внедрение иноязычных заимствований или наоборот — бесперспективная русификация терминов-интернационализмов.

Во всем мире медицинская общественность отдает себе отчет в том, что подобное неблагополучие в медицинской терминологии отрицательным образом сказывается на темпах развития медицинской науки и здравоохранения. Исследование терминологической микросистемы гастроэнтерологии русского языка представляет собой значительный интерес в плане развития медицинской терминологии в связи с эволюцией языковой системы и истории общества.

Целью нашего исследования явилось проведение диахронического анализа терминологической микросистемы гастроэнтерологии в русском языке.

Одной из характерных особенностей терминологической микросистемы является неоднородность включаемых в неё лексических единиц по происхождению (специалист заимствует отовсюду всё, что касается его профессии) и по категориям, к которым они относятся. Естественно, что разработка и внедрение в практику новых диагностических методов *эндоскопии, ультрасонографии, УЗИ, УВЧ, СВЧ, СМТ, ИМП, электрофореза, биорезонансной терапии от аппарата Hi-Top, терапии токами Траберта, тенс-токами, компьютерной томографии* и других аппаратных исследований, названий новых фармацевтических препаратов ввело в терминосистему гастроэнтерологии русского языка значительное количество новых терминов [1, с. 120].

Классификация понятий терминов, как правило, строится на едином основании деления, т. е. наиболее существенном признаке, изменения которого позволяют отнести к различным видам объекты, принадлежащие к одному и тому же роду. Классификации, построенные по родовидовому принципу, имеют наиболее широкое распространение в микросистемах медицинских терминов. Однако далеко не всегда удается построить классификации на однопризнаковой основе — едином основании для деления. Особые трудности в этой связи возникают при построении классификационных схем номенклатуры болезней, когда за основание для деления принимают то этиологию, то эпидемиологию, то патоморфологическую, патофизиологическую или клиническую характеристики болезни, то некоторые другие ее признаки. До сих пор отсутствуют классификационные схемы и номенклатуры многих патоморфологических субстратов, патологических процессов и состояний, количественных и качественных диагностических показателей, симптомов, синдромов и др.

Отсутствие рациональных классификационных схем отрицательно сказывается не только на адекватности и точности содержания медицинских терминов, но и на составе их звуковых комплексов, которые далеко не всегда выражают наиболее существенный классификационный признак понятия. Так, названия инфекционных и паразитарных болезней построены то по синдромному (*чесотка*), то по патоморфологическому признаку (*инфекционный гепатит*), то по названию возбудителя (*иерсиниоз*), то по имени автора, впервые более или менее точно описавшего болезнь (*болезнь Брилла*), то по месту, где болезнь была впервые выявлена (*крымская геморрагическая лихорадка*). Очень важно при построении терминов следить за тем, чтобы в пределах одной терминосистемы изменяемые части звуковых комплексов выражали признак, принятый за основание деления; например,

локализацию (*аневризма аорты, артериальная аневризма, артериоловеноулярная аневризма* и др.) или этиологию (*амебный гепатит, бруцеллезный гепатит, волчаночный гепатит, лучевой гепатит* и др.). Большая часть медицинских понятий классифицируется одновременно по различным основаниям деления, в результате чего звуковой комплекс термина может содержать несколько изменяемых частей. Так, наряду с терминами *вирусный гепатит* и *холестатический гепатит* существует термин *холестатический вирусный гепатит*.

Микросистемой языка может быть особый подъязык, созданный на основе национального языка данного народа, или чужой язык, приспособленный для выражения понятий определённой отрасли знания. [4, с. 139]. Изучение истории развития и современного состояния медицинской терминологии становится всё более важным для развития русского языка. Поэтому без преувеличения можно говорить о том, что актуальной задачей современного терминоведения является не только анализ уже сложившихся достаточно устойчивых терминосистем, но и исследование живых изменчивых и сложных фактов становления языка науки [5, с. 52].

С античных времен начинают складываться своеобразные связи между языком классической латыни и древнегреческим языком, с одной стороны, и языком специальной области знания — медицины, с другой. Латынь, прекратив своё существование в качестве живого языка, продолжила искусственную жизнь в профессиональной медицинской сфере.

Изучение процесса формирования терминологии гастроэнтерологии русского языка далеко от завершения. Недостаточная разработка закономерностей процесса становления и развития терминологической микросистемы заставляет нас обратиться к систематическому исследованию становления данной отраслевой терминосистемы. Гастроэнтерологические термины русского языка призваны выполнять ту же функцию, что и другие лексические единицы языка, но сфера их использования ограничена рамками той науки, которую они обслуживают. Именно эта особенность придает терминологии специфические черты, что отражается на термине, и заключается в том, что он должен функционировать в узкоспециальной терминосистеме. При этом она выявляет все свои структурные, семантические и функциональные особенности. Но узкоспециальная сфера функционирования терминов не есть раз и навсегда данная сфера. Являясь важнейшей частью метаязыка медицины, терминология гастроэнтерологии имеет много общего с терминологиями других естественных наук.

Медицинская терминология, тем не менее, обладает своими специфическими особенностями: основную часть медицинской терминологии составляют заимствованные греко-латинские термины или термины, созданные искусственно из греко-латинских терминоэлементов.

Быстрое увеличение числа терминов сопровождается такими негативными явлениями, как многозначность и различное понимание терминов представителями разных школ и направлений, избыточность номинации понятий, распространение немотивированных и ложно-ориентирующих терминов, вариантность форм написания одних и тех же терминов, отсутствие единых научно обоснованных принци-

пов образования новых терминов. Все это диктует необходимость дополнительных исследований и упорядочения медицинской терминологии.

В настоящее время проводится большая работа по изучению и упорядочению медицинской терминологии. Объем этой работы весьма значителен, поскольку терминология, обслуживающая медицину, относится к одной из наиболее обширных терминологических систем. Выделяют до 200 областей медицины, каждая из которых имеет свою частную микросистему терминов. В научной литературе по клиническим областям медицины, в частности гастроэнтерологии, сохраняется абсолютная неупорядоченность терминологии. В настоящее время к болезням органов пищеварения относят 70 основных и около 150 редко встречающихся [6, с. 15].

«Что касается номенклатуры, понимания сущности той или иной болезни, методологических подходов к терминологии, классификациям, беспристрастность и научные подходы подчас подменяются не всегда объективными взглядами различных медицинских школ и не всегда достаточно аргументированы. Можно предполагать, что столкновение мнений рождает истину, но пока ее дожидается практикующий врач, он должен знать критерии постановки того или иного диагноза болезни и уметь ее лечить на современном уровне не когда-нибудь, а сегодня» [6, с. 12].

Рассмотрение отдельных терминосистем позволяет проводить глубокие и всесторонние изучения терминологических процессов и что особенно важно — проводить их системно. В работах М. В. Антоновой, Т. С. Кирилловой, Е. В. Филипповой показаны особенности таких областей медицинской терминологии, как профпатология, дерматология, онкология и другие. Несмотря на то, что в последние годы терминологические исследования опираются на диахронический анализ, в области медицинской терминологии таких исследований очень мало. Такой анализ дает возможность на основе изучения изменений терминологии определенной области знаний получить точное представление об особенностях и закономерностях развития теоретической мысли, науки. Он позволяет не только повысить надежность рекомендаций по упорядочению терминологий, но и установить пути и особенности развития научной мысли в разных языках и странах, что имеет науковедческую ценность. Терминологическая медицинская лексика была и остается постоянным объектом пристального внимания исследователей.

Современный этап развития медицинской терминологии русского языка характеризуется чрезвычайной интенсивностью процесса заимствования лексики, появлением избыточности номинации её понятий, распространением немотивированных и ложно-ориентирующих терминов, вариантами форм написания одних и тех же терминов, отсутствием единых научно обоснованных принципов образования новых терминов. Не вызывает сомнений, что любой вид деятельности нуждается «в собственном корпусе терминов» [3, с. 34], который должен постоянно пополняться и совершенствоваться. Всё это диктует необходимость исследования и упорядочения терминологии гастроэнтерологии русского языка. При упорядочении медицинской терминологии возникает необходимость определить предпочтительно употребляемый термин из серии синонимов эквивалентного типа, для чего приняты следующие критерии:

- а) традиционность употребления;
- б) краткость;
- в) терминологичность, т. е. точность, отсутствие вторичных, дополнительных значений;
- г) возможность образования производных терминов;
- д) наличие в данной микротерминотерминологической системе других однокоренных образований аналогичной словообразовательной структуры.

Строгость и однозначность научного термина, точное соответствие предмету (понятию) — это те качества, которые должны быть отражены в номенклатурных кодексах разных отраслей медицины. В каждом термине принято рассматривать его этимологию и семантику (смысловое значение). Современная семантика медицинского термина зачастую не совпадает с его этимологией.

Если сравнить современное значение (семантику) заимствованных терминов греко-латинского происхождения со значением этих слов в классических языках-источниках, следует выделить две группы заимствований. Одну группу образуют полные заимствования звукового комплекса слова (почти без изменений) с сохранением основных элементов его значения в классическом языке. К этой группе относятся древнегреческие наименования *Аналгезия* (*analgesia*), *Астения* (*astheneia*), *Геморрагия* (*haemorrhagia*), *Диагноз* (*diagnosis*), *Дизентерия* (*dysentery*), *Летаргия* (*lethargia*), *Подагра* (*podagra*), и много других. К той же группе можно отнести латинские термины *Абсцесс* (*abscessus*), *Люмбаго* (*lumbago*), *Медицина* (*medicina*), *Ступор* (*stupor*) и др. [7, с. 120]. Другую группу составляют неполные заимствования, т. е. слова греческого или латинского языков, которые, войдя в состав научной медицинской терминологии, приобрели новое значение. Среди них одни вообще не имели в классическом языке специального медицинского значения, а были общеупотребительными, обиходными словами, другие применялись в языке древней медицины, но в значениях, существенно отличающихся от тех, которые им придала медицина нового и новейшего времени. Например, греческое слово *meiōsis* («уменьшение, сокращение») стало фундаментальным термином биологии *Мейоз*. Заимствованному из классической латыни слову *infectio* («окрашивание, пропитывание, порча, растление») от *inficio*, *infectum* «внедрять, пропитывать») К. Гуфеланд в 1841 г. придал новое значение «заражение болезнью»; так возник термин *Инфекция* [2, с. 37].

Раскрытие этимологии часто позволяет лучше понять, почему данное слово, данный звуковой комплекс стали использоваться для обозначения определенного медицинского понятия. Так, словом *ekitampsis* (*вспышка*) греки называли любую болезнь, возникновение которой столь же внезапно, как вспышка света. В современном научном смысле термин *Экламния* утвердился только в XVIII в. древнегреческий корень *hist-* (*Гист-*), используемый в биологии и медицине для обозначения понятия «ткань», был связан с ремесленной терминологией греческих корабелов и ткачей. *Histos* (*om histemi* — «ставим») имело несколько значений: «1) корабельная мачта; 2) ткацкий навой, т. е. вал, на который навивают основу; 3) вал вместе с навитой на него основой; 4) основа ткани, ткань, любой кусок материи». Термин

Паренхима (*parenchyma* от *parencheō* — «изливать возле») обязан своим возникновением мнению древних, «что тонкие составные части печени, селезенки, почек, легких доставляются к ним путем изливания из венозных сосудов в полости и там, застывая, служат для образования и роста органических субстанций» [2, с. 38]. Некоторые слова допускают различные толкования их этимологии. Так, согласно одной, наиболее вероятной версии, греческое слово *cholera* происходит от древнееврейского *chaul rah* («дурная болезнь»). Остальные этимологические объяснения были распространены еще в древности. По одному из них, общеупотребительное греч. слово *cholera* («водосточный желоб») получило метафорическое применение и стало обозначением болезни, характеризующейся извержением жидкостей, «как из водосточного желоба». Другие версии выделяют в слове элементы *cholē* («желчь») или *chola* («кишка») и *rheō* («течь, истекать») [8, с. 21].

Рассматривая семантику заимствованных терминов, следует иметь в виду, что преобразование значения древнегреческого или латинского слова происходит чаще всего на почве какого-либо современного языка: оттуда с новым, обогащенным значением слово-термин поступает в русский язык или в интернациональный фонд.

При упорядочении медицинской терминологии в связи с синонимами интерпретационного типа приходится решать две серьезные задачи. Во-первых, необходимо убедиться в том, что данные термины действительно являются синонимами, а не выражают разные понятия. Единственным основанием для такого решения служит научное определение или четкое описание. Их отсутствие не позволяет достоверно установить, выражает ли термин понятие в целом или лишь какие-то отдельные его признаки. Во-вторых, из числа синонимов необходимо выбрать наиболее точный. Решение обеих задач представляет значительные трудности, связанные с наличием разных точек зрения, сторонников и противников того или иного синонима. Выбор наиболее предпочтительного термина должен проводиться путем всестороннего обсуждения проблемы компетентными коллективами ученых. Например, в последнее время из синонимов, обозначающих термин *ахалазия пищевода*, а не *врожденный кардиоспазм*, выбран последний термин, поскольку он неверно ориентирует: при данном состоянии спазма как такового не наблюдается.

Среди синонимов редко встречаются одноязычные, русские наименования. Один и тот же мотивирующий признак представлен в их звуковых комплексах разнокоренными словами или разными словообразовательными элементами, имеющими или тождественное, или очень близкое, сходное значение в общеупотребительном языке, например: *брюшная полость* — *полость живота*, *желчный пузырь* — *желчный мешок*, *желчеобразование* — *желчеотделение*. Если известно, что русский термин состоит из греческих или латинских этимонов (слов, корней, элементов), это не означает, что в классическом словаре слово существовало в готовом виде; весьма часто оно является неоклассицизмом. Семантика современного термина и его этимология могут находиться в сложных отношениях друг с другом. В одних случаях они совпадают, в других семантика как бы вырастает из этимологии.

логического обиходного значения древнего слова, надстраивается на нем, как на своей образной основе, помогая пониманию термина; в некоторых случаях между ними возникает противоречие, современная семантика полностью не соответствует этимологии, что позволяет выявлять ошибочные представления прошлых времен. Поэтому, хотя этимология представляет несомненный историко-научный или познавательный интерес, она в лучшем случае может служить лишь подспорьем и ориентиром в уяснении значения терминов. В связи с этим требование, чтобы семантика и этимология термина соответствовали друг другу, не всегда является обоснованным.

Традиционность употребления терминов, наличие в науке различных точек зрения, взаимообмен информацией на разных языках, связанный нередко со специфическими, национальными микротерминосистемами, наконец недостаточность планомерных систематических усилий по ограничению роста синонимов — все это вместе взятое служит питательной почвой для возникновения множества интерпретационных синонимов.

В результате исследования мы пришли к следующим **выводам**.

1. Неупорядоченность медицинской терминологии, как в русском, так и в других языках, продолжает оставаться серьезным препятствием при обмене научной информацией, а также при адекватном научном переводе медицинской литературы.

2. Упорядочение и нормализация русской медицинской терминологии крайне необходимы, и в этой работе, кроме специалистов различного медицинского профиля, должны активно участвовать филологи.

Литература

1. Баранова Л. А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения / Л. А. Баранова. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. — 320 с.
2. Карузин П. И. Словарь анатомических терминов: С прил. кратк. сведений по лат. и греч. яз. и биограф. словаря ученых / П. И. Карузин. — М. — Л.: Главнаука, 1928. — 291 с.
3. Актуальные вопросы упорядочения медицинской терминологии / Под ред. И. П. Лидова. — М.: Медицина, 1981. — 160 с.
4. Сабирова Л. В. Подъязык компьютерных терминов в профессиональном общении / Л. В. Сабирова // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового общения: Материалы IV Международной научно-практической конференции. — М., 2010. — С. 138 – 140.
5. Сатарова З. Б. Аспекты терминологических особенностей / З. Б. Сатарова // Современные средства коммуникаций и психолингвистические проблемы преподавания научно-технической и аэрокосмической терминологии в вузах Узбекистана: Межвузовский сборник научно-методических статей. — Ташкент, 2007. — С. 52 – 58.
6. Эльштейн Н. В. Современная гастроэнтерология: спорные клинико-эпидемиологические вопросы / Н. В. Эльштейн // Русский Медицинский журнал. — 1996. — Т. 4. — №4. — С. 4 – 8.
7. Ілюстрований медичний словник Дорланда / Под ред. П. Джуль, проф. Б. Зіменковського. — Львів, 2002. — Т. 1. — 1356 с. (320 іл.)

8. Dobrilla G. Problems and Controversies in Gastroenterology / G. Dobrilla, G. Bertaccinni, M. I. S. Langman. — Verona: Cortinainternational, 1986. — N.-Y.: Raven Press.

Шахова О. М. Діахронічний аналіз термінологічної мікросистеми гастроентерології в російській мові.

У статті проведено діахронічний аналіз термінологічної мікросистеми гастроентерології в російській мові.

Ключові слова: термінологічна мікросистема, медична термінологія, термін.

Shahova E. M. Diachronic analysis of the terminological microsystem of gastroenterology in the russian language.

The diachronic analysis of the terminological microsystem of gastroenterology in the Russian language is described in this article.

Key words: terminological microsystem, medical terminology, termine.

Стаття поступила в редакцію 10 ноября 2010 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 399 – 409.

УДК 81'373.611:811.161.1

**МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ
И ЯВЛЕНИЕ ИЗОМОРФИЗМА
ПРИ ПОСТРОЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЯДОВ
(на материале имен прилагательных современного
русского литературного языка)**

Ю. А. Шепель

*Днепродзержинский государственный технический университет,
г. Днепродзержинск*

В статье поднимаются вопросы моделирования словообразовательных рядов производных прилагательных современного русского языка с целью семантического анализа структуры рядов. Решается проблема соотношения морфологической асимметрии в словообразовании на уровне семантики и распределения производных по соответствующим рядам с учетом семантики производного слова, определяемого в словообразовательных полях.

Ключевые слова: словообразовательный ряд, симметрия и асимметрия, словообразовательная корреляция, словообразовательный уровень, вариативность, словообразовательный вариант, мотивация.

Постановка проблемы. Морфологическая асимметрия в системе словообразования, указание одним аффиксом нескольких значений и выражение словообразовательных значений набором аффиксов включает в себе причину явлений, которые возникают при моделировании словообразовательных процессов и детерминируют неразрешимость научного знания многих задач словообразовательного синтеза. Имеющая место вариативность словообразовательных средств, которые маркируют одно и то же словообразовательное значение, влечет за собой необходимость решения таких задач семантического характера, как проблема тождества / различия аффиксальных морфем, их полисемии / омонимии, тождества / отдельности структурно-идентичных производных слов, характеризуемых несколькими словообразовательными значениями. По всей вероятности, для семантического моделирования необходимо учитывать не только доминирующие, ведущие, инвариантные семантические признаки производных слов, но и их потенциальные семы, которые актуализируются в определенных ситуациях. По мнению З. А. Харитончик, гамма словообразовательных значений и их возможных модификаций является той почвой, на которой появляется и развивается диффузность и неопределенность семантики производного адекативного слова и, соответственно, «готовность» прилагательного обслуживать самые разные коммуникативные ситуации [8].

Производные слова могут закрепляться в языковой системе через словесное окружение с опорой на синонимические, антонимические, гипонимические и другие парадигматические связи, возникающие в результате «пересечения» одного слова с другим в лексической системе языка. Это внешний (межсловный) уровень парадигматических отношений.

Обзор лингвистической литературы. Слова одного корня, осложненные аффиксами, характеризуются различной степенью семантической отдаленности. Последняя может быть определяющим фактором в отношении подобных слов к таким, между которыми можно усмотреть, скажем, паронимические или синонимические отношения. Известно, что одноосновные разносуффиксальные дериваты могут быть синонимами, если у них совпадает хотя бы один ЛСВ. Такой подход, впервые представленный С. Г. Бережаном [1], позволил количественно измерить степень синонимичности с помощью формулы сходства, предложенной Я. Чекановским [9]. Несмотря на то, что возможность варьирования лингвистических единиц является неоспоримой и наличие вариантов слов можно считать общепризнанным, К. С. Горбачевич, отвергая понятие словообразовательных вариантов слова, считает, что разнообразие словообразовательных структур всегда свидетельствует о наличии разных слов [2; 3]. Свою точку зрения он объясняет тем, что тождественные по значению однокорневые единицы, образованные с помощью синонимических аффиксов, являются синонимами. Представляется целесообразным все же разграничивать лексические синонимы от тех единиц, которые образуются в процессе деривации и характеризуются тождеством семантических структур. Такие единицы мы называем *словообразовательными вариантами*.

Мы не стремимся дать полное и исчерпывающее описание перечисленных проблем. Они могут стать предметом самостоятельных исследований. Остановимся лишь на некоторых аспектах решения первой проблемы.

Компонентный анализ значений производных слов в словообразовательных рядах можно свести к решению таких задач: (1) изучение распределения значений по семантическим полям различного порядка; (2) определение лингвистических значений, репрезентируемых этими семантическими полями, и выявление идеальных отношений между ними, т. е. определение структуры реляционного языкового каркаса.

В настоящей статье, поднимая вопрос о семантической структуре словообразовательных рядов, мы ставим **целью** установить, как содержательные характеристики производных прилагательных, составляющих словообразовательные ряды, коррелируют со словообразовательной структурой и что предопределяет отнесение производных разных словообразовательных рядов к одному или к разным семантическим полям.

Словообразовательные варианты в триаде «варианты — синонимы — разные слова» сближаются с однокорневыми синонимами по наличию и в той, и в другой группе слов одного корня, но различаются передаваемыми ими значениями: для *однокоренных синонимов* свойственна **близость** значений, для *словообразовательных вариантов* — **тождество** значений. Соответственно, среди однокоренных образований на объективных основаниях могут быть выделены однокорне-

вые синонимы, с одной стороны, и словообразовательные варианты — с другой. Важнейший конституирующий признак синонимии — это презумпция существования двух или более самостоятельных единиц. При варьировании мы можем говорить о своеобразном для данного языка видоизменении формы слова, при полном тождестве семантического содержания двух и более слов — о двух разновидностях или вариантах одного и того же слова. В связи с вышесказанным все производные словарные единицы мы распределяем по трем группам: 1) варианты одного и того же слова; 2) однокорневые слова-синонимы; 3) однокорневые слова, не связанные отношением синонимии, т. е. разные слова.

Синонимические, омонимические, антонимические (иногда и паронимические) отношения характеризуют одну из существенных сторон словообразовательной системы как системы словообразовательных типов. В этом плане они обладают своими специфическими особенностями и при этом одновременно обнаруживают определенные сходства и параллелизм. Системный изоморфизм словообразовательной синонимии, омонимии, антонимии и отчасти паронимии проявляется в процессе их взаимодействия, делает границы между ними подвижными. Так, А. А. Гречко, рассматривая пары слов типа *трудный* — *трудоустрой*, *вкусный* — *вкусовая*, *грязный* — *грязевый* приходит к выводу, что в этих парах слов семантически представлены два различных суффикса — качественный и относительный [4, с. 124]. Вместе с тем, анализ достаточно большого количества работ по словообразованию имен прилагательных (А. Д. Зверев, В. Н. Немченко, С. Л. Ким, Е. А. Земская, В. В. Грещук, Г. Х. Щербатюк, Е. К. Беспояско, Е. Г. Городенская, З. М. Майданник, О. С. Шевчук, В. Т. Коломиец и др.) приводит к мысли о том, что противопоставление суффиксов *-н-* и *-ов-* имеет смысл лишь при объяснении ограниченного круга языковых явлений. Объясняется это тем, что многие прилагательные на *-н(ый)* являются относительными. Отсубстантивные относительные прилагательные с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-* в русском языке являются синтаксическими дериватами, которые могут иметь и качественно характеризующие значения, ср.: *генеральное наступление*, *генеральский тон*.

В современном русском языке наблюдается тенденция к специализации суффиксов, если однокорневые производные прилагательные не синонимичны. В этом случае разные суффиксы манифестируют разные значения прилагательных, образуемых на базе разных семем производного. Ср.: *показной* — от *показывать* (в значении «обращать внимание, специально подчеркивать что-то»), например, *показная дружба*, *нежность*, *любовь*, *народность*; *показной человек*, *парень*, *внешность* и *показательный* — от *показывать* (в значении «характеризовать, указывать на что-то»), ср.: *показательные масштабы*, *показательный суд*, *показательный колхоз*, *хозяйство*, *выступления*.

Суффиксы *-н-*, *-ов-*, как и суффикс *-ск-*, выражают недифференцированные отношения к предмету, ср.: *волевой человек* — *вольный человек*; *ракушечный домик*, *песок* — *ракушковые осколки*. Поэтому они не могут быть противопоставлены по смыслу друг другу. Этим объясняется наличие в русском языке дублетных образований типа *санаторный* — *санаторский*, *апельсинный* — *апельсиновый*, *атлетный* — *атлетичный* — *атлетический* и т. д. Однако форманты *-н(ый)*, *-ов(ый)*,

-ск(ий) при всей их близости / неопределенности семантики функционально не тождественны. Этот факт, с одной стороны, объясняется естественным стремлением носителей языка видеть за чисто формальным различием языковых единиц семантические и функциональные различия. С другой стороны, довольно часто однокорневые прилагательные-синонимы не совпадают в отдельных значениях, что приводит к нарушению дублетности. Ср.: *ракушковый* — «относящийся к ракушке» (*ракушковые осколки*), но *ракушечный* — «состоящий из ракушек» (*ракушечный песок, домик*)¹. Сфера действия формантов *-н(ый)*, *-ов(ый)*, *-ск(ий)* в основном различна [2; 3; 6]. Эти форманты сочетаются с разными основами или соотносятся с разными ЛСВ одного производящего. Однако количество дублетных образований весьма незначительно по сравнению с общим количеством производных прилагательных этих словообразовательных рядов. Функциональная неравноценность этих суффиксов вступает в противоречие с их семантической близостью / равнозначностью. Это противоречие объясняется тем, что «сталкиваются» друг с другом факты разных уровней абстракции. Функциональная неравноценность (специализация) формантов обнаруживается, если их рассматривать с позиции участия в конкретных деривационных актах, когда важен учет лексического значения обоих членов словообразовательной пары. Равнозначность аффиксов *-н-*, *-ов-*, *-ск-*, приводящая к пересечению соответствующих словообразовательных рядов, является следствием максимального обобщения выражаемых этими суффиксами отношений, полного абстрагирования от лексических значений производящих.

Мы выделяем два типовых вида контекста — внутренний и внешний, которые во взаимодействии определяют типовое лексическое значение (в дериватологии — частное словообразовательное значение).

Типовой внутренней контекст — это тематическая группа слов-актуализаторов (определяемых), благодаря которым конкретизируется выражаемое отношение.

По аналогии с вышеуказанным мы различаем внешнюю и внутреннюю мотивационные связи производных.

Внешняя мотивационная связь характеризует сближение семантики производного слова с семантикой другого производного, состоящих в родственных связях с производным через вершину словообразовательного гнезда. Например, в паре равнопроизводных одношаговых паронимов *иронический* // *ироничный* наблюдается синонимичное сближение. В современном русском языке эти слова дифференцируются в значениях: *иронический* — «относящийся к иронии как стилистическому приему» и *ироничный* — «содержащий элементы иронии, употребляющийся с целью насмешки». Однако эти слова остаются синонимичными в значении «закрывающий в себе насмешку» (*ироничный* // *иронический тон*). Аналогичное явление наблюдается в парах *симпатический* // *симпатичный*, *технический* // *техничный*, *дождевой* // *дождливый*, *грозный* // *грозовой*, *шумный* // *шумовой*, *догматический* // *догматичный*, *поэтический* // *поэтичный*, *прозаический* // *прозаичный* и др.

¹ А. А. Тараненко, рассматривая полисемичный параллелизм и явление семантической аналогии в украинском языке, называет подобное явление «синонимичной конкуренцией» [7, с. 80].

Внутренняя мотивационная связь характеризует выведение одного компонента семантической структуры многозначного производного из другого. Ср. *будний* // *будничный*, где *будний* — «о времени; относительно к будням»; *будничный* — «1) такой, который постоянно окружает человека; предназначенный для будней, труда, занятий; 2) *перен.* прозаический, однообразный», выступают синонимами в значении «относящийся к будням; прозаический, однообразный». При этом второе, переносное, значение производного *будничный* связано внутренней мотивационной связью с первым, основным, значением «такой, который постоянно окружает человека».

При внешней мотивационной связи может наблюдаться явление опосредованной мотивации. Например, паронимический ряд *систематичный* // *систематизированный* // *системный* представляют межшаговые параллельные производные, инвариантом для которых является слово *система*: *системное* (*систематизированное*) *изложение*, *системные* (*систематичные*) *занятия, упражнения*. Производные *систематизированный* и *системный*, *системный* и *систематичный* будут представлять собой частичные синонимы, связанные через вершину *система*.

При установлении мотивационной связи между значениями однокорневых производных разных словообразовательных рядов выявляются несколько типов отношений.

1. **Параллельный тип отношений** — семантическая множественность словообразовательной структуры однокорневых многозначных производных, где различаются несколько (минимум две) внешних мотивационных связей.

2. **Радиальный тип отношений** — одно значение производного слова (или однозначного слова) вступает в мотивационные связи с несколькими значениями другого однокорневого производного.

Другие типы отношений (перекрещивающийся, смешанный) являются производными от первых двух основных.

Проиллюстрируем различные типы отношений примерами.

Параллельный тип отношений:

- **пластический** // **пластичный** — одношаговые внутришаговые равнопроизводные частично синонимичные паронимы: *пластический* — «1) прил. к пластика (в 1 и 2 значениях); 2) связанный с искусством изящных ритмических движений и жестов; 3) способный под давлением принимать любую внешность, форму и сохранять ее после прекращения этого действия; 4) (*мед.*) способствующий исправлению нарушений в строении тела, восстановлению тканей организма»; *пластичный* — «1) обладающий стройным соответствием частей, соразмерный; 2) исполненный гармонии, плавный, изящный; 3) то же, что пластический в 3 значении»;

- **интеллигентный** // **интеллигентский** — внутришаговые равнопроизводные паронимы, выступающие частичными синонимами в двух из своих мотивационных связей, ср.: *интеллигентный* — «1) прил. к интеллигент, интеллигенция; 2) образованный, культурный; 3) свойственный, присущий интеллигенту, интеллигенции»; *интеллигентский* — «1) прил. к интеллигент, интеллигенция; 2) относящийся к интеллигенту, к интеллигенции, принадлежащий им, свойственный им».

Радиальный тип отношений:

- **перепоночный // перепончатый** — равнопроизводные одношаговые паронимы, связанные через вершину гнезда *перепоночка*: *перепоночный* — «относящийся к перепонке»; *перепончатый* — «снабженный перепонками: состоящий из множества перепонок»; между значениями производных имеется закономерная связь общего и частного, они связаны опосредованно через значение производящего *перепонка*;

- **материн // материнский** — равнопроизводные одношаговые паронимы; между значениями устанавливается опосредованная связь через вершину *мать*; мотивационная связь через значение «то, что принадлежит матери» позволяет отнести их к частичным синонимам, ср. *материны // материнские глаза, слезы*;

- **пастушеский // пастуший** — одношаговые равнопроизводные внутришаговые частичные синонимы (МАС дает их как полные синонимы), ср.: *пастушеский* — «1) связанный с пастушеством, профессией пастуха; 2) пасторальный»; *пастуший* — «относящийся к пастуху, принадлежащий, свойственный ему» (*пастушеская / пастушья сумка*).

Перекрещивающийся тип отношений:

- **психологический // психологичный** — межшаговые параллельные частичные синонимы (при мотивации *психология* — *психологизм* — *психологический* и *психология* — *психологичный*) и равнопроизводные внутришаговые синонимы (при мотивации *психология* — *психологический* и *психология* — *психологичный*). *Психологический* — «1) прил. к психология; отн. к психологии, основанный на ней; 2) созданный, построенный на углубленном изображении психологии героев»; *психологичный* — «1) содержащий элементы психологизма; 2) раскрывающий психологические явления».

Смешанный тип отношений:

- **мифический // мифичный** — одношаговые равнопроизводные, синонимичные в значении «не существующий в действительности» (*мифический / мифичный клад*). Ср.: *мифический* — «отн. к мифу, содержащий в себе миф»; *мифичный* — «содержащий элементы вымысла, мифичности, несуществующий». Мотивирующее существительное *миф* имеет два значения. Оба они непосредственно соотносятся со значениями производных *мифический* и *мифичный*. Между собой производные связаны параллельным типом мотивационных отношений через вершину *миф*.

Одношаговые равнопроизводные паронимы *микроскопический // микроскопичный*, связанные через вершину *микроскоп*, устанавливают более сложные мотивационные связи — радиально-последовательные. Ср. также равнопроизводные внутришаговые синонимы *мелодический // мелодичный* в значении «благозвучный» (*мелодические // мелодичные звуки*).

Из приведенных примеров следует, что одному значению производящего может соответствовать более чем одно значение производного. Между значениями однокоренных разносUFFIXальных производных устанавливается опосредованная связь через вершину гнезда. Опосредованной является связь значений производных и в том случае, если они непосредственно соотносятся с разны-

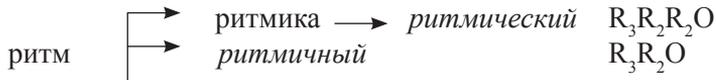
ми значениями как производящего слова, так и других однокорневых производных. В этом случае между однокорневыми разносуффиксальными производными устанавливаются более сложные мотивационные связи с различными типами отношений, что приводит к появлению *частичной или полной синонимии*. Такое явление мы квалифицируем как *пересечение словообразовательных рядов*. Остановимся на этом.

В общем семантическом пространстве именных словообразовательных рядов функционально-семантические поля производных слов, не связанные отношениями дизъюнкции, могут пересекаться друг с другом. Для определения области сечения двух и более полей вполне достаточным представляется проверить все элементы одного из полей на диагностирующую формулу другого(их) поля(ей). Если при этом ни одно из значений первого поля не отвечает положительно на проводимый тест, то такие поля не имеют точек соприкосновения. Если какая-либо часть значений или какое-либо значение одного поля положительно реагирует на диагностирующую формулу другого поля, то такие поля пересекаются и образуют некоторую общую часть или общий участок (сегмент), который мы называем *функционально-семантическим словообразовательным полем*. Например, семантическое поле прилагательных ряда на *-иј-* частично пересекается с рядом на *-н(ый)* (*рыбий // рыбный*), а также с рядом на *-ов(ый)* (*дельфиний // дельфиновый*). В функционально-семантическое поле производных прилагательных на *-ов(ый) / -ев(ый)* вписывается семантическое поле прилагательных на *-ин(ый)*, *-иј-*: *собольевый // соболиный // соболий*. В ряд на *-н(ый)* частично вписывается функционально-семантическое поле прилагательных ряда на *-ов(ый)* (*лимонный // лимоновый*), *-ск(ий)* (*чародейный // чародейский*). В ряд на *-ск(ий)* семантически вписываются многие производные словообразовательного ряда на *-ичн(ый)* (*полемический // полемичный*).

Пересечение словообразовательных рядов обуславливается семантическими связями аффиксов друг с другом: инвариантных с инвариантными (*-н-*, *-ск-*, *-ов-*), инвариантных с неинвариантными (*-ск-* и *-иј-*, *-ј-*, *-ин-*, *-ов-* притяжательных прилагательных).

Словообразовательные аффиксы, организующие разные словообразовательные ряды, могут быть синонимичны в одном или нескольких значениях. При этом наблюдается синонимичность абсолютная (полная) и частичная. Синонимичные форманты имеют как тождественные, так и различные контекстуальные значения. Например, форманты *-ск(ий)*, *-н(ый)*, *-ов(ый)* образуют словообразовательные ряды прилагательных с указанием на «признак, что имеет отношение к тому, что названо мотивирующим словом». Вместе с тем между ними наблюдаются дифференциальные отличия. Это проявляется в том, что имеют место такие отношения (например, «лицо — принадлежащий этому лицу»), которые могут быть переданы только с помощью одного суффикса *-ск-* и не могут быть переданы другим, в частности суффиксом *-н-*. Суффикс *-н-*, в свою очередь, способен передавать как качественные (*жирный, шумный, тучный*), так и относительные (*лимонный, апельсиновый, каменный*) значения. Суффикс *-ов-* передает только относительные значения (*шумовой, жировой, апельсиновый*).

Частичная синонимия формантов наблюдается при пересечении рядов на *-ск(ий)* и *-ов(ый)*, ср.: *отцовский* // *отцов костюм*; *-ск(ий)* и *-ичн(ый)* (*мелодический* // *мелодичный*). Возьмем пару слов *ритмический* // *ритмичный*, принадлежащих рядам на *-ск(ий)* и *-ичн(ый)*: *ритмический* — «относящийся к ритмике, подчиненный ей»; *ритмичный* — «повторяющийся через равные промежутки чего-л.», т. е.

Оба производных связаны семантически через вершину гнезда *ритм* и имеют общее функционально-семантическое словообразовательное поле «подчиненный ритму, равномерный», что позволяет их в этом значении считать частичными синонимами. МАС подает эти производные как абсолютные синонимы, ср.: «*ритмичный* — то же, что *ритмический*». Производные образуются на разных шагах деривации. Поэтому это межшаговые частичные синонимы, что порождаются в различных точках графа: они располагаются на параллельных ветвях. Такой вариант межшаговой синонимии называем параллельным.

Если элементы одного поля одинаково реагируют на диагностирующую формулу другого поля, то тогда первое поле целиком входит в состав второго поля (включение). Например, производные ряда на *-ист(ый)* отличаются более интенсивным проявлением признака, чем производные ряда на *-ат(ый)* (включенная синонимия). Производные идентичны по структуре — отыменные адъективы первого шага образования (равнопроизводные одношаговые) — порождаются в одной и той же точке графа гнезда (внутришаговая синонимия). Поэтому пара *волосатый* // *волосистый* представляет собой включенную внутришаговую синонимию равнопроизводных одношаговых прилагательных в месте пересечения словообразовательных рядов на *-ат(ый)* и *-ист(ый)*.

Включенная внутришаговая синонимия наблюдается также в точке пересечения рядов на *-ическ(ий)* и *-ичн(ый)*, ср. *иронический* // *ироничный* в значении «заключающий в себе насмешку» (*ироническая* // *ироничная улыбка*).

Таким образом, функционально-семантические словообразовательные поля дериватов на *-н(ый)*, *-ск(ий)*, *-ическ(ий)*, *-еск(ий)*, *-ичн(ый)*, *-енн(ый)*, *-лив(ый)*, *-ат(ый)*, *-аст(ый)*, *-ист(ый)* и др. пересекаются на основе мотивационных связей и инкорпоративных отношений, в частности включения.

Проводя компонентный анализ частей семантической субстанции языка в сфере имен прилагательных, можно отметить, какие значения устанавливаются между лингвистическими значениями дериватов разных словообразовательных рядов в структуре одного функционально-семантического словообразовательного поля. Так, однопорядковые значения (тип 1), соответствующие непересекающимся полям, считаем находящимися в *отношениях интердепенденции*. Лингвистические значения (тип 2), соответствующие пересекающимся семантическим полям, считаем находящимися в *отношении констелляции*, то есть таких, которые не предполагают и не исключают друг друга. Между разнопорядковыми полями могут уста-

навливаться *отношения детерминации* (тип 3) и *отношения импликации* (тип 4), когда соответствующие поля входят одно в другое.

Например, анализ семантических отношений между производными прилагательными словообразовательных рядов на *не-* и *без-* / *бес-* позволяет проследить на словообразовательном уровне за разграничением сильного и слабого отрицания (семантико-словообразовательное поле негации и противоположности). Это, в свою очередь, помогает понять саму природу дериватов, включающих аффиксы с отрицательным значением. Среди производных прилагательных словообразовательных рядов на *не-* и *без-* / *бес-* имеется группа парных прилагательных с формально совпадающей в современном русском языке мотивирующей основой типа *беззвездное (небо) / незвездное (небо)*, *бесснежная (зима) / неснежная (зима)*, *беззлобный (смех) / незлобный (смех)*, *безобидная (шутка) / необидная (шутка)*, *безболезненный (укол) / неболезненный (укол)* и пр. Обращение к деривационной истории производных прилагательных таких пар свидетельствует о том, что внешнее совпадение их мотивирующих основ скрывает принципиальное различие между ними. Деривационная история каждого из членов рассматриваемых пар различна, ср.:

звезды → *без звезд* → *беззвездный* — суффиксальный;
звезды → *звездный* → *незвездный* — префиксальный;
злоба → *без злобы* → *беззлобный* — суффиксальный;
злоба → *злобный* → *незлобный* — префиксальный.

Различия в словообразовательных моделях и способах словообразовательного оформления сопровождаются семантическими различиями прилагательных. Так, в прилагательных с префиксом *без-* / *бес-* сферой действия отрицания является предложение *имеется X: ~ (имеется снег) = (не имеется (совсем) снега) = бесснежный; ~ (имеется злоба) = (не имеется (совсем) злобы) = беззлобный*. В прилагательных с префиксом *не-* сферой действия отрицания есть смысл собственно прилагательного с суффиксом *-н(ый)* типа *снежный, злобный, звездный*. Прилагательные на *-н(ый)* включают в свое значение элемент «много», ср.: *снежная зима* — «такая, что много снега выпало», *звездное небо* — «небо, на котором много звезд» и др. Поэтому для таких производных сферой действия отрицания будут предложения с квантитативом «*имеется много X*», в отличие от сферы действия отрицания в прилагательных с префиксом *без-* / *бес-*: *~ (имеется много снега) = снежный = (имеется мало ∨ не имеется (совсем) снега) = неснежный; ~ (имеется много злобы) = злобный = (имеется мало злобы ∨ не имеется (совсем) злобы) = незлобный*. Поскольку дизъюнкция слабее каждого из своих дизъюнктов, то отрицание в прилагательных с префиксом *без-* / *бес-* сильнее отрицания в прилагательных с префиксом *не-*. В данном случае разграничение сильного ∨ слабого отрицания связано со сферой его действия в различных по типу дериватах. Наличие дизъюнкции в случаях типа *незлобный* навязывается чисто логическим подходом к анализу семантики естественного языка. Такой подход диктуется стремлением не упустить ни одной из теоретически мыслимых возможностей. Как показывает материал, даже при таком подходе отрицание деривата с префиксом *не-* оказывается слабее отрицания в прилагательных с префиксом *без-* // *бес-*. На самом же деле в есте-

ственном языке отрицанием выражения *имеется много снега, злобы...* скорее всего, будет выражение *имеется мало снега, злобы, ...* соответственно первому дизъюнкту.

Подобные семантические отношения наблюдаются также в парах производных «прилагательное с префиксом *без- // бес-* и *-Ø-*» — «прилагательное с суффиксом *-ат(ый), -аст(ый)*».

Таким образом, отношения между лингвистическими значениями производных словообразовательных рядов сводятся к четырем типам функций: функции дизъюнкции (1), функции конъюнкции (2), функции детерминации (3) и функции импликации (4).

Выводы

1. В словообразовательных рядах устанавливаются мотивационные связи между подрядами. Это выражается, с одной стороны, в возникновении узловых связей, в которых находится главное, мотивирующее слово следующего, подчиненного ряда (подряда); с другой стороны, — в параллельных группах дериватов возникают «слова-дублиеты» (синонимы, паронимы, словообразовательные варианты). Объясняется это тем, что словообразовательная система основывается в одинаковой мере на формальных и смысловых отношениях.

2. Производное слово того или иного словообразовательного гнезда приобретает структурные и семантические характеристики и свойства, которые проявляются далее при его вхождении в тот или иной словообразовательный ряд.

3. Постоянные изменения значений слов, перестройка их семантической структуры приводят к изменению словообразовательных отношений, что влечет за собой разрыв гнезд, перестройку их структуры и образование новых гнезд. Таким путем происходит пополнение и пересечение со словообразовательными гнездами словообразовательных рядов.

4. Различение внешних и внутренних мотивационных связей однокорневых производных разных словообразовательных рядов помогает вскрыть семантическое сближение компонентов их семантической структуры и несколько иначе в связи с этим посмотреть на процесс появления частичной синонимии как результат пересечения словообразовательных рядов.

5. При пересечении словообразовательных рядов различаются несколько типов отношений в результате установления мотивационных связей (параллельный, радиальный, перекрещивающийся, смешанный). Типы отношений определяют общее словообразовательное поле между однокорневыми разноаффиксальными производными словообразовательных рядов.

Литература

1. Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц: [монография] / С. Г. Бережан. — Кишинев: Штиинца, 1973. — 372 с.
2. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка / К. С. Горбачевич. — Л.: Просвещение, 1971. — 270 с.
3. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка: [пособие для учителей] / К. С. Горбачевич. — М.: Просвещение, 1978. — 240 с.

4. Гречко В. А. О некоторых источниках лексической синонимии / В. А. Гречко // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. — М.-Л.: Наука, 1966. — С. 120 – 166.
5. Коссаk Н. В. Сильное и слабое отрицание в русском языке / Н. В. Коссаk, В. Н. Костюк // Проблемы структурной лингвистики 1980. — М.: Наука, 1982. — С. 50 – 62.
6. Русская грамматика: В 2 т. — Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
7. Тараненко О. О. Полісемічний паралелізм і явище семантичної аналогії / О. О. Тараненко. — К.: Наукова думка, 1980. — 115 с.
8. Харитончик З. А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка: [монография] / З. А. Харитончик. — Минск: Высшая школа, 1986. — 96 с.
9. Czekanowski J. Zarys metod statystycznych w zastosowaniu do antropologii / J. Czekanowski // Prace Towarzystwa naukowego Warszawskiego. III. Wydział nauk matematycznych i przyrodniczych. — Warszawa, 1913. — №5. — S. 226 – 257.
10. Zimmer K. Affixal Negation in English and Other Languages: an investigation of Restricted Productivity / K. Zimmer // Supplement to Word. — 1964. — №2. — V. 20. — 105 p.

Шепель Ю. А. Морфологічна асиметрія і явище ізоморфізму при побудові словотворчих рядів (на матеріалі прикметників сучасної російської літературної мови).

У статті порушуються питання моделювання словотвірних рядів похідних прикметників сучасної російської мови з метою семантичного аналізу структури рядів. Вирішується проблема співвідношення морфологічної асиметрії в словотворенні на рівні семантики та розподілу похідних по відповідних рядах з урахуванням семантики похідного слова, визначуваного в словотвірних полях.

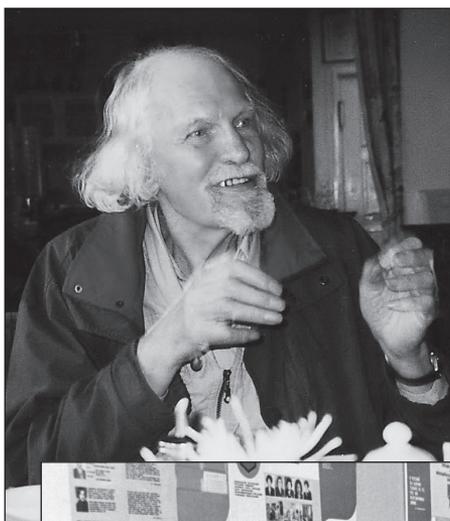
Ключові слова: словотвірний ряд, симетрія й асиметрія, словотворча кореляція, словотвірний рівень, варіативність, словотвірний варіант, мотивація.

Shepel Y. A. Morphological asymmetry and isomorphism at construction of word-formation rows (on material of the adjectives of modern literary russian).

In the article the questions of design of word-formation rows of derivatives of adjectives of modern Russian rise with the purpose of semantic interpretation of structure of rows. The problem of correlation of morphological asymmetry decides in a word-formation at the level of semantics and distribution of derivatives on corresponding rows taking into account semantics of derivative, determined in the word-formation fields.

Key words: word-formation row, symmetry and asymmetry, word-formation correlation, word-formation level, variantness, word-formation variant, motivation.

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2010 г.

7 февраля исполняется 90 лет
известному немецкому русисту,
организатору курсов русского языка
в г. Тиммендорфер Штранд (ФРГ) и
Симферопольском государственном (ныне
Таврическом национальном) университете,
лауреату медали им. А. С. Пушкина, большому
другу кафедры методики преподавания фило-
логических дисциплин доктору филологии
Йоханнесу Баару. От всей души поздрав-
ляем юбиляра и желаем крепкого здоровья,
радости и долголетия!

Семинар русистов в нашем
университете, 80-е годы; на
переднем плане — доктор
Й. Баар

На семинаре русистов в ФРГ, 1996 г.

На X Конгрессе МАПРЯЛ
в Санкт-Петербурге, 2003 г.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 411 – 415.

УДК 811.161.1:378.096

**ЯЗЫК ДО СИМФЕРОПОЛЯ ДОВЕДЕТ.
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИИ
ЙОХАННЕСА БААРА**

В. В. Васильев, О. А. Васильева

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье рассказывается о жизненном пути доктора филологии Йоханнеса Баара, о его больших заслугах в деле преподавания и популяризации русского языка в Германии. Показана роль доктора Баара как инициатора и организатора ежегодного международного семинара по русскому языку в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского.

Ключевые слова: семинар по русскому языку, лингвистическая компетенция, аспектное преподавание.

Яркой страницей летописи Таврического национального университета им. В. И. Вернадского является история его международных связей. Университет тесно связан с именами многих видных зарубежных ученых и общественных деятелей. Первым среди них следует назвать доктора филологии Йоханнеса Баара (Германия), который в буквальном смысле для нас «прорубил окно в Европу», выступил инициатором создания в университете первой международной образовательной программы.

Организаторские способности, настойчивость в достижении поставленной цели, умение собрать вокруг себя единомышленников, друзей и учеников, высокие личные качества — все это в полной мере проявилось в главном деле жизни Йоханнеса Баара: создании семинаров русистов в Федеративной Республике Германии и Советском Союзе. В Таврическом университете такой семинар непрерывно действует с 1973 г. Родившийся в условиях советской политики «разрядки напряженности» симферопольский семинар стал широко известен за рубежом в период «брежневского застоя», получил новый импульс в годы «горбачевской перестройки», сохранился при распаде СССР и сейчас продолжает работать в новых реалиях современной Украины.

Кроме того, уже 20 лет, благодаря доктору Баару, студенты факультета иностранной филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского имеют прекрасную возможность ежегодно проходить языковую практику на семинаре германистов в немецком городе Тиммендорфер Штранд. Этот чудесный город на побережье Балтийского моря хорошо известен многим пре-

подавателям университета, которые в течение 35 лет постоянно участвуют в работе старейшего в Европе семинара русистов, у истоков которого стоял доктор Йоханнес Баар.

Цель настоящей статьи — рассказать о жизненном пути выдающегося популяризатора русского языка в Германии, доктора филологии Йоханнеса Баара, показать его роль в создании и деятельности международного семинара немецких русистов в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского.

Йоханнес Фридрих Баар родился 7 февраля 1921 г. в Германии. Уже в детские годы у него обнаружили способности к изучению иностранных языков. К моменту окончания гимназии в 1939 г. он неплохо знал французский и итальянский языки. Молодой Йоханнес очень гордился своими лингвистическими успехами. Вскоре началась вторая мировая война, и в 1940 г. Йоханнес Баар стал солдатом вермахта. Вечером 21 июня 1941 г. в Восточной Пруссии немецким солдатам зачитали приказ: завтра — нападение на Советский Союз. «В это время, — писал Йоханнес Баар, — я испытывал смешанные чувства: уверенность в победе и страх перед неизвестностью. Хочется верить, что на фронте судьба берегла меня для чего-то очень важного в будущей жизни. Но одно я знаю точно: без личных переживаний на войне и в плену меня бы никогда так не увлекли русский язык, Россия и ее люди» [2, с. 124].

Война для обер-лейтенанта Баара закончилась 8 мая 1945 г. после капитуляции немецких войск в Курляндии (современная Латвия). В первые месяцы плена офицеры основали лагерный вуз, в котором Йоханнес Баар стал изучать русский язык. Он много писал на папиросной бумаге, читал случайно найденные обрывки газет, переписывал их, знакомился с поэзией. Большое впечатление произвело на него стихотворение М. Ю. Лермонтова «Молитва» («В минуту жизни трудную...»). Русский язык давался нелегко. В этой связи Йоханнес Баар вспоминает с улыбкой один эпизод из лагерной жизни — настоящий анекдот о созвучии слов русского и немецкого языков: «Каждое утро на плацу проходило построение немецких пленных. Советский капитан приветствовал нас: «Здравствуйте!». В ответ мы кричали созвучное, но абсолютно иное по значению слово: «Drahtstifte!» (рус. — «проволочный штифт»). В конце офицер говорил: «До свидания!». А мы ему отвечали: «Grossbritannien!» (рус. — «Великобритания») [2, с. 125]. В лагере Йоханнес Баар тяжело заболел и попал в госпиталь. Там он читал больным товарищам свежие новости из газеты «Известия». В ноябре 1946 г. одним из первых эшелонов был отправлен на родину и 1 декабря прибыл домой в Люнебург. Жена и родители были живы, дом уцелел от войны. Наступила новая послевоенная жизнь [1, с. 11].

В 1947 г. Йоханнес Баар поступает на филологический факультет Гамбургского университета, где изучает греческий, латинский и русский языки, слушает лекции по истории русской литературы, читает древнерусские тексты. После окончания университета он начал работать в гамбургской городской гимназии, где в 1955 г. организовал кружок русского языка. В 1964 г. он стал руководителем профессионального семинара по русскому языку в Гамбурге и получил приглашение в Москву на четырехнедельный семинар в Московском государственном университете

им. М. В. Ломоносова. Впервые после плена Йоханнес Баар снова был в СССР и слышал настоящий русский язык. Это положило начало его многочисленным поездкам в Советский Союз, главной целью которых была возможность говорить по-русски.

Осенью 1966 г. по инициативе тогдашнего председателя земельной ассоциации преподавателей русского языка и славистов Гамбурга доктора Йоханнеса Мундхенка в городе Тиммендорфер Штранд был проведен первый двухнедельный семинар для немецких русистов: учителей и студентов. В 1967 г. Йоханнес Баар работал преподавателем на этом семинаре, тогда же доктор Мундхенк обратился к нему «с сердечной, нет, с настоятельной просьбой взять на себя общее руководство и подготовку к семинару» [6, с. 7]. Таким образом, в 1968 г. доктор Баар стал руководителем тиммендорфского семинара русистов, получившего впоследствии широкое международное признание и авторитет.

В декабре 1972 г. Йоханнес Баар обратился к министру высшего и среднего специального образования СССР с просьбой предоставить возможность проведения трехнедельного семинара для 30 немецких участников в любом месте Советского Союза. В апреле 1973 г. через советское посольство в Бонне был получен положительный ответ, а уже в июне того же года был подписан приказ министра ВССО СССР об организации в Симферопольском государственном университете ежегодного семинара по русскому языку для граждан ФРГ с числом участников 30 человек и сроком проведения — 3 недели с 25 августа по 15 сентября [5, с. 187 – 188].

Вспоминая о своей первой встрече с Симферополем и университетом, Йоханнес Баар пишет: «Летом 1973 года я был с туристами в Ялте, познакомился с коллегой, который меня привез в Симферополь, где я увидел университет, вошел в него первый раз, нашел приемную ректора. Там сидел мужчина без пиджака за печатной машинкой. Он долго меня слушал и внезапно ответил: «Мы вас ждем!». Это был проректор Василий Ена. Июль уже заканчивался, пришлось торопиться. 24 августа мы с первыми 29 студентами из Берлина через Киев прилетели в Симферополь. Нас действительно ждали: в аэропорту, в университете, на кафедре. Мы достигли желанной цели. Это была и моя личная цель!» [2, с. 129]. Так русский язык привел Йоханнеса Баара в Симферополь!

С 1973 по 1982 г. семинары немецких русистов в Симферопольском госуниверситете длились три недели, а с 1983 г. они стали четырехнедельными. Большой вклад в успешную работу семинаров, которые стали важной составной частью университетской жизни, внесли проректоры по учебной работе Василий Ена и Виктор Шарапа, деканы по работе с иностранными студентами Алексей Ишин, Юрий Горбунов, Валерий Васильев, заведующие кафедрой методики преподавания филологических дисциплин Александра Соловьева и Татьяна Ященко, руководители семинара Всеволод Михайлов и Эльвира Попова (Сапожникова), а также многие преподаватели и сотрудники университета.

Основная цель семинара — совершенствование навыков аудирования и говорения, формирование лингвистической компетенции немецких русистов. Учебная программа предусматривает лекции и практические занятия по развитию навыков

устной речи, по фонетике и переводу, участие в спецкурсах по страноведению. На семинаре сложилась традиция аспектного преподавания русского языка, выделены следующие аспекты: лексико-грамматический, разговорно-страноведческий, практическая фонетика и перевод [4, с. 110].

До приезда на семинар немецкие студенты мало знали о Симферополе и Крыме. Поэтому университет разработал для них обширную культурную программу: они познакомились с достопримечательностями солнечного полуострова, совершали экскурсии по Симферополю, на Южный берег Крыма, в Севастополь и Бахчисарай, с интересом посещали средние школы и дошкольные учреждения. Слушатели семинара почувствовали искреннее гостеприимство жителей Крыма, побывали в семьях, приобрели много друзей. Такое общение очень помогало им совершенствовать разговорный русский язык.

Всего с 1973 г. более тысячи немецких русистов были участниками симферопольского семинара. Как вспоминает доктор Баар, «... в течение всех лет семинара я не встретил никого, кто бы не был в восторге от того времени, которое провел в Симферополе. Это время и для каждого участника, и для меня незабываемое» [2, с. 128].

Благородная деятельность Йоханнеса Баара, связанная с преподаванием и популяризацией русского языка, получила мировое признание. В 1986 г. он был удостоен высшей награды Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) — медали имени А.С.Пушкина [3, с. 113]. С 1990 г. доктор Баар является почетным доктором филологии Санкт-Петербургского государственного университета. В 1995 г. он награжден Федеральным Крестом за заслуги (Германия). По мнению почетного председателя Европейской Комиссии Лотара Флосса, «доктор Баар стал уникальным строителем мостов взаимопонимания, своего рода светским понтификом» [2, с. 130].

Таким человеком является доктор филологии Йоханнес Баар, который, преодолев «железный занавес», выступил инициатором и организатором уникального симферопольского семинара — первого в Советском Союзе семинара по русскому языку для граждан ФРГ. Сегодня, в преддверии 90-летнего юбилея Патриарха немецкой русистики, мы с благодарностью думаем о нем, потому что в современных дружественных отношениях между нашими странами и народами, в послевоенном примирении есть и его огромная заслуга.

Литература

1. Баар Йоханнес. Урок русского. Фронтовые письма немецкого лейтенанта / Й. Баар. — СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. — 183 с.
2. Васильев В. В. Патриарх немецкой русистики / В. В. Васильев // Черное море. — Симферополь, 2005. — №1. — С. 123 – 131.
3. Материалы МАПРЯЛ. Награждение медалью А. С. Пушкина // Русский язык за рубежом. — М., 1986. — №3. — С. 112 – 113.
4. Попова Э. М., Новикова Т. Ю., Васильев В. В. XV Международный семинар русистов из ФРГ в Симферополе / Э. М. Попова, Т. Ю. Новикова, В. В. Васильев // Русский язык за рубежом. — М., 1988. — №2. — С. 110.

5. Сборник документов по вопросам приема, обучения и материального обеспечения иностранных граждан, обучающихся в СССР. — М.: Издательство Московского университета, 1974. — 285 с.

6. Baar Johannes. Grusswort / J. Baar // Russisches Sprachseminar in Timmendorfer Strand — 40 Jahre. 1966 — 2005. — Timmendorfer Strand, 2005. — 54 s.

Васильев В. В., Васильева О. О. Мова до Сімферополя доведе. До 90-річчя з дня народження доктора філології Йоханнеса Баара.

У статті розповідається про життєвий шлях доктора філології Йоханнеса Баара, його великі заслуги у справі викладання та популяризації російської мови у Німеччині. Показана роль доктора Баара як ініціатора та організатора щорічного міжнародного семінару з російської мови у Таврійському національному університеті ім. В. І. Вернадського.

Ключові слова: семінар з російської мови; лінгвістична компетенція; аспектно викладання.

Vasiliev V., Vasilieva O. Language Will Lead You to Simferopol. To the 90-th anniversary of Johannes Baar, Doctor of Philology.

The article dwells upon the life and activity of Doctor of Philology Johannes Baar, upon his great contribution in the process of teaching and popularization of the Russian language in Germany. The role of Dr. Baar as initiator and organizer of annual international Russian language seminar in Taurida National University of V. I. Vernadsky is considered.

Key words: Russian language seminar; linguistic competence; aspect teaching.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2010 г.

Сведения об авторах

- Азарова
Виктория Александровна** старший преподаватель кафедры журналистики Филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, e-mail: vitrose@mail.ru
- Акулова
Елена Васильевна** старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Крымского государственного медицинского университета им. С. И. Георгиевского
- Баранова
Любовь Андреевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Крымского государственного медицинского университета им. С. И. Георгиевского, e-mail: labara@yandex.ru
- Билан
Наталья Ивановна** кандидат филологических наук, доцент кафедры «Филология и перевод» Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта им. академика В. Лазаряна
- Богданович
Галина Юрьевна** доктор филологических наук, профессор, директор Крымского научно-методического центра управления образованием НАПН Украины и Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, заведующая кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, декан факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, e-mail: bgdnvch@mail.ru
- Бородина
Дарья Сергеевна** кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков факультетов естественно-научного профиля Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Бубнова
Динара Владимировна** кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Севастопольского национального университета ядерной энергии и промышленности. E-mail: bubnova.dinara.vladimirovna@gmail.com

- Бурлай
Михаил Николаевич** начальник центра компьютерных технологий Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Валеева
Людмила Владимировна** кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, e-mail: lv_valeeva@mail.ru
- Васильев
Валерий Викторович** кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Васильева
Оксана Александровна** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультетов естественно-научного профиля Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Власова
Ольга Петровна** кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры философии и социологии Днепрпетровского национального университета железнодорожного транспорта им. академика В. А. Лазаряна
- Власова
Татьяна Ивановна** кандидат филологических наук, доцент, доктор философских наук, зав. кафедрой «Иностранные языки» и «Филология и перевод» Днепрпетровского национального университета железнодорожного транспорта им. академика В. А. Лазаряна
- Вотинцева
Марина Леонидовна** кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры «Филология и перевод» Днепрпетровского национального университета железнодорожного транспорта им. академика В. А. Лазаряна.
- Высоцкая
Татьяна Николаевна** старший преподаватель кафедры перевода Днепрпетровского национального горного университета, e-mail: t_shilovskaya@mail.ru
- Горошко
Елена Игоревна** доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», e-mail: olena_goroshko@yahoo.com. Персональная страница в Интернете: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?ID=17>

- Грозян
Нина Федоровна** кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», e-mail: n.f.grozyan@mail.ru
- Джапарова
Эдие Керимовна** заведующая кафедрой английского языка Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», e-mail: edie.07@mail.ru
- Дикарева
Светлана Самуиловна** кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, e-mail: dikareva@crimea.com
- Евраева
Светлана Валериевна** кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общего и русского языкознания Днепропетровского национального университета им. Олесь Гончара, e-mail: E_lana@ua.fm
- Жуйкова
Маргарита Васильевна** доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики Волынского национального университета им. Леси Украинки e-mail: mzhujkova@gmail.com
- Зайцева
Светлана Валерьевна** преподаватель кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета им. Олесь Гончара
- Землякова
Елена Александровна** старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», e-mail: zhigalina@mail.ru
- Зябрева
Галина Александровна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Иванова
Наталья Павловна** кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, e-mail: N-P-Ivanova@yandex.ru

- Калугина
Татьяна Васильевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», e-mail: tvkalug@mail.ru
- Капустина
Светлана Владимировна** аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Карасик
Владимир Ильич** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета
- Карпенко
Анна Владимировна** кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков факультетов естественно-научного профиля Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Клімкіна
Ольга Ігорівна** кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та російської мов як іноземних Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. E-mail: chloja@svitonline.com
- Колтухова
Ирина Михайловна** кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Коновалова
Елена Анатольевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, e-mail: lkon55@rambler.ru
- Конопелькина
Елена Алексеевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Днепропетровского национального университета им. Олеса Гончара, e-mail: helenkonopelkina@live.ru
- Кравцова
Юлия Валентиновна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова. E-mail: kravtsovaju@rambler.ru

- Купченко
Елена Анатольевна** аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, e-mail: helena_kup4enko@mail.ru
- Ларченко
Виктория Валериевна** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», e-mail: vlarchenko@list.ru
- Лаушкина
Ирина Петровна** преподаватель кафедры русского языка Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды.
- Ли Гуаньхуа** аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Ма Яньфей** аспирант кафедры преподавания украинского и русского языков как иностранных Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. E-mail: myf1113@hotmail.com
- Маслова
Валентина Аврамовна** доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания учреждения образования Витебского государственного университета им. П. М. Машерова (Республика Беларусь). E-mail: mvavit@tut.by
- Мезенко
Анна Михайловна** доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и русского языкознания учреждения образования Витебского государственного университета им. П. М. Машерова (Республика Беларусь). E-mail: mezenkal@yandex.ru
- Мозовая
Ирина Николаевна** кандидат филологических наук, доцент Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара, e-mail: mazovairena@mail.ru
- Мунтян
Антонина Александровна** ст. преподаватель кафедры иностранных языков Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта им. академика В. Лазаряна. E-mail: gorusha@ukr.net

- Муратова
Елена Юрьевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания УО Витебского государственного университета им. П. М. Машерова (Республика Беларусь). E-mail: mouratova@tut.by
- Нечитайло
Ірина Миколаївна** кандидат філологічних наук, доцент кафедри фонетики і граматики слов'янських мов Київського національного лінгвістичного університету. E-mail: system-ua@i.ua
- Николаенко
Сергей Владимирович** кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания УО Витебского государственного университета им. П. М. Машерова (Республика Беларусь). E-mail: ns-lk@mail.ru
- Павлова
Лариса Васильевна** преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», e-mail: larchik-pavlovoy@rambler.ru
- Перепечкина
Светлана Евгеньевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, E-mail: remmirath@rambler.ru
- Петренко
Оксана Романовна** соискатель кафедры украинского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Донецкого института психологии и предпринимательства e-mail: petreikooksana@email.ru
- Петров
Александр Владимирович** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, e-mail: liza_nada@mail.ru
- Положенко
Анна Сергеевна** преподаватель Крымского института экономики и хозяйственного права (Севастопольский филиал), e-mail: pljnk@mail.ru
- Пономаренко
Елена Аликовна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Крымского государственного медицинского университета им. С. И. Георгиевского, e-mail: altai2005@yandex.ru

- Прудникова
Татьяна Ивановна** преподаватель кафедры украинской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет»
- Руденко
Жанетта Анатольевна** старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Севастопольского национального университета ядерной энергии и промышленности. E-mail: uchsec4@sinp.com.ua
- Сегал
Наталья Александровна** ассистент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, e-mail: natasha-segal@mail.ru
- Сінкевич
Наталія Михайлівна** викладач кафедри української мови Дніпропетровського національного університету ім. Олеся Гончара
- Солодовникова
Наталья Викторовна** кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, e-mail: solo-natalya@yandex.ru
- Стеванович
Раиса Ивановна** кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Черноморского государственного университета им. П. Могилы, e-mail: stevanovich@inbox.ru
- Суворова
Светлана Анатольевна** преподаватель кафедры иностранных языков Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара
- Темненко
Галина Михайловна** кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Титаренко
Елена Яковлевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: elenatit@mail.ru

- Трощинская-Степушина
Татьяна Евгеньевна** аспирант ВГУ им. П. М. Машерова, учитель «Государственной общеобразовательной средней школы №4 г. Витебска» (Республика Беларусь). E-mail: astrid_2000@tut.by
- Хобта
Олена Ігорівна** кандидат філологічних наук, доцент кафедри журналістики Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова
- Ходоренко
Анна Викторовна** кандидат филологических наук, доцент Днепропетровского национального университета им. О. Гончара
- Цымбалюк
Елизавета Викторовна** магистр филологии, учитель русского языка и литературы Севастопольской общеобразовательной школы I – III ступени №22 e-mail: viking42113@yandex.ru
- Шахова Елена
Михайловна** преподаватель кафедры русского языка Крымского государственного медицинского университета им. С. И. Георгиевского, e-mail: Shahova72@mail.ru
- Шевчук-Черногородова
Мария Алексеевна** преподаватель кафедры иностранных языков факультетов естественно-научного профиля Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Шепель
Юрий Александрович** доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода Днепродзержинского государственного технического университета, e-mail: 123zub@ua.fm
- Щербачук
Лидия Федоровна** кандидат филологических наук, доцент, докторант Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, e-mail: lidiya-ARK035@yandex.ru
- Ященко
Татьяна Антоновна** доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: rusforlan@yandex.ru

Содержание

Раздел 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЕГО ОПИСАНИЯ В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

<i>Богданович Г. Ю., Бурлай М. Н.</i> Компетентностно ориентированное обучение: информационно-коммуникативная составляющая	3
<i>Бубнова Д. В.</i> Интенциональный аспект в учебном англоязычном деловом общении	12
<i>Дикарева С. С.</i> Технологии иноязычного образования в эпоху электронных корпусов текстов	17
<i>Зайцева С. В.</i> Про деякі напрямки розвитку україномовного інтернету	24
<i>Карпенко А. В.</i> Лингводидактика и тестирование в обучении языку делового общения	28
<i>Климкина О. И.</i> Проблемно-поисковые задания как средство формирования лингвострановедческой компетенции студентов-филологов	34
<i>Колтухова И. М.</i> К проблеме анализа лирики на уроке литературы (на материале стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»)	41
<i>Ли Гуаньхуа.</i> Опыт лингвокультурологического и семантического описания русской фразеологической картины мира (на примере единиц с компонентом «еда»): аспекты.	46
<i>Ма Яньфей.</i> Конотативно марковані словосполучення як об'єкт лінгвокультурологічного дослідження (на матеріалі сучасних українських газетних текстів)	54
<i>Мезенко А. М.</i> Культурная память о нима и преподавание РКИ	59
<i>Николаенко С. В.</i> Региональный (социокультурный) аспект в преподавании русского языка	65
<i>Перепечкина С. Е., Акулова Е. В.</i> Сокращения в немецкой медицинской литературе, особенности их написания и произношения.	71
<i>Сінкевич Н. М.</i> Порівняльний аналіз тлумачення стилістично забарвленої лексики в електронному та паперовому словниках	80

<i>Солодовникова Н. В.</i> Проблемы обучения конспектированию иностраннных студентов	85
<i>Темненко Г. М.</i> Макромир лирического стихотворения	89

Раздел 2.

ЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕКСТОЛОГИЯ: АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

<i>Билан Н. И.</i> Оценочные предикаты как маркеры иерархической значимости актантов семантико-синтаксических структур высказываний русского и английского языков	98
<i>Власова Т. И.</i> Межкультурная научная коммуникация и некоторые проблемы перевода	104
<i>Вотинцева М. Л.</i> Некоторые возможности оптимизации толкования моносемантов	109
<i>Зябрева Г. А., Капустина С. В.</i> Художественный концепт «богатство» в творчестве Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского	114
<i>Иванова Н. П.</i> Вселенская и личностная правда в ментальном пространстве И. С. Тургенева	124
<i>Кравцова Ю. В.</i> Семантические лингвометафорологические исследования рубежа XX – XXI вв.	130
<i>Маслова В. А.</i> Русский язык как совокупность кодов: растительного, архитектурного, духовного и др.	137
<i>Мунтян А. А., Власова О. П.</i> Текст и нарратив как проблема постмодернистской теории	141
<i>Муратова Е. Ю.</i> Смыслообразующая роль фонетически созвучных лексем в поэтическом тексте	146
<i>Нечитайло І. М.</i> Праслов'янські девербативи в діалектологічному ракурсі.	152
<i>Положенко А. С.</i> Англицизм <i>ГЛАМУР, ГЛАМУРНЫЙ:</i> опыт освоения в русском языке	158
<i>Суворов С. А.</i> Лексическая детерминированность заголовков научных статей	166
<i>Титаренко Е. Я.</i> Фазовая парадигматика русских глаголов <i>imperfectiva tantum</i>	170
<i>Трощинская-Степушина Т. Е.</i> Языковые средства выражения комического в прозе Д. Рубиной	179
<i>Хобта О. І.</i> Одеська журналістика в період першої російської революції. . .	186

<i>Ходоренко А. В.</i> Лингвистический гештальт: проблема дефиниции, принципы конструирования	192
<i>Шевчук-Черногородова М. А.</i> Универсалии микросистем устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения: эквиваленты и аналоги.	199
<i>Яценко Т. А., Руденко Ж. А.</i> Артефакты как составляющая культурного концепта <i>СЕВАСТОПОЛЬ</i>	206

Раздел 3.
ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА:
ЕДИНИЦЫ, КАТЕГОРИИ, НАПРАВЛЕНИЯ

<i>Азарова В. А.</i> Прецедентное имя в языковом сознании крымчан (функциональный аспект)	214
<i>Валеева Л. В.</i> Семиотическая модель мифа в языке	220
<i>Горошко Е. И., Землякова Е. А.</i> Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы	225
<i>Джапарова Э. К.</i> Роберт Грейвс об особенностях английской поэзии в работе «On english poetry».	238
<i>Евраева С. В.</i> Семантические отношения между религиозными концептами в русской наивной картине мира (на материале русских пословиц)	244
<i>Калугина Т. В.</i> Реализация языкового смысла «образ, способ и качественная характеристика процесса» в произведениях К. Г. Паустовского.	249
<i>Карасик В. И.</i> Интерпретативные модусы общения	255
<i>Коновалова Е. А.</i> Проблема определения билингвизма	263
<i>Ларченко В. В.</i> Говорящий-online-субъект социальных сетей как попытка сопротивления лингвистическому-offline-порядку	272
<i>Лаушкина И. П.</i> Приёмы субъективации повествования в литературных портретах А. М. Горького.	279
<i>Петренко О. Р.</i> Найголовніші особливості мови українських колядок як сакральних текстів	284
<i>Пономаренко Е. А.</i> Жанр <i>отказа</i> в условиях речевого общения врача и пациента (на материале произведений писателей-врачей)	289
<i>Прудникова Т. І.</i> Душа, серце, розум: особливості концептуалізації в українській фразеології	295

<i>Сегал Н. А.</i> Пространственная семантика текста: способы реализации и модели восприятия	300
<i>Стеванович Р. И.</i> Роль зрительного восприятия в ментальной сфере и его отражение в языковой картине мира (на материале русского и английского языков)	306
<i>Щербачук Л. Ф.</i> Способы репрезентативності художнього концепту коханья в поетичному дискурсі	311

Раздел 4.
ОПИСАНИЕ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА
В СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ

<i>Баранова Л. А.</i> Особенности деабревиации исконных и заимствованных аббревиатур в современном русском языке	317
<i>Бородина Д. С.</i> Английский лингва франка — за и против	324
<i>Высоцкая Т. Н.</i> Способы создания однословных наименований технических артефактов горной промышленности в современном русском языке	332
<i>Грозян Н. Ф.</i> Фразеологічна мікросистема «суїцидальна поведінка людини»: психосемантичний аспект	337
<i>Жуйкова М. В.</i> Семантична еволюція предикатної лексики в контексті магічної практики	343
<i>Конпелькина Е. А.</i> Ономазиологический потенциал сложных наименований лиц по роду деятельности (на материале терминологии экономико-правовой сферы)	351
<i>Купченко Е. А.</i> Метафора «ВМЕСТИЛИЩЕ» в структуре концепта «РАЗУМ» (на материале агиографической литературы)	358
<i>Мозовая И. Н.</i> Особенности репрезентации иноязычной лексики в языке коммерческой рекламы	363
<i>Павлова Л. В.</i> Метафора на пространстве политического сайта.	369
<i>Петров А. В.</i> Функциональное соответствие иноязычных и исконных основ	376
<i>Цымбалюк Е. В.</i> Функционирование оморяда предлог-приставка в диахронном аспекте (на материале памятников XVII в.)	384
<i>Шахова Е. М.</i> Диахронический анализ терминологической микросистемы гастроэнтерологии в русском языке	391

<i>Шепель Ю. А.</i> Морфологическая асимметрия и явление изоморфизма при построении словообразовательных рядов (на материале имен прилагательных современного русского литературного языка) . . .	399
<i>Васильев В. В., Васильева О. А.</i> Язык до Симферополя доведет. К 90-летию со дня рождения доктора филологии Йоханнеса Баара	410
Сведения об авторах	416